

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

62

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2018 Issue 62

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexico

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Constance BLACKWELL
International Society
for Intellectual History

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewicza
w Poznaniu

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Nina A. KHACHATURIAN
Lomonosov Moscow State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2018 Выпуск 62

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный университет
Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

Констанс БЛЭКВЭЛ
Международное общество
интеллектуальной истории

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
Высшая школа экономики
Национальный исследовательский
университет

Дюла СВАК
Будапештский университет
имени Лоранда Этвеша

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ББК 63.3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВЕДЕШКИН М. А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
МАЛОВИЧКО С. И., доктор исторических наук, профессор
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент
(заместитель главного редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 62

М.: ИВИ, 2018. — 400 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

ISSN 2073-7564

Эл. № ФС 77-53624

DIALOGUE WITH TIME 62

Moscow: IWN, 2018. — 400 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

Подписной индекс
в общероссийском каталоге «Роспечать»
36030

- © Общество интеллектуальной истории, 2018
- © Институт всеобщей истории, 2018
- © Журнал «Диалог со временем», 2018

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

К. В. ХВОСТОВА

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАНИИ*

Статья характеризует трансдисциплинарность в истории как проблему, относящуюся к связи логического и интуитивного знаний. Автор обращается к своей собственной научной практике и иллюстрирует специфические черты исторической трансдисциплинарности примерами из византийской истории. Понятие «цивилизация» характеризуется как трансдисциплинарное. В статье показана роль трансдисциплинарности в расширении границ исторического знания.

Ключевые слова: *трансдисциплинарность, целостный образ, ризома, интуиция, византийское право прецедентов, цивилизация*

Существует представление, согласно которому каждое поколение переписывает историю заново. Оставляя в стороне социальные и идеологические основания нового видения прошлого, остановимся на некоторых проблемах эпистемологического и методологического характера, позволяющих акцентировать в историческом прошлом ранее не находившиеся в центре внимания события, тенденции и их связи. В отличие от философов, занимающихся эпистемологией и методологией истории, историк при рассмотрении этих проблем в состоянии проиллюстрировать их решение на материале исторических источников.

Автор данной статьи не раз обращался к таким проблемам трансдисциплинарности как проблема значимости и границ выводов современной синергетики для изучения истории, а также проблема применения в истории математического моделирования¹. В настоящей статье речь пойдет о возможности и целесообразности применения в историческом описании скрытых форм трансдисциплинарности.

Современные тенденции в исторической науке отражают стремление к созданию целостного образа при изучении объекта, обладающего неявными, трудно реконструируемыми связями за счет обращения к исследовательским практикам других наук². С помощью интуиции оценивается сложная ризома взаимосвязей изучаемого объекта. При этом создается образ виртуальной реальности³. Подобное представление об изучаемом явлении возникает в результате синтеза идей и методик многих наук при абстрагировании от точности и специфики,

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 16-03-00281.

¹ Хвостова 2009. С. 91-129.

² Киященко 2015. С. 79-84.

³ Розин 2016. С. 109.

присущих соответствующим приемам при их традиционном использовании⁴. В центре исследовательской процедуры оказываются, таким образом, авторская инициатива и специфика авторского понимания.

Обычно в практике современного трансдисциплинарного исследования осуществляется нетипичное для академического подхода соединение приемов естественных и общественно-гуманитарных наук. Мы попытаемся применить идеи трансдисциплинарности при изучении исторического прошлого. Проиллюстрируем подобный подход на примере византийской социально-правовой истории, которая являлась предметом собственных исследований автора в течение многих лет.

Роль избранного подхода при изучении исторического прошлого определяется стремлением исследователя к получению знания по конкретной исторической проблеме, превосходящего по своей полноте и содержанию то, которое может быть получено при традиционном историческом подходе, основанном на логическом анализе источников. Кроме того, в данной исследовательской ситуации, такой подход позволяет не только получить расширенное знание об изучаемом предмете, но и сконструировать некоторое представление о латентных отдаленных генетических связях явлений.

Попытка применить трансдисциплинарный подход в историописании (хотя это понятие не использовалось), была предпринята автором при изучении аграрно-правовых отношений Византии XIII–XIV вв.⁵ Анализировались многочисленные императорские грамоты, содержащие сведения о пожаловании крупным монастырям на Афоне земельных владений и иммунитетных привилегий, а также многократные подтверждения ранее сделанных пожалований. Трансдисциплинарный подход при изучении правоотношений, возникших в результате названных пожалований и подтверждений, выражается в их оценке как права прецедентов в понимании современной юриспруденции. Проанализируем возможность и правомерность подобных оценок.

Анализ жалованных грамот монастырям – крупным собственникам, обнаруживает следующие характерные черты, позволяющие методом юридической аналогии составить усложненный образ земельных и иммунитетных отношений Византии данного периода. Пожалование и постоянное подтверждение собственнических и иммунитетных прав создавало в Византии (как и на средневековом Западе) особый тип правоотношений, восходящий к таковым, регулируемым римским *jus singulare*. Эти правоотношения, нашедшие отражение в Дигестах и Васах, мыслились первоначально как система отдельных правовых

⁴ Аршинов, Буданов 2017. С. 50-51.

⁵ Хвостова 2009. С. 124-140.

казусов, которые не должны распространяться во времени и пространстве⁶. Иными словами, первоначально *jus singulare* в Византии – это создание индивидуальных, персональных привилегий, не рассматриваемое как источник системы длительных правоотношений.

Однако в дальнейшей практике, как свидетельствуют источники от эпохи поздней Византии, происходит систематическое превращение юридических казусов пожалования земли и привилегий монастырям в систему стабильных правоотношений. Они возникали, так как получатели подобных привилегий через определенный промежуток времени вновь обращались к императору с просьбой подтвердить данные привилегии и получали удостоверяющие эти права документы. Эти подтверждения, сопровождаемые нередко расширением предоставляемых привилегий, означали эскалацию соответствующих льгот во времени и пространстве, и тем самым превращение льгот в систему правоотношений, которые, однако, продолжали классифицироваться как личные, субъективные пожалования данному юридическому лицу. Полагаем, что такие свидетельства позволяют в рамках современных представлений о трансдисциплинарности охарактеризовать данные складывающиеся правоотношения как вариант права прецедентов. Таким образом, осуществляется перенос, распространение понятий современной юридической науки на изучение византийского права. О правомерности такой процедуры свидетельствуют результаты анализа византийских источников. В них содержатся сведения о том, что основанием для подтверждения ранее пожалованных определенному юридическому лицу прав является сам факт их первоначального предоставления, т.е. конкретный правовой казус-прецедент. В актах, отражающих монастырское землевладение, прямо говорится, что основанием для подтверждения монастырю податного иммунитета является тот факт, что на соответствующие земли и ранее распространялись эти льготы⁷.

Персональный характер правоотношений, возникающих в результате пожалования привилегированному собственнику владений и иммунитетных прав, подтверждается тем, что юридически соответствующие пожалования рассматривались как милость, льготы, которые могли быть отобраны или подтверждены, а также могли быть заменены другими льготами. Иными словами, они могли быть нарушены, и в этом отношении отличались от правоотношений, возникавших в результате подведения под закон, т.е. вытекавших из права наследства или приобретения вещи и прав на нее в результате покупки. Нарушение пожалованных крупным собственникам иммунитетных привилегий оказалось

⁶ Хвостова 2009. С. 125; *Digesta* 1, 2, 14; 50, 17, 62; *Basilicorum libri LX*, II, 1, 24.

⁷ *Actes de Lavra* 1979. № 122. P. 18; *Actes de Dionysiou* 1968. № 18. P.109.

возможным, несмотря на содержащиеся в грамотах заверения относительно их вечного и нерушимого характера⁸. Нарушение дарованных привилегий, составлявших содержание права прецедентов, объяснялось изменением обстановки в стране в связи с усилением в поздней Византии османской угрозы и в соответствии с присущими византийцам идеей общего блага, а также идеей неограниченной власти императора⁹.

Сказанное означает, что содержащиеся грамотах заверения о вечном и нерушимом характере осуществляемых императором в пользу частных лиц земельных пожалований и предоставлении податного иммунитета, являлись в ряде ситуаций риторическим приемом. Действенных правовых гарантий в таких правоотношениях не существовало. Персональные заверения, возникавшие из практики взаимоотношений государства с привилегированными юридическими лицами, свидетельствовали о развитии варианта права прецедентов. В конечном счете действительность такого права зависела от соотношения сил правовых агентов и социально-политической обстановки в стране. Существенно то, что в некоторых документах вопреки общей декларации о том, что таким юридическим привилегированным лицам, как крупные монастыри, полагается и обещана неприкосновенность дарованных привилегий, делается специальная оговорка, что подобная милость носит временный, зависящий от ситуации в стране, характер¹⁰. Примечательно также, что в некоторых грамотах при рассмотрении мотивов, которыми руководствуются собственники владений при их обращении в императорскую канцелярию с просьбой о подтверждении пожалованных им ранее владений и прав, указывается их желание получить в этом отношении дополнительные прочные гарантии¹¹.

Перечисленные аргументы позволяют констатировать, что изучение сложной взаимосвязи социальной политики византийских императоров в отношении крупных привилегированных собственников с учетом как интересов последних, так и меняющейся ситуации, не может быть ограничено только анализом источников. Их противоречивые сведения требуют теоретического внеисточникового обобщения. Понятие права прецедентов, отсутствующее в источниках, позволяет расширить рамки исследования путем использования трансдисциплинарных стратегий. Они позволяют при изучении конкретного вида правоотношений в Византии с ее глубокими римскими правовыми традициями обнаружить скрытые формы *jus singulare* и обозначить их с помощью отсутствующего в источниках выражения – право прецедентов.

⁸ Хвостова 2009. С. 132

⁹ Actes de Lavra 1979. № 155. P. 134

¹⁰ Actes de Lavra 1979. № 157. P. 142.17

¹¹ Actes de Lavra 1979. № 129. P. 10.11

Трансдисциплинарный подход в данном случае сочетает историческую ретроспективу с перспективой, т.е. обеспечивает комплексный образ изучаемого явления. Иными словами, на основе внеисточниковых интуитивных представлений воссоздается преемственность не только с историческим прошлым, но и с более поздними эпохами. Такая методика способствует образованию единого образа одного из видов европейской цивилизации, впитавшей античные традиции.

Приведенные рассуждения показывают усложненную структуру социогуманитарного знания. В рамках расширенной эпистемологии содержится признание значимости размытых границ между отдельными дисциплинами. При этом, если в центре внимания оказывается взаимосвязь между историей и современной правовой наукой, то одновременно можно заметить и связь исторического подхода с филологическим, философским и социологическим. Личностная позиция автора, нацеленная на расширение возможностей познания, определяет характер исследования. Иными словами, возникает внеисточниковое знание, основанное на выбранной автором, на основе интуиции, коммуникативной стратегии, объединяющей возможности разных дисциплин.

Трансдисциплинарный подход, на наш взгляд, имплицитно присутствует и при широком использовании в истории понятия «цивилизация», не имеющего четкого общезначимого содержания. Оно употребляется в целях создания единого образа разновременных и многообразных отношений прошлого, имеющих трудноуловимые общие связи, позволяющие предполагать некую общность и черты функционального единства. Имеется много определений этого понятия, отражающих разные авторские позиции и предпочтения. полагаем, что понятие «цивилизация» целесообразно трактовать как совокупность функциональных и корреляционных связей между социально-экономическими, политико-правовыми и культурными факторами, образующими тенденции, традиции, институты, отношения в значительном пространственно-временном диапазоне. Данное определение является трансдисциплинарным, оно предполагает учет методик и выводов экономической науки, социологии, юридической науки, культурологии, математического моделирования. На основе этих сведений возникает обобщающий образ некоторого пространственно-временного диапазона.

При конкретном изучении отдельных цивилизаций основные выводы, как известно, формулируются на материале источников. Возвращаясь к примеру византийской цивилизации, отметим тот факт, что многие источники свидетельствуют о том, что византийцы, следуя античным традициям, называли себя ромеями, т.е. римлянами, а империю – ромейской. В конкретных исторических работах эти сведения детализируются на основе изучения источников.

В то же время существуют проблемы, при решении которых, информация источников оказывается недостаточной для получения убедительных выводов. Например, сложная ризома факторов, образующих цивилизацию, не дает возможности воссоздания на основе источников хронологических рамок существования византийской цивилизации. Соответственно, например, отсутствует четкое, опирающееся на сведения источников представление о том, в какой мере пределы византийской цивилизации совпадали с хронологическими рамками существования империи как политического и государственного организма. При решении этой проблемы важна трансдисциплинарная авторская позиция, акцентирующая роль тех или иных составляющих цивилизацию факторов и основанная во многом на внеисточниковом знании.

Определение цивилизации, учитывающее роль многих факторов, предполагает решение вопроса о приоритете отдельных тенденций в общей их взаимосвязи в различных пространственно-временных диапазонах. Можно усомниться в том, что на всем протяжении изучаемой цивилизации в ее развитии приоритетны были одни и те же факторы. Определение этой меняющейся приоритетности происходит не только на основе анализа источников. Оно связано также с внеисточниковыми авторскими установками, проистекающими из разного ценностного и шире – трансдисциплинарного понимания роли соответствующих факторов в истории. Например, существуют эпохи, когда культурные факторы в отдельных регионах приобретают мировое значение и могут оцениваться как особо значимые при рассмотрении соответствующей цивилизации. Так в поздневизантийский период большое значение имело мистическое учение Григория Паламы, вошедшее в историю мировой культуры под названием «паламизм». Это учение представляло собой сложный синтез религиозных, философских, психологических проблем. Соответственно, его сравнительная характеристика предполагает использование трансдисциплинарных стратегий, в значительной мере основанных на внеисточниковом знании, привлекающих выводы названных гуманитарных наук. Эпистемологическим оправданием применимости понятия трансдисциплинарности является известный факт сложной структуры нарративных исторических источников, повествующих о разных проявлениях прошлого: об экономике, политике, праве, культуре. Эти явления по-разному отображаются и оцениваются. Соответственно, методология современного источниковедения и историописания включает разные стратегии, позволяющие изучать различные тексты прошлого. При этом возможно разное акцентирование отдельными учеными тех или иных проявлений прошлого и различные представления о доминирующих факторах и тенденциях в изучаемой действительности, т.е. возникают различные образы прошлого.

В связи с вышесказанным представляется целесообразным еще раз подчеркнуть роль трансдисциплинарного подхода в науке вообще. Он рассматривается как средство расширения границ знания путем использования выводов и стратегий других наук, признает научную значимость авторской инициативы в выборе методологических средств и авторской содержательной оценки результатов исследования.

Для обоснования понятия цивилизации как общего имплицитного понимания, суммирующего практики других наук, существенно возникающая в ряде исследовательских ситуаций возможность применения математических методов для измерения эффективности некоторых социально-экономических тенденций. С точки зрения конкретной методологии истории речь идет о междисциплинарном подходе. Но с позиции современной эпистемологии использование для решения исторических проблем методов современной математики, позволяет подобное исследование рассматривать как трансдисциплинарное¹².

Автором данной статьи было осуществлено с помощью дифференциальных уравнений математическое моделирование процесса имущественного расслоения византийских крестьян XIII–XIV вв. Такая процедура является не только междисциплинарной, но и трансдисциплинарной, в ней сочетается источниковое и интуитивное внеисточниковое знание. Была выработана особая стратегия изучения расслоения крестьян в названном пространственно-временном диапазоне. Иными словами, было получено новое представление об изучаемом объекте¹³.

Моделирование расслоения византийских крестьян демонстрирует отличие трансдисциплинарности в истории от междисциплинарности. Второй подход характеризуется получением новых данных при традиционном понимании объекта изучения, тогда как первый создает новое понимание объекта с учетом внеисточниковых интуитивных рассуждений. Идеи трансдисциплинарности являются одной из значимых форм эпистемологического оправдания практики применения математических методов при анализе количественной информации источников. При качественном содержательном изучении тенденций трансдисциплинарный подход проявляется в правомерности акцентирования исследователями тех или иных тенденций как приоритетных. При этом играет роль не только источниковое, но и внеисточниковое знание.

Характерно, что в обобщающих исторических трудах, основанных исключительно на анализе источников, цивилизации как некоторые совокупности многих определенным образом связанных тенденций, как правило, не рассматриваются. Социальные институты и тенденции описываются и анализируются по отдельности. Так, в трехтомной ис-

¹² Розин 2017. С. 108.

¹³ Хвостова 2009. С. 111–119.

тории Византии говорится, в частности, что в первые века своего существования Византия характеризовалась распространением греческого языка, ролью эллинистических традиций, постепенным усилением влияния христианства. Экономическое развитие отличалось рабовладением и свободным трудом крестьян. Ранневизантийские города сохраняли черты античного полиса. Они, в отличие от Запада, не являлись центрами ремесла и торговли, но представляли собой сосредоточения административного управления. Для политического устройства было характерно сохранение античных партий цирка и роль ипподрома¹⁴.

Очевидно, что социально-экономические, политические и культурные факторы были связаны определенными узлами. Однако отсутствуют возможности определения тесноты этих связей. Невозможность получения однозначных характеристик факторов, составляющих цивилизацию, наглядно отражает особую роль их авторской интуитивной оценки и говорит об особой значимости трансдисциплинарных стратегий, придающих этим оценкам большое значение. Только благодаря их использованию возникает общее представление о цивилизации.

Подводя итоги приведенных рассуждений, отметим, что понятие «цивилизация» содержит многие концепты с широким спектром значений, изучаемых с учетом стратегий разных наук. Акцентирование тех или иных значений связано с исследовательскими приоритетами ученых. Такой концепт, являясь, как и всякое общее понятие, приблизительным теоретико-интуитивным представлением о многофакторной реальности, становится инструментом исследования в результате его опредмечивания. Оно состоит в сопоставлении общих черт цивилизации с конкретными сведениями источников. Подобные процедуры в историописании отличаются от аналогичных в естественных науках. Например, в рамках современной синергетики развитие сложных динамических систем во времени характеризуется как динамический хаос, вызываемый малыми случайными флуктуациями, единичными событиями. В определенном пространственно-временном диапазоне в результате действия названных флуктуаций возникают новые тенденции. Их изучение, т.е. опредмечивание в определенном диапазоне, осуществляется с помощью вероятностно-статических методов¹⁵.

В исторической науке опредмечивание общего понятия «цивилизация», т.е. сопоставление его содержания с конкретными сведениями источников, происходит обычно на содержательном, качественном уровне средствами естественного языка. Соответственно, характеристика источников включает субъективные оценки авторов, связанные, в частности, с их трансдисциплинарной позицией.

¹⁴ История Византии. Т. I. С. 126, 129; т. II С. 14-18.

¹⁵ Пригожин 1989. С. 14, 11.

Трансдисциплинарность присуща не только общим теоретико-интуитивным понятиям типа «цивилизация», «право», но и научным представлениям, возникающими при изучении ментальности в прошлом. Например, для византийской ментальности характерно в соответствии с античными традициями понимание исторического времени как движения событий по кругу. События, если не по своей форме, то по сущности, повторяются во времени. Причина подобного круговорота состоит в том, что события общественной жизни и их повторы во времени, согласно представлениям византийцев, являются результатом реализации свойственных человеку дарованных свыше добродетелей. Набор добродетелей конечен. Поэтому события повторяются во времени, и весь исторический процесс имеет циклический характер¹⁶.

В связи с данным выводом, целесообразно возвратиться к проблеме, анализируемой в начале статьи, а именно к оценке существовавшей в Византии практики постоянного подтверждения со стороны императора сделанных ранее пожалований юридическим лицам земли и привилегий. Подобная практика в настоящей статье оценивается в соответствии с идеей трансдисциплинарности как право прецедентов. Можно добавить, что эта практика была обусловлена присущей византийскому сознанию идеей круговорота событий во времени. Подтверждение привилегий – это разновидность такого круговорота. Повторы событий, их круговорот, кроме того, делают, по мнению византийцев, возможным относительное предвидение будущего на основе знания прошлого. Подобное предвидение византийские писатели уподобляли результату бросания игральной кости¹⁷, т.е. полагали, что человек сможет реализовать дарованную ему свыше добродетель, характеризующую способность ориентации в обществе, или не реализовать ее.

В современной теории вероятностей равная вероятность возможных результатов развития тенденции обозначается как равномерное распределение вероятностей. Однако византийцы понимали, что процесс принятия решения является сложным и не укладывается в представление о равновероятности всех возможных исходов поведения человека. Соответственно, они усложняют образ результата бросания игральной кости, производят «взвешивание» этого результата путем учета благоприятного момента – кайроса, для совершения рассматриваемого действия. Это время определяется византийскими историками субъективно на основе общей оценки соответствующей ситуации.

Восходящие к античности проблемы круговорота событий, цикличности временного процесса, кайроса, должны рассматриваться как трансдисциплинарные. Они могут быть поняты на основе изучения

¹⁶ Хвостова 2009. С.85.

¹⁷ Там же. С. 86.

достижений и процедур современных культурологии, истории, философии, религиоведения, математического моделирования прошлого, т.е. с учетом внеисточникового знания.

Вряд ли можно считать, что в социогуманитарном знании трансдисциплинарный подход появился в последнее десятилетие. Думается, он всегда был имплицитно присущ данному виду исследований. Однако, благодаря распространению практики применения в истории и других гуманитарных науках математических методов, трансдисциплинарность становится явной. Но в отличие от естественных наук, которые, благодаря трансдисциплинарности, приобретают широту охвата материала и понимание проблем, но утрачивают конкретное дисциплинарное единообразие, в истории применение математических методов придает знанию известную точность и единообразие.

В заключение отметим, что роль трансдисциплинарности в историческом знании косвенно связана с тем значением, которое в нем имеет индукция. В рамках современной науки индукция не рассматривается как достоверный метод изучения длительных тенденций, поскольку последние в будущем, в некоторый момент времени под влиянием каких-либо факторов могут измениться. Однако в исторической науке индукция играет доминирующую роль. Историк изучает тенденции не будущего, а прошлого – в фиксированном пространственно-временном диапазоне. Историк, на основе общих интуитивных представлений, в т.ч. исходя из выводов о цивилизационных, трансдисциплинарных проявлениях в данном диапазоне, оценивает прошлое на стадии исследования, предшествующей анализу источников, т.е. при общей постановке проблемы. Соответственно, у него имеется возможность оценить степень однородности имеющихся сведений. Если они однородны, то индуктивный метод применяется для анализа всего фиксированного пространственно-временного диапазона. В случае неоднородности всей совокупности данных, вычлняются однородные группы сведений, которые изучаются с помощью индукции, а результаты сопоставляются. Связь подобной процедуры с трансдисциплинарным подходом состоит в том, что историк часто привлекает к анализу внеисточниковое знание, используя общие знания, помогающие оценить изучаемую экономическую, социологическую или культурологическую ситуацию.

Итак, трансдисциплинарность в истории означает интеграционный подход, связанный с использованием аналогий, внеисточникового знания, построенем новых концептов и ведущий к расширению целостности понимания предмета, что, однако, не означает игнорирования роли фактов и событий. Напротив, именно скрупулезный фактологический и событийный анализы обеспечивают возможность расширения пределов знания и создание трансдисциплинарной парадигмы.

Такова общая, суммарная характеристика некоторых проявлений стратегии трансдисциплинарности, рассмотренная на примерах истории отдаленного прошлого.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аршинов В.И., Буданов В.Г. Системы и сети в контексте парадигмы сложности // Вопросы философии. 2017. № 1. С. 50-61.
История Византии. Т. I–III. М., 1967.
Киященко Л.П. Беспокойство становления целостностью. Вариации на тему трансдисциплинарности // Вопросы философии. 2015. № 11. С. 76-86.
Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8.
Розин В.М. Обсуждение феномена трансдисциплинарности – событие научной революции // Вопросы философии. 2016. № 5. С. 106-116.
Хвостова К.В. Византийская цивилизация как историческая парадигма. М., 2009. 207 с.
Actes de Dionysiu. Ed. Oikonomidés. Paris, 1968.
Actes de Lavra. Ed. Guillou A., Lemerle P., Papachryssantou D., Svoronos N. Paris, 1979.
Basilicorum libri LX. Ed. Scheltema, Wan der Wal. Groningen, 1953
Corpus iuris Cirilis. Vol. I. Digesta. Ed. Mommsen Th., Krüger Berolini 1954.

REFERENCES

- Actes de Dionysiu. Ed. Oikonomidés. Paris, 1968.
Actes de Lavra. Ed. Guillou A., Lemerle P., Papachryssantou D., Svoronos N. Paris, 1979.
Basilicorum libre LX. Ed. Scheltema, Wan der Wal. Groningen, 1953
Corpus iuris Cirilis. Vol. I. Digesta. Ed. Mommsen Th., Krüger Berolini 1954.
Arshinov V.I., Budanov V.G. Sistemy i seti v kontekste paradigmy slozhnosti // Voprosy filosofii. 2017. N 1. S. 50-61.
Istoriya Vizantii. T. I–III. M., 1967.
Khvostova K.V. Vizantijskaya zivilizatsiya kak istoricheskaya paradigma. M., 2009. 207 s.
Kiyashchenko L.P. Bepokojstvo stanovleniya tselostnost'ju. Variatsii na temu transdistsiplinarnosti // Voprosy filosofii. 2015. N 11. S. 76-86.
Prigozhin I. Pereotkrytie vremeni //Voprosy filosofii. 1989. N 8.
Rosin V.M. Obsuzhdenie fenomena transdistsiplinarnosti – sobytie nauchnoj revolutsii // Voprosy filosofii. 2016. N 5. S. 106-116.

Хвостова Ксения Владимировна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; hvks@mail.ru

Transdisciplinarity in historical knowledge

The article considers transdisciplinarity in history as a problem related to the connection between logical and intuitive knowledge. The author turns to his personal scientific practice and illustrates the specific features of historical transdisciplinarity by examples of Byzantine history. The author characterizes the concept of civilization as transdisciplinary notion. The article demonstrates the role of transdisciplinarity in enlargement the limits of the historical knowledge.

Keywords: transdisciplinarity, whole image, rhizome, intuition, law of precedents in Byzantium, civilization

Kseniya Khvostova, Dr.Sc. (History), Chief Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; hvks@mail.ru

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

**ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ
РУССКОЙ ВЕРСИИ НЕОКАНТИАНСТВА
А. И. ВВЕДЕНСКИЙ И В. ДИЛЬТЕЙ**

Сопоставлено эпистемологическое основание концепции методологии истории А.С. Лаппо-Данилевского с «психофизиологическим законом отсутствия признаков одушевления» основоположника русской версии неокантианства А.И. Введенского и принципами «описательной психологии» В. Дильтея. Показано системообразующее значение принципа признания чужой одушевленности в теории познания Лаппо-Данилевского. Выявлена общность в понимании Введенским, Дильтеем и Лаппо-Данилевским *объекта* исторического познания – объективированного продукта психической жизни/исторического источника, *цели* гуманитарного познания – понимания Другого, а также *метода* – аналогии с собственной душевной жизнью.

Ключевые слова: *русская версия неокантианства, психофизиологический закон А.И. Введенского, принцип признания чужой одушевленности, описательная психология В. Дильтея, А.С. Лаппо-Данилевский, методология источниковедения*

В 1995 г. в статье энциклопедического словаря «Русская философия» историк философии А.И. Абрамов констатировал: «...не сложилось духовного образования, к(ото)рое можно было бы назвать феноменом рус(ского) кантианства, сравнимого с рус(ским) шеллингианством 10-20-х гг. XIX в. и рус(ским) гегельянством 30-40 гг. XIX в. Сложилось мнение о почти полном неприятии К(анта) в Р(оссии). О том, что философия в России испытывает якобы идиосинкразию к строю кантианских идей...»¹ Показательно, что Абрамов назвал статью «Кант в России» (при отсутствии в Словаре статьи «неокантианство»), он фактически отказывает в существовании русскому неокантианству, парадоксальным образом утверждая: «К неокантианству обычно относят таких рус(ских) мыслителей, как А.И. Введенский, И.И. Лапшин <...>. Они скорее кантианцы, т.е. последователи и продолжатели филос(офского) учения К(анта), чем последователи каких-то школ неокантианства» [sic!]². Этой же логике следует автор статьи об основоположнике русского неокантианства А.И. Введенском в том же Словаре В.В. Сербиненко: «Хотя ни одна из школ западноевроп(ейского) неокантианства и не оказала на В(веденского) непосредственного и серьезного влияния, его понимание методол(огических) задач “критической” философии в целом соответствовало общему направлению развития кантианства...»³.

¹ Абрамов 1995. С. 235.

² Там же. С. 241.

³ Сербиненко 1995. С. 85.

Правда, с тех пор интерес к русскому неокантианству и, преимущественно, к критической философии его признанного основоположника Александра Ивановича Введенского (1856–1925) существенно вырос, о чем свидетельствуют проведение конференции к 150-летию со дня рождения философа⁴, публикация ряда работ монографического характера⁵, а также основательного сборника статей, посвященного наиболее видным представителям русского неокантианства – А.И. Введенскому и И.И. Лапшину⁶, переиздание их работ и трудов некоторых других неокантианцев⁷. Но и спустя почти двадцать лет после публикации статьи Абрамова исследователь истории русской философии А.В. Малинов приходит к выводу: «...собственный путь в философии Введенский видел не в следовании И. Канту, а в развитии его идей. В том, насколько успешным было это развитие, историографы расходятся в своих оценках. Скорее, Введенского можно все-таки считать эпигоном И. Канта, а не философом, сделавшим в философии следующий шаг...»⁸.

Не возьмусь оспаривать вывод столь авторитетного историка философии (оставлю за скобками, точнее – в скобках, мое непонимание логики этого высказывания: Введенский – эпигон Канта или все-таки развивал его идеи?): возможно, Введенский и не внес существенного вклада в развитие философских идей, но значение его построений для создания оригинальной версии методологии истории, – с точки зрения историка / историка-источниковеда, а не философа, – неоспоримо. И если я не считаю себя достаточно компетентной, чтобы вмешиваться в философский спор об «эпигонстве» Введенского (да это и выходит за рамки настоящего исследования), то согласиться с оценкой его концепции как тупиковой⁹ не могу никак.

Справедливости ради, надо отметить, что были и другие оценки философского творчества А.И. Введенского. Представитель младшего поколения неокантианцев Б.В. Яковенко (1884–1948) в «Истории русской философии» (опубликована в 1939 г. в Праге на чешском языке и, вероятно, по этой причине мало известна российскому научному сообществу вплоть до перевода на русский язык в 2003 г.) отмечал: «Самым близким к Канту и в этом смысле самым ортодоксальным критиком в России был Александр И. Введенский <...> Несмотря на то, что он принадлежал к поколению философов, провозгласивших лозунг “Назад к Канту”, известное как неокантианство, его философское ми-

⁴ Александр Иванович Введенский и его философская эпоха... 2006.

⁵ Круглов 2009; Неокантианство немецкое и русское... 2010; Дмитриева 2007.

⁶ Неокантианство в России... 2013.

⁷ Кант: pro et contra... 2005; Введенский 1996; Лапшин 1999.

⁸ Малинов 2013. С. 141-142.

⁹ Там же. С. 136-137.

ровозрение нельзя считать простым эпигонством: во-первых, оно было очень самостоятельно продумано, и, во-вторых, его отдельные составные части отличались подлинной оригинальностью»¹⁰.

Предположу, что вывод о «тупиковости» русского неокантианства, все-таки возобладавший в последние годы, как и скептическое отношение к неокантианству Введенского, обусловлены тем, что философы «отсекают» от рассмотрения труды историков-неокантианцев, а именно в методологии истории, на мой взгляд, была реализована наиболее продуктивная ветвь русской версии неокантианства.

Примечательно, что историки философии, анализировавшие в последние годы философию А.И. Введенского, почти не обращали внимания на те аспекты, которые получили развитие в методологии истории А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919) и затем, на этой основе, в источниковедении XX – начала XXI в., а именно, на «психофизио-логический закон отсутствия объективных признаков одушевления»¹¹ и вытекающий из него принцип признания чужой одушевленности. Исключение составляет статья А.В. Малинова, в которой дан глубокий анализ «психофизиологического закона». Примечательно, что Малинов находит новизну концепции Введенского в развитии этики Канта, а значит – в формулировке «четвертого постулата практического разума» (хотя и не использует это понятие, предложенное Н.О. Лосским¹²). Малинов приводит слова Введенского: «Сам Кант по указанному им методу не нашел еще ни одного метафизического положения, неоспоримость которого была бы вне сомнений и которое служило бы наглядным примером, сколь достоверны могут быть положения критической метафизики. Теперь же найдена такая истина: это – одушевление других людей»¹³. Полемика вокруг «психофизического закона отсутствия объективных признаков одушевления» бегло затронута Э.В. Тихоновой¹⁴.

Различие позиций философа/историка философии и историка проявляется еще и в том, что философы (и психологи) в аргументации Введенского акцентируют внимание на наблюдении внешних (телесных/физиологических) проявлений Другого и самонаблюдении собственных психических состояний, но не придают значения «объективным обнаружениям чужой душевной жизни», т.е. той составляющей концепции Введенского, которая и будет востребована в методологии источниковедения Лаппо-Данилевского.

¹⁰ Яковенко 2003. С. 284.

¹¹ В современной историко-философской литературе принято называть этот закон «психофизическим», но следую в его наименовании за А.И. Введенским.

¹² Лосский 1991. С. 190-191.

¹³ Введенский 1892. С. 110-111; Малинов 2013 С. 141.

¹⁴ Тихонова 2010.

Анализируя – в разных контекстах, но преимущественно в связи с методологией истории Лаппо-Данилевского, русскую версию неокантианства, я неоднократно отмечала принципиальное ее отличие от Баденской школы неокантианства, с которой устойчиво связывают разработку теоретических проблем исторической науки на рубеже XIX–XX вв.¹⁵ На мой взгляд, некоторые аспекты сближают русскую версию неокантианства с концепцией другого знаменитого немецкого философа, размышлявшего, как и баденские неокантианцы, о специфике наук «о духе», – Вильгельма Дильтея (1833–1911). Крайне примечательно, что в связи с Введенским историки философии не упоминают Дильтея, тогда как сопоставление «психофизиологического закона» Введенского и описательной психологии Дильтея открывает перспективный взгляд на философские основания методологии истории.

Цель настоящей статьи – соотнести построения методологии истории Лаппо-Данилевского с концепцией Введенского и с сопоставимой с ней «описательной психологией» Дильтея. Лаппо-Данилевский интересен в этом историко-философском контексте тем, что переводит философские конструкции Введенского и Дильтея в плоскость исторического метода. Такое сопоставление позволит нам, с одной стороны, выявить философские основания методологии истории русской версии неокантианства (что и заявлено в теме статьи), но с другой стороны, продемонстрировать направление продуктивного развития русской версии неокантианства, оспорив его «тупиковость». За пределами рассмотрения остался целый ряд философов и, что более важно, психологов, к которым апеллировал Лаппо-Данилевский¹⁶. Дильтея выбран из общего ряда в силу специфики его определения источников и методов «описательной психологии», о чем и пойдет далее речь.

Выделим позиции, по которым, на мой взгляд, целесообразно сопоставить концепции А.И. Введенского, В. Дильтея и А.С. Лаппо-Данилевского: (1) представления об объекте исторического знания (знания в науках о человеке), (2) понимание основной задачи исторической науки и описание способа ее решения. Перед началом сопоставительного анализа концепций обозначим хронологию публикаций тех произведений, на основе которых будет вестись анализ. В 1892 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» (в майском, июньском и июльском номерах) и отдельным изданием был опубликован трактат Введенского «О пределах и признаках одушевления: новый психофизиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики»¹⁷. В 1894 г. была

¹⁵ См., напр.: Румянцева 2012.

¹⁶ Об интеллектуальных источниках концепции А.С. Лаппо-Данилевского см.: Вальц 2016.

¹⁷ Введенский 1892.

опубликована «Описательная психология» Дильтея, русский перевод, под редакцией Г.Г. Шпета, вышел в 1924 г.¹⁸ Конечно, у Дильтея есть и более фундаментальные труды, например, «Введение в науки о духе» (1883)¹⁹, но «Описательная психология» в значительной степени инструментальна, автор не только эксплицирует основания «наук о духе», но и демонстрирует конкретные способы решения задачи описательной психологии, что, вероятно, и сближает с ней методологию истории Лаппо-Данилевского. «Методология истории» Лаппо-Данилевского была опубликована двумя выпусками в 1910 и 1913 гг. в качестве пособия к лекциям, прочитанным студентам Санкт-Петербургского университета в 1909/1910 и 1910/1911 уч. годах²⁰.

Упоминания А.И. Введенского и В. Дильтея в «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского

Очевидно, что произведения Введенского и Дильтея не могли оказать взаимовлияния, но столь же очевидно, что Лаппо-Данилевский был знаком с обоими этими трудами. Заметим, что и Введенский, и Дильтей упоминаются только в первой части «Методологии истории». Почему важно подчеркнуть, что упоминания Введенского и Дильтея есть только в первой части? Дело в том, что авторы, пишущие о концепции методологии истории Лаппо-Данилевского, практически никогда не обращают внимания на видовую природу «Методологии истории» как историографического источника. А это – пособие к лекционному курсу, а не эпистемологический трактат. Соответственно, в первой части курса автор/лектор излагает по преимуществу «главнейшие направления в теории исторического знания», а не эксплицирует в строгом смысле background своей оригинальной концепции.

Введенский упоминается в «Методологии истории» два раза – в сносках. Один раз – при размышлении об основаниях заключения о чужой одушевленности – автор предлагает сравнить подход Введенского, изложенный в работе «О пределах и признаках...», с подходами Декарта и Канта, к которым он апеллирует в первую очередь²¹. Второй раз упоминается этот же трактат, и так же для сравнения размышлений Введенского с позициями Канта и Фихте по вопросу о роли «нравственного сознания» в признании чужой одушевленности, – дается глухая отсылка к двум материалам, опубликованным в журнале «Вопросы философии и психологии» («Тезисы и Вторичный вызов на спор о законе одушевления в «Вопр. филос. и психол.», кн. 16, Спец. отд., сс.

¹⁸ Дильтей 1996.

¹⁹ Дильтей 2000.

²⁰ Лаппо-Данилевский 1910-1913. В настоящей работе я пользуюсь изданием: Лаппо-Данилевский 2010.

²¹ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 1. С. 338, примеч. 2.

115-118, и кн. 18, Спец. отд., сс. 120-149»²²): протоколу заседания Московского психологического общества, на котором обсуждалась работа Введенского (основной доклад «Разбор положений А.И. Введенского в связи с его книгой “О пределах и признаках одушевления” СПб., 1892» сделал П.Е. Астафьев²³), и статью Введенского, написанной как ответ на критику²⁴, причем статью С.Н. Трубецкого²⁵, с которым полемизировал Введенский, Лаппо-Данилевский не упоминает. Правда, рассуждая о принципе признания чужой одушевленности, он ссылается на работу ученика Введенского И.И. Лапшина «Проблема “чужого я” в новейшей философии», опубликованную в 1909–1910 гг. в Журнале Министерства народного просвещения и отдельным изданием (СПб., 1910), и фактически берет ее за основу своих размышлений по этой проблеме²⁶.

Несмотря на столь скудное упоминание Введенского в «Методологии истории», концепция основоположника русской версии неокантианства, вероятно, оказала существенное влияние на методологию истории Лаппо-Данилевского, что мы далее и проиллюстрируем.

Дильтею «повезло» больше – к его размышлениям Лаппо-Данилевский обращается трижды, причем два раза в самом тексте своей работы и развернуто. Первое упоминание – в обзоре «развития номотетического построения исторического знания». В параграфе «Развитие понятия о законосообразности исторических явлений в психологическом смысле» автор характеризует подход Дильтея как «иной» по отношению к номотетическому и отсылает именно к концепции «описательной психологии». Констатируя возникновение к середине 1850-х «эволюционной» психологии, которую ассоциирует с «Основаниями психологии» Г. Спенсера (1855), Лаппо-Данилевский пишет: «С иной точки зрения Дильтею уже в наше время попытался наметить задачи особого рода психологии, занимающейся описанием и анализом душевной жизни “развитого человека” (ср. еще ниже)»²⁷. И действительно, «ниже», в обзоре «развития идиографического построения исторического знания», автор позиционирует Дильтея как «известного биографа Шлейермахера», а его концепцию наук «о духе» – в русле направления, разработанного в 1870-х гг. Х. Зигвартом (Сигварт, 1830–1904, немецкий

²² Там же. С. 342, примеч. 1.

²³ Протокол заседания 12 декабря 1892 г... 1893.

²⁴ Введенский 1893.

²⁵ Трубецкой 1893.

²⁶ Лаппо-Данилевский 2010. Т. 1. С. 336, примеч. («Автор последнего сочинения [И.И. Лапшин – М.Р.] дает обстоятельное обозрение множества теорий; отсылая желающих ознакомиться с ними к его любопытному труду, я ограничусь только несколькими общими и краткими указаниями на важнейшие из высказанных точек зрения, присоединяя к ним и некоторые критические замечания»).

²⁷ Там же. Т. 1. С. 160.

философ неокантианского направления, автор «Логики», 1873–78), который «...попытался установить те принципы познания, которые обусловливают правильность дискурсивного мышления, а также обратил внимание на ту зависимость, в какой его методы находятся от объектов нашего изучения; с той же точки зрения он подошел и к выяснению особенностей исторического познания»²⁸. Лаппо-Данилевский пишет: «Такое направление не осталось без продолжателей: Дильтей <...> высказался против смешения познавательных принципов естествознания с познавательными принципами “наук о духе”»: “условия познания” природы далеко не тождественны с условиями познания тех явлений, которые изучаются в “науках о духе”; да и объект последних “понимается еще прежде, чем он познан”, и переживается нашим сознанием во всей целостности нашего духа <...> С такой гносеологической точки зрения Дильтей проводит резкое различие между науками о природе и “науками о духе”, имеющими целью “познание исторически-социальной действительности” в ее целом...»²⁹. Лаппо-Данилевский констатирует, что Дильтей во «Введении в науки о духе» (1883) «...уже наметил, правда, лишь в самых общих и беглых чертах, ту “критику исторического разума”, разработка которой стояла на очереди; но сам он все еще слишком мало различал логическую противоположность познавательных точек зрения от противопоставления объектов научного исследования и последнее ставил в основу своей группировки наук, в которой “науки о духе” сливаются с историей»³⁰. Примечательно, что в этом обзоре автор рассматривает В. Виндельбанда и Г. Риккерта, ведущих представителей Баденской школы неокантианства, как продолжателей этого направления³¹. Не буду оспаривать здесь корректность такой генетической связи, но замечу, что Виндельбанд и Риккерт как раз четко «различал(и) логическую противоположность познавательных точек зрения от противопоставления объектов научного исследования», что обусловило их отказ размышлять о природе объекта гуманитарного/исторического познания. Рассматривая проблему отнесения к ценностям в связи с понятием об исторической ценности индивидуального при идиографическом построении истории, Лаппо-Данилевский, наряду с работой Риккерта «Границы естественнонаучного образования понятий» (1896), ссылается на «Описательную психологию» Дильтея (Оригинальное название: «Ideen über eine beschreibende und zergliedernde Psychologie» – «Идеи об описательной и расчленяющей психологии»)»³².

²⁸ Там же. С. 259.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 260.

³¹ Там же. С. 261.

³² Там же. С. 290.

Объект исторического познания

Итак, Лаппо-Данилевский обратил внимание в концепции Дильтея на экспликацию им особенностей наук в зависимости от их объекта. Действительно, Дильтей предваряет свое исследование такими словами: «...мы тут же, в самом начале нашего исследования заявляем требование наук о духе на право самостоятельного определения методов, соответствующих их предмету. Науки о духе должны, исходя от наиболее общих понятий учения о методе и испытывая их на своих особых объектах, дойти до определенных приемов и принципов в своей области...»³³

Если Лаппо-Данилевский подверг критике в концепции Дильтея недостаточную последовательность в определении зависимости метода от объекта исследования, то Риккерт, как было отмечено, вообще не разделял такого подхода и указывал на трудности определения «духа» как объекта исторического познания, поэтому он отказался от понятия «науки о духе», заменив его на «науки о культуре» и противопоставляя их «наукам о природе» не по объекту, а по логике³⁴.

Принципиальное отличие русской версии неокантианства от неокантианства Баденского – как раз в специальном внимании к объекту исторического познания. Но нельзя не согласиться с Риккертом, что рассматривать «дух» в качестве объекта весьма затруднительно.

Однако, перейдя с уровня философской рефлексии на инструментальный уровень решения задач «описательной психологии», Дильтей уже по-иному подходит к определению объекта исследования. Сравним высказывания Введенского, Дильтея и Лаппо-Данилевского.

А.И. Введенский: «...наблюдать саму чужую душевную жизнь мы не можем, а должны лишь заключать об ней по ее внешним, материальным, то есть, объективным обнаружениям [здесь и далее выделено мной – М.Р.], следовательно, при каждой попытке решать подобные вопросы мы уже должны быть уверены в том, какие именно материальные явления служат признаком, обнаруживающим присутствие душевной жизни, и какие проходят без ее участия»³⁵.

В. Дильтей: «Весьма важным дополнением к этим методам [самонаблюдения и заключения по аналогии – М.Р.], поскольку они занимают процессами, является пользование предметными продуктами психической жизни. В языке, в мифах, в литературе и в искусстве, во всех исторических действиях вообще мы видим перед собою как бы объективированную психическую жизнь: продукты действующих сил психического порядка, прочные образования, построенные из пси-

³³ Дильтей 1996. С. 15.

³⁴ Риккерт 1998. С. 138 и след.

³⁵ Введенский 1892. С. 7.

хических составных частей и по их законам. Если мы наблюдаем процессы в самих себе или в других, мы видим в них постоянную изменчивость, вроде пространственных образов, очертания которых постоянно менялись бы; поэтому неопределимо важным представляется иметь перед собой *длительные образования с прочными линиями, к которым наблюдение и анализ всегда могли бы возвращаться*³⁶. Любопытно, что, противопоставляя описательную психологию объяснительной и критикуя последнюю, Дильтей пишет, что объяснительная психология «...хочет объяснить уклад душевного мира, с его составными частями, силами и законами, точно так, как химия или физика объясняют строение мира телесного»³⁷. Не достигнув и даже не приблизившись к решению этой задачи, «объяснительная психология, – как полагает Дильтей, – утешает себя ссылкой на те времена, когда положение химии и физики казалось не лучшим; но каким неизмеримым преимуществом перед нею обладают эти науки в виде устойчивости объектов [выделено мной – М.Р.], возможности свободно пользоваться экспериментом, измеримости пространственного мира!»³⁸ Но, как мы видели, и самому Дильтею удалось найти в психологии «устойчивые объекты» в виде «предметных продуктов психической жизни».

А.С. Лаппо-Данилевский: «исторический источник есть *реализованный продукт человеческой психики*, пригодный для изучения фактов с историческим значением»³⁹.

Итак, объект гуманитарного/исторического познания (в терминологии исторической науки – исторический источник) – это:

<i>А.И. Введенский</i>	<i>В. Дильтей</i>	<i>А.С. Лаппо-Данилевский</i>
внешние, материальные, то есть, объективные обнаружения чужой душевной жизни	предметные продукты психической жизни ⁴⁰	реализованный продукт человеческой психики

Принцип признания чужой одушевленности в «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского

Уже по названию трактата Введенского можно заключить, что он посвящен разработке проблемы «чужой одушевленности» – ее обнаружения, при отсутствии внешних признаков, и восприятия. Оставим за

³⁶ Дильтей 1996. С. 99-100.

³⁷ Там же. С. 9.

³⁸ Там же. С. 14.

³⁹ Лаппо-Данилевский 2010. Т. 2. С. 38. Поскольку системный анализ концепции Лаппо-Данилевского здесь не входит в нашу задачу, оставлю без рассмотрения феноменологический аспект его подхода к пониманию природы исторического источника, см.: Румянцева 2014.

⁴⁰ Оставляю за рамками рассмотрения проблему перевода, замечу только, что «Описательная психология» вышла в русском переводе под редакцией Г.Г. Шпета, несомненно знакомого с построениями А.С. Лаппо-Данилевского.

границами рассмотрения собственно философские аспекты проблемы, отметим только, что, оставаясь в области «критической философии», Введенский признает этот вопрос метафизически не разрешимым и не имеющим эмпирического обоснования и акцентирует, по преимуществу, гносеологическую составляющую проблемы, наряду с этической и выяснением психогенезиса представления о чужой душевной жизни.

Приступая к выяснению специфики объекта исторического познания, Лаппо-Данилевский оперирует понятиями бытие/бывание и изменение и формулирует задачу – «...выяснить, какого рода качественные изменения во времени он [историк – М.Р.] понимает, когда он рассуждает об исторических фактах». И дает ответ: «В таких случаях он, подобно психологу и социологу, обыкновенно имеет в виду какое-либо изменение в состоянии данного субъекта (индивидуального или коллективного) <...> В случаях подобного рода ученый-психолог, социолог или историк имеет дело с такими качественными изменениями, которые происходят в чужой психике; рассуждая о них, он уже опирается на особого рода принцип: он *предпосылает* *наличность чужой одушевленности* [выделено мной – М.Р.], с точки зрения которой он и конструирует такие перемены в чужой психике, в сущности, недоступной эмпирическому его наблюдению»⁴¹.

Как и Введенский, Лаппо-Данилевский против смешения метафизической и гносеологической постановки проблемы «чужого я»: в метафизическом смысле можно признавать или отрицать «чужое Я», но в гносеологическом «принцип признания чужой одушевленности можно признать гипотезой: она нужна психологу, социологу или историку для того, чтобы объединять свое знание о наблюдаемых им чужих поступках и деятельности»⁴². Правда, утверждая это, Лаппо-Данилевский ссылается непосредственно на «Критику чистого разума» Канта⁴³.

Понимание Другого – метод перенесения по аналогии

Инвариантная задача гуманитарного знания – понять Другого: воспроизвести его, чужую, одушевленность / описать его в его индивидуальности, что в методологии источниковедения, разработанной Лаппо-Данилевским, достигается через интерпретацию/научно значимое понимание созданного Другим произведения/исторического источника.

Аксиоматично, что иных ресурсов для понимания Другого, кроме собственной индивидуальности, у нас нет. Отсюда вытекает и основной метод понимания / воспроизведения чужой одушевленности – *перенесение по аналогии*. На это в первую очередь обратил внимание Введенский, приступая к проблеме психогенезиса представлений о

⁴¹ Лаппо-Данилевский 2010. Т. 1. С. 335-336.

⁴² Там же. С. 340.

⁴³ Там же. С. 340, примеч. 1.

чужой одушевленности: «...всякий раз, когда я наблюдаю (вернее, предполагаю *будто бы* [здесь и далее выделено автором – М.Р.]я наблюдаю) в другом лице такое или иное душевное явление, на самом деле я только его строю в своем уме; и строю, разумеется, из тех самых элементов, из которых состоит моя собственная душевная жизнь (ибо никаких иных элементов я не могу представить себе), то есть я их как бы *переносу* из самого себя в другое лицо»⁴⁴.

Размышления Введенского о перенесении, по аналогии, на Другого элементов собственной душевной жизни, обычно сопровождающемся заблуждением, что мы прямо и непосредственно обнаруживаем «чужую одушевленность», вызвали полемику среди философов – современников Введенского, но явно недооценены последующими историками философии. Введенский, отвечая на вопрос: «...как, несмотря на то, что чужая душевная жизнь не поддается прямому наблюдению, мы, тем не менее, дошли до убеждения в ее существовании», – утверждает: «...*посредством умозаключения по аналогии* [выделено мной – М.Р.]; мы всегда наблюдали в других людях телесные явления, одинаковые или сходные с теми, которые у нас самих служат обнаружениями нашей душевной жизни, и от сходства обнаружений заключали к сходству обнаруживающихся в них процессов»⁴⁵. И далее: «Вследствие ненаблюдаемости и непредставимости чужой душевной жизни, всякое, так называемое, наблюдение чужого душевного явления состоит только в том, что по наблюдаемым мной в другом лице телесным явлениям я строю из элементов моей собственной душевной жизни картину того, что было бы пережито мной самим на его месте»⁴⁶.

Примечательно, что Б.В. Яковенко, в целом позитивно оценивавший философию Введенского, обращает внимание на этот принцип и разъясняет суть подхода Введенского максимально просто: «Всякое познание чужой душевной жизни состоит лишь в мысленной подстановке себя самого в условия данной жизни, поэтому чужая жизнь всегда формируется из элементов душевной жизни того, кто познает»⁴⁷.

Дильтей, рассуждая о возможностях решения задачи описательной психологии, начинает с выяснения возможности постижения собственных внутренних состояний, затем утверждает: «Внутреннее восприятие мы восполняем постижением других. Мы постигаем то, что внутри их. Происходит это путем духовного процесса, соответствующего *заключению по аналогии* [выделено мной – М.Р.]. Недочеты этого процесса обуславливаются тем, что мы совершаем его лишь путем

⁴⁴ Введенский 1892. С. 54.

⁴⁵ Там же. С. 32.

⁴⁶ Там же. С. 59.

⁴⁷ Яковенко 2003. С. 288.

перенесения нашей собственной душевной жизни. Элементы чужой душевной жизни, разнящиеся от нашей собственной не только количественно, или же отличающиеся от нее отсутствием чего-либо, присущего нам, безусловно не могут быть восполнены нами положительно. В подобном случае мы можем сказать, что сюда приходит нечто нам чуждое, но мы не в состоянии сказать, что именно»⁴⁸.

Лаппо-Данилевский также видит возможность постижения Другого по аналогии: «...всякий познает “чужое я” при помощи подстановки самого себя в условия его душевной жизни и, значит, строит ее, исходя из представления о собственной своей индивидуальности...»⁴⁹

Дильтей, утверждая возможность понимания Другого, исходя из логики «философии жизни»: доказательством тому, что мы можем понять Другого, служат «знания о душевных состояниях, которыми мы несомненно обладаем». Он констатирует: «Раз такое знание существует, оно должно быть и возможным»⁵⁰. И приводит дополнительный аргумент: «За большое внутреннее сродство всей человеческой душевной жизни говорит то, что для исследователя, привыкшего оглядываться вокруг себя и знающего свет, понимание чужой человеческой душевной жизни в общем вполне возможно»⁵¹. То есть для Дильтея не возможность понимания Другого вытекает из доказанного «сродства душевной жизни», а, напротив, «сродство душевной жизни» обосновывается безусловно существующим в человеческой практике пониманием Другого.

Лаппо-Данилевский также видит условие понимания Другого в единообразии человеческой природы: «Вместе с тем он [исследователь – М.Р.] основывает такое свое истолкование на предпосылке о единообразии природы вообще и единообразии психической природы человека в частности; эта предпосылка постоянно делается ученым». И далее – обуславливает применение метода аналогии предположением о единообразии психической природы человека: «Лишь опираясь на такую предпосылку о единообразии психической природы человека, историк может сознательно пользоваться заключением по аналогии <...> для того, чтобы действием известных психических факторов объяснять внешние обнаружения чужой жизни, которые доступны его собственному чувственному восприятию»⁵².

Дильтей продолжает свою мысль: «Единообразие человеческой природы выражается в том, что у всех людей (если дело только не в

⁴⁸ Дильтей 1996. С. 98.

⁴⁹ Лаппо-Данилевский 2010. Т. 1. С. 341.

⁵⁰ Дильтей 1996. С. 95.

⁵¹ Там же. С. 98.

⁵² Лаппо-Данилевский 2010. Т. 1. С. 346.

аномалиях и дефектах) встречаются одни и те же качественные определения и формы соединений. Зато *количественные соотношения* [здесь и далее выделено автором – *М.Р.*], в которых они встречаются, чрезвычайно *различны* между собою; различия эти постоянно связываются в новые сочетания, и на *этом-то и основываются различия индивидуальностей*. Из этих количественных различий и соотношений *возникают* и такие, который *выступают как черты качественные*⁵³.

Лаппо-Данилевский «подхватывает» эту мысль, но проявляет и некоторый научный скепсис: «Вообще можно сказать, что историк предполагает некоторое сходство между своей одушевленностью и одушевленностью изучаемого им исторического деятеля, общественной группы и т.п. Если историк исходит из предположения, что его психика и психика некогда бывшего другого индивидуума разнятся лишь в интенсивности комбинированных элементов, то соответствующие видоизменения в интенсивности элементов психики историка (например, при мысленном погружении его в среду, где жил изучаемый им некогда бывший индивидуум) приблизят его к пониманию психики последнего; но даже приняв такую гипотезу, он может сомневаться в ее приложимости...»⁵⁴. Скепсис проявлял и Введенский: на возможное возражение оппонентов, что «мы никогда не можем быть уверены, правильно ли мы представляем себе чужую душевную жизнь», – он отвечал: «Да так оно и есть. Мало того, что *не можем* [выделено автором – *М.Р.*] быть уверены, но зачастую и не верим в подобную возможность. Ведь создал же народ пословицу: “чужая душа потемки”...»⁵⁵

В отличие от Дильтея, констатировавшего «единообразие человеческой природы», Лаппо-Данилевский утверждает, что с уверенностью можно говорить лишь о сходстве элементов, общих «обеим одушевленностям», но их *комбинация* может быть «...настолько своеобразной, что полное и живое понимание ее все же будет еще очень ограниченным...»⁵⁶.

Но мысль об ограничениях метода аналогии в воспроизведении чужой одушевленности уже была подробно развита Введенским, который писал, что значение «объективных психологических наблюдений <...> состоит вовсе не в том, чтобы они раскрывали мне новые, еще не пережитые мной элементы душевной жизни. Это вещь совершенно невозможная <...> Объективные наблюдения указывают мне только на такую *комбинацию психических элементов* [выделено мной – *М.Р.*], которой я еще не переживал и впервые переживаю только тем путем,

⁵³ Дильтей 1996. С. 143-144.

⁵⁴ Лаппо-Данилевский 2010. Т. 1. С. 349.

⁵⁵ Введенский 1892. С. 55.

⁵⁶ Лаппо-Данилевский 2010. Т. 1. С. 349.

что воображаю себя на месте наблюдаемого лица, или же я ее и переживал, да не обращал на нее внимания»⁵⁷.

Лаппо-Данилевский признавал, что «...воспроизведение чужой одушевленности во всей ее полноте представить себе нельзя, хотя бы уже потому, что в таком акте всегда соучаствует то сознание, в котором чужая одушевленность воспроизводится: “я” не могу перестать быть “я” даже в момент сочувственного переживания чужого “я”»⁵⁸.

Анализируя психогенезис понятия о чужой одушевленности, Лаппо-Данилевский выделяет сопереживание и ассоциирование как нерелективные способы восприятия Другого и утверждает, что «процесс собственно научного психологического понимания характеризуется не инстинктивным воспроизведением чужой одушевленности, а возможно более научнообразным заключением по аналогии»⁵⁹. Таким образом, он переводит проблему из области философии и философской психологии в область исторического метода.

Признавая метод аналогии единственным научным способом понимания Другого, Лаппо-Данилевский фундирует его принципом признания чужой одушевленности, соглашаясь тем самым с Введенским и отчасти вступая в полемику с подходом Дильтея: «В сущности, заключение по аналогии, которому многие приписывают значение в качестве доказательства чужой одушевленности, вряд ли может претендовать на такую роль. В самом деле, лишь в том случае, если я подменяю понятие о моем “я” понятием об “одном я”, я могу, по аналогии сделать заключение о “другом я”, т.е. перенести свое представление об “одном я” (в данном случае отождествляемом с моим “я”) на “другое я”; но в таком случае я уже исхожу из признания чужой одушевленности, ибо оно лежит в основе моего понятия об “одном я” как о некоем экземпляре, по которому я могу, путем заключения по аналогии, судить о другом экземпляре того же вида. С такой точки зрения заключение по аналогии уже предполагает признание чужой одушевленности...»⁶⁰

В этом своем рассуждении А.С. Лаппо-Данилевский ссылается на Т. Липпса (1851-1914), автора теории эмпатии. Конечно, воздействие эстетика Липпса на концепцию Лаппо-Данилевского нуждается в отдельном рассмотрении, но все же можно предположить, что у Липпса русский историк почерпнул концепцию «вчувствования» (на что и сам указывает⁶¹), но никак не перенесения по аналогии.

⁵⁷ Введенский 1892. С. 59-60.

⁵⁸ Лаппо-Данилевский 2010. Т. 1. С. 345.

⁵⁹ Там же. С. 347.

⁶⁰ Там же. С. 343-344.

⁶¹ Там же. С. 342, примеч. 2.

Конечно, в рамках одной статьи невозможно выявить все нюансы общего и особенного в построениях А.И. Введенского, В. Дильтея и А.С. Лаппо-Данилевского, но, на мой взгляд, концептуальная связь методологии истории Лаппо-Данилевского с психофизиологическим законом Введенского и описательной психологией Дильтея вполне очевидна, хотя генетика и механизм этой связи нуждается в дальнейшем анализе, в т.ч. и факторных влияний концепций других философов/психологов на всех трех авторов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамов А.[И.]* Кант в России // Русская философия: малый энциклопедический словарь. М.: Наука, 1995. С. 235-242.
- Александр Иванович Введенский и его философская эпоха: к 150-летию со дня рождения: [материалы междунар. науч. конф. «Философия как наука и учебная дисциплина», 16-18 ноября 2006 г.]. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 338, 3 с.
- Валяц М.П.* Рецепция идей немецких ученых в работе А.С. Лаппо-Данилевского «Методология истории»: дисс. канд. ист. наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования. М.: РГГУ, 2016. 265 с.
- Введенский А.И.* Вторичный вызов на спор о законе одушевления и ответ противникам // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 3(18). С. 120-149 (2-я паг.)
- Введенский А.И.* О пределах и признаках одушевления: новый психофизиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1892. 119 с.
- Введенский А.И.* Статьи по философии. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 227 с.
- Дильтей В.* Введение в науки о духе: опыт полагания основ для изучения общества и истории / пер. с нем. и ред. В.С. Малахова // *Дильтей В.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. Т. 1. С. 267-762.
- Дильтей В.* Описательная психология. 2-е изд. СПб.: Алетей, 1996. 155 с.
- Дмитриева Н.А.* Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М.: РОССПЭН, 2007. 512 с. (Humanitas).
- Кант: pro et contra: рецепция идей немецкого философа и их влияние на развитие русской философской традиции: антология. СПб.: Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2005. 926 с.
- Круглов А.Н.* Философия Канта в России в конце XVIII – первой половине XIX в. М.: «Канон» РОИИ «Реабилитация», 2009. 568 с.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории: в 2 вып. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1910-1913: Ч. I: Теория исторического знания: пособие к лекциям, читанным студентам С.-Петербургского университета в 1909/1910 уч. году. СПб., 1910. 292 с.; Вып. II: пособие к лекциям, читанным студентам С.-Петербургского университета в 1910/1911 году. СПб., 1913. С. 292-802.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории: [в 2 т.]. М.: РОССПЭН, 2010. 2 т.
- Лапшин И.И.* Философия изобретения и изобретение в философии: введение в историю философии. М.: Республика, 1999. 399 с.
- Лосский Н.О.* История русской философии. М.: Советский писатель, 1991. 479 с.
- Малинов А.В.* «Психо-физический закон» А.И. Введенского и его критики // Неокантианство в России: Александр Иванович Введенский, Иван Иванович Лапшин / под ред. В.Н. Брюшкина, В.С. Поповой. М.: РОССПЭН, 2013. С. 127-153.
- Неокантианство в России: Александр Иванович Введенский, Иван Иванович Лапшин / под ред. В.Н. Брюшкина, В.С. Поповой. М.: РОССПЭН, 2013. 358 с.
- Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И.Н. Грифовой, Н.А. Дмитриевой. М.: РОССПЭН, 2010. 567 с. (Humanitas).

- Протокол заседания 12 декабря 1892 г. // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 1(16). С. 114–118 (2-я паг.).
- Риккерт Г.* Философия истории // *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 129-204.
- Румянцева М.Ф.* Русская версия неокантианства: к постановке проблемы // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2012. Т. 154. Кн. 1. С. 130-141.
- Румянцева М.Ф.* Феноменология vs неокантианство в концепции А.С. Лаппо-Данилевского // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 7-16.
- Сербиненко В.[В.]* Введенский Александр Иванович // Русская философия: малый энциклопедический словарь. М.: Наука, 1995. С. 85.
- Тихонова Э.В.* Проблема «Чужого Я» в русской философско-психологической мысли конца XIX – начала XX вв.: к истории научной полемики // Вече. Альманах русской философии и культуры. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. Вып. 21. С. 82-93.
- Трубецкой С.Н. кн.* [Рец.] К вопросу о признаках сознания (А. Введенский: О пределах и признаках одушевления) // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 1(16). С. 97-109. 2-я паг.
- Яковенко Б.В.* История русской философии / пер. с чеш., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Солодухина. М.: Республика, 2003. 510 с.

REFERENCES

- Abramov A.[I.] Kant v Rossii // Russkaya filosofiya: maliy entsiklopedicheskiy slovar', M., Nauka, 1995, S. 235-242.
- Aleksandr Ivanovich Vvedenskii i ego filosofskaya epokha: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya: [materialy mezhdunar. nauch. konf. «Filosofiya kak nauka i uchebnaya dis-tsiplina», 16-18 noyabrya 2006 g.]. SPb., Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2006, 338, 3 s.
- Val'ts M.P. Retseptsiya idei nemetskikh uchenykh v rabote A.S. Lappo-Danilevskogo «Metodologiya istorii»: diss. kand. ist. nauk po spetsial'nosti 07.00.09 – Istorio-grafiya, istochnikovedenie i metody istoricheskogo issledovaniya. M., RGGU, 2016, 265 s.
- Vvedenskii A.I. Vtorichnyi vyzov na spor o zakone odushevleniya i otvet protivnikam // Voprosy filosofii i psikhologii, 1893, Kn. 3(18), S. 120-149 (2-ya pag.)
- Vvedenskii A.I. O predelakh i priznakakh odushevleniya: noviy psikhio-fiziologicheskii zakon v svyazi s voprosom o vozmozhnosti metafiziki. SPb., tip. V.S. Balasheva, 1892, 119 s.
- Vvedenskii A.I. Stat'i po filosofii. SPb., Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1996, 227 s.
- Dil'tei V. Vvedenie v nauki o dukhe: opyt polaganiya osnov dlya izucheniya obshchestva i istorii / per. s nem. i red. V.S. Malakhova // Dil'tei V. Sobr. soch.: v 6 t. M., Dom intellektual'noi knigi, 2000, T. 1, S. 267-762.
- Dil'tei V. Opisatel'naya psikhologiya. 2-e izd. SPb.: Aleteiya, 1996, 155 s.
- Dmitrieva N.A. Russkoe neokantianstvo: «Marburg» v Rossii. Istoriko-filosofskie ocherki. M., ROSSPEN, 2007, 512 s. (Humanitas).
- Kant: pro et contra: retseptsiya idei nemetskogo filosofa i ikh vliyanie na razvitie russkoi filosofskoi traditsii: antologiya. SPb., Izd-vo Russkoi Khristianskoi gumanitarnoi akademii, 2005, 926 s.
- Kruglov A.N. Filosofiya Kanta v Rossii v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v. M., «Kanon+» ROI «Reabilitatsiya», 2009, 568 s.
- Lappo-Danilevskii A.S. Metodologiya istorii: v 2 vyp. SPb.: tip. V. Bezobrazova i Ko, 1910-1913: Ch. I: Teoriya istoricheskogo znaniya: posobie k lektsiyam, chitannym studentam S.-Peterburgskogo universiteta v 1909/1910 uch. godu. SPb., 1910, 292 s.; Vyp. II: posobie k lektsiyam, chitannym studentam S.-Peterburgskogo uni-versiteta v 1910/1911 godu. SPb., 1913, S. 292-802.
- Lappo-Danilevskii A.S. Metodologiya istorii: [v 2 t.]. M., ROSSPEN, 2010, 2 t.
- Lapshin I.I. Filosofiya izobreteniya i izobretenie v filosofii: vvedenie v istoriyu filosofii. M., Respublika, 1999, 399 s.
- Losskii N.O. Istoriya russkoi filosofii. M., Sovetskii pisatel', 1991, 479 s.

- Malinov A.V. «Psikho-fizicheskii zakon» A.I. Vvedenskogo i ego kritiki // Neokantianstvo v Rossii: Aleksandr Ivanovich Vvedenskii, Ivan Ivanovich Lapshin / pod. red. V.N. Bryushinkina, V.S. Popovoi. M., ROSSPEN, 2013, S. 127-153.
- Neokantianstvo v Rossii: Aleksandr Ivanovich Vvedenskii, Ivan Ivanovich Lapshin / pod. red. V.N. Bryushinkina, V.S. Popovoi. M., ROSSPEN, 2013, 358 s.
- Neokantianstvo nemetskoe i russkoe: mezhdou teoriei poznaniya i kritiki kul'tury / pod red. I.N. Griftsovoi, N.A. Dmitrievoi. M., ROSSPEN, 2010, 567 s. (Humanitas).
- Protokol zasedaniya 12 dekabrya 1892 g. // Voprosy filosofii i psikhologii, 1893, Kn. 1(16), S. 114–118 (2-ya pag.).
- Rikkert G. Filosofiya istorii // Rikkert G. Nauki o prirode i nauki o kul'ture. M., Respublika, 1998, S. 129-204.
- Rumyantseva M.F. Russkaya versiya neokantianstva: k postanovke problemy // Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. Nauki, 2012, T. 154, Kn. 1, S. 130-141.
- Rumyantseva M.F. Fenomenologiya vs neokantianstvo v kontseptsii A.S. Lappo-Danilevskogo // Dialog so vremenem, 2014, Vyp. 46, S. 7-16.
- Serbinenko V.[V.] Vvedenskii Aleksandr Ivanovich // Russkaya filosofiya: maliy entsiklopedicheskii slovar'. M., Nauka, 1995, S. 85.
- Tikhonova E.V. Problema «Chuzhogo Ya» v russkoi filosofsko-psikhologicheskoi mysli kontsa XIX – nachala XX vv.: k istorii nauchnoi polemiki // Veche. Al'manakh russkoi filosofii i kul'tury. SPb., Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2010, Vyp. 21, S. 82-93.
- Trubetskoi S.N. kn. [Rets.] K voprosu o priznakakh soznaniya (A. Vvedenskii: O predelakh i priznakakh odushevleniya) // Voprosy filosofii i psikhologii, 1893, Kn. 1(16), S. 97-109. 2-ya pag.
- Yakovenko B.V. Istoriya russkoi filosofii / per. s chesh., obshch. red. i poslesl. Yu.N. Solodukhina. M., Respublika, 2003, 510 s.

Румянцева Марина Федоровна, кандидат исторических наук, доцент; доцент Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук, НИУ «Высшая школа экономики»; Кафедра теории и истории гуманитарных наук, Институт филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета; mf-r@yandex.ru

Philosophical foundations of the methodology of history within a Russian version of neo-Kantianism: A.I. Vvedenskii and V. Dilthey

The article presents a comparison between the epistemological foundations of the concept of the methodology of history by A.S. Lappo-Danilevsky and that of the “psycho-physiological law of the absence of signs of another soul” by A. I. Vvedensky, the founder of the Russian version of neo-Kantianism, and the principles of “descriptive psychology” by W. Dilthey. It shows the strategic importance of the principle of recognition of another soul in the epistemological concept by A.S. Lappo-Danilevsky. Shared ideas of A.I. Vvedensky, V. Dilthey and A.S. Lappo-Danilevsky were identified in their understanding of the object of historical knowledge: an objectified product of mental life /historical source, the aim of human cognition was thought to be an understanding of the Other, and its method – similar to the private mental life.

Keywords: Russian version of neo-Kantianism, psycho-physiological law of A.I. Vvedensky, the principle of recognition of another soul, descriptive psychology by V. Dilthey, A.S. Lappo-Danilevsky, the methodology of source study

Marina Rumyantseva, PhD in history, Associate Professor, School of History, Faculty of Humanities, National Research University “Higher School of Economics”; Department of Theory and History of Humanities, Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities; mf-r@yandex.ru

А. А. ТРОИЦКАЯ

**АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ТЕОРИЯ ПОРТРЕТА
«ИСКУССТВО ПОРТРЕТА»
В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИСКУССТВОВЗНАНИЯ¹**

В статье раскрывается своеобразие теоретических построений в исследованиях сборника «Искусство портрета», изданного Академией художественной культуры в 1928 г. По сей день это издание остается одним из уникальных свидетельств эпохи. Сборник и его основные положения рассматриваются в статье в нескольких аспектах: временной контекст (1920-е гг.) предполагает рассуждения о портрете как о переживающем кризисное состояние жанре; сама эпоха предопределяет комплексный научный характер исследований. Наконец, восприятие и рецепция основных положений сборника, недостаточность его осмысления в советской историографии определяют его исключительность и подчеркивают необходимость восстановления его значения в отечественной науке об искусстве.

Ключевые слова: *искусствоведение, теория портрета, А.Г. Габричевский, сходство, восприятие, художественный образ*

Исследование искусствоведческих работ, вышедших в России в первой трети XX в., обнаруживает ряд научных высказываний, которые отстоят от общей линии развития отечественного искусствоведения. В силу разных причин они не дают начало новым глубоким изысканиям, а словно остаются вынесенными за скобки или за границы общего развития темы, в некоей воображаемой нише. Один из самых интересных в этом смысле текстов – книга «Искусство портрета», сборник статей, написанных учеными Государственной Академии художественных наук². Этот сборник представляет собой монолитное явление, получившее отчетливые контуры благодаря общему фону, теоретическому контексту, сложившемуся вокруг него, до и после него.

Развитие теории портрета как одной из проблем искусствоведения в начале XX в. было подготовлено рядом культурных процессов. Вопрос о портрете для его исследователей был не только одним из аспектов осмысления всей сложности соотношения новых художественных форм с традиционной системой жанров, закономерностей различных приемов репрезентации человека, но и способом постижения через изображение человека изменившейся картины мира. Исследование явлений, связанных с портретом, во многом обуславливалось возросшим интересом к гуманистической направленности науки и культуры. Раз-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-00192), СПбГУ.

² Искусство портрета. 1928.

витие теории портрета во многом происходило на фоне утраты портретным жанром своей популярности, к началу XX в. это происходило одновременно с распространением фотографии, и спровоцировало ряд вопросов, связанных с возможностями живописного портрета.

Проблематика теории портрета

Круг проблем, связанных с изучением портретного жанра, очерчен вполне предсказуемыми темами. К их числу относятся: проблема сходства – одна из самых острых искусствоведческих проблем, наиболее характерная по отношению к портрету и все еще актуальная³ в годы создания сборника «Искусство портрета»; проблемы восприятия и узнавания, специфическим проявлением которой стала распространенная идея об «автопортретности» искусства портрета, в первой четверти XX в. наиболее гротескно представленная Евреиновым⁴; психологические характеристики портрета – тема очень популярная, но часто порождающая произвольные описания «внутреннего мира модели», минуящие как искусствоведческий анализ, так и отдельные нюансы психологии; проблема индивидуальности в портрете, которая базируется на понятии индивидуализма, в частности индивидуализма ренессансного, одним из проявлений которого, согласно Я. Буркхардту, и являлся портрет⁵. Еще один вопрос связан с исследованием содержания портрета, которое может проявляться с помощью множества ходов и решений, часто определяемых историческими, идеологическими, культурными установками. Семантический анализ дает возможность оценить роль цвета, жеста, символики, геральдики, аксессуаров и атрибутов, исследовать аллегорические построения в портрете.

Проблема типологии портрета предполагает расстановку акцентов на формальных, семантических и функциональных характеристиках портрета в сравнении с произведениями того или иного типа изображений. Интересно введение одним из авторов сборника Н.М. Тарабукиным новых категорий классификации: портрета-характеристики и портрета-биографии. Среди создателей портретов-характеристик, например, он называет Ф. Хальса, биографий – Рембрандта⁶.

Сложность исследования портретного образа кроется и в его амбивалентности, дихотомии объективного (внешнего, физического, сходного) и субъективного (внутреннего, душевного, индивидуально-го), уже в 1912 г. Я. Тугенхольд в статье «О портрете» говорит о единственно возможной проблеме портрета: «проблеме двуединой духовно-

³ В статье 1917 г. Б.Р. Виппер прослеживал развитие идеи сходства от портрета-маски до живописи, «вступившей на почву эксперимента». См.: Виппер 1970.

⁴ Евреинов 1922.

⁵ Буркхардт 1996.

⁶ Тарабукин 1928. С. 178-179.

телесной экспрессии, а, следовательно, двуединой линейно-колористической задаче»⁷.

И исследовательская рефлексия, и произвольность суждений, и приверженность сложившейся традиции говорить о портрете, как о чем-то хорошо знакомом, препятствовали изучению возможностей его интерпретации, усвоению художественного языка и особенностей жанра, пониманию сущности портрета в ситуации коренных изменений его формальных характеристик. Создание научно обоснованных представлений об основах и критериях портретного изображения должно было дать ключ к его изучению.

Понимание того, что есть портрет, было возможно через непосредственное исследование природы портретного образа, именно эта тема в различных вариациях была разработана авторами «Искусства портрета».

Сборник статей «Искусство портрета»

В задачи научных сотрудников Академии художественных наук (создана в 1921 г. в Москве по инициативе В. Кандинского и А. Габричевского)⁸ входило изучение вопросов искусства и художественной культуры, разработка концепции синтеза философии и искусства, выявление логических закономерностей поэтических форм. Объединяющим фактором для различных направлений исследований стал вопрос о художественной форме и, под влиянием идей Г. Шпета, вопрос о «внутренней форме» произведения. Портретный жанр явился своеобразным индикатором изменения художественных форм, и именно вокруг него сложился корпус текстов, представляющих собой различные ракурсы изучения этой темы. Портретной проблематикой занимался ряд авторов, преимущественно входивших в Философское отделение. В октябре 1925 года был намечен план работы Комиссии по изучению философии искусства, который открывался изучением «проблемы изображения личности в искусстве – портрет, биография, характеристика личности в беллетристике, музыке, архитектуре, театре и т.д.»⁹. Осенью 1926 года, после докладов А.Г. Циреса и Б.В. Шапошникова, возникло решение издать небольшой сборник, посвященный теории портрета¹⁰. В 1927 г. сотрудники ГАХН сделали еще ряд сообщений: Н.И. Жинкин – «Портретные формы», А.А. Сидоров – «О портрете», Н.М. Тарабукин – «Портрет как стилистическая форма», А.Г. Цирес – «Язык портретного изображения», А.Л. Саккетти – «Природа портре-

⁷ Тухенгольд 1912. С. 45-46.

⁸ История существования ГАХН, проблематика и значимость ее работ хорошо освещены лишь в публикациях сравнительно недавних лет: Mislér 1997; Марцинковская, Полева 2006; Плотников, Подземская 2015 и ряд других.

⁹ Бюллетени ГАХН № 2-3. С. 30.

¹⁰ Бюллетени ГАХН № 4-5. С. 35.

та», А.Г. Габричевский – «Проблема живописного изображения в портрете»¹¹. Материалы этих докладов в большинстве своем¹² вошли в третий (последний) выпуск трудов философского отделения ГАХН.

Исключительность данного сборника была очевидна самим его авторам: во вступлении Габричевский называет его «одной из первых попыток систематической работы по этому вопросу» в русском искусствоведении¹³. Вопреки сложившимся алгоритмам рассуждений о портрете, здесь сама природа портретного жанра освещается в контексте «внутренней структуры художественного образа»¹⁴. Переход к проблематике портрета, к выявлению его объективных критериев был бы невозможен без его искусствоведческой дефиниции. Габричевский дает следующее определение: «Портрет есть чисто художественный знак, выражающий то, что можно было бы назвать портретной личностью». Согласно этому формулируется и цель исследования: «Проблема живописного портрета должна быть поставлена как проблема особых изобразительных форм в пределах структуры живописного образа, а именно: связывается ли, а если да, то как связывается изображение индивидуальной человеческой личности с построением картины и с ее выразительной обработкой»¹⁵. Понятие художественной формы было основой теоретических построений Габричевского в большинстве докладов, сделанных в ГАХН, и в его статьях 1920-х годов, посвященных в том числе и теме портрета¹⁶.

Проблема сходства в портрете

Основные проблемы портретного жанра были пересмотрены авторами сборника с принципиально новых позиций. Один из ключевых вопросов – сходство в портрете – задолго до ГАХНовцев стал важнейшим аспектом статьи Я. Тугенхольда. Обращаясь к творчеству французских художников, он пишет о портрете как проблеме философской, называя при этом сходство «формальным условием портрета»¹⁷. Вместе с тем, он выделяет два уровня сходства – «высшего и низшего порядка»: эстетическое и внеэстетическое¹⁸. Эстетическое сходство убедительно и без сравнения с оригиналом, оно представляет модель такой, какой она могла бы быть и иначе выглядеть не могла бы: Тугенхольд

¹¹ Бюллетени ГАХН № 8-9, С.18-20.

¹² Статья Сидорова, имевшая совсем иной методологический ракурс, вышла отдельно: Сидоров 1927. Материалы доклада А.Л. Саккетти, члена-корреспондента ГАХН, известного правоведа и историка, не были опубликованы.

¹³ Искусство портрета С. 6.

¹⁴ Габричевский 1928. С. 58.

¹⁵ Там же. С. 58-59.

¹⁶ Бюллетени ГАХН № 1-3; Отчет о работе ГАХН 1926.

¹⁷ Тугенхольд 1912. С. 34.

¹⁸ Там же. С. 35.

готов объявить самозванцем Мартина Лютера, если тот, чудом воскреснув, окажется непохожим на свой портрет кисти Кранаха!¹⁹ Портрет также является творческим воссозданием биографии человека. Так Тугенхольд представляет сходство не как безусловное равенство портретного образа и реального, но как их подобие друг другу.

Проблема сходства волнует практически всех исследователей этого жанра. Евреинов, например, через фрейдистское отождествление художника с матерью произведения, а оригинал изображения – с отцом, приходит к остроумному выводу, что сходство портрета с оригиналом обусловлено не столько чертами модели («отца»), сколько внешними и внутренними характеристиками его автора («матери»)²⁰.

Известной работой, посвященной тому же вопросу, была статья Б.Р. Виппера²¹ «Проблема сходства в портрете», где он писал: «Мы способны воспринять картину, не спрашивая о сходстве, но мы должны признать, что, пока мы не поверили в ее сходство, мы не назовем ее портретом»²². Поверим, а не удостоверимся – очень важная поправка в концепции идеи сходства. У Виппера как раз идет речь о том, что рембрандтовские автопортреты ценны для нас как картины, но не как портреты человека, которого мы никогда не видели. В этом и заключается парадокс жанра – автопортреты Рембрандта обладают несомненным жизнеподобием, тем качеством выразительности, которое позволяет говорить о «художественной цельности» портрета.

Проблема сходства в «Искусстве портрета» решается авторами иначе, не с помощью апологии несхожести, как это делали до и после них, а путем замены пары «оригинал – портретное сходство» соотношением «модель – художественный образ». Так, Габричевский пишет об «отрешенности» портретного образа: «С того момента, как изображение человека претворилось в художественный образ, та или иная связь портрета с моделью теряет всякий художественный и эстетический смысл»²³ и даже: «Проблема «внешнего» сходства, все умение передать модель к искусству отношения не имеет. Это вопрос личной одаренности и техники»²⁴. Он подчеркивает, что изображение не равно образу, а является для него «сырьевым материалом»²⁵, оно лишь воспроизводит отдельные элементы, функционально участвующие в конструировании картины. Портрет у Габричевского исследуется как

¹⁹ Там же. С. 36.

²⁰ Евреинов 1922. С. 91-108.

²¹ Примечательно, что до 1924 г. Б.Р. Виппер также являлся сотрудником АХН.

²² Виппер 1970. С. 351.

²³ Габричевский 1928. С. 53.

²⁴ Там же. С. 63.

²⁵ Там же. С. 57.

структура, состоящая из трех слоев: изображения (пространственного построения на плоскости), конструкции (построения картины с помощью формы и цвета), экспрессии (выразительного слоя)²⁶.

Проявление форм личности через внешние формы осмысляется другим автором сборника, Н. Жинкиным, с помощью понятия «олицетворения» или «олицетворенности»²⁷, введенного им для представления внутренней формы через формы «вещные» (рот, губы, глаза)²⁸. Иными словами, тождество внешних форм изображения необходимо постольку, поскольку через них может быть выражена личность. Вопрос о сходстве этот исследователь считает бессмысленным, поскольку «сходство есть имманентное свойство портрета» и не требует сравнения²⁹. Он также стремится представить согласование форм и элементов портретного образа в качестве структуры: «В силу своеобразия встречи разных форм, образуется специальная структура всякой данной вещи, которая и является ее характером»³⁰.

Борис Шапошников пишет, что «портрет поглощает форму оригинала и полностью растворяет ее в идее произведения»³¹. Соотношение внешней и внутренней формы, включенность их в некую структуру, выражение одного посредством другого – эта направленность рассуждений авторов сборника обнаруживает влияние идей Георга Зиммеля³², согласно которым нет разграничения внутренней и внешней формы, а есть их синтез (слияние). Преодоление их разрыва с помощью художественного образа, в эстетических формах визуализации фиксирующего изменчивую реальность, и есть задача искусства.

Индивидуальность в портрете

Определение портрета не ограничивается передачей сходства с оригиналом, другой его целью является выражение личностных, индивидуальных характеристик модели. Идея индивидуализма сформировала весомое преимущество портрета перед фотографией, поскольку свойства личности не передаются одним лишь внешним сходством, фиксируемым автоматически. Авторы «Искусства портрета» еще все-речь полагали, что фотография («механический портрет») бессильна выразить эти качества³³.

²⁶ Там же. С. 59-74

²⁷ Жинкин 1928, С. 22-23.

²⁸ Обермайр 2010. С. 141.

²⁹ Жинкин 1928. С. 40.

³⁰ Там же. С. 25.

³¹ Шапошников 1928, С. 77.

³² Среди его работ, на которые ссылаются авторы сборника – «Проблема портрета» (Simmel 1922), «Рембрандт» (Simmel 1916).

³³ Жинкин 1928. С. 26; Габричевский 1928. С. 53; Шапошников 1928. С. 81.

Что ожидается от художника, исполняющего портрет? Передать сходство – передать сущность – передать личность – передать индивидуальность. Ряд дилемм и противоречий выразился в кратком выводе Бориса Шапошникова к статье «Портрет и его оригинал»: «Так между Сциллой чужого организма и Харибдой собственной омертвелой формы заключены все возможности портретного изображения личности»³⁴, где под первым понимается одухотворение портрета собственной индивидуальностью художника, а под вторым – механическое воспроизведение внешней формы.

О какой бы индивидуальности ни шла речь – индивидуальности как свойстве личности или как соматическом наборе, подразумевающим воплощение «*trait pour trait*»³⁵, она требует постижения оригинала. Ранее Я. Тугенхольд высказал ряд соображений, раскрывающих понятие индивидуальности как определяющее для портретного жанра, отмечая: «Портретируемый воспринимается как индивидуализированная личность, если художник явил нам новое, неожиданное и неповторимое сочетание общечеловеческих элементов». В силу своей «общечеловечности» они понятны и значимы для смотрящего – нечто сообщают и выражают, а потому осознаются как выразительные элементы, воплощенные в линиях, цветовых и тональных пятнах. Посредством выразительных элементов изображение и «говорит» со зрителем»³⁶.

В сборнике «Искусство портрета» понятие индивидуальности раскрывается иначе. Тарабукин тоже выделяет индивидуальность как один из индикаторов портрета: «Портрет является продуктом индивидуалистических устремлений в культуре. В существе портрета лежит начало разделения — *principium individuationis*»³⁷, через степень его выражения автор статьи определяет стиль. Но индивидуальность у него заключается не в «новых и неповторимых элементах», которыми наделяется внешность оригинала, а в понятии личности как одухотворенности телесного. Критерий личности – отделение себя от «другого», а портрет – «постижение личности «другого» не как ноумен, а как феномен», такое «постижение явления есть, по существу, постижение себя»³⁸.

У А. Циреса портрет – «изображение личности и ее нозматики, т.е. изображение мира сквозь личность. Устремленный вдаль взор моряка заставляет и перед нашими взорами возникать морские дали, а

³⁴ Шапошников 1928, С. 85.

³⁵ «Черта в черту» (фр.), источник происхождения слова «портрет», см.: Шапошников 1928. С. 77.

³⁶ Тугенхольд 1912. С. 35.

³⁷ Тарабукин 1928. С. 161.

³⁸ Там же. С. 170-175.

нахмуренные брови окрашивают эти дали и перед нами в грозный колорит»³⁹. Он структурирует само понятие личности, которая, по мнению Циреса, состоит из потенций – «честность, справедливость, влюбчивость, ум, талант, вспыльчивость, цельность, честолюбие, самолюбие, решительность...». Потенция сама по себе не может предстать на портрете, только через свои визуальные проявления (анатомия, выражение лица, жест, движение, состояние), но и тогда не будет трактована однозначно⁴⁰. В этом состоит сложность передачи индивидуальности в портрете: он «является не изображением личности, а изображением впечатления от личности» или «лицезрения» художника⁴¹.

Портрет и проблема восприятия образа

Исследование портрета с позиций его восприятия предполагает понимание основ восприятия как психофизического процесса (такой ракурс, наряду с законами оптики, породил наиболее стройные теории стиля в европейском искусствознании XIX в.). В.Н. Лазарев, например, в монографии, посвященной портрету XVII в., пишет, что «ренессансному портрету присуща объективность художественного восприятия», а «барочные художники воспринимают модель сквозь призму собственных переживаний»⁴², вполне осознанно следуя построениям объективного и субъективного в портрете, предложенным Риглем⁴³. В изложении специфики портрета Лазарев не вполне последователен: он не объясняет связи портрета барокко и классицизма с постулируемыми психологизмом и «внутренним миром» модели, они возникают как бы сами по себе, сначала в сознании художника, а потом в восприятии зрителя. Суждение о портретах последующих эпох и вовсе удручает своей однозначностью – отмеченная автором скромная роль портрета в искусстве XIX в. «объясняется невозможностью отобразить в живописном портрете буржуазную психику, развивающуюся уже в сторону распада личности»⁴⁴. Создается приемлемая для своего времени позиция, формирующая дальнейшие представления об истории портрета в советском искусствознании.

Авторы «Искусства портрета», созданного десятилетием ранее монографии Лазарева, трактуют восприятие в феноменологическом ключе. «Восприятие при узнавании характера вещи может опираться на любую из ее случайно осознанных форм»⁴⁵. Интересен путь сравне-

³⁹ Цирес 1928, С. 91.

⁴⁰ Там же. С. 140-141.

⁴¹ Там же. С. 143.

⁴² Лазарев 1937. С. 5, 8.

⁴³ Riegl 1999. P. 75-77, 159.

⁴⁴ Лазарев 1937. С. 87.

⁴⁵ Жинкин 1928. С. 25.

ния восприятия и ментального узнавания портретной личности, в частности А. Цирес отмечает, что кроме непосредственного восприятия личности, есть еще и мысль о ней, и знание о ней, и все ожидания, связанные с ней. Процесс восприятия художественного образа вещи представляется «недоступным для рациональной науки», являясь «иррациональной формой художественного осознания»⁴⁶. Восприятие портрета – «раскрытие мира сквозь образ личности» – Цирес разделяет на три слоя: раскрытие сквозь слово (или интенцию), сквозь образ, сквозь преобразование картины мира воспринимающего⁴⁷.

Путь к теории портрета через его историю

Обращение авторов сборника к изучению архаичных форм портрета связаны с потребностью разрушить распространенный миф о его сущности, определяемой точным воспроизведением черт модели. Иллюзионистическими в «Искусстве портрета» названы формы искусства, слепо повторяющие, механически воспроизводящие формы реальности⁴⁸. Здесь автор имеет в виду механистичность портрета-слепка, иллюзию жизнеподобия изображения. «Возникновение портрета нужно искать в маске, в скульптурном оттиске человеческого лица, который снимали с умершего в целях ли сакрального обряда, или как таинственный талисман, или как хитрый обход божественной воли, не давшей человеку бессмертия», – писал в статье о сходстве Б.Р. Виппер, имея в виду в том числе и фаюмские портреты, выполнившие функцию помертвой маски. Эти изображения он характеризует как «замаскированный обман, рассчитанный на наивную впечатлительность»⁴⁹. Однако в «Искусстве портрета» Тарабукин именно на примере фаюмских портретов проводит разграничение между безжизненным повторением (маска) и подлинно художественными образами, по его мнению, эти портреты обнаруживают черты духовного раскрытия личности, а техника исполнения напоминает импрессионистическую⁵⁰. Другая цель обращения к древности – выявление исходной функции портрета и причин его стремления к сходству. Габричевский полагает, что именно сходство усиливало магическую функцию изображения человека, своеобразного аналога личности, затем выражавшуюся уже в виде знака, напоминания⁵¹. О магическом свойстве такого знака позже напишет Лотман: замещающую функцию выполняет и простой отпечаток пальца – один из самых древних портретов-слепков, который подобен име-

⁴⁶ Цирес 1928. С. 152.

⁴⁷ Там же. С. 92-93.

⁴⁸ Тарабукин 1928 С. 161.

⁴⁹ Виппер 1970. С. 345.

⁵⁰ Тарабукин 1928. С. 169.

⁵¹ Габричевский 1928. С. 64-65.

ни, неотделимого от человека⁵². Авторы сборника в некотором смысле предвосхищают положения его статьи. В «Искусстве портрета» аргументированно заявлена точка отсчета в истории портрета, прослеживаются его функции в памятниках культуры и специфических видах социального опыта древности.

Тема кризиса искусства и кризиса изображения человека, а именно так рассматривалось авторами искусство портрета конца XIX - начала XX века, была обоснована Жинкиным в статье «Портретные формы», где он останавливается на данном этапе изображения личности, отмечая «детерминистическую обреченность», «внутреннюю скованность», подчиненность вещи, «владающей его судьбой»⁵³, что показывало невозможность портрета как такового. Вероятно, образ человека, плененного вещью, «натюрморта из человека» (который навеивает в памяти скорее портреты кисти Арчимбольдо, чем картины рубежа XIX-XX веков) оказался одним из самых впечатляющих в его статье⁵⁴. Упоминание данной метаморфозы мы встречаем в ряде последующих публикаций, посвященных портретному жанру, в числе первых из них – монография Алпатова, который пишет: «образ рассыпается как колода карт» по отношению к портрету Удэ работы Пикассо⁵⁵. Также и эпитафическая риторика рассуждений о закате портретного жанра становится общим местом вплоть до конца 80-х, когда в монографии о портрете Л. Зингера идет речь о «различных теоретических концепциях портретной смерти» на Западе⁵⁶. И.Е. Данилова для обозначения кризиса портрета неоднократно прибегает к метафоре утраты личности как стертости человеческого лица⁵⁷. Интересно, что этот характерный образ был почерпнут из работ 1920-х гг.: В. М. Фриче в своей «Социологии искусства» отмечал деформацию портретной формы в XIX веке, как «субъективный произвол художника и стертость человеческого лица»⁵⁸. Для сравнения приведем фрагмент статьи Жинкина о «героическом жесте» Ходлера: «Застывший, схематический, далеко интендированный жест оказывается законодателем природы, это трансцендентальное законодательство безличного субъекта. Характерные формы тела обобщены как категории и стерты в своей земной человечности»⁵⁹. Целью высказывания Жинкина было создание определенной системы характеристик, структуры портрета на про-

⁵² Лотман 2002.

⁵³ Жинкин 1928. С. 10.

⁵⁴ Там же. С. 9.

⁵⁵ Алпатов 1937. С. 56.

⁵⁶ Зингер 1986. С. 5, 189.

⁵⁷ Данилова 1998. С. 53-54.

⁵⁸ Фриче 1926. С. 150.

⁵⁹ Жинкин 1928. С. 45.

стом примере превращения форм тела в конструктивные формы. Но специфика его лексики породила основу для будущих построений истории развития портретного жанра.

Идея «натюрмортности» в портрете начала XX в., родилась не без участия легендарных высказываний Сезанна о том, как следует трактовать природу. Портреты, выполненные Сезанном, как раз и расцениваются как натюрморты Тарабукиным: «Сезанн не написал ни одного портрета. Изображенные им персонажи воспринимались и стилистически интерпретировались им в той же форме, как и излюбленные им фрукты, тарелки, кувшины и проч. Как в этих мертвых предметах, так и в живом лице Сезанн видел элементы объема, цвета и композиции. Как мертвое, так и живое облекал он в мертвую художественную форму, создавая и в изображении человеческого лица – натюрморт»⁶⁰. Еще в 1927 г. Тарабукин делал доклад «Натюрморт как проблема стиля», где также отмечал «гипертрофию власти вещей над человеческим сознанием» и проявление «натюрмортного стиля не только в живописи, но и в других искусствах»⁶¹. Эту проблему пытался разрешить, пользуясь своей трехчастной структурой, Габричевский, говоря, что «всякий современный портрет – в сущности *nature morte*» лишь со стороны изобразительных и конструктивных форм, в то время как «современное искусство потому только не создает «чистого» портрета, что акцент индивидуализации лежит не в изобразительном, а в конструктивном слое, в портрете же акцент как раз лежит на формах изобразительных и, главным образом, на их связи с формами экспрессивными»⁶². Из этой внутренней дискуссии сотрудников ГАХН последующей теорией искусства был вынесен лишь диагноз «натюрмортности» портретного искусства и его «критического» состояния.

Судьба и значение «Искусства портрета»

Выйдя в печать, сборник «Искусство портрета» не произвел особого успеха, исследования его авторов не получили государственной и общественной поддержки, а рецензии, посвященные ему, были отрицательными; тираж (2000 экз.) так и не был распродан⁶³. Через два года после публикации сборника ГАХН прекратила существование, часть сотрудников подверглась репрессиям. Вместе с тем, сейчас сложно представить себе материал об этом жанра, без отсылки к «Искусству портрета». Масштаб фигуры редактора сборника, А.Г. Габричевского, ученого, обладающего многогранным талантом, автора работ об искусстве и архитектуре, а советскому читателю известного в большей сте-

⁶⁰ Тарабукин 1928. С. 191.

⁶¹ Бюллетени ГАХН 1927. С. 35.

⁶² Габричевский 1928. С. 73.

⁶³ Чубаров 2014. С. 279.

пени своими блестящими переводами, служит своего рода маяком, также привлекающим новых исследователей к этому изданию. Отдельные положения сборника уже в ближайшее десятилетие встречаются в литературе о портрете, например, у Алпатова – в описании сакральной роли портрета как части его предыстории⁶⁴, но без прямых ссылок на текст сборника – они появятся лишь в трудах 1960–1970-х годов.

В целом, основной принцип теории портрета, намеченный в сборнике, не был до конца осмыслен и развит в искусствоведении. Метод исследования, избранный авторами, был связан с изучением искусства как языка и превосходил семиотический анализ. Но их приверженность к изучению художественных форм позволила отождествлять эту группу ученых с формалистами, что делало их, по меньшей мере, мишенью для нападков официальной критики.

Авторы «Искусства портрета» не только обратились к основным аспектам проблематики портретного жанра – эти вопросы были рассмотрены и переосмыслены с принципиально новых позиций. Так возникает ряд философско-исствоведческих тем, связанных с портретом, но не получивших дальнейшего развития, в том числе, и по причине уверенности авторов в окончании эпохи портретного изображения. Вместе с тем, в сборнике появились и новые для искусствоведения методы. Так, в основе исследований у всех авторов «Искусства портрета» заметно стремление к структурным построениям. Художественные (портретные) формы анализируются с позиций феноменологии, авторы пишут о портрете, применяя гуссерлианскую терминологию. Цирес в своей статье использует герменевтический подход, о чем пишет сам с первых страниц⁶⁵, на этой основе, анализируя смысловые слои в портрете, вводит понятие портретного знака (те художественные формы, которые могут выступать как обозначающие, иногда имеющие несколько категорий обозначений, например, цвет⁶⁶). Таким образом он создает основательные предпосылки для семиотического анализа в искусствознании. Кроме этого, авторы сборника используют и новую терминологию. Так в их рассуждениях вполне обоснованно возникают понятия: «пластическая метафора», «потенция в портрете», «олицетворенность», именование портретных слоев – «изобразительный, конструктивный, экспрессивный» и ряд других. Проблематика портретного жанра на страницах «Искусства портрета» актуализируется через обновленный искусствоведческий лексикон, через совмещение идей философии и искусствознания, через неожиданные повороты и смены исследовательской точки зрения.

⁶⁴ Алпатов 1937.

⁶⁵ Цирес 1928. С. 88.

⁶⁶ Цирес 1928. С. 102.

История сборника «Искусство портрета» – история идей, которые, несмотря на свой новаторский характер, были вытеснены, исключены из официальной линии развития отечественного искусствознания. В результате задачи, поставленные авторами, не только не были решены – это решение было отложено на неопределенный период времени. Современные дискуссии о проблемах индивидуальности и личности по-прежнему уместны, но проблемы эти выстраиваются в ином контексте, находящем отражение в тех формах искусства, о которых мы не прочтем в сборнике 1928 года.

«Искусство портрета» остается неким культурным феноменом, одним из уникальных свидетельств своей эпохи, запертым в ней наглухо. Его существование ценно, поскольку показывает один из альтернативных вариантов развития искусствознания и, в частности, возможности создания обоснованной теории портрета, вариант в реальности не осуществленный. Постигание стремительно меняющихся форм искусства с помощью поиска новой методологии, вырастающей из философской мысли и из приемов самого искусства, созвучных времени, – эта попытка, предпринятая авторами сборника о портрете, была одним из лучших искусствоведческих опытов в России XX века.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алпатов М.В. Очерки по истории портрета. М.-Л.: Искусство, 1937. 60 с.
- Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. Опыт исследования. М.: Юристь, 1996. 591 с.
- Бюллетени ГАХН / Под ред. проф. А.А. Сидорова. № 1-9. М.: Гос. акад. худ. наук, 1925-1928.
- Вишпер Б.Р. Проблема сходства в портрете // Вишпер Б.Р. Статьи об искусстве / вступ. статья Т.Н. Ливановой. М.: Искусство, 1970. С. 342-351.
- Габричевский А.Г. Портрет как проблема изображения // Искусство портрета. Сб. статей / под ред. А.Г. Габричевского. М.: Гос. Академия Худ. Наук, 1928. С. 53-75.
- Данилова И.Е. Проблема жанров в европейской живописи: Человек и вещь. Портрет и натюрморт. М.: РГГУ, 1998. 100 с.
- Евреинон Н.Н. Оригинал о портретистах (К проблеме субъективизма в искусстве). М.: Государственное издательство, 1922. 112 с.
- Жинкин Н.И. Портретные формы // Искусство портрета. Сб. статей / под ред. А.Г. Габричевского. М.: Гос. Академия Худ. Наук, 1928. С. 7-52
- Зингер Л. Очерки теории и истории портрета. М.: Изобразительное искусство, 1986. 328 с.
- Искусство портрета. Сб. статей / под ред. А.Г. Габричевского. Сборник Комиссии по изучению философии искусства. М.: Гос. Академии Худ. Наук, 1928. 215 с.
- Лазарев В.Н. Портрет в европейском искусстве XVII века. М.-Л.: Искусство, 1937. 98 с.
- Лотман Ю.М. Портрет // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. (Мир искусств). С. 349–375.
- Марцинковская Т.Д., Полева Н.С. Проблемы внутренней формы художественного произведения в работах ГАХН // Культурно-историческая психология. М.: Изд-во МГППУ, 2006. № 2. С. 98–104.
- Обермайр Б. Портрет безобразного времени. Поздние портреты Малевича в контексте дискуссии о сборнике ГАХН «Искусство портрета» // Логос. №2 (75). Философия и науки об искусстве: ГАХН в истории европейского эстетического сознания. М., 2010. С. 136 -150.

- Отчет о работе ГАХН 1911–1925. М.: ГАХН, 1926. 159 с.
- Плотников Н., Подземская Н. Искусствознание: художественная теория в ГАХН как ответ на кризис культуры // Новое литературное обозрение. № 134. М., 2015. С. 136–149.
- Сидоров А.А. Портрет как проблема социологии искусств // Искусство. Кн. II–III. М.: Изд-во ГАХН, 1927. С. 5–15.
- Тарабукин Н.М. Портрет, как проблема стиля // Искусство портрета. Сб. статей / под ред. А.Г. Габричевского. М.: Гос. Академия Худ. Наук, 1928. С. 159–193.
- Тугенхольд Я.А. «О портрете» // Аполлон. № 8. Пб., 1912. С. 33–52.
- Фриче В.М. Портретный жанр // Фриче В.М. Социология искусства М.-Л.: Гос. изд., 1926. С. 144—150.
- Цирес А.Г. Язык портретного изображения // Искусство портрета. Сб. статей / под ред. А.Г. Габричевского. М.: Гос. Академия Худ. Наук, 1928. С. 86–158.
- Чубаров И. Коллективная чувственность: Теории и практики левого авангарда. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 344 с. (Исследования культуры).
- Шапошников Б.В. Портрет и его оригинал // Искусство портрета. Сб. статей / под ред. А.Г. Габричевского. М.: Гос. Академия Худ. Наук, 1928. С. 76–85.
- Misler N. A Citadel of Idealism: RAKhN as a Soviet Anomaly // Experiment. A Journal of Russian Culture. Vol. 3. Los Angeles, 1997. P. 14–30.
- Riegl A. The Group Portraiture of Holland / introduct. by Wolfgang Kemp; transl. by Evelyn M. Kain and David Britt. Los Angeles, 1999. 424 p.
- Simmel G. Das Problem des Porträts // Simmel G Zur Philosophie der Kunst. Potsdam, 1922. S. 96–109.
- Simmel G. Rembrandt. Ein kunstphilosophischer Versuch. Leipzig, 1916. 232 s.

REFERENCES

- Alpatov M.V. Ocherki po istorii portreta. Moscow-Leningrad: Iskusstvo, 1937. 60 s.
- Burckhardt J. Kul'tura Vozrozhdeniya v Italii. Opyt issledovaniya. Moscow: Yurist, 1996. 591 s.
- Byulleteni GAKhN / Pod red. A. A. Sidorov. № 1-9. Moscow: Gos. akad. hud. nauk, 1925–1928.
- Vipper B. R. Problema shodstva v portrete // Vipper B. R. Stat'i ob iskusstve. Articles about art / vstup. st. T. N. Livanovoj. Moscow: Iskusstvo, 1970. P. 342–351.
- Gabrichevsky A. G. Portret kak problema izobrazheniya // Iskusstvo portreta. Sb. statej / pod red. A. G. Gabrichevskogo. Moscow: Gos. Akad. Hud. nauk, 1928. S. 53–75.
- Danilova I. E. Problema zhanrov v evropeiskoj zhivopisi: Chelovek i veshh'. Portret I naturmort. Moscow: RGGU, 1998. 100 s.
- Evreinov N. N. Original o portretistah (K probleme sub"ektivizma v iskusstve). Moscow: Gos.izd-vo, 1922. 112 s.
- Zhinkin N. I. Portretnye formy // Iskusstvo portreta. Sb. statej / pod red. A. G. Gabrichevskogo. Moscow: Gos. Akad. Hud. Nauk, 1928. S. 7–52.
- Zinger L. Ocherki teorii i istorii portreta. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1986. 328 s.
- Iskusstvo portreta. Sb. st. / Pod. red. A. G. Gabrichevsky. Moscow: Gos. Akad. Hud. Nauk, 1928. 215 s.
- Lazarev V. N. Portret v evropeiskom iskusstve XVII veka. Moscow – Leningrad: Iskusstvo, 1937. 98 s.
- Lotman J. M. Portret // Lotman J. M. Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva. St. Petersburg: Akademicheskij proekt, 2002. (Mir iskusstv) S. 349–375.
- Martsinkovskaya T. D., Poleva N. S. Problemy vnutrennej formy hudozhestvennogo proizvedeniya v rabotah GAKhN // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. № 2. Moscow: Izd-vo MGPPU, 2006. S. 98–104.
- Obermayr B. Portret bezobraznogo vremeni. Pozdnie portrety Malevicha v kontekste diskussii o sbornike GAKhN «Iskusstvo portreta» // Logos. №2 (75). Filosofiya i nauki ob iskusstve: GAXN v istorii evropejskogo e'stetcheskogo soznaniya. Moscow, 2010. S. 136–150.
- Отчет о работе ГАХН 1911–1925. Moscow: GAKhN, 1926. 159 s.
- Plotnikov N., Podzemskaya N. Iskusstvo-znanie: hudozhestvennaya teoriya v GAKhN kak otvet na krizis kul'tury // Novoe literaturnoe obozrenie. № 134. Moscow, 2015. S. 136–149.

- Sidorov A. A. Portret kak problema sociologii iskusstv // Iskusstvo. Kn. II-III. Moscow: Izd-vo GAKhN, 1927. S. 5-15.
- Tarabukin N. M. Portret, kak problema stilja // Iskusstvo portreta. Sb. statej / pod red. A. G. Gabrichevskogo. Moscow: Gos. Akad. Hud. Nauk, 1928. S. 159-193.
- Tugenhold J. A. «O portrete». Apollon. № 8. Petersburg, 1912. S. 33-52.
- Friche V. M. Portretnyj zhanr // Friche V. M. Sociologiya iskusstva. Moscow-Leningrad: Gos. izd., 1926. S. 144—150.
- Tsires A. G. Yazyk portretnogo izobrazheniya // Iskusstvo portreta. Sb. statej / pod red. A. G. Gabrichevskogo. Moscow: Gos. Akad. Hud. Nauk, 1928. S. 86-158.
- Chubarov I. Kollektivnaya chuvstvennost': Teorii i praktiki levogo avangarda. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2014. 344 s. (Issledovaniya kul'tury).
- Shaposhnikov B. V. Portret i ego original // Iskusstvo portreta. Sb. statej / pod red. A. G. Gabrichevskogo. Moscow: Gos. Akad. Hud. Nauk, 1928. S. 76-85.
- Misler N. A Citadel of Idealism: RAKhN as a Soviet Anomaly. Experiment. A Journal of Russian Culture. Vol. 3. Los Angeles, 1997. P. 14—30.
- Riegl A. The Group Portraiture of Holland / introd. by Wolfgang Kemp; transl. by Evelyn M. Kain and David Britt. Los Angeles, 1999. 424 p.
- Simmel G. Das Problem des Porträts // Simmel G. Zur Philosophie der Kunst. Potsdam, 1922. S. 96-109.
- Simmel G. Rembrandt. Ein kunstphilosophischer Versuch. Leipzig, 1916. 232 s.

Троицкая Анна Алексеевна, кандидат искусствоведения, научный сотрудник Института Философии СПбГУ; annatroitskaya@gmail.com

Alternative theory of portrait. “The Art of portrait” in the context of Russian theory of art

The paper examines peculiarity of theoretical approach in the collection of research works “Art of Portrait”, published by the Academy of Artistic Culture in 1928. This book still is a cultural phenomenon, whose existence is one of unique evidences of its time. The collection and its main theses are considered in different contexts: the context of time (the 1920s) assumes that portrait painting should be treated as a genre going through crisis; the character of studies, making the collection an example of complex research, which was rather unusual for its age. And finally, perception and reception of the collection’s main theses and its insufficient comprehension in Soviet historiography define its singleness and emphasize that it is necessary to restore its significance for Russian art studies.

Keywords: art studies, theory of portrait painting, A.G. Gabrichevsky, resemblance, perception, artistic image

Anna Troitskaya, Researcher, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University; annatroitskaya@gmail.com

ИСТОРИЯ – ПАМЯТЬ – ИДЕНТИЧНОСТЬ

С. Е. ФЕДОРОВ

ИДЕНТИТАРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДНЕВЕКОВОМ УЭЛЬСЕ ТЕРМИНОЛОГИЯ, ДИСКУРСЫ И СИТУАЦИЯ БИЛИНГВИЗМА¹ (производные от *wēalas* определения)

Статья посвящена анализу идентитарных процессов, протекавших в средневековом Уэльсе в условиях активного для местного населения билингвизма². Сосредотачивая свое внимание на вернакулярных и ориентированных на использование латинских терминов ресурсах, автор стремится определить семантическое поле обозначения «Кутгу», а также используемых за пределами этой традиции латинских определений. Обращая внимание на полисемию термина, автор подчеркивает наличие тенденции на последовательное разграничение вернакулярных и ориентированных на латинские определения языковых ресурсов и как результат – формирующихся на их основе дискурсов. Практики, отталкивавшиеся от такого разграничения, акцентировали его как принципиальное, но при этом неизбежно адаптировались к условиям активного для этого региона Британских островов двуязычия. В этом смысле в основанных на противоположных приоритетах дискурсах могли возникать и возникали поясняющие такие разграничения лексические комбинации, а традиции в свою очередь могли переплетаться. В том случае, когда подобного рода пояснения несли в себе значения внешнего характера (к примеру, производную от *wēalas* терминологию), возникающий таким образом эффект свидетельствовал о дискурсивной аккультурации образованной части туземного населения, но не затрагивал при этом свойственные «валлийскому» дискурсу британские акценты.

Ключевые слова: Средневековый Уэльс, идентитарные процессы, Кутгу, западные бритты, билингвизм, латинский и вернакулярный дискурсы

Отождествление отдельных этнокультурных и этнополитических общностей с географическими пределами острова, было характерно для раннесредневековой истории пиктов, гэлов, а позднее и англосаксов³. При этом за инсулярной фазой обычно следовали определения, лишённые такого обобщенного взгляда, рассчитанные главным образом на «внешнее» использование. Исследования Х. Приса и Р. Дэвиса показали, что валлийская традиция не являлась в этом смысле исключением⁴.

В «Книге из Лландава», составленной на протяжении середины – второй половины XII века, но включающей фрагменты, датированные

¹ Статья написана при поддержке РГНФ (грант 16-01-00108а)

² Публикация является продолжением статьи, опубликованной в предыдущем выпуске журнала. См.: Федоров 2017.

³ Broun 2015 (a) 2015 (б). P.173.

⁴ Pryce 2001; Davies R. 2004.

более ранним периодом,⁵ встречаются две разновидности конструкций, проясняющих смысл ярко выраженных синонимичных параллелей.

С одной стороны, латинские тексты книги закономерно воспроизводят смысловой ряд, в котором «Кумгу» и «Britannia» позиционируются как тождественные в территориальном смысле понятия⁶. Подавляющая часть этих текстов переписаны рукою «А» и датируются 1136–1154 гг.⁷; при этом только один случай был зафиксирован рукою «F_a», датируемой палеографически 1160–1180 гг.⁸ С другой стороны, в латинских текстах присутствует иная параллель, указывающая на произошедший смысловой сдвиг в определении, благодаря которому территория равная современному Уэльсу стала обозначаться с использованием названия “Guallia” (производное от древнеанглийского *wēalas* обозначение). При этом максимальное число употреблений датируется 1136–1154 гг. (рука «А»);⁹ два случая приходятся на период 1160–1180 годов (рука «D»); а еще один на 1154–1175 (рука «B⁵¹»)¹⁰.

Распределение указанных параллелей в «Книге из Лландава» показывает, что практика воспроизведения смысловой связи “Кумгу-Britannia” соответствовала определенному этапу в территориализации этнического самосознания западных бриттов, проживавших в пределах современного Уэльса. При этом речь идет о процессе, протекавшем в условиях сокращения географических пределов когда-то однородного в этническом отношении британского мира. В этой связи упомянутые выше догадки Кормака о существовании единого языка бриттов и факт лингвистической близости (возможно, единства) валлийцев и стратклайдцев, как представляется, могут указывать на частичную аккумуляцию, на начальной стадии которой валлийский язык не воспринимался современниками как самостоятельный¹¹ и оставался неразличимым на уровне понимания в рамках общебриттского языкового субстрата.

Отождествление “Кумгу” и “Britannia”, игравшее на понятном уровне особую роль в коммеморативных практиках и пророчествах западных бриттов вплоть до конца Средневековья, оказывалось в связи

⁵ Davies W. 1974-1976 (рассуждения о датировке: P. 131–132).

⁶ Наиболее ранний случай использования параллели «Кумгу – Britannia» в валлийском и латинском текстах «Привилегии Тейло», вошедшем в «Книгу из Лландава», определяется палеографически как восходящий к периоду 1110–1129 гг. – Davies W. 1974-1976. P. 131–132. Book of Llan Dâv... P. 118 (латинский текст); 120 (валлийский текст).

⁷ Book of Llan Dâv. P. XXIX.

⁸ Book of Llan Dâv. P. 68, 80-81 (tota Guallia), 83, 115, 118, 120, 130, 132-133, 161, 161, 165, 169, 192, 212, 223, 230, 237, 252, 270 (рука «А»); 278 (рука «F_a»)

⁹ Book of Llan Dâv. P. 240, 241, 252-254, 269, 274, 275.

¹⁰ Book of Llan Dâv. P. 87, 278; 2.

¹¹ Fulton 2013. P. 3-19.

с экстерииоризацией инструментально слабой параллелью. Определявший подобную категоризацию прием лишал собственно Кумру желательной спецификации, поскольку акцентировал их бриттское происхождение, указывая на тот тип гентилизации, на который могли претендовать и прочие бриттские народы. При этом в рамках характерных для интерииоризации приемов такая параллель могла оставаться и, как показывает анализ текстов, оставалась вполне востребованным ресурсом. Претензия Кумру на самость и собственно этнический профиль западных бриттов оставались в этом смысле самодостаточными для ориентированного на «внутреннее» потребление дискурса, но размывались, когда, к примеру, возникала потребность к их сопоставлению с проживавшими за пределами современного Уэльса родственными анклавами. Смысловая параллель “Кумру-Guallia” была «усиленным», предназначенным для «внешнего» дискурса приемом и предполагала прежде всего экстерииоризацию самосознания западных бриттов, как правило, в более широком этнокультурном и этнополитическом контексте. При этом после появления обозначения “Guallia” ориентированный на использование латинских обозначений дискурс и основанный на вернакулярных понятиях ресурс уже более никогда не соприкасались¹².

Возникшее в результате разграничение традиций во многом объясняет идентитарные процессы, протекавшие на территории современного Уэльса уже в эпоху зрелого Средневековья и характеризовавшиеся постепенной кристаллизацией собственно валлийского самосознания. Роль внешнего фактора, предопределившего необходимость в экстерииоризации идентитарных процессов, оставалась в этот период весьма значительной. Именно под влиянием этого фактора в созданных на территории современного Уэльса латинских текстах постепенно адаптируются производные от древнеанглийского *wēalas* определения с их четко выраженной направленностью на раздельное использование этнических и территориальных обозначений.

¹² Тенденция к четкому разграничению двух традиций хорошо просматривается на примере датируемых не ранее концом XIII–XIV в. валлийских хроник. В «Хронике принцев» использование обозначение “*Brytaniaid*” (бритты – синоним “*Brython*” в записях до 1135 г. за исключением трех последующих случаев (Peniarth 20: 1191; Red Book of Hergest: 1161-1165 и 1196-1197) сменяется определением “Кумру” в более поздних описаниях (Bryt у *Tuwysogyon*. Peniarth MS 20. Version...; Bryt у *Tuwysogion*...). При этом в «Анналах Камбрии» (*Annales Cambriae*...) обозначение “*Britannia*” регулярно встречается в записях до 1114 г. (версия В), уступая в дальнейших описаниях обозначению “*Wallia*”. При этом в версии С наблюдается иного рода тенденция, связанная с использованием восходящего к Гиральду Камбрийскому термина “*Cambria*”, который тем не менее позиционировался в последующей традиции как синонимичное “*Gwallia*” определение (см. записи, датируемые 1114, 1136, 1163, 1164, 1165, 1166 гг.).

Согласно общепринятой в современной литературе гипотезе, слово “*wealh*” появляется в древнегерманском языке и уже на этой стадии используется как обозначение племени вольков (лат. *Volcae*),¹³ первоначально обитавшего на территории современной Моравии, западнее зоны традиционного проживания бойев, а затем расселившегося в южной Франции, долине реки Эбро и малоазиатской Галатии¹⁴. Применявшийся первоначально для обозначения одного конкретного племени, этот термин позднее стал использоваться для указания на кельтские,

¹³ Кельтский корень **uolco-*, возможно, происходит от индоевропейского **g^{wh}ol-ko*, который в свою очередь был связан **g^{wh}el*. *Dictionary of Continental Celtic Place-Names...* 2010. P. 35.

¹⁴ Обычно отмечают, что в протогерманском языке древнегерманскому *wealh* соответствовала форма **walxaz*, которая одновременно указывает и на первый перебой в согласных (/k/ > /x/), и на изменение /o/ и /a/ на /a/, подтверждая тем самым распространенную в современной литературе датировку такого заимствования. Как правило, исследователи склоняются к мысли, что такое заимствование могло произойти во второй половине I тыс. до н. э., т.е. в период наиболее интенсивного общения германских племен с вольками (Кузьменко 2011. С. 30-31; Oxford Dictionary of English Etymology. P. 999; Kruta 2004. P. 204; Scardigli 2002-2005. Vol. 1. P. 578). История дальнейшего фонологического развития этой формы в древнегерманском языке была связана с рядом последующих изменений. Отмечается, что форма единственного числа именительного падежа, а также корневой гласный **-az* были утрачены еще в дописьменный период. Образовавшаяся к этому времени форма **walx* превращается впоследствии в основу для формирования различных диалектных вариаций произнесения, а затем и написания этого слова. Так, в уэссекском диалекте корневая основа **walx*, испытав на себе влияние первого передвижения гласных (фонема /a/ изменилась на фонему /æ/), и тем самым образовалась форма **wælx*. В свою очередь эта форма подверглась воздействию так называемой дифтонгизации, в ходе которой гласные переднего ряда /æ, e, i/ оказались преломленными перед согласными /l, r, x/ и в результате появления переходного гласного звука /a/ образовали новую форму этого существительного. Это изменение выразилось в том, что первоначально возникший вариант дифтонга /æi/ изменился на /æa/, определив окончательную фиксацию последующего краткого дифтонга <ea> с передне-задним скольжением. Иными словами, фонема /æ/ в существительном **wælx*, дифтонгизируясь перед сочетанием согласных /lx/, образовывала новую форму *wæalx*, написание которой соответствовало известным по более позднему времени формам именительного и творительного падежей существительного «*wealh*» (Hogg. *A Grammar of Old English*. 1992-2011. Vol. I. § 520). Известно, что фонема /x/ обычно оглушается в речи после согласных и перед закорневыми гласными при склонении существительных. При этом более позднее удлинение приходится на предшествующую гласную или же сам дифтонг (Campbell. *Old English Grammar*. §241), образуя тем самым искомую основу *wæal-* вместо устаревшей к этому времени *wæalx-*. Если принять во внимание происходившие таким образом изменения, то базовые формы единственного и множественного числа для существительного *wealh* в западноанглийском (уэссекском) диалекте будут выглядеть следующим образом: nominative: *wealh / wēalas*; accusative: *wealh / wēalas*; genitive: *wēales / wēala*; dative: *wēale / wēalum*. В восточноанглийских диалектах ситуация с эволюцией фонологии понятия за некоторыми исключениями повторяла описанную. Lass 1994. § 6.11.

а затем и италийские племена, говорившие, как известно, на очень схожих и родственных языках и, судя по всему, воспринимавшихся именно тогда без строгих лингвистических отличий. После того, как область применения этого обозначения была расширена до характеристики находившихся в зоне непосредственного контакта с германцами романских народов, он получил дополнительное значение¹⁵.

Вся совокупность соприкасавшихся с германскими племенами народов приобрела оттенок чужеродности, ее смысловые границы, как представляется, оставались сугубо лингвистическими, а за самим термином закрепилось определение «инородец». При этом оба значения были не только взаимосвязаны, но и выполняли самостоятельную роль в различных языковых и культурно-исторических ситуациях¹⁶. Использование этого термина в значении «инородец» определялось не столько благодаря дистанции или же границам сопредельных территорий (в таком случае значение «чужеземец» было бы уместнее), сколько его соотносительностью с определенной родственной группой, говорившей на отличавшем ее от германцев языке¹⁷. Обозначение применялось ис-

¹⁵ Континентальная эволюция значений этого термина обстоятельно исследована: Weisberger 1948. S. 87-146.

¹⁶ Оттенки, так или иначе указывающие на прямую или косвенную связь отдельных слов и словосочетаний, содержащих в своей основе *wealh*, с этнической сферой – явление вполне очевидное для древнеанглийского языка. Выделяется относительно небольшая группа сложных слов, в которых *wealh(h)*- обычно указывается на определенное качество инаковости, в некоторых случаях диковинного происхождения обозначаемых таким образом предметов и явлений. Значительная часть этих оттенков характерна для понятий, обозначающих различные формы как растительного мира (*wealh-moge* [морковь], другие виды посевного пастернака, *wealh-wurt* [бузина дикая]. *An Eighth-Century Latin-Anglo-Saxon Glossary...* P. 89), так и животного мира (*wealh hafoc* для обозначения диковинных для Британии хищных птиц: *Ælfrics Grammatik und Glossar...* S. 307.). Подчеркиваемая при этом органическая и генетическая инородность обозначаемого, как правило, дополнительно указывала на его связь с *romanitas* и в этом смысле содержала известное противопоставление традиционным атрибутам англосаксонского мира (*weahhnutu* [грецкий орех], завезенный на Британские острова переселенцами, противопоставлялся более привычному для англосаксов фундуку [*hæselhnutu*]. *Old English Dictionary online. s.v. «wulnut»* (www.lexilogos.com/english))

¹⁷ Такого рода тенденция сохраняется и среди островных англов и саксов. Ряд примеров свидетельствует о наличии слова “*wealhstod*”, которое в своем первоначальном смысле указывало на человека, обладавшего знанием древнеанглийского и языка *Wēalas* (первоначально – языка бриттов, а только потом – валлийцев) и, следовательно, способного выступать в качестве посредника (переводчика) между двумя этническими группами. Wright 1884. Vol. I. col. 86, 60; *An Etymological Dictionary of the English Language...* Vol. 2. P. 562; Bosworth, Toller. *Anglo-Saxon Dictionary*. P. 1174. Известны также два случая, когда данное слово использовалось в качестве имени духовного лица. Речь идет об епископе Герефорда (729-734), возглавлявшем диоцез, который располагался в зоне максимального смешения бриттов

ключительно к тем родственным, лингвистически обособленным группам, которые проживали в пределах Римской империи и, следовательно, по формальным признакам считались туземным населением¹⁸. Словарные статьи, фиксируя варианты употребления этого термина, выделяют наиболее характерные для них значения (иностранец – кельт, валлиец), но опускают не менее принципиальные для эволюции понятия смысловые оттенки (соплеменник вольков (вольк) – житель Римской империи – носитель различных кельтских и/или, но отчасти, сначала италийских, а затем и романских языков). При этом независимо как от объема воспроизводимых в словарных статьях значений, так и от предпочтений, согласно которым выстраивается основная эволюция самого термина, лексикографы указывают в качестве конечных две позиции – «валлиец» (без отмечаемого Х. Кларком и Д. Ричардом оттенка)¹⁹ и «раб»²⁰. Область применения этих значений, сформировавшаяся в условиях средневекового британского мультилингвизма, но оставшаяся за пределами интересов Х. Приса и Р. Дэвиса²¹, сыграла решающую роль не только в дискурсивной аккультурации²² западных бриттов.

и саксов, а также об имени одного из монахов Линдисфарна (685) – монастыря, находившегося также в местности активного контакта между северными бриттами и англами. Searle. *Onomasticon Anglo-Saxonicum*... P. 481. Д. Толкин указывает на одно любопытное с этой точки зрения заимствование в валлийском языке, выраженное в форме “gwalstawi”, ставшее в конечном счете обозначением человека, владеющего всеми островными, в том числе и бриттским, языками. Tolkien 1963. P. 25. М. Фолл, ссылаясь на перевод Альфреда «Попечения о душе» Григория Великого (King’s Alfred’s West-Saxon Version... P. 7.), приводит пример, когда римляне, обладавшие навыками перевода с греческого и иврита на латынь, именовались в нем как “*ðurh wise wealhstodas*”, позволяющий говорить о последующем расширении первоначального значения слова. Faull 1975. P. 26.

¹⁸ Watkins 1966; Kortlandt 1981; Jenkins 1990. P. 55.

¹⁹ Значение «срамник» фиксируется в глоссариях древнеанглийского языка исключительно для формы “walana”, смысл которой передается, к примеру, у Алдхельма, латинским эквивалентом “*proteruorum*”. Langenove 1941. P. 10. В этом плане пояснения Кларка и Ричарда следует отнести к аномальным значениям. См.: *Old English Glosses*... 1900. P. 135; *The Old English Glosses* 1974. P. 481. Более любопытными с точки зрения возможных смыслов, закрепившихся за производными от *wealas* словами, являются примеры, которые можно почерпнуть из глосс, сохранившихся в рукописях XI–XIII вв. Так, например, латинское слово “*barbarous*” в его исходном и широко известном смысле передавалось как “*walch siue ungerad*”. При этом прилагательное “*ungerad*” традиционно понималось как грубый, необученный, глупый и невежественный. Wright 1884. Vol. I. col. 29, 361.

²⁰ Bosworth, Toller. *Anglo-Saxon Dictionary*. P. 1173 (иностранец (foreigner), буквально – кельт..., бритт, валлиец..., римлян..., раб..., слуга); Holthausen 1921. S. 389 (иностранец (fremder), раб, бритт, валлиец). Clark, Richard. *A Concise Anglo-Saxon Dictionary*. P. 399 (иностранец, раб, бритт, валлиец (с оттенком “срамник”).

²¹ Pryce 2001; Davies R. 2004. P. 45-64.

²² Fulton 2011. P. 145-171.

Не менее значимыми были последствия, связанные с развитием особых форм и вариантов их употребления в историко-культурной традиции, ориентированной на латиноязычную и соответствующую ей терминологию, и, как представляется, позволяющие противопоставлять оформлявшийся таким образом дискурс другому, по мнению исследователей, собственно «валлийскому» дискурсу. Благодаря вытеснению сервильного элемента в определении “*wealth*” к концу XI в.²³ и сужению семантического поля в обозначении рабства до значений, обычно связываемых с понятиями “*rgæl*” и “*esne*”²⁴, ориентированные на ситуацию би-лингвизма формы саморепрезентации западных бриттов приобретут особый характер. Речь идет прежде всего о том, что характерные для западных бриттов идентитарные связи будут выстраиваться с использованием различных языковых ресурсов. Интериоризация – процесс, направленный «на себя» или же «на себе подобных» будет развивать вернакулярный дискурс. Напротив, экстериоризация потребует мобилизации более универсальных лингвистических средств (сначала латынь, а затем, но намного позднее – английский язык).

Характер и специфика каждого из дискурсов отражала еще, по меньшей мере, два существенных момента, непосредственно связанных с последующей эволюцией кельтского мира после крушения Римской империи. С одной стороны, речь идет о постепенной аккультурации, затем исчезновении очагов кельтской культуры и, как следствие, носителей кельтских языков на континенте. С другой – существенной оказывается динамика этнических процессов собственно на территории Британских островов и более конкретно – на самом крупном острове архипелага. Романизация кельтских групп на континенте, как представляется, сместила культурный центр кельтского мира на территорию Альбиона, превратив его, прежде автономный инсулярный вариант, в единственно актуальный. *Adventus Saxonum*, став причиной масштабной аккультурации местного кельтского населения в восточной, юго-западной и центральной областях бывшей римской провинции, почти не затронул очаги кельтской культуры в ее западной и северо-западной части. Мир бриттов или собственно бритты – *wēalas*, как теперь их называли англосаксы, предельно сузился сначала до границ этих территорий, а затем после падения бриттского Алт Клута в XI в. стал, как уже отмечалось, исключительно «валлийским» по своей сути.

Наиболее показательными с точки зрения интересующей нас эволюции являются случаи употребления *wealth* и его производных в Англосаксонской хронике, содержащихся в ее составе поэтических тек-

²³ Faull 1975. No. 8. P. 20-44. (об эволюции социального значения термина: P. 26-31, 35)

²⁴ Pelteret 1995. P. 34, 43, 51-53, 70, 319-22, 325, 327.

стов («Битва при Брунанбурге», «Смерть Эдуарда»), связанных с нею фрагментов (Анналы Рочестера) и «Ордонасах, касающихся народа на холмах» (*Dunsæte*),²⁵ включая сохранившиеся королевские и частные хартии. Все встречающиеся в этих текстах варианты употребления дериватов, образованных от или с помощью *weal(h)*, соотносятся с реалиями, среди которых отношения между различными народами, населявшими территорию Британских островов, занимают особую роль.

В наиболее ранних из описываемых в хронике эпизодов *wealth* используется в тех случаях, когда речь идет главным образом о группах кельтских племен, населявших территорию римской провинции, но без естественного для более предметных сообщений уточнения. Так, в одной из записей отмечается, что «в этот год Клавдий, король римлян, переправился в Британию, покорил этот остров и сделал пиктов и *wēalas* [в данном случае по смыслу – бриттов] подвластными римскому королевству»²⁶. *Wēalas* употребляется и в сложных словах, причем, несмотря на присутствие в тексте хроники таких форм как “*Galwalas*”, обозначающей континентальных галлов²⁷, все прочие составные дериваты используются в основном для указания на островные этнические группы. Среди такого рода указаний различаются два варианта обозначения бриттского населения при помощи сложносоставных слов. Первый указывает на присутствие в языке хрониста определенного синонимического ряда, когда сложные по составу термины разнообразят лексику повествования, но не создают при этом дополнительных значений. Примером может служить понятие «*Bretwēalas*» (*Brytwalas*), заменявшее более простое определение «бритты»²⁸ и в этом смысле не привносившее ничего семантически существенного по сравнению с более привычной формой «*wēalas*».

Напротив, в использовании таких сложных дериватов как ‘*Nordwēalas*’, ‘*Stræcledwēalas*’, ‘*Westwēalas*’, ‘*Cornwealan*’ наблюдается противоположная тенденция, связанная с конкретизацией историко-

²⁵ Die Gasetze der Angelsachsen... Bd. 1. S. 374-378; Noble 1983. Vol. 114. (англ. перевод: P. 105–109).

²⁶ ASC MSC P. 46. (аналогичное употребление: P. 29 (473, 477), 30 (485, 495 гг.), 35, 36, 39, 46 (743, 753 гг.), 53, 54, 74, 76, 79, 84, 107, 110, 116, 118; ASC MSE. P. 3, 17 (465, 473, 477, 485 гг.), 18, 22 (597, 605 гг.), 23 29, 35, 37 (743, 753 гг.), 44, 45. Данные приводятся без исключения повторяющихся записей с тем, чтобы показать устойчивость традиции независимо от переписчика/ов.

²⁷ ASC MSE. P. 3, 12, 26, 30, 34; The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition. Vol. 8: MS. F. P. 381.

²⁸ The Anglo-Saxon Chronicle...: A Collaborative Edition. Vol. 3: MS. A. P. 32. (далее – ASC MSA); ASC MSC P. 41, 47; ASC MSE. P. 3, 8, 9, 16, 21, 33, 38. Данные приводятся без исключения повторяющихся записей с тем, чтобы показать устойчивость традиции независимо от переписчика/ов.

культурной и территориальной специфики той или иной кельтской, но при этом островной языковой группы.²⁹ Практически во всех известных случаях такого рода уточнения относятся к более поздним по времени сюжетам и совпадают так или иначе с периодом создания самой хроники, отражая при этом не только изменившуюся к концу X – началу XI в. социальную реальность, но и более полные знания саксов об этнической специфике острова.

Появление сложных по своему составу обозначений различных групп кельтского населения Британии указывало на еще одну особенность понятийного аппарата саксонских хронистов. Отсутствие в их арсенале аналогичных по характеру терминов, обозначающих туземное население Уэльса, могло свидетельствовать и об известном сужении семантического поля самого понятия “wēalas”, и о его избирательном использовании в связи с этой группой бриттского населения острова. При этом обозначение прочих родственных западным бриттам образований сопровождалось использованием префиксов, облегчавших их идентификацию и уточнявших их этнокультурную и, как правило, территориальную дислокацию.

Отсутствие префиксов в словообразованиях, уточняющих ту или иную форму в определении западных, могло указывать и, по всей видимости, указывало на использование иного рода лексических и грамматических приемов, служивших для менее очевидной конкретизации используемых в хронике значений. В отдельных, относящихся к X–XI вв. фрагментах наблюдается известный сдвиг, связанный с удвоением смысла не только предлогов (в частности предлога *on*)³⁰, используемых для указания на направление движения, но и следовавших за ними определений. Так, например, в фразе «Ætelflæd sende fyrde on Wealas» (916 г.) смысл выражения «*on Wealas*»³¹ мог одновременно указывать и на «валлийцев» (буквально – «к валлийцам»), к которым Этелфледа, королева Мерсии (ум. 918), направила свои войска, и на Уэльс (буквально – в Уэльс), который ожидала такая же участь³².

Показательна в этой связи и практика использования в качестве прилагательного производной от “wealas” формы “wielisc” или

²⁹ ASC MSA. P. 58, 69; The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition. Vol. 6: MS. D. P. 19; ASC MSC. P. 65, 88; 61 (Stræcled wēalas); 54, 56, 68 70, 88; The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition. Vol. 8: MS. F. P. 75; ASC MSE. P. 45, 47, 62, 85; 50 (Strætledwelas); 44, 45; 62. Данные приводятся без исключения повторяющихся записей с тем, чтобы показать устойчивость традиции независимо от переписчика/ов.

³⁰ Bosworth, Toller. Anglo-Saxon Dictionary... P. 744-746.

³¹ ASC MSC. P. 76, (аналогичное употребление: P. 84, 116).

³² Только в одном случае – запись 1046 г. используется выражение «into Wealan», обозначающее направление движения в Уэльс. Ibid. P. 109.

“*wylisc*”³³. Так, в пассаже, повествующем о прибытии ирландских кораблей «*on Wylisce Axa*» сообщается об ущербе, нанесенном их экипажам Гриффидом ап Ридерхом (ум. 1055), «*waeliscan cynges*»³⁴. Поскольку и сам Гриффид, и упоминаемый в пассаже Уск (Аха) имели прямое отношение к Уэльсу, то использование формы «*wylisc*» могло одновременно указывать и на их связь с определенной этнической группой, и на их сопричастность заселенной этой группой территории. При этом означала ли фраза «*on Wylisce Axa*» географическое или же территориальное положение этого города, а «*waeliscan cynges*» – этническое происхождение упоминавшегося в пассаже монарха или же наоборот речь шла о короле Уэльса и принадлежавшем валлийцам городе – судить достаточно сложно. Так или иначе, но употребление *wielisc* подразумевало амбивалентность описываемой ситуации, допускавшей известное «переключение» смысла между присутствующими в тексте этнически и территориально окрашенными обозначениями. Акцент на территориальной составляющей определения был в практике использования различных форм *wēalas* новацией и отражал, как представляется, сугубо островную специфику.

Тексты королевских хартий и договоров, сконцентрированные, как правило, на регулировании локальных явлений и событий, используют *wēalas* в связи с обозначением тех языковых групп, среда обитания которых была первоначально связана не только с территорией современного Уэльса, но и с Девонем, и Корнуоллом³⁵. Так, в одном из наиболее ранних примеров употребления этого термина – тексте завещания Альфреда (849–901) перечисляется ряд владений, которые король передает после своей смерти младшему сыну. Речь идет о землях, принадлежавших королю «*on Wealcynne*». М. Лапидж и С. Кейнис, исходя из упоминаемых в тексте завещания топонимов, справедливо переводят это выражение как «у корнуолльцев», подтверждая тем самым отсутствие у саксов этого времени строгого разграничения не только между различными островными кельтскими группами, но и собственно между «валлийскими» и иными юго-западными территориями³⁶.

В тексте договора «*Dunsæte*» (вторая половина X в.) ситуация, казалось бы, меняется, поскольку речь идет о разграничении зон влияния

³³ Ibid. P. 29, 114, 115, 116, 117; ASC MSE. P. 106, 108, 117, 121. Данные приводятся без исключения повторяющихся записей с тем, чтобы показать устойчивость традиции независимо от переписчика/ов.

³⁴ ASC MSC. P. 69.

³⁵ Ibid. P.84.

³⁶ Подобно этому тексту, хартия Эдреда (923-955) также использует выражение «*on wealut*» при обозначении месторасположения земель вокруг Pendyfig (a), который находился в Корнуолле. Любопытен также пример подобной амбивалентности: Sawyer 552 // The Electronic Sawyer... (<http://www.sawyer.uk>)

(юрисдикции) по реке Уай, служившей на определенном участке естественной границей между саксонскими (английскими) и собственно валлийскими владениями. Но какой смысл вкладывался в выражение «*wealhdeode readboran*» и были ли эти советники – советниками «от валлийцев», однозначно судить затруднительно³⁷. При этом употребление в тексте договора двух взаимозаменяемых определений *wealh* и *wylsic* для обозначения «валлийцев», в известной степени указывает не только на те же закономерности, что были характерны для отдельных пассажей «Англосаксонской хроники», но и в принципе на существование основной на схожих принципах традиции.

Как показали Х. Прис и Р. Дэвис, именно эта традиция и характерный для нее дискурс определили контекст использования производных от *wēalas* обозначений в латинских текстах, начиная с середины XII в.³⁸ Поскольку весь объем сохранившихся памятников относится исключительно к официальным, ориентированным на «внешнее» восприятие текстам и при этом неизвестны случаи вернакулярного транскрибирования восходящих к саксонским свидетельствам обозначений, практика употребления таких определений может характеризовать уникальный процесс. Связанный, как представляется, с формами репрезентации западно-бриттских правителей и подвластной им территорий, ориентированными на внешнюю (в основном – английскую, реже – континентальную³⁹ аудиторию), такой процесс указывал на дискурсивную аккультурацию, судя по всему, весьма ограниченной части туземного населения, проживавшего на территории современного Уэльса. При этом ориентированный на «внутреннее» потребление дискурс продолжал воспроизводить использующие бриттский контекст терминологические ресурсы и оставался в этом смысле консервативным и ретроспективно оформленным. Вопрос о том, под влиянием каких факторов произошло отделение значений *Kumry* и образовался самостоятельный, зафиксированный в валлийских словарях комплекс обозначений, остается открытым и нуждается в дальнейшем специальном исследовании.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Кузьменко Ю.К. Ранние германцы и их соседи. Лингвистика, археология, генетика. СПб., 2011.
- Федоров С.Е. Идентитарные процессы в средневековом Уэльсе. Терминология, дискурсы и ситуация билингвизма // Диалог со временем. 2017. Вып. 61. С. 25-40.
- Kuz'menko Yu.K. Rannie germantsy i ikh sosedi. Lingvistika, arkhеologiya, genetika. SPb., 2011.
- Fyodorov S.E. Identiarnui processui v srednevekovom Yelse // Dialog so vremenem. 2017. Vuip. 61. S. 25-40.

³⁷ Die Gasetze der Angelsachsen... Bd. 1. S.375-376.

³⁸ Pryce 2001; Davies R. 2004. P. 48-64.

³⁹ Pryce 1998.

- A Dictionary in Englyshe and Welshe Moche Necessary to All Suche Welshemen As Will Spedly Learne the Englyshe Tōgue Thought Vnto the Kynges Maiestie ... in Wales: Wherevnto Is Pfixed a Litle Trea. Imprynted at London in Foster Lane, by me John Waley, 1547. London: Printed for the Cymmrodorion society by T. Richards, 1877. 182p.
- Alfrics Grammatik und Glossar: Text und Variaten / Ed. J. Zupitza. Berlin: Weidmann, 1966. 332 p.
- An Eighth-Century Latin-Anglo-Saxon Glossary Preserved in the Library of Leiden University (Ms. Voss. Q^o Lat. N°. 69) / Ed. J. Hessels. Cambridge: CUP, 1890. 308 p.
- Jones A. Darogan. Prophecy, Lament and Absent Heroes in Medieval Welsh Literature. Cardiff: Wales University Press, 2013. 334 p.
- An Etymological Dictionary of the English Language / Ed. W.W. Skeat. 2Vols. Oxford: Clarendon Press, 1879 – 1882. Vol. 2. 780 p.
- Annales Cambriae / Ed. J. Williams ab IteI. London: Longman & Green, 1860.172 p.
- Asser's Life of King Alfred / Ed. W. Stevenson. Oxford: The Clarendon Press, 1904. 368 p.
- Book of Llan Dâw / Ed. J. Rhys and J.G. Evans. Oxford: Clarendon Press, 1883. 428 p.
- Bosworth J., Toller T. Anglo-Saxon Dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1882. 1316 p.
- Broun D. Britain and the Beginning of Scotland. Sir Jonh Rhÿs Memorial Lecture // Journal of the British Academy.2015 (a). Vol. 3. P.107-137.
- Broun D. Rethinking Scottish Origins // Barbour's Bruce abd its Cultural Context. Politics, Chivalry and Literature in Late Medieval Scotland/ Ed. S. Boardman and S. Foran. Woodbridge: Boydell & Brewer, 2015 (b). P. 163-190.
- Bryt y Tywysogion, or The Chronicle of the Princes. Red Book of Hergest Version / Ed. T. Jones. Cardiff: Gwasg Prifysgol Cymru, 1973. 246 p.
- Bryt y Tywysogyon. Peniarth MS 20. Version/ Ed. T. Jones. Caerdydd: Gwasg Prifysgol Cymru, 1941. 225 p.
- Campbell A. Old English Grammar. Oxford,: Clarendon Press 1959. 423 p.
- Clark H., Richard J. A Concise Anglo-Saxon Dictionary Cambridge: Cambridge University Press, 1960. 567 p.
- Conceptualizing Multilingualism in Medieval England, c. 800 – c. 1250 / Ed. E. Tylor. Turnhout: Brepolis, 2011. 368 p.
- Davies J. Liber Landavensis: Its Date and the Identity of its Editor // Cambrian Celtic Studies. 1998. Vol. XXXV. P. 1-11.
- Davies R. The Identity of Wales in the Thirteenth Century // From Medieval To Modern Wales. Historical Essays in Honour of Kenneth O. Morgan and Ralph A. Griffiths / Ed. R. Davies & G. Jenkins. Cardiff: Wales University Press, 2004. P. 45-64.
- Davies W. Braint Teilo // Bulletin of the Board of Celtic Studies. 1974-1976. Vol. XXVI. P. 123-137.
- Dictionary of Continental Celtic Place-Names: A Celtic Companion to the Barrington Atlas of the Greek and Roman World / Ed. A. Falileyev et al. Aberystwyth: CMCS Publications, 2010. 285 p.
- Die Gasetze der Angelsachsen / Ed. F. Liebermann. 3Bds. Halle: S., M. Niemeyer, 1903-1916. Bd. 1. 667 S.
- Faull M. The Semantic Development of Old English wealth // Leeds Studies in English. 1975. No. 8.
- Fulton H. Negotiating Welshness: Multilingualism in Wales before and after 1066 // Conceptualizing Multilingualism in Medieval England, c. 800 – c. 1250 / Ed. E. Tylor .Turnhout: Brepolis, 2011. P. 145-171.
- Fulton H. The Status of the Welsh Language in Medieval Wales // The Land beneath the Sea Essays in Honour of Anders Ahlqvist's Contribution to Celtic Studies in Australia Ed. P. O'Neill. Sydney: Celtic Studies Foundation, University of Sydney Press, 2013. P. 3-19.
- Hogg R. A Grammar of Old English. 2 vols. Oxford: Wiley-Blackwell, 1992–2011. Vol. I: Phonology. 364 p.
- Holthausen F. Altsächsisches Elementarbuch / Germanische Bibliothek. Bd. 5. Heidelberg: Carl Winter, 1921. 260 p.

- Hunter J. *Soffestri'r Saeson. Hanesyddiaeth a Hunaniaeth yn Oes y Tuduriaid*. Caerdydd: Gwasg Prifysgol Cymru, 2000. 160 p.
- Hunter J. *The Literary Nation: Textual Construction of Welsh Nationhood c. 1282 to 1997* // *Proceedings of the Harvard Celtic Colloquium*. 1999. Vol. 18 (19). P. 73-144.
- Isaac G. *Armes Pydain Fawr and St David* // *St David of Wales: Cult, Church and Nation* / Ed. J.W. Evans & J.M. Wooding. Woodbridge: Boydell Press, 2007. P. 161-184.
- Jackson K. *Language and History in Early Britain*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1953. 752 p.
- Jackson K. *Two Early Scottish Names* // *Scottish Historical Review*. 1954. Vol. XXIII. P. 16-18.
- Jenkins D. *Gwalch: Welsh* // *Cambridge Medieval Celtic Studies*. 1990. Vol. 19.
- Kortlandt, F. *More Evidence for Italo-Celti* // *Ériu*. 1981. Vol. 32. P. 1-22.
- King's Alfred's West-Saxon Version of Gregory's Pastoral Care / Ed. H. Sweet. L.: EETS, 1871. 288 p.
- Kruta V. *Celts: History and Civilization*. London: Hachette Illustrated UK, 2004. 240 p.
- Lass R. *Old English: A Historical Linguistic Companion*. Cambridge: CUP, 1994. 324 p.
- Life of St Cadog* // *Vita Sanctorum Britanniae et Genealogiae* / Ed. A. Wade-Evans. Cardiff: Wales University Press, 1944. P. 24-142.
- Langenove G. van. *Adhelm's De Laudibus Virginitatis with Latin and Old English Glosses*. Bruges: Bruges, 1941. 342 p.
- McManus D. *Linguarum Diversitas: Latin and the Vernaculars in Early Medieval Britain* // *Peritia*. 1983. Vol. 3. P. 151-188.
- Noble F. *Offa's Dyke Reviewed* / Ed. by M. Gelling // *British Archaeological Reports. British Series*. 1983. Vol. 114. 34 p.
- Old English Glosses: Chiefly Unpublished* / Ed. A. S. Napier // *Anecdota Oxoniensia, Mediaeval and Modern Series*. Vol. 11. Oxford: Clarendon Press, 1900. 432 p.
- Oxford Dictionary of English Etymology* / Ed. C. Talbot et al. Oxford: Clarendon Press, 1966. 1042 p.
- Pelteret D. *Slavery in Early Mediaeval England*. Woodbridge: Boydell, 1995. 395 p.
- Phillimore E., Edwards W. *The Settlement of Brittany* // *Y Cymmrodor*. 1892. Vol. XI. P. 42-100.
- Pryce H. *British or Welsh? National Identity in Twelfth-Century Wales* // *English Historical Review*. 2001. Vol. 116. P. 775-801.
- Pryce H. *Owain Gwynned and Louis VII* // *Welsh History Review*. 1998. Vol. 19. P. 1-28.
- Searle W. *Onomasticon Anglo-Saxonicum: a List of Anglo-Saxon Proper Names from the Time of Bede to that of King John*. Cambridge: Cambridge University Press, 1897. 601 p.
- The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition. Volume 3: MS. A: A Semi-Diplomatic Edition with Introduction and Indices* / Ed. J. M. Bately. Cambridge: Brewer, 1986. 126 p.
- The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition. Volume 5: MS. C: A Semi-Diplomatic Edition with Introduction and Indices* / Ed. K. O'Brien O'Keefe. Cambridge: Brewer, 2001. 124p.
- The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition. Volume 6: MS. D: A Semi-Diplomatic Edition with Introduction and Indices* / Ed. G. P. Cubbin. Cambridge: Brewer, 2001. 123p.
- The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition. Volume 7: MS E: A Semi-Diplomatic Edition with Introduction and Indices* / Ed. S. Irvine. Cambridge: Brewer, 2004. 174p.
- The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition. Volume 8: MS. F: A Semi-Diplomatic Edition with Introduction and Indices* / Ed. P. S. Baker. Cambridge: Brewer, 2000. 158p.
- The Old English Glosses of MS. Brussels, Royal Library 1650* / ed. by L. Goossens // *Verhandelingen van de Koninklijke Academie voor Wetenschappen, Letteren en Schone Kunsten van België, Klasse der Letteren*. Bd. 74. Brussels: Paleis der Academiën, 1974. 61 lp.
- Watkins C. *Italo-Celtic Revisited* // *Ancient Indo-European Dialects* / Ed. H. Birnbaum and J. Puhvel. Berkeley, 1966. P. 29-50.
- Weisberger L. von. *Walhisk. Die geschichtliche Leistung des wortes welsch* // *Rheinische Vierteljahrs-blätter*. 1948. Jahr. 13. S. 87-146.
- Wright T. *Anglo-Saxon and Old English Vocabularies*. 2 vols. L.: Rogan, 1884. Vol. I. 883 p.
- The Electronic Sawyer* / *Online Catalogue of Anglo-Saxon Charters* (<http://www.sawyer.uk>).

Федоров Сергей Егорович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков Санкт-Петербургского государственного университета; *s.fedorov@spbu.ru*

The Identity processes in Medieval Wales. Terminology, Discourses, and Context of Bilingualism (Wēalas-based nomenclature)

The evidence of written records and literary texts reveals a complex network of cultural and linguistic negotiations in Medieval Wales and England, in which the terms of ethnicity and subsequent discourses were formed and furthered. Diglossic combinations played a role of a crucial indicator of binary split between the vernacular and Latin language resources. Bilingualism, which indicates the native viewpoint on ethnicity and occupied territory, is hard to separate from a more general historical context where instead of the absent terms “Wales” and “the Welsh” prevailed the “Britain” and the “Britons”. Aimed at analysis of the semantic field of “Kymry”, the article concentrates on the formation of both the vernacular and Latin discourses and shows how its meaning was crystalized through their interaction. Treating British rhetoric as pervading much of the corpus of vernacular literature, the author underlines that ethnic and territorial definitions became clearer only after an introduction of wēalas based terminology. Limited to the exterior discourse these clarified meanings were not overriding and did not cross its line.

Keywords: Medieval Wales, Welsh identity, Kymry, western Britons, bilingualism, Latin and vernacular discourses

Sergei Fyodorov, PhD., Professor of Medieval History Department, St. Petersburg State University; s.fedorov@spbu.ru

Н. Н. БАРАНОВ

БРАТЬЯ ГРИММ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НЕМЦЕВ

В статье рассматривается образ братьев Гримм и его значение для идентичности немцев. Установки официальной политической культуры во многом определяли вывод на первый план тех или иных личностных черт и элементов творческого наследия братьев. В кайзеровской Германии отмечалась их приверженность национально-государственному единству и величию. При национал-социалистах подчеркивали их вклад в пропаганду национальной и даже расовой исключительности. Для бФРГ их главное значение состояло в стремлении к культурной интеграции и преодолению политических барьеров средствами языка. В ГДР превозносили якобы присущий им демократизм и республиканизм. До сего дня они сами и их труды остаются заметной составной частью немецкой массовой культуры.

Ключевые слова: *братья Гримм, Германия, «места памяти», историческая память, политическая культура*

Вот уже более девяноста лет, со времени выхода знаменитой работы Мориса Хальбвакса «Память и ее социальные условия» (1925) различные формы исторической и культурной памяти, практики коллективных воспоминаний неизменно привлекают внимание историков. Последние три десятилетия под влиянием концепции Пьера Нора продолжается настоящий бум интереса к «местам памяти». Один из свежих примеров тому – недавно вышедший труд большого международного коллектива под названием «Европейские места памяти» (в 3-х т.)¹

С конца XIX в. и до наших дней важнейшим «местом памяти» для немцев остаются братья Гримм. Образ собирателей народного фольклора, составителей всемирно известных «Детских и домашних сказок», выдающихся ученых-лингвистов – авторов «Немецкого словаря», патриотов родного языка и общего отечества постоянно работал на формирование позитивной национальной идентичности и осознание преемственности в развитии немецкого общества, особенно под влиянием опыта катастрофических «разрывов» германской истории. Однако необходимо помнить, что в творчестве братьев Гримм как ярких представителей эпохи романтизма проявлялись порой противоположные и даже взаимоисключающие черты – космополитизм и национализм, либерализм и консерватизм, стремление к конституционному государству и вера в силу монаршей власти. Еще при жизни братья Гримм пользовались общественным уважением, которое проявлялось в различных формах. Якоб Гримм в 1842 г. был удостоен высшего

¹ См.: Europäische Erinnerungsorte... 2012.

прусского гражданского ордена «За заслуги» (*Pour le Mérite*) в области науки и искусства. Следствием стал некоторый ореол легендарности вокруг этих знаменитых ученых еще при их жизни. Как представляется, посмертный образ братьев Гримм послужил предметом своеобразного мифотворчества. Фактически каждое поколение немцев и каждый политический режим создавали свой собственный образ Гриммов, подчеркивали те стороны их личной и творческой биографии, которые могли быть встроены в общий контекст официальной политической культуры и служить элементом легитимации власти.

Младший из братьев Вильгельм скончался 16 декабря 1859 г., старший Якоб – 20 сентября 1863 г. Появившиеся некрологи были сдержанными и тактичными, что соответствовало эмоциональной природе братьев. В них подчеркивались, в частности, подлинный академизм, универсальность исследуемых областей, взаимное соответствие научных и политических замыслов и братская верность друг другу². Георг Вайц, который унаследовал от Ф. Дальмана должность профессора истории в Геттингене, через 2,5 месяца после смерти Якоба Гримма в посвященной его памяти речи перед местным научным обществом главное внимание уделил личным качествам и академическому образу умершего. Только в начале выступления он позволил себе высказывание политического толка: Якоб Гримм был «без сомнения одним из самых популярных людей в Германии» и внес «решающий вклад в подъем национального духа». Однако Вайц констатировал: «Он (Якоб Гримм – *Н.Б.*) не испытывал удовольствия от политических дел»³.

Однако уже вскоре началось прославление братьев Гримм представителями вильгельмовского общества, которые стремились использовать их имена для обоснования собственного политического мировоззрения. Известный филолог-германист Август Расцманн в 1871 г. – году основания Германской империи, в биографической статье о Якобе Гримме как о «герое науки» во «Всеобщей энциклопедии наук и искусств» Эрша и Грубера позволил себе восторженное восклицание: «Если бы ему было суждено вновь пережить наши славные дни, когда наш народ в гигантской борьбе добился своего единства, которого едва ли кто так горячо и страстно желал, как он и когда настало ожидаемое им с уверенностью тихое, радостное время – когда все великое и прекрасное, что когда-либо создал немецкий дух на своем языке и в своем праве, своих вере и поэзии, обычаях и сказаниях, и чему он всеми его произведениями на благо и гордость нашего народа помог сбросить оковы и проложить путь, впервые во всей полной силе пролилось на

² Bleek 1986.

³ Waitz 1864. S. 514.

отечество – какой бы радостью и воодушевлением была бы зажжена его благородная, глубоко патриотическая душа»⁴.

Вильгельм Шерер, первый академический биограф братьев, произнес речь по поводу 100-летия со дня рождения Якоба в 1885 г. в Берлинском университете. Он, с одной стороны отмечал безмятежность жизни братьев как ученых, но с другой – возвышал их до уровня передовых борцов за национально-государственное единство Германии. Биографическая статья Шерера о Якобе Гримме заканчивалась утверждением: «Скромный гений, привязанный к дому и к родине». В итоге он видел в образе братьев «картину несравненного стремления служения немецкой науке к чести нации»⁵.

Так оба брата, не расположенные к националистическому высокомерию патриоты, которые никогда не скрывали своего скепсиса по отношению к властным замашкам Пруссии и надеялись на создание охватывающей всех немцев империи со свободной конституцией, превратились в главных защитников Второго рейха. Им приписывали «оптимизм» и ура-патриотизм, который был чужд их сдержанной и скорее скептической натуре. С тех пор они в глазах буржуазного общества вильгельмовской империи представляли как образцовое олицетворение его представлений о самом себе: созерцательность, усердие и богобоязненность изнутри, но гигантизм, гениальность и героизм вовне.

Не удивительно, что братья Гримм в 1930-х гг. в конечном счете стали воплощением «немецкого духа» и «немецкой сути» для национал-социалистов, а также их академических соратников и попутчиков. Были свои трудности с празднованием столетнего юбилея протеста «геттингенской семерки» профессоров с участием братьев Гримм против отмены конституции Ганновера королем Эрнстом-Августом. – Воспоминание об этом событии могло бросить тень сомнения на национал-социалистскую практику клятвы 1933–1934 гг. Также оно не соответствовало основному принципу того времени – безусловного послушания фюреру со стороны народных товарищей. И все же, расхожее толкование творческого наследия братьев Гримм вполне встраивалось в общую тенденцию подчеркивания «подлинной немецкой народности», которая стала преобладать в германистике уже за несколько десятков лет до захвата власти национал-социалистами. Научная программа масштабных исследований в сфере германистики, понимаемой как синтез языкознания, истории и права, которую обосновали оба брата, использовалась для обоснования претензий на создание «подлинно немецкой науки» – всеохватной науки о «немецком духе». Их индук-

⁴ Jacob Grimm / Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften... S. 274.

⁵ Scherer 1885. S. 21.

тивный и интуитивный метод легитимизовал мистифицирующие подходы, их усилия по сохранению немецкого языка служили оправданием принудительного отказа от употребления иностранных слов.

Патриотичные и в то же самое время универсальные интенции братьев Гримм упрощались и подгонялись под националистические и даже расистские идеи. Это становится ясно уже из перечня названий книг и журнальных статей, которые были опубликованы в Третьем Рейхе пользующимися хорошей репутацией исследователями. Если Вилл-Эрих Пойкерг (вскоре лишенный права на преподавание как неблагонадежный) в 1935 г. в изданном им собрании сочинений братьев довольствовался подзаголовком «Вечная Германия», то Вилли Бергер в 1937 г. говорил о «Якобе Гримме и его национальной идеологии», а Вильгельм Шооф в 1941–1942 гг. в журнале с характерным названием «Ежемесячник нордической мысли» опубликовал подборку «Народ и раса у Якоба Гримма» [8]⁶. В произведениях братьев Гримм, где прежде всего речь шла о сохранении культурного и, в частности, языкового наследия немцев, подчеркивались националистическая лексика, экспансионистские претензии и расистское высокомерие.

После заката национал-социалистского господства в мае 1945 г. критическое рассмотрение немцами собственного прошлого неизбежно должно было затронуть также роль германистики в Третьем Рейхе.

Дальше всего пошел в этом отношении западногерманский филолог Вальтер Белих, который считал, что этот академический предмет был с самого начала поражен «болезнью национализма». Согласно Белиху, от наследия братьев Гримм к германистам эпохи национал-социализма вел прямой путь, проложенный антипросветительскими и антиреволюционными идеями. Белих утверждал: «Нет, Якоб Гримм не был революционером по характеру»⁷. Отсюда делался простой вывод, что если бы Гриммы дожили, то они наверняка должны были с ликованием встретить день Версаля, объединение Германии сверху и создание империи.

Однако в Боннской республике преобладающей оказалась другая тенденция: недавним ложным путям немецкой германистики противопоставлялись ее славные истоки. Начало этому положил Карл Цукмайер в 1948 г. в его книге о братьях Гримм. Для автора, согласно подзаголовку этого биографического очерка, жизнь и деятельность Гриммов представлялась «немецким вкладом в человечность»⁸. Для Цукмайера оба брата с их характером – скромным, тихим и в то же время способ-

⁶ См.: Die Brüder Grimm... 1935; Berger 1937; Schoof 1941. S. 265-269.

⁷ Boehlich 1966. S. 56.

⁸ Zuckmayer 1948. S. 63.

ным к воодушевлению в поисках правды, воплощали лучшие качества немцев, достойные продолжения. Без сомнения Цукмайер, так же как и многие его коллеги, оказавшийся при нацистах в эмиграции, ощущал себя продолжателем традиции Гриммов: как и они, бежал от произвола властей и вернулся на родину, чтобы помочь в ее демократическом восстановлении средствами поэзии и германистики.

Жизнь братьев Гримм во имя немецкого языка стала основным официальным мотивом сохранения памяти о них в ФРГ. Именно благодаря этому аспекту своей деятельности они попали на обложку журнала «Шпигель» в мае 1961 г. по случаю окончания издания «Немецкого словаря». В юбилейном 1985 г. слава Якоба и Вильгельма Гриммов как лингвистов проявилась в сенсационном успехе продаж 33-томного издания «Немецкого словаря» карманного формата⁹. Понимание братьев Гримм как верных зову совести и гуманистически настроенных ученых легло в основу речи федерального президента Рихарда фон Вайцекера 26 августа 1985 г. при открытии VII Международного конгресса германистов в Геттингене. Язык, звучало в речи федерального президента, всегда должен служить не средством национально-государственного размежевания и надменности, а средством согласия между людьми и народами. Не в последнюю очередь такую функцию выполняет немецкий язык, который при всех расхождениях, особенно в официальном словоупотреблении, обеспечивает прочную связь между жителями Федеративной республики и ГДР, а также Австрии, Швейцарии и немцами, живущими далеко за этими границами.

Однако деятельность Гриммов в качестве историков права и либеральных политиков практически игнорировалась. Только однажды, в 1957 г., их протест 1837 г. вновь был актуализирован в сознании широкой общественности, когда 18 профессоров-физиков, сотрудников Геттингенского института им. Макса Планка направили воззвание к федеральному правительству с требованием отказаться от запланированного оснащения бундесвера ядерным оружием. В остальном же Гриммы в Западной Германии, как во всем мире, оставались известны, прежде всего, как собиратели и издатели «Детских и домашних сказок». Общественное признание братьев-сказочников в ФРГ проявлялось в ироничной переработке мотивов и дешифровке содержания их сказок. Известно, что Вильгельм Гримм сглаживал и скрывал слишком непосредственные сексуальные намеки в сказках. Современные исследователи стремятся расшифровывать эти, в большинстве случаев очевидные «тайны», причем граница между серьезным исследованием и остроумной сатирой часто оказывается размытой.

⁹ См.: Deutsches Wörterbuch... 1984.

Так, например, известный франкфуртский политолог-марксист, видный деятель СДПГ Иринг Фечер использовал скучные затяжные собрания в университетском самоуправлении, чтобы актуализировать и перетолковать сказки Гриммов с точки зрения филологической критики текста, психоанализа и исторического материализма. В результате появилась книга «Кто разбудит поцелуем Спящую красавицу?», которая на сегодняшний день выдержала 12 переизданий и достигла тиражей, о которых автор едва ли мог мечтать¹⁰. Все эти свидетельства отражают факт, что сказки Гримм до сих пор составляют часть сокровищницы культуры повседневности ФРГ. Однако они одновременно являются продуктами тех потребностей и особенностей современного общества, которые, наверное, показались бы братьям странными.

По сравнению с Федеративной республикой восприятие братьев Гримм в ГДР выглядело более однозначным, единообразным, традиционным, научным и в некотором смысле более «немецким». Традиция положительного признания Якоба и Вильгельма Гриммов была заложена уже родоначальниками научного социализма. Карл Маркс и Фридрих Энгельс в своих трудах, особенно по истории языка и права постоянно обращались к произведениям Гриммов. Когда 4 января 1985 г. в ГДР праздновался 200-й день рождения Якоба Гримма, газета «*Neues Deutschland*» выбрала в качестве заголовка юбилейной статьи фразу из письма Энгельса Марксу 1859 г., в котором он просил вернуть ему «Историю немецкого языка» Я. Гримма и заметил: «но старик (Гримм – *Н.Б.*) действительно изумителен»¹¹.

Принципиальное значение для политической и научной оценки Гриммов в официальной памяти ГДР имела речь Лео Штерна, посвященная 100-летию со дня смерти Якоба Гримма. Младший брат Манфреда и Вольфа Штернов – активистов Коминтерна и советских разведчиков, в то время заведовал кафедрой новейшей истории в университете Галле-Виттенберг. Он произнес эту речь 26 сентября 1963 года в Академии наук ГДР – бывшей Прусской Академии наук в Берлине, членами которой в свое время были оба Гримма.

Патриарх марксистско-ленинской истории в «немецком государстве рабочих и крестьян» выступил против распространенного аполитичного и окруженного романтическим ореолом представления о братьях только как «книжных червях». Вопреки этому он предлагал исследовать интеллектуальное и политическое значение Гриммов, их жизнь и произведения в контексте истории Германии. Штерн делал вывод о том, что у Якоба Гримма можно наблюдать «все более очевид-

¹⁰ Fetscher 1972.

¹¹ Маркс, Энгельс. Т. 29. 1962. С. 406.

ный переход от патриотически-консервативной позиции его молодых и первых зрелых лет к умеренному либералу, к демократу с очевидными антифеодальными, республиканскими воззрениями в позднем возрасте». Якоб Гримм был великим немецким ученым, даже если и не был политиком. Все же, заключил свою речь Штерн, его произведения, переписка и отдельные активные политические выступления свидетельствовали об «очевидном политическом вкладе Якоба Гримма в дело народа, свободы, прогресса, демократии и гуманизма»¹².

Политики, германисты и историки ГДР при оценке братьев Гримм до конца придерживались подобных установок. Они стремились защитить образ Гриммов как от аполитичного принижения до дядек-сказочников и кабинетных ученых, так и от радикальных обличений их как националистов или даже протофашистов. В их жизни и творчестве подчеркивались скорее проявления принципиальных позиций прогрессивной буржуазии того времени. В политическом, но не методическом смысле они вписывались больше в традицию прогрессивного просвещенческого движения, чем консервативной романтики. Именно поэтому в официальной пропаганде ГДР Гриммам от Гердера перешло почетное звание «филологов нации». Закономерно, что именем Гриммов в 1979 г. была названа премия, которая вручалась министром высшего и среднего специального образования ГДР в номинации «Немецкий язык как иностранный» и «Переводчик». Ее удостоивались специалисты, имевшие особые заслуги по «содействию работе с немецким языком и германистикой за границей». Каждый год она присуждалась группе до 6 человек на торжественном собрании, где обязательно звучали приветствие министра и доклад одного из ведущих восточногерманских специалистов. В этих выступлениях непременно подчеркивалось научное значение творчества Гриммов применительно к современной политике ГДР. Это было не всегда легко, поскольку с одной стороны необходимо было признать, что братья Гриммы были приверженцами и зачинателями создания обширной немецкой «языковой нации», а с другой стороны в ГДР отвергался официальный западногерманский лозунг «единой культурной нации» и подчеркивалась идеологема о «самостоятельной социалистической немецкой национальной культуре». Отмеченная идеологическими и политическими мотивами избирательность в восприятии наследия Гриммов в ГДР становится также очевидна при взгляде на список лауреатов. С 1980 по 1985 в нем отмечены 6 человек из ГДР, 16 из других социалистических государств, 5 из неприсоединившихся стран, 7 из государств евроатлантического сообщества, но ни одного из Федеративной республики.

¹² Stern 1963. S. 26.

Официальное использование творческого наследия братьев Гримм составляло часть обширных усилий по презентации ГДР как олицетворения и воплощения всех прогрессивных и гуманистических традиций немецкой истории. Эти претензии в 1975 г. открыто декларировал Курт Хагер, ответственный за культуру секретарь ЦК СЕПГ, когда назвал ГДР «наследником всего великого и бессмертного в культуре немецкого народа». Это восприятие истории и классики служило легитимизирующим потребностям социалистического немецкого государства, но одновременно было отражением того, как его правители презентовали свой собственный образ. Под этим знаком 1981 год был объявлен в ГДР годом Шинкеля, 1982 – Гете, 1983 – одновременно годом Лютера и Маркса, 1985 – Баха, Генделя и Шютца, а 1985–1986 – отмечался как двойной год в честь братьев Гримм. Вместе с ними прославлялась и сама Германская демократическая республика, где с таким почтением чувствовали этих гигантов духа. Вряд ли братья Гримм были бы довольны столь чрезмерным вниманием к себе. При жизни, во всяком случае, они чаще уклонялись от появлений на публике и прочих прославлений.

Наряду с конкурентной борьбой вокруг творческого наследия братьев Гримм оба немецких государства продолжали сотрудничество во имя его сохранения. Удивительным и убедительным примером этой немецко-немецкой кооперации стало удавшееся в конце концов завершение «Немецкого словаря». Для реализации этого монументального проекта нужно было преодолеть самые разные трудности – от избытка материала – только за 4 года (1908–1912), геттингенские студенты собрали около 2 млн. словарных карточек, и до драматических событий, связанных с вывозом этих документов в конце Второй мировой войны Красной армией и последующим возвращением их в Восточную Германию. Объединенными усилиями рабочих групп в Восточном Берлине и в Геттингене удалось закончить эпохальный труд. В начале 1961 г., через 123 года после начала работы братьями Гримм и через 109 лет после появления первого тома увидел свет последний 32-й том оригинального издания. Еще удивительнее, что накануне 13 августа 1961 г., дня возведения берлинской стены, Академия наук ГДР и Геттингенская Академия наук в ФРГ приняли решение приступить к переработке «Немецкого словаря», завершение которого, несмотря на революцию в информационных технологиях, принимая во внимание вал источников, вероятно, вновь потребует не менее столетия.

В современной Германии образ братьев Гримм бытует на двух взаимосвязанных уровнях исторической памяти.

Во-первых, безупречная академическая репутация братьев служит укреплению и развитию немецкой филологии, популяризации немецкого языка. Каждый год Германская служба академических об-

менов (DAAD) вручает премию имени Якоба и Вильгельма Гриммов в размере 10 тыс. евро одному иностранному ученому за «выдающиеся труды в области немецкого литературоведения и языкознания, немецкого языка как иностранного, а также германских исследований»¹³. В 2001 г. авторитетная общественная организация «Союз немецкого языка», насчитывающая 36 тыс. членов из 100 стран мира, учредила премию имени Якоба Гримма в размере 30 тыс. евро. Одной из первых в 2002 г. ее была удостоена Л. Путина «за поддержку немецкого языка как иностранного в России». Изучением и актуализацией научного наследия братьев занимаются Общество и музей братьев Гримм в Касселе, Дом братьев Гримм в Штайнау. В 2011 г. в университете Касселя была введена одноименная профессура¹⁴.

Во-вторых, братья наряду с персонажами своих сказок оказались героями популярной культуры. Начать с того, что их двойной портрет украшал самую крупную банкноту в 1000 марок из последней серии национальной валюты, выпускавшейся в 1991–2001 гг. (хотя мало кто из немцев имел возможность держать в руках купюру такого крупного номинала). 2012 год, когда отмечалось 200-летие первого издания «Детских и домашних сказок», на территории федеральной земли Гессен-Дармштадт был объявлен «годом Гриммов», а за ним последовали 2013, 2014 и 2015. Содержание каждого памятного года составляет обширная культурная программа из театральных постановок, концертов, выставок. Разработан и используется популярностью туристический маршрут «Дорога сказок», проходящий через 60 населенных пунктов и природных объектов, связанных с творчеством братьев или сюжетами их сказок. Наконец, на горе Вайнберг под Касселем открылся центр «Гриммвельт» с выраженной ориентацией на просвещение младших поколений бундесбюргеров и пятью тематическими зонами – «Игра в слова», «Бумажная гора», «Миры фантазий», «Пути образования»¹⁵.

Как видим, сегодня острота политических коннотаций в толковании образа братьев Гримм снята, но они по-прежнему остаются важными маркерами как официальной политической, так и массовой культуры современной ФРГ.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 29. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1962.
- Marks K., Engel's F. Sochineniya. Izd. 2. T. 29. M.: Gos. izd-vo politicheskoi literatury, 1962.
- Berger W. Jacob Grimm und seine völkische Gedankenwelt. Offenbach: Kleinsorge, 1937. 229 S.

¹³ Süddeutsche Zeitung. 28. Juni 2006.

¹⁴ Kölner Stadtanzeiger. 4. November 2011.

¹⁵ Frankfurter allgemeine Zeitung. 20. August 2013.

- Bleek W. Die Bruder Grimm und die deutsche Politik // Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament. 1986. 4 Januar (№ B 1/86). S. 3–16.
- Boehlich W. Aus dem Zeughaus der Germanistik. Die Brüder Grimm und der Nationalismus // Der Monat. 1966. № 18. S. 56–68.
- Deutsches Wörterbuch. In 33 Bände. Leipzig, 1854–1961. Taschenbuchausgabe. München, 1984.
- Die Brüder Grimm. Ewiges Deutschland. Ihr Werk im Grundriß. Hrsg. von W. E. Peuckert. Leipzig: Kröner, 1935. 462 S.
- Europäische Erinnerungsorte. Hrsg. v. P. Den Boer, H. Duchardt, G. Kreis, W. Schmale. München: Oldenbourg, 2012. Bd. 1. Mythen und Grundbegriffe des europäischen Selbstverständnisses. 333 S. Bd. 2. Das Haus Europa. 626 S. Bd. 3. Europa und die Welt. 290 S.
- Fetscher I. Wer hat Dornröschen wachgeküßt? Das Märchen-Verwirrbuch. Hamburg, Düsseldorf: Claassen, 1972. 218 S.
- Frankfurter allgemeine Zeitung. 20. August 2013.
- Jacob Grimm / Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste. Section 1. Theil 91. S. 176–275.
- Kölner Stadtanzeiger. 4. November 2011.
- Scherer W. Rede auf Jacob Grimm. Gehalten in der Aula der Königlichen Friedrich-Wilhelms Universität am 4. Januar 1885. Berlin, 1885. 23 S.
- Schoof W. Volk und Rasse bei Jacob Grimm // Monatsschrift für den Nordischen Gedanken. 8. Heft 6. 1941. S. 265–269.
- Stern L. Der geistige und politische Standort von Jacob Grimm in der deutschen Geschichte. Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Klasse für Philosophie, Geschichte, Staats-, Rechts- und Wirtschaftswissenschaften. Berlin: Akademie-Verlag, 1963. 26 S.
- Süddeutsche Zeitung. 28. Juni 2006.
- Waitz G. Zur Gedächtnis von Jacob Grimm / Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft von Wissenschaften zu Göttingen. 1864. Bd. 11. S. 504–534.
- Zuckmayer C. Die Brüder Grimm. Ein deutscher Beitrag zur Humanität. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1948. 66 S.

Баранов Николай Николаевич, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой новой и новейшей истории Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина; baranov61@mail.ru

Brothers Grimm in German historical memory

The article considers the image of the Grimm brothers as “places of memory” and its significance for the identity of the Germans. From the change of official political ideology, those or other personal traits and elements of the brothers’ heritage came to the forefront. The brothers’ commitment to national-state unity and greatness was noted in Kaiser Germany. Their contribution to the propaganda of national and even racial exclusiveness was emphasized under the National Socialists. For the Bonn republic, their main importance was in the striving for cultural integration and overcoming political barriers by means of language. The GDR was extolled allegedly inherent democracy and republicanism. To this day, Grimm brothers themselves and their works remain an important part of German mass culture.

Keywords: Brothers Grimm, Germany, “places of memory”, historical memory, political culture

Nikolay Baranov, Dr. Sc. (History), Head of the Department of Modern and Contemporary History, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin; baranov61@mail.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СЕГОДНЯ

М. П. ЛАПТЕВА

ПРОФЕССОР КЕРТМАН В КОНТЕКСТАХ И СМЫСЛАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

В статье анализируется один из аспектов творческого наследия проф. Л.Е. Кертмана (1917–1987), основателя пермской научной школы всеобщей истории. Его ученики в последние десятилетия своей научной практики, помимо собственно исторических сюжетов, стали исследовать проблемы культурологии, политологии и интеллектуальной истории. Автора интересует, в какой степени эти «повороты» связаны с научным наследием Л.Е. Кертмана, и насколько он сам был причастен к проблематике и методам интеллектуальной истории.

Ключевые слова: профессор Л.Е. Кертман, особенности научного творчества, стили и методы, интеллектуальная история

При жизни Льва Ефимовича Кертмана понятие «интеллектуальная история» не было в таком употреблении, как ныне. Президент Российского общества интеллектуальной истории Л.П. Репина отметила, что «в историографической ситуации 1960-х – 1970-х годов интеллектуальная история пребывала в незавидном состоянии, находясь на обочине мировой историографии, в своеобразной внутридисциплинарной изоляции»¹. Употребленное ею понятие «историографическая ситуация» было предложено как раз профессором Кертманом. Он полагал, что историографической ситуацией можно назвать такое состояние науки, когда происходит синхронизация существенного накопления знаний, расширения проблематики, роста источниковой базы, обогащения методики и техники исследования, развития методологии, изменения в принципах организации науки и т.д.²

История интеллектуалов получила институциональное оформление только в середине 1980-х гг., а расширение ее тематики и проблематики, давшее возможность утверждать своеобразное возрождение интеллектуальной истории произошло на рубеже 1980-х – 1990-х гг., т.е. уже не при жизни Л.Е. Кертмана. Международное общество интеллектуальной истории возникло в 1994 г., Российское – в 1999. Ученики Кертмана – Н.Ф. Ушкевич, я, Л.А. Фадеева и Г.А. Янковская с первых же дней функционирования этого общества принимали и продолжают принимать участие в его деятельности. Мы охотно приезжаем на кон-

¹ Репина. 2011. С.330.

² Кертман. 1980, 1987 а.

ференции, публикуемая в официальном органе Российского общества интеллектуальной истории – журнале «Диалог со временем».

Однако анализ научного творчества Л.Е. Кертмана (особенно в его последние годы) позволяет выяснить, насколько сам он был причастен к этому направлению, не используя его название. Хочу обратить внимание на то, что речь пойдет не об одном контексте. Здесь опять-таки уместно сослаться на мнение Л.П. Репиной, отметившей, что контексты интеллектуальной истории разнообразны и подвижны. Есть разные представления о сути и содержании того, что принято именовать интеллектуальной историей. Во французском варианте, это в основном история выдающихся интеллектуалов. Российские историки, работающие в русле интеллектуальной истории, предпочитают подход, при котором изучаются исторические аспекты любых проявлений творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

Авторы самой первой публикации о Кертмане предупреждали: будущим читателям «придется привыкнуть к тому, что прилагательное “интеллектуальный” довольно часто будет встречаться на страницах этой книги, что обусловлено личностью, о которой идет речь». Один из авторов книги, ученик Л.Е. Кертмана, профессор П.Ю. Рахмиров прежде всего счел нужным отметить «интеллектуальное наслаждение», которое для учителя было одним из главных мотивов, придающих смысл его труду³.

У меня есть сомнения в отношении того, как сам Л.Е. Кертман воспринял бы уже утвердившееся в науке направление интеллектуальной истории, поскольку ему казалось, что наличие таких направлений, как экономическая или политическая история лишает историческую науку специфичности предмета, отличающей ее от всех других наук. Вопреки такому подходу к пониманию предмета исторической науки, многое из того, что Кертман опубликовал, написал или сказал на лекциях или в общении с коллегами и учениками (в основном, конечно, с единомышленниками, а нередко и просто случайными собеседниками), было проникнуто тематикой интеллектуальной истории.

Для современной интеллектуальной истории характерно «максимальное расширение исследовательского пространства, интенсификация междисциплинарного взаимодействия»⁴. Эти тенденции заметны и в исследовательском почерке Кертмана. Даже в популярной брошюре для абитуриентов он обращал их внимание на то, что «историк не может и не должен, конечно, подменять собой специалиста, скажем, по истории философии или музыки, но знать эти истории, быть в курсе исследований специалистов в столь различных областях знаний, ис-

³ Мир личности...1991. С. 43.

⁴ Репина 2011. С. 334.

пользовать полученные ими результаты хороший историк обязан⁵. Совсем не случайно название этой брошюры – «Пульс эпох». Автор словно бы держал руку на пульсе науки, переживавшей важный этап своей эволюции, когда многие историки (и среди них, конечно, Лев Ефимович) стали уделять серьезное внимание методологии истории⁶.

Особое место в межпредметных связях интеллектуальной истории занимает филология. Профессор Кертман не только прекрасно знал и любил лучшее в мировой поэзии и прозе. Он и в Киевский университет вначале поступал на филологический факультет, но помешало недостаточное (для написания сочинения) знание украинского языка. А к концу жизни, будучи удручен заметным снижением уровня языковой и литературной подготовки студентов и имея серьезный опыт написания учебников для средней и высшей школы⁷, он собирался написать школьный учебник по литературе⁸.

Еще более расширение исследовательских контекстов в творчестве Л.Е. Кертмана очевидно, если обратиться к материалам двух его последних работ⁹. Уже их названия многое объясняют. Книгу по истории культуры стран Европы и Америки немислимо было бы написать без основательного знакомства с достижениями этой культуры. Именной указатель насчитывает сотни имен европейских и американских деятелей самых разных культурных сфер, а предметный указатель включает различные культурные ареалы, от архитектуры и астрономии до эротической культуры и этического движения Ф. Адлера. Эту книгу Лев Ефимович считал своим главным делом.

Книга о Чемберлене представляет собой исследование, выполненное в биографическом жанре. И хотя эта биография, безусловно, политическая, а не интеллектуальная, но в ней мы тоже обнаруживаем массу межпредметных связей. Возможно, что эта книга вдохновила и профессора Рахшмира на создание собственного биографического исследования¹⁰, когда он, изучая текст Кертмана, высоко оценил его: «Через глубоко проанализированные и мастерски написанные перипетии жизни своих персонажей он вводит читателей в британские “коридоры власти”, раскрывает личностные мотивы в процессе принятия

⁵ Кертман 1972. С. 12-13.

⁶ Интересно, что и двадцать лет спустя в каталоге Ленинской библиотеки, в разделе популярных книг по методологии истории лежала только одна карточка – на ней были выходные данные этой брошюры.

⁷ Кертман 1976, 1980, 1984, 1980а, 1987в, 1989, 1989а, 1989б, 1989в. Учебники для средней школы были написаны в соавторстве с такими известными историками, как А.Л. Нарочницкий, А.В. Ефимов, И.М. Кривогуз, И.С. Галкин и др.

⁸ Мир личности... 1991. С. 81.

⁹ Кертман 1987, 1990.

¹⁰ Рахшмир 2005.

политических решений, иными словами, показывает, как в конкретных ситуациях играют свою роль определенные исторические фигуры»¹¹.

Несколько лет назад я уже попыталась рассмотреть факты значительных связей Л.Е. Кертмана с интеллектуальной историей. Но тогда меня интересовал только один из теоретических аспектов, а именно, предложенное еще Декартом понятие «интеллектуальной интуиции»¹². После Декарта это понятие было развито Спинозой и Шеллингом, но после беспощадной критики Гегеля европейские авторы долго не пытались его употреблять.

Современные российские историки (напр., К.В. Хвостова) употребляют термин «исследовательская интуиция»¹³, что кажется мне близким к фактически забытому понятию интеллектуальной интуиции. Интеллектуальная интуиция Кертмана существенно повлияла на создание его научной школы. В сложных условиях методологического давления на гуманитарную науку в Советском союзе ему удалось выйти самому и направить своих учеников на перспективные в научном отношении темы и проблемы. В дальнейшем, научная стратегия тех исследователей, которые формировались под интеллектуальным воздействием Льва Ефимовича, конечно, менялась, но какие-то существенные на уровне интуиции подходы продолжали помогать научному поиску.

Когда-то Кертман посоветовал своим аспирантам завести конверт или папку с названием «Историческая аргументация в политической полемике» и заносить туда свидетельства о встречающихся в политической полемике фактах исторической аргументации. Прошло много лет, но и ныне этот сюжет привлекает внимание историков. Так, антиковед И.Е. Суриков выступал среди своих коллег с докладом «Историческая аргументация и политическая полемика в античной Греции»¹⁴.

Нередко Л.Е. Кертман просил своих аспирантов подготовить такой текст, в котором неясные вопросы прямо и подробно описывались бы в своей неясности. Иначе говоря, он уже тогда пытался направить поиск своих учеников в ту сторону, где их ждали многочисленные «повороты» гуманитарного знания. Сейчас никто не удивляется тому, что «гипотезы, сомнения и неуверенность автора стали частью изложения материала»¹⁵, но тогда такой стиль работы был связан скорее с интуитивным прозрением. Кертман был близок и к тому, что позднее назовут парадигматическим сдвигом в историографии, когда историки будут переносить свои научные интересы из сферы макроисторических

¹¹ Мир личности. 1991. С. 73.

¹² Лаптева 2012.

¹³ Знание о прошлом... 2011.

¹⁴ Суриков 2011. С. 504.

¹⁵ Современные методы... С. 219.

структур в область повседневных отношений и микроисторических ситуаций. Само слово «ситуация» много значило для Кертмана, сделавшего попытку сформулировать законы исторических ситуаций¹⁶.

Конечно, понятие «ситуация» в контексте интеллектуальной истории чаще всего имеет иной смысл, нежели тот, в котором это слово употреблял Лев Ефимович. Ныне историк, изучающий исторические аспекты творческой деятельности, нередко сталкивается с тем, что трудноразрешимые ситуации возникали в результате противоречий дискурса. Интеллектуальная работа творческого человека насыщена новыми речевыми оборотами, метафорами и даже парадоксами. Если относиться к Кертману как к объекту исследования, то следует отметить, прежде всего, образность его устной речи. Он так завораживал своих слушателей, что студенты забывали (или не успевали) заносить в конспекты его лекций эти слова. Однако и в опубликованных им трудах чувствуется значительное отличие от деревянного (по словам М. Мамардашвили) языка советской науки. Дискурс Льва Ефимовича часто включал то, что Мамардашвили называл смысловыми схемами¹⁷.

Талант поэта, художника, ученого – это высший уровень развития интеллекта. Интеллектуальная история вторгается в споры психологов по поводу причин и проявлений интеллектуальной одаренности личности. Историк не безразлично, является ли интеллект даром природы или продуктом социализации. Размышляя о своем учителе, я склонна прислушаться к мнению психолога М.А. Холодной. Она полагает, что интеллектуальная одаренность не может быть каким-то даром свыше: скорее, это результат длительного «процесса, суть которого заключается в выстраивании и обогащении индивидуального ментального опыта»¹⁸. И все же, поскольку большинство интеллектуалов того уровня, к которому относится Кертман, проявляло свою одаренность с раннего возраста, фраза психолога о «длительном процессе», скорее, отсылает нас к тем проблемам, которыми занимается генетика.

Интеллектуальная история своим возникновением, казалось бы, продолжает процесс дифференциации научного знания, однако в то же время по своей сути и содержанию показывает пример его интеграции. Сближение научных дисциплин, пересечение их предметных полей заметны во многих исследованиях представителей интеллектуальной истории. Изучая различные роли и проявления интеллекта в пространстве истории, невозможно, например, игнорировать политические аспекты его функционирования. Возможно, что из всех наук интеллектуальной истории ближе всего так интересовавшая Льва Ефимовича в

¹⁶ Кертман 1971.

¹⁷ Мамардашвили 2000. С. 309.

¹⁸ Холодная 2002. С. 239.

последние годы жизни культурология, которая, по мнению профессора Гарвардского университета С. Бойм, «работает на границе философии, эстетики и антропологии культуры»¹⁹.

Интеллектуальное пространство истории не может быть изучено без выяснения динамики стереотипов и столкновения ценностных ориентаций разных социальных групп. Л.Е. Кертман еще в 1970-е гг. давал своим аспирантам диссертационные темы по изучению ценностных ориентаций тех или иных социальных слоев во Франции, Великобритании и Германии. В ходе этих исследований им ставилась и задача особого внимания к субъективному фактору и к его вариантам. Выполнение этой задачи было невыполнимо без изучения случайных и даже не вполне достоверных источников информации, без поиска сознательных искажений или умалчивания в документах. И сам профессор, и его ученики стремились обнаружить дихотомию позитивных и негативных мотивов в поведении той или иной исторической личности, несущей на себе неизбежное бремя социальных и этнических стереотипов. Все это – зона смыслов и контекстов интеллектуальной истории.

Один из смыслов интеллектуальной истории проясняется в подходе к историческому познанию как разновидности диалога различных (иных, чужих или чуждых) культур. Проблема диалога часто звучит на конференциях Российского общества интеллектуальной истории и в его изданиях. Не раз отмечалось, что диалог культур, как объект интеллектуальной истории, имеет множество граней и аспектов, а взаимодействие культур во времени и пространстве «выступает ныне как приоритетный предмет исторического исследования»²⁰. Схожие представления можно обнаружить и у Л.Е. Кертмана. Конечно, диалог в его работах прежде всего принимал форму спора с западными (в тогдашней лексике – буржуазными) авторами и их концепциями. Однако неизменно при этом присутствовали упоминания об идеях европейских и американских авторов, таких как Д. Реджин, Г.М. Петчер, Н. Фрай, Р. Уильямс, Э. Вебер и др.²¹ Своеобразен был и «диалог» Кертмана с принятыми стандартами в изложении событий и процессов духовной жизни общества. История культуры в его изложении была не набором имен и названий произведений, разложенным по отдельным полочкам, а отражением гармоничного процесса, в котором отдельные явления и достижения тех или иных творцов культуры даны в естественном единстве с предпосылками их создания и с учетом взаимовлияния разных культурных сфер и ценностных приоритетов авторов.

¹⁹ Бойм 2002. С. 5.

²⁰ Репина 2004. С. 7.

²¹ Кертман 1987.

Один из смыслов интеллектуальной истории связан с анализом механизма принятия решений историческими субъектами. В сущности, все, что происходило в истории, было реализацией тех или иных решений политических, духовных, социальных лидеров. По последствиям этих действий историки судят о гениальности или бездарности человека, принявшего решение, приведшее к позитивным или негативным результатам. Принятие решений – это особая форма интеллектуальной деятельности. Поскольку Лев Ефимович серьезно занимался биографическим жанром, то его творчество можно рассматривать и в этом контексте интеллектуальной истории. В его книге о Чемберлене мы видим попытку проникновения в механизм принятия и реализации политических решений. Как известно, мотивационное объяснение относится к числу самых трудных методов историка. Л.Е. Кертману удалось приоткрыть некоторые тайны благодаря невероятной эрудиции в сочетании с присущей ему интеллектуальной интуицией. Политическая биография под его пером представляла жизнеописанием, в котором были учтены взгляды, ценности, нравственный облик, и только в таком интеллектуальном контексте он излагал события и их результаты.

Интеллектуальная история имеет весьма амбициозные и едва ли достижимые цели, ибо претендует на постижение того, что Н.А. Бердяев называл «тайной творчества». Он считал, что детерминирована только эволюция, а творчество не может просто продолжать то, что уже было прежде: «те, кто отрицают возможность творчества из ничего, те неизбежно должны поместить творчество в детерминированный ряд и тем самым отвергнуть свободу творчества»²². Хейден Уайт, посягнув на свободу творчества, выделял в исторических текстах два смысловых уровня: явный и скрытый, полагая, что они «относятся друг к другу как феноменальная форма к истинному содержанию»²³. Это положение вполне применимо к текстам Л.Е. Кертмана. Оценивая их сегодня, мы видим, насколько эти смысловые уровни были очевидны даже для тогдашнего образованного читателя. Умению выразить эти смысловые уровни Лев Ефимович, вероятно, учился у Т.Н. Грановского, жившего в николаевской России, и у своего научного руководителя Е.В. Тарле, обладавшего опытом выживания в сталинском Советском Союзе. Написав под руководством Тарле кандидатскую диссертацию о взглядах Грановского на историю, Кертман понял, что «нельзя быть уверенным в том, что тезис, высказанный с кафедры или изложенный в статье, соответствует взглядам историка, а не является вынужденной уступкой требованиям цензуры или университетского начальства»²⁴.

²² Бердяев 2002. С. 130.

²³ Уайт 2002. С. 363.

²⁴ Кертман 1947. С. 114.

К сожалению, время жизни Льва Ефимовича требовало помещать новые идеи в контекст марксистских цитат, приходилось «соблюдать правила игры, обеспечивать проходимость работ»²⁵. Любое новаторство вызывало у власти настороженность по причине подозрительного отношения к интеллектуалам, поэтому тогдашняя цензура, к сожалению, продолжает мешать даже сегодняшнему восприятию опубликованных текстов профессора Кертмана. Очень трудно судить о том, что не было им высказано прямо, а только скрывалось за необходимой тогда «цитатной оболочкой».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бердяев Н.А. Смысл творчества. Харьков; М., 2002.
- Бойм С. Общие места. Мифология повседневной жизни. М., 2002.
- Знание о прошлом в современной культуре // Вопр. философии. 2011. №8.
- Кертман Л.Е. Великобритания // Новая история. (Второй период): Учеб. пособие для студентов вузов. М., 1976; 2-е изд. 1984.
- Кертман Л.Е. Джозеф Чемберлен и сыновья. М., 1990.
- Кертман Л.Е. Законы исторических ситуаций // Вопр. истории. 1971. №1.
- Кертман Л.Е. Историографическая ситуация // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин, 1980/
- Кертман Л.Е. Понятие «историографическая ситуация» и его методологическое значение // Вопр. методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1987а.
- Кертман Л.Е. История культуры стран Европы и Америки. 1870-1917. М., 1987.
- Кертман Л.Е. (в соавт.) Новая история. Ч. 1. 1640-1870. Учеб. для 8 класса средн. школы. М., 1980, 1987б.
- Кертман Л.Е. (в соавт.) Новая история. Ч. 2. 1871-1917. Учеб. для 9 класса средн. школы. М., 1980а, 1987в.
- Кертман Л.Е. (в соавт.) Новая история. 1640-1870. Учеб. для 9 кл. средн. школы. М., 1989.
- Кертман Л.Е. (в соавт.) Новая история. 1871-1917. Учеб. для 10 кл. средн. школы. М., 1989а.
- Кертман Л.Е. (в соавт.) Новейшая история. 1917-1939. Учеб. для 10 кл. средней школы. М., 1989б.
- Кертман Л.Е. (в соавт.) Новейшая история (1939-1988): Учеб. для 11 кл. средней школы. М., 1989в.
- Кертман Л.Е. Пульс эпох. Пермь. 1972.
- Кертман Л.Е. Эволюция исторических взглядов Т.Н. Грановского // Киевский государственный ун-т. Уч зап. 1947. Т.6. Вып.1.
- Лаптева М.П. Интеллектуальная интуиция Л.Е.Кертмана // Вестник Пермского ун-та. Вып. 2(19). История. Пермь. 2012.
- Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. М., 2000.
- Мир личности: Творческий портрет профессора Л.Е. Кертмана. Пермь., 1991.
- Рахмиров П.Ю. Князь Меттерних: человек и политик. Пермь, 2005.
- Репина Л.П. Межкультурный диалог в историческом познании // Межкультурное взаимодействие и его интерпретации. М., 2004.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв. М., 2011.
- Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996.
- Суриков И.Е. Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011.
- Уайт Х. Метаистория. Екатеринбург. 2002.
- Холодная М.А. Психология интеллекта. СПб. 2002.

²⁵ Мир личности...1991. С. 74.

REFERENCES

- Berdyayev N.A. Smysl tvorchestva. Harkov – M. 2002.
- Boym S. Obschie mesta. Mifologiya povsednevnoy zhisni. M. 2002.
- Holodnaya M.A. Psihologiya intellekta. 2002.
- Kertman L.E. Dzhozef Chemberlen I synovya. M. 1990.
- Kertman L.E. Istoriograficheskaya situaziya // Metodologicheskie i teoreticheskie problemy istorii istoricheskoy nauki. Kalinin. 1980.
- Kertman L.E. Ponyatie “ isriograficheskaya situaziya” i ego metodologicheskoe znachenie // Vopr. metodologii istorii, istoriografii i istochnikovedeniya. Tomsk, 1987a.
- Kertman L.E. Evolyuciya istoricheskikh vzglyadov T.N/ Granovsrogo// Uchenye zapiski Kievskogo gosuniversiteta. 1947. Vol.6. Iss.1.
- Kertman L.E. Istoriya kulturyi stran Evropyi i Ameriki. 1870-1917. M. 1987.
- Kertman L.E. Novaya istoriya. Ch. 1. Uchebnik dlya 8-go klassa sredney shkoly. M. 1980, 1987b; Novaya istoriya. Ch. 2. Uchebnik dlya 9-go klassa sredney shkoly. M. 1980a, 1987c.
- Kertman L.E. Novaya istoriya. 1640-1870. Uchednik dlya 9-go klassa sredney shkolyi. M. 1989.
- Kertman L.E. Novaya istoriya. 1871-1917. Uchebnik dlya 10-go kl. sredney shkoly. M. 1989a.
- Kertman L.E. Noveyshaya istoriya (1917-1939). Uchebnik dlya 10-go kl. sredney shkoly. M. 1989b.
- Kertman L.E. Noveyshaya istoriya (1939-1988). Uchebnik dlya 11-go kl. sredney shkoly. M. 1989c.
- Kertman L.E. Puls epoh. Perm. 1972.
- Kertman L.E. Velikobritaniya. Novaya istoriya. (Vtoroy period). Uchebnoe posobie dlya studentov vyzov. M. 1976. P. 42-77, 1984. P. 37-55.
- Kertman L.E. Zakonyi istoricheskikh situaciy// Voprosyi istorii. 1971. №1.
- Lapteva M.P. Intellektualnaya intuciya L.E.Kertmana // Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya. Perm. 2012. Iss.2 (19).
- Mamardashvili M.K. Estetika myishleniya. M. 2000.
- Mir lichnosti: Tvorcheskyy portret professora L.E. Kertmana. Perm. 1991.
- Rakhshmir P. Yu. Knyaz Metternih: chelovek i politik. Perm. 2005.
- Repina L.P. Mezhdokulturnyy dialog v istoricheskom poznanii// Mezhdokulturnoe vzaimodeistvie i ego interpretacii. M. 2004.
- Repina L.P. Istoriicheskaya nauka na rubezhe XX-XXI vv. M. 2011.
- Sovremennyye metodyi prepodavaniya noveishei istorii. M. 1996.
- Surikov I.E. Ocherki ob istoriopisanii v klassicheskoi Grezii. M. 2011.
- Uait H. Metaistoriya. Ekaterinburg. 2002.
- Znanie o proshlom v sovremennoy culture// Voprosyi filosofii. 2011. №8.

Лаптева Мария Петровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Пермского государственного национального исследовательского университета; modhist@yandex.ru

Professor L.E. Kertman and the contexts and meanings of intellectual history

The article analyzes an aspect of the works by Professor L.E. Kertman (1917–1987), the founder of the Perm school of universal history. Over recent decades, Kertman’s students, in addition to their own historical stories, began to investigate the problems of political and cultural studies and intellectual history. The author looks in to what extent are these “twists” connected with scientific heritage of Kertman, and how he himself was involved in problematics and methods of intellectual history.

Keywords: Professor L.E. Kertman, specificities of scientific creative work, styles and methods, intellectual history

Mariya Lapteva, PhD, Associate Professor, Department of World History, Perm State National Research University; modhist@yandex.ru

Е. В. КИКТЕВА

ДИТРИХ ШЕФЕР – ИСТОРИК КАК ВОСПИТАТЕЛЬ НАЦИИ В ВИЛЬГЕЛЬМОВСКОЙ ГЕРМАНИИ

Статья посвящена научной и политической деятельности Дитриха Шефера, немецкого историка-медиевиста конца XIX – начала XX в., образцового представителя немецкой академической элиты. Представления Шефера об этосе ученого служили основой его публичной активности. В политике профессор стремился продвигать собственные идеи, далекие от конъюнктурных соображений. И в своей пропагандистской деятельности, подводя читателя к политическим идеям на основании исторических фактов, Шефер предстает не полемистом, а учителем немецкой нации.

Ключевые слова: *Дитрих Шефер, академическое сообщество, германский национализм, экспансионизм, вильгельмовская Германия, историография*

Профессор Иоганн Генрих Дитрих Шефер был в свое время одним из известнейших историков Германии. За свою долгую жизнь (1845–1929) он успел не только сделать феноменальную академическую карьеру, активно поучаствовать в издании источников, но и параллельно стать заметным популяризатором исторической науки. Его известность в последнем качестве неразрывно связана с политической ангажированностью историка, которая неизменно выделяла его из сонма «аполитичных» немецких профессоров.

С точки зрения профессиональных качеств Шефер являл собой каноничный образец члена немецкой академической элиты, представленной, в частности, в исследовании Ф. Рингера¹. Персоне Шефера посвящено мало работ, что неравноценно его влиянию в вильгельмовскую эпоху. Краткая биография мемориального характера была создана в 1920-е гг. еще при жизни ученого². После этого вплоть до подробной статьи Р. Чикеринга и монографии Й. Акермана³ он упоминался в историографических работах как пример политизированного историка⁴.

В исследованиях неоднократно указывалось на роль историков в распространении националистического и имперского мировоззрения в немецком обществе второй половины XIX – первой половины XX в. Как отмечает И.А. Женин, «националистический крен в немецком обществе сопровождался почти беспрецедентным развитием исторического сознания. Историки обладали огромным влиянием на образованные слои

¹ См.: Рингер 2008.

² Jagov 1925.

³ Ackermann 2004; Chickering 1988.

⁴ См. напр.: Hübingер 2006; Iggers 1968.

общества, на их самосознание и отношение к государству как выразителю «истинных» интересов нации»⁵. В отечественной литературе, несмотря на обилие работ об отдельных немецких историках, в которых рассматривается также проблема их взаимоотношений с политикой⁶, специальные исследования о Дитрихе Шефере пока отсутствуют.

Шефер был своеобразным *self-made man* с немецким колоритом. Происхождение из городских низов Бремена никак не могло предопределить его восхождения до самых высот преподавательской карьеры – должности ординарного профессора в Берлинском университете. Его родители, не получившие образования⁷, по мере возможности пытались выучить детей; даже овдовев его мать продолжала оплачивать для двух своих детей посещение частной школы. Благодаря этому Дитрих с детства осознал высокую ценность знаний и образования, что привило ему со школьной скамьи необычайную усидчивость и прилежание. Именно эти качества отмечали в нем в первую очередь все его наставники⁸. Образ трудолюбивого, стремящегося к знаниям юноши также помогал ему заручиться материальной поддержкой, стипендиями, необходимыми для продолжения учебы. Далеко не сразу Шефер открыл в себе призвание к науке, первоначально он приобрел профессию учителя и несколько лет преподавал в школах Бремена (*Hauptschule, Realschule*) до поступления в университет. После его окончания, до обретения места профессора, Шефер также работал учителем в гимназии.

Преуспевая во всех дисциплинах будущий ученый долго не мог определиться с областью знаний, которую хотел бы изучать. В молодости его интересовали история, литература и география, он обладал способностями к иностранным языкам (самостоятельно выучил английский, очень быстро освоил латинский и древнегреческий). Шефера тогда притягивала английская история и литература, особенно на него повлияла «История Англии» Т. Маколея. Именно в период подготовки к поступлению в университет он начинал интересоваться политической жизнью и с того времени прочно оставался на пропрусских позициях⁹.

В 1868 г., после окончания экстерном последних классов гимназии, Шефер поступил в Йенский университет. Будущий историк учился также в университетах Гейдельберга и Геттингена. Сильное влияние на него оказали профессор Адольф Шмидт, источниковед Георг Вайтц

⁵ Женин 2012. С. 123. См. также: Рингер 2008; Grimmer-Solem 2007; Iggers 1968; Mosse 1975; Sontheimer 1971; Wehler 2003.

⁶ См., напр.: Гусева 2011; Ростиславлева 2008; Хряков 2002.

⁷ Отец семейства был портовым рабочим и прислугой, мать также работала в качестве прислуги. Шефер находил иронию судьбы в сравнении занятий своего отца и собственных исследовательских предпочтений.

⁸ Ackermann 2004. S. 37-39.

⁹ Schäfer 1926. S. 50-56.

(ученик Л. фон Ранке). В период начала франко-прусской войны Шефер слушал курс лекций по Новейшей истории знаменитого Г. фон Трейчке, и оказался в числе тех студентов, которые записались добровольцами под влиянием призыва Трейчке¹⁰. Несмотря на то, что принять участие в боях ему удалось лишь под конец войны, он описывал военный опыт как «венец [Höhepunkt] моей жизни», «чувство... служения великому делу»¹¹. Защиту того, чем стала тогда Германия, Шефер почитал целью, и академическая деятельность навсегда оказалась священной для него с идеей служения немецкому народу. Трейчке впоследствии одобрительно отозвался о диссертации Шефера и благословил его на продолжение научной деятельности¹².

Выбор темы диссертации («Датские анналы и хроники с середины XIII в. до конца Средневековья», 1872) был обусловлен, как признается Шефер, желанием, во-первых, написать ее на основе неопубликованного материала, а во-вторых, получить за это сочинение приз Ганзейского исторического общества, что ему удалось¹³. Интерес Шефера к истории Скандинавии пробудил труд Ф.К. Дальмана (его «Историю Дании» он впоследствии продолжил)¹⁴. Стремительным началом научной карьеры он был обязан Ганзейскому обществу, которое поручило ему в 1876 г. подготовить издание «Ганзейских рецессов»¹⁵. Едва завершив работу в архивах, он получил место профессора в alma mater, что было в то время исключительным предложением для недавно защитившегося историка, если не принимать в расчет, что университет Йены интересовал прежде всего его опыт публикации источников, а не научные идеи. В дальнейшем решение о смене места преподавания – он был профессором также в Бреслау, Тюбингене, Гейдельберге и Берлине – принималось им зачастую по причинам материального характера. Назначению в университет Берлина во многом Шефер был обязан безупречной политической репутации, а не известностью в научном мире¹⁶.

В период преподавания в Гейдельберге и Берлине Шефер включился в активную политическую деятельность. Начало этому положи-

¹⁰ «Фихте [в 1813 г.] отпускал своих учеников со словами: победа или смерть! Я говорю вам: Победа любой ценой!». Цит. по: Ibid. S. 70.

¹¹ Ibid. S. 71-72.

¹² Ackermann 2004. S. 49-50.

¹³ Schäfer 1926. S. 75-76.

¹⁴ Фридрих Кристоф Дальман (1785–1860), историк и либеральный политик. См.: Ростиславлева 2008; 2010.

¹⁵ «Ганзейские рецессы» (Hanserezesse) – многотомное собрание средневековых источников, выходявшее в свет с 1870 по 1913 гг. Рецессы представляют собой официальные документы, отражающие решения собраний ганзейских городов. 9 из 24-х томов «Рецесс» были изданы под руководством Д. Шефера.

¹⁶ Ackermann 2004. S. 124.

ла его агитация в пользу Национал-либеральной партии во время предвыборных кампаний 1881 и 1884 гг., когда он «множество раз выступал с речами в Йене и по всему избирательному округу»¹⁷. Позже Шефер повторил путь, пройденный многими сторонниками этой партии, – после отказа национал-либералов от поддержки Бисмарка, он резко отмежевался от них, а впоследствии стал активно поддерживать первые популистские «национальные союзы»¹⁸.

В 1897 г. Шефер с воодушевлением отнесся к агитации за флотскую программу А. фон Тирпица. Он пришел к пониманию важности строительства флота, независимо от Германского Флотского союза (1898–1934), переживавшего тогда период становления. Еще до вступления в Союз историк, мечтавший о создании «новой немецкой Ганзы»¹⁹, проявил себя в Гейдельберге как активный пропагандист идеи немецкого флота, поэтому неудивительно, что он возглавил местную ячейку Флотского союза. Через несколько лет Шефер разочаровался в этой организации, хотя продолжал оставаться ее членом. В своих воспоминаниях он уделил деятельности Флотского союза совсем незначительное внимание. Однако это не означало прекращения публичной агитации, которую Шефер вел при любой возможности, и даже после Первой мировой войны не считал ставку на флот ошибочной²⁰.

В этот период Шефер публиковал работы по истории Священной Римской империи, Ганзы, том «Истории Дании», исследование о колониализме. Одновременно он принимал участие в публикации источников. Известность Шеферу принесли вовсе не его работы по средневековой тематике, а речи, памфлеты, и многократно переизданные работы научно-популярного характера: «Ганза» (1903), двухтомные «Всеобщая история Нового времени» (1907) и «История Германии» (1904). Пристрастие к написанию масштабных трудов по национальной истории свидетельствует о том, что он воспринимал себя как продолжатель дела великих историков XIX в.: Ранке, И.Г. Дройзена, Ж. Мишле. К началу XX в. работы такого формата уже считались устаревшими. Шефер позиционировал их как просветительские, а не научные труды. Они вызвали «заметный резонанс в гимназиях и даже в народных школах», а в научной среде были приняты холодно и подвергались критике²¹. Параллельно издавались его политические работы, в которых заметны и черты научно-популярного жанра: «Германия на море» (1897), «Что говорит нам история о значении флота для современной Германии?»

¹⁷ Schäfer 1926. S. 100.

¹⁸ См.: Eley 1980.

¹⁹ Ackermann 2004. S. 127.

²⁰ Schäfer 1926. S. 131.

²¹ Ackermann 2004. S. 143, 145. Цит. Ibid. S. 145.

(1900), «Что означает Рейх для немцев?» (1912), «Быть или не быть?» (1914), «What Germany Is Fighting For» (1917), «Бисмарк: его жизнь и влияние» (1917), «Рейх как республика: Германия и Пруссия» (1919), а также многочисленные статьи и речи. Перечень работ, вышедших из-под его пера, содержит более 200 наименований. При этом ученый постоянно выступал с научными и политическими докладами.

Пик популярности Шефера пришелся на годы Первой мировой войны, когда вопросы, поднимавшиеся в его исторических и политических трудах, приобрели остроту для всего немецкого общества. Излишне доказывать, что ученый с энтузиазмом воспринял начало войны. В отличие от многих немцев, охваченных патриотическим единением, Шефер десятилетия воплощал «идею 1914 г.»: участвовал в сборе подписей под «Декларацией преподавателей высших учебных заведений Германского рейха»²², и даже создал Независимый комитет за немецкий мир (1916–1918), чтобы продвигать собственное видение целей войны и организовывать петиционные кампании. Позднее он использовал наработанные за долгие годы связи в политических организациях для объединения всех сил, выступающих за продолжение войны, под эгидой Отечественной партии (1917–1918), куда влился и его Комитет²³. После войны он, как и многие бывшие члены этой партии, вступил в Немецкую национальную народную партию. Завершив преподавательскую карьеру, он продолжал выступать в партии с докладами на политические темы, но его прежнее влияние на общество было утрачено.

Шефер, как и многие современные ему немецкие историки, принадлежал к поколению «внуков» Ранке (Enkelgeneration)²⁴, т.е. испытал его влияние через своих учителей. Был ли Шефер неоранкеанцем? Он нигде не упоминает, что труды Ранке произвели на него сильное впечатление, хотя и превозносит его как основателя немецкой исторической школы. Скорее всего, громкие заявления о «возрождении традиций Ранке»²⁵ были связаны с представлениями Шефера о том, чем должен заниматься историк: непосредственно изучать источники и содействовать их публикации. Ранке, как и Трейчке, был для него идеализированным образом историка, привитым со студенческой скамьи, поэтому он не пытался анализировать его труды, выявлять противоречия со своей позицией, особенности критического метода.

²² «Erklärung der Hochschullehrer des Deutschen Reiches» – декларация в поддержку действий германской армии от 16 октября 1914 г., подписанная преподавателями высшей школы (более 3 тыс. подписей). Считается продолжением знаменитого манифеста «К культурному миру!» (Манифест 93-х).

²³ Ackermann 2004. S. 231; 233.

²⁴ Ibid. S. 100.

²⁵ Ibidem.

Шефер уделял вопросам методологии весьма скромное место. Участие Шефера в методологическом споре его времени – между ранкеанцами и сторонниками Лампрехта – было не слишком продуктивно: сама мысль, что государство может быть признано вторичным, резко диссонировала с основами мировоззрения Шефера, согласно которым сама историческая наука следует по тому же пути развития, что и государство²⁶. Он считал нарождающуюся культурную историю излишней, искусственной дисциплиной с неопределенным предметом исследования: «...это сравнительное сопоставление этнологических явлений из разнообразнейших областей и эпох, в котором я не могу разглядеть исторической ценности»²⁷. Шефер не инициировал полемику, наоборот, был вынужден отвечать на критику²⁸. Он даже высказывал мысль, что методологические ухищрения не нужны студентам²⁹, а получить навыки исследовательской работы студент при желании может в течение двух семестров на семинарах. Шефер считал себя приверженцем «объективного» источниковедческого анализа³⁰, согласно которому работа с источниками сама собой формирует методологию исследователя, а знакомство с теоретическими и философскими концепциями студента лишь запутывает, лишает непредвзятости. Во многом такой подход может быть объяснен тем, что сам Шефер в период своей учебы не получил достаточного философского образования. Он прослушал лишь один курс «Логика и метафизика» в первом семестре³¹. Собственные работы, проникнутые «естественным» национальным чувством он противопоставлял методологическим трудам своих современников.

Постоянным мотивом творчества Шефера выступает идея о неразрывной связи истории и настоящего, о связи каждого человека с прошлым. При этом историк считал спорным утверждение об истории как учительнице жизни (*Lehrmeisterin*)³², однако отводил ей роль воспитательницы нации. Деятельность историка была для него не менее значимой, чем деятельность политика: именно развитие общегерманского исторического сознания он считал важнейшей предпосылкой объединения Германии: «Возрождение национального сознания в нашу эпоху на протяжении [XIX] столетия находится в тесной взаимосвязи с одновременно возросшим интересом к нашему прошлому, к его исследованию в плане языка, права, искусства и политического развития.

²⁶ Schäfer. Die eigentliche Arbeitsgebiet der Geschichte. S. 270-278.

²⁷ Цит. по: Ackermann 2004. S. 102.

²⁸ Подробное рассмотрение методологических взглядов Д. Шефера не входит в задачи данной статьи.

²⁹ Schäfer 1926. S. 142; Ackermann 2004. S. 139.

³⁰ Ackermann 2004. S. 115.

³¹ Schäfer 1926. S. 63.

³² Schäfer 1907. Bd. 1. S. 6-7.

Когда хотят показать место научной жизни в возрождении нашего народа... имеют в виду в первую очередь работу историков»³³.

Как достойный последователь Ранке нигде в своих работах Шефер не писал о непреложных законах исторического развития, но утверждал о «линии» или «ходе» истории, т.е. тенденциях, которые историк, как он считал, может улавливать. Во вступительной речи в должность профессора в 1884 г. он уже формулировал эту мысль: «Разделение рода человеческого на нации находится вне постижения исторической мысли; с незапамятных времен берет начало и принцип политического оформления национальных основ. Но последний был отеснен глубоко на задний план в течение тысячелетнего хода истории»³⁴. Показательно, что существование «национальных основ» государства Шефер принимал априори. Отсюда «задача историка прийти к пониманию государства, к пониманию его происхождения, становления, предпосылок его бытия, задач, стоящих перед ним»³⁵, государство – продукт исторического развития, и «только историческое познание может привести к его пониманию»³⁶. Его рассуждения перекликаются с идеями Дальмана и Маколея, которые схожим образом разрешали для себя дилемму «историк-политик»: «в рамках тихих научных штудий историк расширяет круг своего воздействия и из рассказчика о прошлом становится учителем, способным предсказать, по каким законам должно управляться государство»³⁷. Следовательно, историческое исследование должно концентрироваться на национальной истории, истории государства, выход за ее рамки возможен, в представлении Шефера, в особых случаях и только на наднациональный уровень «мировой истории».

Методологию Шефера-историка можно назвать фрагментарной, зависимой от политических взглядов и состояния исторической мысли эпохи. В его трудах заметен интерес к национальным и имперским идеям, культурным особенностям народов, прослеживается немало позитивистских черт. Несмотря на старания приблизиться к образу Трейчке и Ранке, Шефер оставался заложником современных ему подходов.

Важный момент для понимания внутренних мотивов историка кроется в том, что в его сочинениях метафорами исторических событий часто выступают понятия из образовательной сферы: «урок», «экзамен» (метафора Первой мировой войны), «просветительская работа» (эквивалент слова «пропаганда»), «превосходная школа» (армия), «задача», и, конечно, «воспитание» как миссия любого преподавателя и выдаю-

³³ Schäfer 1884. S. 4.

³⁴ Ibid. S. 3.

³⁵ Schäfer. Die eigentliche Arbeitsgebiet der Geschichte. S. 279.

³⁶ Schäfer. Was bedeutet dem Deutschen sein Reich? S. 322.

³⁷ Ростиславлева 2008. С. 138-139.

щегося национального деятеля (Мольтке и Бисмарк также выступают как «воспитатели нации»³⁸)³⁹. Невозможно понять мировоззрение Шефера, отрицая то место, которое занимала в нем миссия учительства.

В университете Шефер вел не только курсы средневековой истории и источниковедения, но также курсы Новой и Новейшей истории. Он с удовлетворением отмечал, что он может оказывать влияние на большее число студентов, и формулировал свое преподавательское кредо таким образом: «давать студентам во время лекций нечто такое, что позволяло завоевывать их умы и сердца для [формирования – *Е.К.*] исторического понимания и здорового патриотического чувства»⁴⁰.

Его отношение к студентам носило зачастую патерналистский характер: «Шефер не был блестящим лектором... Но тех же, кто привык, приковывала его ясная, деловая речь... Так он повсюду быстро приобретал кружок преданных, благодарных слушателей»⁴¹. Позднее Шефер активно использовал связи с бывшими учениками в своей политической деятельности – они должны были продвигать интересы его организации на местном уровне⁴². В своей преподавательской деятельности Шефер стремился подражать Г. фон Трейчке, хотя в отличие от последнего он, как отмечали современники, не проявлял склонности к красочному и увлекательному повествованию, театральным эффектам, наоборот, стремился к лаконичному и сжатому изложению материала.

Биограф Шефера Й. Акерман считает, что он взял на себя роль «просветителя нации» не ранее 1897 г.⁴³, однако, если учесть рано сформировавшееся представление Шефера о преподавателе-наставнике народа, то данная концепция нуждается в корректировке. Именно возможность занять подобное место появилась у Шефера в этот период, после обретения высокого академического статуса и изменения политической конъюнктуры; историк лишь воспользовался возможностью распространять свои идеи вне университета.

На протяжении своей жизни историк состоял во множестве политических организаций, известных своим экспансионизмом и национализмом (Союз Восточной марки, Колониальное общество, Пангерманский союз, Германский Военный союз, Германский Флотский союз, Отечественная партия и др.). Несмотря на активную политическую деятельность в качестве агитатора и публициста, Шефера тяготили поли-

³⁸ Schäfer 1901. S. 28.

³⁹ Необходимо заметить, что смешение милитаристских терминов и смыслов с педагогическими прослеживается в целом в германском академическом дискурсе в рассматриваемый период: см. Маурер 2015. С. 376-381.

⁴⁰ Ackermann 2004. S. 52 (письмо Г. фон Трейчке); цит.: Schäfer 1926. S. 94.

⁴¹ Цит. по: Ackermann 2004. S. 92.

⁴² Ibid. S. 181.

⁴³ Ibid. S. 127.

тические посты, государственные чины, должности в государственных и партийных органах, т.е то, что он называл «практической политикой». Еще в Гейдельберге профессор лишь под нажимом администрации университета согласился войти в верхнюю палату парламента Бадена, при этом он пытался отказаться от титула тайного советника⁴⁴.

Аналогичным образом, несмотря на членство в многочисленных политических организациях, Шефер редко соглашался занимать там какой-либо пост и никогда не называл себя политиком. Отказ от мотивировал тем, что не сможет являться на заседания или участвовать в аппаратной работе ввиду отсутствия времени⁴⁵. Но были и другие причины: Шефер неоднократно выказывал снисходительное отношение к «практической политике», научная деятельность казалась ему более важной, к тому же он не считал себя способным к политике. Ученый неоднократно подчеркивал, что именно глубокое знакомство с историей Ганзейского союза привело его к мысли, что «экономическое могущество можно достичь и утвердить только с помощью политической силы»⁴⁶. Самоограничение Шефера в политической сфере – он обычно лишь выступал с речами – во многом продиктовано желанием остаться «над схваткой» и представлять точку зрения эксперта, а не пропагандиста⁴⁷. Участие в агитационной кампании на общегерманских выборах было продиктовано убеждением в том, что такие выборы способствуют укоренению единой Германии, а не симпатиями к национал-либералам, поддерживаемых им в тот момент⁴⁸. Шефер подчеркивал, что немецкий ученый должен отстаивать общегерманские интересы, а не интересы партии или социальной группы⁴⁹. В воспоминаниях ученый подчеркивал свою близость к немецкому народу и обществу простых людей⁵⁰.

Подобный образ мыслей Шефер считал обязательным для немецкого политика, идеал которого он видел в Бисмарке, с которым профессор встречался в 1892 г. в Бад-Киссингене, вызывая у него священный трепет и бесконечное восхищение. Описание беседы с Бисмарком занимает в мемуарах Шефера 11 страниц: он стремился не просто донести смысл слов экс-канцлера, а запечатлеть каждую мелочь, так или иначе с ним связанную⁵¹. Уместно напомнить, что идеализированный

⁴⁴ Schäfer 1926. S. 135-136.

⁴⁵ Так он мотивировал отказ на предложение Г. Класса, председателя Пангерманского союза: Bundesarchiv Berlin – Lichterfelde. BArch R 8048/455. Bl. 11; 12.

⁴⁶ Schäfer 1926. S. 100; цит.: Schäfer 1885. S. 32.

⁴⁷ Это распространённое заблуждение немецких интеллектуалов раскрывается в немецкой историографии национализма. См., в частности: Рингер 2008.

⁴⁸ Schäfer 1926. S. 100.

⁴⁹ Ibid. S. 135.

⁵⁰ Ibid. S. 74-75.

⁵¹ Ibid. S. 114-125.

образ Бисмарка сыграл важную роль в оформлении популистского национализма в Германии – причисление себя к «партии Бисмарка» было маркером размежевания со старыми прусскими консерваторами, кайзером и правящими элитами; Шефер отмечает, что накануне этой встречи можно было видеть «свидетельства недовольства кайзером»⁵².

Исключениями из правила невмешательства в «практическую политику» в разное время были: руководство деятельностью тюрингенского отделения «Германского союза восточной марки», руководство деятельностью гейдельбергского отделения Германского Флотского союза и, уже в период Первой мировой войны, руководство собственной организацией «Независимый Комитет за немецкий мир», хотя Шефер в последнем случае сетовал на необходимость заниматься изматывающей организационной работой⁵³. Руководство местными отделениями было недолгим, но и после этого Шефер оставался членом указанных организаций. Как утверждает Акерман применительно к деятельности профессора в «Союзе восточной марки», во время нахождения на руководящем посту Шефер ограничивал свои полномочия, сосредоточившись на руководстве издательской деятельностью⁵⁴. Он, несомненно, использовал различные политические организации как издательский ресурс для публикации своих речей и памфлетов, однако многие из них также были заинтересованы в популярном профессоре.

Акерман считает, что до Первой мировой войны наиболее активной была деятельность Шефера в «Союзе восточной марки» в 1890-х гг. Однако в архиве Гамбурга имеются листовки, выпущавшиеся гейдельбергским отделением Германского Флотского союза в период острого внутреннего кризиса данной организации. Они показывают, что Шефер не только примкнул к радикальному крылу Союза, находящегося в оппозиции к руководству, но и своими силами развернул агитационную кампанию против последнего⁵⁵. Позднее Шефер активно сотрудничал с оппозиционным академическим крылом союза – «Свободной ассоциацией лекторов» (Freie Vereinigung für Flottenvorträge)⁵⁶, из чего можно заключить, что Шефер сыграл немалую роль в истории Флотского союза. После войны Германский морской союз (переименованный Флотский союз) продолжал, несмотря на прежние идейные расхождения, чтить Шефера как «патриарха немецкой исторической науки», «основателя истории флота Германии», «предшественника флотского движе-

⁵² Ibid. S. 115; См. также: Ростиславлева 2016; Frankel 2005; Stegmann 1970.

⁵³ Ackermann 2004. S. 182.

⁵⁴ Ibid. S. 149; 158.

⁵⁵ Staatsarchiv Hamburg, 614-2/1. III.1. Bl. 114, 115.

⁵⁶ Eley 1980. P. 88; Шефера называют лидером этой организации: Dizioł 2015. Bd. 1. S. 58-59.

ния»⁵⁷. Подробных сведений о деятельности Шефера на политических постах нет ни в мемуарной, ни в биографической литературе, в связи с чем оценить степень его активности достаточно проблематично.

Труд «Германия на море» («Deutschland zur See: Eine historisch-politische Betrachtung», 1897) был первой крупной работой Шефера по флотской проблематике. Ее основная часть – исторический обзор, цель которого – показать, что немцы могут «владеть морем» наравне с англичанами и голландцами, «если им в той же степени предоставлены ветер и солнце»⁵⁸. Значительная часть работы посвящена истории Ганзейского союза. Называя всех ганзейцев «немцами» (в т.ч. и жителей средневековых Нидерландов), освещая роль мореплавателей-немцев в мировой истории, Шефер пытался разрушить исторический стереотип Германия как сухопутной державы. Подчеркивая важность создания современного немецкого флота, он вместе с тем ничего не упоминает о конкретных показателях, которым должен соответствовать этот флот: «Насколько должен быть силен наш флот... – вопрос технического характера. <...> В каком составе остальные типы судов должны присоединяться к линейным кораблям, решать специалистам»⁵⁹.

В работах Шефера проявляется своеобразное отношение к колониализму – несмотря на то, что он считал возможным прибегать к силе при колонизации чужих земель, в большей степени воспринимал ее как мирное предприятие, «окультуривание». Именно поэтому он высоко оценивал деятельность России по ассимиляции восточных народов⁶⁰. По его мнению, средневековая колонизация германцами прибалтийских и славянских земель протекала, в основном, мирным путем, т.к. на востоке было много пригодных для проживания территорий⁶¹. Шефер считал ее одним из важнейших средневековых достижений «немцев».

Используя параллели со Средневековьем, Шефер видел решение насущного вопроса – нехватки сельскохозяйственных земель – в новой колонизации. Именно к проблеме «земельного голода» он апеллировал, обосновывая свою программу экспансии Германии по итогам войны. Он считал, что Германия должна расширить свое влияние, но не путем изменения границ «старых» европейских наций, а присоединения прибалтийских и польских земель и колоний. Он считал возможным также существование польского государства, правда, лишь под протекторатом Германской империи⁶².

⁵⁷ Diziol 2015. Bd. 2. S. 675.

⁵⁸ Schäfer 1897. S.12; 39.

⁵⁹ Schäfer. Weltlage und Flottenverstärkung. S. 138.

⁶⁰ Schäfer 1910. S. 141.

⁶¹ Schäfer 1916. S. 3; Schäfer 1897. S. 6.

⁶² Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde. R 8048/455. Bl. 18, 21; Schäfer 1916. S. 8-9.

В период Первой мировой войны Шефер становится одним из ведущих участников дискуссии о целях Германии в войне (Kriegszielbewegung)⁶³. Понимание важности определения целей войны сблизило ученого с Пангерманским союзом. Уже в начале сентября 1914 г. у него завязывается активная переписка с председателем союза Г. Классом, в ходе которой Шефер формулирует и аргументирует свою позицию по вопросу послевоенных границ⁶⁴. То, что Шефер уже в самом начале войны погрузился в изучение этого вопроса, применяя свои географические и исторические знания, демонстрирует не только его милитаристские настроения, но и то, что он считал возможным повлиять на политику Германии в войне. Хотя взгляды Шефера по этому вопросу были умереннее пангерманских, он продолжал состоять в Союзе и взаимодействовать с ним, пытался привлечь к совместным действиям.

В период войны Д. Шефер был также вовлечен в обострившуюся проблему разобщенности немецких правых и попытался решить ее, объединив различные политические силы под эгидой собственной организации «Независимый комитет за немецкий мир» («Unabhängiger Ausschuss für einen deutschen Frieden»). Он считал, как и многие его современники, что политические организации можно объединить вокруг какой-либо одной идеи, которую все они разделяют. Для Шефера такой идеей стали достойные условия мирного договора, предусматривающие расширение влияния Германии в Европе и в мире. Вторым направлением пропаганды, особенно заметным в 1915–1917 гг., были призывы к началу неограниченной подводной войны. В качестве примера можно привести обращение Комитета к Рейхстагу от 15.03.16: «Англия стремится подавить нас при помощи голода. <...> Из этого положения имеется только один выход: ведение неограниченной подводной войны против Англии. <...> Вражеские и нейтральные страны снова поверят в нашу стойкую волю к победе, в которой они начали сомневаться в связи с нашей позицией по отношению к Америке»⁶⁵.

Комитет благодаря обширным связям и организационной активности Шефера вскоре значительно разросся: в нем состояли более 150 тыс. членов, он имел около 200 отделений по всей Германии⁶⁶. Комитет Шефера долгое время существовал неофициально, был довольно разобщенным, примкнувшие организации сохраняли независимость, но все же он представлял собой внушительную силу, так как объединял на основе личных связей практически всю правую верхушку политической элиты. Фактически возможность подобного единства обеспечива-

⁶³ Stegmann 1970; Verhey 2000. P. 152-153.

⁶⁴ Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde. R 8048/455. Bl. 18, 21.

⁶⁵ Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde. R 8048/455. Bl. 24.

⁶⁶ Stegmann 1970. S. 469.

ла не общая идея, а общая неприязнь по отношению к рейхсканцлеру фон Бетман-Гольвегу⁶⁷. Косвенным доказательством влияния Комитета является то, что правительству пришлось создать в противовес ему аналогичную организацию, обосновывающую умеренные цели войны – «Германский национальный комитет» (Deutscher Nationalausschuss)⁶⁸. В 1917 г. Комитет вливается в Германскую Отечественную партию, объединившую на краткое время (до 1918 г.) практически все немецкие непартийные правые организации. В партии Шефер также становится одной из ключевых фигур за счет своих связей и авторитета. Вскоре после подписания Компьенского перемирия и Ноябрьской революции обе эти организации самораспустились. Подобно большинству членов Отчужденной партии, Шефер примкнул к консервативной Немецкой национальной народной партии, но его выступления антиреспубликанского характера нечасто выходили за рамки партийных собраний⁶⁹.

Несмотря на то, что Шефер считал причиной поражения Германии внутренних, а не внешних врагов, его взгляды были шире теории «удара в спину». В мемуарах ученый с горечью признавал, что сами внутренние враги появились от недостатка морали, долга и нравственного чувства внутри Германии. Как боец «внутреннего фронта», Шефер возлагал на себя частичную ответственность за поражение в войне, так как его усилия оказались недостаточны⁷⁰.

Жизнь Дитриха Шефера необычным образом вобрала в себя многие перипетии немецкой истории периодов объединения Германии и Германской империи. Он был тем хрестоматийным учителем, выигравшим франко-прусскую войну, настоящим немецким «мандаином», фанатичным почитателем Бисмарка. Перед Первой мировой войной Шефер - горячий сторонник немецкого экспансионизма и флотского строительства, во время войны профессор отстаивает необходимость применения любых средств в отношении противника. После поражения он наравне со многими современниками не принимает Веймарскую республику. Становление и развитие Шефера как личности происходило во многом синхронно с развитием страны, перипетии его карьеры служат прекрасной иллюстрацией возможностей и ограничений социальной мобильности в кайзеровской Германии.

Д. Шефер воспринимал свою жизнь как служение народу и государству и направлял все силы на то, чтобы сплотить немецкую нацию, сделать немцев не только народом Гете, но и народом Бисмарка⁷¹. Уни-

⁶⁷ Ibid. S. 467; 471.

⁶⁸ Цит. по: Verhey 2000. P. 153.

⁶⁹ Ackermann 2004. S. 241.

⁷⁰ Schäfer 1926 S. 159; Ackermann 2004. S. 242.

⁷¹ Schäfer 1917. S. 10.

верситетский профессор стал одним из известнейших националистических ораторов и пропагандистов Германии начала XX в., и его деятельность можно считать манифестацией популистского сдвига внутри немецкого национализма.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Гусева М.В. Проблема позитивной национальной интеграции в кайзеровской Германии в трудах Г. фон Трейчке, Ю. Лангбена и В. Зомбарта. Дисс... канд. ист. наук. М., 2011. [Guseva M.V. Problema pozitivnoy natsionalnoy integratsii v kayzerovskoy Germanii v trudakh G. fon Treychke, YU. Langbena i V. Zombarta. Diss... М., 2011].
- Женин И.А. Между идеей и идеологией: политизация академического сообщества Германии в первой трети XX века // Логос. 2012. С. 122-143. [Zhenin I.A. Mezhdru ideyey i ideologiyey: politizatsiya akademicheskogo soobshchestva Germanii v pervoy trety XX veka // Logos. 2012. S. 122-143].
- Маурер Т. «Барометры» или «маяки» общества? Избр. статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М., 2015. [Maurer T. "Barometry" ili "mayaki" obshchestva? Izbr. stat'i po sotsial'noy istorii russkikh i nemetskikh universitetov. М., 2015].
- Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890—1933. М., 2008. [Ringer F. Zakat nemetskikh mandarinov: Akademicheskoye soobshchestvo v Germanii, 1890—1933. М., 2008].
- Ростиславлева Н.В. Проблема «историк и политика» в творчестве Ф.К. Дальмана (1785—1860) // Новая и новейшая история. 2008. № 1. С. 137-151. [Rostislavleva N.V. Problema "istorik i politik" v tvorchestve F.K. Dalmana (1785—1860) // Novaya i noveyshaya istoriya. 2008. № 1. S. 137-151].
- Ростиславлева Н.В. Германские либералы первой половины XIX века: К. фон Роттек, К.Т. Велкер, Ф.К. Дальман, В. фон Гумбольдт, Д. Ганзман. М., 2010. [Rostislavleva N.V. Germanskiye liberaly pervoy poloviny XIX veka: K. fon Rottek, K.T. Velker, F.K. Dalman, V. fon Gumboldt, D. Ganzeman. М., 2010].
- Ростиславлева Н.В. Национальная идентичность немцев в фокусе наследия Отто фон Бисмарка // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 336-349. [Rostislavleva N.V. Natsionalnaya identichnost nemtsev v fokuse naslediya Otto fon Bismarka // Dialog so vremenem. 2016. Vyp. 54. S. 336-349.]
- Хряков А.В. «Тайная Германия» Эрнста Канторовича // Диалог со временем. 2002. Вып. 8. С. 78—97. [Khryakov A.V. "Taynaya Germaniya" Ernsta Kantorovicha // Dialog so vremenem. 2002. Vyp. 8. S. 78—97]
- Ackermann J. P. Die Geburt des modernen Propagandakrieges im Ersten Weltkrieg: Dietrich Schäfer, Gelehrter und Politiker. Frankfurt/M. u. a., 2004.
- Chickering R. Max Weber and Dietrich Schäfer // Max Weber and seine Zeitgenossen. Göttingen, 1988. S. 462-475.
- Diziol S. „Deutsche, werdet Mitglieder des Vaterlandes!“: Der Deutsche Flottenverein 1898-1934. 2 Bde. Kiel, 2015.
- Eley G. Reshaping the German right: Radical Nationalism and Political Change after Bismarck. New Haven; London, 1980.
- Frankel R. Bismarck's Shadow: The Cult of Leadership and the Transformation of the German Right, 1898- 1945. Oxford, 2005.
- Grimmer-Solem E. The Professors' Africa: Economists, the Elections of 1907, and the Legitimation of German Imperialism // German History. 2007. Vol. 25(3). P. 313-347.
- Hübinger G. Gelehrte, Politik und Öffentlichkeit. Eine Intellektuellengeschichte. Göttingen, 2006.
- Iggers G. The German Conception of History: The National Tradition of Historical Thought from Herder to the Present. Middletown, 1968.
- Jagov K. Dietrich Schäfer und sein Werk. Berlin, 1925.
- Mosse G.L. The Nationalization of the Masses. New York, 1975.

- Schäfer D. Deutsches Nationalbewusstsein im Licht der Geschichte. Akademische Antrittsrede von Dr. Dietrich Schäfer, a.ö. Professor der Geschichte an die Universität Jena. Jena, 1884.
- Schäfer D. Die Hanse und ihre Handelspolitik [Vortrag]. Jena, 1885.
- Schäfer D. Deutschland zur See. Eine historisch-politische Betrachtung. [2. Auflage] Jena, 1897.
- Schäfer D. Zu Moltkes Gedächtnis. Rede gehalten zur Moltke-Feier in Heidelberg am 11. November 1900. Jena, 1901.
- Schäfer D. Weltgeschichte der Neuzeit. 2 Bde. Berlin, 1907.
- Schäfer D. Kolonialgeschichte. Leipzig, 1910.
- Schäfer D. Die eigentliche Arbeitsgebiet der Geschichte // Schäfer D. Aufsätze, Vorträge und Reden. 2 Bde. Bd. 1. Jena, 1913. S. 264-290.
- Schäfer D. Was bedeutet dem Deutschen sein Reich? [1912] // Schäfer D. Aufsätze, Vorträge und Reden. 2 Bde. Bd 2. Jena, 1913. S. 321-340.
- Schäfer D. Weltlage und Flottenverstärkung [1899] // Schäfer D. Aufsätze, Vorträge und Reden. 2 Bde. Bd 2. Jena, 1913. S. 127-145.
- Schäfer D. Unser Volk inmitten der Mächte // Der Koloß auf tönernen Füßen. Gesammelte Aufsätze über Russland. München, 1916. S. 1-9.
- Schäfer D. Protestantismus und Staat // Süddeutsche Monatshefte. 1917. S. 3-10.
- Schäfer D. Mein Leben. Berlin; Leipzig, 1926.
- Sontheimer K. Deutschland zwischen Demokratie und Antidemokratie. München, 1971.
- Stegmann D. Die Erben Bismarcks. Parteien und Verbände in der Spätphase des Wilhelminischen Deutschlands. Sammlungspolitik 1897–1918. Köln; Berlin, 1970.
- Verhey J. The Spirit of 1914: Militarism, Myth and Mobilization in Germany. New York, 2000.
- Wehler H-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 4. München, 2003.

Киктева Евгения Викторовна, аспирант кафедры всеобщей истории Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (ПГГУ); eva_solov2@mail.ru

Dietrich Schäfer: Historian as the Educator of the Nation in Wilhelmine Germany

The article is focused on Dietrich Schäfer, the German historian-medievalist of the late 19th – the early 20th c. The main emphasize is on academic and political practices, considering him as an example of a German academic elitist. Schäfer's political activism was based on his beliefs about researcher's ethos. Professor sought to provide his own ideas in politics, which had been far from reasons of political conjuncture. His political works are not clearly divided from the popular books, and Schäfer, engaged in agitational activity, came across not as a polemist but as a teacher or a mentor of the German nation, who went from historical facts to the political ideas.

Keywords: Dietrich Schäfer, academic community, German nationalism, expansionism, Wilhelmine Period, historiography

Evgeniya Kikteva, Post-graduate student of the Department of World History, Russian State University for the Humanities; eva_solov2@mail.ru

Н. О. БЛЕЙХ, Л. В. ДЗНАГОВА

СПЕЦИФИКА ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ У НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КAVKAZA ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье анализируются особенности просветительских тенденций в Северо-Кавказском крае. Данные, приводимые в статье, географически охватывают весь Северный Кавказ в хронологической последовательности с 1750 по 1917 гг. Авторы доказывают, что становление просветительства в наиболее отсталом районе империи имеет характерные черты, обусловленные менталитетом горских народов. В этом процессе выявлены четыре стадии: генезисная (1760–1850), предреформенная (1850–1864), постреформенная (1864–1890), революционная (1890–1917).

Ключевые слова: *Северо-Кавказский край, горские народы, этапы просвещения, школьная политика, цивилизаторы, люмьеризм, просветительство*

Ситуация начала XXI в. характеризуется стремлением большей части населения к знанию своей истории, исторических реалий духовного развития. В период с середины XVIII до начала XX в. образование для горских народов становилось главным способом достижения социального благоденствия. Этот фактор и был решающим в возникновении общественного запроса на просвещение. В сложном процессе интеграции кавказских народов в систему Российской империи организация национального просвещения играла важнейшую роль.

Специфика становления и развития национального просветительства отражала своеобразие их ментальности и общественной жизни. Традиционность оценки национального просветительства горских народов в пределах «этнических квартир», сводя его к разряду провинциальных процессов общественно-политической жизни центральной России, существенно лимитирует социальное и культурное значение этого исторического феномена, в наибольшей степени вобравшего в себя различные стороны этнокультуры народов периферийной области Империи, не способствует выявлению его целостности и подлинной ценности. Поэтому выявление общего и особенного в этом процессе представляется актуальной исследовательской задачей.

В этом плане огромное значение для исследователей кавказского национального образования и просвещения имеют труды самих горских культуртрегеров в лице очевидцев и участников событий – российских ученых И. Бларамберга, Г.Ю. Клапрота, Л.Я. Люлье, А.М. Шегрена, П.К. Услара. В них представлено авторское видение ситуации и обращено внимание на развитие духовно-нравственной культуры горских народов. В советский период деятельность горских просветителей

рассматривалась в работах А.С. Гаджиева, Н.П. Гриценко, Г.Ш. Кайтмаразова, И.П. Лейберова, З.М. Габуниа, А.С. Чикобава и др., преподававших её согласно идеологическим установкам своего времени, дела просветителей по их политическим позициям на «плохих» и «хороших». В начале XXI в. ситуация изменилась, и в трудах С.А. Айларовой, В.В. Дегоева, Р.Ф. Дзерановой, Л.Т. Калаевой, Ю.Ю. Клычникова, С.С. Лазаряна, Е.Е. Хатаева, С.Р. Чеджемова была заложена новая традиция изучения на основе этнической принадлежности просветителей. Работы зарубежных авторов И. Лapidуса, А. Хурани, Я. Эспозито, и Ф. Робинсона, Д. Блума, Ш. Блэр о развитии культуры мусульманских народов Северного Кавказа также занимают особое место в историографии северокавказского просветительства¹.

На нынешних кавказоведах лежит особая ответственность в теоретическом осмыслении данного социокультурного феномена. Опираясь на результаты имеющихся работ и на собственные исследования², авторы выдвинули гипотезу, в которой обосновывается историческая взаимообусловленность между деятельностью российских властей по конструированию социально-культурного пространства и развитием образования и просвещения в Северокавказском крае.

В широком временном диапазоне, начиная от предпосылок зарождения просветительства в крае и заканчивая началом XX столетия, наиболее полно и ясно проявились все характерные черты, ярко проявилась связь социальной напряженности с ростом национального менталитета интеллигенции края. Этот период характеризуется уникальным опытом становления и развития российской государственности в крае, модернизацией всей палитры социальных отношений. В них основное значение приобретало развитие образования горских народов, которое мыслилось не только как средство их просвещения, а, скорее, как важнейший механизм государственной политики по созданию единого культурного пространства на данной территории.

Просвещение и образование северокавказских народов, обладая сциентистским пафосом, является культурно-историческим явлением, которое способствовало их приобщению к российской и мировой цивилизациям³. Горские народы смогли создать у себя стройную систему просвещения благодаря тому, что они связали свое будущее с российским государством, что способствовало ускорению развития кавказского общества. И если это единодушно признано всеми кавказоведами, то по остальным вопросам единого мнения не сложилось. В частности, нет четкого разграничения между «просветительством» и «просвещением»,

¹ Блейх 2009. С. 8, 12; 2014. С. 405-409.

² См.: Блейх 2013; 2009; 2017; и др.

³ Шамаев 2011. С. 301.

а термин «просветитель» используется крайне редко, на что еще во второй половине XX в. неоднократно указывал З.П. Цховребов⁴. Помимо термина «просветитель», мы взяли на себя смелость использовать слово «просветизм», а также принятый мировым сообществом термин «люмберизм»⁵. Нет солидарности и в периодизации просветительских тенденций в крае в целом (хотя представлены этапы просветительского движения по отдельным национальным областям). Поэтому проанализировав и обобщив имеющиеся данные в соотношении с динамикой социально-политических процессов в крае, мы предлагаем хронологию социокультурной эволюции горского просветительства, состоящую из четырех этапов (а не из трех, как было принято в литературе): начального (1760–1850), предреформенного (1850–1864), постреформенного (1864–1890), революционного (1890–1917), имеющих свою специфику развития. Рассмотрим назревшие дискуссионные вопросы подробнее.

Стремясь провести четкие разграничения между терминами «просветительство», «просвещение народа», «эпоха Просвещения», «национальное просветительство» необходимо обратиться к истории зарождения просветительства на Северном Кавказе. Формирование северокавказского просветительства пришлось на время, когда по меткому выражению З.А. Каменского, произошло «расщепление понятия». Параллельно с классической интерпретацией Просвещения, как антифеодальной идеологии в контексте исторической эпохи, на данном этапе определилось второе его значение, трактуемое как система мер, направленных на реформирование общества посредством распространения научных знаний и развитием школьного образования⁶. Поэтому со второй четверти XIX в. российская философия отказалась от употребления концепта «просвещение» в классическом его понимании. Этот подход, считает Н.Н. Денисова, «привел к сужению семантического и практического поля категории “просвещение” и одновременному расширению смысла его производной – “просветительство” – до глобального социокультурного феномена»⁷. Расширение понятийной области, хотя не было научно обосновано или лексически легализовано, позволило формировать такие смысловые конструкции, как «национальное просветительство» или «миссионерское просветительство». По нашему мнению, концепт «просветительство», включающий в себя компоненты номинаций «просвещение народа» и «эпоха Просвещения», наиболее релевантно отражает содержание общественно-педагогической и культурной деятельности в разных регионах в XIX – начале

⁴ Цховребов 1977. С. 23.

⁵ Блейх 2008. С. 149.

⁶ Кокоева 2009. С. 53.

⁷ Денисова 2011. С. 8.

XX в. Без обращения к опыту этого движения невозможно говорить об общероссийском просветительстве. В этом контексте термин «национальное» не вполне корректен, но, принимая во внимание, что он прочно вошел в научный оборот, мы его также будем использовать.

Национальное просветительство кардинально сказалось на качестве жизни российских этнических социумов. Несмотря на свою специфику, оно, по мнению большинства ученых, принадлежит к идейно-культурным направлениям общеевропейского типа. Это наглядно демонстрирует северокавказское просветительство, вобравшее в себя как общие, так и особенные черты, которые, впрочем, не являются конкурирующими, что позволяет говорить о северокавказском просветительстве как целостном феномене. Многие с нашим мнением не согласятся, что связано с наблюдаемым сегодня своеобразным «ренессансом» в решении проблем национального просветительства разных регионов, в ходе которых представители этнической научной интеллигенции пытаются вести дискурс об уникальности и большей значимости «своей» просветительской кампании. В таком подходе превалирует политика, а не наука. Это путь в никуда. Тем не менее исследования в области просветительства, его генезиса, своеобразия, принципов имеют важное значение в обстановке трансформации культурных ценностей. В том же духе высказывается С.В. Перевезенцев: «Современные специалисты рассматривают национальное просветительство как особый феномен, выражающий в концентрированном виде в воззрениях и творческой деятельности просветителей своеобразие национального менталитета, традиционные, религиозные этнические и общечеловеческие стороны жизни, мировосприятие народа, его интересы и потребности, т.е. все то, без чего невозможно представить себе полнокровную историю того, или иного народа, как и России в целом»⁸.

Наиболее активная и разносторонняя деятельность просветителей пришлось на XIX – начало XX в. и была весьма сложна и объемна: от популяризации просветительских идеалов в прессе до создания учебных заведений. Благодаря их этнографическим и историческим трудам, литературным произведениям, статьям в российских и зарубежных журналах, все российское и мировое сообщество узнало о Северном Кавказе как об уникальном культурно-историческом феномене.

Важнейшим направлением деятельности северокавказских просветителей была борьба за просвещение всего народа посредством создания системы народного образования, этнической письменности и подготовки национальных педагогических кадров. Их требования не всегда совпадали с правительственными установками. Примером тому служат положения о характере и целях народных школ, которые им

⁸ Перевезенцев 1992.

мыслятся общедоступными, бесплатными, дающими реальные знания. Государство же имело цель дать только элементарные знания, отвечающие текущим потребностям, опасаясь, что, «если эти деятели (образованная интеллигенция) будут в большинстве, то край окажется фактически в их руках»⁹. Инициативы по построению системы народного образования северокавказских просветителей отличались от идей российских мыслителей не в стратегии, а в тактике. Прежде всего это касалось места государства и роли общества в построении системы образования. Российские мыслители доминирующую роль в этом процессе отдавали общественным структурам, северокавказские деятели считали, что государство обязано заботиться о своих гражданах и ему принадлежит прерогатива открытия и содержания учебных заведений разных уровней. Однако эти разногласия не приводили к столкновению интересов. В итоге результатом принимаемых правительством мер и усилий просветителей на Северном Кавказе стало создание системы национального образования, развитие народной школы, формирование педагогических кадров, появление этнической интеллигенции.

Установив факт ценностной значимости северокавказского просветительства не только для народов края, но и во всероссийском масштабе, остановимся на специфике этапов его становления, что поможет в решении некоторых дискуссионных вопросов и в его оценке.

На генезисном (начальном) этапе становления просветительства на Северном Кавказе (1760–1864), сразу после принятия его в Российскую империю, наблюдался низкий уровень экономического, социального и духовного развития его народов, что отразилось на характере движения. Северокавказское просветительство развивалось на этом этапе под воздействием двух направлений – духовно-конфессионального, представленного духовенством, русскими и местными феодалами (Аслан хан Казикумухский, Баху–Бике – ханша Аварии, Даниял Султан Елисуйский, Магомед Кадий Акушинский, Барка кадий Какамахский, и др.), и либерального, в которое входила молодая горская интеллигенция (С. Казы–Гирей, С. Хан–Гирей, Д. Кодзоков, А. Гассиев, Ш. Ногмов, У. Берсей, Дж. Казаноко, А. Колиев, И. Ялгузидзе, В. Цораев и др.).

В этот период духовно-конфессиональное направление было развито сильнее, что обуславливалось объективными причинами: на развитие просветительского движения горских народов негативно воздействовал военно-административный режим царской империи на Кавказе, а также идеология ислама, которая консервировала духовную жизнь. «В этих условиях общественная мысль горцев должна была дать ответы на те изменения и новые явления, которые происходили в социальной и культурной жизни народов Северного Кавказа, указать каков уклады-

⁹ Денисова 2002. С. 429–430.

вающийся новый строй... какие общественные силы способны принести избавление от неисчислимых, особенно острых бедствий, свойственных эпохам “ломки”», – писал В.И. Ленин¹⁰.

Часть же горской феодально-княжеской верхушки, заняв протурецкую ориентацию, стремилась посеять антирусские настроения, и тем самым внести раскол в просветительское движение. Антирусская пропаганда велась среди населения турецкими эмиссарами и определенной частью мусульманского духовенства. Для этого они умело использовали противостояние идеологий православия и ислама, что направляло умонастроение верующих в нужное русло. Духовенство не допускало светского образования горцев и сближения их друг с другом. Местные феодалы и русский царизм, воспользовавшись этим, придавали большое значение выступлениям священнослужителей, направленным на раскол восставших горцев. Не ограничиваясь вербовкой духовных лиц на Северном Кавказе, они выписывали их из Татарии и Крыма. Как отмечает Т.Х. Кумыков, эти силы, используя «недовольство народных масс политикой царизма, стремились направить антифеодальное движение в антирусское русло, одновременно возлагая определенную надежду на иностранную помощь»¹¹. Такими тактическими маневрами им удавалось скрывать свои истинно антинародные цели, а иногда и возглавлять выступления крестьян против империи.

Традиционная идеология возвышала ханов, беков и других представителей господствующего класса и принижала трудовых горцев. Деспотизм феодалов оправдывался ссылкой на Бога и Коран.

В этой ситуации устремления пионеров горского либерального просвещения (С. Казы-Гирей, С. Хан-Гирей, Д. Кодзоков, А. Гассиев, Ш. Ногмов, У. Берсей, Дж. Казаноко, А. Колиев, И. Ялгузидзе, В. Цорав и др.) были идеологически ограничены. Подведение социума к культурному прогрессу казалось им приемлемым при условии поддержания основ действующего порядка «сверху», непосредственно самим царём. Переплетаясь между собой, пристрастия народа и власть имущих временно сходились, и движение разворачивалось под лозунгами единения¹². У его истоков стояли люди различного статуса и разных воззрений, но они в подавляющем большинстве получили образование в российских учебных заведениях и потому нацеливали свои народы на пророссийскую ориентацию. Это являлось одной из многих составляющих движения. Вместе с защитой горцев от произвола помещиков они требовали от российских чиновников открытия школ для народа¹³.

¹⁰ Ленин Т. 20. С. 102.

¹¹ Кумыков 1976. С. 15.

¹² Журавлев 1976. С. 123.

¹³ ЦГА ЧИ. Ф. 41. Д. 615. Л. 22.

Следующий этап (1850–1964) назван предреформенным, так как он включал попытки модернизации всех сторон жизни горцев. Вовлечение их в поле товарно-денежных связей оказывало определенное воздействие на их духовность и уровень культуры. В это время углублялся классовый антагонизм, проявившийся в столкновении интересов дворян и крестьян и восстаниях в мусульманских районах. В этих условиях определились три основных направления: 1) прогрессивно-демократическое (А.Г. Кешев, С. Гадиев, Б. Гурджибеков, А. Гассиев, Х. Уруймагов, К. Хетагуров, Г. Цаголов); 2) либерально-буржуазное (А. Омаров и М. Османов – в Дагестане, У. Берсей, М. Абаев, К. Атажукин и Д. Кодзоков – в Кабарде и Балкарии, М. Гарданов – в Осетии, У. Лаудаев и Ч. Ахриев – в Чечне и Ингушетии) и 3) феодально-клерикальное (идеологами этого направления были А. Актолиев и Г. Алкадарский).

В рассказах С. Хан-Гирея и Ш. Ногмова показаны произвол и самовластие князей, создавших для крестьян «оковы рабства». Культуртрегеры простодушно верили в наступление эры здравого смысла и образования, законов, которые должны были исходить от имперской администрации и направляться на ликвидацию народного невежества. Но на этом этапе продолжала господствовать феодально-клерикальная идеология, представленная А. Актолиевым и Г. Алкадарским. Конечно, выразителями не менее реакционной идеологии были представители царского самодержавия, однако мы не можем согласиться с А. Баймурзаевым¹⁴ в том, что эта идеология в данный период была на Северном Кавказе господствующей. Лишь очень незначительная часть местной верхушки, получившая образование в русских школах и находившаяся на имперской службе, поддерживала идеологию самодержавия. Господствовала вплоть до конца XIX в. феодально-клерикальная идеология местных владетелей, включающая и просветительские воззрения. Представители клерикализма ратовали за арабскую (восточную) систему обучения, которая существовала в крае с X в. Эта система была трехзвенной (а не двухзвенной, как отмечается в классической историографии, так как из-за путаницы в архивных документах многие исследователи отождествляют коранскую школу и мектебе) и состояла из коранической школы, мектебе и медресе, имеющих свою специфику функционирования. Методы обучения, практиковавшиеся во всех её звеньях, были элементарны и направлены на овладение только религиозными предметами, но духовная школа была для многих людей единственным ресурсом получения знаний и потому играла значительную роль в культурном развитии горских народов. поголовно неграмотными горцы окажутся при советской власти, когда арабский язык будет заменен латиницей, а потом кириллицей. Эти революционные преобра-

¹⁴ Баймурзаев 1963. С. 34.

зования перечеркнут и похоронят тысячелетний пласт мусульманской культуры, хотя необходимости в этом не было – две образовательные традиции (светская и духовная) могли бы существовать параллельно друг другу, плодотворно развиваясь и взаимообогащаясь¹⁵.

Третий, пореформенный этап (1864–1890) стал самым значимым, он смог положить начало научно-просветительскому делу прогрессивной интеллигенции кавказских народов, развитию школьного образования. Здесь просветительские тенденции проявились в широком обсуждении в печати вопросов экономики, просвещения, права и т.д.¹⁶

В социокультурном пространстве края одновременно было задействовано несколько парадигм: автохтонная (горские), исламская (восточная) и православная (российская). Две последние являлись конкурентами за влияние на горские народы. В этом плане потенциал России оказался могущественнее возможностей её оппонента. И дело было не только в военно-политическом и экономическом преимуществе. Предлагаемые империей политические, экономические и культурные правила жизни оказались ближе и выгоднее горским народам, нежели далекий от идей плюрализма исламский проект, идейно представленный и оформленный в имамате Шамиля.

Пореформенный этап просветительского движения был отмечен ростом социально-политической активности народной интеллигенции. Цивилизаторы стали обращать внимание на постановку значимых общественных проблем, что порождало обширный социальный отклик. Наблюдались заметные изменения и в их идейной трансформации – от рассмотрения узконациональных просветительских вопросов к социально-эпохальным действиям практического порядка. Некоторые представители северокавказских народов принимали участие в российском революционно-народническом движении. Тем самым идея о социально-политическом раскрепощении горских народов стала связываться с концепцией осуществления народного переворота в России¹⁷.

На четвертом, революционном этапе (1890–1917) к прогрессивно-демократическому (А. Гассиев, Х. Уруймагов, Г. Дзасохов и др.), либерально-буржуазному (А. Кешев, И. Кануков, С. Гадиев, Б. Гурджибеков) и феодально-клерикальному (Г.В. Баев, А.Н. Кодзаев, А.Т. Цаликов) добавилось четвертое – марксистское направление, представленное М. Гардановым, М. Абаевым, А. Цаллаговым и др. Марксистское направление на деле развивало в новых условиях основополагающие принципы классиков Просвещения¹⁸. РСДРП на II съезде (1903)

¹⁵ Блейх 2009. С. 147-148.

¹⁶ ЦГИА РФ. Ф. 733. Ф.329. Л. 1-2.

¹⁷ ЦГА РСФСР-А. Оп. 7. Д. 122. Л. 3-16.

¹⁸ Дзанагова, Кесаева 2013. С. 31-49.

приняла созданную В.И. Лениным программу, включавшую право народонаселения на бесплатное и бессловное образование на родном языке; право на обязательное обучение до 16 лет и др.

Демократы выражали надежды угнетенных народов России и призывали их «изо всех сил тянуться к образованию»¹⁹. Либералы тоже призывали народы к просвещению, но, рисуя бесправное положение горцев-крестьян, не настаивали на ликвидации сословных привилегий состоятельных классов. Либералы, демократы и марксисты указывали на факторы, задерживающие развитие детей: игнорирование духовным ведомством Кавказа успехов педагогической мысли России и влияния общего воспитания в национальной системе образования, некомпетентность основной массы учительства, неудовлетворительную материально-техническую оснащенность и т.д. Они ратовали за народную школу на основе родного и русского языков, за рационализацию педагогического процесса, универсальную психолого-педагогическую подготовку учительских кадров и гуманитаризацию образования, призывали власти сделать обучение всех северокавказских народов, включая мусульман, общедоступным, бессловным, непрерывным, отвечающим реалиям жизни, а учителей – претворить в жизнь основное дидактическое правило К.Д. Ушинского – «учить детей учиться». Таким образом они хотели сделать школу подлинно демократической, народной, соответствующей задачам энциклопедического развития детей.

Феодално-клерикальная мысль по-прежнему ратовала за протурецкую ориентацию. Но если раньше она была представлена мусульманским духовенством и местными владельцами, то теперь в защиту конфессионального образования включились и видные деятели кавказских народов: А. Цаликов, Г. Баев, А. Кодзаев и др. В их работах, посвященных основам религиозно-нравственного воспитания, мы находим много ценного материала. Их воззрения на просвещение кавказцев заслуживают не меньшего внимания, чем взгляды демократов и либералов. Поэтому и оценивать их нужно без идеологических установок.

Так, Г.В. Баев одним из первых среди осетинской интеллигенции выделил взаимообусловленность просвещения и создания литературы на родном языке. Он сделал вывод о насущной необходимости родного печатного слова, без которого народ – лишь «стихийная масса, живущая по законам инстинкта, но не разума и не по законам тех высших начал нравственности и культурного общежития, которые вырабатывались и до наших дней вырабатываются, начиная с седой глубины веков светочами человечества»²⁰. А.Н. Кодзаев понимал значимость организации непрерывного образования и рекомендовал использовать «вне-

¹⁹ Блейх 2014. С. 217-219.

²⁰ ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 163. Лл. 16-20.

школьное образование народа путем народных чтений и с помощью волшебного фонаря, коим многие школы на изысканные благотворительные средства снабжены»²¹. А.Т. Цаликов, выступая пропагандистом идей исламского социализма, принимал активное участие в работе Всероссийского мусульманского съезда, проходившего в Москве с 1 по 11 мая 1917 г. Его речи на съезде легли в основу книги «Мусульмане в России и Федерации», к этому времени он уже был автором общественно-политических и художественных произведений: «Кавказ и Поволжье», «В горах Кавказа», «Мусульмане России и война», «Мусульманская фракция в Учредительном собрании», «Красавица Зубейда», «Чаша жизни», «Мусульманский вопрос в России», «Сын Кавказа» и др.²² Просветители этого направления ратовали за развитие национальных школ, особое внимание уделяя духовно-нравственному воспитанию²³, но выступали против европейского и российского образования. В противовес им горские цивилизаторы, воспитанные на просветительских идеях России и Запада, хотели привить эти идеи своим народам, но столкнувшись с противоречиями, стали искать способы примирения между российской и местной культурами.

Мы выделили три этапа развития горского просветительства дореволюционной эпохи, соотнося его периодизацию с динамикой социальных и политических процессов на Северном Кавказе:

I этап (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) ознаменован началом разработки письменности кавказских народов и появлением книгопечатания на автохтонных горских языках. В это время развернули просветительскую деятельность первые образованные горцы, они стали носителями национального самосознания, авторами историко-этнографических, лингвистических трудов, школьных учебников, собирателями фольклора и учредителями очагов просвещения.

II этап (1864–1890) проходил в период модернизации и был отмечен борьбой за ликвидацию сословной системы воспитания и демократизацию школьного обучения, ростом общественно-политической активности горской интеллигенции. Разная социальная ориентация представителей отдельных этнических образований была обусловлена различиями в уровне их социально-экономического и духовного развития.

III этап просветительского движения (1890–1917) совпал с переломным моментом в истории Российского государства, с подготовкой его социально-политического переустройства посредством революционного переворота. В этот период, наряду с образовательными задачами, на первый план выдвигались задачи реформирования общества.

²¹ Кодзаев 1903. 213 с.

²² Цаликов 1917; Каргиев, Чеджемов 1990. С. 27.

²³ Блейх 2015. С. 78.

Результаты просветительского движения в крае проявились в создании идеологического уровня этнической самоидентификации и становлении профессиональной культуры коренных народов. Между тем в исследованиях просвещения в России не уделяется внимания проблемам национального просвещения. Необходимо расширять их географические и хронологические рамки, вплетать национальное просветительство в общероссийскую культурную канву. Имеющиеся недоработки нередко переходят в плоскость противостояния российского и восточного воздействия на эти процессы. Российский культурно-исторический тип адаптировал и впитал как восточные, так и западные культурные практики. Отличие же Северного Кавказа состоит в том, что здесь встретились три культурные практики: восточная, западная и локальная. Рассмотрение горского просветительства в таком контексте представляется весьма плодотворным. И еще одна проблема ждет своего разрешения. Необходимо оценить вклад в культурное наследие народов незаслуженно забытых, прежде всего, по политическим мотивам, культурных деятелей феодально-клерикального направления.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ЦГА РСО-А. Оп. 7. Д. 122. Л. 3-16.
ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 163. Лл. 16-20.
ЦГА ЧИ. Ф. 41. Д. 615. Л. 22.
ЦГИА РФ. Ф. 733. Ф.329. Л. 1-2.
Абдуллаев М.А. Из истории философской и общественно-политической мысли народов Дагестана в XIX веке. Грозный: Грозненское областное издательство, 1987. 234 с.
Баймурзаев А. Из истории общественной мысли Дагестана второй половины XIX в. – Махачкала: ИИЯЛ ДФ АН СССР, 1963. 239 с.
Блейх Н.О. Становление люмьеризма у северокавказских народов в первой половине XIX в. // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 149-152.
Блейх Н.О. Специфика становления просветительской мысли у северокавказских народов в первой половине XIX века. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2009. 254 с.
Блейх Н.О. Социокультурные аспекты развития просветительства на Северном Кавказе. Автореф. дис... д.и.н. Владикавказ. 2009. 45 с.
Блейх Н.О. Генезис зарождения просветительства на Северном Кавказе (XVIII в.) в контексте его социополитического и культурного устройства. Ставрополь, 2013. 213 с.
Блейх Н.О. Роль просветительских организаций в развитии школьного образования на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX века // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 1. С. 217-219.
Блейх Н.О. Культурологические предпосылки и социальные условия появления просветительства на Северном Кавказе. North Carolina. 2015. 223 с.
Блейх Н.О. Исторические вехи становления и развития просветительства на Северном Кавказе в русле российской цивилизационной политики. Т.1-2. М.: РУСАЙС. 2017.
Деятели адыгской культуры. Нальчик: Изд-во «Кавказ», 1991. 321 с.
Денисова Н.Н. Адыгское просветительство в контексте идей демократизации образования // Мир культуры адыгов. Майкоп, 2002. С. 429-430.
Денисова Н.Н. Проблемы северокавказского просветительства в контексте общероссийского просветительского движения // Материалы Четвертых научных чтений, посвященных Дню славянской письменности и культуры Майкоп. 2011. С. 8.
Журавлев В.И. Очерки истории школы и просветительства народов СССР. М.: Наука, 1976. 342 с.

- Дзанагова Л.В., Кесаева Р.Э. Роль Общества восстановления православного христианства в развитии школы и просвещения горских народов Центрального Кавказа. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2013. С.31-49.
- Кокоева Р.Т. Высшее образование и развитие человека // Успехи современного естествознания. 2009. № 1. С. 53.
- Кодзаев А.Н. Древние осетины и Осетия. Владикавказ, 1903. 213 с.
- Кодзаев А.Н. К учащим церковно-приходских школ Северной Осетии // Владикавказские епархиальные ведомости. 1905. № 24. С. 496.
- Кумыков Т.Х. Этапы и особенности развития общественной мысли Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи в XIX – начале XX в.: Материалы научной конференции. Нальчик, 1976. 213 с.
- Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. 643 с.
- Налоев З.М. О восточном культурном канале // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX начале XX в.: Материалы конференции. Нальчик, 1976. С. 145-165.
- Перевезенцев С.В. Российские Вольтеры: просветительство XVIII века и национальная идея // Режим доступа: <http://www.sorokinfond.ru/index.php?Id=132>.
- Хачидогов Р.А. Российская политика в области мусульманского образования конца XIX – начала XX в. на Северном Кавказе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 5-1. С. 67-71.
- Цховребов З.П. Развитие общественно-политической и философской мысли в Осетии. М.: Логос, 1977. С. 23.
- Шамаев А.М. Историография проблемы формирования интеллигенции на Северном Кавказе в 1920-1930 гг. (на материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии) // Sochi journal of economy. 2011. № 3. С. 301.
- Bleikh N.O. The influence of Russian educators and innovators in the development of the education of the mountain peoples (XIX th c.) // Былые годы. Российский исторический журнал. 2014. № 33(3). С. 405-409.

REFERENCES

- Abdullaev M.A. Iz istorii filosofskoi i obshchestvenno-politicheskoi mysli narodov Dagestana v XIX veke. Grozny: Groznenskoie oblastnoie izdatel'stvo, 1987. 234 s.
- Baimurzaev A. Iz istorii obshchestvennoi mysli Dagestana vtoroi poloviny XIX v. Makhachkala: IYyAL DF AN SSSR, 1963. 239 s.
- Bleikh N.O. Stanovlenie lyum'erizma u severokavkazskikh narodov v pervoi polovine XIX v. // Voprosy istorii. 2008. № 11. S. 149-152.
- Bleikh N.O. Spetsifika stanovleniya prosvetitel'skoi mysli u severokavkazskikh narodov v pervoi polovine XIX veka. Vladikavkaz: Izdatel'stvo SOGU, 2009. 254 s.
- Bleikh N.O. Sotsiokul'turnye aspekty razvitiya prosvetitel'stva na Severnom Kavkaze. Avtoif. dis...d.in. Vladikavkaz. 2009. 45 s.
- Bleikh N.O. Genezis zarozhdeniya prosvetitel'stva na Severnom Kavkaze (XVIII v.) v kontekste ego sotsiopoliticheskogo i kul'turnogo ustroystva: monografiya. Stavropol', 2013. 213 s.
- Bleikh N.O. Rol' prosvetitel'skikh organizatsii v razvitiu shkol'nogo obrazovaniya na Severnom Kavkaze v kontse XIX – nachale XX veka // Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa. 2014. № 1. S. 217-219.
- Bleikh N.O. Kul'turologicheskie predposylki i sotsial'nye usloviya poyavleniya prosvetitel'stva na Severnom Kavkaze. North Carolina. 2015. 223 s.
- Bleikh N.O. Istoricheskie vekhi stanovleniya i razvitiya prosvetitel'stva na Severnom Kavkaze v rusle rossiiskoi tsivilizatsionnoi politiki. T.1-2. M.: RUSAIS. 2017.
- Deyateli adygsКОЙ kul'tury. Nal'chik: Izd-vo «Kavkaz», 1991. 321 s.
- Denisova N.N. Adygsкое prosvetitel'stvo v kontekste idei demokratizatsii obrazovaniya // Mir kul'tury adygov. Maikop, 2002. S. 429-430.
- Denisova N.N. Problemy severokavkazskogo prosvetitel'stva v kontekste obshcherossiiskogo prosvetitel'skogo dvizheniya // Materialy Chetvertykh nauchnykh chtenii, posvyashchennykh Dnyu slavyanskoj pis'mennosti i kul'tury. Maikop. 2011. S. 8.

- Dzanagova L.V., Kesaeva R.E. Rol' Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva v razvitiy shkoly i prosveshcheniya gorskikh narodov Tsentral'nogo Kavkaza. Vladikavkaz: Izd-vo SOGU, 2013. S. 31-49.
- Zhuravlev V.I. Ocherki istorii shkoly i prosvetitel'stva narodov SSSR. M.: Nauka, 1976. 342 s.
- Kokoeva R.T. Vysshee obrazovanie i razvitie cheloveka // Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya. 2009. № 1. S. 53.
- Kodzaev A.N. Drevnie osetiny i Osetiya. Vladikavkaz, 1903. 213 s.
- Kodzaev A.N. K uchashchim tserkovno-prihodskikh shkol Severnoi Osetii // Vladikavkazskie eparkhial'nye vedomosti. 1905. № 24. S. 496.
- Kumukov T.Kh. Etapy i osobennosti razvitiya obshchestvennoi mysli Kabardino-Balkarii, Karachaevo-Cherkessii i Adygei v XIX – nachale XX v. Nal'chik, 1976. 213 s.
- Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 20. 643 s.
- Naloev Z.M. O vostochnom kul'turnom kanale // Obshchestvenno-politicheskaya mysl' adygeev, balkartsev i karachaevtsev v XIX- nachale XX v. Nal'chik, 1976. S. 145-165.
- Perevezentsev S.V. Rossiiskie Vol'tery: prosvetitel'stvo XVIII veka i natsional'naya ideya // Rezhim dostupa: <http://www.sorokinfond.ru/index.php?Id=132>.
- Khachidogov R.A. Rossiiskaya politika v oblasti musul'manskogo obrazovaniya kontsa XIXKh – nachala KhKh v. na Severnom Kavkaze // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. 2015. T. 7. № 5-1. S. 67-71.
- Tskhovrebov Z.P. Razvitie obshchestvenno-politicheskoi i filosofskoi mysli v Osetii. M.: Logos, 1977. S. 23.
- Shamaev A.M. Istoriografiya problemy formirovaniya intelligentsii na Severnom Kavkaze v 1920-1930 gg. (na materialakh Adygei, Kabardino-Balkarii i Karachaevo-Cherkessii // Sochi journal of economy. 2011. № 3. S. 301.
- Bleikh N.O. The influence of Russian educators and innovators in the development of the education of the mountain peoples (XIX th c.) // Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal. 2014. № 33(3). S. 405-409.

Блейх Надежда Оскаровна, доктор исторических наук, профессор Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова

Дзанагова Лариса Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент Северо-Осетинского государственного университета; dzanagowa.l@yandex.ru

The specificity of the educational trends of the peoples of the North Caucasus in the second half of XVIII – early XX cc.

The article presents an analysis of educational trends in the North Caucasus. The source material used in the study encompasses all of the North Caucasus and covers the period between 1750 and 1917. The authors conclude that the development of educational policies in the most backward region of the empire had its peculiar trends defined by the mentalities of the local ethnic groups. Four stages have been revealed in the history of the North-Caucasian education: its genesis (1760–1850), pre-reform (1850–1864), post-reform (1864–1890), and revolutionary (1890–1917).

Keywords: North Caucasus, highland peoples, stages of educational policies, school policy, civilizers, lumierisme, education

Nadezhda Bleikh, Dr. Sc. (History), Professor of the North-Ossetian State University by K.L. Khetagurov; nadezhda-bleikh@rambler.ru

Larisa Dzanagova, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor of the North-Ossetian State University by K.L. Khetagurov; dzanagowa.l@yandex.ru

M. W. KYRCHANOFF

**INTELLECTUAL ARCHAEOLOGIES OF MEDIEVALISM
IDENTITY AND HISTORICAL MEMORY
IN LATVIAN MEDIEVAL STUDIES IN SOVIET PERIOD
(the case of Vasili Doroshenko)**

Автор анализирует проблемы интеллектуальной археологии текстов советского медиевиста Василия Дорошенко, который начинал академическую карьеру в Московском университете. Политическая динамика советского общества во второй половине 1940-х гг. вынудила его стать участником антисемитской кампании и критиковать своего научного руководителя А.И. Неусыхина. Спустя несколько лет, не сумев интегрироваться в сообщество московских медиевистов, Дорошенко переехал в Латвийскую ССР, где стал одним из ведущих историков-медиевистов. Культура цитирования была уникальным явлением в советской историографии. Автор пытается проанализировать почему В. Дорошенко цитировал одних и игнорировал других советских историков. Автор полагает, что культуры цитирования в контексте интеллектуальной археологии можно воспринимать как формы символических коммуникаций и обмена дарами между советскими медиевистами. Культуры цитирования можно также воспринимать как изобретенные традиции.

Ключевые слова: история медиевистики, В.В. Дорошенко, латышская историография, интеллектуальная археология, цитирование, обмен дарами

The contemporary intellectual situation actualizes the gradual erosion of traditional collective representations about historiography as the history of historical science and knowledge, which dominated and prevailed in the earlier, mostly positivist, historiographies. Postmodern cultural situation awakes other earlier ignored forms and dimensions of historiography. Actual situation forces historiography to change and fragment, split into more specific and highly specialised forms of historical knowledge. Lorina Repina presumes that "historiography should not be the history of historians, but the history of historical science" and historians should try to understand the "dialectic interaction of social development and history of ideas"¹. An analysis of the origins and emergence of historical knowledge in this context is especially important. Aron Gurevich in 1997 presumed that the collective beliefs that "if there is no sense of crisis, if everything goes according to old paths if historians use tested and proven techniques, it is possible to speak about the crisis in history. This crisis expresses in facts that historians are not looking for new content... and it inevitably leads to a repetition of the past"². These crisis trends are prevalent in modern normativist historiography because its representatives prefer to collect facts, arrange and systemize them in chronological order.

¹ Repina, 2003, 9–18.

² Gurevich, 1997, 233–250.

Historiography. Separate and non-systemized attempts to commit individual experience³ are very informative, but they actualize mostly personal participations and impacts of the authors, their own understandings of the history of Soviet medieval studies, their roles and places in Soviet historiography. Aron Gurevich in 2002 declared necessity to study personal experience of historians⁴, their approaches to selection of facts, relations with censorship and self-censorship. Russian historians in the 2000s–2010s published several works focused on the relations between intellectuals and power⁵, history of Soviet medieval studies and its regional centres⁶. Almost total absence of texts about intellectual archaeology or a history of ideas, cultural and intellectual history of Soviet medievalism and its scholars is significant of contemporary Russian medieval studies. Some of recently published works have mainly methodological character and actualize the general theoretical problems of history, including Medieval Studies. Neither Pavel Uvarov nor Nikolai Koposov does not analyse intellectual archaeological dimensions of collective representations about genesis of Medievalism, preferring to solve methodologically more significant general tasks⁷. The forced ignorance of this problem significantly slows rethinking and systematisation of historiographical experience and formation of new tactics and strategies for development of Russian academic community of medievalists.

Fall and career of the Soviet medievalist. Problems of academic analysis of medievalists' individual and personalised histories belong to the number of complex problems because only few medievalists provided modern historians with memoirs⁸ that actualize the various parts and dimensions of adaptation and mimicry of Soviet historians in an undemocratic society. The facts of memory capture and fix different dimensions of identity and collective representations about the past. The memoirs and other thematically related texts as forms of culture of memory simultaneously suppress and actualize various individual and collective representations about the author's place in the community⁹, he formally belongs to. Therefore, the studies of certain processes determined by Dmitrii Haritonovich as “the genesis of medievalist”¹⁰ belong to complex and highly prospective problems. Personal and private aspects of the intellectual experience of medievalists belong to formally closed pages of the history of Soviet medievalism. These texts form the corpus of sources that can provide modern historians with some ideas

³ Gurevich 2004; Gutnova 2001; Svanidze 2002; Stam 2009.

⁴ Gurevich 2002.

⁵ Dubrovskii 2005; Sveshnikov 2008; Vol'f'sun 1999; Iurganov 2011.

⁶ Galiamichev 2002, 2003, 2010; Lebedeva, Iakubskii 2007.

⁷ Uvarov 2006; Koposov 2001.

⁸ Vasil'ev 2008.

⁹ Balodis 2007; Rubene 2014.

¹⁰ Haritonovich, 2000.

about the intellectual archaeology of ideas in Soviet medievalism. The author intends to analyse the texts of Vasilii Doroshenko, who became one of the leading Latvian historians and medievalists of the Soviet period.

P. Uvarov presumes that Soviet historian was always ready to repulse “bourgeois falsifiers”, but they argued not less fiercely with their countrymen¹¹. The situation from the cultural point of view can be defined in terms of lack of freedom, including the lack of freedom of the mind¹², dependency from authoritarian political ideologies and formal constraints of the Soviet era. The figure of Doroshenko is interesting because of memoirs of two leaders of Soviet medievalists, including Aron Gurevich and Evgeniya Gutnova, despite their diametrically opposed ideological and political preferences fixed contradictory role of Doroshenko in the same negative contexts. Published memoirs actualize new dimensions in a history of Soviet Medieval studies and transformed them into one of the forms of memory histories.

Doroshenko was among critics of Aleksandr Neusykhin. Gurevich in his memoirs “Istoriia istorika” (“History of the historian”), commenting the place of Doroshenko in the history of Soviet medieval studies, stressed:

“he was undoubtedly talented and likeable man. Why did he betray his favourite teacher? It seems, that the answer is simple. He defended his thesis, and he was told: if you do it, we will charge You, You will receive a place in the department and he got a place, but a year later, he had to leave it. He was let go, or he could not stand it, but I knew that, unlike others, who delivered easy, Vasilii Doroshenko suffered from a serious injury that imprinted throughout his later life. This fall completely broke him. When Neusykhin died, he came from Riga, where he was working, but he did not dare to come to the funeral”.

Gurevich described the role of Doroshenko in the following way: “the speech of Vasilii Doroshenko became the culmination of this meeting, and it was quite frankly for all of us. Doroshenko was the beloved disciple of Neusykhin, he lovingly fussed with him more than with anyone from us. Vasilii Doroshenko, who had just defended his thesis about the social history of Saxony in the 9th – 13th centuries, did not use such unbridled terminology, like the previous speaker, but he said that Neusykhin, of course, is the greatest expert, but his ideas are far Marxism, and therefore lessons of Neusykhin were fraught with great difficulties, because he had to internally adjust what teacher inspired him. The speech of Doroshenko plunged us into a stupor ... Aleksandr Iosifovich, excited by this situation, answered briefly, but he very definitely emphasised that, unlike Vasilii Doroshenko, who discontented in his supervisor, he was quite satisfied with the very good work of his pupil and believed that as academic supervisor assisted to the appropriate level of his dissertation. Therefore, he was surprised and distressed by criticism of Doroshenko...”¹³.

Gutnova described this non-academic episode in the history of Soviet medieval studies more radically: “there was one of his students, a graduate student Vasilii Doroshenko was speaking with hysterical accusations to his

¹¹ Uvarov, 2007.

¹² Buligina, 2014.

¹³ Gurevich, 2004.

teacher: ‘We trusted you, and you have deceived us!’. He cried it hysterically¹⁴. Transcript of Doroshenko’s speech was published in 2007, and its text differs from Gutnova’s memoirs¹⁵. Doroshenko in his speech tried to combine his brief reflections about historian’s craft and his ideas about the genesis of historical knowledge with lengthy political declarations. On the one hand, he emphasised that “historian must distinguish in the material trends that shape the next stage of historical development”. On the other hand, he accused Neusykhin that he “does not know Marxism and Leninism, does not know the Marxist-Leninist theory, does not want to apply it, and where he tries to apply it, he distorts”. Neusykhin in his response attempted to argue with Doroshenko: “you are wrong, wrong in your statement that I do not know Marxism... I know Marxism of Marx from the young age... but you are a very capable student, and I am pleased with your thesis”¹⁶. Gurevich in his comments on Doroshenko’s speech of 1949 presumed:

“Vasilii Doroshenko was the favourite graduate student of Aleksandr Iosifovich, who took part in the discussion of his dissertation about the social development of Saxony in the Carolingian era. Vasilii Doroshenko has extensive knowledge and ability to deeply and accurately analyse historical sources... I remember his pensive look and serious statements... How can we understand that this man spoke haltingly and illogically?.. I have the impression that he was confused and demoralised... Doroshenko was forced to perform social order... he was awarded and accepted to the staff of the Department of the History of the Middle Ages, but unpleasant situation emerged around Doroshenko and one year later he resigned and went to Riga... Doroshenko was used and then thrown out”¹⁷.

Doroshenko was one of the brightest and tragic figures in a history of Soviet Medieval studies. He left Moscow State University in 1951. Janis Zutis, one of the leading Latvian historians, initiated his invitation to Riga. In Riga he began his studies in the history of Latvia. His academic career in the Latvian SSR was formally successful and prosperous¹⁸. Riga period in the life of Vasilii Doroshenko provided him with possibilities to work more actively with texts of Latvian and German historians, the second half of the 1980s opened new academic possibilities and Doroshenko visited Sweden where he worked in the local archives. Academic biography of Doroshenko simultaneously had a lot in common and it also was different from other sim-

¹⁴ Gutnova, 2001, 263.

¹⁵ Mil’skaia, 2002.

¹⁶ Stenogramma... 23 marta 1949 goda, 2007.

¹⁷ Gurevich, 2007.

¹⁸ Although Aleksandr Gorfunkel’ insists that some of his colleagues “felt themselves alone” because it was difficult or even impossible to integrate their research style into Soviet official canon (Gorfunkel’, 2013). And Moisei Al’perovich believed that the situation in provincial universities was more conducive for academic freedoms, but the Soviet ideological censorship dominated over regional historians no less than over their counterparts and colleagues in Moscow (Al’perovich, 1997).

ilar personal trajectories of Soviet medievalists. Doroshenko did not openly disagree with Soviet historiographical canon, but he formally also did not use non-Soviet approaches as Aron Gurevich did. Gurevich and Doroshenko in their studies of the history of the Middle Ages actually reached the similar ideas and they came closer to denial and revision of ideological roots and backgrounds of the Soviet historiography.

Sergei Kozlov¹⁹ suggests that some historians felt better in isolation because they preferred to promote new ideas and new forms of history writing actively. Vasili Doroshenko in his academic biography actualized the way of historians-individuals who could not find their place in the academic community in spite of the formal progress in the university career. The forced participation in the ideological and political actions of the late 1940s on the rising wave of Soviet official anti-Semitism significantly and decisively influenced the academic destiny of Doroshenko. This traumatic experience made him form his own tactics, strategies and forms of intellectual archaeology and archaeology of knowledge. Political mistakes of youth predetermined limits, borders, and frontiers of personal academic freedom and permanently stimulated Vasili Doroshenko to correlate the will of the historian with demands and threats of ideological loyalty and self-censorship.

Symbolic communication and culture of gift in the community of Soviet medievalists. The author presumes that it will be primitivization and simplification to reduce the history of Soviet Medieval studies only and exclusively to its formal dimensions because informal relations were no less important than the institutionalised forms of communication between the representatives of the academic community or specialised historiographical guilds, including medievalists, with power. Frederic Maitland²⁰, English historian at the end of the 19th century suggested that history has hidden informal levels and summarised his ideas in the concept of "beyond". Contemporary Russian historian Vladimir Ryzhkovskii suggested that the Soviet Medieval studies also had its own "beyond". Ryzhkovskii presumes that "beyond" is not "transfer of successes and achievements, not honouring of distinguished figures, not summarising of successful results, but it is the narrative of defaults, transactions with conscience and conformist decisions"²¹.

Analysing relationships and forms of communication in the community of Soviet medievalists, it is very tempting to extrapolate medieval feudal relations on the situation in Latvian Soviet Medieval studies. Leonid Batkin called one of his articles "O tom, kak A.Ia. Gurevich vozdeleyval svoi allod" ("On how Gurevich cultivated his allodium")²² and attempted to compare

¹⁹ Kozlov, 2004.

²⁰ Maitland, 1907.

²¹ Ryzhkovskii, 2009.

²² Batkin, 1994.

historiographical impacts of Gurevich with values and principles of medieval hierarchy. The author of this article presumes that the parallels between feudal social relations and organisation of Soviet academic communities are relevant in the system of relationships among Soviet medievalists in general. The relationships between historians had the character of vassalage and suzerainty. Janis Zutis, Academician of Academy of Sciences of LSSR, was informal suzerain and lord for Soviet Latvian medievalists, who were his vassals and he symbolically sanctioned and legalised their activities in this intellectual and cultural situation. "Srednie veka" after the death of Jānis Zutis published the collective obituary, which was a form of the bequest. Pavel Uvarov presumes that the community of Soviet medievalists was unique because "professional ethics was mixed with the keen sense of service"²³. The figure of Jānis Zutis had the sacred and symbolic character in this situation for Latvian Soviet medievalists. Jānis Zutis as a member of the Soviet academic elite distributed imagined allods and feuds as real and symbolic gifts. Soviet medieval studies in this context developed as an exchange of gifts between participants of academic corporation or guild.

The internal emigration of Vasilii Doroshenko to Riga was an attempt to change his academic suzerain. His emigration to Riga became an act of commendation or recognition of his subordinated positions in the Soviet system of higher historical education in particular and Medievalism in general. Official representatives of Moscow community of Soviet medievalists in the late 1940s used Doroshenko, and a year later they used principles of corporate ethics of their academic community, he (in)formally belonged to, against him. The principles of corporate ethics among Soviet medievalists were informal in nature and rooted in tradition, but they allowed Moscow colleagues to marginalise Doroshenko and they simultaneously provided Latvian medievalists with the right to take him in their academic guild. Doroshenko in this cultural and intellectual situation practised his ideological and historiographical serfdom in Latvia from 1951 to the early 1990s.

Intellectual situations in Latvian historiography of the early 1950s.

Svetlana Ryzhakova presumes that "Latvian history, as well as any national history, is a special genre of metanarrative, the main its principle is promotion of historical narrative about the Latvian nation, and all earlier its historical forms including Latvian ethnicity and archaic Latvian tribal communities"²⁴. Historians of Latvia by the time when Vasilii Doroshenko left Moscow for Riga already achieved some successes and results²⁵ in the studies of medieval Latvian history. Evgenii Dobrenko, Russian and English historian of Soviet literature, in the first half of the 1990s suggested that socialist real-

²³ Uvarov, 2006.

²⁴ Ryzhakova, 2009.

²⁵ Balodis, 1938; Spekke 1938, 1948, 1957; Švābe 1925 (1990), 1921, 1922.

ism developed as literary and cultural mutations and presumed that it was a form of “mutagenic culture”²⁶. The denationalisation of history and ideologically motivated attempts to write it as the history of classes and class struggle in intellectual situation of hard ideological pressure, total control, and denial of historiographical heritage of the past made impossible further development of historical science in national system of coordinates²⁷. The National and ethnic paradigm of mythmaking dominated in the historiography of interwar Latvia, but Sovietization of Latvian historiography forced historians to radically change their theoretical and methodological preferences and began to write a history of Latvia as a predominantly socio-economic, focused on the history of social groups and class contradictions.

Soviet authorities in the beginning of the 1950s achieved some results in the Sovietization of Latvian intellectual situation²⁸, including historiography, its unification with Soviet historiographical landscapes, academic cultures and officially adopted and approved practices and strategies of histories writing. The mechanisms and new forms of unification of formally new Soviet republics with the rest of the Soviet Union were relatively united and founding fathers of Soviet ideological discourse by 1940 and 1944 had considerable experience in standardisation and control of Russian academic historiography and other fields of culture. Evgenii Dobrenko presumes that Soviet authoritarian cultural discourse developed in different forms of subjugation and domestication of writers as ideal manufacturers of textualised intellectual products and later readers as its customers²⁹. The same cultural situation emerged in Sovietized historiography of Latvia, where regional communist authorities Sovietized sphere of production of knowledge and their promotion among Soviet consumers, who consumed politically and ideologically motivated intellectual knowledge.

Vasilii Doroshenko did not begin his career in Latvian feudal history studies in the situation of intellectual and historiographical vacuum. Soviet ideological officials radically and decisively rejected the pre-Soviet Latvian historical narratives³⁰, including the achievements and successes of Latvian historians in their studies of the history of the Middle Ages. The Soviet authorities attempted to Sovietize Latvian historiography and invented period between the two world wars as era when bourgeois nationalism and reactionary historians dominated. Historiographical predecessors of Vasilii Doroshenko can be divided into three groups, including Baltic German historiography, Latvian national historiography and Sovietized Latvian historio-

²⁶ Dobrenko, 1993.

²⁷ Usmanova, 2003, 350–351.

²⁸ Ivanovs 2003, 2005, 2007; Strods, 2005; Biron A., Biron M. 1981.

²⁹ Dobrenko, 1999; 1997.

³⁰ Ryzhakova, 2009.

graphy. German interwar historiography by the beginning of the 1950s had controversial and marginal status. Forced integration of Latvian historiography in the Soviet ideological canon assisted and stimulated consistent marginalisation of interwar Baltic and German historiographies and politically motivated ignorance of their achievements in studies of Medieval Latvian history. Soviet historians imagined German historiography as reactionary and noble. The official historians imagined Latvian interwar historiography as “bourgeois nationalist”. Sovietization radically changed the methodological principles of development of Latvian historiography in general.

Sovietization of Latvian historiography radically changed collective-singulars, which earlier in the 1940s were the usual and normal for Latvian historians. The collective-singulars are classified concepts that allow the historian to analyse and systemise groups of heterogeneous facts. The collective-singulars include as abstract universal knowledge as references to concrete historical experience³¹. The ideas of national independence, national movement, European choice, cultural and state history before Sovietization formed the stable core of the collective-singulars in Latvian historiography. Sovietization radically replaced them by social classes, the class struggle, liberation movement, social and economic histories that began to identify key vectors and the main trajectories of intellectual transformations.

Vasilii Doroshenko unlike his new Latvian colleagues had not social and ideological sins as education in the bourgeois university. His professional knowledge of original Western bourgeois historiography was predominantly critical. Doroshenko as other Soviet historians imagined bourgeois historiography as the political enemy and universal object for ideologically sanctioned criticism. P. Uvarov, analysing the Soviet medieval studies, presumes that “the existential drama of medievalists was that they could not visit the countries, they specialised in, and they could not work in its archives. Thus, they... become dependent on the sources published by ‘bourgeois’ historians... the corporation was able an adequate response to this challenge, it developed the historian’s ability to find the most unexpected sources and find new meanings and senses in the well-known texts”³². Vasilii Doroshenko after an internal exile in Riga in this cultural context was in a better situation than his former colleagues in Moscow who continued to specialise in classic Western feudalism. His impacts in studies of the medieval history of Saxony could be an incentive for the development of Latvian Medieval studies in the context of its Europeanization. The author presumes that ideological birth traumas of Soviet historiography inspired the integration of Doroshenko in Latvian historiography and his attempts to describe the history of Latvia as simultaneously social and economic. Politically and ideologi-

³¹ Kopusov, 2018, 80, 85.

³² Uvarov, 2006.

cally motivated deportation of Vasilii Doroshenko also became an attempt to release and deliver Latvian historiographical canon from ethnocentric and national romantic interpretations and explanations, which dominated in it.

The citations as gifts in the Soviet historiography. Two books of Vasilii Doroshenko “Ocherki agrarnoi istorii Latvii v XVI veke” (“Essays on the agrarian history of Latvia in the XVI century”)³³ and “Myza i rynek. Hoziaistvo Rizhskoi iezuitskoi kollegii na rubezhe XVI i XVII vekov” (“Muiža and the market. The facilities of Riga Jesuit College at the turn of the XVI and XVII cc.”), published in 1960 and 1973, form the hard core of the sources in the author’s further attempts to explore intellectual archeology, formation, development and transformation of collective and individual knowledge, understanding and representations about medieval past of Latvia and its feudal history. P. Uvarov presumes that “Soviet historians were ready to accuse their colleagues originally in Menshevism and Trotskyism, later in cosmopolitanism, and later in structuralism and the preparation of ‘sabotage without dynamite’; therefore academic articles often reminded denunciations, denunciations looked like academic articles. The exposing of enemies became the attribute of Soviet historiography: somebody did it with obvious pleasure, few with difficulty overcame the threshold of disgust, others did it without hesitation because it was the discursive practice”³⁴. These informal orders significantly influenced the intellectual and cultural archaeology of texts written by Soviet medievalists. Academic interests of Vasilii Doroshenko in a history of the Middle Ages were significantly different from the general trends in Soviet medieval studies. P. Uvarov in his interview with Adelaida Svanidze suggested that Soviet historians in the 1970s began actively explore problems of the medieval cities, and the urban social history became one of priority themes. A. Svanidze also presumed that in the 1970s “works of almost the same type on histories of craft guilds appeared and they confirmed the fact that guilds developed in many countries and cities, and they were similar in the main their parameters of the organisation”³⁵.

Despite this historiographical fashion, Doroshenko in Riga continued to study problems of predominantly agrarian history. Priority to different dimensions of agrarian history predestined intellectual archaeologies of his texts when he cited his predecessors and contemporaries. He mentioned the texts of his historiographical predecessors in the introductory part of his book “Essays on the agrarian history of Latvia in the XVI century”³⁶. Soviet medievalists periodically actualize their ideological functions³⁷ and inspired col-

³³ Doroshenko, 1960.

³⁴ Uvarov, 2007.

³⁵ Svanidze, 2013.

³⁶ Doroshenko, 1960.

³⁷ Sovetskaia medievistika, 1960.

leagues criticise and expose western historiography. The concept of otherness³⁸ was central and critical for the Soviet culture of memory and historiographical cultures. Doroshenko mentioned “aristocratic and bourgeois literature”, “representatives of Baltic-German aristocratic historiography” and “local bourgeois historiography of Latvia”. He presumed that Arveds Švābe, located and mentally mapped by him in “bourgeois historiography”, was the “most prominent” among its representatives, who “collected many facts from the life of feudal estates and the peasantry... and found many valuable sources of local and Swedish archives”. Doroshenko limited his ideological criticism of Švābe³⁹ by reproach that the historian was a supporter of the “bourgeois-nationalist ideology” and “paid great attention to the situation of the serfs, but clearly preferred to analyse the legal dimensions of the feudal system”. The accusations in “bourgeois nationalism” in Doroshenko’s book neighbored with relatively objective contemplations of Švābe’s works. And Doroshenko carefully listed the problems that Švābe ignored in his books.

On the other hand, the Soviet historian admitted that his formal bourgeois predecessor “analysed in details the evolution of land rights, the spread of serfdom in the stratum of the rural population”. These ideologically adjusted statements were, in fact, an attempt to actualize the problems politically ignored by Soviet historiography. Vasilii Doroshenko in the intellectual situation also did not analyse these aspects, but he was able to mention them. He preferred, on the one hand, to limit himself by formal declarations that his historiographical predecessors “paid primary attention to the period of the Livonian Order’s dominance”⁴⁰. On the other hand, he recognised that some of the texts published by German historians had “the great value”. Doroshenko identified the works of his predecessors and German historians almost neutrally as “old works” and identified some of their ideas as “untenable”.

Doroshenko recognised that academic activities of the representatives of Baltic German historiography assisted to “identification of new documentary sources and the analysis of many private, but important issues”. He briefly analysed the texts of Robert Wipper⁴¹, Mitrofan Doņnar-Zapol’ski⁴², Jānis Bērziņš⁴³ and stated their “undoubtedly essential role in the studies of certain problems of Latvian agrarian history”. Vasilii Doroshenko in his attempts to describe historiography entered symbolic act of communication with his predecessors and contemporaries. He expressed recognition and loyalty to Jānis Zutis who in the early 1950s initiated his emigration in Riga.

³⁸ Makarov, 2007.

³⁹ Švābe, 1926; 1930; 1941; Schwabe, 1928;.

⁴⁰ Doroshenko, 1960, 4–8.

⁴¹ Wipper, 1930; Vipper, 1944.

⁴² Doņnar-Zapol’ski. 1900.

⁴³ Bērziņš, 1935.

The citation was a form of the symbolic historiographical gift, but it is very interesting that Vasiliĭ Doroshenko was greedy on gifts for Marxist-Leninist classics and quoted Friedrich Engels's work "Anti-Dühring" only once in the 269th page of his book "Essays on the agrarian history of Latvia in the XVI century". The culture of citation on Latvian Soviet Medievalism had symbolic and declarative nature and actualized predominantly author's style, rather than his ideological loyalty. These trends without any semantic modifications also prevailed in Doroshenko's article, published in "Srednie veka" in 1962⁴⁴. In the introduction to his book on the agrarian history of Latvia in the 16th century he mentioned only 19 original works of his predecessors among 47 footnotes. The most of these footnotes in the Introduction lists published and unpublished sources, author's comments and remarks. Only three original works mentioned in the footnotes were formally texts of Soviet historians. Robert Whipper, who between the two world wars, lived in Latvia, was one of them. Jānis Zutis⁴⁵ formally was the only cited Soviet historian, but he was a representative of national historiography.

The rest of the 16 texts⁴⁶ mentioned and cited by Doroshenko represented various tendencies of "bourgeois" and "nationalist" historiography. Doroshenko, as a Soviet historian, commented advantages and disadvantages of their works too quiet and even objectively without ideological orthodoxy. The same situation was characteristic for his book "Muiža and the market. The facilities of Riga Jesuit College at the turn of the XVI and XVII centuries"⁴⁷, published in 1973, where he preferred to cite only sources. These practical approaches in quotations actualized the general trends in the symbolic exchange of gifts between Soviet medievalists. Mihail Boitsov presumes that "there is no history, understood as a narrative about the past without the communities which create, maintain and modify their visions of the past and there is no community without its own historical narrative"⁴⁸.

The historiographical culture of Doroshenko formed his intellectual archaeology and it was also unique because he formally was the Soviet historian, but he limited himself by citations from Latvian pre-Soviet and Soviet historians. He could cite ritually recognised classics of Soviet medieval studies, but he preferred to ignore them. When historians of the Union republics could not quote and mention their Moscow colleagues, Moscow historians⁴⁹

⁴⁴ Doroshenko, 1962.

⁴⁵ Zutis, 1949.

⁴⁶ Engelhardt, 1897; Transche-Roseneck, 1926; Johansen, 1927; Bosse, 1933; Stakelberg, 1926; Soom, 1956; Hellmann, 1954; Niitemaa, 1952; Jakubowski, Kordzikowski, 1915.

⁴⁷ Doroshenko, 1973.

⁴⁸ Boitsov, 2013, 395.

⁴⁹ Gutnova, 1966.

were silent about the successes and achievements of the historians, including medievalists from the Union republics. The problems of mutual influences of the texts of Soviet medievalists are among extremely difficult and discussive problems, but the author presumes that Adelaida Svanidze's book "Medieval city and the market in Sweden"⁵⁰ became the intellectual reaction to Doroshenko's attempts to promote predominantly agrarian centric paradigm in studies of a history of feudalism.

Igor' Smirnov states that "the extreme originality of totalitarian culture expressed in the fact that it did not taboo individual forms of life activity, but prohibited human as an abstract universal subject in general"⁵¹. Vasili Doroshenko quoted and referred non-Soviet and bourgeois historians and present them symbolic gifts, but he also avoids the similar rituals in his acts of symbolic communication with Soviet historiography, he formally belonged to.

Preliminary conclusions. Cultures of citation or conscious, intentional, politically and ideologically motivated ignorance of historiographical predecessors and contemporaries become a unique invented tradition in Latvian Soviet Medieval studies. Its genesis and further historiographical transformations became the results of dependency of Soviet Latvian historians, as medieval Latvian peasants, from political and ideological obligations, but they were politically and ideologically different and developed as partly symbolic. The ideological and political preferences stimulated quotations, citations or ignorance of works and texts of predecessors. Latvian nationalism became a factor that authorised tactics and practices of the intellectual behaviour of Soviet Latvian historians. Soviet historians could adversely quote representatives of Baltic German historiography, but their own political and ideological values and nationalist righteous anger of a young nation determined academic and historiographical preferences of Latvian historian.

The centuries of national oppression radically influenced on academic culture of Latvian intellectuals. The criticism of "bourgeois nationalists" demanded great skills from representatives of Latvian Soviet historiography. Soviet "political scholars" who specialised in criticism of "bourgeois nationalism", accepted these imagined ideological demands easier than traditional historians, including medievalists, because Mārgers Štepermanis and Teodors Zeids made their first steps in historiography when "bourgeois nationalists" were among their colleagues. Citation or non-citation became forms of symbolic communication between representatives of Latvian Soviet historiography with other Soviet or bourgeois historians. Latvian Soviet historians could praise and little criticises their Soviet colleagues. Criticism and exposure also became universal forms and means of communication with the bourgeois historians, but this communication was predominantly one-sided

⁵⁰ Svanidze, 1980.

⁵¹ Smirnov, 2000.

because of many bourgeois non-Marxist historians, criticised and censured by Soviet historians, was far from them geographically or died and they could not respond to criticism of Soviet Latvian medievalists.

The citations and non-citations in Latvian Soviet Medieval studies actualized origins and roots of its intellectual archaeology in particular and archaeology of the Sovietised historical knowledge in general. The different historiographical schools and theoretical approaches in the intellectual archaeology of Latvian Soviet medievalism had a lot in common with cultural horizons, traditional archaeologists work with. The semi-ritual practices and cultures of citation or non-citation in Soviet Latvian medieval studies since the critical moments of Sovietization to erosion of Soviet historiography in the late 1980s become formal and informal invented traditions. These invented traditions proposed mechanisms and procedures Latvian community of medievalists existed and developed in from the early 1940s to late 1980s. Latvian medievalists become like the object of their study because they formed their formal and informal rules, laws, regulations and forms of symbolic communications including the exchange of gifts' rituals.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Альперович М. Историк в тоталитарном обществе (профессионально-биографические заметки) // *Одиссей* 1997. Человек в истории. Культурная история социального. М.: Наука, 1997. С. 251–274.
- Баткин Л. О том, как А.Я. Гуревич возделывал свои аллюды // *Одиссей*. Человек в истории. Картина мира в народном и ученом сознании. М.: Наука, 1994. С. 5–28.
- Бирон А., Бирон М. Становление Советской историографии Латвии. 20-е и 30-е годы XX века. Рига: Зинатне, 1981.
- Бойцов М. Несколько меланхолических тезисов об истории и глобализации // *Как мы пишем историю* / ред. Г. Дуфауд, Г. Гаррета, Л. Пименова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 393–413.
- Васильев А. Современные memory studies и трансформация классического наследия // *Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории* / сост. Л.П. Репина. М.: Кругъ, 2008. С. 19–49.
- Вольфцун Л. Лев Семенович Гордон: судьба историка // *Одиссей* 1998. Человек в истории. Личность и общество: проблем самоидентификации. М.: Наука, 1999. С. 204–222.
- Галямичев А. Медиевистика в Саратовском университете (страницы истории) // *Средневековый город 15*. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2002. С. 3 – 12.
- Галямичев А. Медиевистика в Саратовском университете: очерки истории (1917–1977). Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2010. 116 с.
- Галямичев А. Медиевисты петербургской (ленинградской) школы в Саратовском университете // *Диалог со временем*. Вып. 10. 2003. С. 289–299.
- Горфункель А. Заметки о воспоминаниях А.Я. Гуревича “история историка” // Горфункель А. Труд науки и извороты шарлатанства. О ремесле историка. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 410–414.
- Гуревич А. Грехопадение московских медиевистов: дискуссия 1949 года и ее последствия // *Одиссей*. Человек в истории. История как игра метафор: метафоры истории, общества и политики. М.: Наука, 2007. С. 341–349.
- Гуревич А. Историк среди руин: Попытка критического прочтения мемуаров Е.В. Гутновой // *Средние века*, 2002, Вып. 63, С. 362–393.
- Гуревич А. История историка. М.: РОССПЭН, 2004.
- Гуревич А.Я. Апории современной исторической науки – мнимые и подлинные // *Одиссей* 1997. Человек в истории. Культурная история социального. М.: Наука, 1997. С. 233–250.

- Гутнова Е. Пережитое. М.: РОССПЭН, 2001.
- Гутнова Е. Пятьдесят лет советской медиэвистики // Средние века, 1967, Вып. 30, С. 3–40.
- Добренко Е. Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен: Верлаг Отто Сагнер, 1993.
- Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции Советской литературы. СПб.: Академический проект, 1997.
- Добренко, Е. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки Советской литературной культуры. СПб.: Академический проект, 1999.
- Дорошенко В. Мыза и рынок. Хозяйство Рижской незуитской коллегии на рубеже XVI и XVII веков. Рига: Зинатне, 1973. 187 с.
- Дорошенко В. Очерки аграрной истории Латвии в XVI веке. Рига, 1960. 325 с.
- Дорошенко, В. Мызно-барщинное хозяйство в южной (латышской) части Лифляндии в XVI веке // Средние века, 1962, 21, С. 122–140; 22, С. 100–115.
- Дубровский А. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск: Изд-во Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, 2005. 800 с.
- Зутис Я. Очерки по историографии Латвии. Прибалтийско-немецкая историография. Рига, 1949.
- Козлов С. “Определенный способ заниматься наукой”: Карло Гинзбург и традиция // Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: морфология и история. М.: Новое издательство, 2004. С. 321–345.
- Копосов Н. Историческое понятие в мире без будущего // Как мы пишем историю / ред. Г. Дуфауд, Г. Гаррета, Л. Пименова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 57–93.
- Копосов Н. Как думают историки. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
- Лебедева Г., Якубский В. *Cathedra Medii Aevi*: материалы к истории ленинградской медиэвистики 1930–1950-х годов. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007. 125 с.
- Макаров А. Образ Другого как образ памяти (Методологические аспекты проблемы репрезентации прошлого) // Диалог со временем, 2007, № 18, С. 6–18.
- Мильская Л. Воспоминания Е.В. Гутновой и их достоверность // Средние века, 2002, Вып. 63, С. 394–401.
- Репина Л. Идеи – концепции – люди, или как писать историю медиэвистики сегодня? (К 100-летию Е.В. Гутновой) // Средние века, 2014, № 75 (3–4). С. 406–422.
- Репина Л. Образы прошлого в памяти и в истории // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени / сост. Л. Репина. М.: Кругъ, 2003. С. 9–18.
- Рыжакова С. Латышская национальная история: о культурных механизмах в конструировании и реферировании прошлого // Антропологический форум, 2009, № 11, С. 216–274.
- Рыжковский В. Советская медиэвистика and beyond (к истории одной дискуссии) // Новое литературное обозрение, 2009, № 97.
- Сванидзе А. Грани Средневековья. Калейдоскоп. М.: Новый хронограф, 2013. С. 391–414.
- Сванидзе А. Несколько слов об исторической памяти в связи с автобиографией историка // Средние века, 2002. Вып. 63. С. 359–361.
- Сванидзе А. Средневековый город и рынок в Швеции XIII–XV веков. М.: Наука, 1980.
- Свешников А. Советская медиэвистика в идеологической борьбе 1930–1940-х годов // Новое литературное обозрение. 2008. № 90.
- Смирнов И. Соцреализм: антропологическое измерение // Соцреалистический канон / ред. Х. Гюнтер, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 16 – 30.
- Советская медиэвистика и ее задачи в области историографии // Средние века, 1960, Вып. 15, С. 52–55.
- Стам С. Моя жизнь, учителя и наука. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2009. 358 с.
- Стенограмма объединенного заседания сектора истории Средних веков Института истории АН СССР и кафедры истории Средних веков Московского государственного университета 23 марта 1949 года // Одиссей. Человек в истории. История как игра метафор: метафоры истории, общества и политики. Москва: Наука, 2007. С. 253–340.

- Уваров П. Портрет медиевиста на фоне корпорации // НЛЮ, 2006, № 81, С. 194–208.
- Уваров П. Свобода у историков пока есть. Во всяком случае – есть от чего бежать // Неприкосновенный запас, 2007, № 55.
- Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков // *Ab imperio*, 2003, № 3.
- Харитонович Д. Современность Средневековья // *Новый мир*, 2000, № 10.
- Юрганов А. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. Москва: РГГУ, 2011.
- Balodis A. Klasiskā atmiņas izpratne: mne me un anamnesis // *Latvijas Universitātes raksti*. 2007. 713. sēj. *Filosofija*. 7. – 18. lpp.
- Balodis F. Senākie laiki. Latviešu senvēsture, Latviešu vēsture. 1. seļ., 1. daļa. Rīga: Valsts papīra spiestuve, 1938. 11. – 215. lpp.
- Bērziņš J. Ērgļu un Turaidas pils saimniecība XVI gadusimtenā 80-tos gados // *Valsts arhīva raksti*. Rīga, 1935. 3. – 55. lpp.
- Bosse H. Der livländische Bauer am Ausgang der Ordenszeit (bis 1561) // *Mitteilungen aus der livländischen Geschichte*, 1933, Bd. 24, S. 281–389.
- Buligina A. Apgaimība un kritika: brīvība publiskā prāta lietojumā Imanuela Kanta filozofijā // *Latvijas Universitātes raksti*. 2014. 804. sēj. *Filosofija*. Cilvēks un patība – aktualitātes un perspektīvas, 6. – 15. lpp.
- Dorošenko V. Piezīmes (Pēc kara Maskavā: 1945. – 1949) // *Latvijas Arhīvi*, 2002, no 1, 113. – 121. lpp.
- Dorošenko V. Piezīmes (Rīgā 1961. – 1984) // *Latvijas Arhīvi*, 2002, no 2, 115. – 124. lpp.
- Engelhardt H. Beitrag zur Entstehung der Gutsherrschaft in Livland während der Ordenszeit. Leipzig – Riga, 1897.
- Hellmann M. Das Lettenland im Mittelalter. Münster – Köln, 1954.
- Ivanovs A. Latvijas PSR historiogrāfija: (konceptuāls pārskats) // *Latvijas Vēsture*, 2003, No 2, 75. – 83. lpp.; No 3, 69. – 77. lpp.
- Ivanovs A. Padojmu politika Latvijā 20. gadsimta 50. gadu otrajā pusē – 80. gadu vidū: izpētes gaita, rezultāti un turpmākā perspektīva (historiogrāfisks apskats) // *Latvijas vēsture* 20. gadsimta 40.–90. gados. Latvijas Vēsturisku komisijas 2006. gada pētījumi. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2007. 305. – 355. lpp.
- Ivanovs A. Sovietization of Latvian Historiography 1944–1959: Overview // *The hidden and forbidden history of Latvia under Soviet and Nazi occupations 1940–1991*. Riga: Institute of the History of Latvia, 2005. P. 256 – 270.
- Jakubowski J., Kordzikowski J. Polska w XVI wieku. Inflanty. Warszawa, 1915.
- Johansen P. Siedlung und Agrarwesen der Esten im Mittelalter // *Deutsche Siedlungsforschungen*. Festschrift für Kötzschke. Leipzig und Berlin. 1927.
- Maitland F. Domesday book and beyond: three essays in the early history of England. Cambridge: University Press, 1907.
- Niitemaa V. Der Binnenhandel in der Politik der livländischen Städte im Mittelalter. Helsinki, 1952.
- Rubene M. Laiks autobiogrāfiskajā rakstībā: Virdžīnija Vulfā, Simona de Bovuāra un Anna Brigadere // *Latvijas Universitātes raksti*. 2014. 804. sēj. *Filosofija*. Cilvēks un patība – aktualitātes un perspektīvas, 63. – 73. lpp.
- Schwabe A. Grundriss der Agrargeschichte Lettlands. Riga, 1928.
- Soom A. Gutswirtschaft in Livland am Ausgang des XVI Jahrhunderts // *Zeitschrift für Ostforschung*, 1956. Bd. 5. Marburg, S. 34–57.
- Spekke A. Baltu tautas kristīgās ēras pirmajā gadu tūkstoši // *Tautas Vēsturei*. Rīga: A. Gulbis, 1938. 61. – 76. lpp.
- Spekke A. History of Latvia: An Outline. Stockholm: Daugava, 1957.
- Spekke A. Latvijas vēsture. Latvju tautas likteņcīņas Eiropas krustceļos. Stokholma, 1948.
- Stakelberg F. Der Landbesitz im Kreise Pernau zur Ordenszeit // *Sitzungsberichte der Altertumsforschenden zu Pernau*, 1928, Bd. VIII, S. 143–205.
- Strods H. Latvijas sovetizācija (1944. – 1959.) // *Totalitārie režīmi Baltijā: izpētes rezultāti un problēmas*. Starptautiskās konferences materiāli, 2004. gada 3. – 4. jūnijs, Rīga: Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2005. 173. – 192. lpp.

- Švābe A. Latvijas vēsture. Rīga: Avots, 1925 [1990].
- Švābe A. Latvju kultūras vēsture. 1. – 2. sej. Rīga: A. Gulbis, 1921, 1922.
- Švābe A. Pagasta vēsture. Rīga, 1926.
- Švābe A. Priekšvārds // Vidzemes saimniecības vēstures avoti 1553. – 1618. g. Rīga, 1941. V – XXVIII. lpp.
- Švābe A. Zemes attiecību un zemes reformu vēsture Latvijā. Rīga, 1930.
- Transche-Roseneck A. Die Entstehung der Schollenpflichtigkeit in Livland // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte, 1926, Bd. 23, S. 485–574.
- Vasilijš V. Dorošenko (25.01.1921.-24.03.1992.) // Latvijas Vēstures Institūta žurnāls, 1992, no 2, 206. – 207. lpp.
- Wipper R. Die Zeit der Leibeigenschaft // Die Letten. Aufsätze über Geschichte, Sprache und Kultur der alten Letten. Rīga, 1930. S. 164–191.
- Zutis J. Vidzeme kā poļu un zviedru cīņas objects. Rīga, 1949.

REFERENCES

- Al'perovich M. Istorik v totalitarnom obshchestve (professional'no-biograficheskie zametki) // Odissei 1997. Chelovek v istorii. Kul'turnaia istoriia sotsial'nogo. Moskva: Nauka, 1997. S. 251–274.
- Balodis A. Klasiskā atmiņas izpratne: mneme un anamnesis // Latvijas Universitātes raksti. 2007. 713. sēj. Filosofija. 7. – 18. lpp.
- Balodis F. Senākie laiki. Latviešu senvēsture, Latviešu vēsture. 1. sej., 1. daļa. Rīga: Valsts papīra spiestuve, 1938. 11. – 215. lpp.
- Batkin L. O tom, kak A.Ia. Gurevich vozdeľyval svoi allod // Odissei. Chelovek v istorii. Kartina mira v narodnom i uchenom soznanii. Moskva: Nauka, 1994. S. 5–28.
- Bērziņš J. Ērgļu un Turaidas pils saimniecība XVI gadusimtena 80-tos gados // Valsts arhīva raksti. Rīga, 1935. 3. – 55. lpp.
- Biron A., Biron M. Stanovlenie sovetskoj istoriografii Latvii. 20-e i 30-e gody XX veka. Riga: Zinatne, 1981.
- Boitsov M. Neskol'ko melanholicheskikh tezisov ob istorii i globalizatsii // Kak my pishem istoriiu / red. G. Dufaud, G. Garreta, L. Pimenova. Moskva: Rosspen, 2013. S. 393–413.
- Bosse H. Der livländische Bauer am Ausgang der Ordenszeit (bis 1561) // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte, 1933, Bd. 24, S. 281–389.
- Buligina A. Apgaismība un kritika: brīvība publiskā prāta lietojumā Imanuela Kanta filozofijā // Latvijas Universitātes raksti. 2014. 804. sēj. Filosofija. Cilvēks un patība – aktualitātes un perspektīvas, 6. – 15. lpp.
- Dobrenko E. Metafora valsti. Literatura stalinskoj epohi v istoricheskom osvshchenii. München: Verlag Otto Sagner, 1993.
- Dobrenko E. Formovka sovetskogo chitatelia. Sotsial'nye i esteticheskie predposylki retseptsii sovetskoj literatury. Sankt-Peterburg: Akademicheskii proekt, 1997.
- Dobrenko E. Formovka sovetskogo pisatelja. Sotsial'nye i esteticheskie istoki sovetskoj literaturnoi kul'tury. Sankt-Peterburg: Akademicheskii proekt, 1999.
- Dorošenko V. Piezīmes (Pēc kara Maskavā: 1945. – 1949) // Latvijas Arhīvi, 2002, no 1, 113. – 121. lpp.
- Dorošenko V. Piezīmes (Rīgā 1961. – 1984) // Latvijas Arhīvi, 2002, no 2, 115. – 124. lpp.
- Dorošenko V. Ocherki agrarnoi istorii Latvii v XVI veke. Riga, 1960, 325 s.
- Dorošenko, V. Myzno-barshchinnoe hoziaistvo v iuzhnoi (latyshskoi) chasti Lifiandii v XVI veke // Srednie veka, 1962, no 21, S. 122–140; no 22, S. 100–115.
- Dorošenko V. Myza i ryнок. Hoziaistvo Rizhskoi iezuitskoj kollegii na rubezhe XVI i XVII vekov. Riga: Zinātne, 1973. 187 s.
- Dubrovskii A. Istorik i vlast': istoricheskaia nauka v SSSR i kontsepsiia istorii feodal'noi Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930–1950-e gg.). Briansk: Izdatel'stvo Brianskogo gosudarstvennogo univetsiteta im. akad. I.G. Petrovskogo, 2005. 800 s.
- Engelhardt H. Beitrag zur Entstehung der Gutsherrschaft in Livland während der Ordenszeit. Leipzig – Riga, 1897.

- Galiamichev A. *Medievistika v Saratovskom universitete (stranitsy istorii)* // *Srednevekovyi gorod 15. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta*, 2002. S. 3–12.
- Galiamichev A. *Medievisty peterburgskoi (leningradskoi) shkoly v Saratovskom universitete // Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noi istorii*, Vyp. 10. Moskva: IVI RAN, 2003. S. 289–299.
- Galiamichev A. *Medievistika v Saratovskom universitete: ocherki istorii (1917–1977)*. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2010. 116 s.
- Gorfunkel' A. *Zametki o vospominaniiah A.Ia. Gurevicha istoriia istorika* // Gorfunkel' A. *Trud nauki i izvoroity sharlatanstva. O remesle istorika*. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin, 2013. S. 410–414.
- Gurevich A. *Istoriik sredi ruin: Popytka kriticheskogo prochteniia memuarov E.V. Gutnovoi // Srednie veka*, 2002, Vyp. 63, S. 362–393.
- Gurevich A. *Istoriia istorika*. Moskva: ROSSPEN, 2004.
- Gurevich A. *Grehopadenie moskovskih medievistov: diskussiiia 1949 goda i eio posledstviia // Odissei. Chelovek v istorii. Istoriia kak igra metafor: metafory istorii, obshchestva i politiki*. Moskva: Nauka, 2007. S. 341–349.
- Gurevich A.Ia. *Aprii sovremennoi istoricheskoi nauki – mnimye i podlinnye // Odissei 1997. Chelovek v istorii. Kul'turnaia istoriia sotsial'nogo*. Moskva: Nauka, 1997. S. 233–250.
- Gutnova E. *Piat' desiat let sovetckoi medievistiki // Srednie veka*, 1967, no 30, S. 3–40.
- Gutnova E. *Perezhitoe*. Moskva: ROSSPEN, 2001.
- Haritonovich D. *Sovremennost' Srednevekov'ia // Novyi mir*, 2000, no 10.
- Hellmann M. *Das Lettenland im Mittelalter*. Münster – Köln, 1954.
- The Invention of Tradition* / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: University Press, 1983.
- Iurganov A. *Russkoe natsional'noe gosudarstvo. Zhiznennyi mir istorikov epohi stalinizma*. Moskva: RGGU, 2011.
- Ivanovs A. *Latvijas PSR historiogrāfija: (konceptuāls pārskats) // Latvijas Vēsture*, 2003, No 2, 75. – 83. lpp.; No 3, 69. – 77. lpp.
- Ivanovs A. *Sovietization of Latvian Historiography 1944–1959: Overview // The hidden and forbidden history of Latvia under Soviet and Nazi occupations 1940–1991*. Riga: Institute of the History of Latvia, 2005. P. 256–270.
- Ivanovs A. *Padomju politika Latvijā 20. gadsimta 50. gadu otrajā pusē – 80. gadu vidū: izpētēs gaita, rezultāti un turpmākā perspektīva (historiogrāfisks apskats) // Latvijas vēsture 20. gadsimta 40.– 90. gados. Latvijas Vēsturnieku komisijas 2006. gada pētījumi*. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2007. 305. – 355. lpp.
- Jakubowski J., Kordzikowski J. *Polska w XVI wieku*. Inflanly. Warszawa, 1915.
- Johansen P. *Siedlung und Agrarwesen der Esten im Mittelalter // Deutsche Siedlungsforschungen. Festschrift für Kötzschke*. Leipzig und Berlin. 1927.
- Koposov N. *Kak dumaiut istoriki*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001.
- Koposov N. *Istorigheskies poniatiiia v mire bez budushchego // Kak my pishem istoriiu / red. G. Dufaud, G. Garreta, N. Pimenova*. Moskva: Rosspen, 2013. S. 57–93.
- Kozlov S. *“Opredelionnyi sposob zanimat'sia naukoj”*: Karlo Ginzburg i traditsiia // Ginzburg K. *Mify – emblemy – primety: morfologiia i istoriia*. Moskva: Novoe izd-vo, 2004. S. 321–345.
- Lebedeva G., Iakubskii V. *Cathedra Medii Aevi: materialy k istorii leningradckoi medievistiki 1930–1950-h godov*. Sankt-Peterburg: Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta, 2007. 125 s.
- Maitland F. *Domesday book and beyond: three essays in the early history of England*. Cambridge: University Press, 1907.
- Makarov A. *Obraz Drugogo kak obraz pamiatii (Metodologicheskie aspekty problemy reprezentatsii proshlogo) // Dialog so vremenem*, 2007, no 18, S. 6–18.
- Mil'skaia L. *Vospominaniia E.V. Gutnovoi i ih dostovernost' // Srednie veka*, 2002, Vyp. 63, S. 394–401.
- Niitemaa V. *Der Binnenhandel in der Politik der livländischen Städte im Mittelalter*. Helsinki, 1952.
- Repina L. *Obrazy proshlogo v pamiatii i v istorii // Obrazy proshlogo i kollektivnaia identichnost' v Evrope do nachala novogo vremeni / sost. L. Repina*. Moskva: Krug, 2003. S. 9–18.

- Repina L. Idei – konceptsi – liudi, ili kak pisat' istoriiu medievistiki segodnia? (K 100-letiiu E.V. Gutnovoi) // *Srednie veka*, 2014, No 75 (3–4). S. 406–422.
- Rubene M. Laiks autobiogrāfiskajā rakstībā: Virdžīnija Vulfā, Simona de Bovuāra un Anna Brigadere // *Latvijas Universitātes raksti*. 2014. 804. sēj. Filosofija. Cilvēks un patība – aktualitātes un perspektīvas, 63. – 73. lpp.
- Ryzhakova S. Latyshskaia natsional'naia istoriia: o kul'turnykh mehanizmah v konstruirovanii i referirovanii proshlogo // *Antropologicheskii forum*, 2009, no 11, S. 216–274.
- Ryzhkovskii V. Sovetskaia medievistika and Beyond (k istorii odnoi diskussii) // *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2009, no 97
- Schwabe A. Grundriss der Agrargeschichte Lettlands. Rīga, 1928.
- Smirnov I. Sotsrealizm: antropologicheskoe izmerenie // *Sotsrealisticheskii kanon* / red. H. Günter, E. Dobrenko. Sankt-Peterburg: Akademicheskii proekt, 2000. S. 16–30.
- Soom A. Gutswirtschaft in Livland am Ausgang des XVI Jahrhunderts // *Zeitschrift für Ostforschung*, 1956. Bd. 5. Marburg, S. 34–57.
- Sovetskaia medievistika i eio zadachi v oblasti istoriografii // *Srednie veka*, 1960, 15, ss. 52–55.
- Spekke A. Baltu tautas kristīgās ēras pirmajā gadu tūkstoši // *Tautas Vēsturei*. Rīga: A. Gulbis, 1938. 61. –76. lpp.
- Spekke A. Latvijas vēsture. Latvju tautas likteņcīņas Eiropas krustceļos. Stokholma, 1948.
- Spekke A. History of Latvia: An Outline. Stockholm: Daugava, 1957.
- Stakelberg F. Der Landbesitz im Kreise Pernau zur Ordenszeit // *Sitzungsberichte der Altertumsforschenden zu Pernau*, 1928, Bd. VIII, S. 143 – 205.
- Stam S. Moia zhizn', uchitelia i nauka. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 2009. 358 s.
- Stenogramma ob'edinennogo zasedaniia sektora istorii Srednih vekov Instituta istorii AN SSSR i Kafedry istorii Srednih vekov Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta 23 marta 1949 goda // *Odissei. Chelovek v istorii. Istoriia kak igra metafor: metafory istorii, obshchestva i politiki*. Moskva: Nauka, 2007. S. 253 – 340.
- Strods H. Latvijas sovietizācija (1944. – 1959.) // *Totalitārie režīmi Baltijā: izpētes rezultāti un problēmas*. Starptautiskās konferences materiāli, 2004. gada 3. – 4. jūnijs, Rīga. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2005. 173. – 192. lpp.
- Švābe A. Latvijas vēsture. Rīga: Avots, 1925 [1990].
- Švābe A. Latvju kultūras vēsture. 1. – 2. sej. Rīga: A. Gulbis, 1921, 1922.
- Švābe A. Pagasta vēsture. Rīga, 1926.
- Švābe A. Zemes attiecību un zemes reformu vēsture Latvijā. Rīga, 1930.
- Švābe A. Priekšvārds // *Vidzemes saimniecības vēstures avoti 1553. – 1618. g.* Rīga, 1941. V – XXVIII. lpp.
- Svanidze A. Srednevekovyi gorod i rynek v Shvetsii XIII–XV vekov. Moskva: Nauka, 1980.
- Svanidze A. Neskol'ko slov ob istoricheskoi pamiatii v sviazii s avtobiografiei istorika // *Srednie veka*, 2002, Vyp. 63, S. 359–361.
- Svanidze A. Grani Srednevekov'ia. Kaleidoskop. Moskva: Novyi khronograf, 20013. S. 391–414.
- Sveshnikov A. Sovetskaia medievistika v ideologicheskoi bor'be 1930–1940-h godov // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2008. no 90.
- Transche-Roseneck A. Die Entstehung der Schollenpflichtigkeit in Livland // *Mitteilungen aus der livländischen Geschichte*, 1926, Bd. 23, S. 485–574.
- Usmanova D. Sozdavaia natsional'niuu istoriiu tatar: istoriograficheskie i intellektual'nye debaty na rubezhe vekov // *Ab imperio*, 2003, no 3.
- Uvarov P. Portret medievista na fone korporatsii // *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2006, no 81, S. 194–208.
- Uvarov P. Svoboda u istorikov poka est'. Vo vsiakom sluchae – est' ot chego bezhat' // *Neprikosnovennyi zapas*, 2007, no 55.
- Vasil'ev A. Sovremennye memory studies i transformatsiia klassicheskogo naslediia // *Dialogi so vremenem: pamiat' o proshlom v kontekste istorii* / sost. L. Repina. Moskva: Krug, 2008. S. 19–49.
- Vasilijs V. Dorošenko (25.01.1921.-24.03.1992.) // *Latvijas Vēstures Institūta žurnāls*, 1992, no 2, 206. – 207. lpp.

- Vol'f'sun L. Lev Semionovich Gordon: sud'ba istorika // Odissei 1998. Chelovek v istorii. Lichnost' i obshchestvo: problem samoidentifikatsii. Moskva: Nauka, 1999. S. 204–222.
- Wipper R. Die Zeit der Leibeigenschaft // Die Letten. Aufsätze über Geschichte, Sprache und Kultur der alten Letten. Riga, 1930. S. 164–191.
- Zutis J. Vidzeme kā poļu un zviedru cīņas objects. Rīga, 1949.

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент Воронежского государственного университета; *maksymkyrchanoff@gmail.com*

**Интеллектуальная археология средневекизма
идентичность и историческая память
в латвийской средневековедении советского периода
(случай Василия Дорошенко)**

The author analyzes the problems of intellectual archeology of Vasilii Doroshenko's texts. Vasily Doroshenko, the Soviet medievalist, began his academic career in Moscow University. Political dynamics of Soviet society in the second half of the 1940s forced him to participate in an anti-Semitic campaign and criticize Aleksandr Iosifovich Neusykhin who was his supervisor. A few years later Vasilii Doroshenko emigrated to Latvian SSR because he was not able to integrate into the community of Moscow medievalists. Doroshenko's career in Latvia was formally successful, and he became one of the leading Latvian medievalists. The author analyzes the problems of intellectual and cultural archeology of Vasilii Doroshenko's texts, published in Latvia. The culture of citation was a unique phenomenon in the Soviet historiography. The author tries to analyze why Vasilii Doroshenko cites some and ignored other Soviet historians. The author presumes that culture of citations in contexts of intellectual archaeology can be perceived as a form of symbolic communication and the exchange of gifts between the Soviet medievalists. The culture of citation can also be perceived as the invented tradition.

Keywords: the history of medieval studies, Vasilii Doroshenko, Latvian historiography, intellectual archaeology, citations, exchange of gifts

Maksym Kyrchanoff, Dr. Sc. (History), Associate Professor, Voronezh State University; *maksymkyrchanoff@gmail.com*

А. Ю. ВЕРЕВКИН

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВО ФРАНЦИИ КАК ПРОЕКТ ИСТОРИЧЕСКОГО СИНТЕЗА

В последние десятилетия политическая история во Франции стала в полном смысле современной областью исторической науки. После длительного периода дискредитации она смогла обогатить свой методологический арсенал, расширить предметную область за рамки государственных институтов и публичного права, увеличить хронологический масштаб исследований. Автор анализирует причины подъема политической истории. В противовес объяснениям на уровне общих тенденций в исторической дисциплине, основное внимание уделено собственному вкладу историков политики в теоретическое развитие своей области. В частности, показано ключевое значение их подхода к трактовке исследовательского объекта.

Ключевые слова: новая политическая история, культурная политическая история, междисциплинарность, исторический синтез

Политическая история во Франции стала в полном смысле современной приблизительно в 1980-е гг. До этого в глазах профессиональных историков она долго оставалась исключительно традиционной и даже архаичной частью дисциплины. Временем наибольшей дискредитации политической истории стали послевоенные десятилетия, на которые во Франции пришелся расцвет социальной истории и школы «Анналов». Казавшаяся анналистам «узкой» и «поверхностной» история политики не соответствовала их научному канону, нацеленному на «широкий» синтез и поиск «глубинных» процессов. Но к концу 1980-х социальная история утратила роль доминирующего проекта французской историографии, уступив место пестрому разнообразию новых подходов. Несмотря на тематический и методологический плюрализм, новый этап нередко воспринимался негативно, как время «дробления»¹, отхода от крупных исторических обобщений² и разрыва с традицией.

Политическая история, напротив, именно в этот момент вступила в фазу подъема. Сегодня она демонстрирует признаки способности к широкому синтезу новых подходов и научных результатов. За три десятилетия политическая история расширила свой методологический арсенал инструментами смежных дисциплин, её предметная область вышла за рамки государственных институтов и публичного права, а хронологический масштаб исследований вырос на порядок. Более того, несмотря на последовательное внедрение новых подходов, исследователи политической истории настаивают на преемственности своих традиций.

В данной статье сделана попытка найти причины этих успехов. Наиболее расхожими являются объяснения через тенденции в масшта-

¹ Dosse 1987.

² Fabiani 2007.

бах всей исторической науки – будь то «критический поворот»³, «возвращение субъекта»⁴, переход «от чисел к смыслам» или – ещё шире – «смена парадигм в социальных науках»⁵. Однако такие объяснения игнорируют самостоятельный вклад политических историков в развитие своей области, поэтому мы сосредоточимся на теоретической работе самих представителей политической истории. Политическая история во Франции не является до конца однородной и целостной субдисциплиной, поэтому, чтобы придать отчётливые очертания предмету исследования, мы вынуждены обойти вниманием отдельные работы неоднозначной родовой принадлежности, а также целые исследовательские проекты, вроде «концептуальной политической истории»⁶ или «социологии истории политики»⁷, сосредоточившись только на одном, наиболее заметном варианте французской политической истории.

Речь пойдёт о течении, которое сформировалось к 1980-м гг. на стыке Парижского института политических исследований (далее – Sciences Po) и университета «Париж X» и к сегодняшнему дню произвело уже три поколения исследователей. В институциональном плане возникновение этой традиции выразилось в создании в 1984 г. Центра истории Science Po, и это течение иногда называют «школой Science Po». В теоретическом плане оно известно по фигурам основателей в лице Рене Ремона⁸ и ряда его единомышленников, а также по основополагающим текстам – коллективным сборникам «За политическую историю» (1988), и «Оси и методы политической истории» (1998)⁹.

В развитии этого течения можно вычлениить три основных этапа: 1) «реабилитация» политической истории в 1980-е гг., 2) расширение предметной области, связанное с восхождением «культурной политической истории» (1990–2000-е гг.), 3) возвращение вопроса об ограничениях политической истории на современном этапе. Последовательный анализ внедрения новых методов на каждом из этапов позволит в итоге выделить факторы, имевшие сквозное значение. Попробуем показать, что ключевым среди этих факторов был определенный подход к общей трактовке объекта исследования, причем, политика будет рассмотрена не столько в междисциплинарном контексте общей политической теории, сколько в её инструментальном значении исследовательского объекта конкретной исторической субдисциплины.

³ Histoire et sciences sociales. Un tournant critique?..

⁴ Le Goff 1992.

⁵ Gauchet 1988.

⁶ Rosanvallon 2003.

⁷ Deloye, Voutat 2002.

⁸ Знаковой для данного направления была вышедшая ни «пике дискредитации» политической истории фундаментальная работа по истории французских правых с 1815 г.: Remond 1954.

⁹ Pour une histoire politique...; Axes et méthodes de l'histoire politique...

Реабилитация политической истории

Критика политической истории присутствовала во французских социальных науках на протяжении почти всего XX в. В 1903 г. Ф. Симиан назвал «идола политического» первым «идолом племени историков»¹⁰ за акцент на единичных и случайных фактах, который лишал историков способности к обобщению и поиску закономерностей. Именно такую историю – сугубо дескриптивную, ищущую «особенные причины особенных событий» – Анри Берр (1911)¹¹ противопоставлял своему проекту исторического синтеза. Наиболее основательная программа критики политической истории возникла в рамках школы «Анналов», многое впитавшей из наследия Симиана и Берра.

В работах анналистов за политической историей закрепились такие стигматизирующие понятия как «история-битва», «история-рассказ», «историзирующая история», «психологизирующая история» и т.д.¹². Жак Жюльяр дал резюме длительной критической традиции на страницах известного сборника «Делать историю» под редакцией Ж. Ле Гоффа и П. Нора. По его словам, политическая история была «идеалистической» и «элитистской», «точечной» и «событийной», «идеологизированной» и «неполной», не способной к анализу и сравнению, не осведомленной о собственных недостатках. Она обладала «наивным» представлением, которое усматривает «причину феномена в наиболее очевидном из действующих лиц», а важность феномена «оценивает по непосредственному воздействию на сознание наблюдателя». Наконец, он писал, что такое представление является «докритическим» и «не заслуживает называться наукой»¹³. В среде анналистов аргументы против методов традиционной политической истории сочетались с представлениями о расстановке приоритетов в предметном поле исторической науки. Так, исследования обширных социальных общностей, процессов большой длительности и глубинных экономических структур представлялись предпочтительной альтернативой изучению политических событий и персоналий, войн и дипломатии, законов и государственных институтов.

Знаковая для школы «Анналов» работа Фернана Броделя (1949) «Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» была выдающимся примером этого рода. В ней политика как таковая оказалась поверхностным уровнем социальной реальности. Жак Ле Гофф метко указал что, в работе Броделя политическая история предстала «чуланом истории», её «атрофированным придатком»¹⁴. У Броделя низкий статус политической истории не был следствием её методов

¹⁰ Simiand 1903.

¹¹ Датируемая 1911 годом глава «Дискуссия с историзирующим историком» в книге: Berр 1921. P. 22.

¹² Февр 1991.

¹³ Julliard 1974. P. 229-230.

¹⁴ Le Goff J. Is politics still a backbone of history? (1971). Цит. по: Ле Гофф 1994.

исследования, но проистекал из свойств самой политики на фоне более «глубинных» уровней истории. Так, по словам Пьера Шоню, книга оказала столь сильное влияние на целые поколения историков, поскольку продемонстрировала «настоящее пространство» (*espace vrai*), пространство «не скрытое ширмой государства, не обезглавленное национальной рамкой с ее административной географией и границами»¹⁵.

Однако, несмотря на бесспорный научный авторитет, личный вклад Броделя, как и творчество всей школы «Анналов» не дают исчерпывающего объяснения истоков стереотипа о низкой познавательной ценности изучения политики. Такое положение вещей, по-видимому, резонировало с широкой интеллектуальной конъюнктурой эпохи, о чём можно судить по тому, что тема вторичности политики была также общей для таких влиятельных исследовательских программ как марксизм, структурализм и психоанализ. Политические феномены относились к уровню «видимостей» и конечных звеньев в причинно-следственных цепочках в каждой из этих областей знания. Последний ряд примеров выводит на уровень явлений показывает: задачи потенциальной «реабилитации» политической истории не сводились только к освоению актуальных научных подходов. В равной степени требовалось уйти от негативных стереотипов о самом объекте политической истории. Жак Жюльяр, несмотря на уничижительную характеристику существующей политической историографии, призывал изменить отношение к политике, поскольку «нет никакой пользы от того, чтобы и дальше приписывать недостатки методов объекту, к которому они применяются»¹⁶.

Жак Ле Гофф предпринял одну из первых попыток оправдания политической истории через реабилитацию её объекта. Он предложил перейти от изучения узкой сферы традиционной политики к изучению истории «власти». Такая политическая история под руководством антропологии и экономики могла бы занять место среди социальных наук в качестве вспомогательной дисциплины. Ле Гофф оговаривал, что политическая история все же не может претендовать на автономию, поскольку она является самой «хрупкой» перед лицом «старых бесов»¹⁷ – пороков, определивших крах традиционной политической истории.

Не только полноценной, но и самостоятельной субдисциплиной политическая история стала уже в 1980-е гг. Важнейшей работой, специально направленной на достижение автономного статуса, стал сборник «За политическую историю» (1988) под редакцией Рене Ремона¹⁸.

Задачу вернуть политической истории самостоятельный статус авторы обозначили уже во вступлении: «политика должна объясняться,

¹⁵ Chaunu 1974. P. 62.

¹⁶ Julliard 1974. P. 231. Далее в тексте Жюльяр добавляет, что «политическая история завтрашнего дня будет историей власти и её распределения» (Ibid. P. 243).

¹⁷ Ле Гофф 1994. С. 181, 190.

¹⁸ Pour une histoire politique...

прежде всего, через политику», а не сводиться исключительно к результатам действия «более глубинных» процессов. Но они не стремились к изоляции и представляли историю как совокупность областей «культурного, экономического, социального, политического, которые взаимно и, в зависимости от конъюнктуры, неравномерно влияют друг на друга, сохраняя собственный динамизм и автономность»¹⁹. Авторский коллектив помимо Ремона составили Ж.-П. Азема, Ж.-Ж. Беккер, А. Курро, Ж.-Н. Женнени, Ф. Левиллэн, П. Мильза, А. Про, Ж.-П. Риу, М. Винок и Ж.-Ф. Сириелли. Их профессиональные интересы простирались от традиционных политических сюжетов вроде войн и дипломатии до истории религии, искусств и медиа. Каждый из участников написал тематическую главу, обобщавшую успехи, достигнутые новой политической историей в соответствующей профильной области. Основную теоретическую нагрузку проекта несли вводная и заключительная главы, написанные Ремоном. Первая из них («Histoire presente») обобщала достижения политической истории в последние годы, вторая («Du politique») – была посвящена трактовке её объекта.

Вводная глава выполнена в полемическом тоне и направлена против методологической части обвинений. Коллективным оппонентом названы «сторонники социальной и экономической истории», а первым в ряду «своих» классиков – Ш. Сеньобос. Достоинства «новой политической истории» изображены в противовес портрету «традиционной» истории политики, некогда начертанному школой «Анналов». Всё, что ей противопоставляли анналисты, Ремон использовал как отправную точку: взаимодействие с другими социальными науками, количественные методы, крупномасштабные временные регистры: «политическая история многим обязана социологии, праву, социальной психологии и даже психоанализу, лингвистике, математике, информатике, картографии и т.д.»; её «гордость» – «исследование обширных серий числовых данных, на котором основывалось предполагаемое превосходство экономической истории». Исследования избирательных процессов продуктивно отвечали упрекам в элитарности и невнимании к широким социальным группам, а история основных идеологий изучалась в масштабах больших временных протяженностей. Общую направленность аргументов Ремон резюмировал фразой: «не существует истории более тотальной, чем история участия в политической жизни»²⁰. Это был манифест разрыва политической истории с традиционным образцом событийной и повествовательной эрудиции. Кристоф Прошассон писал, что в этой книге история политики предстала «вооруженной легитимным методом и свободной от диктата социальной истории»²¹. Однако, как справедли-

¹⁹ Ibid. P. 8.

²⁰ Ibid. P. 25, 28-29.

²¹ Prochasson 2002. P. 123.

во указал Жерар Нуарьель, авторы сборника во многом заимствовали язык своих оппонентов. По мнению Нуарьеля, они пытались обновить политическую историю, используя «инновации давностью в тридцать и сорок лет»²², а их новый проект едва ли не ограничивался тем, что применял методы «новой истории» к политической сфере.

Корни методологической базы проекта действительно восходили к работам социальных и экономических историков, в свою очередь заимствовавших разработки других дисциплин. Однако авторы сборника показали возможность применения к политике методов, находившихся в авангарде исторической дисциплины в течение десятилетий. Таким образом, им удалось добиться реабилитации политики как объекта основательного исторического исследования.

На первостепенное значение не столько методов политической истории, сколько оправдания «политики» как объекта изучения указывал и Ремон. «Конфликт концепций – писал он о критике анналистов – не был простым столкновением эпистемологических программ, а уходил корнями в фундаментальное разногласие по поводу понимания реальности, то есть по поводу объекта исторического знания»²³. Жан-Франсуа Сиринелли позднее (1998) также подчеркивал, что «эпистемологически фундаментальное значение имело не возвращение популярности политической истории, а новая легитимация её объекта»²⁴.

Вменявшийся политике «поверхностный» характер Ремон объяснял её «узким» пониманием, царившим в социальных науках²⁵. Для решения этой проблемы он предложил определение объекта политической истории через специальное расширительное понятие – «политическое» (*le politique*). Трактовке этого понятия посвящен итоговый текст сборника. Строгого определения Ремон не предлагает, во-первых, не пытаясь «закончить дискуссию, которая в течение веков будоражит философов, юристов, социологов, а только потом – историков», а во-вторых, полагая, что сфера политического не имеет «природных границ», а её широта и модальности взаимодействия с другими областями меняются во времени. Важно, что «политическое» не просто обладает самостоятельной значимостью, но «сообщается с большинством других областей», будучи «местом пересечения и средоточия каузальных цепей», местом «сгущения» социальной жизни. Таким образом, «политическое» как объект исследования, а политическая история как часть исторической дисциплины имеют не просто полноценный, но даже привилегированный статус. И хотя политика не является «глубинным» уровнем, где расположены начальные звенья причинных цепей (как

²² Noiriel 1989. P. 82.

²³ Pour une histoire politique... P. 16.

²⁴ Sirinelli 1998. P. 122.

²⁵ Pour une histoire politique... P. 31.

экономика для марксистских теорий), её познавательным преимуществом служит специфическое «срединное» положение на пересечении множества внешних связей. Ремон предложил определить «политическое» через самые общие понятия, прежде всего – через понятие «власти»²⁶. Но в отличие от Ле Гоффа он оговаривал, что политической является не всякая власть: «что угодно можно представить как отношения власти»²⁷. Ремон предлагает считать политической лишь власть, действующую на уровне всего общества в рамках политических границ.

Тавтологию в квалификации «политического» через «политические границы» Ремон устраняет лишь в одном месте, где дает скорее ориентир, чем определение: «поле политической истории» образуется вокруг «стабильного и ограниченного ядра», которое «приблизительно соответствует властным функциям государства в его традиционном понимании»²⁸; отсюда «политическое» и «излучается» (*irradie*) в другие сферы. Так требование расширения предметного поля политики и одновременно поиска операциональных границ решается определением через широкую сферу власти и «ядра» государства.

Итак, ключевой задачей для реабилитации политической истории был поиск новой трактовки политического объекта. Рене Ремон в рамках крупного коллективного проекта своих единомышленников предложил считать объектом политической истории не политику в традиционном смысле (*la politique*), но нечто более широкое (*le politique*). Хотя определение Ремона осталось далёким от исчерпывающей строгости, оно легло в основу проекта политической истории, отвечавшего методологическим стандартам, заданным в период господства «социальной и экономической истории».

Расширение предметного поля политической истории

Сборник «За политическую историю» имел успех не только в качестве опорного текста отдельной школы, он получил позитивный отклик и в стане заявленных оппонентов: положительная рецензия была опубликована на страницах журнала «Анналы». Автор рецензии Пьер Лабори указал на очевидность достижений нового направления и предрёк ему успех в долгосрочной перспективе. Тем не менее, он отметил существенный недостаток проекта – невнимание авторов «к политической реальности, проживаемой в ее повседневности», к политике «со стороны ее восприятия»²⁹. В свете быстро растущей популярности методов микроанализа и культурной антропологии этот пробел не позволял снять вопрос о «современности» политической истории.

²⁶ Ibid. P. 380-382.

²⁷ Отметим, что Ле Гофф не ставил задачи определить автономное предметное поле политической истории.

²⁸ Pour une histoire politique... P. 382.

²⁹ Laborie 1989.

В работах последователей Ремона эти содержательные недостатки удалось преодолеть. Основным инструментом стала успешная «прививка» методов культурной истории, выходявшей на доминирующие позиции в исследовательском сообществе. Возникшая в результате «культурная история политического» остается по сей день самым плодотворным продуктом исторической школы Sciences-Po. Применение методов культурной истории позволило ввести в оборот множество ранее незатронутых предметов. Пример впечатляющих метаморфоз приводит С. Азаресингх, сравнивая две пары текстов: книги «Правые во Франции...» Ремона и «Левая во Франции» Тушара с более поздними сериями «История правых» Сиринелли и «История левых» Беккера и Кандара³⁰. Там, где раньше правил институциональный, идеологический или концептуальный анализ, в новых сериях преобладает исследование «репрезентаций». Автор подчёркивает, что серии касаются «не только политических движений и идей, но также символов, памяти, ритуалов, медиаций и восприимчивости левых и правых – всех центральных проблем культурной истории»³¹. В течение десятилетия историки данного направления выпустили ряд фундаментальных работ по широчайшим темам: трёхтомную «Историю правых во Франции»³², двухтомную «Демократию во Франции»³³, трёхтомную «Общую историю политических систем»³⁴, четырёхтомную «Историю политической Франции»³⁵, сборник «Политические культуры во Франции»³⁶. Опубликованы крупные справочные издания: «Словарь политической жизни Франции в XX в.»³⁷, «Электоральный атлас Франции, 1848–2001»³⁸, многочисленные биографические словари. В каждом из этих изданий значительное место было отведено проблематике культуры.

В 1996 г. сборник «За политическую историю» был переиздан, а двумя годами позднее вышла еще более масштабная работа, ставшая его продолжением – «Оси и методы политической истории»³⁹ под редакцией С. Берстейна и П. Мильза. Книгу открывало вступительное слово Р. Ремона, а своим содержанием она демонстрировала преодоление начальных предметных рамок: тексты трёх десятков специалистов группировались вокруг трёх обширных сюжетов («Природа политического», «Государство» и «Политическое общество»). Манифестом и компактным изложением теоретических основ «культурной истории

³⁰ Rémond 1982; Touchard 1977; Candar, Becker 2005.

³¹ Hazareesingh 2007. P. 362.

³² Sirinelli 1992.

³³ La Démocratie en France...

³⁴ Histoire générale des systèmes politiques...

³⁵ Histoire de la France politique...

³⁶ Les cultures politiques en France...

³⁷ Dictionnaire historique de la vie politique française au XXe siècle...

³⁸ Atlas électoral de la France...

³⁹ Axes et méthodes de l'histoire politique...

политического»⁴⁰ стала включенная в сборник статья «Из жилища на агору: за культурную политическую историю»⁴¹. Её автором был один из пионеров культурной истории Ж.-Ф. Сиринелли⁴². Резюмируя итоги «возрождения» Сиринелли заявлял о «вновь обретенной научной строгости» политической истории, все ещё «далекой от «критического поворота». Одновременно он говорил о необходимости не допустить «преждевременного интеллектуального старения», настаивал на том, что «культурные» феномены должны быть существенной частью предметного поля политической истории: «объектом исследования политической истории является вопрос смещения и распределения авторитета и власти внутри данной группы людей», «определенная таким образом политическая история» должна изучать «не только индивидуальное и коллективное поведение», но и «то, что относится к восприятию (*perception*) и чувствительности (*sensibilit us*), а это направляет ее интерес в сторону феноменов трансляции убеждений, норм и ценностей»⁴³.

Первая часть заглавия статьи («Из жилища на агору...») отсылала к работе историка ментальностей М. Вовеля «Из подвала на чердак»⁴⁴. Вовель предлагал перейти из «подвала» экономических обменов на «чердак» ментальных операций, считая, что охват двух уровней приведет к искомой «тотальной» истории. Сиринелли призывал к дальнейшему расширению перспективы – от частного жилища к публичному пространству – «на агору», в область политической истории. Подобно тому, как история ментальностей помогла выйти из рамок социально-экономической истории, писал Сиринелли, «по пути на агору подход историка еще больше выиграет в насыщенности (*densit e*)»⁴⁵.

Сиринелли называет себя последователем Ремона и представителем второго поколения школы Sciences Po⁴⁶. Хотя он не сопоставляет напрямую свою «агору» с «политическим» Ремона, отметим, что оба термина содержат мотив срединного положения политики. Если у Ремона история участия в политической жизни была за счёт этого наиболее «тотальной», у Сиринелли «агора» оказывается наиболее «насыщенной» культурными феноменами, поскольку находится в центре совокупности неполитических сфер: «на агоре пересекаются, сталкиваются, но также взаимно отражаются все элементы города»⁴⁷. Таким

⁴⁰ См. о теории «политических культур»: Berstein 1992; *Les cultures politiques en France...; Cultures politiques en France...*

⁴¹ Sirinelli 1998.

⁴² Сиринелли долгое время совмещал руководящие должности в Центре истории Sciences Po, Ассоциации за развитие культурной истории, Комитете истории Франции и «Историческом журнале».

⁴³ Ibid. P. 121, 125.

⁴⁴ Vovelle 1980.

⁴⁵ Sirinelli 1998. P. 122.

⁴⁶ Ibid. P. 124.

⁴⁷ Ibid. P. 131.

образом, *место* политики в обоих случаях оказывается причиной привилегированного статуса политической истории. Также в обоих случаях политика связана со сферой власти. Однако у Сиринелли в отличие от Ремона в пределах этой сферы политика не привязана к государственному «ядру», но происходит из взаимодействия «мыслящих и действующих» субъектов⁴⁸, образующего некоторую публичную территорию – «агору», в противоположность «жилищу» как месту частной жизни. Таким образом, возможность успешной адаптации методов культурной истории Сиринелли осуществляется посредством перехода к «антропологической» трактовке политики. Благодаря этому переходу политическая история смогла уйти от привязки к государству и существенно расширить предметное поле своих исследований.

Пределы политического и «размывание объекта» политической истории

Выявление тенденций последних лет даже в рамках отдельной исторической субдисциплины является трудной задачей. Сложность заключается не только в отсутствии необходимой дистанции, но и в специфике современной историографии. И.М. Савельева при анализе теоретического развития исторической науки пишет, что в XXI в. не произошло перемен, сопоставимых с любым из десятилетий второй половины XX в. Продолжается экспансия культурной истории, но при этом «историки опираются на аналитические процедуры и методы, освоенные и “присвоенные” ими в предыдущем веке». Тем не менее, новые «повороты» все же возникают и самым значительным среди них является «пространственный», в рамках которого возникли такие крупные направления, как глобальная и транснациональная истории⁴⁹.

Эта картина отражает положение дел и в новой политической истории. Расширение предметного поля средствами культурной истории не исчерпало её динамического заряда: идет освоение не типичных для политической истории областей вроде экономики⁵⁰ и демографии⁵¹, происходят попытки внедрения *histoire politique de l'environnement*⁵². И всё же наибольший объем работ по-прежнему ведется в русле истории культурной. В частности, в рамках культурной политической истории XX в. особенно активно развивается история медиа⁵³.

Политическая история сохраняет амбициозность. В недавней статье «За тотальную политическую историю современной Франции» Эрик Ансо пишет, что благодаря достижениям последних лет, в том

⁴⁸ Ibid. P. 125.

⁴⁹ Савельева 2012. С. 35, 37.

⁵⁰ См. Delalande 2015.

⁵¹ См. напр. Rosental 2006.

⁵² Frioux, Lemire 2012.

⁵³ Можно назвать работы Янника Деэ (Yannick Dehé), Кристиана Дельпорта (Christian Delporte) и др.

числе, достижениям культурной истории, пришло время, «чтобы мечта Рене Ремона о рождении тотальной политической истории приобрела конкретные очертания»⁵⁴. Автор подчеркивает, что не говорит о политической «супертеории», а видит политическую историю местом сведения разных подходов, площадкой для синтеза. Политическая история имеет центральное значение подобно тому, как «агора является местом мирной и многоголосной встречи всех элементов города»⁵⁵.

Наиболее серьезным вызовом последних лет стало возникновение различных вариантов глобальной истории, требующих выхода за границы национального государства⁵⁶. Концептуальные трудности, которые предполагает для политической истории адаптация «транснациональной» оптики рассматривает «программный» текст Ж.-Ф. Сиринелли «Политическая история в эпоху транснационального поворота: агора, город, мир ... и время». Переход к транснациональному масштабу, согласно Сиринелли, является «желательным», но трудным, поскольку «рамкой политической истории до сих пор часто оставалось государство-нация»⁵⁷. Проблема, как и в тексте 1998 г., рассмотрена через призму объекта политической истории и метафору греческого города.

Роль «мыслящего и действующего» субъекта как базового элемента политики в этой работе специально не обсуждается, уступая место «коллективному измерению» политики. «Итак, на перекрестке интереса к индивидуальному и коллективному, к общему и особенному, находится, в том числе, политическая история, которая ставит своей целью (*s'assigne pour objet*) анализ распределения власти в группе, изучение борьбы и напряжений, из него вытекающих, исследование идей, питающих эти столкновения. Следовательно, такая политическая история должна быть размещена в подвижной геометрии, которая в том, что касается ее коллективного измерения, грубо говоря, артикулируется между агорой, городом и миром». Новая схема «агора–город–мир», по словам Сиринелли, является системой «концентрических кругов», что возвращает его к тезису о центральном значении политического объекта: «Видно, что подобное тройное видение [агора, город, мир] уже является преодолением ограниченности политической истории: агора является её сердцем, но также вместилищем и инкубатором настроений и желаний, рожденных в более ограниченной сфере жилища, и, в тоже время – место кристаллизации коллективных смыслов, коренящихся в сферах, не всегда непосредственно относящихся к политике»⁵⁸.

⁵⁴ Anceau 2012. P. 111.

⁵⁵ Anceau 2012. P. 132.

⁵⁶ Для обозначения совокупности этих подходов, Л. Мартэн прибег к громоздкой формуле «история сравнительная, перекрестная, соединенная и global-world-transnational history. См. Martin 2011. P. 1.

⁵⁷ Sirinelli 2011. P. 394.

⁵⁸ Ibid. P. 399.

По нашему мнению, последовательность масштабов существует здесь только в метафорическом пространстве. «Агора» и «мир» образуют с «городом» качественно разные связи и тем более не выстраиваются в единую линию масштабов с переходом от индивидуального уровня к коллективному – «из жилища на агору». Напомним, что в статье 1998 года «город» был представлен как общий внешний контекст «агоры», так что она не может быть помещена в одну систему масштабов с «миром». Иными словами, её границы и внешние границы метафорического «города» несоизмеримы.

Содержательная связь со статьей 1998 года, таким образом, лежит не столько в системе метафор, сколько в описании нового историографического «поворота» как плодотворного для политической истории в силу положения её объекта. «Агора» помещается в центре, а точнее – в «сердце» транснационального общества, как это ранее было сделано во времена «культурного поворота». Освоенные на предыдущем этапе подходы теперь представлены частью далее расширенной методологии политической истории, которая таким образом поддерживает картину кумулятивного развития⁵⁹.

Однако в текстах последних лет мотивы синтеза и открытости сторонним методам соседствуют с относительно новой темой защиты автономии собственной территории внутри исторической дисциплины. «Хотя соседство с другими областями истории и даже с другими дисциплинами является многообещающим и желательным, – пишет Паскаль Гоши, – оно создает опасность, как только мы начинаем необдуманно использовать инструменты других ремесел и понятия, созданные для других сюжетов». Гоши отмечает: «периметр [политической истории] заметно расширился, что, возможно, создает риск размывания ее объекта (*dilution de l'objet*)»⁶⁰. Азаресингх схожим образом предостерегает: «главная опасность» на пути взаимопроникновения политической истории и истории культурной – чрезмерный акцент на подходах последней, который может привести к «дереализации изучаемого [политической историей] объекта». Поэтому он призывает «сохранить основополагающие для территории политического опорные точки», а на пути междисциплинарности «иметь чувство меры и избегать излишнего эклектизма»⁶¹. Таким образом, радикальное расширение предметного поля политической истории вновь поднимает вопрос о том, что же является собственно «политическим».

⁵⁹ В 2011 г. в Центре истории Sciences Po была создана специальная группа исследования «транснациональных культурных циркуляций». См.: <http://chsp.sciences-po.fr/groupe-de-recherche/circulations-culturelles-transnationales-institutions-savoirs-pratiques-projet-d>. Сегодня ее в структуре Sciences Po нет, а нишу истории в глобальных масштабах занимает группа **интернациональных исследований**.

⁶⁰ Gauchy 2015, P. 204.

⁶¹ Hazareesingh 2007. 364-366.

Такое двойственное положение сродни ситуации, которую в годы своего становления пережила французская политология. В послевоенные десятилетия она была вынуждена бороться за место в научном дискурсе о политике с уже устоявшимися дисциплинами – правом, антропологией, историей, социологией и др.⁶² Как показал Б. Вута, дебаты об определении собственного объекта исследования имели для французской политической науки основное значение в конкуренции с другими дисциплинами⁶³. Выбор, в пределе, сводился к двум альтернативам: с одной стороны, – институционально-правовое определение, ориентированное на государство (например, у Марселя Прело), с другой – широкое определение «отношений и структур власти» в качестве объекта политической науки (Морис Дюверже). «Узость» первого снижала конкурентоспособность новой науки, тогда как второе исключало возможность познания глобального объекта средствами сколько-нибудь самостоятельной дисциплины.

Для рассмотренного выше варианта политической истории, по-видимому, значения политического объекта, в конечном итоге, лежат в диапазоне между подобными предельными трактовками. Одну из них можно условно назвать «широкой» – объект политической истории при таком подходе определяется как область значимых властных отношений. Здесь «политическое» (*le politique*) выступает как универсальное и неотъемлемое свойство всякого человеческого общества в любой момент времени, а историчными и локальными являются только его конкретные формы. Открывая предметное разнообразие и хронологическую глубину, оно, в конечном итоге, грозит ослаблением дисциплинарной идентичности и снижением автономности (например, «чистую» политическую историю власти предлагал Жак Ле Гофф, однако в его глазах она требовала руководства антропологии и экономики).

Другой полюс – пристанище «старых бесов», «узкое» и «поверхностное» изучение политики (*la politique*), эквивалентом которой у Редона служило государственное «ядро». Средствами культурной истории политического попытались отказаться от привязки к государству. Однако в последние годы это спровоцировало дискуссию о «размывании» объекта исследования политической истории. Таким образом, образцовое значение государства, несмотря на попытки новой политической истории выйти из его рамок, остается ключевым элементом идентичности политической истории как автономной субдисциплины.

Приступая к написанию данной статьи, мы исходили из простого наблюдения: труды конкретной школы политической истории демонстрируют первичные признаки исторического синтеза – аккумуляцию

⁶² Thiébault 2015. P. 187-188.

⁶³ Voutat 2001.

новых методов, всё больший тематический и хронологический охват, преемственность исследовательской традиции.

Мы попытались показать, что этого удалось достичь посредством последовательных реконструкций исследовательского объекта, смещением его определений между слишком «узкой» историей государства и слишком обширной историей власти. Гибкость трактовок политического объекта позволяла прибегать к междисциплинарным заимствованиям второго порядка, последовательно осваивая подходы, имевшие успех в других областях исторической науки.

Эти заимствования, однако, не нарушали дисциплинарной идентичности, так что Рене Ремон мог использовать методы «социальной и экономической истории», ссылаясь на наследие Ш. Сеньобоса, а его последователи могли сослаться на самого Ремона, вооружившись «культурной историей», а затем – «транснациональной» оптикой.

У рассмотренных трактовок политического объекта прослеживается ряд устойчивых сквозных элементов, без которых поддержание дисциплинарной преемственности политической истории как автономной субдисциплины было бы, видимо, проблематичным. Это, к примеру, представление о связи политики с общественно значимой властью, о «центральном» положении политики относительно совокупности неполитических сфер, о государстве как об образцовом средоточии политической власти. Эти три тезиса присутствуют как исходные уже в трактовке политического объекта Р. Ремоном. Иными словами, в рассмотренном здесь исследовательском течении они фигурируют с самых ранних этапов и не являются продуктом собственной теоретической дискуссии. Кроме того, они сохраняли своё значение при системном заимствовании существенно различающихся объяснительных моделей, поэтому их нельзя вывести из какой-либо конкретной теории социальных или гуманитарных наук последних десятилетий. Таким образом, истоки этих представлений о политическом объекте лежат за рамками предмета, рассмотренного в данной статье, а их прояснение потребовало бы гораздо более масштабного исследования.

Рассмотренный пример показывает значимость конструирования и реконструирования исследовательского объекта в условиях, когда различные исследовательские подходы укладываются в пределы индивидуальных биографий ученых и компактных отрезков жизни научных школ (иначе – после ухода «больших концепций»). В таких условиях, при адаптации актуальных подходов растет значение теоретической работы, обосновывающей *сохранение* ценности исследовательского объекта. Такая адаптивная консервация объекта может быть условием сквозного роста компетентности исследователя, а на уровне отрасли знания – инструментом аккумуляции исследовательских результатов и производства технически более широких обобщений.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Историзирующая история. О чужой для нас форме истории // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 67–71. [Istoriziruyushchaya istoriya. O chuzhoi dlya nas forme istorii // Fevr L. Boi za istoriyu. M.: Nauka, 1991. S. 67–71]
- Ле Гофф Ж. Является ли всё же политическая история становым хребтом истории? (пер. Дубровского И. В.) // THESIS, 1994, вып. 4. С. 177–192. [Le Goff Zh. Yavlyaetsya li vse zhe politicheskaya istoriya stanovym khrebtom istorii? (per. Dubrovskogo I. V.) // THESIS, 1994, vyp. 4. S. 177–192]
- Савельева И.М. Исторические исследования в XXI веке: теоретический фронтир // Диалог со временем. 2012. Вып. 138. С. 25–53. [Savel'eva I.M. Istoricheskie issledovaniya v XXI veke: teoreticheskii frontir // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 138. S. 25–53.]
- Anceau E. Pour une histoire politique totale de la France contemporaine, Histoire, économie & société. 2012. 2, P. 111–133.
- Axes et méthodes de l'histoire politique / Dir. S. Berstein, P. Milza. Paris: PUF, 1998.
- Berstein S. L'historien et la culture politique // Vingtième Siècle, revue d'histoire. 1992. 1. P. 67–77.
- Candar G., Becker J.-J. Histoire des gauches en France. Paris: Découverte, 2 vol. 2005.
- Chaunu P. Histoire, science sociale. La durée, l'espace et l'homme à l'époque moderne. Paris: SEDES, 1974.
- Cultures politiques en France / Dir. D. Céfai. Paris: PUF, 2001.
- Delalande N. Vers une histoire politique du capital? // Annales. HSS, 2015. 1. P. 47–59.
- Deloye Y., Voutat B. Faire de la science politique: pour une analyse sociohistorique du politique, Paris: Belin, 2002.
- Dictionnaire historique de la vie politique française au XXe siècle / Dir. J.-F. Sirinelli. Paris: PUF, 1995.
- Discussion avec un historien historisant // Berr H. L'histoire traditionnelle et la synthèse historique. Paris, 1921.
- Doss F. L'Histoire en miettes: des Annales à la «nouvelle histoire». P.: La Découverte, 1987.
- Histoire générale des systèmes politiques / Dir. M. Duverger, J.-F. Sirinelli. P.: PUF, 3 vol. 1998.
- Fabiani J.-L. La généralisation dans les sciences historiques. Obstacle épistémologique ou ambition légitime? // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2007. 1. P. 9–28.
- Frioux S., Lemire V. Pour une histoire politique de l'environnement au 20e siècle // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. 2012. 21. P. 3–12.
- Gauchet M. Changement de paradigme en sciences sociales? // Le Débat. Mai-Août 1988. 50. P. 165–170.
- Gauchy P. L'histoire politique contemporaine, essai bibliographique // Les historiens français à l'œuvre, 1995–2010 / Dir. J.-F. Sirinelli et alii. Paris: PUF, 2015. P. 185–204.
- Hazareesingh S. L'histoire politique face à l'histoire culturelle: état des lieux et perspectives. Revue historique. 2007. 2. P. 355–368.
- Histoire de la France politique. P.: Seuil, T. 1. Le Roi, l'Eglise, les grands, le peuple 481–1514 / Dir. P. Contamine, 2006; T. 2. La Monarchie, Entre Renaissance et Révolution 1515–1792 / Dir. J. Cornette, 2006; T. 3. L'invention de la démocratie (1789–1914) / Dir. S. Berstein, M. Winock, 2008; La République recommencée, de 1914 à nos jours / Dir. S. Berstein, M. Winock, 2012.
- Histoire et sciences sociales. Un tournant critique? // Annales. ÉSC. 2, 1988. P. 291–293.
- Julliard J. La politique // Faire de l'histoire / Dir. J. Le Goff, P. Nora. Paris: Gallimard, 1974. P. 229–249.
- L'Histoire des droits en France / Dir. J.-F. Sirinelli. Paris: Gallimard, 3 vol. 1992.
- La Démocratie en France / Dir. M. Sadoun. Gallimard, 2 vol. 2000.
- Laborie P. Remond R. Pour une histoire politique // Annales. ÉSC. 1989. 6. P. 1368–1370.
- Le Goff J. Les «retours» dans l'historiographie française actuelle // Les Cahiers du Centre de Recherches Historiques. 1992. 3. URL: <http://ccrh.revues.org/2322>
- Les cultures politiques en France / Dir. J.-P. Rioux, N. Roussellier, S. Berstein. P.: Seuil, 1999.
- Les cultures politiques en France / Dir. S. Berstein. Paris: Seuil, 2003.

- Martin L. Contribution à l'étude des circulations culturelles transnationales // *Histoire@Politique*. 2011. 3. P. 1–3.
- Pour une histoire politique / Dir. R. Remond. Paris: Seuil, 1988.
- Prochasson Chr. La politique comme culture // *Le mouvement social*. 2002. 3. P. 123–128.
- Remond R. La Droite en France de 1815 à nos jours. Continuité et diversité d'une tradition politique. Paris: Aubier, 1954.
- Rémond R. Les droites en France, Paris: Aubier, 1982.
- Rosanvallon P. Pour une histoire conceptuelle du politique. Paris: Seuil, 2003.
- Rosental P.-A. Pour une histoire politique des populations // *Annales HSS*. 2006. 1. P. 7–29.
- Salmon F. Atlas électoral de la France, 1848-2001. Paris: Seuil, 2003.
- Simiand F. Méthode historique et science sociale // *Revue de synthèse historique*. 1903. P. 129–157.
- Sirinelli J.-F. De la demeure à l'agora. Pour une histoire culturelle du politique // *Vingtième Siècle, revue d'histoire*. 1998. 1. P. 121–131.
- Sirinelli J.-F. L'histoire politique à l'heure du transnational turn: l'agora, la Cité, le monde ... et le temps, *Revue historique*. 2011. 2. P. 391–408.
- Thiébaud J.-L. French political science: Strengths and weaknesses // *French Politics*. 2015. 2. P. 185–220.
- Touchard J. La gauche en France depuis 1800. Paris: Seuil, 1977.
- Voutat B. La science politique ou le contournement de l'objet // *Espaces Temps*. 2001. 1. P. 6–15.
- Vovelle M. De la cave au grenier, Québec: Serge Fleury Ed., 1980.

Веревкин Антон Юрьевич, аспирант Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; antonverevkin@yandex.ru

Contemporary political history in France as a project of historical synthesis

During last three decades political history is proving to be a fully pertinent field of the French historical science. After a long period of profound discredit French political history has managed to enrich its methodology with resources of the adjacent disciplines, transcended its traditional boundaries of state institutions and public law and developed research technics for wide temporal scales. Thus French political history shows basic capacities for so-called historical synthesis, highly in demand in France after decline of the classic social history. This paper is dedicated to the analysis of causes for the recent rise of the political history in France. This paper is concentrated on the proper theoretical work of political historians promoting their own field, rather than on any explanation deriving from a diagnosis of the tendencies on the level of the whole historical discipline. In particular, this paper shows crucial importance of a certain manner of political historians to define the field of research of political history.

Keywords: new political history, cultural political history, interdisciplinarity, historical synthesis

Anton Verevkin, post-graduate student, School of History, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics; antonverevkin@yandex.ru.

М. В. ГРИБОВСКИЙ

ПРОФЕССОРСКИЙ ГОНОРАР КАК ЗЕРКАЛО УНИВЕРСИТЕТСКОГО ВОПРОСА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

Статья посвящена феномену гонорара, получаемого за службу профессорами российских университетов в конце XIX – начале XX в. Гонорарная система, введенная уставом 1884 г., рассматривается как элемент университетской жизни, в котором нашли отражение такие составляющие “университетского вопроса”, как материальный достаток профессуры, отношения преподавателей со студентами и внутри преподавательского коллектива, вопросы университетской корпоративной этики. Приведены данные о размерах гонорара; осуществлен обзор мнений профессоров, чиновников от образования, современников о преимуществах и недостатках гонорарной системы. Автор приходит к выводу, что гонорарная система и дискуссии вокруг неё демонстрировали кризис, переживаемый российскими университетами на рубеже XIX–XX вв., а само нововведение оказалось неэффективным.

Ключевые слова: гонорарная система, университет, профессора, приват-доценты, студенты, «университетский вопрос», материальный достаток

Университет называют «государством в государстве», подчеркивая таким образом наличие внутри университетских стен собственных «правил игры», отличающих его от внешнего мира. Жизнь университета в дореволюционной России регламентировалась Уставами, которые за XIX в. сменились четыре раза. Последний устав императорских университетов был принят в 1884 г. Среди новшеств, внесенных им в университетскую жизнь, была гонорарная система, феномену которой посвящена настоящая статья¹. Актуальность теме придает то, что поиск форм и способов материального стимулирования преподавательского труда – вневременная проблема, а исторический опыт столетней давности может быть с пользой учтен и в наши дни.

В результате введения гонорарной системы преподаватели, помимо жалования из казны, стали получать дополнительные выплаты из сумм, вносимых студентами в университетскую казну за слушание лекций. Считалось, что тот преподаватель, который лучше преподает, будет иметь больше слушателей и, соответственно, больший гонорар.

Просуществовавшая с середины 1880-х гг. и до кануна Февральской революции гонорарная система не переставала быть камнем преткновения в деле нормализации университетской жизни. В гонораре как зеркале отображались многие аспекты «университетского вопроса»,

¹ Специального обращения к данной теме не зафиксировано, хотя она так или иначе затрагивается в историографии университетской жизни конца XIX – начала XX в.: Дмитриев 2013; Новиков, Перфилова 2015; Ростовцев 2017. Т. 1. С. 130–137.

такие как материальный достаток профессуры, отношения между преподавателями и студентами, взаимоотношения внутри преподавательского коллектива, вопросы морали и корпоративной этики в университетской среде и даже межнациональные отношения.

Роль гонорара в материальном достатке профессуры

В соответствии со штатами, предусмотренными университетским уставом 1884 г., размер оклада профессоров не был изменен, он остался таким же, каким был установлен двумя десятилетиями ранее, уставом 1863 г.: годовое содержание ординарных профессоров равнялось 3 000 руб., экстраординарных – 2 000 руб., лекторов – 1 000 руб. (исключением был Томский университет (ИТУ), где с учетом сибирских условий для профессоров было установлено полуторное содержание). Но при этом несомненным новшеством в деле материального обеспечения университетской профессуры стало внедрение гонорара. Суммы, получаемые с гонорара, были весьма разнообразны. Приведем обнаруженные нами данные по различным университетам за разные годы.

Полную картину о размере и распределении гонорара в начале изучаемого периода в отдельно взятом университете дает Ведомость о размере гонорара, выплаченного в 1886 г. в Казанском университете (ИКУ), согласно которой на историко-филологическом факультете гонорар получили 17 чел., в среднем – чуть более 80 руб. на человека; кроме профессоров Д.И. Нагуевского (271 руб.) и Д.Ф. Беляева (259 руб.) никто не получил более 200 руб. На физико-математическом факультете гонорар получили 27 чел., в среднем – чуть более чем по 130 руб. на человека. Максимальные суммы были выплачены профессорам А.В. Васильеву (511 руб.) и Ф.М. Суворову (399 руб.). На медицинском факультете гонорар получили 45 чел., в среднем – ок. 292 руб. на человека. Больше всех получили профессора Д.С. Ермолаев (1183 руб.) и В.О. Подвысоцкий (889 руб.). На юридическом факультете гонорар получили 14 профессоров и приват-доцентов – чуть более 497 руб. на человека. Самые большие суммы получили профессор Н.П. Загоскин (1577 руб.) и Я.Е. Степанов (919 руб.). Меньше всех получали лекторы иностранных языков и приват-доценты. Всего в университете в 1886 г. гонорар получили 103 преподавателя, в среднем – по 242,5 руб. на человека. При этом: 33 чел. получили менее 50 руб., 7 чел. – от 50 до 100 руб., 21 чел. – от 100 до 200 руб., 10 чел. – от 200 до 300 руб., 11 чел. – от 300 до 400 руб., 6 чел. – от 400 до 500 руб., 5 чел. – от 500 до 600 руб., 3 чел. – от 600 до 700 руб., 3 чел. – от 700 до 800 руб., по 1 чел. – от 800 до 900, от 900 до 1000 и от 1000 до 1500 руб.; 1 чел. – свыше 1500 руб.²

В РГИА, в фонде Министерства народного просвещения (МНП), сохранилась сводная ведомость о размере гонорара, полученного пре-

² НАРТ. Ф. 977. Оп. 'Совет'. Д. 7784. Л. 3 – 4 об.

подавателями четырех университетов Харьковского (ИХУ), Святого Владимира в Киеве (ИУСвВ), Новороссийского в Одессе (ИНУ) и ИКУ в 1887 г. Большими гонорарами отличились профессора ИУСвВ. Гонорар девятнадцати профессоров превысил 1000 руб., при этом девять из них были представителями медицинского факультета, пятеро – юридического, четверо – физико-математического и только один – историко-филологического. Наименьшие гонорары были зафиксированы в ИНУ, где профессоров, получивших свыше 1 000 руб., было только двое – Ф.И. Леонтович (1324 руб.) и И.Г. Табашников (1123 руб.)³.

В НАРТ сохранились сводные данные о том, каков был размер гонорара у 25 преподавателей историко-филологического факультета ИКУ за шесть лет: с 1892 г. по 1897 г. Из сводной таблицы видно, что в этот период регулярно – каждый семестр – небольшой гонорар (40–80 руб. в год) получала примерно половина преподавателей; вторая половина получала его нерегулярно и в еще меньшем размере⁴.

В ИТУ в 1895/1896 учебном году сумма гонораров, составившая 13215 руб., была распределена между 26 профессорами и преподавателями. Выплаты были весьма неравномерными. 17 чел. получили сумму, не превышавшую 500 руб. Самые большие суммы получили профессора Н.М. Малиев (1988 руб. 25 коп.), Е.В. Вернер (1420 руб. 50 коп.), Н.Ф. Кашенко (1040 руб. 25 коп.)⁵. На следующий год лидерами были Ф.Я. Капустин (1712 руб. 39 коп.), Е.В. Вернер (1494 руб. 97 коп.), И.С. Павловский (1335 руб. 30 коп.), А.Е. Смирнов (1025 руб. 20 коп.), получившие свыше 1000 руб. за учебный год, средняя же выплата составила 596 руб. (при 24 получателях)⁶.

В.А. Мякотин в статье «К вопросу о профессорском гонораре» привел подробные сведения о размере гонорара, полученного разными категориями преподавателей Санкт-Петербургского университета (ИСПБУ) в 1896 г. Эти данные обобщены в следующей таблице:

Размер гонорара, руб.	Профессора	Приват-доценты, получающие содержание	Приват-доценты, не получающие содержание	Число преподавателей, получающих гонорар	% от общего числа преподавателей
1–249	23	25	41	89	59,1
250–499	11	5	нет	16	10,6
500–999	10	2	2	14	9,3
1 000–1 499	6	1	3	10	6,6
1 500–1 999	4	1	нет	5	3,3

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 150(1888). Д. 188. Л. 59–70.

⁴ НАРТ. Ф. 977. Оп. 'Совет'. Д. 9674а. Л. 9–12.

⁵ Отчет о состоянии ИТУ за 1895 год. Томск, 1896. С. 113.

⁶ Отчет о состоянии ИТУ за 1896 год. Томск, 1897. С. 139.

2 000–2 499	2	1	нет	3	2
2 500–2 999	6	нет	1	7	4,6
3 000–3 499	нет	1	нет	1	0,6
3 500–3 999	нет	нет	1	1	0,6
4 000–6 000	5	нет	нет	5	3,3
Итого	67	36	48	151	100

Факультеты ИСПБУ размещались по мере уменьшения получаемого гонорара таким образом: юридический, физико-математический, историко-филологический, факультет восточных языков. Важно отметить, что, если среди профессоров лиц, получавших самый небольшой гонорар (до 250 руб.), было 34 %, то среди приват-доцентов с содержанием таких было 69 %, а среди приват-доцентов без постоянного содержания – уже 85 %. И наоборот, крупные гонорары (свыше 2000 руб.) выплачивались почти исключительно профессорам⁷.

В том же 1896 г., профессора Московского университета (ИМУ) получили гонорар на общую сумму 129744 руб. Учитывая, что профессоров, получавших гонорар, было 90, в среднем – по 1442 руб. на человека. При детализации можно обнаружить следующую картину: не получали гонорар – 3 чел., получили менее 100 руб. – 8 чел., от 100 до 299 руб. – 13 чел., от 300 до 499 руб. – 11 чел., от 500 до 999 руб. – 10 чел., от 1000 до 1499 руб. – 12 чел., от 1500 до 1999 руб. – 12 чел., от 2000 до 2999 руб. – 10 чел., более 3000 руб. – 14 чел. Представляет интерес и иная статистика, касающаяся 93-х московских профессоров (с учетом троих, не получавших гонорар). 67 из них были штатными преподавателями – на их долю пришлось 110000 руб. гонорара; 17 чел., вышедших из штата за выслугу лет, получили 16863 руб.; 9 (1 юрист и 8 медиков) были сверхштатными профессорами без оклада, при этом один юрист получил 3086 руб., а восемь медиков – 970 руб. на всех⁸.

Спустя годы картина будет оставаться примерно такой же. В 1910 г. в ИСПБУ гонорар получили 50 профессоров и приват-доцентов. Самые маленькие гонорары были по-прежнему у преподавателей факультета восточных языков: здесь только лектор А.А. Ларонд получил свыше 200 руб. за год. Самые солидные суммы зафиксированы на юридическом факультете: у десяти профессоров размер гонорара варьировался от 3661 руб. (И.И. Кауфман) до 11680 руб. (М.Я. Пергамент; около 10000 руб. получили еще три профессора). На физико-математическом факультете средний гонорар в этот год немного превысил 2400 руб., а вот на медицинском был равен только 663 руб.⁹ В предреволюционном 1916 г. в ИХУ на историко-филологическом факультете

⁷ Мякотин 1897. С. 84.

⁸ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4962. Л. 15 об.

⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 603. Л. 18 – 18 об.

гонорар получили 17 преподавателей в размере от 10 до 600 руб. (по 298 руб. в среднем), на юридическом – 13 преподавателей – от 1424 до 4078 руб. (в среднем по 2871 руб.), на физико-математическом – 23 преподавателя – от 32 до 3266 руб. (по 1062 руб. в среднем), на медицинском – 25 чел. – от 567 до 5 671 руб. (по 1 534 руб. в среднем)¹⁰.

Итак, самые большие гонорары, доходившие до нескольких тысяч руб. в год и потому сопоставимые с размером оклада (а то и превышавшие его), были у профессоров ИМУ и ИСПБУ в силу большого числа студентов (третьим по численности был ИУСвВ, прочие университеты заметно отставали от этой тройки). Редкими, но все же не уникальными были случаи, когда гонорар отдельных профессоров превышал 10000 руб. в год¹¹. Однако и в столичных вузах наблюдалась серьезная разница в размерах гонораров отдельных преподавателей, вытекавшая из наличия «многолюдных» (в первую очередь, юридический) и «малоллюдных» (историко-филологический) факультетов.

Неравномерность гонорара станет предметом перманентной дискуссии в университетских кругах. Правительственное решение по смягчению неравенства будет принято лишь в 1909 г., когда стало действовать правило, по которому профессора, чей гонорар был ниже 1000 руб. в год, получали 20-процентную прибавку к жалованию¹². Это правило касалось весьма значительной части преподавателей, ведь, как указывалось выше, солидными гонорарами могли похвастаться преимущественно профессора столичных университетов, в то время как, например, в ИНУ в 1904 г. насчитывалось только 13 чел., получивших свыше 1 000 руб. гонорара¹³. В силу того, что 20-процентная надбавка зависела от того, был ли гонорар меньше 1000 руб. в течение всего года, исчисление этой надбавки порой встречало затруднения. Так, в 1908 г. правление ИНУ и Одесского учебного округа затруднялось решить вопрос о надбавке профессорам И.М. Занчевскому и С.В. Васьковскому, которые в весеннем полугодии получили примерно 900 руб. гонорара, а в осеннем полугодии не читали лекций, так как были отстранены от преподавания Одесским генерал-губернатором. Аналогичное затруднение коснулось профессора В.А. Косинского, который в середине года перевелся из ИНУ в Киевский политехнический институт¹⁴. Правило о такой надбавке не распространялось на профессоров и преподавателей

¹⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 338. Л. 20 – 21 об.

¹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 603. Л. 36.

¹² При этом в расчет брался только гонорар, полученный за чтение обязательных лекций по занимаемой кафедре, гонорар, полученный за чтение необязательных лекций, не учитывался.

¹³ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 431. Л. 9 – 9 об.

¹⁴ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 497. Л. 6 об., 7. Во всех этих случаях министерством в надбавке было отказано: Там же. Л. 6 об., 19.

ИТУ и Варшавского университета (ИВУ)¹⁵, так как в них существовали иные принципы увеличения базовой суммы жалования.

Из гонорара удерживались суммы за пропущенные без уважительных причин лекции. С таким предложением впервые в июне 1887 г. обратился в МНП попечитель Киевского учебного округа С.П. Голубцов¹⁶. Уже в июле МНП просило попечителей прочих учебных округов высказать свое мнение по поводу этого предложения¹⁷. Попечитель Московского учебного округа П.А. Капнист возражал, полагая, что эта мера «нанесет вред, усложнит и без того сложные обязанности ректора и внесет в среду университета элемент раздора и пререканий»¹⁸. Попечитель Санкт-Петербургского учебного округа И.П. Новиков предупреждал: «если бы такая мера и была введена в употребление, то она послужила бы, скорее, ко вреду, чем к пользе учебного дела, так как подобное взыскание не только неминуемо повлекло бы за собой ослабление нравственной ответственности преподавателей за пропущенные ими уроки, но даже в некоторой степени узаконило бы их»¹⁹. Попечитель Харьковского учебного округа Н.П. Воронцов-Вельяминов возражал против новшества²⁰. Одесский попечитель Х.П. Сольский признал меру целесообразной²¹. Из канцелярии Казанского учебного округа было заявлено, что предложенное «представляется мерой справедливой, но... может встретить затруднения в определении уважительности или неуважительности пропусков»²². Несмотря на неоднозначную оценку предложения попечителя Киевского учебного округа, практика удерживания суммы за пропущенные лекции была внедрена.

Влияние гонорарной системы на отношения преподавателей со студентами

Рубеж веков характеризовался весьма непростыми отношениями профессуры со студенчеством. Общим местом в рассуждениях современников об университетском вопросе был тезис об отчуждении учащихся и учащихся. В этой связи стоит заметить, что, при установлении гонорарной системы со стороны властных структур звучали, по выражению профессора ИМУ П.Г. Виноградова «самые смелые надежды». Так, ряд членов Государственного совета полагал, что «плата за учение в виде гонорара сразу установит нравственные и вполне добросовестные отношения между ними [профессорами и студентами – М.Г.] на

¹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 338. Л. 91 – 91 об.

¹⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 248. Л. 1.

¹⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 248. Л. 7.

¹⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 248. Л. 8 об.

¹⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 248. Л. 11 об. – 12.

²⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 248. Л. 15.

²¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 248. Л. 9 об.

²² РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 248. Л. 10 об.

почве науки. Студенты, записываясь на лекции профессора и при этом взнося причитающиеся именно за эти лекции деньги, тем самым будут заявлять свою надежду наилучше у него научиться; профессор же, естественно, будет прилагать все усилия сколь можно полнее оправдать возложенные на него надежды»²³. Однако, практика оказалась иной.

Довольно часто студенты записывались к одним преподавателям, посещали занятия других, и речь не шла о преднамеренном обмане: уплатив гонорарный взнос, студенты считали себя вправе пользоваться всеми интеллектуальными возможностями университета²⁴. Бывший студент историко-филологического факультета ИСПБУ С.А. Жебелев вспоминал: «Позже – должен покаяться – я, по указанию самих же профессоров, записывался только на обязательные лекции, лекции же необязательные, т.е. выходящие за пределы 18-часовой нормы, продолжал слушать в достаточном количестве, но в записи не помечал, иными словами гонорара за них не платил»²⁵. В свою очередь, профессор ИУСВВ Ю.А. Кулаковский отмечал: «Что же касается до преподавателя, то невозможно предположить, и конечно, не было случая, чтобы он сам в аудитории проверял права студентов его слушать, осведомляясь у них, заплатили ли они за его курс, а затем устранял из аудитории тех, кто не заплатил»²⁶.

Надо признать, что надежды членов Госсовета не оправдывались. Приведем несколько типичных мнений университетских преподавателей о влиянии гонорарной системы на их отношения со студентами. П.Г. Виноградов красноречиво называл гонорар «оброчной повинностью слушателей в пользу профессоров»²⁷. Эта хлесткая фраза была призвана подчеркнуть тяжесть гонорара для студенческого (родительского) бюджета²⁸. Чаше подчеркивался иной аспект влияния гонорара. Профессор медицинского факультета ИКУ А.Я. Щербаков утверждал:

«мало [...] повышая материального благосостояния профессоров, гонорар в то же время приносит весьма большой вред в педагогическом отношении, делая преподавателей наемщиками, а студентов нанимателями. Когда, до учреждения гонорара, профессоры не находились ни в какой материальной зависимости от студентов, и эти последние знали в своих преподавателях только лиц, по собственному призванию ведущих курс того или

²³ Цит. по: Виноградов 2008. С. 115.

²⁴ Новиков, Перфилова 2015. С. 94.

²⁵ Жебелев 1963. С. 179.

²⁶ Кулаковский 1897. С. 42.

²⁷ Виноградов 2008. С. 116.

²⁸ Размер суммы, вносимой студентами за слушание лекций «в пользу отдельных преподавателей», исчислялся по формуле: 1 руб. «за недельный час в полугодие», что означало примерно 50 руб. в год, помимо этого, аналогичную сумму студент уплачивал «в пользу университета». Итого – порядка 100 руб. в год.

другого предмета, тогда отношения были вполне нормальные: одни учили, другие учились. Но с учреждением гонорара [...] дело много изменилось к худшему. Взявши хотя небольшая, иногда ничтожные деньги за свой труд, профессор чувствует уже себя не совершенно свободно перед своими слушателями, а эти последние, заплативши из своих скудных, часто нищенских средств преподавателю, имеют право относиться и нередко фактически относятся к нему несколько свысока. Громко заявляются претензии, когда профессор по болезни или иным обстоятельствам позднее обыкновенного начинает или ранее обычного срока кончает свой курс, при чем дело иногда доходит до требования назад гонорарной платы. Но что хуже всего, это то, что, считая себя как бы хозяевами дела, студенты зачастую сами весьма не аккуратно посещают, а иногда задолго до срока вовсе перестают посещать лекции, особенно по тем предметам, по которым нет зачета полугодий или экзамена, и всем этим лишают преподавателя возможности успешно и правильно вести дело преподавания»²⁹ (1897 г.).

Попечитель Одесского учебного округа Х.П. Сольский в апреле 1899 г. обратился к профессорам, лекторам и приват-доцентам ИНУ с просьбой в недельный срок письменно представить соображения о причинах студенческих волнений и мерах по их устранению. Многие преподаватели в качестве необходимой для сближения со студентами меры предлагали отменить гонорарную систему. Приведем их суждения.

Профессор по кафедре уголовного судопроизводства В.Н. Палаузов: «На преподавателей университета студенты нередко смотрят, не как на своих учителей, а как на лиц, которым они могут большим или меньшим многолюдством аудитории создать ту или другую репутацию. Иногда – к счастью очень редко – студенты смотрят на свои отношения к профессорам, как на такие, которые благодаря уплаченному ими гонорару, подходят под тип личного найма»³⁰. Лектор французского языка А.А. Шапеллон: «Система же гонорара ставит профессора в ложное отношение со студентом: студенты привыкают смотреть на своих профессоров как на чиновников, которые за какую-то плату должны прочесть в семестр столько-то лекций по такой-то программе. Такие денежные отношения подрывают авторитет профессора и уничтожают ту умственную связь, то нравственное единение, то глубокое почтение и ту живую симпатию, которые всегда служат важнейшим стимулом и вызывают подъем духа как среди профессоров, так и их слушателей»³¹. Несколько более радикально высказался и д. экстраординарного профессора по кафедре физики Н.Д. Пильчиков: «Волнения исчезли бы, если бы возросло доверие студентов к своим профессорам, для чего необходимо, чтобы профессор занимали должность в университете по избранию и приглашению самого университета и чтобы была уничтожена система гонорара; если бы возросло уважение к университетскому начальству, что возможно лишь при восстановлении выборного начала»³².

²⁹ НАРТ. Ф. 977. Оп. 'Совет'. Д. 9674а. Л. 21 об. – 22

³⁰ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 28 – 28 об.

³¹ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 83 об. См. также: Там же. Л. 90–92, 102.

³² ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353. Л. 25.

На то, что мысли А.Я. Щербакова, В.Н. Палаузова, А.А. Шapelлона имели под собой основания, среди прочего указывает весьма резкое заявление со стороны студентов ИМУ последовавшее за разогнанным полицией с привлечением казаков выступлением 9 февраля 1902 г. Участники выступления были возмущены тем, что профессора не вступились за них. В «Письме студентов к профессорам» читаем:

«Вы не только не выразили активного протеста, Вы оказались неспособными и на пассивный, и на следующий же день 10 февраля Вы явились на службу с обычным спокойствием. Стыдитесь. Мы не рассчитываем уже на чувство Вашего благородства. Того благородства, которое так тесно связано с понятием жреца науки: мы просто думаем, что Вы все же не лишены хотя бы примитивной порядочности и считаем себя заслуживающими Вашей защиты уже потому, что *несем для Вас в виде гонорара с трудом собранные крохи* [курсив мой – М.Г.]. Если и это для Вас пустые звуки, то между нами нет ничего общего, нам нужны профессора, а не лакеи, вызывающие лакомое блюдо, бросаемое правительством»³³.

То, что у студентов появилось формальное право попрекать профессоров гонорарам, воспринималось последними крайне болезненно.

Во время работы Комиссии по преобразованию высших учебных заведений (1902 г.) обсуждался и вопрос о «мерах для сближения профессоров со студентами». Профессор ИНУ А.Н. Деревницкий, проанализировав доклады по данному вопросу советов всех российских университетов, а также «особых мнений» отдельных профессоров и чиновников МНП, сделал вывод, что большинство советов главное препятствие к сближению профессоров и студентов усматривало в действовавшем университетском уставе, который «отстранил профессоров от прямого и непосредственного влияния на университетские дела и таким образом полагающего искусственную грань между ними и студентами»³⁴. К числу черт университетского строя, которые вызывают или поддерживают разъединение между профессорами и студентами, советы отнесли и гонорарную систему, так как «1) в редких случаях профессорской конкуренции он [гонорар – М.Г.] вовлекал и студентов в борьбу конкурирующих друг с другом профессоров, делая их судьями в этой борьбе и подрывая в них должное уважение к нравственному авторитету своих учителей; 2) слагаясь в весьма значительной своей части из сумм, уплачиваемых благотворительными учреждениями или вносимых отдельными жертвователями, гонорар ставит профессора в унижительное положение в глазах общества и студентов»³⁵. В заключении доклада А.Н. Деревницкий перечислил меры, предложенные сове-

³³ Archiwum Państwowe w Warszawie (APW). Z. 214. S. 331. k. 333.

³⁴ Труды Высочайше утвержденной комиссии... С. 293.

³⁵ Там же. С. 295.

тами университетов, для сближения профессоров и студентов; среди них, разумеется, значилась и отмена гонорара³⁶.

В дискуссии вокруг гонорарной системы нашел отражение и национальный вопрос, остро стоявший в начале XX в., особенно на западных окраинах империи. В декабре 1884 г. ректор ИВУ Н.А. Лавровский предостерегал министра народного просвещения И.Д. Делянова от распространения на названный университет ряда норм нового Устава:

«Система же гонорара и тесно связанный с ней институт приват-доцентов, по соображению местных условий, решительно не применимы к Варшавскому университету. Нет сомнения, что вслед за открытием свободного доступа к приват-доцентуре для окончивших курс в Варшавском университете, этот институт будет переполнен лицами польского происхождения, которые откроют всевозможные курсы, параллельные курсам русских профессоров, – и можно с решительной уверенностью утверждать, что аудитории польских приват-доцентов и профессоров будут переполнены, а русских профессоров пусты, как бы ни ничтожны были курсы первых и как бы ни высоко было научное достоинство последних. Кроме того, едва ли желательно устанавливать здесь денежную зависимость русского преподавателя от польско-еврейской аудитории»³⁷.

Впрочем, опасения ректора оказались напрасны. Общеуниверситетский устав на ИВУ распространен не был, и здесь, в отличие от остальных университетов империи, сохранилась штатная доцентура³⁸.

Несмотря на все выше сказанное, необходимо заметить, что гонорар гипотетически мог быть не только поводом для разобщения студентов и преподавателей. Интересный в этом отношении прецедент произошел в ИТУ в год его открытия (1888): свой первый гонорар за полугодие в совокупном размере 1215 р. профессора отдали на благотворительные цели в пользу студентов – на нужды дома общежития³⁹. Это был действительно символический жест – всё то, что получено непосредственно от студентов вернуть им же в виде благотворительных пожертвований. В последующем этот опыт, однако, не был закреплен, так и оставшись единичным случаем.

Влияние гонорарной системы на взаимоотношения внутри преподавательского коллектива

Как уже видно по выше приведенным суждениям, большая часть университетского преподавательского сообщества весьма скептически отнеслась к введению гонорарной системы с точки зрения влияния на студенчество. Если обобщить мнения критиков нововведения, то можно выделить еще несколько основных претензий к гонорару.

³⁶ Там же. С. 297–300.

³⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 149. Д. 882. Л. 5.

³⁸ Приват-доцентура была разрешена в 1899 г., правда, ненадолго, до 1909 г.).

³⁹ Известия ИТУ. Книга первая. Томск, 1889. [пагин. 1-я]. С. 66.

Пожалуй, ключевой претензией было *несоответствие отечественных реалий западноевропейским*, откуда была заимствована идея гонорара. Авторы доклада о гонораре на физико-математическом факультете ИКУ (1897 г.) заявляли, что гонорарная система

«не оправдала возлагавшихся на нее ожиданий, так как она совершенно не соответствует строю жизни русских университетов. За границей, откуда она была заимствована, при господствующей там свободе преподавания и свободе слушания, а также при густой сети университетов, она в значительной степени достигает своей цели вознаграждать в большем размере ученые заслуги и преподавательские таланты. В русских же университетах, где переходы студентов из одного университета в другой обставлены различными формальностями, где преподавание наук и слушание их строго регламентируется учебными планами и обзорами преподавания, с точным обозначением в них порядка прохождения студентами наук того или другого факультета, с точным определением числа часов лекций и практических занятий, на которые студент обязательно должен записаться, со внесением соответствующей за слушание их платы, эта система получила совершенно своеобразный смысл и значение. Вместо справедливого поощрения талантов и учености, она явилась средством усиленного вознаграждения преподавателей некоторых наук, совершенно независимо от их талантливости и ученых заслуг, а только потому, что по действующим правилам, известной науке и в известном семестре приурочено определенное количество часов лекций, на которые студент обязан записаться»⁴⁰.

Докладу казанских физиков и математиков вторил доклад историко-филологического факультета ИМУ (1897 г.):

«не столько неравномерность гонорара, получаемого отдельными профессорами, представляется ненормальным явлением, сколько сама система гонорара, т.е. вознаграждение профессоров по числу слушателей при *обязательности* лекций. При обязательности для студента учебного плана, вносимый им гонорар не есть плата, которую он желает *почтить* труд избранного им преподавателя, а доход профессора, зависящий от того, на каком факультете и курсе ему приходится читать»⁴¹.

Развивая тему различий, приведем и рассуждения профессора медицинского факультета ИКУ К.А. Арнштейна, который писал:

«В Германии, по примеру которой у нас введен гонорар, служебные условия совершенно иные. Там профессора начинают службу в маленьком университете и переходят в более крупный и наконец в столичный университет, где число слушателей очень значительное. Это движение по службе всецело зависит от научного рвения и педагогических способностей профессоров. Возможность перейти в другой Университет и затем улучшить свое материальное положение служит стимулом для преподавателей. Они сохраняют энергию не только из любви к науке или из тщеславия, но и удовлетворяют научной работой возрастающие потребности семьи. Ни-

⁴⁰ НАРТ. Ф. 977. Оп. 'Совет'. Д. 9674а. Л. 17 – 17 об.

⁴¹ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4962. Л. 14.

чего подобного у нас нет. В русских столичных университетах нередко получают кафедры молодые учение неуспевшие еще проявить в достаточной степени своих педагогических способностей своего научного рвения, между тем как в провинциальных университетах достаточно опытных педагогов и талантливых профессоров с научным именем вполне достойных занять кафедру в столичном университете с повышенным окладом»⁴².

Другим элементом гонорарной системы, вызывавшим острейшее недовольство абсолютного большинства профессуры, было уже упомянутое *несправедливое распределение* гонорара.

В.А. Мякотин писал: «Самый талантливый профессор, читающий необязательный курс, или даже обязательный, но на малолюдном факультете, получит ничтожный гонорар, и, наоборот, бездарный лектор на многолюдном факультете, видя перед собой почти пустую аудиторию, будет все же получать значительную сумму гонорара, если его курс обязателен для студентов»⁴³. А профессор ИУСвВ Ю.А. Кулаковский рассуждал следующим образом: «Специальный ученый курс профессора, раз он не обязателен, может не дать ему никакого гонорара, или самый ничтожный, даже на многолюдном факультете; а тот обязательный курс, который он повторяет, из года в год, и который от него не требует усиленной работы над приготовлением каждой лекции, будет оплачен огромным гонораром, хотя бы из 300 обязательных слушателей у него оказывалось их в аудитории 15, 10, а то и 2 человека [...] Если гонорар имел целью увеличить вознаграждение профессоров за труд, который они несут по обязанностям своей службы, то неравномерность в распределении гонорара между отдельными профессорами есть прямое обличение несостоятельности этого учреждения»⁴⁴.

Совет ИХУ высказался в 1897 г. о гонораре так: «ничтожный по своим размерам в среднем, он в то же время колеблется в таких широких пределах, что доход преподавательского персонала, им обуславливаемый, может быть уподоблен доходу от игры и случайностям её подвергается такой служебный персонал Государства, который, казалось бы имеет наибольшее право рассчитывать на прочное и постоянное обеспечение»⁴⁵. Спустя 10 лет, в 1907 г., профессор медицинского факультета ИУСвВ С.И. Чирьев выразил схожую мысль:

«Гонорар отнюдь не улучшил профессорский персонал..., а ввел только в высшей степени несправедливую расценку труда. [...] Какой-нибудь более чем посредственный профессор юридического факультета получает более 12 000 р. гонорара в год, и наряду с ним другой, выдающийся филолог или математик, получает буквально гроши. Это обыкновенно бывает известно и студентам и служит темой для их разговоров о барышниках-профессорах. К чему такая несправедливость!»⁴⁶.

⁴² НАРТ. Ф. 977. Оп. 'Совет'. Д. 9674а. Л. 22 об. – 23.

⁴³ Мякотин 1897. [пагин. 2-я]. С. 79.

⁴⁴ Кулаковский 1897. С. 21–22.

⁴⁵ Доклад комиссии, избранной Советом... С. 11.

⁴⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 130. Л. 8.

В целом, современники констатировали, что «система гонорара приносит наиболее выгод тем группам преподавателей, которые и без того обеспечены жалованием, и наименее служит интересам приват-доцентом, жалования не получающих»⁴⁷.

Наконец, еще один раздражающий аспект гонорарной системы вытекал из устойчивого представления о денежном вознаграждении профессоров непосредственно студентами **как об обстоятельстве, быющим по достоинству профессора**. В докладе физико-математического факультета ИКУ (1897 г.) читаем: «В результате оказалось, что на средства общественной и частной благотворительности получилась некоторая прибавка к штатному содержанию профессоров отпускаемому из сумм Государственного Казначейства, что совершенно *не совместно как с достоинством великого государства, так и со званием и личным достоинством профессора* [курсив здесь и далее мой – М.Г.]»⁴⁸. Профессор ИКУ И.М. Догель: «если необходимо улучшить материальное положение профессоров наших университетов, как в действительности требует ход самой жизни, и как это признаётся самим Министерством Народного Просвещения, то Государство найдет другой более подходящий для этого источник, *согласный с достоинством нашего обширного отечества*, чтоб обеспечить надлежащим образом содержание профессоров»⁴⁹. По словам профессора ИМУ В.И. Герье, гонорар *«противоречит нравственным инстинктам и студентов и профессоров в России, не привыкших смотреть на университетское преподавание как на частную сделку или бенефис и рекламами и дивертисментом. Вместе с гонораром перейдут к нам дрязги, неизбежно связанные со всяким денежным расчетом»*⁵⁰. Весьма категорично высказался профессор ИМУ С.Н. Трубецкой; по его мнению, гонорар – это *«недостойный бакишии, подаренный отдельным профессорам за утраченную автономию их коллегии и внесший в стены университета погоню за наживой и спекуляцию преподаванием»*⁵¹. Доказав на цифрах, что гонорар слабо в материальном отношении поддерживает приват-доцентуру, В.А. Мякотин заключал, что цели введения приват-доцентуры могли бы быть достигнуты *«без помощи гонорара, другими средствами более согласными с достоинством университета»*⁵².

Относительно того, какое влияние гонорар оказывал на взаимоотношения внутри преподавательского коллектива, многие современ-

⁴⁷ Мякотин 1897. [пагин. 2-я]. С. 84.

⁴⁸ НАРТ. Ф. 977. Оп. 'Совет'. Д. 9674а. Л. 18.

⁴⁹ НАРТ. Ф. 977. Оп. 'Совет'. Д. 9674а. Л. 21 об.

⁵⁰ Цит. по: Исторический обзор мер по высшему образованию... С. 155.

⁵¹ Трубецкой 1907. С. 18.

⁵² Мякотин 1897. [пагин. 2-я]. С. 85.

ники имели схожее представление. Они полагали, что новая система стала фактором, способным серьезно расстроить отношения между коллегами. Авторы доклада физико-математического факультета ИКУ (1897 г.) отмечали: «При проектируемой системе распределения гонорара преподаватель, вынужденный по каким-либо причинам увеличить число читаемых им лекций, не смотря на всю необходимость этого увеличения, естественно будет воздерживаться настаивать на этом, чтобы не чувствовать себя в неловком положении»⁵³. Профессор медицинского факультета ИКУ А.Я. Щербаков продолжал:

«Положим, кто-либо обращается с просьбой о прибавке часов, то в этом случае товарищам по факультету трудно отрешиться от той мысли, что обращающееся с такою просьбою лицо имеет между прочим в виду увеличения для себя гонорарного вознаграждения. Одна эта мысль нередко в состоянии заставить неправильно отнестись к педагогическим нуждам товарища. И единственно в виду этого многие молчат о своих нуждах или просят о прибавке часов неоплачиваемых гонораром. Таких часов на нашем факультете весьма много. Еще щекотливее вопрос об уменьшении часов преподавания, если он возбуждается не самим преподавателем данного предмета, чего никогда не случалось, а другим членом факультета. Чего доброго, это сочтется как бы посягательством на карман своего товарища»⁵⁴.

Харьковские профессора отмечали, что преподаватель «в исключительно редких случаях мог открыть курс, параллельный читаемому другим профессором-специалистом. Такой курс имел бы всегда характер посягательства на гонорар своего коллеги по факультету, а это обстоятельство могло бы иметь неприятные последствия личного характера и потому совершенно неудивительно, что конкуренции между профессорами система гонорара не возбудила». Гонорарная система, – заключала комиссия ИХУ, – «развивает не конкуренцию, а зависть между университетскими преподавателями, заставляет их иной раз искать дешевой популярности между студентами, имеет своим последствием понижение экзаменационных требований»⁵⁵. Схожая мысль звучала в докладе профессора ИНУ А.Н. Деревницкого в ходе работы Комиссии по преобразованию высших учебных заведений (1902 г.): «в среду профессоров гонорар внес чувства розни, взаимного отчуждения, зависти, недоброжелательности, а иногда и враждебности»⁵⁶.

Однако было бы несправедливо утверждать, что все без исключения современники высказывались о гонорарной системе сугубо негативно. Противоположного мнения относительно гонорара придерживался профессор юридического факультета ИКУ Я.С. Степанов. Он был

⁵³ НАРТ. Ф. 977. Оп. 'Совет'. Д. 9674а. Л. 18 об.

⁵⁴ НАРТ. Ф. 977. Оп. 'Совет'. Д. 9674а. Л. 22 – 22 об.

⁵⁵ Доклад комиссии, избранной Советом... С. 17, 21.

⁵⁶ Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию... С. 295.

убежден в том, что гонорар не может привести профессоров к предосудительным способам конкуренции⁵⁷. В защиту гонорара выступил и приват-доцент ИСПБУ Б.В. Никольский:

«Жалование, т.е. государственная поддержка ученым, всегда было, да и должно быть равномерно для всех специальностей, для всех дарований. Но дальнейшее улучшение благосостояния профессоров не может и не должно ложиться на государство, а всецело зависеть от общественных потребностей и гонорарного сбора, т.е. от наличного спроса на ту или другую отрасль знания и даровитости профессора. Самый посредственный лектор гражданского права или политической экономии полезней и нужней обществу, чем самый гениальный астроном, а гениальный астроном, чем астроном посредственный. Законы ренты и законы спроса и предложения – вот законы гонорарного неравенства»⁵⁸.

Оправдание идеи гонорара можно встретить и в проекте университетского устава, разработанном в 1888 г. профессором ИХУ Н.Я. Данилевским. По мнению профессора, гонорар способен обеспечить справедливую оценку затраченного труда и времени преподавателей:

«Было бы крайне несправедливо уравнивать гонорар двум преподавателям, из коих один имеет лишь 1 группу слушателей, а другой – несколько тактовых»⁵⁹. Со временем мнение Данилевского скорректировалось. В проекте, подготовленном в 1897 г., он высказался так: «Гонорар есть прерогатива лица и кафедры. Там, где дело не безлично, где в успехе его отражаются личные качества, там пропорциональность между личным успехом и вознаграждением является справедливою мерою. Она может служить побуждением к усиленному труду, к развитию знания и таланта, к большей успешности преподавателя». «Но университетская жизнь в последнее время показывает, что система гонорара не имеет почвы в нашем отечестве [...], что главная цель ее – преподавательское соревнование и конкуренция – едва ли вообще достижима в наших университетах [...]. Гонорар вызывает справедливое нареkanie вследствие крайне неравномерного распределения между преподавателями разных факультетов при одинаковой затрате труда и времени, при равенстве таланта и успешности преподавания. В виду этого было бы справедливее собирать добавочную плату студентов (сверх 50 р.) со всех университетов в одну общую сумму и выдавать из нее “добавочное жалование” преподавателям всех факультетов, пропорционально 1) числу лекций, 2) числу всех часов, затрачиваемых профессором на практические занятия, и 3) отчасти числу экзаменующихся [...]. Вместо такого непостоянного добавочного жалования было бы более желательно соответственное увеличение всего штатного содержания»⁶⁰.

В июле 1897 г. МНП обратилось к попечителям учебных округов с тем, чтобы они просили университеты высказаться по поводу гонор-

⁵⁷ Исторический обзор мер по высшему образованию 1893. С. 156.

⁵⁸ Никольский 1897. 15 (27) сентября.

⁵⁹ ГАХО. Ф. Р5810. Оп. 1. Д. 141. Л. 3.

⁶⁰ ГАХО. Ф. Р5810. Оп. 1. Д. 142. Л. 18 – 18 об.

рарной системы⁶¹. На медицинском факультете ИКУ после выступлений и прений деканом были предложены для голосования два вопроса: 1) «Желательно ли, согласно предложению господина Министра народного просвещения, ввести какие-либо изменения в гонорарной системе для равномерного распределения между преподавателями или вовсе не взимать гонорара со слушателей?». 19 профессоров против одного (экстраординарного профессора Н.А. Толмачева) высказали желание гонорара со слушателей не взимать. 2) «Если же получаемое ныне профессорами содержание, действительно недостаточное, Министерство находится справедливым увеличить, то желательно это увеличение отнести на счет других каких-либо источников, но не на взимаемую плату со слушателей в виде гонорара?». На этот вопрос члены факультетского совета ответили единогласно утвердительно, а преподаватели историко-филологического факультета ИКУ, перечислив все возможные варианты распределения гонорара, нашли их несправедливыми и предложили от системы вовсе отказаться⁶². Совет ИМУ в ноябре 1897 г. заявил «единогласное желание, чтобы вознаграждение профессоров за их преподавание было увеличено путем изменений штатов, а не путем получения ими гонорара, вносимого студентами». Все факультеты ИМУ высказались за «уничтожение гонорара в отношении обязательных курсов штатных профессоров», и за «сохранение гонорара в тех случаях, когда гонорар является добровольной платой за необязательно предлагаемый преподавательский труд»⁶³. Причем три факультета (историко-филологический, юридический и физико-математический) высказались за то, чтобы в случае сохранения гонорара, он распределялся бы между всеми преподавателями равномерно. Медицинский же высказался за то, чтобы, если гонорар сохранится, он распределялся бы в соответствии с существовавшими правилами⁶⁴.

Итак, совокупность публично озвучиваемых мнений и университетских администраций, и представителей преподавательского сообщества указывала на вполне однозначное желание университетов отказаться от гонорарной системы. Но, понимая, что иных источников пополнения преподавательских доходов у него нет, правительство откладывало это решение.

Гонорар был отменен законом «О временном улучшении материального положения профессоров Императорских Российских университетов», утвержденным 3 июля 1916 г. и вступавшим в силу 1 января

⁶¹ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4962. Л. 1 – 1 об. Выдержки из докладов факультетов ряда университетов уже приводились выше.

⁶² НАРТ. Ф. 977. Оп. 'Совет'. Д. 9674а. Л. 23; Л. 7–8.

⁶³ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4962. Л. 9 об.

⁶⁴ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4362. Л. 29.

1917 г. Реакция на принятое решение нашла отражение в дневниках профессора ИМУ историка М.М. Богословского.

29 августа 1916 г.: «звонил по телефону А.Н. Филиппов⁶⁵. [...] Тон А.Н. Филиппова совсем минорный по поводу предстоящего уничтожения гонорара, прямо, говорит, жить нечем. Но, надо полагать, за многие годы, приносившие по 18000, кое-что при его скромной жизни да сбережено. 1 сентября 1916 г.: «По дороге в банк я встретил А.Н. Филиппова, продолжающего тосковать об отмене гонорара. [...] Нытье Филиппова меня порядочно увеселило, и я открыто выразил ему свою радость по поводу отмены гонорара, как меры справедливой и для филологов и провинциальных профессоров выгодной»⁶⁶. 13 декабря 1916 г.: «Савин обратил внимание факультета на поползновение юридического факультета взять себе библиотеку М.М. Ковалевского, отказанную им в завещании всему Университету. Решено оказать сопротивление, причем М.К. [Любавский] выяснил скрытые мотивы этого поползновения. Профессора юридического факультета, лишаясь с 1 января 1917 г. гонорара, хлопочут теперь об устройстве при своем факультете как можно большего количества учебно-вспомогательных институтов, чтобы занимать платные должности их директоров. Размещаются на мелкую монету»⁶⁷.

Как и следовало ожидать, в глазах профессора историко-филологического факультета М.М. Богословского в ситуации с отменой гонорара «антигероями» стали профессора-юристы. Показательно, что, давая в целом негативную оценку уходившему в декабре 1916 г. со своего поста министру народного просвещения П.Н. Игнатьеву, Богословский тем не менее замечал: «Но он провел отмену гонорара, и за это профессора-филологи помянут его с благодарностью»⁶⁸.

В отношении получаемых доходов университетские преподаватели на фоне всех рабочих и служащих Российской империи рубежа XIX–XX вв. должны быть отнесены к верхнему слою; в начале века состоятельным считался человек с годовым доходом в 1000 руб., а во всей 130-миллионной Российской империи таковых насчитывалось около 572 тыс. человек⁶⁹. Впрочем, сами профессора были склонны оценивать свое материальное положение как недостаточное и видеть в этом одну из причин бед в сфере образования⁷⁰. Учитывая то, что Уставом 1884 г. размеры профессорского содержания не были увели-

⁶⁵ Филиппов Александр Никитич (1853–1927), юрист, историк права. В 1901–1905 – ректор ИДУ. С 1903 – профессор, с 1910 – заслуженный профессор юридического факультета ИМУ.

⁶⁶ Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 2011. С. 116–117.

⁶⁷ Там же. С. 141.

⁶⁸ Там же. С. 144.

⁶⁹ Миронов 2012. С. 601, 602.

⁷⁰ Подробнее о доходах и качестве жизни университетских преподавателей см.: Грибовский 2011. С. 76–80.

чены в сравнении со временем действия предыдущего Устава 1863 г., введенная гонорарная система мыслилась как инструмент повышения преподавательских доходов. Однако гонорар, в некоторой мере повысив благосостояние университетских преподавателей, вызвал к жизни сложное переплетенный комплекс проблем.

Недостатки гонорарной системы осознавались и властями. Отсюда – шедшее «сверху» предложение 1897 г. выработать мнения советов университетов о преобразовании системы. Показательно, что, например, попечитель Казанского учебного округа В.А. Попов, обращаясь к ректору курируемого университета К.В. Ворошилову так конкретизировал суть министерского запроса: «Крайне неравномерное распределение этой платы между преподавателями, несущими одинаковый труд, давно обращали внимание Министерства и неоднократно вызывали соображения о более равномерном распределении гонорара»⁷¹. К важнейшим, выделяемым современниками, недостаткам гонорарной системы следует также отнести: несоответствие отечественных реалий западноевропейским, откуда была заимствована идея гонорара; способствование подрыву авторитета профессора в глазах студента и расстройству отношений между преподавателями вследствие провоцирования зависти; несовместимость гонорара с достоинством профессора.

Университетские советы единодушно выступали за отмену гонорара с одновременным увеличением штатного оклада. Более того, эта тема неожиданно объединила разные политические группы, олицетворявшие идеологический раскол профессуры начала XX в. Если требование пересмотреть другие условия Устава 1884 г. было типично для либерального блока профессуры, то отмену гонорара в равной степени поддерживали и «правые». Так, в решениях совещания правой профессуры, состоявшегося 16–18 декабря 1910 г., говорилось: «Находя, что гонорарная система вносит в университетскую жизнь начало разлагающее и антигосударственное и ставит преподавателей в ложное положение материальной зависимости от своих слушателей, совещание признало неотложно настоятельным отмену этой системы»⁷².

Столь единодушно (за редким исключением) критикуемая, но сопровождавшая университетскую жизнь на протяжении почти всего заключительного этапа её дореволюционной истории, гонорарная система и дискуссии, разворачивавшиеся вокруг неё, наглядно иллюстрировали кризис, переживаемый российскими университетами на рубеже XIX–XX вв. Что касается самого нововведения в деле материального стимулирования труда университетских преподавателей, то более чем 30-летний опыт функционирования гонорарной системы

⁷¹ НАРТ. Ф. 977. Оп. 'Совет'. Д. 9674а. Л. 1.

⁷² ГАРФ. Ф. 988. Оп. 1. Д. 1384. Л. 4.

показал неэффективность механического переноса на российские реалии германских университетских форм жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 42. Оп. 35. Д. 431.
 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 988. Оп. 1. Д. 1384.
 Государственный архив Харьковской области (ГАХО). Ф. Р5810. Оп. 1. Д. 141.
 Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 977. Оп. 'Совет'. Д. 7784.
 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 150 (1888).
 Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. 459. Оп. 2. Д. 4962.
 Виноградов П.Г. Учебное дело в наших университетах // Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. М., 2008. С. 107–140.
 Грибовский М.В. Материальный достаток профессоров и преподавателей университетов России в конце XIX – начале XX веков // Вестник Томского государственного университета. 2011. Август (№ 349). С. 76–80.
 Дмитриев А.Н. Статусы знания (о социальных маркерах эволюции российского университета первой трети XX века) // Новое литературное обозрение. 2013. № 4 (122) URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3779> (время доступа 15.04.2017);
 Доклад комиссии, избранной Советом Императорского Харьковского университета, для обсуждения вопроса о системе вознаграждения преподавателей университета, основанной на взимании со студентов и слушателей особой платы за слушание лекций и руководство их занятиями. Харьков, [1897]. 31 с.
 Жебелев С.А. Alma mater // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1. Л., 1963. С. 177–189.
 Известия ИТУ. Книга первая. Томск, 1889. [пагин. 1-я]. 122 с.
 Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Вып. 1. Академия наук и университеты. Саратов, 1893. 186 с.
 Кулаковский Ю.А. Гонорар в русских университетах. Киев, 1897. 66 с.
 Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. 2-е изд., испр., доп. М., 2012. 848 с.
 Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. 423 с.
 Мясотин В.А. К вопросу о профессорском гонораре // Русское богатство. 1897. Октябрь. [пагин. 2-я]. С. 75–90.
 Никольский Б. О призывании к гонорару // Новое время. 1897. 15 (27) сентября.
 Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университетский устав 1884 г.: иллюзия академической свободы (Часть II) // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 1. Т. 1. С. 89–101.
 Отчет о состоянии ИТУ за 1895 год. Томск, 1896. 124 с.
 Отчет о состоянии ИТУ за 1896 год. Томск, 1897. 151 с.
 Ростовцев Е.А. Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России (1884–1917). Дисс. ... докт. ист. наук. СПб, 2017. Т. 1. 429 с.
 Трубецкой С.Н. Ответ «Профессору университета» // Собрание сочинений кн. Сергея Николаевича Трубецкого. Т. 1. М., 1907. С. 14–20.
 Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 4. СПб, 1903. 491 с.

REFERENCES

- Vinogradov P.G. Uchebnoe delo v nashikh universitetakh // Rossiia na rasput'e. Istoriko-publitsisticheskie stat'i. M., 2008. S. 107–140.
 Gribovskij M.V. Material'nyj dostatok professorov i prepodavatelej universitetov Rossii v konce XIX – nachale XX vekov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. Avgust (№ 349). S. 76–80.
 Dmitriev A.N. Statusy znaniia (o sotsial'nykh markerakh evoliutsii rossiiskogo universiteta pervoi treti XX veka) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2013. № 4 (122).

- Doklad komissii, izbrannoi Sovetom Imperatorskogo Khar'kovskogo universiteta, dlia ob-suzhdeniia voprosa o sisteme voznagrazhdeniia prepodavatelei universiteta, osnovannoi na vzimanii so studentov i slushatelei osoboii platy za slushanie leksii i rukovodstvo ikh zani-atiiami. Khar'kov, [1897]. 31 s.
- Zhebelev S.A. Alma mater // Leningradskii universitet v vospominaniiaakh sovremennikov. T. 1. L., 1963. S. 177–189.
- Izvestiia ITU. Kniga pervaya. Tomsk, 1889. [pagin. 1-ja]. 122 s.
- Istoricheskii obzor mer po vysshemu obrazovaniiu v Rossii. Vyp. 1. Akademiia nauk i univer-sity. Saratov, 1893. 186 s.
- Kulakovskii Iu.A. Gonorar v russkikh universitetakh. Kiev, 1897. 66 s.
- Mironov B.N. Blagosostoyanie naseleniia i revolyucii v imperskoj Rossii: XVIII – nachalo HKH veka. 2-e izd., ispr., dop. M., 2012. 848 s.
- Mikhail Mikhailovich Bogoslovskii. Dnevnik. 1913–1919: Iz sobraniia Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia. M., 2011. 423 s.
- Miakotin V.A. K voprosu o professorskom gonorare // Russkoe bogatstvo. 1897. Oktiabr'. [pagin. 2-ia]. S. 75–90.
- Nikol'skii B. O prizvanii k gonoraru // Novoe vremia. 1897. 15 (27) sentiabria.
- Novikov M.V., Perfilova T.B. Universitetskii ustav 1884 g.: illiuziia akademicheskoi svobody (Chast' II) // Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2015. № 1. T. I. S. 89–101;
- Otchet o sostoianii ITU za 1895 god. Tomsk, 1896. 124 s.
- Otchet o sostoianii ITU za 1896 god. Tomsk, 1897. 151 s.
- Rostovtsev E.A. Sankt-Peterburgskii universitet v kontekste sotsial'no-politicheskoi istorii Rossii (1884–1917). Diss. ... dokt. ist. nauk. SPb, 2017. T. 1. 429 s.
- Trubetskoi S.N. Otvet «Professoru universiteta» // Sobranie sochinenii kn. Sergeia Niko-laevicha Trubetskogo. T. 1. M., 1907. S. 14–20.
- Trudy Vysochaishe utverzhdennoi komissii po preobrazovaniiu vysshikh uchebnykh zavedenii. Vyp. 4. SPb, 1903. 491 s.

Грибовский Михаил Викторович, кандидат исторических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет, доцент кафедры современной отечественной истории, mgrib@mail2000.ru

Professorial honorarium as a mirror of the “university issue” in the late 19th – early 20th c.

The article is devoted to a phenomenon of honorarium, received for the job by professors of Russian universities in the late 19th – early 20th c. The honorarium is considered as an element of university life, which reflected such components of the university issue as the material prosperity of professors, the relationship between lecturers and students, the relationships within the teaching staff, the issues of university corporate ethics. Data on the amount of the honorarium are given; its effect on various aspects of university life is uncovered; review of the opinions of professors, officials from education, contemporaries about the advantages and disadvantages of the fee system is implemented. The author comes to the conclusion that the honorary system and discussions that unfolded around it demonstrated the crisis experienced by Russian universities at the turn of the 19th – 20th cc.

Keywords: honorary system, university, professors, privatdozent, "university issue", material prosperity

Mikhail Gribovskiy, PhD in History, National Research Tomsk State University, Associate Professor at the Department of Modern Russian History, mgrib@mail2000.ru

В. И. Золотов

ОБРЕТЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ВРЕМЕНИ ПЕРЕМЕН

В статье предпринимается попытка исследования процесса идентификации и самоидентификации университетского сообщества, представленного преподавателями исторического факультета периферийного университета. На основе проведённого опроса членов данного сообщества анализируются представления о назначении и функции университета сегодня. Выявляются различные уровни идентичности преподавателей разных поколений. Рассматриваются обстоятельства, деформирующие образ общепризнанной модели университетского образования.

Ключевые слова: *идентификация, самоидентификация, университетский статус, университетская культура, идентичность, поколение*

Нынешнее состояние отечественного образования поставило преподавателей высшей школы в нелёгкое положение. Известно критическое отношение профессорско-преподавательского корпуса к идущим реформам. Рейтинговая модель, по мнению многих, выхолащивает смыслы обучения, направленные на формирование и передачу профессиональных знаний, формализует учебный процесс. Беседы с магистрантами свидетельствуют, что большинству из них присуще довольно слабое представление об уровне и критериях освоения университетских программ обучения. Особый «культурный код» университета, его этика, самооценка и амбиции, та «инаковость», которая позволила выжить университету в разные эпохи¹, магистрантам не очевидна.

Следует уточнить, что данные суждения получены в *universitas* исторического факультета университета, «вышедшего» из педагогического института, и ставшего «классическим» только 15 лет назад. За эти годы университетов в стране стало много и их возвышение до статуса университета схоже. В то же время исторический факультет Брянского университета имеет крепкий костяк преподавателей историков, получивших ещё в советское время университетское образование, с солидным преподавательским стажем, почти все, преподающие в магистратуре, имеют докторскую степень. Преподаватели-историки не обделены вниманием в столичных научных кругах.

Традиция отечественного университетского образования имеет неоспоримые услуги. Она оставила заметный след в истории российского общества, начиная со времени своего появления. Об университе-

¹ Право присуждения учёных степеней, относительная независимость от внешних условий и от господствующей идеологии, обладание университетской корпорацией наивысшей интеллектуальной компетенцией. См.: Уваров 2001; 2007.

те как феномене интересно говорится в двух публикация последнего времени, так или иначе анализирующих современное состояние высшей школы². В них ставится вопрос о понимании места и роли университетского сообщества, в т.ч. в наше время. Именно университетского сообщества, того *universitas*, которое и составляло сущность и силу университета. Авторы на основе воспоминаний и интервью выявляют те ценности и представления, которые определяли, идентифицировали университетское сообщество в разные эпохи. Одновременно делается попытка проследить процессы самоидентификации членов сообщества в условиях изменений, происходящих в современном университетском образовании. В основу этих исследований был положен архив личных воспоминаний, интервью большой группы преподавателей столичных вузов. Схожие проблемы, применительно уже к периферийному университету, предполагается проанализировать в данной статье.

Опрос, данные которого стали основой исследования, проводился среди преподавателей факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета в июне 2016 года. Было роздано 18 анкет, предусматривалась анонимность участников. На вопросы, которые носили открытый характер ответили 14 человек. Вопросы делились на две группы. Первая предусматривала изучение представлений об университете как виде образовательного учреждения, вторая – представление об университетском сообществе как ядре университетского пространства. Фактически первая группа ставила проблему идентификации университетского сообщества, групповой идентификации, вторая – самоидентификации участников как членов этого сообщества в условиях современных социально-политических и социокультурных процессов. Участникам были предложены такие вопросы:

1. Охарактеризуйте двумя-тремя словами качество, характеризующее университеты среди других учреждений высшего образования.
2. Есть ли преемственность между императорскими, советскими, перестроечными и постсоветскими университетами?
3. Чем отличается университет 2000-х гг. от советского времени? Какие тенденции Вас радуют, какие настораживают?
4. В чём, на Ваш взгляд, назначение университета как вида высшего образования?
5. В чём, на Ваш взгляд, назначение университета в настоящее время?
6. Что происходит с российскими университетами сегодня?
7. В чём, на Ваш взгляд, причины нынешнего состояния университетов?
8. Какие качества, на Ваш взгляд, отличают профессиональное сообщество университетских преподавателей?
9. Считаете ли Вы себя отдельной корпорацией, сообществом, исповедующими определённые профессиональные, этические принципы?

² Гатина, Гребёнкина 2015; Савчук 2011.

10. Что представляет собой, на Ваш взгляд, «университетская культура»?
11. Считаете ли Вы, что на факультете сложилась определённая культурная, научная традиции?
12. Что, на Ваш взгляд, способствует ощущению университетской общности (открытое обсуждение работ коллег, научные конференции и чтения, теоретические и прикладные семинары преподавателей, совместные проекты кафедр, юбилейные и праздничные застолья, какие-то ритуалы). Что ещё, на Ваш взгляд?
13. Каких дисциплин, в программе обучения, на Ваш взгляд, не хватает студентам исторических специальностей?
14. Чем является университет для Вас – государственным учреждением, храмом науки, домом, сообществом профессионалов, самоуправляющейся корпорацией, научной лабораторией, хранилищем культурных ценностей?

Характер ответов в целом отражает озабоченность респондентов состоянием дел в университетском сообществе и образовании. Встречаются достаточно глубокие, развернутые характеристики положения дел, они дополняются краткими, но очень точными наблюдениями других респондентов. Часть вопросов скорее говорят о репрезентации преподавателя на фоне текущих процессов, о «нише», реальной или воображаемой, занятой им в этих процессах. Очевидно различие ответов представителей старшего поколения и тех преподавателей, которые никогда не работали в университетах советской эпохи и вошли в университетское сообщество в нулевые годы; численное соотношение тех и других ровно пополам. Немало ответов носят оценочный характер, некоторые имеют самый общий характер. Тем не менее, они представляют микрокосм сообщества, в котором можно увидеть и большее. Хотя опрашивались преподаватели-историки, однако их оценки чаще касались проблем университетского образования в целом. Методология формирования мнений и оценок строится в основном на соотнесении модели «идеального» университета, известного по университетам царской и советской эпох, частично Западной Европы, по личному опыту преподавания в известных университетах страны, и практик существования университета в современных условиях и обстоятельствах.

Разделение сообщества на «старших» и «младших» имеют свои основания. Оно определило построение идентичности в заявленном сообществе. Составные элементы процесса формирования идентичности – память, опыт, сознание определили содержание и характер ответов наших «поколений». Память о годах обучения в вузе – один из главных источников. Для тех, кто обучался в университетах советского времени, «старших», она представляет переплетение коммуникативной и культурной памяти, но, прежде всего, уже культурной. У них она впитала в себя процесс вхождения в новую социальную среду, приобщение к новым ритмам познания, и не только по форме (лекции и се-

минары, спецкурсы и спецсеминары). Яркое впечатление оставляет знакомство с миром преподавателей-учёных, почти небожителей в глазах студентов; дискурс отдельных лекционных курсов, лекция-проблема, история творчества и судеб выдающихся учёных, открытие нового мира на страницах монографий и журнальных статей, бдения в читальных залах библиотек, первые собственные открытия – такое всегда остаётся в памяти тех, кто пошёл дальше своих однокурсников по пути приобщения к науке и её служению. Таковыми, с некоторыми оговорками, оказались половина ответивших на вопросы анкеты. Четверо из группы «старших» обучались в не последних университетах страны, двое оказались связаны с университетской аспирантурой ведущих университетов Москвы. Последний из этой группы, закончивший пединститут, своими научными интересами и изысканиями связан с историей европейских университетов. Все участники этой группы, так или иначе, получили достаточно полное представление об уникальности университетской модели образования, ее «инаковости».

Ответы из группы «младших» по многим вопросам анкеты менее определённые, часто расплывчатые. Такой результат в немалой степени можно объяснить не столь тесным знакомством с данной моделью обучения в годы студенчества. Известно, что проявление групповой идентичности трудно чётко отделить от отождествления с культурной традицией, пространством существования. Оно было другим, время их обучения пришлось на 1990-е годы, в традициях скорее педагогического образования. Конструирование прошлого как основы опыта, одного из элементов исторической памяти, в данном случае, как представляется, формирует неполную картину феномена.

Анализ содержания ответов рисует следующую картину.

В вопросе *о качестве, характеризующем университеты среди других учреждений высшего образования*, поколенческое деление наглядно. Прежде всего, подчёркивается главенствующее положение науки в университете. Так, «старшие» отмечают «наличие научных школ, большую роль науки в жизни вуза наряду с преподаванием», «специфический культ знания, науки», приобщение к большой науке. Эта позиция облачена в такие формулы: «профессионализм, наука, статус», «свободомыслие, демократизм внутренней жизни, приоритет содержания образования над формами, наука», «универсальность, широкий кругозор, наука». «профессионализм, наука, независимость суждений». Роль науки выделяют два представителя из когорты «младших»: «университет, прежде всего, наука, исследования», «наука, качество, основательность». Интересен один ответ из рядов «старшего» поколения – «не вижу отличий в современной обстановке», очевидно, респондент хотел сказать, что современные университеты не отличны от других видов вузов. В ответе одного из респондентов «младшей»

группы понятия «качество», «основательность» вполне коррелируется с понятием «профессионализм». Понятие «статус» – два случая (ответы от 90-х и нулевых) на уровне интуиции признают «особость» университетов в системе высшего образования, обладание ими неким качеством, которое делает это учебное заведение престижным местом обучения.

Понятие «профессионализм» встречается дважды – не только качественная характеристика, но, возможно, на уровне подсознания, оно отражает сожаление по качеству преподавания в сегодняшнем вузе, которое утрачивается. И такое «сожаление» соотнесено с понятием «качество», «основательность» в ответе одного из респондентов («младшей группы»). В целом же, в ответах превалирует соотнесение университета с наукой, наличием качественного образования, присутствием некоего «духа» университета. В то же время звучит чувство утраты чего-то важного, существенного.

После такой характеристики университета, по сути, «идеального», естественен вопрос *о назначении университета* в целом. Разумно соотнести высокую оценку статуса и назначения университета с его функцией. Ответы определили двуединую задачу существования университетов. Первая его ипостась – это «сочетание науки и образования», «большая роль науки в жизни вуза наряду с преподаванием», «учить мыслить, а не потреблять знание», «приобщение к науке», «примат фундаментального образования над образовательными технологиями», «культура научного мышления». Второе назначение университета – «подготовка специалистов по широкому спектру направлений фундаментального и прикладного научного знания», «подготовка высококвалифицированного специалиста», «готовить реальных профессионалов», «подготовка высокопрофессиональных кадров для различных сфер народного хозяйства, обеспечение высокого уровня научных исследований». Задача подготовки профессиональных кадров для государства и общества свойственна высшей школе в целом. В наших ответах такая задача тесно увязывается с получением навыков научной работы, развитием научного знания, «образование через научный поиск». В некоторых ответах говорится о необходимости формирования личности, потребности в самообразовании, о необходимости дать широкий кругозор и общую культуру выпускнику. Все эти ответы исходят из обеих групп, «старшей» и «младшей». Один ответ «старшего» респондента считает назначением университета готовить «интеллектуальную и управленческую элиту разных уровней, обладающую как глубиной знаний, так и широким кругозором» (возможно, таковым себя идентифицирует один из участников опроса). В целом, в таких ответах присутствует понимание «особой» миссии университета в обществе. Важно традиционное для нашего общества понимание университетского статуса – прежде всего образовательная функция, которая базируется

на высоком научном знании. Значительно меньше говорится о влиянии университетского сообщества на формирование личности студента, выпускника, имеется ввиду «культура научного мышления». Формирует же личность приобщение к настоящей науке, о котором говорится в ответах, но не игра в науку, чего хватает в наше время.

Вопрос о *назначении университета как вида высшего образования*, так или иначе, продвигает вопрос: реализуется ли высокий статус университета в его функции. В этом смысле ответы на третий вопрос, *какие тенденции в его развитии радуют, какиестораживают*, не питают иллюзий. Крайнее мнение, оно из рядов «младшего» поколения, сводится к тому, что «новые университеты – это не университеты в истинном, классическом смысле понятия, особенно те, кто поменял статус в последние 10-20 лет». Вслед ему идёт убеждение респондента «старшей» группы, который говорит об отсутствии «свободомышлия, демократизма внутренней жизни, приоритета содержания образования над формами». Более мягко оценивает ситуацию респондент из той же группы – «советские университеты имели флёр элитарности, так как их было мало. Теперь же все вузы – университеты, университетское образование стало массовым и, как следствие, ниже уровнем». Коммерциализация университетской жизни, «деньги, деньги, деньги» плюс падение уровня знаний - в ответе пришедшего в вуз в 1990-е годы. Респонденты из «младшей» группы говорят о большей свободе от идеологического диктата в научном творчестве, «возможности свободного преподавательского творчества»,стораживает же растущая формализация и бюрократизация университетской жизни.

Такие оценки не будут полными без жёстких оценок двух респондентов «старшей» группы. Первая из них утверждает, что «университет превратился в бюрократический институт власти для манипуляции сознанием молодого поколения. Радует, что среди массы студентов есть те, с кем интересно работать, что позволяет с надеждой ходить на работу». В ответе другого «стораживает имитация смыслов университетского образования. Рейтинги, компетенции, баллы, которые успешно “пишутся”, но не подготовка профессиональных и научных кадров. В требовании к вузам зарабатывать деньги государство слишком уповает на частные фонды, благотворительность и меценатство. С другой стороны, деидеологизация обучения позволила расширить пространство исторического знания, в известной степени, совершить прорыв в целом ряде общественных и гуманитарных наук».

В этой амбивалентности «радует-стораживает» преобладает последнее. В ответах ясно звучит голос человека, любящего свою профессию, посвятившего себя подготовке профессиональных кадров. Все они говорят о снижении уровня знаний, качества университетского образования. Эта боль за современное состояние университета в пятом вопро-

се дополняется оценкой состояния и мнением о *назначении университета в наше время*. На вопрос отвечают скупое. Фактически представляется картина, на которой методом от противного звучит неприятие того, что происходит в современном университетском образовании. Вот две принципиальных позиции. Одна формулирует его назначение как стремление «сформировать компетенции при минимизации расходов, сделать преподавателя “бизнес-единицей”, другая ещё на что-то надеется: «университет должен стать храмом науки, где учились бы и работали только подвижники». В какой-то степени, в этих определениях обозначено направление эволюции университета к началу нового тысячелетия, пускай в крайней и мрачной форме. Другая группа ответов позитивнее, они принадлежат в большинстве к «младшей» группе и сводят назначение университета в настоящее время к подготовке профессионалов в условиях современных научных прорывов.

Такие наблюдения прямо говорят – что-то мы потеряли от прежнего университета, поэтому вопрос о *преемственности* университетской модели образования в разные эпохи истории страны логичен.

В качестве опорных точек зрения по нему приведу две, принадлежащие «младшему» и «старшему» поколениям и, как представляется, исчерпывающие. Первая утверждает, что «преемственность существует только в тех университетах, которые были основаны как университеты и не прерывали своей истории». Мнение из «старшего» поколения об императорских и советских университетах говорит о преемственности «в кадрах и традициях их работы». Между императорскими и перестроечными – в свободе высказываний и исследований. Между советскими и постсоветскими – в бюрократизации и росте бумаготворчества.

Исходя из этого, очевидно, следует говорить о роли традиции в широком смысле для признания университета состоявшимся. Прежде всего, это социокультурная традиция и преемственность, созданная поколениями *universitas*, запросами общества и времени. Интересна мысль, и с ней можно согласиться, о преемственности в кадрах и традиции императорских и советских университетов. Действительно, кадры ценили, за редким исключением, многое прощали, советская профессура чтит своих учителей и наставников, благодаря чему были сохранены и созданы новые школы и направления исторического поиска. Без объяснения, о преемственности между двумя первыми типами университетов говорит ещё один ответ «старшего поколения», его дополняет мнение из той же когорты респондентов о том, что наличие преемственности зависит от времени создания университета (речь, очевидно, о тех советских университетах, которые возникли, как прямые преемники императорских университетов). Имеется в виду культурная традиция. Три ответа из группы «старшего» поколения пессимистичны: преемственность или утрачена, или присутствует только в названии.

Респондент «младшей» группы отмечает деидеологизированность и свободу преподавания в перестроечных и постсоветских университетах.

Как представляется, в этих ответах отражена идея особого статуса университета как учреждения высшего образования, о нём знают, кто-то о нём догадывается, ощущает. Эти догадки в недлинном ряде ответов, смею утверждать, определяются некоей атмосферой университетского пространства, особым «духом» университета вместе с ощущением потери чего-то важного. Такая преемственность олицетворяется знаниями и культурными ценностями через общение со своими учителями и книги. Университет признаётся социокультурным явлением.

Шестой и седьмой вопросы предлагают респондентам объяснить *суть и причины нынешней ситуации в университетском образовании*. Ответы и рассудочны, и эмоциональны. Один из участников «младшей» группы считает, что «происходит естественный отбор, количество постепенно переходит в качество», он же – о причинах нынешнего состояния: «Ошибки в образовательной политике государства, кадровый дефицит» (насколько, в таком случае, правомерно признать естественный отбор и рост качества при дефиците кадров – В.З.). Интересен почти саркастический ответ – «идёт поиск «универсального» учёного на основе наукометрических критериев «качества образования»: педагога, учёного, менеджера, финансиста, при этом важна форма, но не содержание, что в корне неверно». В целом, в ответах есть ощущение хаоса. Говорится о «расширении уже существовавшего в советское время “зазеркалья”, или говоря современным языком, виртуального пространства», об отмирании большинства вузов и сохранении немногих, перенаправлении молодёжи к заводским и фабричным воротам. Звучат и апокалиптические оценки – «падение в пропасть, сплошные выживания», «торжество профессиональной безграмотности», «высшее образование в стране постепенно угасает», «ничего хорошего, формируется низкопробный выпускник, не умеющий думать, а, порой, плохо понимающий, что он выпускник университета», «университетское образование стало массовым и, как следствие, ниже уровнем». Два ответа «младших» респондентов говорят о реформе высшего образования, упоминается имплементация болонской системы образования.

Один ответ из среды «старшего» поколения весьма развёрнут. Он сводится к следующему. С одной стороны, на университеты возлагают не свойственные им задачи. Слепо копируя западную модель образования, университеты, прежде всего, должны стать научными центрами, что в России всегда возлагалось на институты Академии наук, а университеты несли на себе, прежде всего, образовательную функцию. Игнорирование интересов высшего образования в 90-е годы – начале нулевых создали ситуацию «всеобщего высшего образования». Интересы реального сектора хозяйства были забыты. Сейчас предпринимаются

лихорадочные усилия к тому, чтобы развернуть поток вчерашних школьников в технические, инженерные вузы. Для этого всё более сокращается финансирование гуманитарного образования. Помимо этого, выхолащиваются смыслы профессионального обучения, когда за стандартами и компетенциями забывается содержание обучения. Смысл научной работы видится не в проблеме исследования, а в каком журнале ты печатаешься. Чего-чего, а русский чиновник при поддержке другого чиновника всегда умел «писать» нужные цифры. К сожалению, авторы проводимых реформ так и не сказали честно, чего они добиваются, сводя всё к общим разговорам об эффективности и конкурентоспособности отечественных науки и образования.

В целом, по этому вопросу у сообщества нет какого-то определённого мнения, оно ощущает себя в подвешенном состоянии, перспективы весьма размыты, где-то звучат ноты безысходности, когда всё в руках чиновника, но не сообщества. Почти апокалиптически звучат и ответы о *причинах* такого положения. «Калька американской вузовской системы при гораздо меньших затратах, наши олигархи не желают тратиться на науку. Произошёл разрыв национальной традиции и практики в сфере образования», «американизация», коммерциализация и «приватизация» образования, «ошибки в образовательной политике государства», прежде всего, «всеобщее высшее образование», ошибки образовательной стратегии власти, бездумное подражание западным образцам в условиях глобализации общественных процессов. Упоминается и засилье формального, бюрократического подхода к проблемам образования, насаждение стандартов в живом обществе. Увеличение количества высших учебных заведений привело к снижению стартового уровня будущего студента. И наконец, очень жёстко: «Нежелание властей иметь образованное общество, отсюда вакханалия критериев эффективности университетов», «в общем состоянии страны», когда «очень многое делается «как бы». При всей необходимости реформирования системы подготовки научных кадров и научных прорывов игнорируются традиционные ценности высшей школы. В этих ответах и горечь, и нелепые оценки того состояния, которое наблюдает университетское сообщество, знающее немало достойных страниц в истории университетского образования страны.

Проанализированный блок вопросов представляет довольно точную картину состояния университетского сообщества. В ответах «миссия» университета или начинает умалеться («старшее» поколение), или довольно слабо прорисовывается у «младшего» поколения, сводящего её, в целом, к штампам официальных текстов. При своей дискретности и хаотичности она характеризуется одним существенным упущением: почти во всех ответах университет рассматривается скорее как функциональный феномен, но не социокультурный, человек в нём почти не

виден. Таково осознание университета заявленным сообществом к началу тысячелетия, соотнесение его с моделью университетского общества, пришедшего к нам из Западной Европы. Многие в этой модели утрачено. В глазах «старшего» поколения такой результат определяется содержанием времени. Отсутствие опыта, реалии времени, очевидно, объясняют «контурное» восприятие феномена университета «младшим» поколением. В целом же особенности формирования идентичности университетского сообщества в каждой из двух групп снижают полноту групповой идентификации, она расплывчата.

Насколько респонденты ощущают свою принадлежность к университетскому сообществу, обладают ли они *качествами, характерными для профессионального сообщества университетских преподавателей?* Участники опроса выделяют такие качества, как преданность науке, компетентность в своих дисциплинах и профессиональная этика. Этические нормы описываются как «определённая культура поведения», «следование академическим традициям». Что стоит за этими словами? «Терпимость к инакомыслию и суждениям других», «высокий интеллектуальный уровень, культ науки», «профессионально-педагогическая компетентность, интеллигентность», «свобода взглядов, идей», «независимость суждений», профессионализм в науке, «научная добросовестность», «творческие отношения со студентами при корректности и субординации», «научная этика профессионала», преданность любимому делу. Все эти черты составляют существенную часть университетского этоса. Однако самые чёткие границы принадлежности к научному профессиональному сообществу определяются «репутационной ответственностью», тождественной университетскому этосу³. «Репутационная ответственность» «в современных условиях подвержена как никогда сильнейшему воздействию. Здесь и стяжательство, и непрофессионализм, и подхалимство, интриганство. Увы, все эти понятия не только присутствуют в высшей школе, но, зачастую, даже не скрываются и выдвигаются в качестве достоинства (умеет жить). Соответственно, “университетская культура” [ещё один аналог университетского этоса] – всё, что свободно от этих “родимых пятен тучных лет” третьего тысячелетия. Привносимые новшества [негативные] почему-то не затрагивают этих фундаментальных проблем».

Предложенная категория «репутационная ответственность» имеет глубокое содержание. Тот же автор продолжает:

«Считаю уместно ограниченными людьми тех, кто “берёт с презрением двумя пальцами за уголок студенческие работы” и распинается об их бездарности. У каждого поколения свой “набор” навыков и умений. Мы чита-

³ Любимов 2012.

ли, они – нет, мы мечтали – у них с этим делом обстоит хуже, но они зачастую умеют делать то, что не дано освоить многим из нас. Конечно, всё это не означает, что среди студентов только одни открытые и скрытые таланты. Увы, хватает откровенных бездарей, ещё больше лентяев. Главное, необходимо разобраться, для чего нужно образование. <...> Гуманитарное образование необходимо нашей стране... прежде всего, чтобы разорвать порочный круг дикости в представлениях, бытового хамства, “пацанских” поступков по понятиям. <...> Потакание настроениям толпы в сегодняшней политике ставит, на мой взгляд, перед гуманитариями особые задачи сохранения гуманистического, толерантного, человеческого в наших студентах».

В жёстких формулировках респондент пишет о преподавателях, не принимающих миссию образования и сводящих своё пребывание в университетском сообществе к игре статусными амбициями. Тех, кого обременяют нормы университетского этикета, и которые никогда не будут «репутационно ответственными» преподавателями и учёными. О том же говорят и другие респонденты: «Профессиональное сообщество университетских преподавателей сегодня ничем не отличается от преподавателей других вузов» (ответ из «младшей группы»), «в реальности всё чаще ничем не отличается» (ответ из «старшей» группы).

К сожалению, университетский преподаватель утрачивает какие-то важные, отличительные качества носителя особой культуры. Как замечает В. Савчук, ссылаясь на Г.С. Кнабе, «те качества, которые определяли человека “идеального” университета, в советское время казались вынужденными, а в постсоветских условиях такое отклонение свободно избирается и потому предполагает уверенность в его, этого отклонения, естественности и целесообразности, а значит, и в несущественности интеллигентского кодекса, в его устарелости, несоответствии духу времени и т.д.»⁴. Преподаватель, сохраняющий верность принципам университетской культуры, смотрится, в лучшем случае, как большой оригинал.

После анализа тех качеств, которые отличают профессиональное сообщество, уместно поставить вопрос о самоидентификации преподавателя, насколько он соотносит себя с неким идеальным типом такого преподавателя. Считает ли преподаватель себя членом *отдельной корпорации, сообщества, исповедующим определённые профессиональные, этические принципы*. Девять из 14-ти опрошенных ответили «да». Научные профессиональные сообщества защищают себя с помощью жёстко проведённых границ, подразумевающих, в т.ч. систему своеобразного дисциплинарного отбора. Три ответа дают категорическое «нет» - «у нас давно всё утеряно», двое выразили сомнение. Ряд ответов «да» основаны на перечислении черт, формирующих такое сообщество. «Для университетских преподавателей достаточно давно сложилась

⁴ Савчук 2011. С. 250.

система профессиональных ценностей. Их сохранение принципиально важно на фоне определённого размывания классической университетской традиции при современных тенденциях развития образовательной среды». Слова, которые никак не претендуют на некую исключительность, но несут в себе совершенно определённый историко-культурный смысл. И ещё один ответ: «стараюсь придерживаться принципов университетского этоса» – признание существования сообщества, но и признание тех реалий «развития образовательной среды», о которых упомянуто выше, тех реалий, которые грубо меняют характер сообщества и мешают преподавателю сохранить собственное «Я».

Можно ли в этих условиях говорить *об университетской культуре*? В ответах нашей анкеты кто-то называет «университетскую культуру» историческим термином, феномена этой культуры сейчас не существует, кто-то считает всеобъемлющим понятием – от дресс-кода до образа мыслей. Она же – «специфический тип культуры, для которого характерен культ науки», «профессионализм», «достоинство, культ знаний, нравственность поступков во всём». Университетская культура воплощает в себе «научную честность, стремление отстаивать свои этические и научные принципы, заинтересованное внимание к творчеству коллег и студентов». Судя по контексту, под понятием «университетская культура» скорее подразумеваются «традиции», «тренд»⁵. И два критических мнения: «это целое включает в себя уважительное отношение к науке, научным исследованиям, качеству преподавания, к личности», но также и – «не чувствую её, вероятно, потому, что государство сводит работу преподавателя к службе», «университетская культура сейчас ничего не представляет, всё в прошлом». Отрадно, что в интерпретации этого понятия наблюдается сочетание профессиональных и человеческих качеств сообщества.

Сумело ли время дать профессиональному сообществу историков названного университета *какую-то традицию*, которая стала бы некоторой «фирменной чертой» изучаемого сообщества? Ответ на этот вопрос скорее утвердительный, во всяком случае, так считает восемь респондентов. Есть сомневающиеся: «не уверен», «традиции есть, но они далеки от научной традиции», «о “культурной традиции” лучше помолчим, «культурной нет, научная – очень слабо», «да, во всяком случае, была». В качестве так или иначе сложившейся традиции называют, прежде всего, существующий потенциал научных исследований, респонденты повседневно активно его реализуют. В двух ответах говорится о «научной традиции», «о тенденциях формирования научных школ». В одном ответе утверждается, что на факультете «сложились определённые культурные и научные традиции. Но есть отличия в со-

⁵ Ср.: Гагина, Гребёнкина 2015. С. 272.

стоянии дел в 1990-е годы и сейчас. Факультет меняется». К сожалению, респондент, он из «младшей» группы, не конкретизировал данное наблюдение. Наконец, ещё одно признание с учётом деструктивных процессов времени: «Несомненно, на факультете сложились научные и культурные традиции, которые надо всячески оберегать от внешних неблагоприятных воздействий. Подтверждение – неформальное, никем не инициируемое неприятие преподавательского хамства в отношении студентов, лизоблудства, стяжательства». Интересное наблюдение, которое отражает, возможно, не традицию, но одну из характерных черт преподавательского кодекса сообщества на факультете⁶.

В ответах на данный вопрос, несомненно, в самых общих чертах признаётся утрата некоей культурной традиции университетского сообщества, считая таковой и научную. Она представляется, прежде всего, в виде научной школы, но в реальности об этом говорить не приходится. И культурная, и научная традиции пока только ощущаются, но представление об их характере звучит достаточно определённно.

Существование традиции невозможно без корпоративного мышления, естественен вопрос, *что способствует ощущению университетской общности?* С перечисленными в соответствующем вопросе обстоятельствами подавляющее большинство респондентов соглашались, некоторые добавляют неформальное общение – не только в застолье, но во время конференций, в перерывах между занятиями. Ряд респондентов указывает, что прикладные и научные семинары преподавателей, совместные проекты кафедр должны обязательно проводиться с участием студентов, с заботой о смене. Два ответа отличаются от всех остальных: это «корпоративизм, характерный для западных университетов» и «высокая нравственность и профессионализм». Опять речь идёт о «духе» университета, университетской культуре. Почти во

⁶ Впрочем, столь строгая оценка одного из респондентов, как и некоторые другие, не исключено, объясняется феноменом «воображаемого сообщества». Воображаемым сообществом является «к примеру, профессорско-преподавательский коллектив крупного университета, и, добавим, анализируемое сообщество преподавателей-историков». – Савчук 2011. С. 233. По мнению Г.С. Кнабе, это выражение, используемое «для обозначения материальных и духовных форм культуры, призванных восстановить распавшуюся связь с прошлым ради придания весомости и престижа традициям и воссоздания ощущения идентификации – уже утраченного и еще востребованного», можно понимать не только как “воображаемые сообщества”, но и как “придуманные традиции”. Кнабе полагал, что современные воображаемые сообщества «воплощают придуманную, условную и искусственную форму идентификации», и, «разворачиваясь на фоне постмодернистской дискредитации всяких традиций и всякой идентификации, они приобретают игровой характер, еще более подчеркивая утрату допостмодернистских форм и ощущений исторической жизни, и одновременно искреннюю и элегическую, но и карнавальную потребность снова и снова пережить их». – Кнабе 2006. С. 262, 266.

всех вариантах ответов на вопросы этого блока некое подсознательное стремление к обладанию этой культурой, культурой корпорации, когда в стремлении к идентичности полного рационализма быть не может⁷.

Совместные проекты кафедр, прикладные и теоретические исследования, конференции, научные чтения преследуют, прежде всего, профессиональные цели. Однако в условиях упадка профессионализма уместен вопрос – на какой теоретической и историко-культурной основе? Каков фундамент формирования этих форм и видов научного поиска? *Какими знаниями студент должен обладать*, прикладными или теоретическими? Более половины ответов говорит о необходимости основ методологического знания, современного исторического знания. Речь идёт об интегрированных междисциплинарных курсах, курсах, формирующих навыки научно-исследовательской работы, базовых знаний по истории и смежным гуманитарным наукам. Последние включают знание истории литературы и искусства, курсы по истории культуры, социологию, политологию, культурологию, социальную психологию, историографию. Часть респондентов предлагает дисциплины прикладного характера, в т.ч. источниковедение, «языки (хотя бы латынь)», всё, что необходимо для «ремесла историка». Все дисциплины, «которые позволяют студентам самостоятельно излагать своё видение тех или иных проблем»; при этом, настаивает один из ответов, обязательно прибегать к письменным формам изложения (рефлексия по поводу утраты студентами речевой культуры – В.З.). Доминирование дисциплин, связанных со смежными гуманитарными науками, как представляется, и это отрадно, коррелируется с ясным запросом, прежде всего, научной составляющей университетского пространства как отличительной чертой университетского сообщества.

Исследуемое сообщество редко *считает университет* своим домом (два случая). Для шести респондентов это «сообщество профессионалов», для четырёх – храм науки, научная лаборатория. Один ответ уточняет: «по сути, университет – храм науки, в реальности – пространство для реализации своего профессионализма». В трех случаях оценочные суждения рассматривают университет как государственное учреждение, один из них уточняет – «бюрократическое <...> с видимостью демократии». И опять же, на первое место выходит представление о корпорации профессионалов, предощущение «духа корпорации», но здесь же и «атомизация». Различия представлений существенны, но в целом, восприятие университета прагматично (скорее, как функции).

Информация, извлечённая из данных опроса, выражает ощущение растерянности и разочарования сегодняшним уровнем запроса общества к гуманитарному образованию. Ценностные и смысловые его ха-

⁷ Николаева 2014. С. 117.

рактические подвержены коррозии и деформациям. Многие участники опроса со своей практикой, опытом преподавания, со своими представлениями об особой природе университета, трепетными и уважительными, оказались в *другом* университете. Далеко не все готовы принять эти перемены⁸. Потери высшего образования, очевидно, определили и низкие оценки университетского пространства сегодняшними магистрантами. В целом же, в ответах превалирует соотношение университета с наукой, качественным образованием, присутствием некоего «духа» университета. В то же время имеется чувство утраты чего-то важного, существенного. В таких ответах присутствует понимание «особой» миссии университета в обществе. Традиционная для нашего общества высокая оценка университетского образования базируется на ценности качественного научного знания. Значительно меньше говорится о влиянии университетского сообщества на формирование личности студента, выпускника. Формирует же личность приобщение к настоящей науке, о чём говорится в ответах.

К сожалению, университетский преподаватель утрачивает какие-то важные, отличительные качества носителя особой культуры. «Стараюсь придерживаться принципов университетского этоса» – признание существования сообщества, но и тех реалий «развития образовательной среды», о которых упомянуто выше, тех, что грубо меняют характер сообщества. В ответах на данный вопрос, несомненно, в самых общих чертах признаётся утрата некоей культурной традиции университетского сообщества, при имеющейся научной традиции, без чего не существует университетского человека⁹. Последняя представляется, правда, в смутном образе научной школы, хотя до реализации этой тенденции далеко. Обе традиции пока только ощущаются, хотя стремление утвердить их звучит достаточно определённо. Доминирование дисциплин, связанных со смежными гуманитарными науками, как представляется, и это отраднo, коррелируется с ясным запросом научной составляющей университетского пространства как отличительной чертой университетского сообщества. И всё же представление о корпорации профессионалов, предощущение «духа корпорации» уступает прагматичному восприятию университета как функции. К этому добавим, что беседы с магистрантами свидетельствуют о практическом отсутствии у них чувства принадлежности к университетской общности, ощущение статуса университетской модели образования.

Формирование идентичности искомого университетского сообщества идёт непросто. Традиции университетского образования и формирования преподавательского корпуса сочетаются с наследием педаго-

⁸ См.: Гатина, Гребёнкина 2015. С. 278.

⁹ См.: Иванова, Мягков 2016. С. 385.

гического вуза при отсутствии исторической памяти его носителей и малом опыте существования в пространстве университетского статуса. Такие характеристики процесса обретения университетской идентичности накладываются на деформирующие процессы времени перемен. Эти два обстоятельства и определяют в первую очередь содержание и характер, возможности и результаты становления и развития сообщества преподавателей, подобных лучшим университетским образцам.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гатина С., Гребёнкина Д.М. Личные воспоминания о постсоветских университетах и архив профессорской идентичности // Диалог со временем. 2015. № 51. С. 261-286.
- Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Юбилейные даты как стимул развития «универсологии» // Диалог со временем. 2016. № 52. С. 384-389.
- Кнабе Г.С. Жажда тождества: Культурно-антропологическая идентификация вчера, сегодня и завтра // Кнабе Г. С. Древо познания и древо жизни. М.: РГГУ, 2006. С. 219-271.
- Любимов Л. Восстановление университетского этоса // Известия. 27 июня 2012.
- Николаева И.Ю. Идентичность // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 115-119.
- Савчук В.С. Анатолий Москаленко и др. Личные воспоминания историка как источник по проблеме групповой идентификации // Диалог со временем. 2011. № 37. С. 223-254.
- Уваров П.Ю. Университеты империи глазами медиевиста (в защиту идола истоков) // Диалог со временем. 2001. № 7. С. 207-223.
- Уваров П.Ю. Университет // Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. М.: РОССПЭН, 2007. С. 544-552.

REFERENCES

- Gatina S., Grebyonkina D.M. Lichnye vospominanya o postsovetkikh universitetakh i arkhiv professorskoy identichnosti // Dialog so vremenem. 2015. № 51. S. 261-268.
- Ivanova T.N., Myagkov G.P. Yubileynye dati kak stimul razvitiya «universologii» // Dialog so vremenem. 2016. № 52. S. 384-389.
- Knabe G.S. Zhazhda tozhdestva: Kulturno-antropologicheskaya identifikatsiya vchera, segodnya i zavtra // Knabe G.S. Drevo poznaniya i drevo zhizni. M., RGGU, 2006. S. 219-271.
- Lubimov L. Vosstanovlenie universitetskogo aetosa // Izvestia. 27 iunya 2012.
- Nikolaeva I.Yu. Identichnost // Teoria i metodologia istoricheskoy nauki. Terminologicheskii slovar / Otv. red. A.O. Chubaryan. M.: Akvilon, 2014. S. 115-119.
- Savchuk V.S. Anatoliy Moskalenko i drugie. Lichnie vospominaniya istorika kak istochnik po probleme gruppovoy identifikatsii // Dialog so vremenem. 2011. № 37. S. 223-254.
- Uvarov P.Yu. Universiteti imperii glazami medievista (v zaschitu idola istokov) // Dialog so vremenem. 2001. № 7. S. 207-223.
- Uvarov P.Yu. Universitet // Slovar srednekovoy kulturi / Pod obsch. red. A.Ya. Gurevicha. M.: ROSSPEN, 2007. S. 544-552.

Золотов Всеволод Иванович, доктор исторических наук, профессор Брянского государственного университета; viz.volic@yandex.ru

Finding identity in the time of transition

The article presents a study of identification and self-identification within the academic community of history faculty teachers. On the basis of interviews conducted the author analyzes notions on purpose and functions in a contemporary provincial university. The study reveals diverse degrees of identity, which is defined by different teachers' generations. The author identified circumstances that distorted the image of commonly accepted model of university education.

Keywords: self-identification, university status, university culture, identity, generations
Vsevolod Zolotov, Dr.Sc. (History), Professor, Bryansk State University; viz.volic@yandex.ru

В МИРЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ

М. Б. БЕССУДНОВА

УСТАВ НЕМЕЦКОГО ОРДЕНА И ПОПЫТКА ЕГО РЕДАКТИРОВАНИЯ В XV ВЕКЕ РЕФОРМА ВЕРХОВНОГО МАГИСТРА ГАНСА ФОН ТИФЕНА¹

Создание новой редакции устава Немецкого ордена, инициированное в 1492 г. верховным магистром Гансом фон Тифеном, явилось попыткой сохранить орденское государство с присущими ему коллегиальным правлением и корпоративной собственностью. Крестоносная парадигма и приверженность старинным уставным требованиям, присутствующие в программе Тифена, не могут восприниматься как доказательства ее анахроничности и отсутствия политической взвешенности, поскольку сохранение за орденом статуса государя достигалось неизбежностью папских и императорских привилегий, пожалованных ему в эпоху крестовых походов. Устав содержал определенный поведенческий код, который служил ордену доказательством сохранения его изначальной, крестоносной природы. Однако старинные нормы «благочестия» и «послушания» стали восприниматься как залог добросовестного исполнения рыцарями их административных функций, а их «бедность» гарантией сохранения орденом его собственности.

Ключевые слова: *устав Немецкого ордена, орденское государство, Ганс фон Тифен*

Судьба Немецкого (Тевтонского) ордена, одного из самых крупных духовно-рыцарских орденов средневековой Европы, неразрывно связана с историей орденских государств (*Ordensstaaten*) Пруссии и Ливонии, представлявших оригинальный тип средневековой государственности – с орденом в роли «земского правителя» (ландсгерра), специфической административной и военной организацией, корпоративной земельной собственностью, централизованной системой хозяйствования и весьма выразительной идеологической составляющей.

При всем интересе к истории трех подразделений Немецкого ордена (прусского, ливонского и имперского) в современной историографии², многое еще нуждается в изучении. Так, широкий спектр проблем связан с выявлением характера и динамики развития правовой базы орденских государств и ордена как корпорации. Здесь особо значима «Книга ордена» (*unsers ordens buch*), именуемая обычно уставом. В 1199 г. папа Иннокентий III, годом ранее санкционировавший превращение Немецкого госпиталья в духовно-рыцарский орден, пожаловал ему устав ордена тамплиеров, а Иннокентий IV в 1244 г. разрешил ге-

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 17-01-500098.

² Wippermann 1979; Biskup 1982; Benninghoven 1993-1994; Biskup 1995; Gonzarow, Mauzowa 2006; Arnold 2007; Huben 2009.

неральному капитулу вносить в него изменения и тем самым адаптировать к условиям пребывания братства за пределами Святой Земли³. Древнейшая рукопись устава датируется 1264 г. В нее входит Пролог с краткой историей создания ордена и собственно устав с перечнем принятых в нем поведенческих норм, представленных в «Законах», «Обычаях», правилах внутреннего распорядка, установлениях, касающихся управления орденом, литургических и церемониальных предписаниях⁴. В XIV – первой половине XV в. в устав были включены постановления (законы) верховных магистров Вернера фон Орзельна (1324–1330), Лутера Брауншвейгского (1331–1335), Винриха фон Книппроде (1351–1382), Конрада фон Юнгингена (1393–1407) и Пауля фон Рудорфа (1422–1441)⁵, а затем, в 1442 г., верховный магистр Конрад фон Эрлихсхаузен (1441–1449) утвердил его окончательную редакцию.

Положения устава Немецкого ордена долгое время воспринимались исследователями как «воплощение принципа ордена, которому были приданы государственные функции»⁶, а потому были востребованы для изучения административно-правовых структур орденских государств Пруссии и Ливонии⁷. Х. Бокман, указавший на широкие перспективы изучения орденского устава, вместе с тем не был склонен видеть в нем «нечто вроде орденской конституции»⁸. И действительно, устав Немецкого ордена оказался, к примеру, весьма полезен для исследования ментальной составляющей жизни рыцарского братства⁹ и реформаторской деятельности верховных магистров XIV–XV вв. как попытки сохранить в ордене дух христианского служения и братского единения, что должно было содействовать преодолению пагубных последствий социального расслоения рыцарской среды, проявлявшегося все отчетливее по мере превращения ордена в «госпиталь для бедного немецкого дворянства»¹⁰. Часть исследователей рассматривает орденские реформы XIV–XV вв. сквозь призму межгосударственных и внутриполитических конфликтов, в центре которых оказалась Орденская Пруссия. Переход правителей Великого княжества Литовского в католичество в конце XIV в. положил конец идее подвижничества во имя

³ Tabulae Ordinis Theutonici. 1869. № 297; 470.

⁴ Perlbach 1969.

⁵ Perlbach 1969. S. 134–158.

⁶ Maschke 1963.

⁷ Thielen 1965; Volgger 1985; Jähnig 1991; Boockmann 1995; Weiß 1999; Nowak 1999; 2001; Militzer 1999; Игошина 1999; Dygo 2001; Biskup 2001; Jähnig 2002; Jähnig B. 2003; Militzer 2005; Heckmann 2007.

⁸ Boockmann 1982; 1995. S. 11. См. также: Бокман 2004.

⁹ Volgger 1985; Dygo 1990; Hucker 1993; Wiechert 1993; Dygo 1993; Kwiatkowski 1995; 1998; Sarnowsky 1998; Czaja 2005.

¹⁰ Hellmann 1960. S. 136–137; Maschke 1970. S. 35–59; Biskup 1986.

христианизации язычников или «миссии», которая предуготовила появление Немецкого ордена на берегах Балтики в XIII в., вслед за чем идея реформирования ордена, доселе сугубо внутрикорпоративная, оказалась востребованной противниками ордена. В 1397 г. король Венгрии и будущий император Сигизмунд Люксембургский (1387–1437; император с 1410) предложил передислоцировать орден на Дунай для противостояния врагам католической церкви и защиты христиан от натиска турок, а после поражения ордена в Грюнвальдской битве (1410) этот проект оказался в фокусе внимания польско-литовских государей. На Констанцском соборе (1414–1418) на Немецкий орден обрушился шквальный огонь критики, сопровождавшийся обвинениями в политической несостоятельности, нарушении уставных требований, порочности и т.п.¹¹ Те же идеи питали оппозиционный настрой прусских «сословий», поднявшихся на борьбу с орденом-ландсгерром¹². Провозглашаемая ими программа реформирования ордена не предусматривала ни модификации орденских структур, ни пересмотра уставных норм, ни совершенствования административной системы, но единственно ослабление ордена и ликвидацию орденского государства.

Усиление внутриорденских противоречий, равно как и нарастание ударной мощи внешней критики, побуждало руководство Немецкого ордена вплотную заняться разработкой программы реформ, в рамках которых основное внимание уделялось уставу. В 1422 г. верховный магистр Пауль фон Русдорф внес в него ряд дополнительных пунктов, касающихся укрепления дисциплины братьев-рыцарей и внутренней субординации¹³. Его преемник Конрад фон Эрлихсхаузен опубликовал в 1442 г. новую редакцию устава¹⁴, которая содержала все ту же архаичную, выработанную еще в XIII в., идеолого-правовую модель. Столь явная предрасположенность к консервации старинного порядка, которая прослеживается в законотворческой деятельности верховных магистров XIV–XV вв.¹⁵, долгое время питала сомнения историков относительно перспектив развития Немецкого ордена и созданной им формы государственности. О вырождении Немецкого ордена, закономерности и целесообразности его секуляризации писал еще Леопольд фон Ранке¹⁶, после чего в кругу исследователей стало нормой говорить о необратимости деструктивных процессов, имевших место внутри орденских

¹¹Boockmann 1989; Kwiatkowski 2000; Sieradzan 2012.

¹²Burgleigh 1984; Neitmann 1992; Sarnowsky 2000.

¹³Lückerath 1969. S. 122-128.

¹⁴Murawski 1953. S. 38-43.

¹⁵Подробнее см.: Arnold 1989. S. 149-151.

¹⁶«Для институций, подобных ордену в Пруссии, места в мире более не существовало» (Ranke 1874. Bd. 1. S. 125-126).

государств в преддверии Нового времени, и об очевидной бесперспективности их дальнейшего существования¹⁷. Правда, в последние годы этот историографический штамп перестал быть непререкаемым. Бокман, в частности, допускал возможность преодоления орденом кризисной ситуации, явившейся следствием разгрома при Грюнвальде¹⁸; его позицию поддержал К. Милитцер, заметивший, что даже в той критической ситуации «крушение господства [Немецкого ордена – М.Б.] не было предначертано»¹⁹. Его не уничтожила даже Реформация. Современные исследования показывают, что секуляризация ордена в Пруссии (1525) явилась результатом ряда сугубо местных обстоятельств и не предполагала его крушения в империи и Ливонии²⁰. Стоит заметить, что в момент исчезновения Орденской Пруссии протестантская публицистика в Ливонии муссировала идею о передаче всей полноты светской власти ордену²¹. Представления об исторической несостоятельности ливонского подразделения Немецкого ордена мы черпаем, главным образом, из ливонского нарратива второй половины XVI в., чье содержание пропитано протестантским морализаторством и горьким осознанием потери Ливонией своей независимости²². Реальная же картина положения дел в Ливонском ордене накануне Ливонской войны ныне не вполне ясна; воссоздать ее поможет орденская документация, внушительная по своим объемам и мало востребованная российскими исследователями, и пока эта работа не проделана, секуляризацию Ливонского ордена в 1562 г. должно воспринимать как результат жесткого внешнего воздействия. К этому выводу подводит и судьба Немецкого ордена в Священной Римской империи, инкорпорированного в ее политическую структуру, который благополучно пережил катаклизмы новой эпохи и в настоящее время продолжает существовать в качестве общественной, религиозно-благотворительной, организации.

Говоря о перспективах развития Немецкого ордена в Новое время, надо отдавать себе отчет в том, что мы имеем дело не просто со средневековой корпорацией, которая, подобно средневековым ремесленным цехам и купеческим гильдиям, пережила свой век и исчезла с подмостков Истории с наступлением Нового времени, а с «институцией, имевшей присутствие во всей Европе, включая Средиземноморье»²³, кото-

¹⁷ Maschke 1935. S. 111-115; Tumler 1955. S. 549-559; Hubatsch 1958; Hofmann 1965; Górski 1986. S. 25; Biskup 1986. S. 9-13; Zimmerling 1990; Biskup, Labuda 2000. S. 537-541.

¹⁸ Boockmann 1997. S. 24.

¹⁹ Militzer 2005. S. 152.

²⁰ Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach...2008. S. 286-291.

²¹ Kreem 2005. S. 49-50.

²² Freicherr von Taube 1986.

²³ Arnold 1992. S. 6.

рая не только содействовала успеху немецкой экспансии в Пруссии и Ливонии, но и способствовала их административно-хозяйственному освоению, сформировала оригинальную форму государственности и длительное время обеспечивала ее функционирование. В XIV в. во владениях Немецкого ордена возникла уникальная система хозяйствования, основу которой составляло рентабельное зерновое производство²⁴ и участие в международной торговле²⁵. Орденское государство располагало централизованной системой управления и «во многих отношениях <...> было современной и эффективней, чем большинство других немецких княжеств, где князья опирались на традиционное право власти»²⁶; братья-рыцари являлись опытными администраторами, чьи жизненные перспективы напрямую зависели от динамики их продвижения по службе²⁷. Что же касается военной системы Немецкого ордена, то ее признают «самой эффективной системой Средневековья»²⁸. Последовательная концентрация власти в руках верховных и краевых магистров в XV – первой половине XVI в.²⁹ дополняет историю становления «княжеского» абсолютизма в Священной Римской империи; в то же время власть ордена не исключала существование сословного представительства. Конфронтация ордена-ландсгерра с дворянством и городами, которое наблюдалось в Пруссии XV в., не может считаться закономерностью, поскольку история ливонского ландтага демонстрирует их довольно тесное, хоть и не лишнее трений сотрудничество³⁰.

Вопрос о возможности сохранения орденских государств в Новое время остается открытым. Одна из ключевых проблем – природа консерватизма реформаторской деятельности верховных магистров XV в. и ее целевая направленность. К услугам исследователей – обширная документация Немецкого ордена из Тайного государственного архива прусского культурного наследия (Geheimes Staatsarchiv preußischer Kulturbesitz, GStA PK) в Берлине³¹, в частности, коллекция орденских грамот (ОВА), среди которых – комплекс, касающийся обстоятельств созыва и хода работы капитула, созданного верховным магистром Гансом (Иоганном) фон Тифеном (1489–1497) в 1492 г.

Согласно «Законам» Немецкого ордена, генеральный или великий капитул, в котором были представлены высшие орденские чины всех трех его подразделений, надлежало собирать ежегодно для решения

²⁴ Samsonowicz 1989. S. 107; Samowsky 1993; Dygo 2001; Arnold 2007.

²⁵ Kreem 2003. S. 93-112.

²⁶ Игошина 1999. С. 119.

²⁷ Boockmann 1982. S. 181-196; Państwo zakonu krzyżackiego... S. 53-233.

²⁸ Benninghoven 1976.

²⁹ Boockmann 1982. 181-220.

³⁰ Czaja 2009. S. 312-328.

³¹ Подробнее об архиве см.: Forstreuter 1955; Köppen 1967.

важнейших административных вопросов, включая утверждение новых законов³². С 1470-х гг. генеральный капитул перестал созываться, и звучавший в 1490-х гг. призыв верховного магистра Тифена собрать его для утверждения программы реформ явился, в сущности, последней попыткой сохранить в Пруссии орденское государство с присущими ему управленческими структурами. Очерк об этом историческом эпизоде в первой половине XIX в. представил И. Фойгт³³, после чего тема лишь изредка затрагивалась в исторической литературе³⁴. В 1970-х гг. социальный подтекст предложенной капитулу программы проанализировал Л. Дралле, который отметил стремление верховных магистров Мартина Трухзеса фон Ветцхаузена (1477–1489) и Ганс фон Тифена укрепить корпоративные структуры посредством консервации архаичных форм орденского распорядка, что противоречило интересам большинства рыцарской братии³⁵, но был далек от выявления природы подобного рутинерства и его политической целесообразности.

После поражения Немецкого ордена в Тринадцатилетней войне 1454–1466 гг., потери Поморья и признания вассальной зависимости от польской Короны обособленность его имперского и ливонского подразделений продолжала возрастать³⁶. В 1470 г. верховный магистр в последний раз воспользовался своим правом избрания главы Ливонского ордена, после чего эта прерогатива окончательно перешла к ливонским орденским чинам (гебитигерам)³⁷. Генеральный капитул ордена фактически перестал созываться³⁸; постепенно изживали себя «визитации», инспекционные поездки эмиссаров верховных магистров, регулярно производившиеся с целью сбора сведений о личном составе и материальном обеспечении периферийных конвентов³⁹. Расчленение Пруссии нарушило хозяйственный комплекс орденского государства, что породило множество негативных последствий и среди прочего резкое сокращение доходов от домениального хозяйства, бюджетный дефицит, приватизацию орденских земель, финансовую зависимость от внешних инстанций, хозяйственно-административное обособление орденских округов (гебитов) и перерождение гебитигеров, прибиравших к рукам орденскую собственность и постепенно смыкавшихся с прус-

³² Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach... 2008. S. 129-131.

³³ Voigt 1839. Bd. 9. S. 173-187.

³⁴ Die Hochmeister des Deutschen Ordens... S. 153-155; Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach... S. 416-417.

³⁵ Dralle 1975. S. 128.

³⁶ Biskup 1995. S. 10; Militzer 1995. S. 157-159.

³⁷ Arnold 1985. S. 28-30.

³⁸ С начала XV в. функции генерального капитула постепенно стали переходить к совету высших гебитигеров при верховном магистре (Murawski 1953. S. 17).

³⁹ Arbusow 1903. S. 181-183.

ским дворянством⁴⁰. Великий князь Литовский и король Польши Казимир IV Ягеллончик (1440–1492; польский король с 1447 г.) использовал орден для обороны юго-восточных рубежей своих владений, и верховные магистры вынуждены были нести значительные расходы в связи с организацией антитурецких кампаний⁴¹. Восстановить независимость орден не мог – неудачи его вооруженных конфликтов с Польшей в 1470–1480-х гг. тому свидетельства⁴², но польский государь не упускал возможности ослабить его еще больше, используя, в частности, вопрос о правомочности ордена пользоваться своими привилегиями⁴³.

Пруссия продолжала оставаться «идеологическим центром притяжения», которым стала после перемещения туда штаб-квартиры Немецкого ордена в 1309 г.⁴⁴, поэтому проблема реформирования прусского подразделения представлялась руководству ордена насущной необходимостью. В 1488 г. Мартин Трухзес фон Ветцхаузен осуществил «визитацию» ливонских конвентов, а годом позже представил прусскому капитулу проект реформ, в котором основной упор делался на сохранении орденской собственности⁴⁵. Эти начинания были продолжены его преемником Гансом фон Тифеном, последним братом-рыцарем на посту верховного магистра Немецкого ордена⁴⁶.

Сразу же после вступления в должность в 1489 г. Тифен заявил о намерении созвать генеральный капитул, который должен был придать юридическую силу проекту реформ его предшественника⁴⁷. Имперский и ливонский магистры особого интереса к тому не проявили, вследствие чего созыв капитула постоянно откладывался⁴⁸. 23 апреля 1492 г. он был все-таки созван в замке Кёнигсберга, но на нем были представ-

⁴⁰ Voigt 1839. Bd. 9. S. 152-154, 222-226; Dralle 1975. S. 9-34; Boockmann 1992. S. 223-225; Biskup, Labuda 2000. S. 480-494; Urban 2002. P. 416-418; Samowsky 2007. S. 89-102. Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach... S. 332-356

⁴¹ Voigt 1839. Bd. 9. S. 173-187.

⁴² Biskup, Labuda 2000. S. 495-499.

⁴³ Potkowski 1994; Thumser 2000; Бессуднова 2010.

⁴⁴ Arnold 1996, S. 71.

⁴⁵ Biskup 1984; Dralle 1975. S. 128-131.

⁴⁶ Бессуднова 2007.

⁴⁷ О намерении верховного магистра созвать генеральный капитул упоминается в письме штабгальтера имперского отделения Немецкого ордена от 26 ноября 1489 г. (GStA PK, HA XX, OBA, № 17507).

⁴⁸ 9 апреля 1491 г. ливонский магистр извинялся за то, что из-за войны с Ригой и ожидавшейся интервенции со стороны шведов не может прибыть на капитул, назначенный на Троицу (GStA PK, HA XX, OBA, № 17600). В начале марта 1492 г. он опять заявил о невозможности прибыть на генеральный капитул, ссылаясь на ухудшение отношений с Московским государством и вероятность войны (GStA PK, HA XX, OBA, № 17684). 9 апреля 1492 г. Тифен написал ливонскому магистру, что учел его положение и вновь перенес срок созыва генерального капитула (Index corporis historico-diplomaticus... 1835. № 2301).

лены гебитигеры и амтманы из одной лишь Пруссии. На первом заседании был зачитан проект изменения орденского устава (*ein mögliche reformacion*), разработанный Тифеном во исполнение воли его предшественника⁴⁹. Он полагал, что реализация этого проекта позволит ордену избавиться от «неприглядного состояния и отклонений», проистекавших из-за несоблюдения рыцарями ордена положений устава. «Если же мы не одумаемся, – говорится в обращении верховного магистра, – то надлежит в большей мере страшиться распростертой над нами длани Господней, ибо орден не сможет долго просуществовать без принципов самостоятельности, послушания, целомудрия и общей собственности, записанных в книге нашего ордена [уставе – М.Б.]»⁵⁰.

Еще до созыва капитула верховный магистр не раз поднимал вопрос о «греховности» рыцарского братства в своей переписке. Выражая настроение рыцарей старшего поколения, которые «достоверно знают правила, законы и весь кодекс», в своем письме к имперскому магистру Андреусу фон Грумбаху он сетовал на то, что большинство их собратьев, «хоть и находятся в расцвете сил, <...> не заботятся больше об исполнении устава, пренебрегают службой Господу, носят неположенное платье; также и в других важных делах можно видеть пренебрежение уставом и непочтение к законам», из-за чего «все возрастающее число молодых братьев больше не могут перенимать Святое Писание и примеров *благочестия и исполнения своего долга*»⁵¹.

Здесь уместно вспомнить замечание Х. Бокмана о том, что в Пруссии «ландсгерр и орден не были идентичны»⁵². Говоря об ордене, Тифен имел в виду далеко не всех его членов, а лишь занимавших административные посты и представлявших власть ордена как коллективного ландсгерра. На заседании капитула верховный магистр обращался к «достойным господам гебитигерам, фогтам, пфлегерам и амтманам из всех конвентов», и его программа была ориентирована исключительно на них. Всех прочих членов ордена верховный магистр воспринимал как лиц, полностью зависимых от начальства, которое должно было следить, «чтобы нужды братьев удовлетворялись вовремя и добросовестно, чтобы братья день и ночь могли бы прилежно исполнять службу Господу»⁵³, обеспечивать их пищей и одеждой, предоставлять врачебную помощь, организовывать богослужение, наблюдать за их поведением и соблюдением ими устава⁵⁴.

⁴⁹ GStA PK, HA XX, OBA, № 17690, l. 1-5. Публ.: Biskup 1999.

⁵⁰ GStA PK, HA XX, OBA, № 17690, l. 1 r.

⁵¹ Цит. по: Voigt 1839. Bd. 9. S. 185.

⁵² Woockmann 1982. S. 183.

⁵³ GStA PK, HA XX, OBA, № 17690, l. 3.

⁵⁴ GStA PK, HA XX, OBA, № 17690, l. 2 r.; l. 3.

Лейтмотив программы Тифена – мысль о необходимости строгого соблюдения членами ордена обетов послушания, целомудрия, бедности и прочих проявлений монашеской аскезы (безмолвие, молитвы, посты, ограничение общения с мирянами и др. – всего 14 пунктов), позаимствованных из законов Конрада фон Эрлихсхаузена 1442 г.⁵⁵ Подобная реанимация старинных поведенческих норм обычно интерпретируется в духе представлений о «банкротстве» Немецкого ордена как духовно-рыцарской корпорации⁵⁶, хотя адресность послышки позволяет несколько изменить угол зрения и увидеть ее рациональную подоснову. Намеание Тифена восстановить в ордене древнее благочестие не предполагало его отождествления с *nova militia* Бернара Клервоского, в среде которой монашеская аскеза воспринималась как источник великой духовной силы, необходимой для свершения воинских подвигов и принятия мученичества на «пути Господнем»⁵⁷. В программе Тифена нет ничего, что напоминает о священной обязанности братьев-рыцарей с оружием в руках бороться с врагами христианской веры и Церкви, равно как и о военной функции ордена в целом, что неудивительно, поскольку в XV в. военная служба в Немецком ордене окончательно стала уделом наемников⁵⁸. О восстановлении дуальной, воинской и монашеской, природы, идентифицирующей членов духовно-рыцарских орденов периода их расцвета (*monachi virtutibus, milites actibus*)⁵⁹, речь не велась, ибо суть реформаторской мысли образца 1492 г. определялась восприятием брата-рыцаря исключительно как администратора.

В процессе формирования орденов в Пруссии и Ливонии в Немецком орденом возникло и утвердилось представление о некоей присущей ему потенции, которую надлежало реализовать в сфере государственного управления во имя общего блага⁶⁰. Вместе с тем братьев-рыцарей аристократического происхождения, сообщавшего государю способность властвовать, в Немецком орденом было крайне мало, и основная их масса происходила из семей министерялов и мелкопоместного рыцарства, что наряду с отсутствием врожденного аристократизма предопределяло в целом их невысокий культурный и образовательный уровень⁶¹. Что же касается их религиозности (*Religiosität*) или духовности (*Spiritualität*), то она, по мнению исследователей, характеризовала их как «полу-духовенство» (*Semireligiosen*) – скорее мирян,

⁵⁵ GStA PK, HA XX, OBA, № 17690, l. 1 r.

⁵⁶ Dralle 1975. S. 132.

⁵⁷ Elm 1993. S. 12-18.

⁵⁸ Biskup 1991.

⁵⁹ Elm 1993. S. 19. См. также: Sarnowsky 1998; Czaja 2005. S. 7-21.

⁶⁰ Dygo 1993. S. 165-176; Kwiatkowski 1995; 1998; Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach... S. 357-369.

⁶¹ Militzer 1991.

нежели лиц духовного звания⁶². Претензии ордена на обладание сеньориальной и государственной властью подкреплялись поэтому ссылками не на родовитость, а на исключительность религиозно-нравственной природы лиц, которым эта власть делегирована; последние же должны были демонстрировать ее своим поведением, следуя канонам старинного благочиния, по сути своей презентативного или «экстравертного»⁶³. По этой причине, «новая религиозность», распространившаяся в Европе в XIV–XV вв., с характерным для нее индивидуальным восприятием Божественного, приоритетом нравственных императивов и скепсисом в отношении формальной обрядности не проникла глубоко в религиозное сознание членов ордена и даже осуждалась его руководством⁶⁴.

Приверженность букве устава соотносится в проекте Тифена с категорией «послушание»⁶⁵ и воспринимается как залог сохранения рыцарем благочестия, делающего его способным добросовестно исполнять доверенные ему административные функции («благочестие и исполнение своего долга»). Из всех рыцарских обетов Тифен особо выделяет «послушание» и предлагает участникам капитула начать обсуждение проекта реформ именно с этого пункта⁶⁶. Настраивая гебитигеров и амтманов на добросовестное выполнение своих служебных обязанностей в отношении подчиненных, верховный магистр обращается к строке законов Конрада фон Эрлихсхаузена, содержащей напоминание о том, что они «должны вести себя в отношении прочих братьев по доброду, не орать на них, а иметь ввиду, что они, как значится в книге нашего ордена, являются скорее их служителями, а не господами»⁶⁷. Добросовестность орденских администраторов представляется верховному магистру залогом сохранения общественной гармонии, а потому в строках своей программы, где говорится об отношении орденских начальников к населению подведомственных им орденских округов, он отмечает: «Пусть гебитигеры и амтманы по-доброду и дружески относятся к подчиненному населению (*untersossen*), а не оскорбляют их непотребными словами и тем самым не причиняют никакого [вреда] М.Б.] нашему ордену, и пусть имеют в виду, что как мы нуждаемся в верных подданных, так и они в верных господах»⁶⁸. Главным идентифицирующим признаком для круга лиц, представлявших власть ордена, таким

⁶² Elm 1993. S. 20-23.

⁶³ Kwiatkowski 1998.

⁶⁴ Triller 1978.

⁶⁵ «Послушание должно проявляться и соблюдаться не на бумаге или в словах, а во всем том, что предписано в этом законе (уставе)» (GStA PK, HA XX, OBA, № 17690. I. 1 r).

⁶⁶ GStA PK, HA XX, OBA, № 17690. I. 1 r.

⁶⁷ GStA PK, HA XX, OBA, № 17690. I. 3.

⁶⁸ Ibidem.

образом, должно быть их служебное соответствие, напрямую зависевшее от их «благочестия» и «послушания», а потому намерение верховного магистра восстановить в ордене «благочестие» преследовало целью сокращение должностных злоупотреблений и повышение эффективности коллегиального правления. Предлагаемый проект предусматривал меры административного воздействия на преступивших закон, равным образом извлеченные из арсенала орденских традиций, при этом уставная норма, утверждавшая равенство всех членов ордена, служила основанием для одинаковой ответственности должностных лиц разного ранга за совершенные проступки: «Если брат, будь он гебитигер, фогт, хаускомтур, пфлегер, амтман или обычный брат, будет признан виновным, пусть его накажут согласно уставу нашего ордена, невзирая на чин, поскольку мы все принадлежим одному ордену и ни один не может искупить вину другими средствами»⁶⁹.

Перед руководством Немецкого ордена стояла задача вернуть ответственность ордена, сократившуюся вследствие военно-политических потрясений второй половины XV в., изыскать средства для проведения внутренних преобразований и продолжения борьбы с польской Коронной за восстановление независимости. В программе Тифена решение проблемы орденской собственности соотносилось с исполнением рыцарями обета бедности, суть которого в тексте проекта передана выражением «жить при общей собственности» (*leben an eygenschafft*). Братья должны были по прибытии к месту службы добровольно отказаться в пользу ордена от наиболее ценного своего имущества⁷⁰. «Если у одного из рыцарей, прибывших в страну, вооружение (*gerust*) лучше, чем у других, то пусть им не разрешается продавать коня и оружие, а все привезенные с собой деньги они по доброму обычаю нашего ордена обязаны передоверить своим начальникам (*zuchtvetteren*)», а в дальнейшем им предписывалось избегать излишнего шика в одежде или, говоря словами документа, «неслыханного неприличия с отделкой и позолотой, из-за которого, как мы знаем, ничего хорошего для нашего ордена не происходит»⁷¹. Во избежание финансовых сложностей постановлялось, чтобы «ни один брат, какого бы статуса и достоинства он ни был, не давал в долг и под залог никаких денег, а, если занимал что-либо, то лишь с уведомлением своих старших братьев»⁷².

⁶⁹ Ibidem.

⁷⁰ Согласно правилам вступления в Немецкий орден, действующим в начале XVI в., новобранец должен был иметь при себе трех боевых коней, стоимостью не менее 20 гульденов, доспехи, а также 25 рейнских гульденов в качестве «первого взноса» (Biskup 1984).

⁷¹ GSStA PK, HA XX, OBA, № 17690. 1. 2.

⁷² GSStA PK, HA XX, OBA, № 17690. 1. 3.

Надлежало установить, сколько коней, содержавшихся за счет ордена, полагается иметь каждому гебитигеру или амтману, но гораздо более важным был пункт, касавшийся орденского земельного фонда, который ввиду отсутствия должного контроля за местной администрацией продолжал неуклонно сокращаться. Первым шагом на пути решения этой проблемы стал запрет должностным лицам распоряжаться крупными земельными участками: «Пусть в дальнейшем ни один гебитигер или амтман не передает [в другие руки – М.Б.] ленные или оброчные гуфы (*besatzte adder zinßhafftige huben*), если их более 10, и не отчуждает их у дома [конвента – М.Б.], а как поступать с выморочными ленами, пусть решает после совета с нами и гебитигерами»⁷³. Коллегиальное решение дел, связанных с наделением ленников земель, призвано было затруднить приватизацию орденской земли, которая в «постторуньской» Пруссии шла полным ходом⁷⁴.

Так в целом выглядел проект реформ, представленный верховным магистром Тифеном на суд капитула 23 апреля 1492 г. Днем позже представительное собрание сошло вновь для его обсуждения и вынесения окончательного решения, которое, однако, оказалось полным отрицанием позиции главы ордена. Собравшиеся наотрез отказались обсуждать проект и требования по соблюдению рыцарями устава на том основании, что все они уже «возлюбили» устав при вступлении в орден, а потому не видят смысла в возвращении к этой теме. Они лишь просили главу ордена в случае первого нарушения положений устава братом-рыцарем ограничиваться предупреждением виновного, что *de facto* означало смягчение наказаний для нарушителей дисциплины. Вместо того, чтобы обсуждать тему благонравия рыцарей, собравшиеся просили верховного магистра содействовать разрешению повседневных проблем и, прежде всего, наладить снабжение конвентов, откуда поступали жалобы на нехватку еды, питья, одежды и прочих необходимых припасов⁷⁵. Можно предположить, что именно нужда в продовольствии обусловила просьбу разрешить рядовым братьям выезжать на охоту, «как ездят их господа и их служители», с которой собрание обратилось к верховному магистру⁷⁶. Другая просьба состояла в том, чтобы в случае, когда верховный магистр переводит какого-либо администратора в другой замок, тот не отправлялся туда в одиночку на повозке или санях, как того требовал закон, «поскольку это большой позор для ордена (*fast schimplich*)»⁷⁷. Следующий пункт «контрпро-

⁷³ GStA PK, HA XX, OBA, № 17690. l. 2 r.

⁷⁴ Dralle 1975. S. 39-42.

⁷⁵ GStA PK, HA XX, OBA, № 17690. l. 3 r.

⁷⁶ GStA PK, HA XX, OBA, № 17690. l. 3 r. См. также: Militzer 1997.

⁷⁷ GStA PK, HA XX, OBA, № 17690. l. 3 r.

граммы» касался клеветы, возведенной одним братом-рыцарем на другого в присутствии верховного магистра, а также ложных обвинений членов ордена, совершенных мирянами. В этих случаях от главы ордена требовалось свести друг с другом истца и ответчика и, выслушав обе стороны, принять справедливое решение. В отношении коня и вооружения, которые новобранец по прибытию в Пруссию должен был передать своему начальству, предлагалось производить их оценку, чтобы в случае выхода из ордена и отъезда из страны рыцарь мог получить коня и оружие равного достоинства⁷⁸.

И, наконец, ключевое требование гласило, чтобы в целях сокращения злоупотреблений один из достойных членов ордена с одобрения верховного магистра был введен в окружение великого комтура (заместителя верховного магистра) для участия в обсуждениях государственных дел с тем, чтобы он был в курсе всего происходящего⁷⁹. Л. Дралле полагал, что это требование было выдвинуто управленцами среднего звена (фогтами), которые рассчитывали тем самым просочиться в высшие административные структуры⁸⁰, хотя, как следует из документа, указанное лицо никакими властными полномочиями не наделялось. Его задача сводилась к наблюдению за происходившим, фиксации полученной информации и, что можно предположить, к формированию орденовой меморийной традиции («Поскольку все на этом свет все, даже то, что Господь Всемогущей по воле Своей долго терпит, является быстро проходящим, нужно, чтобы происходящее в стране и за ее пределами было бы известно и оставалось свежо в памяти во благо ордена»).

Сравнивая обе программы, фигурировавшие на капитуле 1492 г., магистерскую и предложенную орденоскими чинами, нельзя не заметить в них существенных расхождений, обусловленных их различной целевой направленностью. Верховный магистр пытался сохранить орденовое государство с присущей тому коллегиальностью во власти и корпоративной собственностью, в то время как его оппоненты из числа прусских гебитигеров и амтманов стремились к укреплению собственных экономических и властных позиций в пределах орденовских гебитов, мало думая об ордене как о корпорации. Их требования не содержат подтекста, они продиктованы потребностями момента и не обременены ссылками на вековые орденовские традиции. В них отсутствует тот средневековый флер, которым облечена программа Ганса фон Тифена, но также и ее политическая взвешенность. Феноменальный традиционализм орденового законотворчества представляется закономерным и

⁷⁸ GStA PK, HA XX, OBA, № 17690. I. 4.

⁷⁹ GStA PK, HA XX, OBA, № 17690. I. 4 г.

⁸⁰ Dralle 1975. S. 134.

оправданным с учетом политического контекста конца пятнадцатого столетия, когда самыми авторитетными инстанциями католического мира, римской курией и имперским двором, решался вопрос о судьбе орденового государства в Пруссии⁸¹, а руководство Немецкого ордена в своем стремлении доказать его правомочность обладать званием ландсгерра должно было предоставить убедительные доказательства сохранения им своей исконной идентичности и соответствия идеалам «служения на пути Господнем». При сложившихся обстоятельствах устав, упоминания о котором не сходят с уст верховного магистра Тифена, выступал в качестве идеологеммы, формулы, содержащий определенный поведенческий код, доступный пониманию современников и служивший ордену допуском к пользованию папскими и императорскими привилегиями, а вместе с ними ко всей сумме прав на государственное освоение Пруссии и Ливонии. Поэтому любой глава орденового государства, желавший это государство сохранить, должен был производить преобразования строго в рамках устава, в то время как те, кто ориентировался на иные политико-правовые формы, могли его отвергнуть без ущерба для своих позиций.

Вместе с тем сама возможность видоизменять положения орденового устава обеспечивала Немецкому ордену способность к самообновлению и преодолению статичности, присущей средневековым корпорациям. В концепции Тифена, в частности, древние категории послушания и бедности оказались наполненными новым содержанием, вследствие чего они превратились в некие кодовые обозначения служебной добросовестности лиц, облеченных властью, и корпоративной (государственной) собственности. Развитие этих двух начал, по мнению верховного магистра Тифена, должны были спасти Немецкий орден и Орденскую Пруссию от дальнейшего ослабления. Перспективность подобной стратегии, нашедшей воплощение во внутривнутриполитических преобразованиях ливонского магистра Вольтера фон Плеттенберга (1494–1535)⁸², подтверждается укреплением ливонского орденового государства в первой трети XVI века, что дало ему силы выдержать удары Реформации⁸³. Конечно, устав в том виде, в котором его отстаивал Ганс фон Тифен, мало соответствовал повседневной административной практике орденового государства, но он и не должен был ей соответствовать, поскольку его положения касались не государственных структур, а ордена как корпорации. Проблемы же государственно-го управления разрешались посредством норм земского, ленного, го-

⁸¹ Бессуднова 2010. С. 36-40.

⁸² Бессуднова 2015. С. 106-132.

⁸³ Kreem S. 43-58.

родского права, сформировавшегося на основе местных обычаев, которые к орденскому братству никакого отношения не имели.

Столкнувшись с сопротивлением прусских орденских чинов, Ганс фон Тифен, не пожелал смириться с неудачей и продолжал уповать на созыв генерального капитула, где, как он полагал, его позицию разделят краевые магистры из империи и Ливонии, Андреас фон Грумбах и Вольтер фон Плеттенберг. К 1494 г. ему удалось заручиться их согласием на участие в генеральном капитуле, который должен был собраться в Кёнигсберге 2 сентября 1494 г.⁸⁴, однако из-за ухудшения отношений с Московским государством и угрозы внешнего вторжения ливонский магистр не смог на него прибыть⁸⁵. В планы Ганса фон Тифена входило также возобновление практики «визитаций». В 1497 г. верховный магистр отдал распоряжение об инспектировании ливонских конвентов⁸⁶, но из-за похода в Валахию, в котором он обязан был участвовать по приказу польского короля Яна Ольбрахта, привести его в исполнение не удалось. Испытав последствия разгрома польского войска турками, Тифен заболел и умер 25 августа 1497 г.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бессуднова М.Б.* Верховный магистр Иоганн фон Тифен - «последний брат-рыцарь» во главе Немецкого ордена // Человек XV в.: Грани идентичности / под ред. В. А. Ведюшкина. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 26-42. [Bessudnova M.B. Verhovnyj magistr Iogann fon Tifen - «poslednij brat-rycar» vo glave Nemeckogo ordena // Chelovek XV v.: Grani identichnosti / pod red. V. A. Vedjushkina. M.: IVI RAN, 2007. S. 26-42]
- Бессуднова М.Б.* Привилегии Немецкого ордена, «священная война» и эскалация русско-ливонского конфликта в конце XV в. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда. Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге) / под ред. А. И. Филюшкина. СПб.: Любавич, 2010. С. 36-40. [Bessudnova M.B. Privilegii Nemeckogo ordena, «svjashhennaja vojna» i jeskalacija russko-livonskogo konflikta v konce XV v. // Sud'by slavjanstva i jeho Grjunval'da. Vychor puti russkimi zemljami i narodami Vostochnoj Evropy v Srednie veka i rannee Novoe vremja (k 600-letiju bitvy pri Grjunval'de/Tannenberge) / pod red. A. I. Filjushkina. SPb.: Ljubavich, 2010. S. 36-40]
- Бессуднова М.Б.* Россия и Ливония в конце XV века. М.: Квадрига, 2015. С. 106-132. [Bessudnova M.B. Rossiya i Livonija v konce XV veka. M.: Kvadriga, 2015. 488 s.]
- Бокман Х.* Немецкий орден: Двенадцать глав из его истории / Пер. В.И. Матузовой. М.: Ладомир, 2004. 273 с. [Bokman H. Nemeckij orden: Dvenadcat' glav iz ego istorii / Per. V.I. Matuzovoj. M.: Ladomir, 2004. 273 c.]
- Игошина Т.Ю.* Государство Немецкого ордена в Пруссии // Реформирование России и современный мир / под ред. Н.И. Марчук, Л.О. Терновой. М.: РАГС, 1999. С. 110-129. [Ighoshina T.Ju. Gosudarstvo Nemeckogo ordena v Prussii // Reformirovanie Rossii i sovremennij mir / pod red. N.I. Marchuk, L.O. Ternovoj. M.: RAGS, 1999. S. 110-129]
- Arbusow L.* Die Visitationen im Deutschen Orden in Livland // Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichts- und Altertumskunde der livländischen Provinzen Russlands zu Riga. 1902. Riga: W.F. Häcker, 1903. S. 179-193.

⁸⁴ Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch... № 43, 44, 49, 50, 61, 407, 408.

⁸⁵ Ibid. № 56, 61.

⁸⁶ Ibid. № 470.

- Arnold U.* Akkon-Venedig-Marienburg. Der Deutsche Orden vom Mittelmeer zum Ostseeraum // *Aciri 1291. La fine della presenza degli ordini militari in Terra Sancta e I nuovi orientamenti nel XIV secolo* / di F. Tommasi. Perugia: Quattroemme, 1996. S. 69-74.
- Arnold U.* Der Deutsche Orden im mittelalterlichen Nordwesteuropa als Wirtschaftsfaktor // *Arnold U. Deutscher Orden und Preußenland. Ausgewählte Aufsätze anlässlich des 65. Geburtstages* / hrsg. v. B. Jähnig. Marburg: Elwert, 2007. S. 173-186.
- Arnold U.* Hochmeister Albrecht von Brandenburg-Ansbach und Landmeister Gotthard von Kettler. Ordensritter und Landsherren am Scheideweg in Preußen und Livland // *The Military Orders and the Reformation: Choces, State Bulding and the Weight of Tradition* / ed. by J.A. Mol. Utrecht: Uitgeverij Verloren, 2005. S. 11-30.
- Arnold U.* Livland als Glied des Deutschen Ordens in der Epoche Wolters von Plettenberg // *Wolter von Plettenberg, der größte Ordensmeister Livlands* / hrsg. v. N. Angermann. Lüneburg: Verlag Nordostdeutsches Kulturwerk, 1985. S. 23-46.
- Arnold U.* Ostdeutsche Landforschung im letzten Vierteljahrhundert – das Beispiel Ost- und Westpreußen // *Arnold U. Deutscher Orden und Preußenland. Ausgewählte Aufsätze anlässlich des 65. Geburtstages* / hrsg. v. B. Jähnig. Marburg: Elwert, 2007. S. 25-39.
- Arnold U.* Reformansätze im Deutschen Orden während des Mittelalter // *Reformbemühungen und Observanzbestrebungen im spätmittelalterlichen Ordenswesen* / hrsg. v. K. Elm. Berlin: Duncker & Humblot GmbH, 1989. S. 139-152.
- Benninghoven F.* Die Burgen als Grundpfeilen des spätmittelalterlichen Wehrwesens im preußisch-livländischen Deutschordensstaat // *Burgen im deutschen Sprachraum. Ihre rechts- und verfassungsgeschichtliche Bedeutung* / hrsg. v. M. Andrae-Rau. Sigmaringen: Rheinland-Verlag, 1976. S. 565-601.
- Benninghoven F.* Über Veröffentlichungen zur Geschichte des Deutschen Ordens // *Zeitschrift für Ostforschung*. 1993, Bd. 42, H. 4. S. 576-599; 1994, Bd. 43, H. 3. S. 413-434.
- Biskup M.* Das Problem der Soldner in den Streitkräften des Deutschordensstaates Preußen Vom Ende des 14. Jahrhunderts bis 1525 // *Das Kriegswesen der Ritterorden im Mittelalter (Ordines militares. Colloquia Torunensia Historica. Bd. 6)* / hrsg. v. Z.H. Nowak. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1991. S. 49-74.
- Biskup M.* Die Erforschung des Deutschordensstaates Preußen. Forschungsstand – Aufgaben – Ziele // *Der Deutschordensstaat Preussen in der polnischen Geschichtsschreibung der Gegenwart (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens. Bd. 30)* / hrsg. v. U. Arnold. Marburg: Elwert, 1982. S. 1-35.
- Biskup M.* Die polnische Geschichtsschreibung zum Deutschen Orden // *Zwischen Konfrontation und Kompromiss (Schriften des Bundesinstituts für Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa. Bd. 8)* / hrsg. v. M. Garleff. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 1995. S. 73-94.
- Biskup M.* Państwo zakonne nad Bałtykiem w XIII-XIV w. // *Roskwit średniowiecznej Europy* / hrsg. v. H. Samsonowicz. Warszawa: Bellona, 2001. S. 425-467.
- Biskup M.* Plany reformy Zakonu Krzyżackiego w Prusach z 1492 roku // *Prusy – Polska – Europa: studia z dziejów średniowiecza i czasów wczesnonowożytnych; prace ofiarowane Profesorowi Zenonowi Hubertowi Nowakowi w sześćdziesiątą piątą rocznicę urodzin i czterdziestolecie pracy naukowej* / pod red. A. Radziwińskiego. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1999. S. 277-285.
- Biskup M.* Warunki przyjmowania kandydatów do zakonu krzyżackiego w rzeszy niemieckiej na przełomie XV-XVI wieku // *Zapiski historyczne*. 1984. T. 49. Z. 3. S. 107-110.
- Biskup M.* Wendepunkt der Deutschordensgeschichte // *Beiträge zur Geschichte des Deutschen Ordens (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens. Bd. 36)*. Marburg: Elwert, 1986. S. 1-18.
- Biskup M.* Wyzytacja zamków zakonu krzyżackiego w Inflantach z 1488 roku // *Zapiski historyczne*. 1984, t. 49, z. 1. S. 119-128.
- Biskup M., Labuda G.* Die Geschichte des Deutschen Ordens in Preussen: Wirtschaft, Gesellschaft. Staat, Ideologie. Osnabrück: Fibre Verlag, 2000. 619 S.
- Boockmann H.* Der Deutsche Orden in der Geschichte des spätmittelalterlichen Ostmitteleuropas // *Deutscher Orden 1190-1990 (Tagungsberichte der Historischen Kommission für ost-*

- und westpreußische Landesforschung. Bd. 11) / hrsg. v. U. Arnold. Lüneburg: Institut Nordostdeutsches Kulturwerk, 1997. S. 11-32.
- Boockmann H.* Der Deutsche Orden um 1400 // Reformbemühungen und Observanzbestrebungen im spätmittelalterlichen Ordenswesen (Berliner historische Studien) / hrsg. v. K. Elm. Berlin: Duncker & Humblot GmbH, 1989. S. 131-138.
- Boockmann H.* Der Deutsche Orden: zwölf Kapitel aus seiner Geschichte. München: C.H. Beck, 1982. 319 S.
- Boockmann H.* Herkunftsregion und Einsatzgebiet // Ritterorden und Region – politische, soziale und wirtschaftliche Verbindungen im Mittelalter (Ordines Militares - Colloquia Torunensia Historica. Bd. 8) / hrsg. v. Z. H. Nowak. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1995. S. 7-19.
- Burgleigh M.* Prussian Society and the German Order: An Aristocratic Corporation in Crisis c. 1410-1466. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 217 p.
- Czaja R.* Das Selbstverständnis der geistlichen Ritterorden im Mittelalter. Bilanz und Forschungsperspektive // Selbstbild und Selbstverständnis der geistlichen Ritterorden (Ordines militares. Colloquia Torunensia Historica. Bd. 13) / hrsg. v. R. Czaja. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 2005. S. 7-21.
- Czaja R.* Die Entwicklung der ständischen Versammlungen in Livland, Preußen und Polen im Mittelalter // Zeitschrift für Ostforschung. 2009. Bd. 58. S. 312-328.
- Die Hochmeister des Deutschen Ordens (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens. Bd. 40) / hrsg. v. U. Arnold. Marburg: Elwert, 1998. 367 S.
- Dralle L.* Der Staat des Deutschen Ordens in Preußen nach dem 2. Thorner Frieden. Wiesbaden: Steiner Franz Verlag, 1975. 200 S.
- Dygo M.* Das Deutschordensland Preussen. Ein geistlicher oder ein weltlicher Staat? // Burgen kirchlicher Bauherren (Forschungen zu Burgen und Schlössern. Bd. 6) / hrsg. v. T. Biller. München: Deutscher Kunstverlag, 2001. S. 13-16.
- Dygo M.* Die heiligen Deutschordensritter. Didaktik und Herrschaftsideologie im Deutschen Orden in Preußen um 1300 // Die Spiritualität der Ritterorden im Mittelalter (Ordines Militares. Colloquia Torunensia Historica. Bd. 7) / hrsg. v. Z.H. Nowak. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1993. S. 165-176.
- Dygo M.* Die Wirtschaftstätigkeit des Deutschen Ordens im 14.-15. Jahrhundert // Die Ritterorden in der europäischen Wirtschaft des Mittelalters (Ordines militares. Colloquia Torunensia historica. Bd. 12). Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 2001. S. 147-160.
- Dygo M.* Mnich i rycerz: Ideologiczne modele postaw w zakonie krzyżackim w Prusach w XIV-XV wieku // Zapiski historyczne. 1990. T. 55. Z. 4. S. 7-19.
- Elm K.* Die Spiritualität der geistlichen Ritterorden des Mittelalters. Forschungsstand und Forschungsprobleme // Die Spiritualität der Ritterorden im Mittelalter (Ordines militares. Colloquia Torunensia historia. Bd. 7). Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1993. S. 7-23.
- Forstreuter K.* Das Preußische Staatsarchiv in Königsberg. Ein geschichtlicher Rückblick mit einer Übersicht über seine Bestände (Veröffentlichungen der Niedersächsischen Archivverwaltung 3). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1955. 114 S.
- Freiherr von Taube A.* «Der Untergang der livländischen Selbständigkeit»: die livländische Chronistik des 16. Jahrhunderts // Die Geschichte der deutschbaltischen Geschichtsschreibung / hrsg. v. G. v. Rauch. Köln: Böhlau, 1986. S. 21-41.
- Gonczarow W.W., Mauzowa W.I.* Badania nad zakonem krzyżackim w historiografii rosyjskiej (1995-2005) // Zapiski historyczne. 2006. T. 71. Z. 4. S. 107-114.
- Górski K.* Studia i szkice z dziejów Państwa Krzyżackiego. Olsztyn: Pojezierze, 1986. 221 s.
- Heckmann M.-L.* Herrschaft im Spätmittelalter – am Beispiel des Deutschen Ordens // Die Ritterorden als Träger der Herrschaft: Territorien, Grundbesitz und Kirche (Ordines militares. Colloquia Torunensia Historia. Bd. 14). Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 2007. S. 9-26.
- Hellmann M.* Bemerkungen zur sozialen Erforschung des Deutschen Ordens // Historisches Jahrbuch. 1960. Bd. 80. S. 1-192.
- Hofmann H.H.* Die Krise des Deutschen Ordens // Die Welt zur Zeit des Konstanzer Konzils: Reichenau-Vorträge (Vorträge und Forschungen 9). Konstanz: [o. V.], 1965. S. 63-81.

- Hubatsch W.* Spätblüte und Zerfall des Ostseeraumes // *Historia mundi*. Bd. 6: Hohes und spätes Mittelalter / hrsg. v. O. Brunner. Bern: Francke Verlag, 1958. S. 262-287.
- Huben H.* Internationale Perspektiven der Erforschung des Deutschen Ordens // *Instituion und Charisma. Festschrift für G. Melville zum 65. Geburtstag* / hrsg. v. F.J. Felten. Köln: Böhlau, 2009. S. 159-170.
- Hucker B.U.* Zur Frömmigkeit von Livlandpilgern und Ordensrittern // *Die Spiritualität der Ritterorden (Ordines militares. Colloquia Torunensia historica. Bd. 7)*. hrsg. v. Z.H. Nowak. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1993. S. 111-130.
- Index corporis historico-diplomaticus Livoniae, Estoniae Curoniae oder Kurtzer Auszug aus derjenigen Urkunden-Sammlung für die Geschichte und das alte Staatsrecht Liv-, Ehist- und Kurlands* / hrsg. v. K. Napierski. Riga: E. Frantzens Buchhandlung, 1835. Bd. 2. 414 S.
- Jähnig B.* Die Entwicklung der Deutschordensherrschaften in Preußen und Livland in der ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts // *Ein gefüllter Willkomm. Festschrift für Knut Schulz zum 65. Geburtstag* / hrsg. v. F.J. Felten. Aachen: Shaker, 2002. S. 217-234.
- Jähnig B.* Deutscher Orden: Preussen // *Hofe und Residenzen im spätmittelalterischen Reich: ein dynastisch-topographisches Handbuch* / hrsg. v. W. Parawicini. Ostfildern: Thorbecke Jan Verlag, 2003. S. 727-733.
- Jähnig B.* Verfassung und Verwaltung des Deutschen Ordens in Preußen // *Westpreußen-Jahrbuch*. 1991. Bd. 4. S. 60-72.
- Köppen H.* Das Archiv des Deutschen Ordens in Preußen, seine Bestände und seine wissenschaftliche Bedeutung // *Jahrbuch Preußischer Kulturbesitz* (1966). 1967. H. 4. S. 172-187.
- Kreem J.* Der Deutsche Orden und die Reformation in Livland // *The Military Orders and the Reformation: Choecs, State Bulding and the Weight of Tradition* / ed. by J.A. Mol. Utrecht: Uitgeverij Verloren, 2005. S. 43-58.
- Kreem J.* Stadt und Landesherr als Geschäftspartner. Die Handelsangelegenheiten in den Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden und der Stadt Reval // *Städtisches Leben im Baltikum zur Zeit der Hanse: Zwölf Beiträge zum 12. Baltischen Seminar* / hrsg. v. N. Angermann. Lüneburg: Carl-Schirren-Gesellschaft, 2003. S. 93-112.
- Kwiatkowski S.* Der Deutsche Orden im Streit um Polen-Litauen. Eine theologische Kontroverse über Krieg und Frieden auf dem Konzil von Konstanz (1414-1418). Stuttgart: Kohlhammer, 2000. 55 S.
- Kwiatkowski S.* Die augustinische Identität des Deutschen Ordens in Preußen // *Ständische und religiöse Identitäten in Mittelalter und früher Neuzeit* / hrsg. v. S. Kwiatkowski. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1998. S. 63-85.
- Kwiatkowski S.* Powstanie i rozwój krzyżackiej koncepcji przywództwa religijnego w Prusach // *Zakon krzyżacki a społeczeństwo państwa w Prusach* / pod red. Z.H. Nowaka. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1995. S. 137-148.
- Kwiatkowski S.* Zakon niemiecki w Prusach a umysłowość średniowieczna. Scholastyczne rozumienie prawa natury i religijna świadomość Krzyżaków do około 1420. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1998. 169 s.
- Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Abt. 2* / hrsg. v. L. Arbusow. Riga: Deubner, 1900. Bd. 1. 900 S.
- Lückerath C.A.* Paul von Rusdorf, Hochmeister des Deutschen Ordens 1422-1441 (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens. Bd. 15). Bad-Godesberg: Elwert, 1969. 248 S.
- Maschke E.* Der Deutsche Orden. Hamburg: [o. V.], 1935. 82 S.
- Maschke E.* Die inneren Wandlungen des Deutschen Ritterordens // *Geschichte und Gegenwartsbewusstsein. Festschrift für H. Rothfels zum 70. Geburtstag* / hrsg. v. W. Besson. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1963. S. 249-277.
- Militzer K.* Die Aufnahme von Ritterbrüder in der Deutschen Orden. Ausbildungsstand und Aufnahmevoraussetzungen // *Das Kriegswesen der Ritterorden im Mittelalter (Ordines militares. Colloquia Torunensia historica 6)* / hrsg. Z.H. Nowak. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1991. S. 7-12.
- Militzer K.* Die Geschichte des Deutschen Ordens. Stuttgart: Koohlhammer, 2005. 225 S.

- Militzer K.* Von Akkon zur Marienburg. Verfassung, Verwaltung und Sozialstruktur des Deutschen Ordens 1190-1309 (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens 56). Marburg: Elwert, 1999. 547 S.
- Murawski K.-E.* Zwischen Tannenberg und Thorn. Die Geschichte des Deutschen Ordens unter dem Hochmeister Konrad von Erlichshausen 1441-1449. Göttingen: Musterschmidt, 1953. 482 S.
- Neitmann K.* Die Landesordnungen des Deutschen Ordens in Preußen im Spannungsfeld zwischen Landesherrschaft und Ständen // Die Anfänge der ständischen Vertretungen (Schriften des Historischen Kollegs, Kolloquien. Bd. 16) / hrsg. v. H. Boockmann. München: Oldenbourg, 1992. S. 59-81.
- Nowak Z.H.* Der Deutsche Orden in Preußen: War der Ordensstaat ein moderner Staat? // Medieval spirituality in Scandinavia and Europe. A collection of essays in honour of Tore Nyberg / ed. by L. Bisgaard. Odense: Odense University Press, 2001. S. 157-168.
- Nowak Z.H.* Der Deutschordensstaat in Preussen als Beispielfall. Modell und Antimodell für das Polen des 13.-15. Jahrhundert // Kulturtransfer Polen-Deutschland. Wechselbeziehungen in Sprache, Kultur und Gesellschaft / hrsg. v. K. Sauerland. Bonn: Kulturstiftung der Deutschen Vertriebenen, 1999. S. 35-40.
- Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach. Władza i społeczeństwo / red. M. Biskup, R. Czaja. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN SA, 2008. 581 s.
- Perlbach M.* Die Statuten des Deutschen Ordens nach den ältesten Handschriften. Halle: Niemeyer, 1890. 354 S.
- Potkowski E.* Schrift und Politik im 15. Jahrhundert. Die Anfänge politischer Publizistik in Polen // Frühmittelalterliche Studien. Bd. 28. Berlin: de Gruyter, 1994. S. 355-373.
- Ranke L.* Zwölf Bücher preußischer Geschichte. Bd. 1/2. Leipzig: Duncker und Humblot, 1874. S. 522.
- Sansonowicz H.* Der Deutsche Orden als Wirtschaftsmacht des Ostseeraum // Zur Wirtschaftsentwicklung des Deutschen Ordens im Mittelalter (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens. Bd. 38) / hrsg. v. U. Arnold. Marburg: Elwert, 1989. S. 103-112.
- Sarnowsky J.* Der Deutsche Orden. München: Beck Verlag, 2007. 128 S.
- Sarnowsky J.* Die ständische Kritik am Deutschen Orden in der ersten Hälfte des 15. Jahrhunderts // Das Preußenland als Forschungsaufgabe. Festschrift für U. Arnold zum 60. Geburtstag / hrsg. v. B. Jähnig. Lüneburg: Verlag Nordostdeutscher Kulturwerk, 2000. S. 403-422.
- Sarnowsky J.* Die Wirtschaftsführung des Deutschen Ordens in Preußen (1382-1454). Köln: Böhlau, 1993. 918 S.
- Sarnowsky J.* Identität und Selbstgefühl der geistlichen Ritterorden // Ständische und religiösen Identitäten in Mittelalter und früher Neuzeit / hrsg. v. S. Kwiatkowski. Toruń: Stefan Kwiatkowski, 1998, S. 109-130.
- Sieradzian W.* Der Torner Frieden von 1411 und die Prozesse zwischen dem Deutschen Orden und Polen als Beispiel der Bewältigung zwischenstaatlicher Konflikte im Spätmittelalter // Konfliktbewältigung und Friedensstiftung im Mittelalter / hrsg. v. R. Czaja. Toruń: Stefan Kwiatkowski, 2012. S. 135-149.
- Sterns I.* The Statutes of the Teutonic Knights: A Study of Religions Chivalry. Philadelphia: University of Pennsylvania 1969. 329 p.
- Tabulae Ordinis Theutonici: ex tabularii regii Berolinensis codice potissimum / ed. E. Strehlke. Berlin: Weidmann, 1869. 490 p.
- Thielen P.G.* Die Verwaltung des Ordensstaates Preußen vornehmlich im 15. Jahrhundert (Ostmitteleuropa in Vergangenheit und Gegenwart 11). Köln: Böhlau, 1965. 196 S.
- Thumser M.* Eine neue Aufgabe im Heidenkampf? Pläne mit dem Deutschen Orden als Vorposten gegen die Türken // Europa und die Türken in der Renaissance / hrsg. v. B. Guttmüller, W. Kühlmann. Tübingen: Walter de Gruyter, 2000. S. 139-178.
- Triller A.* Die Hl. Dorothea von Montau in ihrem Verhältniß zum Deutschen Orden und Deutschordensmitgliedern im Kanonisationsprozess Dorotheas 1404-1406 // Von Akkon bis Wien: Studien zur Deutschordensgeschichte vom 13. bis zum 20. Jahrhundert. Festschrift zum 90. Geburtstag von Marian Tumler / hrsg. v. M. Tumler. Marburg: Elwert, 1978. S. 76-83.

- Tumler M.* Der Deutsche Orden im Werden, Wachsen und Wirken bis 1400 mit einem Abriss der Geschichte des Ordens von 1400 bis zur neusten Zeit. Wien: International Book & Publishing, 1955. 747 S.
- Urban U.* Tannenberg and After. Lithuania, Poland and the Teutonic order in Search of Immortality. Chicago: Lithuanian Research and Studies Center, 2002. 500 p.
- Voigt J.* Geschichte Preußens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des Deutschen Ordens. Bd. 9. Königsberg: Bornträger, 1839. 790 S.
- Volgger E.* Entstehung, Aufbau, Mitgliedschaft und Hierarchie im Deutschen Orden unter Berücksichtigung des Gesamtphänomens der geistlichen Ritterorden // Die Regeln des Deutschen Ordens in Geschichte und Gegenwart / hrsg. v. E. Volgger. Lana: Deutschordeus-Verlag, 1985. S. 36-59.
- Volgger E.* Theologie und Spiritualität der Deutschordeusstatuten (des «Ordensbuches») aus dem 13. Jahrhundert // Die Regeln des Deutschen Ordens in Geschichte und Gegenwart / hrsg. v. E. Folgger. Lana: Deutschordeus-Verlag, 1985. S. 60-75.
- Weiß D.J.* Der Deutsche Orden zwischen Hospitaldienst und Territorialherrschaft // Rottenburger Jahrbuch für Kirchengeschichte. Bd. 18. 1999. S. 111-128.
- Wiechert G.* Die Spiritualität des Deutschen Ordens in seinen mittelalterlichen Regel // Die Spiritualität der Ritterorden (Ordines militares. Colloquia Torunensia historica. Bd. 7) / hrsg. v. Z.H. Nowak. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1993. S. 131-147.
- Wippermann W.* Der Ordensstaat als Ideologie: Das Bild des Deutschen Ordens in der deutschen Geschichte und Publizistik. Berlin: Colloquium Verlag, 1979. 456 S.
- Zimmerling D.* Der deutsche Ritterorden. München: Econ, 1990. 344 S.

Бессуднова Марина Борисовна, доктор исторических наук, доцент Липецкого государственного педагогического университета им П.П. Семенова-Тянь-Шанского; профессор Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого; *magistrmb@gmail.com*

Statutes of the Teutonic Order and an attempt to edit them in the XV c. The reform by Grand Master Hans von Tiefen

The effort of Grand Master Hans von Tiefen to create a new version of the Statutes of the Teutonic Order in 1492 was the last attempt to preserve Order's state in Prussia with its collegial governance and corporate property. The crusading paradigm and the commitment to the statutory requirements, a typical of the program of Tiefen, should not be taken as evidence of its anachronism and the lack of political balance. The long-term sovereign status (Landsherr) of the Teutonic Order had been depended not only on the inviolability of all Papal and imperial privileges granted the Teutonic Knights during the Crusades, but mostly on their compliance with the generally accepted notions of sovereigns. Thus the Statute contained certain behavioral code for the Teutonic Knights and also served as the evidence of preservation of their crusading nature. However, the content of the definitions of "piety" and "obedience" started to work as a guarantee of the performance of administrative functions by the fellow knights, and their "poverty" guaranteed the preservation of the property by the Order.

Keywords: Order's state in Prussia, Statutes of the Teutonic Order, Hans von Tiefen

Marina Bessudnova, Dr. Sc., Professor, Yaroslav the Wise Novgorod State University; Assistant Professor, Lipetsk State Pedagogical University; magistrmb@gmail.com

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ПРОТИВНИКА РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА ОБ ОТТО ФОН БИСМАРКЕ¹

На основе опубликованных в России и Германии официальных источников и документов личного происхождения автор выясняет влияние российско-германских отношений второй половины XIX в. на восприятие российскими императорами и государственными деятелями политики «железного» канцлера Бисмарка, символизировавшего внешнеполитический курс первых двадцати лет Германской империи.

Ключевые слова: Россия, Германия, международные отношения, Отто фон Бисмарк, Александр II, Александр III, А.М. Горчаков

В развитии международных событий XIX века важное место принадлежало российско-германским связям, претерпевшим во второй его половине кардинальное изменение – от благожелательных и союзнических до откровенно враждебных. Одну из ведущих ролей в формировании этих отношений играл «железный канцлер» Отто фон Бисмарк, определявший с 1862 г. внешнюю политику Пруссии, а затем и Германской империи. Личность германского канцлера привлекала к себе внимание общественных и государственных деятелей Российской империи. Серьезного политика в нем видели российские императоры.

В мировой историографии Бисмарк, вероятно, один из самых известных государственных деятелей: уже в 1966 г. насчитывалось более 6 тыс. книг и статей на 15 языках, посвященных Бисмарку и бисмарковскому периоду в Германии, а к настоящему времени их стало «едва ли не вдвое больше»². 200-летний юбилей «железного канцлера» значительно повысил интерес к нему³. Свой вклад в изучение биографии Бисмарка внесли и российские историки⁴. В основном, интерес исследователей связан с политической историей российско-германских отношений⁵, но уже появляются работы, в которых рассматривается восприятие Бисмарка российскими государственными деятелями⁶.

Критика Бисмарком в годы Крымской войны попыток Пруссии выступить против России была недружелюбно встречена в Берлине⁷, но

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ. Проект № 15-18-00135 «Индивид, этнос, религия в процессе межкультурного взаимодействия: российский и мировой опыт формирования общегражданской идентичности».

² Bismarck-Bibliographie 1966; Медяков 2015. С. 63.

³ Steinberg 2012; Engelberg 2014; Kolb 2014; Kraus 2015; Mayer 2015; Nonn 2015.

⁴ Только работ с названием «Бисмарк и Россия» насчитывают около полутора десятков. – Медяков 2015. С. 63.

⁵ Ebel 1936; Wittram 1958; Kumpf-Korfes 1968; Сказкин 1974; Janorschke 2010.

⁶ Ипатов 2011.

⁷ Bismarck an Gerlach. 10.V.1857 // Die Gesammelten Werke 1933. S. 469; см. также: Бисмарк 2002. С. 241.

оценена положительно в самом Петербурге, куда его в 1859 г. направили во главе прусской дипломатической миссии. Наибольшую ценность для обращавшего на себя внимание в российской столице прусского дипломата⁸ представляло отношение к нему императора. С самой первой встречи Александр II относился к прусскому представителю подчеркнуто уважительно и даже тепло. «Любопытно то, что я начал свою работу именно 1 апр<еля>, так как в этот день была моя аудиенция у императора, ставшая благодаря его любезности настоящим подарком к моему дню рождения»⁹, – делился Бисмарк со своей женой.

Поддерживаемая Бисмарком точка зрения о необходимости локализации разразившейся в 1859 г. Итальянской войны, жесткого подавления беспорядков в Польше в начале 1860-х гг, и в целом налаживания тесных связей между Россией и Пруссией укрепляла доверие российского самодержца к нему. В одном из своих личных писем Бисмарк отмечал: «Император выделяет меня таким манером, что обеспечивает мне положение фамильного посланника <...> я единственный дипломат, имеющий более интимный доступ к его персоне»¹⁰. В ходе продолжительных аудиенций Александр II помимо внешнеполитических вопросов делился с Бисмарком своими переживаниями в отношении перспектив решения польского вопроса, реализации крестьянской реформы, судьбы самодержавия в России¹¹. Бисмарк был частым гостем на официальных обедах в Зимнем дворце и Петергофе, причем неоднократно удостоивался чести сидеть рядом с самим императором. Накануне своего отъезда в Германию по случаю окончания дипломатической миссии в Петербурге Бисмарк был награжден Орденом Св. Александра Невского и получил от Александра II предложение о переходе на русскую службу, от чего с благодарностью отказался.

Если время петербургской миссии Бисмарка стало поворотным моментом в выборе Александром II союзника России на континенте¹², то восстание в Польше в 1863 г. привело к закреплению стратегического партнерства России и Пруссии. Поддержка Берлином Петербурга во время дипломатического похода западных держав на Россию в ходе восстания поляков¹³, смелая позиция самого Бисмарка в этом вопросе¹⁴

⁸ Das große Bismarckbuch. S. 108; Милютин 1999. С. 304; Анучин 1912. С. 41.

⁹ Иоганне фон Бисмарк. 01.IV.1859 // Отто фон Бисмарк. 2013. С. 65.

¹⁰ Тайному советнику прусского представительства в Союзном сейме во Франкфурте Венцелю. 01.VII.1859// Там же. С. 122.

¹¹ См., напр., Bismarck an den König Wilhelm. 10.XI.1861 // Die Politischen Berichte. Bd. II. S. 124–132.

¹² Дударев 2013.

¹³ Между Россией и Пруссией 8 февраля 1863 г. была подписана конвенция о совместных действиях для подавления восстания в польских землях.

¹⁴ В одной из депеш прусскому посланнику в Лондоне А. фон Бернсторфу Бисмарк писал: «не следует рассматривать вне границ возможного, что Россия примет решение добровольно сдать Королевство Польское и предоставить его своей

способствовала укреплению личных отношений между Бисмарком и Александром II, «с самой откровенной дружбой преданного»¹⁵ тому, кто верен ему лично и России. Свою ответную помощь Россия оказала Пруссии в период решения одного из главных для германской истории вопросов: объединения разрозненных земель в единое государство.

Не только Александр II, но даже противник германского единства военный министр Д.А. Милютин уважительно отзывался о Бисмарке во время собирания германских земель. «Задумав обширный план политического возвышения Пруссии, – вспоминал Милютин, – Бисмарк пошел твердым шагом к своему идеалу, не останавливаясь ни перед опасением междоусобной войны в самой Германии, ни перед общим европейским столкновением»¹⁶. Блестящая дипломатическая подготовка Бисмарком военных кампаний против Дании и Австрии позволила Пруссии сформировать новое государственное образование в Центральной Европе – Северогерманский союз – и занять лидирующие позиции в этом регионе. В связи с этим авторитет Бисмарка вырос не только в Пруссии. Супруга Александра II Мария Александровна во время обеда 8 октября 1865 г. ответила на реплику министра внутренних дел П.А. Валуева о Бисмарке фразой: «Иметь Бисмарка – счастье, и Пруссию можно только поздравить с этим», причем Валуев добавил в своем дневнике: «Смысл по акценту, очевидно, был: “у нас такого нет”»¹⁷.

Определенной проверкой на прочность российско-пруссских отношений стала Франко-германская война, потребовавшая от Бисмарка максимального напряжения сил. Несмотря на раскол общественного мнения в России в отношении войны, «в придворных сферах, начиная от самого Государя и царской фамилии, высказывалось явное сочувствие успехам немецкого оружия»¹⁸. Итогом благожелательного нейтралитета Петербурга в отношении Берлина, сыгравшего важную роль в скором окончании войны и победе Германии над Францией, стала реализация двумя государствами своих национальных задач: объединение Германии Пруссией и отмена ограничительных статей Парижского мира Россией. Политический авторитет Бисмарка вырос не только в Германии, но и в России, где его стали называть «дельцом Германской империи» и «великим мастером политической интриги»¹⁹.

судьбе. Тогда мы должны решить, какая опасность представляется большей для Пруссии: опасность восстановления Польши или опасность европейских осложнений, которые были бы связаны с тем, что мы захватим королевство силовым путем» – Bismarck an Bernstorff. 17.II.1863 // Die auswärtige Politik Preußens 1932. S. 257–258.

¹⁵ Bismarck an den Prinz-Regenten Wilhelm. 17.VI.1859 // Die Politischen Berichte. Bd. I. S. 222.

¹⁶ Милютин 2005. С. 216.

¹⁷ Валуев 1961. С. 71.

¹⁸ Милютин 2006. С.283.

¹⁹ Московские ведомости. 14 января 1871. № 10. С. 2.

Постепенно источники формирования положительного образа Бисмарка в России иссякли. Переломными стали два важных события второй половины 70-х гг. XIX в.: военная тревога 1875 года в Европе и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Тогда произошло политическое отрезвление Петербурга в отношении грозного государства, возникшего на западных рубежах империи. Во время одного из докладов Милютин Александр II, «говоря об образе действий Бисмарка, сравнил его с Наполеоном I, который по окончании каждой войны сейчас же искал предлога к начатию новой». Даже Милютину было «странно слышать такое мнение из уст Государя – друга и верного союзника императора Вильгельма»²⁰. Демонстративная поддержка Бисмарком Австрии и Англии на Берлинском конгрессе вызвало в российской столице особое негодование, хотя, как писал российский представитель на конгрессе граф П.А. Шувалов, «несправедливо приписывать ему, как это делалось в С.–Петербурге, враждебное отношение к России <...> с самого начала восточного кризиса мы старались сделать его защитником наших интересов, слишком часто напоминая об оказанных ему услугах. С точки зрения психологии, это была ошибка»²¹. Александр II все же не мог простить такого поведения Бисмарка, что нашло отражение в его знаменитом письме Вильгельму I от 3(15) августа 1879 г., получившем хлесткое название: «письмо-пощечина»²². Александр II обращал внимание своего дяди на то, что действия Бисмарка направлены на сближение Германии и Австрии, вопреки его прежним заверениям в неизменной и вечной дружбе с Россией. Это, по мнению императора, могло возыметь «печальные последствия <...> для наших отношений доброго соседства, озлобив обе нации одну против другой»²³. Причина этого, как писал Александр II, заключалась в том, что Бисмарк перенес свои отношения с Горчаковым в плоскость международной политики.

Конфликт и соперничество между двумя канцлерами имели длительную историю, уходящую корнями в период, когда Бисмарк занимал должность прусского посланника при Союзном сейме во Франкфурте. Уже тогда германский политик отзывался о Горчакове как о «тщеславном и церемониальном господине»²⁴, а в письме другу генералу Л. фон Герлаху он был более откровенен в сравнениях, посвятив князю следующие строки: «Горчаков – церемониальный и негибкий Ганс-дурак»²⁵, лиса в деревянных башмаках, когда он хочет схитрить»²⁶. В отечественной историографии существует мнение, что между Горчаковым и

²⁰ Милютин 2008. С. 169.

²¹ П.А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. 1933. С. 104–105.

²² Cordes Günter. 1998. Bd. 1. S. 921.

²³ Татищев 2006. С. 878.

²⁴ Bismarck an Manteuffel. 21. IV. 1854 // Die Gesammelten Werke 1924. S. 441.

²⁵ В немецких сказках Ганс-дурак сродни Иванушке-дурачку.

²⁶ Bismarck an Gerlach. 21. IV. 1854 // Die Gesammelten Werke 1933. 354.

Бисмарком сложились отношения учитель – ученик, основа которых была заложена еще в годы петербургской миссии Бисмарка, когда молодой немецкий дипломат получал от министра Горчакова уроки европейской большой политики²⁷. В дневнике Д.А. Милютин передавались петербургские слухи, «будто князь Горчаков, расставаясь с Бисмарком (в ноябре 1875 г. – В.Д.), отпустил ему такую остроу: я надеюсь, что мой дорогой Рафаэль не забудет своего Перуджино»²⁸. Позже Милютин сделал более резкое замечание: «князь Бисмарк, сам далекий от скромности и прямоты, не мог переварить князя Горчакова, с его пустозвонством и хвастовством»²⁹. Международные вопросы, за которыми стояла дипломатическая схватка с Горчаковым, воспринимались Бисмарком особенно ревностно. И когда Россия в 1875 г. выступила с резкой критикой начатой «железным канцлером» в прессе кампании против Франции, сорвав подготавливаемую им дипломатическую изоляцию Франции, «личная размолвка Горчакова с Бисмарком глубоко запала в злопамятную душу последнего и мало-помалу привела к полному изменению отношений его к России и постепенному переходу от тесной с нею дружбы к злобной и упорной, хотя до времени затаенной еще вражде»³⁰, что особенно проявилось в ходе Берлинского конгресса.

Напряжение в отношениях между Россией и Пруссией, внешняя политика которой персонифицировалась в лице Бисмарка, стало усиливаться после убийства 1 марта 1881 г. Александра II и восшествия на престол в России Александра III, поклонника национальных старорусских традиций и известного германофоба³¹. «О, сколько требуется ему мудрой твердости и стойкости, – писала о муже императрица Мария Федоровна, – сколько премудрой сдержанности, наипаче, сколько твердой веры и упования для отражения бесовских козней разного покроя, направляемых против него руками Бисмарков, Сольсбери»³².

Развитие европейских событий в 1880-е гг. оставляло все меньше поводов для улучшения российско-германских отношений. В экономической сфере между двумя странами разразилась тогда настоящая таможенная война. В 1883 г. граф П.А. Шувалов писал, что во внешней политике «нам не остается ничего иного, как безмолвствовать и смиренно ожидать, чтобы после смерти Бисмарка внутренние в Германии раздоры дали нам возможность, вступив в союз с Францией <...> возвысить голос и выйти из того печального положения, в котором находимся. Бисмарк окружил нас железным кольцом»³³. Заключенный

²⁷ Сементковский 1895; Чубинский 1988.

²⁸ Милютин 2008. С. 209.

²⁹ Милютин 2010. С. 128.

³⁰ Татищев 2006. С. 509.

³¹ Чернуха 2013. С. 42.

³² Победоносцев 2003. Т. 2. С. 289.

³³ Половцов. 2005. Т. 1. С. 137.

между Россией и Германией в 1887 г. Договор перестраховки не внес существенных изменений в отношения между двумя странами и сформированную усилиями Бисмарка систему международных союзов на континенте. В январе 1889 г. будущий российский министр иностранных дел В.Н. Ламсдорф, называвший Бисмарка «кошмарным железным канцлером» отметил в своем дневнике: «государь и государыня более чем когда либо настроены против Бисмарка»³⁴.

Процесс формирования образа «злого гения» имел, однако, в Российской империи неожиданный финал. Отставка Бисмарка в марте 1890 г. была встречена официальным Петербургом с большим опасением. Интересная концовка донесения российского посланника в Берлине П.А. Шувалова министру Н.К. Гирсу в середине марта 1890 г. и, главное, реакция на него Александра III. Шувалов писал: «я... всегда смотрел на Бисмарка как на огромную гарантию поддержания мира, ибо я убежден в том, что он искренне стремился бы устранить все, что могло создать опасные для наших государств трения. В силу этого я, естественно, глубоко сожалею о его отставке и о том, что вместе с ним исчезает уравновешивающая сила, способная до некоторой степени регулировать внезапные, произвольные, не поддающиеся учету решения юного монарха». Против этих слов Александр III написал: «Да»³⁵.

Оценка личности и политики Бисмарка в правящем слое Российской империи прямо зависела от состояния связей между Петербургом и Берлином. В 1860-е между Россией и Германией сформировались во многом уникальные отношения, обусловленные тем, что оба государства, выступая союзниками по широкой международной повестке дня, не имели никакой документальной базы, на которой такие союзнические отношения строились. Политика государственных интересов, заключавшаяся для России в возвращении своего присутствия на Черном море, а для Пруссии – в объединении Германии, сближала две страны в международных делах. Такому сближению способствовала необходимость укрепления внутривнутриполитической системы, остро ощущавшаяся в Российской империи и Прусском королевстве, а также схожие задачи в решении польского вопроса. На этом фоне энергичная деятельность Бисмарка, заявлявшего что «с Россией у нас никогда не будет необходимости воевать, если только либеральные глупости или династические промахи не извратят положения»³⁶, находила положительную оценку в Петербурге, где считали, что «союз России с Пруссией (без всякого трактата) существует лет около ста и будет существовать доколе все политическое положение Европы не изменится»³⁷.

³⁴ Ламсдорф 1926. С. 131, 114.

³⁵ Там же. С. 280.

³⁶ Бисмарк 2002. Т. 1. С. 314.

³⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 4 (16) сентября 1864. № 195. С. 785.

Важным рубежом, изменившим ситуацию, стал 1871 г. В условиях более ощутимой синестезии международных отношений и усиления фактора военной силы в мировой политике³⁸ образование Германской империи оказало существенное влияние на дипломатическую констелляцию в Европе. Для утверждения места новообразованной великой державы в семье европейских государств ее дипломатический творец сделал выбор в пользу формирования запутанной системы международных коалиций с центральной ролью в них Германии. Неоправдавшиеся надежды Петербурга на поддержку Бисмарком после 1871 года внешнеполитической линии Российской империи стали источником формировавшегося в России идейного мифа о неблагодарности германского канцлера в ответ на ее помощь в ходе объединения Германии. Но это, вероятно, не было неожиданным для Бисмарка, поскольку он еще в Петербурге убедился в том, что «христианским взглядам императора (Александра II – *В.Д.*) не соответствовала макиавеллевская политика»³⁹.

Таким образом, можно предположить, что, учитывая особенности международных отношений 1870-х гг., Бисмарк, реализуя свои представления о государственных интересах Германии, осознанно дистанцировался от России, не доводя этот процесс, однако, до фатального разрыва. Мнение обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева, считавшего, что «Бисмарк слишком хорошо знает Россию, а потому, клянясь бесстрашием перед ней, он трусит ее и трусит смертельно»⁴⁰, не кажется обоснованным. К концу 1880-х гг. в российском политическом руководстве в отношении Бисмарка не был сформирован образ врага, скорее, это был образ противника, пусть хитрого и опасного, но придерживавшегося фундаментального принципа сохранения в мире отношений между Россией и Германией, поскольку этого требовали национальные интересы самой Германской империи.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анучин Д. Г. Берлинский конгресс 1878 года: Дневник, веденный на месте Д.Г. Анучиным / сост. А.С. Анучина. С.-Пб.: Тип. т-ва п.ф. Электро-тип. Н.Я. Стойковой, 1912. 116 с.
- Бисмарк Отто фон. Воспоминания, мемуары: в 2 т. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2002.
- Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т./ ред., введ., биогр. очерк и коммент. П. А. Зайончковского. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Дударев В.С. Петербургская миссия Отто фон Бисмарка. 1859–1862. Дипломатическая ссылка или политический успех? СПб.: Алетейя, 2013. 304 с.
- Ипатов А.М. Личность и деятельность Отто фон Бисмарка в оценках российской политической и интеллектуальной элиты во второй половине XIX – начале XX века: дисс... канд. ист. наук. Воронеж, 2011.
- Ламсдорф В.Н. Дневник. 1886 – 1890/ ред., предисл. Ф.А. Ротштейна. М.; Л.: Государственное издательство, 1926. XI, 396 с.
- Медяков А.С. «Наш Бисмарк»? Россия в политике и взглядах «железного канцлера» Германии // Российская история. М. 2015. № 6.

³⁸ Мирзеханов 2015. С. 12.

³⁹ Bismarck an Schleinitz. 9. IV. 1859 // Die Politischen Berichte. Bd. I. S. 10.

⁴⁰ Победоносцев 2003. Т. 2. С. 492.

- Милютин Д.А. Воспоминания. 1860–1862 / ред., предисл. Л.Г. Захаровой. М.: Студия ТРИТЭ, РИО «Российский Архив», 1999. 553 с.
- Милютин Д.А. Воспоминания. 1865–1867 / ред., предисл. Л.Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2005. 696 с.
- Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 – начало 1873 / ред., предисл., Л.Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2006. 735 с.
- Милютин Д.А. Дневник. 1873–1875 / ред., предисл., Л.Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2008. 440 с.
- Милютин Д.А. Дневник. 1882–1890/ ред., предисл., Л.Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2010. 599 с.
- Мирзаханов В.С. XIX век в мировой истории: проблемы, подходы, модели времени (к выходу V тома «Всемирной истории»)// Новая и новейшая история. 2015. № 4.
- Отто фон Бисмарк. Личная корреспонденция из Санкт-Петербурга. 1859–1862 / пер. с нем., коммент. В.С. Дударева. СПб.: Алетейя. 2013. 332 с.
- П.А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г.// Красный архив. 1933. № 4.
- Победоносцев К.П. и его корреспонденты: Воспоминания. Мемуары: в 2 тт. Минск: Харвест, 2003.
- Половцов. А.А. Дневник государственного секретаря А.А. Половцова: в 2 т. М.: Центр-полиграф, 2005.
- Сементковский Р. И. Князь Бисмарк. Его жизнь и государственная деятельность: Биограф. очерк Р.И. Сементковского. Санкт-Петербург: тип. т-ва "Обществ. польза", 1895. 96 с.
- Сказкин С. Д. Конец австро-русско-германского союза. Исследование по истории русско-германских и русско-австрийских отношений в связи с восточным вопросом в 80-е гг. XIX столетия. М.: Наука, 1974. 271 с.
- Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. М.: АСТ: АСТ Москва: Транзиткнига, 2006. 1005 с.
- Чернуха В.Г. Александр III (1845–1894)// Александр III: pro et contra, антология/ сост. И. Е. Барыкиной, В. Г. Чернухи; вступ. статья В. Г. Чернухи; коммент. И. Е. Барыкиной. СПб.: РХГА, 2013. 894 с.
- Чубинский В. В. Бисмарк. Политическая биография. М.: Мысль, 1988. 414 с.
- Bismarck Otto von. Die gesammelten Werke. Bd. I. Politische Schriften: bis 1854/ Herausgegeben und bearbeitet von Willy Andreas, Prof. der neueren Geschichte an der Universität Heidelberg. 2. Aufl. Berlin: Otto Stollberg & Co Verlag für Politik und Wirtschaft, 1924. XVI, 532 S.
- Bismarck Otto von. Die gesammelten Werke. Bd. XIV. Teil. 1. Briefe: 1822 – 1861/ hrsg. von Wolfgang Windelband und Werner Frauendienst. 1. Aufl. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft, 1933. XI, 584 S.
- Bismarck-Bibliographie: Quellen und Literatur zur Geschichte Bismarcks und seiner Zeit/ hrsg. von Born Karl Erich; Hertel Willy; Henning Hansjoachim. Köln und Berlin: Grote, 1966. 259 S.
- Cordes Günter. Ohrfeigenbrief// Lexikon der deutschen Geschichte: Personen, Ereignisse, Institutionen; von der Zeitenwende bis zum Ausgang des Zweiten Weltkrieges/ hrsg. Gerhard Taddey. Stuttgart: Kröner, 1998.
- Das große Bismarckbuch. Leben und Wirken des ersten deutschen Reichskanzlers. Dresden: Münchmeyer, 1890. 808 S.
- Die auswärtige Politik Preußens: 1858 - 1871; diplomatische Aktenstücke. Bd. 3. Vom Amtsantritt Bismarcks bis zum Prager Frieden: Oktober 1862 bis September 1863/ bearb. von Rudolf Ibbeken. Oldenbourg i.O.: Stalling. 1932. 831 S.
- Die politischen Berichte des Fürsten Bismarck aus Petersburg und Paris 1859 – 1862/ hrsg. von Raschdau Ludwig. 2 Bde. Berlin: Hobbing, 1920.
- Ebel W. Bismarck und Russland vom Prager Frieden bis zum Ausbruch des Krieges von 1870. Gelnhausen, 1936. 73 S.
- Engelberg E., Engelberg A. Bismarck: Sturm über Europa. München: Siedler, 2014. 752 S.
- Janorschke J. Bismarck, Europa und die „Krieg-in-Sicht“-Krise von 1875. Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag, 2010. 513 S.
- Kolb E. Otto von Bismarck: eine Biographie. München: C.H.Beck 2014, 208 S.

- Kraus H.-C. Bismarck: Größe, Grenzen, Leistungen. Stuttgart: Klett-Cotta, 2015. 330 S.
- Kumpf-Korfes S. Bismarcks „Draht nach Russland“: Zum Problem der sozial-ökonomischen Hintergründe der russisch-deutschen Entfremdung im Zeitraum von 1878 bis 1891. Berlin: Akademie-Verlag, 1968. XVII. 219 S.
- Mayer T. Bismarck: Der Monolith. Reflexionen zu Bismarck am Beginn des 21. Jahrhunderts. Hamburg: Osburg Verlag GmbH, 2015. 366 S.
- Nonn C. Bismarck: ein Preuße und sein Jahrhundert. München: C.H. Beck 2015, 400 S.
- Steinberg J. Bismarck: A Life. Oxford: Oxford University Press, 2012. 577 p.
- Wittram R. Bismarcks Russlandpolitik nach der Reichsgründung // Historische Zeitschrift. 1958. № 186.

REFERENCES

- Anuchin D.G. Berlinskij kongress 1878 goda: Dnevnik, vedennyj na meste D.G. Anuchinym/ sost. A.S. Anuchina. S.-Peterburg: Tip. t-va p. f. "Jelektro-tip. N.Ja. Stojkovej", 1912. 116 s.
- Bismarck Otto fon. Vospominanija, memuary: v 2 t. Minsk: Harvest; M.: AST, 2002.
- Valuev P. A. Dnevnik P.A. Valueva, ministra vnutrennih del: v 2 t./ red., vved., biogr. ocherk i komment. P. A. Zajonchkovskogo. M.: Izd-vo AN SSSR, 1961.
- Ipatov A. M. Lichnost' i dejatel'nost' Otto fon Bismarka v ocenah rossijskoj politicheskoi i intellektual'noj jelity vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka: diss... kand. ist. nauk. Voronezh, 2011.
- Chernuha V.G. Aleksandr III (1845–1894 // Aleksandr III: pro et contra, antologija/ sost. I.E. Barykinov, V.G. Chernuhi; vstup. stat'ja V.G. Chernuhi; komment. I.E. Barykinov. SPb.: RHGA, 2013. 894 s.
- Chubinskij V.V. Bismark. Politicheskaja biografija. M.: Mysl', 1988. 414 s.
- Dudarev V.S. Peterburgskaja missija Otto fon Bismarka. 1859–1862. Diplomaticeskaja ssylka ili politicheskij uspeh? SPb.: Aletejja, 2013. 304 s.
- Lamsdorf V.N. Dnevnik. 1886–1890 / red., predisl. F.A. Rotshtejna. M.; L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926. XI, 396 s.
- Medjakov A.S. «Nash Bismark»? Rossija v politike i vzgljadah «zheleznogo kanclera» Germanii // Rossijskaja istorija. M. 2015. № 6.
- Miljutin D.A. Vospominanija. 1860–1862/ red., predisl. L.G. Zaharovoj – M.: Studija TRITJe, RIO «Rossijskij Arhiv», 1999. 553 s.
- Miljutin D.A. Vospominanija. 1865–1867 / red., predisl. L.G. Zaharovoj – M.: ROSSPJeN, 2005. 696 s.
- Miljutin D.A. Vospominanija. 1868 – nachalo 1873 / red., predisl., L.G. Zaharovoj – M.: ROSSPJeN, 2006. 735 s.
- Miljutin D.A. Dnevnik. 1873–1875/ red., predisl., L.G. Zaharovoj. M.: ROSSPJeN, 2008. 440 s.
- Miljutin D.A. Dnevnik. 1882–1890/ red., predisl., L.G. Zaharovoj. M.: ROSSPJeN, 2010. 599 s.
- Mirzehanov V.S. XIX vek v mirovoj istorii: problemy, podhody, modeli vremeni (k vyvodu V toma «Vsemirnoj istorii») // Novaja i novejšaja istorija. 2015. № 4.
- Otto fon Bismark. Lichnaja korespondencija iz Sankt-Peterburga. 1859–1862 / per. s nem., komment. V.S. Dudareva. SPb.: Aletejja. 2013. 332 s.
- P.A. Shuvalov o Berlinskom kongresse 1878 g. // Krasnyj arhiv. 1933. № 4.
- Pobedonoscev K.P. i ego korespondenty: Vospominanija. Memuary: 2 tt. Minsk: Harvest, 2003.
- Polovcov A.A. Dnevnik gosudarstvennogo sekretarja A.A. Polovcova: v 2 t. M.: Centrpoligraf, 2005.
- Sementkovskij R. I. Knjaz' Bismark. Ego zhizn' i gosudarstvennaja dejatel'nost': Biogr. ocherk R.I. Sementkovskogo. Sankt-Peterburg: tip. t-va "Obshhestv. pol'za", 1895. 96 s.
- Skazkin S. D. Konec avstro-russko-germanskogo sojuza. Issledovanie po istorii russko-germanskikh i russko-avstrijskikh otnoshenij v svjazi s vostochnym voprosom v 80-e gg. XIX stoletija. M.: Nauka, 1974. 271 s.
- Tatishhev S. S. Imperator Aleksandr II. Ego zhizn' i carstvovanie. M.: AST: AST Moskva: Tranzitkniga, 2006. 1005 s.
- Bismarck Otto von. Die gesammelten Werke. Bd. I. Politische Schriften: bis 1854 / Herausgegeben und bearbeitet von Willy Andreas, Prof. der neueren Geschichte an der Universität Heidelberg. 2. Aufl. Berlin: Otto Stollberg & Co Verlag für Politik und Wirtschaft, 1924. XVI, 532 S.

- Bismarck Otto von. Die gesammelten Werke. Bd. XIV. Teil. 1. Briefe: 1822 – 1861/ hrsg. von Wolfgang Windelband und Werner Frauendienst. 1. Aufl. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft, 1933. XI, 584 S.
- Bismarck-Bibliographie: Quellen und Literatur zur Geschichte Bismarcks und seiner Zeit/ hrsg. von Born Karl Erich; Hertel Willy; Henning Hansjoachim. Köln und Berlin: Grote, 1966. 259 S.
- Cordes Günter. Ohrfeigenbrief// Lexikon der deutschen Geschichte: Personen, Ereignisse, Institutionen; von der Zeitenwende bis zum Ausgang des Zweiten Weltkrieges/ hrsg. Gerhard Taddey. Stuttgart: Kröner, 1998.
- Das große Bismarckbuch. Leben und Wirken des ersten deutschen Reichskanzlers. Dresden: Münchmeyer, 1890. 808 S.
- Die auswärtige Politik Preußens: 1858 - 1871; diplomatische Aktenstücke. Bd. 3. Vom Amtsantritt Bismarcks bis zum Prager Frieden: Oktober 1862 bis September 1863/ bearb. von Rudolf Ibbeken. Oldenbourg i.O.: Stalling. 1932. 831 S.
- Die politischen Berichte des Fürsten Bismarck aus Petersburg und Paris 1859–1862 / hrsg. von Raschdau Ludwig. 2 Bde. Berlin: Hobbing, 1920.
- Ebel W. Bismarck und Russland vom Prager Frieden bis zum Ausbruch des Krieges von 1870. Gelnhausen, 1936. 73 S.
- Engelberg E., Engelberg A. Bismarck: Sturm über Europa. München: Siedler, 2014. 752 S.
- Janorschke J. Bismarck, Europa und die „Krieg-in-Sicht“-Krise von 1875. Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag, 2010. 513 S..
- Kolb E. Otto von Bismarck: eine Biographie. München: C.H. Beck 2014, 208 S..
- Kraus H-C. Bismarck: Größe, Grenzen, Leistungen. Stuttgart: Klett-Cotta, 2015. 330 S.
- Kumpf-Korfes S. Bismarcks „Draht nach Russland“: Zum Problem der sozial-ökonomischen Hintergründe der russisch-deutschen Entfremdung im Zeitraum von 1878 bis 1891. Berlin: Akademie-Verlag, 1968. XVII. 219 S.
- Mayer T. Bismarck: Der Monolith. Reflexionen zu Bismarck am Beginn des 21. Jahrhunderts. Hamburg: Osburg Verlag GmbH, 2015. 366 S.
- Nonn C. Bismarck: ein Preuße und sein Jahrhundert. München: C.H. Beck 2015, 400 S.
- Steinberg J. Bismarck: A Life. Oxford: Oxford University Press, 2012. 577 p.
- Wittram R. Bismarcks Russlandpolitik nach der Reichsgründung// Historische Zeitschrift. 1958. № 186.

Дударев Василий Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; wdudareff@gmail.com

Designing the opponent's image the Russian political elite about Otto von Bismarck

In the article, based on the official sources and documents of personal origin published both in Russia and in Germany an attempt has been made to analyze the impact of Russian-German relations in the second half of the 19th century on the perception of the policy of the “iron” chancellor Otto von Bismarck, which symbolized the foreign policy course of the first twenty years of the German Empire, by Russian emperors and statesmen.

Keywords: Russia, Germany, International Relations, Otto von Bismarck, Alexander II, Alexander III, A.M. Gorchakov

Vasily Dudarev, PhD in History, Senior Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; wdudareff@gmail.com

М. С. УЛАНОВ, В. Н. БАДМАЕВ

БУДДИЙСКАЯ ЭТИКА И «ДУХ КАПИТАЛИЗМА» (о роли буддизма в социально-экономическом развитии и модернизации Японии)*

Статья посвящена анализу роли буддизма в социально-экономическом развитии и модернизации Японии. Буддизм оказал значительное влияние на формирование хозяйственной культуры и деловой этики в Японии. В силу своеобразного историко-культурного развития в рамках японской буддийской традиции сформировалась трудовая этика, которая в значительной степени напоминала протестантскую. Такие «протестантские» ценности, как трудолюбие, бережливость, дисциплина, самоограничение и т.д., были характерны и для японского буддизма. Именно они способствовали формированию в Японии хорошо организованного и готового к модернизации общества с эффективной трудовой этикой и высокой социальной дисциплиной. «Буддийский капитализм», тесно связанный с монастырскими рынками, заложил надежную институциональную основу для формирования светского капитализма. Исторический пример развития японского буддизма подтверждает идею об автохтонных истоках местного капитализма и свидетельствует об экономическом и модернизационном потенциале буддийской культуры. Отражением особенностей национальной религиозной традиции Японии является современная японская деловая этика и корпоративная культура, имеющие буддийские истоки.

Ключевые слова: буддизм, буддийские ценности, Япония, капитализм, трудовая этика, протестантская этика, хозяйственная культура, корпоративная культура, модернизация

Актуальность темы исследования определяется сложившейся на сегодняшний день кризисной ситуацией в обществе и культуре, проявляющей себя в феномене глобализации, кризисе этнических культур, упадке нравственности и духовности, разнообразных социально-экономических проблемах. Мировое сообщество в настоящее время пытается найти пути решения глобальных проблем современности, которые ставят под угрозу существование всей цивилизации. В связи с этим усиливается интерес к духовному наследию многовековой буддийской культуры, чьи принципы толерантности, гармоничности, умеренности, экологичности становятся как никогда актуальными¹. Немаловажное значение приобретает осмысление не только духовного, но и социально-экономического потенциала буддизма как социокультурного феномена, выработавшего высокие этические принципы.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научных проектов № 15-03-00251 и № 16-23-03002а(м).

¹ См.: Ulanov, Badmaev 2015.

Известный труд Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма»² положил начало традиции исследования роли религиозных ценностей и институтов в развитии капитализма, индустриализации и модернизации. По мнению М. Вебера, религиозные ценности способствовали быстрому распространению капиталистических отношений в Западной Европе. Протестантская этика и ценности, пропагандируя идеи мирского аскетизма, трудолюбия, бережливости создали необходимый фон для индустриализации и модернизации данного региона. В то же время М. Вебер не смог выявить эквивалентов этики протестантизма в религиях Востока, охарактеризовав, в частности, буддизм как религию «ухода от мира». Не обнаружил он аналогов протестантской этики и в религиозных традициях Японии.

Бурный экономический рост Японии в послевоенный период заставил ряд исследователей пересмотреть взгляды М. Вебера на генезис азиатского капитализма и более пристально проанализировать японскую трудовую этику. Указание на сходство японских религиозно-этических ценностей с ценностями «протестантской этики» можно отыскать в работах Э. Айяла, Х. Накамуры и др.³ Сегодня ряд ученых подчеркивают роль религии, в частности буддизма, в модернизации и динамичном развитии Японии. Они усматривают близость протестантской этике традиционных ценностей японских религий и считают, что эти общие ценности – трудолюбие, накопительство, мирская аскеза, бережливость – содействовали формированию в Японии прекрасно организованного общества с развитой трудовой этикой и значительной «социальной дисциплиной». Более того, такие авторитетные исследователи, как Р. Белла⁴ и Р. Коллинз⁵, отмечают, что отдельные школы и движения японского буддизма открыто поощряли занятия предпринимательской деятельностью. В общем, социологам и востоковедам удалось найти в японском буддизме как мотивационные основания эффективной трудовой этики, так и установки на модернизацию страны. По мнению Беллы, в период Токугава (1603–1868), Япония сделала важный, во многом революционный шаг в своем развитии, напоминающий переход к Новому времени в Западной Европе, причем значительную роль в этом общественном сдвиге сыграли религиозные организации⁶.

Однако необходимо отметить, что не все исследователи разделяют подобную точку зрения. Некоторые ученые, например М. Дзё, подчеркивают, что японская религиозность значительно отличается от запад-

² См.: Вебер 1990.

³ Ayal 1963; Nakamura 1967.

⁴ Bellah 1972; 1957.

⁵ См.: Коллинз 2015.

⁶ Bellah 1972. P. 195.

ной, что она не настолько догматична и глубока, и поэтому воздействие ее на общество в Средневековье не было столь сильным и основательным, как на Западе. При исследовании развития капитализма и модернизации в Японии следует учитывать не только роль буддизма, синто и конфуцианства, но и другие социокультурные факторы и институциональные структуры. Развитию капитализма и индустриализации способствовал весь процесс культурно-исторического и социального развития в Японии⁷. Другие исследователи, отмечая роль религиозного фактора в модернизации Японии, умаляют роль буддизма в этом процессе. Так, Л. Харрисон в работе «Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма» однозначно относит Японию, Корею и Вьетнам к конфуцианским странам⁸.

Действительно, в ранний период влияние буддизма на хозяйственную культуру Японии, было не очень велико. Оно обнаруживалось, например, в том, что время от времени императоры вводили ограничения на рыболовство и охоту, а также запрет на употребление в пищу мяса некоторых животных и птиц. В этом плане характерен указ императора Тэмму-тэнно от 675 г., который предписывал «установить контроль над рыбаками и охотниками, запретить делать загоны и западни [для ловли зверей] и использовать всякого рода механические копыя», «запретить ставить химисакири и верши. Запретить также есть мясо быков, лошадей, собак, обезьян, домашних птиц»⁹. Позднее, с усилением позиций буддизма на японских островах, многие буддийские монастыри стали превращаться в достаточно крупные хозяйства. Имея большие наделы земли, полученные от императоров и знати, они нередко выступали в качестве устроителей и собственников производственных предприятий, вели довольно широкую внешнюю торговлю, строили верфи и суда. Известно, что по инициативе и под руководством буддийского духовенства нередко проводились масштабные работы по созданию и улучшению инфраструктуры страны, включавшие в себя строительство дорог, мостов, пристаней, ирригационных сооружений, финансирование которых зачастую было проблематичным даже для властей¹⁰. Так, например, при прямом участии японского монаха Гёки (668–749), который принадлежал к буддийской традиции Хоссо, было возведено девять приютов-богаделен для странников («фусэя»), три водостока, шесть мостов, две лодочные переправы, семь водоемов, пятнадцать запруд, четыре канала, одна дорога¹¹.

⁷ Jo 1987. P. 12.

⁸ Харрисон 2014. С. 105-107.

⁹ Из «Нихонсёки» 1993. С. 383.

¹⁰ Лепехов 2009. С. 168.

¹¹ Игнатович 1988. С. 146.

Усиление влияния буддизма на хозяйственную культуру и этику Японии связано с эпохой Камакура. Под термином «камакурский буддизм», как правило, подразумевается весь буддизм в Японии конца XII – начала XIV в. Благодаря появлению камакурского буддизма буддийская традиция была приспособлена к японской культуре и стала доступной простому населению. По мнению некоторых исследователей, «камакурский буддизм» был своеобразным аналогом христианского протестантизма: его так же отличали опора не на книжное знание, а на веру, обращение к самому широкому кругу людей, смещение акцента с обрядов на проповеди¹². Возникло широкое движение, связанное с деятельностью буддийского монаха Нитирэна (1222–1282). Яркий и харизматичный представитель «нового» камакурского буддизма, Нитирэн оказался в жесткой оппозиции как военному правительству, так и другим школам японского буддизма. Взяв на себя роль спасителя Японии, он провел религиозную реформу, абсолютизировав роль и значение Сутры Лотоса. Восхваление лотосовой сутры в форме мантры «Наму мёхо рэнгэ кё» («Слава «Сутре лотоса благого Закона!») было основным способом духовной практики и средством получения воздаяния за приверженность данному учению, причем «под воздаянием имеется в виду не столько спасение в потустороннем мире, сколько обретение земных благ. Элемент горяюкю (гэндзэ риякю) – «воздаяние за веру в этой жизни» – играет важнейшую роль в нитирэновском вероучении»¹³.

В данный период буддийские монастыри не только продолжали владеть значительными земельными угодьями, но и энергично участвовали в социально-экономическом развитии страны. В монастырских вотчинах внедрялись более передовые способы ведения сельского хозяйства. Здесь же возводились дамбы, каналы, мосты и иные сооружения, поскольку кроме значительных материальных ресурсов, буддийские храмы обладали и крупными людскими резервами. Активной коммерческой деятельностью занимались монастыри школы Риндзайдзэн, объединенные в систему годзан (пяти монастырей или пяти гор). Пользуясь покровительством властей, они не только способствовали расцвету культуры, но и вели обширную торговлю. Так, монастырь Тэнрюдзи, имея выгодное географическое расположение, с успехом вел торговлю с Китаем, одновременно превращаясь в крупный ростовщический центр с большим количеством расчетных контор¹⁴. Поскольку в монастырях накапливались немалые финансовые средства, здесь сформировалось эффективное рациональное администрирование с элементами строгого бухгалтерского учета и годовыми планами.

¹² Трубникова 2011. С. 517.

¹³ Буддизм в Японии 1993. С. 310.

¹⁴ Там же. С. 226.

По мнению Р. Коллинза, первоначальное влияние религии на развитие капиталистических отношений и на Западе, и в странах Дальнего Востока было связано не с формированием предпринимательской мотивации, а с феноменом материального развития монастырей. Храмы первоначально аккумулировали финансовые средства, превращаясь в крупные центры накопления капиталов. Они формировали отношения собственности и рынок товаров повседневной жизни, в числе первых создавали новые хозяйственные структуры. Религиозные сообщества в рамках своего сектора разрушали характерные для традиционных обществ препятствия на пути роста экономики¹⁵. Буддийские монастыри не только инициировали появление в Японии элементов рыночной экономики, но активно распространяли их в мирской среде.

Формирование новой хозяйственной этики и трудовой мотивации было связано с появлением буддийской школы Дзёдосинсю, или «Новой школы Чистой земли». У истоков ее учения стояли такие харизматичные религиозные деятели, как Хонэн (1133–1212) и Синран (1173–1263). Возникнув как реформаторское направление внутри амидаизма, Дзёдосинсю содействовала формированию принципиально новой хозяйственной этики, основанной на мирской аскезе. Согласно учению данной школы, труд является «священной обязанностью» человека, что очень напоминает протестантскую концепцию призвания. Работа в миру теперь приобретает духовно-религиозное значение.

В отличие от учений многих других школ японского буддизма, усматривавших в коммерции элемент алчности, а также от конфуцианства, считавшего предпринимательскую деятельность сомнительным занятием для «благородного мужа», «Дзёдосинсю» оправдывала стремление к прибыли. Удаление от мира и мирской жизни не считалось здесь обязательным шагом для спасения из сансары. Более того, представители духовенства теперь могли иметь семью. Синран, подобно Лютеру, женился, отказавшись от обета безбрачия, существовавшего среди буддийских священнослужителей¹⁶. Как и Лютер, Синран провозглашал идею спасения души через веру. Чтобы обрести рождение в Чистой земле (буддийском раю) необходимо, прежде всего, всецело положиться на Будду Амиду, который способен даровать человеку веру в него, а, следовательно, и избавление от страданий.

Таким образом, вся духовная практика сводилась главным образом к вере в спасительную силу Амиды. При этом сама вера здесь понималась как его щедрый дар, с помощью которого адепт Дзёдосинсю мог получить желаемое спасение. Данное положение также схоже

¹⁵ «В терминах Шумпетера, монастыри были первыми предпринимателями». – Коллинз 2015. С. 366.

¹⁶ Климов 2011. С. 55.

с идеей Лютера о том, что вера является даром свыше: «Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар». Вера в спасительную силу Будды Амиды отодвинула на второй план другие культы, и доктрина Дзёдоосинсю приобрела признаки христианского монотеизма. Этот факт, а также перечисленные особенности данной школы, дали повод японским историкам назвать ее «буддийским протестантизмом». Подобной точки зрения придерживался и академик Н.И. Конрад, отмечавший в «Очерке истории культуры средневековой Японии. VII–XVI века», что в рамках данного направления произошло «обмирщение» буддийской религии, своего рода буддийская Реформация¹⁷.

Новый обмирщенный буддизм стал пользоваться огромной популярностью среди простого населения: ремесленников, крестьян, торговцев, а также части самураев и аристократии. В учении школы Дзёдоосинсю можно встретить такие «протестантские» по духу наставления, как: «Бодрствуй и не уклоняйся от усердного труда утром и вечером», «Работай усердно дома», «Не играй в азартные игры», «Будь умерен в бесцельной роскоши»¹⁸. Конечно, нельзя сказать, что проповедники этой школы призывали полностью уйти в мирские дела. Так, например, один из лидеров данного направления Рэннэ (1415-1499), высоко ценивший физический труд, отмечал, что его последователи «должны внимать Закону Будды, пренебрегая светскими делами. Постыдно думать, что надо слушать Закон в свободное от светских дел время»¹⁹.

Во второй половине XVI в. возникло массовое народное движение Икко-икки, основанное упомянутым проповедником Рэннэ. С его именем связано превращение небольшой школы в масштабную организацию (до 200 тыс. адептов), которая контролировала значительную часть страны. Ему удалось создать уникальную форму буддистского самоуправления, сохранявшуюся почти столетие. Движение Икко-икки обрело популярность благодаря простоте и доступности религиозной доктрины и практики, основанной на учении Дзёдоосинсю. Икко не обязывало своих адептов полностью отрешиться от мирских занятий, а одной из важнейших ценностей здесь, как и в дзен, объявлялся труд, даже самый простой²⁰. Крупнейшим храмом Икко был Исияма Хонгадзи, монастырское хозяйство которого динамично развивалось. Одной из причин этого было расположение монастыря на пересечении торговых путей. Монастырь вел с Китаем и другими азиатскими странами оживленную торговлю, приносящую ему немалую прибыль²¹.

¹⁷ Конрад 1980. С. 115.

¹⁸ Bellah 1957. P. 119.

¹⁹ Записи сказанного высокомудром Рэннэ 2012. С. 281.

²⁰ История Японии 1998. С. 284.

²¹ Там же. С. 316-317.

Огромные богатства, накопленные монастырями, их фактическая независимость от государства, наличие собственных армий вызывали зависть и недовольство властей, которые в период объединения Японии начали проводить политику ограничения самостоятельности храмов и конфискации монастырской собственности. Так, Исияма Хонгадзи, отказавшийся признать власть японского правителя Нобунаги, был разрушен после многолетней осады. Не избежали этой участи и другие крупные монастыри. Японские власти в тот период проводили в отношении монастырской собственности фактически такую же политику, какую западноевропейские правители осуществляли во времена протестантской Реформации. Однако подобный ход событий не привел к катастрофическим последствиям для японской экономики, поскольку значительная часть храмовых богатств и собственности попадала к производителям и торговцам, имевшим ранее связи с монастырями. Поэтому накопленный монахами ценный опыт рыночных отношений, коммерческих практик и институтов, технологических инноваций не исчез, а был востребован светской экономикой.

В период Токугава в городской среде получили распространение различные синкретические культы, синтезирующие идеи буддизма, синтоизма и конфуцианства. Новые религиозные движения, ориентированные на обретение материальных благ в этой жизни, формировали этическую мотивацию капитализма. Так, Сингаку и Хотоку не только пропагандировали ценности аскетизма, прилежание и лояльности государству, но и поддерживали предпринимательскую деятельность, одобряли получение прибылей. Движение Сингаку способствовало существенному росту социального статуса торговцев²². Основатель Сингаку – Исида Байган (1684–1744) считал, что каждый человек имеет предназначение к определенному виду деятельности, через которую реализует себя, а все профессии одинаково полезны для общества. Поэтому «путь торговца» по социальной значимости равен «пути воина-самурая». Байган подчеркивал важность верности профессиональному долгу, который для торговца заключается в удовлетворении потребностей покупателей, т.е. народа. Верность своему долгу предполагала такие ценности, как честность, усердие, экономность, бережливость, а также стремление к знаниям и постоянному совершенствованию²³.

Развитие новой трудовой этики в эпоху Токугава происходило и в традиционных школах японского буддизма, в частности в рамках дзен. Дзенский монах Судзуки Сёсан (1579–1655) выдвинул идею о том, что буддизм не должен быть только созерцательной религией, оторванной от реалий повседневной жизни. Буддийское учение не может

²² Ayal 1963. P. 42-43.

²³ См. подр.: Карелова 2007.

ограничиваться спасением души, оно способно быть полезным в семейных отношениях, в работе, в овладении искусствами и даже на войне. Как отмечалось выше, монахи дзен положительно относились к трудовой деятельности, но Сёсан пошел дальше: он объявил обычный труд даже более эффективным способом духовной практики, чем созерцание и чтение текстов. Любой человек, независимо от его профессии, всецело отдаваясь выполнению своих будничных обязанностей, не имеет необходимости в специальной медитации. Он способен обрести состояние просветления, не выходя за границы повседневной жизни. Всецелая преданность своему профессиональному труду, усердие и полная самоотдача в работе, таким образом, становились важным фактором для достижения нирваны²⁴.

Любая работа – своеобразное духовное испытание, потому что все профессии – это проявления абсолютной реальности. Сёсан отмечал, что любой человек, в т.ч. торговец, обязан полностью отдать свои силы для достижения профессиональной цели. При этом настоящий буддист должен искренне работать на благо других, не исходя из своих узких эгоистических интересов. Важным условием успеха в любом виде деятельности Сёсан считал обретение совершенной независимости, как от собственного «Я», так и от всех вещей. Счастье и спасение в таком случае становятся кармической наградой за бескорыстное усердие, трудолюбие и мирской аскетизм²⁵.

В XIX в. формирование новой этики было связано со школой Хоммон буцурюко, которая возникла в рамках традиции Нитирэн. Основателем ее был монах Нагамацу Сэйфу (1817–1890). Нагамацу известен тем, что не мог найти общий язык с монахами и симпатизировал мирянам, поэтому его школа была ориентирована преимущественно на мирских последователей буддизма. В основе учения данного направления находилась идея о том, что подлинность веры человека может быть доказана в практической плоскости. Так, например, если буддист имеет истинную веру, это автоматически ведет к улучшению его земной жизни. Результатом веры становится не только спасение души, но и такие земные ценности, как здоровье, удача, богатство и т.д. Подобный подход очень напоминает учение протестантских сект. Учение Нагамацу стало своего рода японским «Евангелием успеха», а религиозная вера напрямую связывалась с практической пользой для человека. Нагамацу удалось объединить учение Нитирэна с земными интересами обычных мирян. В дальнейшем на основе учения Нагамацу появилось еще несколько других школ нитирэновского направления²⁶.

²⁴ Философия буддизма: энциклопедия 2011. С. 658.

²⁵ Nakamura 1967. P. 7-9.

²⁶ Игнатович 1989. С. 125-128.

Особо следует отметить влияние буддизма на корпоративную этику и культуру Японии во второй половине XX в. Л.Б. Карелова отмечает, что в последние десятилетия в программных лозунгах японских фирм и корпораций можно обнаружить этические идеи японского буддизма. В частности, одним из фундаментальных принципов корпоративной этики Японии стала формула «получай пользу для себя, принося пользу другим»²⁷, которая имеет буддийское происхождение. Данный призыв можно найти в корпоративных кодексах целого ряда японских компаний.

Значительную роль в распространении буддийских идей в деловом сообществе Японии сыграл известный экономист Шиничи Иноу, который попытался применить принципы буддийской философии и этики к бизнесу. Итогом его научных изысканий в этом направлении стала популярная книга «Буддизм в работе: новый подход к управлению и бизнесу»²⁸. Активная просветительская деятельность Иноу способствовала включению этических правил буддизма в деятельность многих японских компаний, что, несомненно, повлияло на формирование более гуманной и нравственной атмосферы в предпринимательской среде Японии. Под влиянием идей Иноу у многих деловых людей Японии выработалось решительное убеждение, что компания, пренебрегающая этическими принципами и ставящая основной целью получение прибыли, обречена на неудачу. Поэтому деловой этике и корпоративной культуре Японии чужд подход к бизнесу американских компаний, где основная цель – извлечение максимальной прибыли.

В целом, можно отметить, что буддизм оказал значительное влияние на формирование хозяйственной культуры и деловой этики в Японии. В силу своеобразного историко-культурного развития в рамках японской буддийской традиции сформировалась трудовая этика, которая в значительной степени напоминала протестантскую. Такие «протестантские» ценности, как трудолюбие, бережливость, дисциплина, самоограничение и т.д., были в значительной степени характерны и для японского буддизма. Именно они способствовали формированию в Японии хорошо организованного и готового к модернизации общества с эффективной трудовой этикой и высокой социальной дисциплиной. Таким образом, японский буддизм способствовал развитию капиталистических отношений и социально-экономической модернизации страны. «Буддийский капитализм», тесно связанный с монастырскими рынками, заложил надежную институциональную основу для формирования в Японии светского капитализма. Исторический пример развития японского буддизма, несомненно, подтверждает идею об ав-

²⁷ См.: Карелова 2013. С. 92.

²⁸ Inoue 1997.

тохтонных истоках местного капитализма и свидетельствует об экономическом и модернизационном потенциале буддийской культуры.

Отражением особенностей национальной религиозной традиции Японии является современная японская деловая этика и корпоративная культура, имеющие буддийские истоки. Только глубокая религиозно-этическая основа хозяйственной культуры страны «Восходящего солнца» могла подвигнуть японцев относиться к труду с таким исключительным усердием, работать с огромным вдохновением и стремиться к совершенству в профессии с поистине религиозным рвением.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Буддизм в Японии. М.: Наука: Изд. фирма «Восточная литература», 1993. 704 с.
- Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61-135.
- Записи сказанного высокоумным Рэннэ // Пятое востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга Труды участников научной конференции. СПб.: Ин-т вост. рукоп., 2012. С. 244-316.
- Из «Нихонсёки» // Буддизм в Японии. М.: Наука, Восточная литература, 1993. С. 360-414.
- Игнатович А.Н. Буддизм в Японии. Очерк ранней истории. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. 320 с.
- Игнатович А.Н. Лотос и политика. М.: Мысль, 1989. 285 с.
- История Японии. Т. 1. М.: Институт востоковедения, 1998. 659 с.
- Карелова Л.Б. Принципы буддийской и конфуцианской этики в формировании концепции корпоративной социальной ответственности в современной Японии // Япония. Ежегодник. Вып. 42. М.: Институт востоковедения, 2013. С. 89-100.
- Карелова Л.Б. Учение Исиды Байгана о постижении «сердца» и становление трудовой этики в Японии: Беседы горожанина и селянина. Рассуждения о бережливом управлении домом: исследования, перевод и комментарии. Москва: Восточная литература, 2007. 320 с.
- Климов В.Ю. Светские власти, Рэннэ, восьмой иерарх буддийской школы «Истинной веры Чистой Земли», и ее адепты в средневековой Японии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12. Вып. 1. С. 53-66.
- Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015. 504 с.
- Конрад Н.И. Очерк истории культуры средневековой Японии. VII–XVI века. М.: Искусство, 1980. 144 с.
- Лепехов С.Ю. Буддийская цивилизация и парадигма открытого общества // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2009. № 3. Т.10. С.161-172.
- Трубникова Н.Н. Вопрос о «старом и новом буддизме эпохи Камакура» в религиозно-культурных исследованиях // Философия религии: Альманах. М.: ИФ РАН, 2011. С. 515-534.
- Философия буддизма: энциклопедия. М.: Восточная литература, 2011. 1045 с.
- Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма. М.: Мысль, 2014. 286 с.
- Ayal E. Value systems and economic development in Japan and Thailand // Journal of social issues. Boston. 1963. Vol. 19. № 1. P. 42-43.
- Bellah R. Japan's cultural identity: Some reflections on the work of Watsuji Tetsuro // Japan: Enduring scholarship: Sel. from the «Far Eastern quart». «The journal of Asian studies». 1941–1971. Tucson (Ariz.). 1972. Vol. 2. P. 47–68.
- Bellah R.N. Tokugawa religion: The values of pre-industrial Japan. Glencoe: FreePress, 1957. 249 p.
- Inoue Sh. Putting Buddhism to Work: A New Approach to Management and Business. Tokyo: Kodansha International (JPN), 1997. 176 p.

- Jo M.H. Japanese traditional values and industrialization // International, social science review. Winfield, 1987. Vol. 62. №1, pp.3-17.
- Kazuo O. Buddhism in the Kamakura period. Translated, adapted, and expanded by J.C. Dobbins // The Cambridge History of Japan. Vol. 3. Medieval. Japan. Cambridge, 2005, pp. 544–582.
- Nakamura H. Suzuki Shosan, 1579–1655, and the spirit in Japanese Buddhism // Monumenta nipponica. 1967. №1, pp.1–14.
- Ulanov M.S., Badmaev V.N. Buddhist World in Global Context // International Journal of Economics and Financial Issues. 2015. № 5 (Special Issue), pp.15-17.

REFERENCES

- Buddizm v Japonii. M.: Nauka: Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura», 1993. 704 s.
- Veber M. Protestantskaja jetika i duh kapitalizma // Veber M. Izbrannye proizvedenija. M.: Progress, 1990. S.61-135.
- Zapisi skazannogo vysokomudrym Rjennjo // Pjatyje vostokovednye chtenija pamjati O.O. Rozenberga Trudy uchastnikov nauchnoj konferencii. Spb.: Institute of Oriental Manuscripts, 2012. S.244-316.
- Iz «Nihonsjoki» // Buddizm v Japonii. M.: Nauka, Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura», 1993. S.360-414.
- Ignatovich A.N. Buddizm v Japonii. Oчерk rannej istorii. M.: Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka», 1988. 320 s.
- Ignatovich A.N. Lotos i politika. M.: Mysl', 1989. 285 s.
- Istorija Japonii. T.1. M.: Institut vostokovedenija, 1998. 659 s.
- Karelova L.B. Principy buddijskoj i konfucianskoj jetiki v formirovanii koncepcii korporativnoj social'noj otvetstvennosti v sovremennoj Japonii // Japonija. Ezhegodnik. T.42. M.: Institut vostokovedenija, 2013. S.89-100.
- Karelova L.B. Uchenie Isidy Bajgana o postizhenii «serca» i stanovlenie trudovoj jetiki v Japonii: Besedy gorozhanina i seljanina. Rassuzhdenija o berezhlivom upravlenii domom: issledovanija, perevod i kommentarii. M.: Vostochnaja literatura, 2007. 320 p.
- Klimov V.Ju. Svetskie vlasti, Rjennjo, vos'moj ierarh buddijskoj shkoly «Istinnoj very Chistoj Zemli», i ee adepty v srednevekovoj Japonii // Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii. 2011. T.12. №1. S.53-66.
- Kollinz R. Makroistorija: Oчерki sociologii bol'shoj dlitel'nosti. M.: LENAND, 2015. 504 s.
- Lepehov S.Ju. Buddijskaja civilizacija i paradigma otkrytogo obshhestva // Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii. 2009. № 3.T.10. S.161-172.
- Trubnikova N.N. Vopros o «starom i novom buddizme jepohi Kamakura» v religiovedcheskih issledovanijah // Filosofija religii: Al'manah. M.: Institut filosofii, 2011. S.515-534.
- Filosofija buddizma: jenciklopedija. M.: Vostochnaja literatura, 2011. 1045 s.
- Harrison L. Evrei, konfucijanci i protestanty: kul'turnyj kapital i konec multikul'turalizma. M.: Mysl', 2014. 286 s.
- Ayal E. Value systems and economic development in Japan and Thailand // Journal of social issues. Boston. 1963. Vol.19. № 1. P.42-43.
- Bellah R. Japan's cultural identity: Some reflections on the work of Watsuji Tetsuro // Japan: Enduring scholarship: Sel. from the «Far Eastern quart». «The journal of Asian studies». 1941–1971. Tucson (Ariz.). 1972. Vol.2. P.47–68.
- Bellah R. Tokugawa religion: The values of preindustrial Japan. Glencoe: Freepress. 1957. 249 p.
- Inoue Sh. Putting Buddhism to Work: A New Approach to Management and Business. Tokyo: Kodansha International (JPN), 1997. 176 p.
- Jo M. H. Japanese traditional values and industrialization // International, social science review. Winfield, 1987. Vol. 62. №1. P.3-17.
- Kazuo O. Buddhism in the Kamakura period. Translated, adapted, and expanded by J.C. Dobbins // The Cambridge History of Japan. Vol. 3. Medieval. Japan. Cambridge, 2005. P. 544–582.
- Nakamura H. Suzuki Shosan, 1579–1655, and the spirit in Japanese Buddhism // Monumenta nipponica. 1967. №1. P.1-14.
- Ulanov M.S., Badmaev V.N. Buddhist World in Global Context // International Journal of Economics and Financial Issues. 2015. № 5 (Special Issue). P.15-17.

Уланов Мерген Санджиевич, доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры философии и культурологии Калмыцкого государственного университета имени Б.Б. Городовикова; ulanov1974@mail.ru

Бадмаев Валерий Николаевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Калмыцкого государственного университета имени Б.Б. Городовикова; badmav07@yandex.ru

Buddhist ethics and the “spirit of capitalism” (on the role of Buddhism in the socio-economic development and the modernization of Japan)

The article focuses on the role of Buddhism in the socio-economic development and the modernization of Japan. The authors note that Buddhism has had a significant impact on the formation of economic culture and business ethics in Japan. Historical and cultural development in the Japanese Buddhist tradition influenced on the formation of the work ethics, which greatly resembled Protestantism. The “protestant” values, such as hard work, thrift, discipline, self-restraint, etc., were largely typical for Japanese Buddhism. They effected on the establishment in Japan well organized and ready for modernization society with the efficient work ethics of high social discipline. Japanese Buddhism contributed to the development of the capitalist relations here and socio-economic modernization of the country. «Buddhist capitalism», closely associated with monastic markets laid a solid institutional basis for the formation of secular capitalism here. Historical example of the development of Japanese Buddhism, of course, supports the idea of the autochthonous origins of local capitalism and demonstrates the economic potential and the modernization of Buddhist culture. Reflection of the peculiarities of the national religious tradition of Japan is the modern Japanese business ethics and corporate culture with Buddhist origins.

Keywords: Buddhism, Buddhist values, Japan, capitalism, work ethic, Protestant ethic, economic culture, corporate culture, modernization

Mergen Ulanov, Dr. (Philosophy), PhD (History), Professor of the philosophy and cultural studies Kalmyk State University; ulanov1974@mail.ru

Valery Badmaev, Kalmyk State University, Dr. (Philosophy), Professor of the philosophy and cultural studies Kalmyk State University; badmav07@yandex.ru

Ю. Д. КОРОБКОВ, О. В. ГНЕВЭК

ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ РАБОЧИХ УРАЛА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В российском общественном сознании наблюдается интерес к изучению трудовой этики и особенностей трудового поведения с точки зрения степени их адекватности социально-экономическим реформам. Гораздо меньше исследовано обратное влияние трудовой морали на направленность и характер преобразований. Решение этой задачи предполагает рассмотрение базовых трудовых ценностей в более широкой исторической перспективе. Недостаточной изученностью проблемы на региональном уровне пореформенного Урала обусловлен выбор темы. Историко-лингвистический анализ пословиц и поговорок уральских рабочих позволяет сделать следующие выводы. Будучи основой жизни рабочих, труд не являлся для них терминальной ценностью, имел инструментальный характер и служил средством достижения минималистского потребительского стандарта, не связанного с накопительством и расширением хозяйства. Наряду с преобладанием положительно-прагматической мотивации пословицы демонстрируют массовый характер некачественного и малопродуктивного труда, лень, недобросовестное отношение к работе. Поэтому основными трудовыми качествами считаются осмотрительность, основательность, своевременное и качественное выполнение работы, упорство, доведение дела до конца, особенно с учетом влияния на трудовое поведение таких черт национального менталитета, как отсутствие чувства меры, расчет на удачу и авось, затягивание и заговаривание дела, способность быстро увлекаться и быстро остывать, небрежность, расточительство.

Ключевые слова: трудовые ценности, уральские рабочие, пословицы, историко-лингвистический анализ

Противоречивый характер современного российского общества подтолкнул научную мысль к рассмотрению реформаторского процесса в России и его составляющих частей с позиций исторической ретроспективы. Одной из важнейших задач в изучении данной проблематики является анализ особенностей и реального состояния трудовых ценностей российского работника как важнейшего компонента и основы успешной реализации любых реформаторских замыслов. Решение данной проблемы осложняется отсутствием единства в оценке ведущих черт русского национального характера, в т.ч. его трудовых качеств.

В середине XIX в. А. Щапов, К. Кавелин, Ю. Самарин отмечали такие недостатки русских как лень, неумение постоянно и организованно работать. А. Пыпин и Н. Костомаров связывали с ними неудачные попытки реформировать Россию по западному образцу¹. Их оппоненты называли это клеветой на народ-богоносца. До сих пор их последователи пишут о трудолюбии как о важнейшей добродетели кре-

¹ Марцинковская 1994. С. 16-18.

стьян, об их способности радостно трудиться, находя в этом смысл и счастье жизни². Эта интеллектуальная ситуация характеризовала и советское обществознание. На протяжении всей советской истории и в науке, и в идеологии доминировала точка зрения на рабочий класс как на самую передовую социальную группу, творца и созидателя материальных благ, качественным и эффективным трудом которого создаются основы гуманного и справедливого общественного строя. Однако установки официальной пропаганды и официальной историографии расходились с реальной трудовой практикой. Ее непредвзятое изучение привело советских социологов в середине 1980-х гг. к выделению т.н. люмпенизированного типа работника, который составлял 50-60% от общей численности работающих в промышленности и характеризовался отсутствием какой-либо активности, негативным отношением к активности других; низкой ответственностью и стремлением уклониться от любого дела, требующего личной ответственности; рестрикционизмом, постоянным стремлением минимизировать свои трудовые усилия, что требовало регулярного контроля за работой и вызывало привычку работать только при его наличии; признанием как должного повышенной зависимости от руководителя, ориентацией на уравнильность, низким уровнем трудовой дисциплины, низким качеством труда, отсутствием стремления к повышению профессиональной квалификации³.

Большинство специалистов связывали массовый характер этих качеств с влиянием советской командно-бюрократической системы. Между тем, кризис в мотивации труда в постсоветской России⁴ заставляет усомниться в жесткой привязке трудового облика российского рабочего к послеоктябрьской истории и приводит к необходимости его анализа в более широкой ментальной и социокультурной перспективе, выявления степени преемственности норм трудового поведения рабочих дореволюционной, советской и современной России.

В этой связи анализ трудовых ценностей одного из ведущих отрядов российского рабочего класса в лице горнозаводских рабочих Урала на этапе российских реформ второй половины XIX – начала XX в. представляется вполне обоснованным и логичным⁵. Учитывая тот факт, что трудовая этика представляет собой неразрывное единство ценност-

² Медведева, Васькина 2011. С. 41.

³ Неймер 1992; Герчиков 1993.

⁴ Соколов 2003. С.132.

⁵ Актуальность такого анализа определяется и тем, что проблема трудовой этики российских рабочих, рассматриваемая как в социологическом (Темницкий 2015; Тихонова 2011; Слюсарянский 2012; Сергеев, Сергеева 2012; Мареева 2013), так и историческом (Линден 2000; Жижко 2000; Мионов 2000; Фельдман 2001; Коробков 2003) контекстах, хотя и выдвигается в последние годы в число исследовательских приоритетов, уральскими авторами разрабатывается явно недостаточно.

но-мотивационной сферы, конкретно-исторических условий ее реализации и особенностей социализации человека, а ценности, в свою очередь, являются продуктом духовного производства различных социальных групп, при выборе источников исследования мы исходили, прежде всего, из критерия их внутреннего, рабоче-крестьянского происхождения и потому остановили выбор на пословицах и поговорках. Этот выбор обусловлен и тем, что большинство исследователей считает пословицы индикатором мировоззрения народа, поскольку в них отражается его отношение ко всем явлениям окружающего мира и формируются ценностные установки массового сознания⁶. При этом пословицы реализуют не только обучающую, но и воспитательную функцию, являясь межвременным каналом трансляции духовных ценностей народа и средством их закрепления в его сознании.

Спецификой пословиц как жанра фольклора является их необыкновенная многозначность и противоречивость, что повышает источниковедческую требовательность к их изучению. Поэтому основным методом исследования корпуса «трудовых» пословиц выбран историко-лингвистический анализ, позволяющий снизить элемент субъективизма, присущий традиционным историческим методам, и повысить уровень научной верификации исследуемого материала.

Содержание лингвостилистического анализа составляет выявление лексико-грамматических и изобразительно-выразительных средств языка и речи, участвующих в формулировании темы (о чем) и идеи (ради чего) пословиц и поговорок как самостоятельных текстов, а также определение роли этих средств в формировании тематических групп паремий, концентрирующих представления рабочих Урала о трудовой этике. Лингвостилистический анализ поддерживается рематематическим анализом, выработанным в теории актуального членения предложения. Суть этого анализа составляет деление высказывания на две части – тему (о чем говорится) и рему (для чего говорится), – корректирующее формальные критерии собственно грамматического анализа.

С точки зрения теории текстов, пословицы и поговорки, фиксируя не только трудовой опыт народа, но и спектр отношений к нему, сохраняют свою «живучесть» благодаря тому, что выступают референтами конкретных корпусов текстов определенной тематики, как бы заменяя в общении целые дискурсивные практики и представляют собой «ключевые фразы» определенных тематических групп текстов, в которых каждый компонент является «говорящим». Немаловажным является и то, что отбор ключевых фраз, характеризующих отношение к различным общечеловеческим категориям, произведен не «третьим лицом», а

⁶ Пушкирев 1994. С.18.

конкретной социальной группой в конкретных исторических условиях, которая и выступает объектом исследовательского анализа.

Реализация лингвостилистического и рематематического анализа позволяет утверждать, что подавляющее большинство «трудовых» пословиц и поговорок уральских рабочих демонстрирует прагматическое отношение к труду. Из множества данных изречений (около 200) лишь две можно отнести к характеристике труда как высшей, терминальной ценности, освященной творцом: *Бог труда любит; Без труда нет спасенья*. Снятию ореола священности данного отношения способствует переход к языковым средствам разговорно-бытового стиля, сочетающим свойства информативной содержательности (номинации, обозначенности отношения) и эмоционально-экспрессивной насыщенности (ярко выраженной оценки обозначаемого отношения).

В составе пословиц и поговорок, выражающих отношение к труду как осознанной необходимости, выделяется группа изречений, формулирующих прямое прагматическое отношение к нему: *Работать, пока ноги носят и добры люди просят, Делу время, потехе – час, Без труда не вынешь и рыбку из пруда, От работы живот (имущество) недалеко живет*. С ней коррелирует группа метафорических пословиц и поговорок прагматического содержания: *Умирать собирайся, а рожь-то сей, Руки не протянешь, так и с полки не достанешь, Секи капусту, не жди Покрова дня, Горько добудешь, сладко поешь, Раннего мороз не берет*.

И в том, и в другом случаях выделяется общий комплекс мотивационных факторов трудовой деятельности. Самым массовым и распространенным является блок пословиц, рассматривающих труд как единственное средство к существованию (*Без труда не вынешь и рыбку из пруда, Не уча, в попы не встанут, Без труда спасенья не наживешь, Не трудиться, так и хлеб не родится, От работы живот недалеко живет, Руки не протянешь, так и с полки не достанешь, Держись крепче за рогаль, соха прокормит, Не хлеб за нами, а мы его зарабатываем, Волка ноги кормят, Горько добудешь, сладко поешь, Встанешь пораньше, шагнешь подальше, Кто рано встает, у того хлеба достаёт, Курочка по зернышку собирает, да съта бывает, Шей да пори, не будет простой поры, Своими руками убытка нет*) и как гарант достойного качества жизни в соответствии потребительскими стандартами своего времени (*Как потопаеть, так и полопаеть; Как постелешь, так и выступишь; Каково испечешь, таково и съешь, Каково руки сделают, таково и носят, Сколько заведешь, столько и испечешь, Не смотри на дело, смотри на отделок, Глубже пахать, большие хлеба жевать, Каковы сани, таковы и сами, По труду и честь воздается, По заслугам и чин дается, Как руки сделают, так плечи и износят, Что посеешь, то и пожнешь, Работай до поту, поешь в охоту*).

В единичных выражениях представлены такие факторы как зависимость человека от норм групповой морали (*Умирать собирайся, а рожь-то сей*), оценка труда как общественно-значимой цели (*Работать, пока ноги носят, и добры люди просят*), как средство от скуки и безделья (*Не будет скуки, если заняты руки*). С разной степенью экспликации представлена оценка положительного прагматического отношения к труду. Оценочные характеристики представляются чаще всего посредством лексической или контекстуальной антиномии: *Дело с бездельем не смешивай, Труд кормит, а лень портит, Встань пораньше, шагнешь подальше* и т.п. В целом, группа пословиц и поговорок, непосредственно и опосредованно (метафорично) выражающих прагматическое отношение к труду, предназначена обеспечить рационально-волеизъявительное принятие данного отношения как руководства к действию, как способа существования.

К этой группе примыкает довольно внушительный блок пословиц и поговорок, выражающих косвенно-прагматическое положительное отношение к трудовой деятельности путем демонстрации отрицательного отношения к лени и безделью – качествам, разрушающим генеральное отношение. В этом ряду выделяется ограниченная группа выражений-констатаций типа *Лень раньше нас родилась, Лень да потягота живут на болоте, Ему лень лениться, не только шевелиться*, «открывающая» группы высказываний, выражающих резко отрицательное отношение к описываемому качеству. Здесь представлены изречения прямой отрицательной квалификации бездеятельности, в которых слова «лень, безделье» и производные от них организуют тематическую, режу – рематическую часть высказываний: *Лень – на ремень, Лень лени за ложку взяться, да не лень лени обедать, От безделья и это – рукоделье, Лень добра не делает: без хлеба обедает, Под лежебока вода не пойдет, Скучен день до вечера, коли делать нечего*.

Более представителен пласт метафорических изречений, выражающих отрицательное отношение к лени, безделью, ленивым людям. Их анализ показывает, что аналогично «трудолюбивым» пословицам «ленивые» изречения демонстрируют негативно-прагматическое отношение к лени и безделию и выделяют конкретные материальные и духовные причины отказа от нее. Лень ведет к падению производства и, как следствие, к снижению уровня жизни вплоть до голодного или нищенского существования (*Летом нагуляешься, зимой наголодаешься, Лень добра не делает: без хлеба обедает, Выспится, а сенокос дремать не станет, Стрелять, да удить – ничего не будет, Рыбка да ушка сделают без обушка, Рыбка да рябки – потеряй деньки, У ленивой пряжи про себя нет рубахи*); она укорачивает жизнь, ведет к болезням, необеспеченной старости и в целом создает дискомфортную среду обитания (*Кто смолоду много гуляет, тот в старости с голоду помирает, Где*

чаи да сахары, там и немочи, Много спать, мало жить); лень портит людей, способствует формированию зависти, других человеческих недостатков и ведет к нравственной деградации личности (*Встань кормит, а сядь портит, Комзолы зелены, а щи несолены, Пилося бы да елося, а работушка на ум нейдет, Праздники знает, да будни не помнит, На чужой каравай рот не разевай: пораньше вставай, свой припасай, В пень колотит, да день проводит, Стоячее болото гниет, Не затем руки даны, чтобы даром болтались, Спим до обеда, а судачим на соседа, что не пришел не помог, Шатается как коромысло*).

На фоне положительного прагматического отношения к труду в среде уральских рабочих реализуется объемный фонд пословиц и поговорок, детализирующих его и выделяющих наиболее важные и ценные для рабочих и крестьян параметры трудовой деятельности, к которым относятся качественное выполнение трудовых операций и профессионализм исполнения всей работы.

Пословицы категории «качество труда» определяют содержательные и временные критерии качественного исполнения трудовой деятельности и ориентируют на воспитание соответствующих черт российских работников. К ним относятся осторожность, осмотрительность (*Скоро-то не споро, тихо-то не лихо, На сусле пива не угадывают, Не всяко лыко в строку, Не спрося броду, не суйся в воду, Подальше положишь, поближе возьмешь, Кинулся за уткой, потерял лодку, Едешь на день, а хлеба бери на два, Не доглядишь оком – заплатишь боком*); основательность, продуманность, неспешность действий (*Не вдруг на гору – с поноровочкой, Берись дружно, не будет грузно, Дорого наладиться, а сробить успеешь, Наряжай, да делай, посылай, да бегай,, Семь раз отмерь, один отрежь, Тихий воз будет на горе, Не круто, да будет туто, Тихо едешь, дальше будешь, Доброго настыря дело овец стричь, а кожи не сымать*); соответствующее техническое обеспечение трудовых операций (*Решетом воды не наносишь, Без снасти и вошь не убьешь, Не нажмешь клечом, так и не наживешь плечом, На то кузнец и клеици кует. Чтобы руки не жгло*); упорство, доведение дела до конца (*Лопнуло мочало, начинай сначала, Взялся за гуж, не говори, что дюж, Назвался груздем – полезай в кузов, Исподволь и ольха гнется, Заварил кашу – не жалей масла, Взялся пасти стадо, паси и мою корову, Конец дело красит, Кончил дело, гуляй смело, Худому делу - худой конец*); своевременное выполнение работы (*Делу время, потехе – час, Откладывай безделье, не откладывая дело, Дело с бездельем не смешивай, Девица пой, да дельце помни, Не спеши языком, а спеши делом, Куї железо, пока горячо, Когда кипит, тогда и вари, На час отстанешь, в неделю не догонишь, Дали белке орехов, когда зубов не стало, Пропустив лето, не ходят в лес по калину. Ягодки вовремя берут. Куда торопиться: смелешь, да уйдешь*).

О ведущей роли такого критерия как профессионализм свидетельствуют пословицы и поговорки, выражающие уважительное отношение к мастерству исполнителя и к высокому качеству выполнения работы: *Долго ли кто умеет, Да уж если он не сделает, тогда свинья – красавица, Всякое дело мастера боится, И швец, и жнец, и в дудку игрец, На том коне сидит, Всяк спляшет, да не как скomorох, Это не палочку переложить, Не ягоду с куста сорвать. Не веретено встряхнуть, В руках-то не киснет, а кипит.* Помимо прямой констатации почтительного и почтенного отношения к специалистам пословицы формируют главное условие высокопрофессионального исполнения работы, которым народное сознание считает своевременное, качественное, добротное обучение азам мастерства: *Не с умением все рождаются, Не портя дела, мастером не будешь, Глаза бояться, а руки делают, Не разбивши яиц, яичницы не сделаешь, Учиться – грести против течения, только перестать – назад унесет, Помучишься, так научишься, Что умеешь – не забывай, а чего не умеешь – тому учись, Век живи, век учись, До смерти учись, до гроба исправляйся, Ученье – свет, а неученье – тьма, Неграмотный, что слепой, Не уча, в попы не встают.*

Блок пословиц и поговорок, выражающих почтительное отношение к высококачественной работе и мастерству исполнителей, завершает группа изречений, выражающая презрительно-неуважительное отношение к неумелым, непрофессиональным действиям или низкому качеству выполняемой работы. Поскольку оценочные отношения чаще заложены на коннотативном уровне компонентов, формирующих пословицы и поговорки, постольку состав изречений неметафорического характера, выражающих анализируемое отношение, невелик: *Ни дела, ни работы, Не дело – пьяной бабе коров доить.* Метафорические пословицы и поговорки, отражающие разную степень критического отношения к неумелому выполнению деятельности или непрофессионализму работника, позволяют «расцветить» данное отношение различными оттенками иронии, насмешки, сожаления, унижения и т.п.

Среди рассматриваемых пословиц и поговорок по субъектно-объектной направленности выражаемого отношения можно выделить следующие группы.

Насмешливо-ироническое отношение к неумелому выполнению деятельности с оценкой по результату: *Пекла пирожки – вышли покрывки да горшки, Один блин, да и тот комом, А на деле – ни пузыря, ни пены, Рано встала, да мало напряла, Годно в пиво, не годно в квас, Завела весной, а он все пресной, Одна мучка – да не одни ручки, Хомут да дышло – а ничего не вышло, Были планы Наполеона, а свод-то вышел от печника Иллариона, Стrepня – рукава стрехня, Тяп-ляп – и клетка.*

Иронично-неуважительное отношение к некачественному выполнению деятельности: *Семеро накладывают, а один носит, Дело спо-*

рится: то сошьется, то распорется, Крой да песни пой, станешь жить – наплачешься, Ломить ломком – не жить домком, Через тын палкой, Через пень – колоду, работы много, а делать нечего.

Презрительно-неуважительное отношение к неумелому использованию работы: *Кукушка не ястреб, неуч не мастер, Ни купить, ни продать, ни налить, ни подать, Трем свиньям корму не разделит, По бороте Авраам, а по делам – Хам, У тебя и золото помедует.*

В целом, все проанализированные группы и подгруппы пословиц и поговорок, выражающие прагматическое отношение к труду, своей многочисленностью, богатством детализации положительной оценки генерального отношения свидетельствуют о том, что отношение к труду как высшей инструментальной ценности было самым распространенным в среде рабочих и крестьян Урала и обеспечивало «расцвет» таких ментальных качеств народа, как трудолюбие и упорство.

Одновременно в активном пословичном словаре представлены изречения, культивирующие негативное отношение к труду, т.е. высказывания, разрушающие генеральное прагматическое отношение. Оппозиционный класс изречений условно обозначим как негативно-прагматический. Рематематический анализ высказываний, выражающих негативно-прагматическое отношение к труду, обнаруживает ограниченную представленность изречений-констатаций. Абсолютное большинство пословиц и поговорок данного класса имеют «объяснительный» характер, т.е. в их смысловом содержании заложена информация о том, при каких условиях и по каким причинам актуализируется принципиально новое отношение. К ним относятся: тяжесть профессионального труда рабочих и крестьян (*Работает – из-под ногтей кровь бежит, Ни охнуть, ни вздохнуть И в колья, и в мелья, и в лес, и по дрова, Дуй, куй, и по воду беж, Не от вина болит спинушка, а от левой работушки*); быстрое старение и смерть как результат тяжелого, непосильного труда (*Укатали сивку крутые горки, Был конь, да изъезжен, Моя ведь шея-то скрипит*); отсутствие достойного вознаграждения за постоянный, изнуряющий труд (*От работы не будешь богат, а будешь горбат, От трудов праведных не наживешь палат каменных, Прожил век за холщовый мех, Топор да лопата не живут богато, У кузнеца нет ни ножа, ни топора, Кто больше лоб потит, на того больше палок ляжет, Суемено, да неуедено*).

Учитывая содержание выражений-констатаций, легко объяснить наличие группы пословиц и поговорок, в которой актуализация негативно-прагматического отношения к труду обусловлена осознанием неисчерпаемости, неизбывности тяжелой по содержанию работы: *Всего не переделаешь, Робь, робь, а все в гроб, Работа не черт, в воду не уйдет, Дело не волк, в лес не убежит, Куда торопиться: не с колосу валиться, Что за беда, что в огороде лебеда.* Невозможность обеспечить

достойное существование даже при условии выполнения тяжелой, изнуряющей и длительной работы приводила к актуализации пословиц и поговорок, реализующих установку на отказ от любой работы или ее некачественное выполнение: *Пусть робит дурак да медведь, а я буду в окошко глядеть, На работе не радей, а с работы не робей.*

Наличие и сохранение даже малочисленного состава пословиц и поговорок, актуализирующих негативно-прагматическое отношение к труду, свидетельствует о регулярной воспроизводимости социально-экономических причин и условий, благодаря которым развивается тенденция к разрушению генерального отношения к работе как высшей инструментальной ценности, и она сбрасывается в глубины сознания, переходит в «ценностный архив».

Результаты лингвостилистического и рематематического анализа пословиц и поговорок, отражающих состояние ценностно-мотивационной сферы трудовой деятельности рабочих и крестьян Урала в пореформенный период, подтверждаются наблюдениями известных исследователей крестьянской психологии М.М. Громько и Н.А. Миненко, которые считают, что трудолюбие оценивалось общественным мнением крестьян как важнейшее положительное качество человека. Лень, неумелое выполнение работы или недобросовестное отношение к ней подвергались с их стороны резкому осуждению, а крестьянские дети с малых лет приучались к разным видам труда⁷. О желании трудиться и ценности для уральских рабочих честного труда говорится во многих источниках, вышедших из их среды. Ижевские рабочие в апреле 1885 г. просили «дать... возможность честно и своим трудом заработать кусок хлеба и... поддержать в нас высоконравственное и благородное стремление к труду... в той сфере, в которой мы родились и воспитывались и к которому привыкли»⁸. Просьба предоставить возможность «честным трудом добывать себе с семействами насущный кусок хлеба»⁹ содержалась и в прошении рабочих Воткинского завода 20 сентября 1896 г. Директор Горного департамента сообщал в феврале 1900 г. о том, что рабочие Верх-Исетского завода «искали труда и просили о работе, чтобы избегнуть с семьей крайней нужды и голода»¹⁰. Рабочим было свойственно уважение к мастерам своего дела, которое сформировалось еще в дореформенное время. В 1840-х гг. тагильские рабочие характеризовали качественное выполнение работы такими критериями как «черепановский инструмент», «черепановская работа»¹¹.

⁷ Громько 1999; Миненко 1987.

⁸ РГИА Ф. 1291. Оп. 66. Д. 82. Л. 189.

⁹ РГИА Ф. 37. Оп. 64. Д. 1597. Л. 3.

¹⁰ ГАСО Ф. 24. ОП. 16. Д. 1038. Л. 58.

¹¹ Федорова 1940. С.93.

Этнографы, обследовавшие районы горнозаводского Урала в конце XIX – начале XX в., считали, что уральские рабочие, как правило, имели более благоприятные жизненные условия и лучше питались, чем рабочие промышленных центров Европейской России¹². Однако это достигалось за счет огромных дополнительных трудовых затрат с их стороны и сильной степени эксплуатации. Не случайно среди уральских рабочих вплоть до 1917 г. не было единства по отношению к такой цивилизованной практике как 8-часовой рабочий день. Наряду с требованием его введения, постоянно встречаются просьбы сохранения 12-ти и даже 24-часовых рабочих смен с единым во всех случаях обоснованием – получить больше времени для вторичной занятости.

Несмотря на большой удельный вес трудовой деятельности в повседневной жизни рабочих и крестьян, анализ пословиц показывает, что труд в России не являлся терминальной ценностью, высшей, богоугодной целью по принципу «жить, чтобы трудиться», труд ради труда. Являясь основой жизни, он имел ярко выраженный инструментальный характер и служил средством достижения минималистского потребительского стандарта, ориентированного не на приобретение богатства и расширение хозяйства, а на удовлетворение текущих, элементарных семейно-бытовых нужд (то, что А.Е. Теплоухов характеризовал как «разумное трудолюбие», а Н.Г. Чернышевский определил как жизнь «в довольстве при большой работе, не доходящей, однако, до изнурения сил...»¹³), являлся необходимым условием для последующего отдыха и психологической разгрузки по принципу «хорошо поработать – хорошо отдохнуть» и материальной основой духовно-нравственного развития и самосовершенствования. Эти наблюдения подтверждаются и другими источниками. В частности, в фундаментальном исследовании, проведенном в начале XX в. Особым совещанием о нуждах сельскохозяйственной промышленности отмечалось, что в тех случаях, когда «крестьянин, по его понятиям, должен и может работать, он работает до изнеможения, не покладая рук», но как только прекращается острая нужда, «побуждение к труду» у него пропадает¹⁴.

Это дает основание говорить не только о ценностных, но и ментальных основах трудовой морали русского народа, ее корреляции с такими особенностями национального характера как дуализм русской души, отсутствие чувства меры, упование на авось, удачу и одномоментное чудо, затягивание и заговаривание дела (поразительное стремление спорить до одурения и при этом нежелание и неумение система-

¹² Крупянская 1970. С. 274.

¹³ Чернышевский 1983. С. 124.

¹⁴ Миронов 2001. С. 103.

тически и организованно работать, как отмечало Собрание уральских горнопромышленников в 1917 г.), способность быстро увлекаться и быстро остывать, небрежность, неаккуратность, расточительство, бессеребреничество¹⁵. При этом поговорки не выстраивают жесткую сцепку с терпением как одной из базовых черт русского национального характера, на взаимосвязь которых обычно указывают специалисты. (Терпение и труд все перетрут). Видимо, мы имеем дело с двумя параллельными проекциями: упорным трудом и терпеливым отношением к тяготам повседневной жизни.

Среди специалистов существуют различные объяснения особенностей трудового облика россиян, анализу которых посвящена обширная литература: конфессиональный, природно-климатический факторы, влияние византийской традиции, молодость нации и несформированность ее характера, влияние крепостничества и советской системы, стабильность воспроизводства факторы торможения формирования современной трудовой этики, социально-психологический механизм «мы-они». Вне зависимости от них с качественных позиций трудовой облик российского работника ни в дореволюционной, ни в постсоветской России не отвечал и не отвечает современным требованиям¹⁶. На досоветском этапе это подтверждает анализ поговорок, транслировавшихся на пореформенном горнозаводском Урале. Из 193 выявленных и проанализированных нами активных трудовых поговорок 84, т.е. около половины, отмечают бестолковую, некачественную, недобросовестную работу по принципу «спустя рукава», «тяп-ляп», неумение работать, лень, что косвенно подтверждает массовидность данного явления. Не случайно, еще в 1870-х гг. Г.И. Успенский говорил о «бесплодно-трудовой жизни» русских крестьян, «нисколько не увеличивающей ни благосостояния, ни свободы»¹⁷, в начале XX в. В.И. Ленин называл россиян плохими работниками, а А.М. Горький писал о том, что они «работать не любят и не умеют»¹⁸. Видимо поэтому, поговорки ориентировали на воспитание таких трудовых качеств как осмотрительность, основательность,

¹⁵ Коробков 2004. С. 198.

¹⁶ В этой связи достаточно спорно объяснение рядом специалистов низкого качества труда российского работника слабым уровнем сбережительно-накопительной мотивации и мобилизационным трудовым ритмом [Медведева, Васькина 2011. С. 38-39]. Достаточно сказать, что установки православия на ценность праведной жизни как главной цели россиян среди прочего предполагают ориентацию православного работника на продуктивный и качественный труд. В равной степени в науке не выявлена прямая зависимость качества труда от мобилизационного трудового ритма российского работника.

¹⁷ Зверев 2004. С. 49.

¹⁸ Горький 1990. С. 122.

своевременное и качественное выполнение работы, упорство, доведение дела до конца и отрицательно относились к лени и безделью.

Примерно та же ситуация характеризовала трудовые отношения в России и в конце XX в. По данным социологических исследований, в начале 1990-х гг. в России доминировал тип работника с высокой степенью социальной и профессиональной усталости, деформированной нравственностью, низким уровнем притязаний в сфере потребления, слабой выраженностью достижительных ценностей труда и достаточно сильными установками, сочетавшими стремление к высокому заработку и к минимизации трудовых усилий¹⁹. Многие из этих черт определяют трудовое поведение россиян и сегодня. Не случайно 91% из них считает воспитание трудолюбия важнейшей государственной задачей.

Оценки дореволюционных и современных российских специалистов подтверждаются гетеростереотипами. Иностранцы, жившие в России в XIX в., часто упоминали о неорганизованности и неопределенности русских, их способности увлечься, а потом бросить начатое дело, не доведя его до конца²⁰. Современный японский исследователь С. Хакамада пришел к выводу о слабости в России традиций усердия и самоконтроля, мобилизационном характере трудовой деятельности. «Взявшись за дело, русские могут его с энтузиазмом выполнить; но в целом, работа для них – не более чем насилие со стороны, и, если их не контролировать, они от нее отлынивают»²¹.

Приходится констатировать двойственную ситуацию. Либо мы по-прежнему находимся на этапе перехода от «этики праздности» традиционного общества вследствие как минимум векового отставания социокультурной модернизации от экономической, и при соответствующих социально-экономических и политических условиях она трансформируется в современную, либо в ее основе лежат ментальные константы, обеспечивающие ей вневременную прочность и устойчивость, и этика праздности и есть ментальная основа трудовой этики россиян. В любом случае с учетом того, что в основе трудового облика российского работника лежат глубинные и давние социокультурные, ментальные и ценностные основания, которые невозможно мгновенно перестроить под влиянием конкретно-ситуативных реалий, целесообразно учитывать следующие обстоятельства.

Прежде всего, необходимость корреляции социально-экономического курса и вектора политического развития страны с базовыми ценностями и ядром национальной психологии русского народа и прекраще-

¹⁹ Козырева 2005. С. 37.

²⁰ Марцинковская 1994. С. 52.

²¹ Хакамада 1999. С. 31.

ние попыток их искоренения, что, как свидетельствует мировая практика, недостижимо. Более того, на материале новых индустриальных стран дальневосточного региона она показывает удачные примеры синтеза новых социально-экономических и политических институтов и инокультурного материала с духовно-ценностной матрицей национальной культуры. Да и в основе инерционно-мобилизационной модели исторического развития имперской и советской России со всеми ее плюсами и минусами лежит соответствующий тип трудовой культуры.

Вместе с тем, стабильность и долговечность базовых черт национального менталитета не отрицает возможность их определенной трансформации под влиянием новых исторических реалий и направленной манипуляции массовым сознанием. Примером тому может служить успешная мобилизация трудовой энергии масс под влиянием соответствующих идеологических конструкций на определенном этапе социалистического развития России²². Это ставит перед властью и экспертным сообществом задачу преодоления остаточного принципа по отношению к социокультурной сфере и выдвигание ее в число приоритетных, если не опережающих задач общественного развития или, по крайней мере, ее синхронизации с экономической модернизацией.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Государственный архив Свердловской области (ГАСО) Ф. 24. Оп. 16. Д. 1038. Л. 58.
Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 1291. Оп. 66. Д. 82. Л. 189.
Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 37. Оп. 64. Д. 1597. Л. 3.
Герчиков В.И. Люмпенизация работника – тормоз на пути перехода к рынку: постановка проблемы // Социология труда в новых условиях. Самара: Изд-во Самарского гос. ун-та. 1993. С.56-63.
Горький А.М. Несвоевременные мысли. М., 1990. 274 с.
Громыко М.М. Традиционный нравственный идеал и вера // Русские. М., 1999. С. 673-698.
Жижко Е.В. Российская трудовая этика в социально-психологическом контексте экономической реформы // Российское общество на рубеже веков: штрихи к портрету. М., 2000. С. 202-217.
Зверев В. «Власть земли» и «власть денег» в произведениях Глеба Успенского // Историк и художник. 2004. №1. С. 43-58.
Козырева П.М. Некоторые тенденции адаптационных процессов в сфере труда // Социологические исследования. 2005. №4. С. 37-46.
Коробков Ю.Д. Политический выбор и политическое поведение уральских рабочих в 1917 // Проблемы российской истории. Магнитогорск, 2004. Вып. III. С. 196-217.
Коробков Ю.Д. Трудовая этика рабочих Урала в конце XIX–начале XX века // Индустриализация в СССР: уроки истории (к 70-летию пуска Челябинского тракторного завода). Челябинск, 2003. С. 114-117.
Крупянская В.Ю. Эволюция семейно-бытового уклада рабочих // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 271-289.
Магун В. Российские трудовые ценности в сравнительной перспективе // Социологические чтения. Вып. 2. М., 1997. С. 134-176.

²² Магун 2007. С. 143.

- Мареева С.В. Динамика норм и ценностей россиян // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 120-131.
- Марсель ван дер Линден. Мотивация труда в российской промышленности: некоторые предварительные суждения // Социальная история. Ежегодник 2000. М., 2000. С. 18-31.
- Марцинковская Т.Ю. Русская ментальность и её отражение в науках о человеке. М., 1994. 155 с.
- Медведева З.А., Васькина О.З. Ценность труда в массовом сознании аграрного населения России в конце XIX в. // Вопросы культурологии. 2011. №1. С. 37-41.
- Миненко Н.А. Фольклор и этические традиции русских крестьян Сибири (по материалам XVIII в.- 60-х годов XIX в.) // Традиционные обряды и искусство русского и коренного народов Сибири. Новосибирск, 1987. С. 41-65.
- Миронов Б.Н. «Послал бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник. 1999. М., 2000. С. 243-283.
- Миронов Б.Н. Отношение к труду в дореволюционной России // Социологические исследования. 2001. № 10. С. 99-108.
- Неймер Ю.Л. От кризиса общества к кризису труда // Социологические исследования. 1992. № 5. С. 23-32.
- Пушкарев Л.Н. Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII-XVIII вв. М., 1994. 192 с.
- Сергеев С.С., Сергеева З.Х. Дух номенклатурного социализма и мутации современной трудовой этики // Вестник Казанского технологического университета. 2012. № 24. Т. 15. С. 24-32.
- Слюсарянский М.А. Отношение к труду и личность наемного работника // Власть. 2012. №6. С. 12-23.
- Соколов А.К. Перспективы изучения рабочей истории в современной России // Отечественная история. 2003. № 5. С. 130-139.
- Темницкий А.Л. Патерналистские основы российской цивилизации в сфере труда // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 2(10). С. 86-95.
- Тихонова Н.Е. Динамика нормативно-ценностной системы российского общества (1995-2010 годы) // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 5-19.
- Федорова Б. Крепостной Тагил. Свердловск, 1940. 112 с.
- Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914-1941 гг. Екатеринбург, 2001. 432 с.
- Хакамада С. Самоорганизация и стихийность: опыт сравнительного социально-психологического анализа Японии и России // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 9-18.
- Чернышевский Н.Г. Письма без адреса. М., 1983. 237с.

REFERENCES

- Gosudarstvennyi arhiv Sverdlovskoi oblasti (GASO) F. 24. OP. 16. D. 1038. L. 58.
- Gerchikov V.I. Lyumpenizatsiya rabotnika – tormoz na puti perekhoda k rynku: postanovka problemy // Sotsiologiya truda v novykh usloviyakh. Samara: Izd-vo Samarskogo gos. un-ta. 1993. S. 56-63.
- Gor'kii A.M. Nesvoevremennye mysli. M., 1990. 274 s.
- Gromyko M.M. Traditsionnyi npravstvennyi ideal i vera // Russkie. M., 1999. S. 673-698.
- Zhizhko E.V. Rossiiskaya trudovaya etika v sotsial'no-psikhologicheskom kontekste ekonomicheskoi reformy // Rossiiskoe obshchestvo na rubezhe vekov: shtrikhi k portretu. M., 2000. S.202-217.
- Zverev V. «Vlast' zemli» i «vlast' deneg» v proizvedeniyakh Gleba Uspenskogo // Istorik i khudozhnik. 2004. S.43-58.
- Kozyreva P.M. Nekotorye tendentsii adaptatsionnykh protsessov v sfere truda // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2005. №4. S.37-46.

- Korobkov Yu.D. Politicheskii vybor i politicheskoe povedenie ural'skikh rabochikh v 1917 // Problemy rossiiskoi istorii. Magnitogorsk, 2004. Vyp. III. S.196-217.
- Korobkov Yu.D. Trudovaya etika rabochikh Urala v kontse XIX – nachale XX veka // Industrializatsiya v SSSR: uroki istorii (k 70-letiyu puska Chelyabinskogo traktornogo zavoda). Chelyabinsk, 2003. S.114-117.
- Krupyanskaya V.Yu. Evolyutsiya semeino-bytovogo ukлада rabochikh // Rossiiskii proletariat: oblik, bor'ba, gegemoniya. M., 1970. S. 271-289.
- Magun V. Rossiiskie trudovye tsennosti v sravnitel'noi perspektive // Sotsiologicheskie chteniya. Vyp. 2. M, 1997. S.134-176.
- Mareeva S.V. Dinamika norm i tsennostei rossiyan // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2013. № 7. S. 120-131.
- Marsel' van der Linden. Motivatsiya truda v rossiiskoi promyshlennosti: nekotorye predvaritel'nye suzheniya // Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik 2000. M., 2000. S.18-31.
- Martsinkovskaya T.Yu. Russkaya mental'nost' i ee otrazhenie v naukakh o cheloveke. M., 1994. 155 s.
- Medvedeva Z.A., Vas'kina O.Z. Tsennost' truda v massovom soznanii agrarnogo naseleniya Rossii v kontse XIX v. // Voprosy kul'turologii. 2011. №1. S.37-41.
- Minenko N.A. Fol'klor i eticheskie traditsii russkikh krest'yan Sibiri (po materialam XVIII v.-60-kh godov XIX v.) // Traditsionnye obryady i iskusstvo russkogo i korennoogo narodov Sibiri. Novosibirsk, 1987. S. 41-65.
- Mironov B.N. «Poslal bog rabotu, da otnyal chert okhotu»: trudovaya etika rossiiskikh rabochikh v poreformennoe vremya // Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik. 1999. M., 2000. S. 243-283.
- Mironov B.N. Otnoshenie k trudu v dorevolutsionnoi Rossii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2001. №10. S.99-108.
- Neimer Yu.L. Ot krizisa obshchestva k krizisu truda // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1992. № 5. S. 23-32.
- Pushkarev L.N. Dukhovnyi mir russkogo krest'yanina po poslovitsam XVII-XVIII vv. M., 1994. 192 s.
- Sergeev S.S., Sergeeva Z.Kh. Dukh nomenklaturnoogo sotsializma i mutatsii sovremennoi trudovoi etiki // Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta. 2012. № 24. T. 15. S. 24-32.
- Slyusaryanskii M.A. Otnoshenie k trudu i lichnost' naemnogo rabotnika // Vlast'. 2012. № 6. S. 12-23.
- Sokolov A.K. Perspektivy izucheniya rabochei istorii v sovremennoi Rossii // Otechestvennaya istoriya. 2003. № 5. S.130-139.
- Temnitskii A.L. Paternalistskie osnovy rossiiskoi tsivilizatsii v sfere truda // Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika. 2015. №2(10). S.86-95.
- Tikhonova N.E. Dinamika normativno-tsennostnoi sistemy rossiiskogo obshchestva (1995-2010 gody) // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2011. №4. S.5-19.
- Fedorova B. Krepostnoi Tagil. Sverdlovsk, 1940. 112 s.
- Fel'dman M.A. Rabochie krupnoi promyshlennosti Urala v 1914-1941 gg. Ekaterinburg, 2001. 432 s.
- Khakamada S. Samoorganizatsiya i stikhiinost': opyt sravnitel'nogo sotsial'no-psikhologicheskogo analiza Yaponii i Rossii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1999. № 4. S. 9-18.
- Chernyshevskii N.G. Pisma bez adresa. M., 1983. 237 s.

Коробков Юрий Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова; n.kyakkinen-56@yandex.ru

Гневэк Ольга Владимировна, доктор педагогических наук, профессор, директор Института педагогики, психологии и социальной работы Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

**Attitudes to the labour of the Ural workers
in the context of historical linguistic analysis**

In contemporary Russian social science, there has been a sustained research interest in the studying of the labor ethics and behavior of the modern Russian workers from the point of the identification of the adequacy to the social and economic reforms. However, the opposite effect problem of the labor morality in the transformational changes has not yet been properly considered. It is impossible to solve this problem without identifying core values in a broad historical perspective. The insufficient knowledge of this problem led to the selection of the research direction. The following conclusions were made in the historical linguistic analyses of the workers' proverbs of the Urals. As the work was a living base of the working class, it was not a value for them, but it had a clearly pronounced nature. It was a means for achieving consumption standards not connected with wealth, hoarding and more farming. Along with a predominance of a positive pragmatic motivation the proverbs remain widespread in showing a poor-quality work, laziness and a careless approach to the task. Thus, discretion, thoroughness and excellent work performance were basic features of workers. All these features were of great value, but dualism of Russian character, a sense of proportion, a chance to take something, delays, negligence, waste had a great influence on the behavior in the working life.

Keywords: labor values, workers of the Urals, proverbs, historical linguistic analysis

Yuriy Korobkov, Dr.Sc., Professor of the History Department of MSTU; n.kyakkinen-56@yandex.ru

Olga Gnevек, Dr.Sc. (Education), Professor, Head of the Institute of Pedagogy, Psychology and Social Work of MSTU

В. В. УСТЮГОВА

СЕМЬЯ И ДРУГИЕ ЦЕННОСТИ В ФИЛЬМАХ ЕВГЕНИЯ БАУЭРА 1913–1917 гг.

В статье рассматриваются современные ценности, получившие выражение в фильмах русского режиссера Е. Бауэра. Нарративный кинематограф в момент своего зарождения разрабатывает жанр современной драмы. Являясь одним из создателей нового визуального, кинематографического языка, Е. Бауэр в своем творчестве оказался чувствителен к социальной тематике, изобразив уклад жизни внутри городского пространства, показав новых героев современности, формирование семьи буржуазного типа, изменение положения женщины в современном обществе, индивидуальные эмоции, этические и эстетические идеалы своего времени.

Ключевые слова: кинематограф, Art Nouveau, индивидуализм, институт семьи, гендерная история, телесность, визуальный язык, потребительская культура

Творчество одного из первых режиссеров мирового кино Евгения Бауэра было высоко оценено уже современниками. Зрители восхищались красотой его постановок, критики говорили о бауэровской эпохе светотворчества. Бауэр был законодателем кинематографической моды, влияние его идей прослеживалось в кинопоисках разных режиссеров и ателье – от В. Мейерхольда до кинопредпринимателя Д. Харитонova. Фильмы Е. Бауэра стали визитной карточкой русского кинотия в глазах западного зрителя. Профессиональные открытия режиссера сыграли большую роль в развитии языка немого кино. Его ученик, один из лидеров киноавангарда 1920-х Лев Кулешов считал, что Бауэр сделал кинематографию искусством. В то же время советские киноавангардисты называли дореволюционные мелодрамы «переживальчеством», «киноводочным изделием». Когда фильмы Е. Бауэра и других русских режиссеров попали на Запад, публика удивлялась, почему они имеют трагические, несчастливые концы. В творчестве мастера ханжонковской фабрики присутствует неповторимая манера, выделяющая его среди других деятелей раннего кино, в то же время в его картинах присутствуют общие социокультурные интонации эпохи¹.

Какие социальные связи и эмоциональные привязанности изображают фильмы Бауэра? Носителем каких ценностей выступает сам режиссер? В «Немых свидетелях» выделяются образы старого дворецкого в исполнении А. Херувимова и его внучки, выполняющей по дому работу горничной (Д. Читорина). В киноленте изображен барский дом²,

¹ Меланхолия прослеживается в названиях бауэровских фильмов – «Жизнь в смерти», «После смерти», «Умиравший лебедь».

² «На экране словно бы дан в разрезе один дом – с швейцарской, кухней, парадной лестницей и черным ходом, гостиной, кабинетом хозяина, спальней», – пишет Н.М. Зоркая. – Зоркая 1976. С. 272.

однако с теплотой режиссер показывает жизнь старика-швейцара (он в форменной ливрее, на нее надеты боевые медали), его внучки (милой девушки, почти ребенка, которая возится с кошкой), кухарки. Это маленькая семья на экране. В картине «Дети века» мы видим скромную квартиру служащего и его семьи на окраине Москвы. Мужа играет мхатовский актер Иван Горский, его супругу – Вера Холодная. Режиссер снимает семейный уют, показывает любящих родителей, играющих с ребенком. В самом известном фильме Бауэра «Жизнь за жизнь» выделяется образ матери, миллионерши Хромовой – мастерская роль Ольги Рахмановой, – которая борется за честь своей семьи. В ленте «За счастьем» изображена любовь немолодых людей и выведена героиня Лидии Кореневой, которая жертвует этой любовью ради дочери; на экране кадры, залитые южным солнцем. Вспомним и короткий комедийный фильм «Первая любовь», который повествует о маленькой девочке, отправляющейся на свидание, но столкнувшейся на дорожке с препятствием в виде огромной жабы. Потом выясняется, что жаба – это дамский ридикюль в форме жабы (изобретательный стиль модерн!), но девочка уже забыла о свидании, она кормит цыплят и голубей.

Это мелодрамы или комедийные фарсы, они изображают человеческие привязанности, семейные отношения, строятся на диалоге чувств и морали, в них возникают социальные сюжеты. В картинах Бауэра содержится осмысление новой социальной реальности, возникшей в результате урбанизации эпохи модерна, и ленты режиссера интересны для понимания социальной и культурной динамики российского общества. Предметом анализа может оказаться как своеобразная чувствительность кинематографа к социальной тематике, так и идеи нового визуального языка, пропагандистом которых был Е. Бауэр.

Рассмотреть социальные ценности в фильмах режиссера представляется возможным в русле *modernity studies*. Дебаты о модерности не утихают: полемики о модерне и постмодерне конца прошлого века сменились размышлениями о множественности модернов. Так, в развернутой на страницах «Нового литературного обозрения» дискуссии, анализируя англоязычную историографию советской модерности, М. Дэвид-Фокс останавливается на понятиях «отсутствующей», «общей», «альтернативной» и «переплетенной» модерности³. Вспоминая беньяминовское определение модерности, М.Д. Стейнберг замечает, что анализ мог бы быть иным, если бы автор обратился к исследованиям дореволюционной России, указывая на то, что важно «прислушаться к тому, что говорится» о модерности «людьми, живущими в то время и в том месте, которые мы изучаем», и это будет «косязаемый и эмоционально переживаемый опыт современной жизни»⁴.

³ Дэвид-Фокс 2016. С. 19–46.

⁴ Стейнберг 2016. С. 52–56.

Понятие *modernité* ввел Ш Бодлер, размышляя об искусстве и художниках, отказавшихся писать позы и торсы аллегорических фигур и обратившихся к изображению современников и явлений современной жизни – бульваров, парков, шантанов, танцзалов, борделей, цирка. Вслед за Бодлером, сквозь призму его поэзии, В. Беньямин изучает уклад нового городского пространства, возникшего в Париже в середине XIX в. и являющегося продуктом Нового времени⁵. Беньяминовское понятие *современности*, раскрывающееся с помощью образов-метафор (богема, фланер, толпа, буржуа, мода, сплин и др.), входит в круг тем трудов по культурной истории и истории идей. Задавшись целью рассмотреть социальное измерение в фильмах русского режиссера эпохи модерна, мы обращаемся к оптике и методологии беньяминовской *современности*. Через призму художественных, кинематографических, образов возникают приметы городской среды начала века, черты культуры модерна, в кино блистают новые кумиры публики.

«Увидеть» современные ценности в кинематографе Е. Бауэра мы задалась в нескольких проблемных сюжетах. Попытаемся разобраться, какие социальные персонажи представлены в лентах режиссера, как выведена человеческая индивидуальность и показана трансформация института семьи, изменение положения женщины в современном обществе, каким образом изображена эмоциональная сфера, этические нормы, потребительская культура в момент распространения Art Nouveau. Кроме того, важно подчеркнуть, что эти темы и образы нашли выражение в новой визуальной культуре, генерация идей которой происходила благодаря деятельности таких художников, как Е. Бауэр.

В историографии раннего кинематографа Бауэру принадлежит одно из центральных мест, его творчество связывается с русским модерном, утилитарными буржуазными ценностями⁶. Вышла антология «Е.Ф. Бауэр: pro et contra», где собраны известные оценки его творчества современниками и киноведами⁷. Изучаются нарративные стратегии дореволюционных мелодрам, телесные коды социальной иерархии в кино⁸. Анализ социальной тематики кинолент Бауэра требует привлечения работ по истории городских сословий⁹, исследований института семьи¹⁰, феминизма¹¹. В свете «эмоционального поворота» в историографии интерес вызывает история чувств, в современных исследованиях подчеркивается сконструированный, культурный характер чувств,

⁵ Беньямин 2015.

⁶ Гинзбург 1963; Громов 1976; Зоркая 1997; Цивьян 2002.

⁷ Бауэр 2016.

⁸ Doane 1990; Hansen 1992; McReynolds 2002; Morley 2005; Булгакова 2005.

⁹ Миронов 2003; Smith 2014.

¹⁰ Ransel 1978; Engelstein 1994; Engel 1994; Wagner 1994; Веремченко 2007.

¹¹ Пушкарева 1997, 2002; Стайтс 2004; Fuchs, Thompson 2005; Юкина 2007; A Belle Époque? 2007; Women in the Arts in the Belle Époque. 2012.

социальная роль эмоций¹². По истории искусства модерна существуют классические труды, вместе с тем проблематика работ расширяется, когда речь заходит о взаимосвязях искусства и общества, распространении стиля модерн в повседневной жизни, потребительской культуре, моде, построении телесности и идентичности в кинематографе¹³.

«Новый индивидуализм»

В русском частновладельческом производстве выделялись кинофирмы, создававшие фильмы для «первых» экранов. Недоброжелатели ханжонковской фабрики отмечали: «Главным режиссером у Ханжонкова был Бауэр, опереточный декоратор, набивший руку на феерике и обозрениях и культивировавший этот стиль в кино и приведший за собой опереточных героев – “графьев, князьев и маркизов”. Мадам Ханжонкова с гордостью говорила, что “сценариев с лаптями” она не ставит, а русскую рубашку признает только шелковую»¹⁴. Как мастер салонной мелодрамы, режиссер отдавал предпочтение изображению блистательного городского мира, высшего общества, элиты.

Несмотря на то, что сословия российского общества трансформировались в профессиональнее группы, внутри них выделялись страты, существенно отличавшиеся в имущественном отношении, и идентичность индивида продолжала определяться через его сословные права¹⁵. Бауэр по-своему изобразил социальные конфликты. Персонажи его картин – столичная аристократия, провинциальные помещики, буржуазные и мелкобуржуазные слои, интеллигенция, чиновники, военные, студенты, артисты, борцы, подмастерья, прислуга. Вместе с тем город и городские элиты интересны режиссеру из-за возможности показать изменения, которые происходили в городской жизни начала века, наполнить кадры кинематографической натурой, явлениями современности – особняки в стиле модерн, автомобили, развлечения «бель эпок». Городская среда была интересна своей динамикой: в городской культуре на смену традиционным ценностям приходили утилитарные, менялись взаимоотношения в семье, отношение к женщине, человеческой индивидуальности в целом. Аналогичные фильмы снимали в Европе и Америке, среди них итальянские салонные драмы с Ф. Бертини, Л. Борелли, П. Меничелли, американские приключенческие ленты с Перл Уайт, датские психологические картины студии «Нордиск», в первую очередь У. Гада с Астой Нильсен, французские авантюрные серии Луи Фейада. В русском кинематографе сложилось понятие «итальянский стиль», который более всего находили в кинолентах Е. Бауэра. Салонную дра-

¹² Emotional Turn? 2009; Российская империя чувств. 2010; Зорин 2016.

¹³ Silverman 1989; Вайнштейн 2006; Fashion in Film. 2011; Гандл 2011; Women in the Arts in the Belle Époque. 2012.

¹⁴ Висковский В.К. Мои двадцать лет в кино...

¹⁵ Миронов 2003. Т. 1. С. 142, 144; Smith 2014.

му отличало участие красивых актеров, внимание к туалетам и интерьерам, забота о красивой и качественной фотографии.

Фильмы Бауэра, как и ленты западных режиссеров «бель эпок», транслировали новые концепты идентичности, «новый индивидуализм» европейской культуры. Русская классическая литература негативно оценивала индивидуализм, поддерживая концепцию общественного призвания. Попытки национально-государственной самоидентификации осуществлялись в значительной мере в опоре на опыт литературной рефлексии¹⁶. В пореформенное время на смену патриархальному господству и патернализму, власти главы семьи, хозяина, помещика и государя, приходили отношения, которые начали строиться на рациональных соображениях, на договоре и законе. Процесс индивидуализации затронул разные слои населения, однако правом на частную жизнь пользовались только представители высшего класса.

Социальный статус требует маркеров, и в фильмах Бауэра ими выступают времяпрепровождение персонажей, их движения, жесты, одежда. А. Бек-Назаров вспоминал слова режиссера: «Ваша красота – вот что меня привлекает. Думаю, вы станете хорошим партнером Верочки. Главное – быть красивым и красиво одеваться... Умеете носить фрак?»¹⁷. Е. Бауэр не особенно заботился об исторической достоверности или социальной характеристике костюма. Сценарист А. Вознесенский вспоминал съемки фильма «Невеста студента Певцова», первую сцену которого Бауэр задержал почти на шесть часов ради поисков канделябров с эмалью, однако не позаботился о том, чтобы найти для бедного рубашечного студента тужурку – изображавший его артист Г. Хмара вышел на съемочную площадку в отлично скроенном сюртуке на белой подкладке. «Таково было обычное невнимание режиссера не только к изощренным деталям человеческой психики на экране, но даже к примитивным признакам образа...»¹⁸. В фильмах Бауэра выстраиваются разные типы отношений между одеждой и идентичностью, но белая подкладка сюртука имела «кинематографический» статус. Вспомним мнение, сложившееся о короле экрана В. Полонском, – «красивый молодой человек, неизменно выступавший во фраке, что дало повод к остротам: “Полонский родился во фраке”»¹⁹. Полонский красиво двигается, красиво курит. Герои в элегантных костюмах как бы фланируют на экране, растягивают удовольствие, производят «избыточные траты». Г. Зиммель в свое время оценил роль избыточных трат, которые позволяют создавать идеалы, интересующие людей и придающие вкус к жизни, вдохновенные модные поветрия.

¹⁶ Зорин 2004.

¹⁷ Бек-Назаров 1965. С. 52.

¹⁸ Вознесенский 1924. С. 95–96.

¹⁹ Висковский В.К. Мои двадцать лет в кино...

Героями картин Бауэра являются представители интеллигенции – врачи, адвокаты, ученые, инженеры; особенно много в его лентах людей творческих профессий. Он изображает «муки творчества», но не самореализация в творчестве занимает его, а сами люди свободных профессий. Герои его картин нередко упоминаются без ссылки на их социальный статус или профессию. «Писатели для экрана, – замечал обозреватель журнала «Пегас» о сценариях тех лет, – ограничились свою роль сухим исчислением и расположением во времени – вероятных, маловероятных и совсем невероятных фактов из жизни алгебраически-неопределенных личностей, которые могут быть обозначены буквами – А, В, С и т.д., – которые могут быть одеты в костюмы любой эпохи, выкрашены под цвет кожи любой расы, наконец, с одинаковым успехом могут быть живыми существами или привидениями»²⁰. Режиссер Е. Бауэр «наполнял» схематичных персонажей их частной жизнью, чувствами и взаимоотношениями, человеческой индивидуальностью, которая выражалась на экране в фотогении самих актеров.

Кинематограф чувств

Ш. Шахадат, рассматривая отдельные русские кинодрамы, указывает, что эмоции в них развиваются на экономической основе, героини ищут не любви, а богатства. Однако в фильмах Бауэра чувства играют центральную роль²¹. Он являлся представителем русского психологического стиля, создателем нового типа кинопес, «богатых не внешним разнообразием действия, а глубиной психологического содержания»²². О «Песне торжествующей любви» критик замечал: насколько глубоко кинематограф может проникнуть за рамки внешнего движения и внешней формы? «Я осмелюсь утверждать, что длительное лирическое настроение, покойная поза остаются в памяти скорее, чем трагические порывы»²³. Любовь – самостоятельная и чуть ли не высшая ценность русских кинодрам: фильмы часто заканчивались самоубийством героев на любовной почве. Из классики Бауэр экранизировал И.С. Тургенева, выбирая произведения, проникнутые некоторой «тайной», как «Песнь торжествующей любви» и «Клара Милич». Он ставил современных авторов, Анну Мар, А. Амфитеатрова, А. Вознесенского, С. Юшкевича, экранизировал западную беллетристику, У. Локка, М. Серао, Э. Вернер.

Фильм, поставленный по мотивам повести «Клара Милич», получил название «После смерти», главные роли в нем исполнили В. Каралли и В. Полонский. Журнал «Пегас» сообщал, что режиссеру Е. Бауэру написала женщина, г-жа Н. И., которая попросила разъяснить, зачем перекрестили повесть: «Правда, Тургенев вначале и пред-

²⁰ В. О страхах «бессюжетицы» // Пегас. 1916. № 9–10. С. 109–114.

²¹ Российская империя чувств. 2010.

²² Сине-фоно. 1916. № 19/20. С. 67.

²³ Incognito 1915.

полагал так ее назвать, но потом передумал, и даже первое издание этого рассказа вышло под заглавием “Клара Милич”». Автор письма также недоумевала, почему изменены имена, а главное – типы? «Почему выведена маленькая, худенькая фигура Зои Кадминой вместо рослой красавицы Клары (она же Катерина Миловидова)? А вместо миниатюрного болезненного Яши – великолепный Андрей Багров, во всякое время дня и ночи *tire a quatre epingles*? И почему не “длинная” тетя Платоша, а степенная Капитолина? Я так люблю кинематограф, и так досадно встречать подобные явления...». Е. Бауэр в оправдание отмечал, что кинематография не нашла еще «движений и темпа, воплощающих нежную поэзию Тургенева»²⁴. Кинематограф Бауэра был связан с поисками языка немого кино, в «движениях и темпе» пытался выразить внутреннюю жизнь персонажей классической литературы.

Письмо зрительницы и ответ режиссера свидетельствуют о трепетном отношении к классике; культурными медиаторами чувственной сферы оставались литература и театр. Герои кинематографа любят и страдают как литературные или театральные персонажи. Главная героиня – театральная актриса, которая принимает яд и умирает на сцене от неразделенной любви. Герой – идеалист, который отвергает реальную, полюбившую его девушку, а когда она умирает, влюбляется в ее призрак. В коротком интервью Е. Бауэр напоминает, что на первых порах своей деятельности кинематограф имел дело «с безнадежными в литературном отношении произведениями», поэтому создатели фильмов «привыкли быть самовольными». Немое кино имело малую сюжетную емкость, и «безнадежные в литературном отношении произведения» определяли вербальный ряд, синопсис картин, содержание титров. Регуляторами эмоционального поведения людей начала века выступала также пресса, газетная хроника, вобравшая в себя мелодраматизм массовой культуры. Герой узнает о гибели отвергнутой им девушки из газетного сообщения, рубрики «Театральная хроника». В руки Андрея попадает дневник Зои. «И с каждой страницей прочитанного дневника Андрей чувствует, что и он начинает любить Зою, ее призрак, являющийся ему каждую ночь в полосах лунного света»²⁵.

В экранизациях кинематографа обнаруживается культурная, литературная матрица. Зритель «читал» чередующиеся картины и надписи, поведение и переживания героев кинематограф переводил на язык понятной публике массовой культуры. Вместе с тем стилистика игры актеров, «длительное лирическое настроение» и «покойная поза» имели аналоги в живописи модерна и были связаны с особенностями русского киностиля, проводником которого был в первую очередь Бауэр.

²⁴ Перас. 1916. № 4. С. 103–104.

²⁵ Сине-фоно. 1916. № 17/18. С. 147.

Институт брака

В центре повествований русской психологической драмы – семейные истории. Семья на экране – это малая нуклеарная семья. Кризис договорной модели брака демонстрирует фильм «Жизнь за жизнь», поставленный по мотивам романа французского беллетриста Жоржа Онэ «Серж Панин». В доме миллионерши Хромовой (О. Рахманова), вместе с родной дочерью Мусей в исполнении артистки Художественного театра Л. Кореневой, воспитывается приемыш Ната (В. Холодная). На одном из великосветских приемов сестры встречаются князя Владимира Бартинского (В. Полонский) и влюбляются в него. Князь влюбляется в красавицу Ната, но приданое обещано Мусе. Фильм показывает брак по расчету. Это не совсем классическая схема брака по договору, когда брак заключался по обоюдному интересу семей, выбору двух родов, родителей, попечителей, опекунов. Хозяйкой в семье Хромовой является она сама, между тем она ценит чувства дочери и соглашается с ее выбором. Князь Бартинский спускает на скачках и за карточным столом приданое жены, продолжая встречаться с Натой. В обществе старались не выносить «сор из избы» и не обнародовать факты, связанные с наличием связей на стороне, растратой и прочими пороками членов семьи. Князь подделывает вексель, Хромова протягивает ему револьвер, а когда он с усмешкой отказывается, стреляет в него.

Новая семья основывается на самостоятельном браке «по любви», выборе супругов (бауэровские драмы «Слава – нам, смерть – врагам», «Счастье вечной ночи»). Новое видение брачных отношений, роли женщины предлагается литературой и кинематографом²⁶. Бауэр снимал не только драмы, но и комедии о семейной жизни, адюльтере, что подтверждает изменение отношения к нему в обыденном сознании. Фарсы «Холодные души», «Тысяча вторая хитрость», «О, Женщины», «Приключение Лины в Сочи», «Лина под экспертизой» рассказывают о курортных романах и адюльтерах без клейма «грехов», «пороков», «прелюбодеяний», а с интонацией «приключений», «хитростей» и пр.

Называя русские картины драмами Домостроя, Л. МакРейнольдс отмечает, что линии разлома предреволюционной семьи мелодрама представляет на микроуровне, черно-белые фильмы изображают тревоги общества, сражающегося с демонами модернизации²⁷. Ломка традиционных обычаев патриархальной семьи была связана на рубеже веков с либеральным требованием секуляризации развода, проектами реформ, направленных на его облегчение. Расставание, разъезд супругов показывают драмы Бауэра «Сумерки женской души» и «Дети века». Кинематограф рисует весьма условные личные и семейные отношения, которые, однако, имели под собой основания. Расторгнуть брак

²⁶ Tanner 1979.

²⁷ McReynolds 2002.

в Российской империи можно было только с формального согласия духовного суда. Закон от 12 марта 1914 года упразднил правовую норму, по которой женщина не могла иметь паспорт и получить вид на жительство без согласия мужа. По сюжету картины «Дети века» коммерсант увлекается хорошенькой женой одного из своих мелких служащих. В. Ханжонкова вспоминала о съемках фильма: «У Верочки Холодной не было больших актерских способностей, она всегда играла самое себя. Лучше всего у нее получались понятные ей по-женски чувства. ... Узнав об увольнении мужа, ее героиня должна была вместо сочувствия выразить свое возмущение. В жизни Вера Холодная была преданной женой, любящей матерью, у нее было двое маленьких детей. И тогда Бауэр сыграл на этом. “А кого вы больше пожалеете, Вашего мужа, потерявшего работу, или Вашего малыша, которого завтра будет нечем кормить. Подумайте, кого выберете, так и сыграйте”»²⁸.

Распад семьи, разезд супругов у Бауэра происходят в результате новых экономических реалий (по материальным мотивам в ленте «Дети века») и новых отношений между мужчиной и женщиной (по моральным соображениям в «Сумерках женской души»). Новый характер заключения брака предполагал переосмысление роли любви в супружеских отношениях²⁹. Брак «по любви», новые взаимоотношения способствуют возникновению представлений о «личном счастье».

Отношения вне брака раскрываются в фильмах «Грезы», «За счастьем». Это не гражданский брак, а роман, в «За счастьем» он длится 10 лет. Вдова Зоя Веренская (Л. Коренева) не может соединиться с любимым человеком, адвокатом Дмитрием Гжатским (Н. Радин), так как не хочет травмировать дочь, хранящую память об отце, но оказывается, что дочь влюблена в того же человека, и мать готова ради нее пожертвовать личным счастьем. Драма разыгрывается в изысканной атмосфере обеспеченного дома и на фоне летней приморской природы. По настроению кинопьеса близка чеховской драматургии, что объясняется также участием известных театральных актеров. Критика тех лет выделяла роли Кореновой в кинопесах «чеховского» типа, находя в сдержанной манере актрисы воплощение на экране мхатовских исполнительских традиций³⁰. В изображении эмоциональной сферы кинематограф прибегал к приемам старейших искусств – литературы, театра, живописи. Бауэр был поклонником искусства МХТ. Коренева вспоминала, что он давал возможность по-мхатовски войти в роль, то, что называлось ««вхождение в круг» (в терминах К. Станиславского)»³¹.

²⁸ «Острова» (Евгений Бауэр). 2015.

²⁹ Веремко 2007. С. 418.

³⁰ М. Кумиры // Вестник кинематографии. 1915. № 110 (8). С. 32–36.

³¹ Беседа с Л.М. Кореновой 27 ноября 1965 г. // Государственный центральный музей кино (ЦМК). Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 69/5. Л. 1.

Женские истории

Тип внутрисемейного распределения обязанностей в те времена еще носил следы патриархального уклада. Мужчина являлся главой семьи, женщина играла роль верной жены и добродетельной матери, хранительницы домашнего очага. Традиционный союз предполагал занятость мужчины вне дома, женщине принадлежала домашняя и бытовая сфера семьи. Между тем появлялся новый практический тип семьи, который предполагал участие в поддержании материального благосостояния дома не только мужчины, но и женщины.

Времяпровождение женщин в кинокартинах Е. Бауэра ограничивается кругом дома и семьи. Героиня в фильме «Сумерки женской души» проводит время в чтении и занятиях благотворительностью. Героиня В. Каралли в ленте «Счастье вечной ночи» слепа, но это не мешает ей играть на скрипке, ухаживать за цветами и читать книги; ее матушка в свободное время занимается шитьем и чтением. Персонаж В. Холодной в ленте «Дети века» посвящает себя семье, ребенку, мужу; героиня шьет, вышивает. Вместе с тем вдовы в фильмах Бауэра являются хозяйками в семье, занимаются имущественными вопросами («Счастье вечной ночи», «Жизнь за жизнь», «За счастьем»).

Русский кинематограф знал гимназисток и курсисток, у Бауэра курсистку играет В. Холодная в фильме «Одна из многих». Функция воспитания и образования делегировалась семье, но девушки могли получать образование в зарубежных университетах, на высших курсах; сложилась сеть медицинских учебных заведений, учительских семинарий. «Русские женщины высших и средних слоев были действительно чрезмерно образованными относительно их социальной востребованности»³². В.А. Веремченко пишет, что женщины-дворянки работали «в доме», «на дому» и «вне дома». Женщина наряду или вместо прислуги брала на себя ту или иную часть домашнего труда; сдавала комнату или квартиру «со столом» и «делала практически то же, что и хозяйка, обслуживающая потребности исключительно своей семьи». Женщина выполняла работу «на дому» (шитье, вышивание, роспись посуды и пр.). «Вне дома» женщины работали в конторах, магазинах. Интеллигентными профессиями являлось преподавание, занятия литературой, журналистикой, переводами, секретарская работа. Существовала масса швей и прочих «трудовых» женщин. Во время Первой мировой войны возник запрос общества на женский труд, женщины заменяют мужчин всюду, от университетских аудиторий до места кондукторов конок³³.

Женщина появляется на рынке труда и в фильмах русских режиссеров. В «Немым свидетелях» жена крестьянина находится на заработках в городском доме. В ленте «Жизнь за жизнь» миллионерша Хромо-

³² Стайтс 2004. С. 244.

³³ Веремченко 2007. С. 414–419.

ва сама ведет свое дело; титры гласят, что она «проводит очень много времени у себя в конторе, так как она сама управляет фабрикой». Вместе с тем женщина вне пределов семьи в картинах Бауэра встречается редко. Тетушка главного героя фильма «После смерти (Тургеневские мотивы)» сама накрывает на стол, убирается в доме, принимает посылных (это дом ученого, прислуги в доме не видно). Бауэр не показывает учительниц или женщин-врачей, хотя у других режиссеров они есть (например, фильм П. Чардынина «Женщина завтрашнего дня» о женщине-враче в исполнении В. Юрневой; у Бауэра представлена сестра милосердия в ленте «Слава – нам, смерть – врагам»). Женщины трудятся в его фильмах «ради интереса», они находят себя в творческих профессиях (актрисы, художницы, танцовщицы, балерины и пр.). Театральные и кинематографические актрисы показаны в фильмах «После смерти», «Грезы», «В мире должна царить красота» «Королева экрана», женщина-скульптор – в «Марионетках рока», певицы – в фарсе «Холодные души», драме «Разорванные цепи», танцовщицы и балерины – в лентах «Убийство балерины Пламеневоы», «Юрий Нагорный», «Смерч любовный», «Умиравший лебедь», фарсе «Лина под экспертизой».

В картинах Бауэра появляются героини «бель эпок»: в фильме «Дитя большого города» Эмма Бауэр играет эпизодическую роль кафешантанной танцовщицы; в «Люля Бек» Лидия Рындина создает образ кафешантанной певички, которая приносит свою любовь в жертву, чтобы не разрушать чужое счастье (это первая сценарная работа Анны Мар); в комедии «Акулькина карьера» голосистая кухарка Акулька неожиданно для себя становится кафешантанной певицей Инной д'Акуль. Кинематограф свидетельствует не только о высоком положении актрис в общественном сознании, но также о значимости новых мест развлечений, таких как кафешантан, варьете, театр в целом, их связи с потребностями женской аудитории.

«Прежде всего красота, потом правда»

Бауэру принадлежит фраза «Прежде всего красота, потом правда». Западные исследователи говорят о моральной амбивалентности русских кинодрам, «пустоте в конце»; Р. Морли видит в фильмах Бауэра мораль русской классической литературы, претерпевающую субверсивную трансформацию; речь идет о «преступлении без наказания»³⁴. Картины Бауэра строятся на противопоставлении добродетели и порока. Порок чаще всего воплощен в бездельниках, мотах, кутилах, реже его олицетворяют герои, преступающие границы дозволенного. Историк кино С.С. Гинзбург пишет, что Бауэр создавал положительные образы представителей буржуазии, утверждал ценности буржуазного образа жизни – семью, трудолюбие, достаток³⁵. Но в «Немым свидетелях» но-

³⁴ Doane 1990; Hansen 1992; Morley 2005.

³⁵ Гинзбург 1963. С. 313.

сителями ценностей семьи, трудолюбия, добродетели являются «маленькие люди», дворецкий и его внучка, противопоставляемые праздным господам. Бауэра задает не утилитарные, а человеческие ценности.

Режиссер В. Гардин заметил: «“красивым” казалось ему общепринятое открыточно-нарядное». «Он любил красоту, нежные, ласкающие глаз пейзажи Поленова, головки Константина Маковского. <...> И Евгений Францевич подбирал “актеров” к своим стройным колоннам, аристократическим гостиным, роскошным будуарам»³⁶. «Его интерес был сосредоточен на вещах, на скульптурных завитках, на декоративном пятне...» (А. Вознесенский). «Игре вещей Бауэр уделял больше внимания, чем игре актеров» (М. Алейников)³⁷.

«Красоту» в фильмах Е. Бауэра можно рассматривать в контексте дискурса стиля модерн. Его кинематограф был далек от экспериментов и идей режиссеров-модернистов³⁸, но в самой природе Великого немого виделся тогда утонченный символизм культуры начала века. Особенность творчества первых мастеров кино заключалась в представлении на экране тех объектов природы, человеческого тела, которые сами по себе несут эмоциональный и содержательный потенциал. В случае Бауэра эмоциональный ренессанс модерна был связан с удачно найденным жанром камерной киноновеллы, замедленным ритмом повествования, насыщенными «томлением или мечтой» паузами в игре актеров. В создании красивой геометрии мизансцен наравне с актерами принимали участие свет, декорации. Этот опыт Бауэр принес в кино как профессиональный сценограф и фотограф, его творчество явилось одной из вершин домонтажного кино. «Что касается красивых, длительных переживаний, – писал критик под впечатлением бауэровской манеры работы с актером, – то достаточно актеру или актрисе обладать выразительным лицом, и он может, сидя и не двигаясь ни одним членом, воссоздать целую гамму настроений. И это взволнованное или мечтательное лицо и остается потом как впечатление всего, что происходило»³⁹.

Режиссер Е. Бауэр открыл почти все крупные актерские имена в русском кино, в т.ч. В. Холодную. Многие деятели киноискусства тех лет признавали в ее достижениях главным образом мастерство Бауэра. «Он умел так преподнести ее публике, что, не будучи никогда актрисой, а только прекрасной натурщицей, с экранной (как тогда выражались) обаятельной внешностью, Холодная воспринималась с экрана как артистка и у публики получалось впечатление о ее переживаниях. На самом деле это была только заслуга талантливого режиссера»⁴⁰.

³⁶ Гардин 1949. Т. 1. С. 69–70.

³⁷ Вознесенский 1924. С. 93, 95–96; Алейников 1961. С. 59–61.

³⁸ Смирнов 2009, Кириллова 2017.

³⁹ Incognito 1915.

⁴⁰ Горичева М. Штрихи и клочки воспоминаний...

Излюбленный персонаж художников стиля модерн – женщина – является в мелодрамах Е. Бауэра олицетворением естественной красоты природы и в то же время ее тайны. В «Сестрах-соперницах (Жизнь за жизнь)» главные роли сыграли признанная Л. Коренева и «артистка без школы» В. Холодная. Ведущий критик В. Туркин писал, что игра Кореновой волновала и трогала, но запоминался «образ другой героини, которая не играла, но жила на экране», пассивно пребывая «во власти тех противоречивых и темных сил женской природы, которыми тонкий диалектик дьявол оделил ее от рождения»⁴¹. В смысле пластической выразительности В. Холодная оказалась ярче и убедительней: «Кажется, впервые в картине “Жизнь за жизнь” выступили рядом признанная артистка сцены и... артистка экрана. И последняя победила»⁴².

Телесность, которая конструируется под влиянием социокультурных факторов, играет большую роль в структуре идентичности: «Внутреннее» тело как выражение тела «внешнего», по выражению А. Арто. В классическом искусстве телесность отражала господство духовного начала над физическим. В искусстве Art Nouveau предметом внимания стали природные качества и состояния человека. В фильмах Е. Бауэра играли танцовщицы и балерины Е. Смирнова, Э. Крюгер, В. Каралли. В «Немых свидетелях» Э. Крюгер не исполняет танцев, но привнесит в исполнительскую культуру пластику танцовщицы⁴³. В фильм «Дитя большого города» Бауэр впервые вводит танец танго. Ю.Г. Цивьян описывает танго как “disturbingly libidinous”, чей определяющей характеристикой является его трагическая и сексуальная природа⁴⁴. Так Бауэр кинематографически воплощает реалии эпохи Art Nouveau.

Нарративный кинематограф в момент своего рождения стремился наследовать традиции театра, приглашал сниматься театральных актеров, и образованная публика шла в кино, чтобы увидеть тех, кто олицетворял сценическое мастерство. Телесность начинает играть одну из важных ролей, нести смысловую нагрузку, когда в кинематографической среде возникли дискуссии о природе кинематографического актера; впоследствии французские киноавангардисты формулируют теорию фотогении. Найти «эссенцию» кинематографичности помогал актер, конденсирующий в себе ту природную реальность, внутреннюю красоту, о которой толковала киноэстетика. В облике В. Холодной находили «грусть» русского пейзажа, ее трогательная женственность отвечала идеалам Серебряного века. Однако «капиталом» Холодной или Каралли была и их знаменитость, которая указывала на трансформацию образа женщины и ее гендерных ролей в эпоху модерна.

⁴¹ Туркин В. Единая и зеркала // Кино-газета. 1918. № 22. С. 3–4.

⁴² Ната Батинская («Жизнь за жизнь») // Кино-газета. 1918. № 22. С. 6–7.

⁴³ Булгакова 2005.

⁴⁴ Tsivian 1996. P. 318.

«Мюр и Мерилиз»

Красота – ценностная характеристика стиля модерн. Как социальную категорию ее можно рассматривать в связи с тем, что стиль модерн был растиражирован коммерческим искусством и вошел в дома обывателей через множество предметов повседневного потребления. Кинематограф Е. Бауэра представлял собой прочтение урбанистического и коммерческого производства Art Nouveau. В фильмы попадает колоритная натура начала века: с одной стороны, окраинная Москва, деревенная, одноэтажная, с другой – центральные улицы, витрины магазинов, оформленные в стиле модерн, ГУМ, даже Кремль. В картине «Счастье вечной ночи» герои гуляют рядом с утраченным сегодня памятником Александру II, мемориальный комплекс которого состоял из статуи императора под шатровой сенью и окружавшей его с трех сторон арочной колоннады. В кинолентах Е. Бауэра отражены процессы урбанизации, социальное благоустройство городов начала века, показаны перроны с железнодорожными вагонами, трамваи, автомобили (редко в каких фильмах Е. Бауэра герои не разъезжают на автомобилях), представлены театры с богатыми ложами, рестораны, шантаны. Действие картин происходит в дворянских и купеческих особняках (павильонные съемки), натура снималась в Петровском парке («После смерти» и «Жизнь за жизнь») и усадьбе Петровское-Разумовское («Немые свидетели», «Слава нам, смерть врагам», «Дети века»).

Киногерои в фильмах Бауэра живут в домах, состоящих из разных помещений, прихожих, гостиных, столовых, кабинетов, будуаров. В обстановке показаны витражи, камин с расписными или чугунного литья порталами, пате-диваны, кресла-бержер, жардиньерки, туалетные столики, письменные столы с множеством принадлежностей, пианино, зеркала и пр. «Игру вещей» режиссер создает с помощью всевозможных канделябров, замысловатых светильников, скульптурных бюстов, статуэток. В качестве принадлежностей некоторых домов использованы телефон и книги. Большое пристрастие Бауэр испытывал к комнатным цветам, особенно белым, которые создавали красивую игру контрастов на черно-белой пленке. Стиль, в котором оформлена эта бутафория, не является стилем модерн. Это условное сценическое пространство, интерпретация так называемого купеческого ампира, детали обстановки использованы для создания выразительных мизансцен. Кинокритик В. Туркин отмечал: «Можно весьма основательно решить, что все герои русских кинодрам какие-то parvenus, недавно разбогатевшие и накупившие себе мебели по совету бойких приказчиков из магазина»⁴⁵. И. Игнатов писал о кинопублике: «остается ждать, пока ей надоеет этот Мюр и Мерилиз»⁴⁶.

⁴⁵ Веронин. Лица, слова и вещи // Пегас. 1916. № 11. С. 69–75.

⁴⁶ Игнатов И.Н. Кинематограф в России...

Некоторые мемуаристы и исследователи отмечали достоверность обстановки домов, одежды, грима в кинокартинах Бауэра. Его фильмы выделялись в общем потоке кинопродукции, однако и в них были откровенные ляпы. В одном и том же интерьере снимался домашний кабинет главного героя в картине «Грезы» и конторский кабинет служащего в картине «Дети века». В фильме «За счастьем» массивная кровать находится посреди холла с колоннами и лестницей на верхний этаж. В ленте «Слава нам, смерть врагам» И. Мозжухин одет, по наблюдению военного историка Д. Лобанова, в театральный костюм, который собран из мундира офицера армейской пехоты, но с кавалерийскими эполетами; аксельбант был положен полковым адъютантам, офицерам генерального штаба, жандармам, офицерам свиты его величества. Режиссер не стремился к достоверности бутафории и костюмов, он заботился о композиции кинокадра и «диговинке» первого плана⁴⁷, благодаря чему его киноленты стали своеобразной интерпретацией материальной культуры времени. Пресловутые канделябры имели для Бауэра ценность выразительно снятой вещи⁴⁸. За условностями и схемами салонного кинематографа Бауэру удалось показать фотогеничность жизни, ее реальность в случайных и предметных проявлениях.

Е. Бауэр в своем киноискусстве формулирует ключевые идеи современности. Они касаются и бытовавших в эпоху модерна вещей, и взаимоотношений между людьми, и общественного сознания. В фокус кинонаблюдения попадают многие слои российского социума начала века, сам режиссер отдавал предпочтение изображению элит, новых героев эпохи, буржуазии, денди, людей творческих профессий. Художественное претворение новых урбанистических реалий создает нюансированный образ современности. Симпатии режиссера отданы семейным ценностям, высоким чувствам, морали, долгу, их олицетворяют наиболее привлекательные и трогательные образы. Однако русские киномелодрамы изображают кризис предреволюционной семьи, в них отсутствуют счастливые финалы. Ощущения людей того времени складывались из переживаний *Fin de siècle* и возможностей *Modern Style*, настроений пессимизма и духа жизненной динамики. Семейные драмы показывают семью не патриархального типа, женщины предстают уже не только домоседками, но и хозяйками своего бизнеса и семьи, изображается «новая женщина». Женский персонаж Евгения Бауэра – это героиня стиля модерн, «женщина-танго», ее «капиталом» является природная красота, фотогения, знаменитость. Кино давало зрителям возможность увидеть и прочувствовать свое время, элегантные актеры,

⁴⁷ Кулешов 1988. С. 405.

⁴⁸ Балаш писал о возможности в кино, как в живописи, придать окружению, фону такую же интенсивную физиономию, как и человеку, «столь же и даже более интенсивную, чем, например, в поздних картинах Ван Гога; выражение лица человека может быть бледным по сравнению с живой мимикой вещей». Балаш 1968. С. 109.

одетые по последней моде, выступали образцами стиля, современного потребления. Е. Бауэр показывал растиражированный в повседневности стиль модерн, материальные ценности обеспеченных слоев «прекрасной эпохи». При этом режиссер выступал создателем нового визуального языка современности, осваивая его как художник и фотограф, видя преимущества двухмерного экрана, пространственных композиций, динамичных мизансцен, световых эффектов в кино. Поклонник классики, традиций театральной культуры, Е. Бауэр тем не менее был чужок к опыту современного искусства, живописи модерна, и он среди тех, кто открывал ориентиры нового кинематографического мышления.

Архивные материалы

- Беседа с Л.М. Кореневой 27 ноября 1965 г. // Государственный центральный музей кино (ЦМК). Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 69/5. Л. 1.
Висковский В.К. Мои двадцать лет в кино // РГАЛИ. Ф. 2410. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 3.
Горичева М. Штрихи и ключки воспоминаний // Государственный центральный музей кино (ЦМК). Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 12.
Игнатов И.Н. Кинематограф в России // РГАЛИ. Ф. 221. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 45.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алейников М. Яков Протазанов. М.: Искусство, 1961. 208 с.
Балаш Б. Кино. Становление и сущность нового искусства. М.: Прогресс, 1968. 328 с.
Бек-Назаров А. Записки актера и кинорежиссера. М.: Искусство, 1965. 272 с.
Бауэр Е.Ф.: pro et contra, антология / Сост., комментарии Н.С. Скороход, О.А. Ковалова, С.А. Семенчук; вступ. ст. Н.С. Скороход, С.А. Семенчук. СПб.: Платоновское философское общество, 2016. 960 с.
Беньямин В. Бодлер. М.: Музей современ. искусства «Гараж», Ad Marginem, 2015. 224 с.
Булгакова О. Фабрика жестов. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 304 с.
Вайнштейн О. Денди: мода, литература, стиль жизни. М.: НЛЮ, 2006. 640 с.
Веремenco В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX вв.). СПб.: Европейский дом, 2007. 622 с.
Веронин. Лица, слова и вещи // Пегас. 1916. № 11. С. 69–75.
Вознесенский А. Искусство экрана. Киев: Соврабкоп, 1924. 232 с.
В. О страхах «бесюжетницы» // Пегас. 1916. № 9–10. С. 109–114.
Гандл С. Гламур. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 384 с.
Гардин В.Р. Воспоминания. 1912–1921. М.: Госиздат, 1949. Т. 1. 232 с.
Гинзбург С.С. Кинематография дореволюционной России. М.: Искусство, 1963. 404 с.
Громов Е. Декоративное мастерство Е. Бауэра // Вопросы киноискусства. Ежегодный историко-теоретический сборник. М., 1976. Вып. 17. С. 285–303.
Дэвид-Фокс М. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // Новое литературное обозрение. 2016. № 140. С. 19–46.
Зорин А.Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 568 с.
Зорин А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: НЛЮ, 2004. 416 с.
Зоркая Н.М. На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900–1910 годов. М.: Наука, 1976. 304 с.
Зоркая Н. «Светопись» Евгения Бауэра // Искусство кино. 1997. № 10. С. 77–92.
Incognito. Песнь торжествующей любви // Вестник кинематографии. 1915. № 115/17–18. С. 45–48.
Кириллова О. Кинодекаданс: танатография кинематографа // Неприкосновенный запас. 2017. № 1. С. 181–194.
Кулешов Л. Евгений Францевич Бауэр // Собр. соч.: в 3 т. М.: Искусство, 1988. Т. 2. С. 403–409.

- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 548 + 583 с.
- Ната Баргинская («Жизнь за жизнь») // Кино-газета. 1918. № 22. С. 6–7.
- «Острова» (Евгений Бауэр) // Телеканал «Культура». 29 июня. 2015 г. URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20882/episode.../1192747/
- Перас. 1916. № 4.
- Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность. История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000. М.: Ладомир, 2002. 526 с.
- Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М.: Ладомир, 1997. 330 с.
- Сине-фоно. 1916. № 17/18; 19/20.
- Смирнов И.П. Видеоярд: историческая семантика кино. СПб.: Петрополис, 2009. 402 с.
- Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 616 с.
- Стейнберг М.Д. О понятии модерности // НЛЮ. 2016. № 140. С. 52–56.
- Туркин В. Единая и зеркала // Кино-газета. 1918. № 22. С. 3–4.
- Цивьян Ю. Евгений Францевич Бауэр // Великий Кино: Каталог сохранившихся игровых фильмов России. 1908–1919. М.: НЛЮ, 2002. С. 498–500.
- Шахадат Ш. Русская киномелодрама между Серебряным веком и авангардом // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. Сб. статей / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат, М. Эли. М.: НЛЮ, 2010. 512 с.
- Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. М.: Алетея, 2007. 544 с.
- A Belle Époque? Women and Feminism in French Society and Culture. 1890–1914 / Ed. by D. Holmes, C. Tarr. Berghahn Books, 2007. 364 p.
- Doane M.A. Melodrama, Temporality, Recognition: American and Russian Silent Cinema // East-West Film Journal. June 1990. Vol. 4. № 2. P. 69–89.
- Emotional Turn? Feelings in Russian History and Culture / Ed. J. Plamper // Slavic Review. 2009. Vol. 68. № 2. P. 229–334.
- Engel B. Between the Fields and the City. Women, Work, and Family in Russia, 1861–1914. Cambridge; New York: Cambridge UP, 1994. 254 p.
- Engelstein L. The Keys to Happiness. Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia. Ithaca and London: Cornell UP, 1994. 480 p.
- Fashion in Film / Ed. by A. Munich. Bloomington; Indianapolis: Indiana UP, 2011. 376 p.
- Fuchs R., Thompson V. Women in Nineteenth-Century Europe (Gender and History). London: Palgrave Macmillan, 2005. 208 p.
- Hansen M. Deadly Scenarios. Narrative Perspective and Sexual Politics in Pre-Revolutionary Russian Film // Cinefocus. 1992. Vol. 2. № 2. P. 10–19.
- McReynolds L. Home Was Never Where the Heart Was. Domestic Dystopias in Russia's Silent Movie Melodramas // Imitations of Life. Two Centuries of Melodrama in Russia / Ed. L. McReynolds, J. Neuberger. Durham: Duke UP, 2002. P. 127–151.
- Morley R. Crime without punishment: Reworkings of nineteenth-century Russian literary sources in Evgenii Bauer's «Child of the Big City» // Russian and Soviet Film Adaptations of Literature, 1900–2001. Screening the Word / Ed. S. Hutchings, A. Vernitski. London: Routledge, 2005. P. 27–43.
- Ransel D. The Family in Imperial Russia. Urbana: Illinois UP, 1978. 384 p.
- Silverman D.L. Art Nouveau in Fin-de-Siècle France: Politics, Psychology, and Style. Berkeley: California UP, 1989. 450 p.
- Smith A.K. For the Common Good and Their Own Well-Being: Social Estates in Imperial Russia. Oxford and New York. Oxford UP, 2014. 296 p.
- Tanner T. Adultery in the Novel: Contract and Transgression. Baltimore: Johns Hopkins UP, 1979. 400 p.
- Tsivian Y. The Tango in Russia // Experiment. A Journal of Russian Culture. Los Angeles, 1996. Vol. 2. P. 307–334.
- Wagner W. Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia. Oxford: UP, 1994. 428 p.
- Women in the Arts in the Belle Époque. Essays of Influential Artists, Writers and Performers / Ed. by P. Fryer. McFarland, 2012. 237 p.

REFERENCES

- Aleynikov M. Iakov Protazanov. M.: Iskusstvo, 1961. 208 s.
- Balash B. Kino. Stanovlenie i sushchnost' novogo iskusstva. M.: Progress, 1968. 328 s.
- Bauer E.F.: pro et contra, antologiya / Sost., kommentarii N.S. Skorokhod, O.A. Kovalova, S.A. Semenchuk; vstup. st. N.S. Skorokhod, S.A. Semenchuk. SPb.: Platonovskoe filosofskoe obshchestvo, 2016. 960 s.
- Bek-Nazarov A. Zapiski aktera i kinorezhissera. M.: Iskusstvo, 1965. 272 s.
- Benjamin W. Bodler. M.: Muzei sovremennoogo iskusstva "Garazh", Ad Marginem, 2015. 224 s.
- Bulgakova O. Fabrika zhestov. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. 304 s.
- David-Fox M. Russian—Soviet Modernity: None, Shared, Alternative, or Entangled? // Novoe literaturnoe obozrenie. 2016. № 140. S. 19–46.
- Doane M.A. Melodrama, Temporality, Recognition: American and Russian Silent Cinema // East-West Film Journal. June 1990. Vol. 4. № 2. P. 69–89.
- Emotional Turn? Feelings in Russian History and Culture / Ed. J. Plamper // Slavic Review. 2009. Vol. 68. № 2. P. 229–334.
- Engel B. Between the Fields and the City. Women, Work, and Family in Russia, 1861–1914. Cambridge; New York: Cambridge UP, 1994. 254 p.
- Engelstein L. The Keys to Happiness. Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia. Ithaca and London: Cornell UP, 1994. 480 p.
- Fashion in Film / Ed. by A. Munich. Bloomington: Indianapolis: Indiana UP, 2011. 376 p.
- Fuchs R., Thompson V. Women in Nineteenth-Century Europe (Gender and History). London: Palgrave Macmillan, 2005. 208 p.
- Gandl S. Glamur. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 384 s.
- Gardin V.R. Vospominaniia. 1912–1921. M.: Gosizdat, 1949. T. 1. 232 s.
- Ginzburg S.S. Kinematografiia dorevoliutsionnoi Rossii. M.: Iskusstvo, 1963. 404 s.
- Gromov E. Dekorativnoe masterstvo E. Bauera // Voprosy kinoiskusstva. Ezhegodnyi istoriko-teoreticheskii sbornik. M., 1976. Vyp. 17. S. 285–303.
- Hansen M. Deadly Scenarios. Narrative Perspective and Sexual Politics in Pre-Revolutionary Russian Film // Cinefocus. 1992. Vol. 2. № 2. P. 10–19.
- Incognito. Pesn' torzhestvuiushchei liubvi // Vestnik kinematografii. 1915. № 115/17–18. S. 45–48.
- Iukina I.I. Russkii feminizm kak vyzov sovremennosti. M.: Aleteiia, 2007. 544 s.
- Kirilova O. Kinodekadans: tanatografiia kinematografa // Neprikosnovennyi zapas. 2017. № 1. S. 181–194.
- Kuleshov L. Evgenii Frantsevich Bauer // Sobr. soch.: 3 t. M.: Iskusstvo, 1988. T. 2. S. 403–409.
- McReynolds L. Home Was Never Where the Heart Was. Domestic Dystopias in Russia's Silent Movie Melodramas // Imitations of Life. Two Centuries of Melodrama in Russia / Ed. L. McReynolds, J. Neuberger. Durham: Duke UP, 2002. P. 127–151.
- Mironov B.N. Sotsial'naia istoriia Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX vv.): v 2 t. SPb.: Dmitrii Bulanin, 2003. 548 + 583 s.
- Morley R. Crime without punishment: Reworkings of nineteenth-century Russian literary sources in Evgenii Bauer's «Child of the Big City» // Russian and Soviet Film Adaptations of Literature, 1900–2001. Screening the Word / Ed. S. Hutchings, A. Vernitski. London: Routledge, 2005. P. 27–43.
- Nata Bartinskaia («Zhizn' za zhizn'») // Kino-gazeta. 1918. № 22. S. 6–7.
- «Ostrova» (Evgenii Bauer) // Telekanal «Kultura». 29 iunია. 2015 g. URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20882/episode.../1192747/
- Ransel D. The Family in Imperial Russia. Urbana: Illinois UP, 1978. 384 p.
- Pegas. 1916. № 4.
- Pushkareva N.L. Chastnaia zhizn' russkoi zhenshchiny: nevesta, zhenia, liubovnitisa (X – nachalo XIX v.). M.: Ladomir, 1997. 330 s.
- Pushkareva N.L. Russkaia zhenshchina: istoriia i sovremennost'. Istoriia izucheniia «zhenskoi temy» russkoi i zarubezhnoi naukoi. 1800–2000: Materialy k bibliografii. M.: Ladomir, 2002. 526 s.

- Schahadat S. Russkaia kinemelodrama mezhdru Serebrianyim vekom i avangardom // Rossiiskaia imperiia chuvstv: Podkhody k kul'turnoi istorii emotsii. Sb. statei / Ed. by J. Plamper, S. Schahadat, M. Eli. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 512 s.
- Silverman D.L. Art Nouveau in Fin-de-Siècle France: Politics, Psychology and Style. Berkeley: California UP, 1989. 450 p.
- Sine-fono. 1916. № 17/18; 19/20.
- Smirnov I.P. Videoriad: istoricheskaiia semantika kino. SPb.: Petropolis, 2009. 402 s.
- Smith A.K. For the Common Good and Their Own Well-Being: Social Estates in Imperial Russia. Oxford and New York. Oxford UP, 2014. 296 p.
- Sties R. The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1860–1930. M.: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia, 2004. 616 s.
- Steinberg M.D. On the Concept of Modernity // Novoe literaturnoe obozrenie. 2016. № 140. S. 52–56.
- Tanner T. Adultery in the Novel: Contract and Transgression. Baltimore: Johns Hopkins UP, 1979. 400 p.
- Tsivian Y. Evgenii Frantsevich Bauer // Velikii Kinemo: Katalog sokhranivshikhisia igrovyykh fil'mov Rossii. 1908–1919. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. S. 498–500.
- Tsivian Y. The Tango in Russia // Experiment. A Journal of Russian Culture. Los Angeles, 1996. Vol. 2. P. 307–334.
- Turkin V. Edinaia i zerkala // Kino-gazeta. 1918. № 22. S. 3–4.
- Vainshtein O. Dendi: moda, literatura, stil' zhizni. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 640 s.
- Veremenko V.A. Dvorianskaia sem'ia i gosudarstvennaia politika Rossii (vtoraia polovina XIX - nachalo XX vv.). SPb.: Evropeiskii dom, 2007. 622 s.
- Veronin. Litsa, slova i veshchi // Pegas. 1916. № 11. S. 69–75.
- Voznesenskii A. Iskusstvo ekrana. Kiev: Sovrabkop, 1924. 232 s.
- V. O strakhakh «bessiuzhetskity» // Pegas. 1916. № 9–10. S. 109–114.
- Wagner W. Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia. Oxford: UP, 1994. 428 p.
- Women in the Arts in the Belle Époque. Essays of Influential Artists, Writers and Performers / Ed. by P. Fryer. McFarland, 2012. 237 p.
- Zorin A. Kormia dvuglavogo orla... Literatura i gosudarstvennaia ideologiia v Rossii v poslednei treti XVIII – pervoi treti XIX veka. M.: NLO, 2004. 416 s.
- Zorin A.L. Poiavlenie geroia: Iz istorii russkoi emotsional'noi kul'tury kontsa XVIII – nachala XIX veka. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 568 s.
- Zorkaia N.M. Na rubezhe stoletii. U istokov massovogo iskusstva v Rossii 1900–1910 godov. M.: Nauka, 1976. 304 s.
- Zorkaia N. «Svetopis'» Evgeniia Bauera // Iskusstvo kino. 1997. № 10. S. 77–92.

Устюгова Вера Васильевна, кандидат исторических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет; vera_ust@list.ru

Family and other values in the films by Yevgeny Bauer (1913–1917)

The paper looks at the modern values expressed in films by a Russian director Y. Bauer. At the moment of its emergence, narrative cinematography developed a genre of modern drama. One of the creators of a new visual cinematographic language, Y. Bauer appeared to be very sensitive to social issues in his works. He showed the lifestyle inside an urban space and presented new heroes of modern time, the process of shaping bourgeois-type families, changes in women status in a modern society, individual emotions, ethic and aesthetic ideals of his time.

Keywords: cinematography, modernity, Art Nouveau, individualism, family institute, gender history, corporality, visual language, consumer culture

Vera Ustyugova, PhD in History, Associate Professor, Perm State National Research University; vera_ust@list.ru

И. А. ГОЛОВНЕВ

“TERRA INCOGNITA”

ОПИСАНИЕ ЗЕМЛИ КАМЧАТКИ В ФИЛЬМЕ А.А. ЛИТВИНОВА¹

История отечественной визуальной антропологии полна славными именами, героическими киноэкспедициями и классическими фильмами. Особое место в этой истории занимало направление “культурфильмов” – киноработ просветительского содержания о народах и территориях СССР, – достигшее своего расцвета на рубеже 1920–1930-х гг. Одними из первопроходцев этого направления стали исследователь В.К. Арсеньев и режиссер А.А. Литвинов – авторы серии фильмов о народностях Дальнего Востока. Помимо решения творческих задач, производство культурфильмов было частью государственного эксперимента по конструированию образов регионов и страны в целом. Советская власть использовала популярные культурфильмы как средство объединения народов и территорий нового Союза на экране. На примере архивного культурфильма «Terra incognita» классика документального кино А.А. Литвинова, автор рассматривает кинообраз Камчатки как «некогда забытого края, оживающего при социализме». Исследование визуально-текстового произведения проводится путем «перевода» в текстовый формат содержания кадров и титров фильма. В качестве контекста, в котором создавался фильм, рассматриваются параллельные процессы в советской национальной и культурной политике.

Ключевые слова: визуальная антропология, советский культурфильм, образ региона, Александр Литвинов, Камчатская киноэкспедиция

О Камчатской земле издавна были известия, однако по большей части такие, по которым одно то знать можно было, что состояла она на свете; а какое ее положение, какое состояние, какие жители, о том ничего подлинного нигде не находилось...²

Образ «неведомой земли», закрепившийся за Камчаткой со времен исследователей-первопроходцев, в XX в. перешел из текстов в кино. Известно, в частности, что монография С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» была настольной книгой для режиссера А.А. Литвинова при подготовке Камчатской киноэкспедиции («Совкино») 1929–1930 гг.³ Не случайно, и единственный сохранившийся до наших дней фильм Камчатского кинохода носит название «Terra incognita»⁴.

Александр Аркадьевич Литвинов (1898–1977) по праву считается основателем советского этнографического кино [2, с. 81–96]. В процессе кинопроизводства он тесно сотрудничал с исследователем В.К. Ар-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-09-00076 "Традиционные этнокультурные сообщества Севера в этнографическом кино".

² Крашенинников 2013. С. 17.

³ АГУК СОКМ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 37. Л. 2.

⁴ В русской транскрипции фильм имеет название «Неведомая земля». Производство фабрики «Совкино», М., 1931; хронометраж: 50 минут; немой, черно-белый.

сеньевым, который стал соавтором серии литвиновских этнофильмов о народах Приморья и Камчатки («Лесные люди» (1928), «По дебрям Уссурийского края» (1928), «Оленный всадник» (1931), «Тумгу» (1931), имевших успешный кинопрокат в СССР и за рубежом [4, с. 14].

Данная статья имеет целью ввести в научный оборот архивный фильм «*Terza incognita*» режиссера А.А. Литвинова, как многослойного визуально-антропологического документа ранней советской истории. В задачи работы входит рассмотрение кинообраза Камчатки периода культурных и экономических преобразований в СССР на рубеже 1920–1930-х гг., созданного в данном фильме, а также особенностей советского кинопроизводства в связи с параллельными процессами в государственной национально-культурной политике.

Рис. 1. Портрет А.А. Литвинова

По данным специалиста по архивному кино В.М. Магидова, в исследуемый период производство т.н. культурфильмов⁵ демонстрировало количественный рост: с 70-ти наименований в 1925 г. до 200 – в 1930-м [11, с. 25]. В СССР появились кинофабрики, специализировавшиеся на производстве культурфильмов: «Совкино», «Востоккино», «Культурфильм» и др. В этом направлении работали и ведущие документалисты страны: А.А. Литвинов, Д. Вертов, В.А. Ерофеев, В.А. Шнейдеров и др. [23, с. 368]. С одной стороны, импульс развития направления культурфильмов шел «снизу», от зрительской аудитории. Как указывал киновед Н.А. Лебедев, «зритель хотел знать свою страну, жизнь и быт населяющих ее народов; и он с удовольствием смотрел фильмы о путешествиях, в простой и наглядной форме удовлетворявшие его любознательность»

⁵ Термином *культурфильм* (от немецк. *kulturfilm*) в советской кинотеории обозначались фильмы просветительской направленности о народах и территориях страны.

[8, с. 303]. С другой стороны, подобный подъем производства культурфильмов был бы попросту невозможен, не будь на то ведомственного заказа. Ведь к тому времени централизация руководства охватила и кинематограф: все его планы определялись Оргбюро ЦК ВКП(б), согласовывались с ведомственными наркоматами, и направлялись для исполнения в киноорганизации. По словам исследователя советского кино Л.М. Будая, «политическое руководство страны определяло не только *что* надо строить, но и *как* это надо снимать» [18, с. 189].

Инструкции Первого Всесоюзного Партийного Совещания по кинематографии (март 1928 г.), в частности, гласили: «Считая культурфильму (научно-популярную, этнографическую, школьную, учебную) одним из мощных средств распространения и популяризации общих и технических знаний, необходимо образцово поставить ее производство; при этом необходимо обеспечить доступность культурной фильма для широкого зрителя по ее содержанию» [5, с. 449]. Именно в это же время, «сверху», по инициативе ЦК партии, был запущен и грандиозный межведомственный проект – «Киноатлас СССР». Продвигавшийся Общественным изучением Урала, Сибири и Дальнего Востока, куда входили видные общественные и научные деятели (В.Г. Богораз, В.Д. Виленский-Сибиряков, Л.Я. Штернберг и др.), проект предполагал создание многосерийного (более 100 серий) аудиовизуального альманаха просветительского содержания. Кроме того, в программе «Киноатласа» звучала актуальная для конца 1920-х нота ведомственного «сближения» науки и кино для создания образцовых научно-популярных фильмов как наглядных пособий «для массового преподавания основ этнографии, географии и экономики различных территорий СССР» (РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 356. Л. 102). В условиях обязательно-планового производства культурфильмов, руководители государственных студий вынужденно прислушивались к инициативам, исходящим от ученых.

По воспоминаниям А.А. Литвинова, идея проведения Камчатской киноэкспедиции исходила от В.К. Арсеньева. Исследователь обосновывал необходимость организации дальневосточного кинопохода перед руководителями фабрики «Совкино»: «Советский Дальний Восток по территории больше Европы, а много ли знают у нас о нем? Возьмите карту, закройте глаза, ткните пальцем: куда ни попадете – всюду интересно. Амур, Усури, Сахалин, Советская гавань, Камчатка – всюду залежи материала для киноработников» (ГАСО. Ф. Р-2581. Оп. 1. Д. 35. Л. 17). Директор фабрики И.П. Трайнин, с вниманием отнесся к заявке Арсеньева и ее в тематический план студии. В арсеньевском архиве в Обществе Изучения Амурского Края, среди прочих тематических документов, сохранилась также адресованная руководству кинофабрики «Объяснительная записка», в которой он намечал предварительный маршрут, места съемок, сценарные акценты, сроки экспедиции, обещая

оказать всемерную поддержку мероприятиям Камчатской киноэкспедиции (АОИАК. Ф. 14. Оп. 2. Д. 56. Л. 21–23). Так, в конце 1928 г. был запущен масштабный дальневосточный проект «Совкино» – Камчатская киноэкспедиция во главе с режиссером Литвиновым.

Участники экспедиции вспоминали, что задача, поставленная перед А.А. Литвиновым руководством кинофабрики, была сформулирована так: «сделать несколько культурфильм в тех краях, где Советский Союз граничит с Америкой» [9, с. 15]. В архиве Литвинова сохранились его относящиеся ко времени проведения Камчатской киноэкспедиции воспоминания, во многом отражавшие распространенную идеологическую установку: «Слово «Камчатка» до революции было синонимом отсталости и дикости. Царское правительство было не заинтересовано в том, чтобы население Камчатки стало культурным и грамотным. Стоило ли инородцу открывать глаза на то, как его всячески обходят, притесняют и угнетают. А советское правительство посылает на Север одну за другой культбазы, где люди впервые знакомятся с советскими законами. Здесь и врачебный пункт, и школа, и клуб, и кинопередвижка, и библиотека...» (ГАСО. Ф. Р-2581. Оп. 1. Д. 35. Л. 27).

Согласно предварительной договоренности, В.К. Арсеньев помог киногруппе с созданием сценариев двух культурфильмов этнографического содержания [14, с. 4]. Их основой стали материалы арсеньевских экспедиций по Камчатке 1918 и 1923 гг., которые исследователь в этот период готовил к изданию. Данные сценарные эскизы предусматривали освещение основных явлений материальной и духовной культуры этнических сообществ Камчатки. Этнографическая специфика снимаемых народностей диктовала некоторые конкретные сцены: падеж оленей у эвенов, охота на нерпу у коряков, рыбная ловля у ительменов и т.д. Редактирование же сценария экономико-географического киноочерка «*Terra incognita*» осуществлял заместитель председателя правления Акционерного Камчатского Общества О.К. Кантер [15, с. 3].

Упомянутые сценарии создавались не только как творческие путеводители для последующих съемок. Эти кинотексты должны были пройти многоступенчатое согласование в местных организациях, партийных органах и у студийного руководства. Из отчета Камчатского Краеведческого Общества, известно, что в ходе камчатской экспедиции сценарии неоднократно зачитывались на публичных заседаниях местных большевистских ячеек, где партийные цензоры их критиковали и вносили свои поправки [13, с. 17]. Кинематографических качеств сценария касались редко. В основном, что следует из анализа архивных документов, партийные правки были по поводу идеологических моментов в будущих фильмах – показа роли партии в положительных социокультурных преобразованиях среди коренного населения Камчатки (ГАКК. Ф. 138. Оп. 1. Д. 29. Л. 1–3). В этом направлении многое в сце-

нариях приходилось исправлять и дополнять. Затем, скорректированные копии сценариев отправлялись для утверждения на студию «Совкино» в Москву. В итоге, сценарий приобретал статус документа в неигровом производственном кинопроцессе, с которым позже, во время съемок фильмов, Литвинов постоянно сверялся, отмечал снятое и готовил предстоящие сцены с поправками на обстоятельства реальности.

В.К. Арсеньевым был составлен план разведной по характеру экспедиции, им же были намечены основные территории для съемок. «Из Владивостока – в Петропавловск на Камчатке, оттуда – на Командорские острова, далее – в Усть-Камчатск, бухту Корфа, Пенжинскую губу, Тайганасский полуостров и обратно, с возвращением в Москву весной 1930 года» – Камчатская киноэкспедиция А.А. Литвинова, продолжавшаяся полтора года, стала рекордной по длительности в истории советского кино [4, с. 14]. Не менее амбициозными были и производственные планы киногоруппы: съемка четырех фильмов о народах и территориях Камчатки: первый – обзорный культурфильм о полуострове Камчатка («Terra incognita»), второй – о коряках («Тумгу»), третий – об эвенках («Олений всадник»), четвертый – дневник киноэкспедиции («Оживающий полуостров»). Но в результате было произведено только три первых фильма, а до наших дней дошел лишь один – «Terra incognita» – многослойный исторический источник, подпадающий под определение «визуально-антропологический документ» [21, с. 131], до сих пор неизученный и не введенный в научный оборот.

Рис. 2. Литвинов (верхний ряд, крайний справа) и группа Камчатской киноэкспедиции.

Фильм «TERRA INCOGNITA» как кино-текст

Будучи основанным на литературном сценарии произведением периода немого кино, фильм «Terra incognita» создавался как визуаль-но-текстовое повествование на синтетическом языке – кинематографических кадров и титровых надписей, и поэтому продуктивным методом анализа данного архивного фильма является его исследовательская расшифровка – «перевод» в текстовый формат. Ниже в статье приводится изложение содержания кадров и титров⁶ фильма с тематическими дополнениями из дневниковых записей А.А. Литвинова.

Фильм открывается титрами, представляющими состав киногруппы: «Сценарий – Н. Венделин, А. Литвинова; редакторы – С.П. Нацаренус, О.К. Кантер; ассистенты – Иван Дорогов, Надежда Венделин; Оператор – П.М. Мершин. Мультипликация – худ. Эрнеста Гринвальда».

Начало изобразительного ряда фильма – мультипликационные кадры: бушующие волны, за ними – постепенно проявляется участок суши, и на этом фоне появляется крупный титр «TERRA INCOGNITA».

Первые кино-кадры фильма – шторм на море. Далее – титр «ДАЛЕКО», кадр – бескрайнее море, титр «... ДАЛЕКО», снова кадр моря, титр «ГДЕ МАТЕРИК ОПУСКАЕТ СВОИ БЕРЕГА В ХОЛОДНЫЕ ВОДЫ ВЕЛИКОГО ОКЕАНА...», кадры плавания судна и киногруппы в шторм.

Путешествие киногруппы через океан до Петропавловска-Камчатского, сопровождаемое штормами и качкой, закончилось 21 апреля 1929 года. Суровый нрав океана был снят оператором П.М. Мершиным и не раз использован в итоговых фильмах как штрих к портрету Камчатки [9, с. 21]. Новая фраза кино-текста: титр «СТРАНА ВУЛКАНОВ», кадры: Ключевская сопка

Рис. 3. Ключевская сопка

⁶ Титры даны прописными буквами – как в оригинальном фильме.

Ключевской вулкан встретил нас неприветливо укрывшись в шапку нависающих облаков. Пришлось ждать погоды, чтобы ранним утром запечатлеть его первобытное извержение... Наконец взошло солнце. Перед нашими взорами появился во всей своей ослепительной красоте конус величайшего в мире вулкана. Из кратера тянулся редкий дым. Ключевская сопка курилась. Мы не теряли драгоценных минут. Снимали сопку разными объективами с разных точек. Вскоре красавица скрылась в облаках, словно стыдливо накрылась белоснежными одеяниями [9, с. 65].

Титр «СТРАНА ПУШНИНЫ». Кадры зимней тайги и пушных зверей: белки, красной и чернубурой лисицы, песца, выдры, соболя, медведя.

Титр «СТРАНА РЫБЫ». Кадры различных водоемов и рыбы в воде.

Титр «СТРАНА МОРСКОГО ЗВЕРЯ». Кадры нерп – на берегу и в воде.

29 мая киногруппа прибыла в заснеженный Усть-Камчатск. Снимали нерп. Проводник Гаворин посоветовал взять на съемку гармонь, уверяя, что нерпы равнодушны к музыке. В процессе съемки встала необходимость снять помимо общих, и крупные планы животных. Однако осторожные нерпы не подходили близко к берегу. Я заиграл какой-то вальс, и через несколько секунд показались не одна, а несколько голов. Любопытные звери стали медленно приближаться к берегу, втягивая шеи в нашу сторону [9, с. 51].

Титр «СТРАНА СЕВЕРНЫХ ОЛЕНЕЙ». Кадры многочисленных стад оленей, отлова и забоя животных местными жителями.

Титр «СТРАНА ПЕРВОБЫТНОГО НАРОДА». Кадры жизнедеятельности

Рис. 4. Корякская шаманка. Фото из Камчатской киноэкспедиции.

Далее – мультипликационная карта Камчатского полуострова и титр на ней – «НЕВЕДОМАЯ ЗЕМЛЯ». Затем на той же карте появляется новый титр «КАМЧАТКА», а на него – накладывается еще один титр «СОВЕТСКАЯ».

На 10-й минуте фильма начинается новая глава. Кадры побережья. Титр «СЮДА», снова кадры волн, титр «ПРИШЕЛ СОВЕТСКИЙ ПАРОХОД», кадры парохода в море, титр «С ТОВАРАМИ», кадры приветственного гудка, дыма из паровой трубы и прибытия парохода, титр: «ДЛЯ ДАЛЕКОЙ КАМЧАТКИ». Кадры: улыбающийся капитан, рабочие, разгружающие товары с судна и принимающие их местные жители, титр «ЧТОБЫ НА СУРОВОЙ ОКРАИНЕ», кадры занесенных снегом домов селения, титр «ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО ОСУЩЕСТВЛЯТЬ КООПЕРАТИВНЫЙ ПЛАН ЛЕНИНА». Кадры: постройка с вывеской «Гижигинский туземно-интегральный кооператив», местные жители изучают посуду, оружие, инструменты и другие товары. Титр: «И ВСЮДУ...», кадры: строение с вывеской «Пенжинский районный исполнительный комитет Камчатского округа», секретарь принимает посетителей, записывает их обращения, титр «ПО ВСЕЙ КАМЧАТКЕ...», кадры природных просторов – горы, леса, реки, титр «В ДАЛЕКИЕ УГОЛКИ», кадры: жилища коряков, девушка в национальной одежде и в наушниках, титр: «НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ», кадры: пожилая женщина в наушниках, титр «НА ЯЗЫКЕ ВСЕМ ПОНЯТНОМ...», кадры: люди, слушающие радио, титр: «ЛЕТЯТ К ЛЮДЯМ ТУНДРЫ», кадры местных жителей, титр «БОЕВЫЕ ЛОЗУНГИ ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ».

16 августа 1929. Селение Тигиль. Тотчас же по приезде сюда подняли радиомачту и слушали передававшуюся из Хабаровска радиопередачу и концерт. Вымирающее племя ительменов впервые услышало радио. После трехнедельного пути все участники киноэкспедиции страшно устали, мечтали исключительно о сне, но разве можно было удалить набивших коммату этих чуть не первобытных людей, глотавших каждый звук, выходявший из репродуктора? Наконец улеглись. Раздеться ни у кого не хватило сил. Спали в одежде. Назавтра, с раннего утра, приступили к съемке [9, с. 188].

Кадр местные жители у яранги держат плакат с надписью: «Под руководством ленинской партии через туземные кооперативы и кооперацию к социализму», а по фону – растяжка с надписью: «Привет туземно-корякскому съезду советов! Бедняки в союзе с середняками против кулаков».

22-я минута (середина фильма). Титр «В КОРЯКСКИХ СЕЛЕНИЯХ», кадры упряжек оленей, титр «ВОЗНИКАЮТ ОЛЕНЕВОДЧЕСКИЕ КОЛХОЗЫ». Снова титр «В КОРЯКСКИХ СЕЛЕНИЯХ», кадры: женщины в землянке шьют, титр: «ПЕРВАЯ ЖЕНСКАЯ ПОШИВОЧНАЯ АРТЕЛЬ», кадры: пожилые женщины, молодые женщины и девочки тянут нити из жил, шьют.

Как много могут сделать люди, вооруженные техникой, можно судить по тому факту, что коряки чуть ли не на следующий день после переданного по радио на родном языке доклада о кооперации и коллективах подтвердили свое желание создать туземный кооператив и утвердили организацию женской пошивочной артели [9, с. 88].

Титр «В ВЕРХОВЬЯХ РЕК», кадры дикой природы – долины рек, таежные дебри, титр «ЧУВАНЦАМИ ОРГАНИЗОВАН ЛЕСОРУБОЧНЫЙ...», кадры: мужчины рубят деревья, титр «КОЛЛЕКТИВ».

Кадры собачьих упряжек, титр «НА СОЦСОРЕВНОВАНИЯ ПО СБОРУ ПУШНИНЫ», кадры туземных собраний (местные жители в национальной одежде на природе), титр «ВЫЗЫВАЕТ», кадры – снова туземные собрания, секретарь собрания делает записи, титр «ПЕНЖИНСКИЙ РАЙОН – КАРАГИНЦЕВ».

Кадры селения, титр «ВПЕРВЫЕ НА КАМЧАТКЕ», кадр: собачья упряжка въезжает в селение, титр «КРАСНЫЙ ПУШНОЙ ОБОЗ», кадр: много упряжек въезжает в селение. Далее – кадры: перед съехавшимися выступает молодой деятель советской власти, титр «МЫ БЕДНЯКИ И СЕРЕДНЯКИ...», кадр: его внимательно слушают, титр «КРАСНЫМИ ОБОЗАМИ УДАРИМ ПО КУЛАКУ...», кадры: слушающие, выступающий, титр «УКРЕПИМ СМЫЧКУ С РАБОЧИМИ СОЮЗА». Следующий кадр – слушающие достают пушнину из нарт и несут в кооператив «Новая жизнь» (надпись на здании).

26-я минута фильма. Титр «СРЕДНЯЯ КАМЧАТКА». Кадры реки Камчатки. Титр «ПОЯВЛЯЮТСЯ НОВЫЕ ОТРАСЛИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА», кадры: домашняя птица, свиньи, коровы, ветеринар обследует корову. Далее – через кадр проезжает трактор, титр: «РАБОТАЕТ ПЕРВЫЙ СОВХОЗ».

В Гижиге сняли очень значительный факт – крепнет сельское хозяйство, появился скот. Лошади приспособились к обстановке не хуже оленей; они не заставляют своих хозяев заботиться о пропитании для них. Круглый год они находятся на подножном корму, пасутся в тундре [9, с. 114].

Титр «РЯДОМ С ОГОРОДАМИ ЕДИНОЛИЧНИКА...», кадр одиноко работающего мужчины, титр «РАСТЕТ КОЛХОЗНОЕ ОГОРОДНИЧЕСТВО», кадры: многочисленные работники вскапывают землю, сеют семена, просеивают зерно на специальной технике, и укладывают в мешки.

29-я минута фильма. Титр «УХОДИТ В ПРОШЛОЕ», кадр церкви в селении, титр «СТАРЫЙ БЫТ КАМЧАДАЛА», кадры: люди массово корчуют пни, вспахивают землю, строят новые дома в селениях, постройки с вывесками «Сельский совет», «Сберегательная касса». Титр «РАСТУТ», кадр постройки с вывеской «Школа первой ступени имени Октябрьской революции», кадры: дети заходят в двери школы, учитель в классе обходит ряды, следит за работой детей, у доски работает ученица. Кадры: крупная постройка, внутри сидят люди с перевязанными руками и другие посетители, доктор по-очереди принимает больных – женщину с ребенком, мужчину с зубной болью.

Титр «РАСТУТ БУДУЩИЕ СТРОИТЕЛИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КАМЧАТКИ», кадры: дети играют в кубики, листают книги. Титр «ПОД РУКОВОДСТВОМ КОМСОМОЛА», кадры: дети, выстроенные в ряды, выполняют элементы физзарядки, задаваемые молодой девушкой-тренером.

33-я минута. Титр «К НОВОМУ БЫТУ ИДЕТ И КОЧЕВНИК», кадры: здание с вывеской «Тигильский кооператив Камчадал», люди выносят оттуда посуду, ружья, продукты. Титр «В ДАЛЕКИХ СТОЙБИЩАХ», кадры: общий вид стойбища, местные жители, олени, к ним приезжают гости с портфелями, гостей радушно принимают хозяева в яранге. Титр «РАБОТАЕТ ТУЗ. РАЙСПОЛКОМ», кадры: жители стойбища и приезжие партработники общаются в яранге.

Из селения Тигиль киноэкспедиция отправилась на летовье, к корякам-оленеводам Тигильского района. Киногруппе удалось заснять как традиционный быт коряков, так и новую социалистическую традицию – заседание туземного райисполкома под председательством бедняка-оленевода, где разбирался вопрос о плановом распределении моховищ среди кочевников. На этом заседании столкнулись интересы богатых и бедных оленеводов. До сих пор при распределении моховищ преимущество было на стороне богатых... И вот, в мирной и тихой беседе председатель тузрика Эвьяли справедливо разрешил вопрос о моховищах, являющихся единственным кормом для оленей [9, с. 48].

35-я минута фильма. Титр «КОГДА ИЗ МОРЕЙ», кадр – море, титр «В РЕКИ ИДЕТ», кадр – река, чайки, плещется рыба, титр «ТОГДА НАЧИНАЕТСЯ», кадр – рыбаки с сетями, титр «БОЙ ЗА БОЛЬШЕВИСТСКУЮ ПУТИНУ», кадры: рыбаки, лодки, сети, и кишашая рыбой вода. Титр «РЫБОЛОВНЫЕ АРТЕЛИ», кадры: мужчины-рыбаки перекидывают рыбу из сетей в лодки, титр «ГОТОВЯТ», кадры: рыбаки освобождают переполненные сети, рыба крупным планом, титр: «РЫБНЫЕ КОНСЕРВЫ». Кадры: лодки подплывают к берегу, рыбаки выгружают рыбу к элеватору, который непрерывным потоком подает рыбу в цеха рыбзавода, рыба на ползущих лентах заводских механизмов.

40-я минута фильма. Титр: «ПО ПОСЛЕДНЕМУ СЛОВУ ТЕХНИКИ», кадры: механизированные линии завода. Титр: «РАБОЧИМ МОСКВЫ», кадры: консервы, титр: «ЛЕНИНГРАДА», снова в кадре – консервы, титр «ДОНБАССА», кадры: множество консервных банок движутся по линии завода, титр «РАБОЧИМ СОЮЗА», кадры: упаковки консервов. Титр «НА ЭКСПОРТ», кадры: залежи рыбы, машины-погрузчики. Снова титр «НА ЭКСПОРТ», кадры: россыпи мехов. Титр «ЧТОБЫ РОСЛА И ШИРИЛАСЬ», кадры заводских построек, титр «НА СОВЕТСКОЙ КАМЧАТКЕ», кадры заводских помещений, титр «СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ», кадры: панорамы новых построек, заводских корпусов.

50-я минута – финальный кадр – мультипликация: контуры полуострова Камчатка на этом фоне имеет пестротканное шерстяное одеяло, покрывающее постель в

Рис. 5. Демонстрация в Петропавловске-Камчатском.

Советская Камчатка на экранах страны

Как наглядно видно из приведенного кинотекста, фильм «Terra incognita», представлял собой обзорный экономико-политический киноочерк о Камчатке – он формировал образ некогда «забытого края», прогрессивно изменявшегося при социализме, делая акцент на работе сельскохозяйственных совхозов и зверохозяйств, рыболовецких бригад и консервного завода, пошивочной и лесозаготовительной артелей. Обращает на себя внимание четкая тематическая простроенность киноповествования: от «ретроспективных» сцен (традиционный быт коренных народностей и неразвитые социально-экономические связи), к демонстрации «перспективных» социокультурных и экономических процессов, причем перелом в сторону показа советизации Камчатки намечается ровно в середине фильма. Очевидно, драматургической основой фильма является борьба старого и нового во всех сферах жизнедеятельности на полуострове: от хозяйства до политического устройства, завершающийся победой социалистических нововведений. Не случайно сделан акцент на наглядную демонстрацию выгодных преимуществ советских организаций Камчатки – детского сада, школы, больницы, торгового кооператива, райполкома – символизирующих перспективы развития полуострова. И, как того требовала единая для государственных культурфильмов сюжетная матрица, в фильме были экранизированы все основные акты ленинской национальной политики: деятельность местных партийных ячеек, образовательных учреждений для туземцев, работа культбаз и производственных организаций и т.д. Для максимально полного воплощения на экране сценарных задач, режиссеру приходилось сочетать методы документальной и постановочной съемки – во многих сценах прослеживаются срежиссированные действия персонажей (стройная вереница охотников, сдающих меха в кооператив, слаженные действия рыбаков на промысле и т.п.). При рассмотрении кинотекста становится видно, что основной посыл фильма состоял в создании на экране образа Камчатки как эльдорадо природных ресурсов, имеющего значение для Советского Союза именно в качестве источника этих богатств, которые нужно разрабатывать в промышленных масштабах на благо всей страны. Монтажное сопоставление кадров и текстовых титров-лозунгов, безусловно, усиливало агитационно-пропагандистский эффект фильма в направлении конструируемого кинообраза советской Камчатки. Символичен и финал фильма «Terra incognita» – мультипликационный кадр разрастающейся советской звезды, постепенно охватывающей своими лучами-щупальцами всю территорию полуострова – так называемый «визуальный мэппинг» (картирование) [24, р. 10], как образ советизации региона.

В архиве А.А. Литвинова сохранились рекламные киноафиши, свидетельствующие, что фильм «*Terra incognita*» вышел в широкий кинопрокат августе 1931 г. (ГАСО. Ф. Р-2581. Оп. 1. Д. 93. Л. 42). Экранный очерк, снятый на далекой Камчатке, был положительно встречен столичной общественностью и прессой, в частности, газета «Кино» писала: «Советская культурфильма может праздновать большую победу. Поступающая в прокат камчатская сюита заслуживает самого серьезного внимания» [15, с. 3]. Помимо широкого кинопроката в разных регионах страны, фильм был внедрен и в систему образования, о чем, в частности, свидетельствует методическая разработка, выполненная А.А. Литвиновым для показов фильма в учебных заведениях СССР (ГАСО. Ф. Р-2581. Оп. 1. Д. 93. Л. 43-44). Кроме того, на общественных просмотрах, киноочерк «*Terra incognita*» как кино-доказательство превращения Камчатки при советской власти в процветающий район, предлагалось «двинуть в Белоруссию, и во все районы, откуда планируется переселение на Камчатку, во все районы Крайнего Севера, который быстро догоняет в своем развитии более освоенные районы СССР, и за границу, ибо за граница будет смотреть их с не меньшим успехом, чем миллионный советский зритель» [15, с. 4].

При рассмотрении фильма «*Terra incognita*», следует иметь в виду и особенности общественно-политического контекста, в котором он создавался. Ведь советский экран прямо или косвенно отражал силуэты идеологии и культуры своего времени. В этой проекции, и кинонаследие Литвинова представляет собой комплексный визуально-антропологический источник. С одной стороны, «*Terra incognita*» является вкладом в науку, будучи одним из самых ранних кинодокументов по этнографии коренных народностей края. С другой стороны, в литвиновском фильме просматриваются и свидетельства государственной национальной политики, выразившиеся в запечатленных на пленке мероприятиях, проводимых организациями Комитета Севера на Дальнем Востоке СССР в 1920–1930-х гг. (создание туземных советов, культбаз, кооперативов, школ, медпунктов). Кроме того, на примере данного фильма отчетливо видна отработка советским кинематографом государственной задачи создания привлекательного образа того или иного региона для использования в рамках мероприятий переселенческой политики СССР. Так случилось, что Камчатская киноэкспедиция А.А. Литвинова 1920-х – начала 1930-х гг. совпала с периодом т.н. «культурных преобразований» [1, с. 207] и линией «коренизации» в советской национальной политике, что по определению Т. Красовицкой, означало «выращивание местных кадров, опору на коренное население республик» [6, с. 199]. В этой связи, П.Г. Смидович, руководитель Комитета Севера,

реализовывавшего советские реформы на национальных окраинах Сибири и Дальнего Востока СССР, характерно высказывался: «Туземцы должны знать, что у них есть своя советская власть, и что она распоряжается подвластной ей территорией на основании как общих советских законов, так и собственных постановлений» [16, с. 268].

Таким образом декларировалась государственная задача соединения общесоветского и локальных компонентов при конструировании многонационального Союза. По мнению В.А. Тишкова, этот эксперимент советского нациестроительства был уникальным для мировой истории и происходил путем формирования «социалистических наций с наделением их своими «национальными территориями», столичными городами, экономической базой, письменными языками, профессиональной культурой и т.п.» [20, с. 109]. При этом, особая линия данного эксперимента заключалась в переделке малочисленных народов, исходя из ленинской формулы, допускавшей искусственный перескок ими стадии капитализма при переходе от патриархально-общинного к социалистическому строю, «если революционный победоносный пролетариат проведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами...» [3, с. 13]. По замечанию Шейлы Фицпатрик, такая «идея переделки человека являлась частью общей идеи преобразования – краеугольного камня советской программы» [22, с. 94].

Именно в качестве одного из эффективных средств для перековки культур и были необходимы культурфильмы, позволяющие «привить массам метод отвлечения от своей религии, от своего быта, от своих предрассудков и своих суеверий, и сдвинуть стабилизированную традицией мысль до состояния брожения» [19, с. 115]. Но уже в середине 1930-х гг., в связи с изменением курса национальной политики в сторону т.н. «великого отступления» 1933–1938 гг. [12, с. 45], параллельно с «репрессиями этнологии» [17, с. 172], государство стало сворачивать и планы производства культурфильмов. В социально-политический оборот входила формула: «классы первичны, нации вторичны», зачиная идею конструирования «общесоветской гражданственности» [6, с. 206]. Культурфильмы отыграли свою роль информационной технологии в рамках советского эксперимента по конструированию образа новой страны на экране, их производство было ведомственно остановлено, а уже созданные к этому времени киноработы, включая литвиновский фильм «Terra incognita», – списаны в архив⁷.

⁷ Фильм «Terra incognita» хранится в Российском Государственном Архиве Кинофотодокументов (г. Красногорск). Учетный номер фильма: 1416, производственный номер: 1-1459.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аманжолова Д.А. Советская этнополитика (1929–1941 гг.) / Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М.: Новый хронограф, 2012. 447 с. С. 207–262
2. Головнев И.А. «Лесные люди» А. Литвинова – феномен советского этнографического кино // Этнографическое обозрение. М.: Наука, 2016. № 2. С. 81–96
3. Гурвич И.С. Принципы ленинской национальной политики и применение их на крайнем Севере // Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М.: Наука, 1971. С. 9–49.
4. Дерябин А.С. О фильмах-путешествиях и Александре Литвинове // Вестник «Зеленое спасение». Вып. 11. Алматы: Гермес, 1999. С. 14–23.
5. Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М.: ОГИЗ, 1931. 496 с.
6. Красовицкая Т.Ю. Конфликт идеалов и практик ранней советской государственности. Механизмы и практики этнополитических процессов (1917–1929) // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М.: Новый хронограф, 2012. С. 151–206.
7. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.: Эксмо, 2013. 480 с.
8. Лебедев Н.А. Очерки истории кино СССР. Немое кино: 1918–1934 гг. М.: Искусство, 1965. 373 с.
9. Литвинов А.А. В краю огнедышащих гор. Свердловск: Свердловское книжное изд-во. 1963. 212 с.
10. Литвинов А.А. По следам Арсеньева. Владивосток: Приморское книжн. изд-во, 1959. 204 с.
11. Магидов В.М. Кинодокументы по визуальной антропологии России // Материальная база сферы культуры. Вып. 2. М.: Изд. РГБ, 1998. 100 с.
12. Мартин, Терри. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. 664 с.
13. Отчет о деятельности Камчатского Краеведческого Общества за 1929 год. Петропавловск-Камчатский: Изд-во Камчатского Краеведческого Общества, 1930. 24 с.
14. Поляновский М. Краевед в кино. Памяти Владимира Клавдиевича Арсеньева // Тихоокеанская звезда. 4 сентября. 1930. С. 4.
15. Сергеев М. «Земля неведомая. Новые фильмы о Камчатке» // Кино. 1931. 18 сентября. С. 3–4.
16. Смидович П.Г. На четвертом году (национальное районирование и землеустройство малых районов Севера) // Советский Север. М.: Комитет Содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК, 1929. С. 267–269.
17. Соловей Т.Д. От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX в. М.: ИЭА РАН, 1998. 298 с.
18. Страницы истории отечественного кино / Отв. ред. Л.М. Будяк. М.: Материк, 2006. 284 с.
19. Терской А.Н. Этнографическая фильма. М.: Теакинопечать, 1930. С. 115
20. Тишков В.А. Российский народ. М.: Просвещение, 2010. 192 с.
21. Турумов Г.П., Зинбер Я.Р. Визуальная антропология народов Северо-Восточной Азии конца XIX – начала XX в. // Россия и АТР. 2013. № 2. С. 128 – 139.
22. Фицпатрик, Шейла. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. 333 с.
23. Шлегель, Ханс Йоахим. Немецкие импульсы для советских культурфильмов 20-х годов // Киноведческие записки. № 58. М.: Эйзенштейн-центр, 2002. С. 368 – 380
24. Sarkisova, Oksana (2015) Taming the frontier: Aleksandr Litvinov's expedition films and representations of indigenous minorities in the Far East // Studies in Russian and Soviet Cinema. London: Routledge, 2015, p. 2-23
25. АГУК СОКМ (Архив Государственного учреждения культуры «Свердловский Областной Краеведческий Музей»).
26. АОИАК (Архив Общества Изучения Амурского Края).

27. ГАСО (Государственный архив Свердловской области).
28. ГАКК (Государственный Архив Камчатского Края).
29. РГАЛИ (Российский Государственный Архив Литературы и Искусства).

REFERENCES

1. Amanzholova D.A. *Etnicheskiy i religioznyy faktory v formirovani i evolyutsii Rossiyskogo gosudarstva* [Ethnic and religious factors in the formation and evolution of the Russian state]. Moscow, Novyy khronograf Publ., 2012, pp. 207–262 (in Russ.).
2. Golovnev I.A. "Lesnye liudi" – fenomen sovetskogo etnograficheskogo kino ["Forest People" – The Phenomenon of the Soviet Ethnographic Cinema]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2016, No 2, pp. 83–98 (in Russ.).
3. Gurvich I.S. Printsipi leninskoj natsionalnoi politiki i primeneniye ih na krainem Severe [The principles of Lenin's national policy and its application on Far North]. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 9–49 (in Russ.).
4. Deryabin A.S. O filmah-puteshestviyah i Alexandre Litvinove [About travel-movies and Alexander Litvinov]. *Vestnik "Zelenoye spasenie"*, 1999, No 11, pp. 14–23. (in Russ.).
5. Direktivi VKP(b) po voprosam prosvesheniya [Directives of the All-Union Communist Party (bolsheviks) concerning education]. Moscow, OGIZ Publ., 1931. 496 p. (in Russ.).
6. Krasovitskaya T.Yu. *Etnicheskiy i religioznyy faktory v formirovani i evolyutsii Rossiyskogo gosudarstva* [Ethnic and religious factors in the formation and evolution of the Russian state]. Moscow, Novyy khronograf Publ., 2012, pp. 151–206. (in Russ.).
7. Krasheninikov S.P. *Opisanie zemli Kamchatki* [The description of the Kamchatka]. Moscow, Eksmo Publ., 2013. 480 p. (in Russ.).
8. Lebedev N.A. *Ocherki istorii kino SSSR. Nemoe kino: 1918 – 1934* [Sketches of history of cinema of the USSR. Silent cinema: 1918 – 1934]. M., Iskusstvo Publ., 1965. 373 p. (in Russ.).
9. Litvinov A.A. *V krayu ognedishashih gor* [In the region of fire-spitting mountains]. Sverdlovsk, Sverdlovskoye knizhnoye izdatelstvo Publ., 1963. 212 p.
10. Litvinov A.A. *Po sledam Arsenieva* [In the footsteps of Arsenyev]. Vladivostok, Primorskoye knizhnoye izdatelstvo Publ., 1959. 204 p. (in Russ.).
11. Magidov V.M. *Kinodokumenty po visualnoi antropologii Rossii* [Film documents on visual anthropology of Russia]. Materialnaya baza sferi kul'turi. No 2. Moscow, RGB Publ., 1998. 100 p. (in Russ.).
12. Martin T. *Imperiya «polozhitelnoy deyatelnosti». Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [Empire "positive activities". Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011. 855 p. (in Russ.).
13. *Otchet o deyatelnosti Kamchatskogo Kraevedcheskogo Obshestva za 1929 god* [The activities report of the Kamchatka Local history Society for 1929]. Petropavlovsk-Kamchatskiy, Izdatelstvo Kamchatskogo Kraevedcheskogo Obshestva Publ., 1930. 24 p. (in Russ.).
14. Polyanovskiy M. *Kraeved v kino. Pamyati Vladimira Arsenieva* [The local historian at cinema. Vladimir Klavdiyevich Arsenyev's memories], *Tihookeanskaya zvezda* (Pacific star), 1930, September 4 (in Russ.).
15. Sergeev M. *Zemlya nevedomaya. Novie filmi o Kamchatke* [Unknown Land. New movies about Kamchatka]. *Kino* (Cinema), 1931, September 18. (in Russ.). pp. 3–4. (in Russ.).
16. Smidovich P.G. *Na chetvertom godu (natsionalnoye raionirovaniye i zemleustroystvo malih raionov Severa)* [On the fourth year (national division into districts and land management of small regions of the North)]. *Sovetskiy Sever* (Soviet North). Moscow, Komitet So-deistviya narodnostyam severnih okrain pri VTSIK Publ., 1929, pp. 267 – 269 (in Russ.).
17. Solov'yev T.D. *«burzhuzaznoy» etnologii k «sovetskoy» etnografii. Istoriya otechestvennoy etnologii pervoy treti XX veka* [Of "bourgeois" Ethnology to the "Soviet" ethnography. History of domestic ethnology early XX century]. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN Publ, 1998, 258 p. (in Russ.).
18. *Stranitsy istorii otechestvennogo kino* [Pages of history of domestic cinema]. Moscow,

- Materik Publ., 2006. 284 p. (in Russ.).
19. Terskovy A.N. Etnograficheskaya filma [Ethnographic film]. Leningrad; Moscow: Teakinopechat Publ., 1930. 187 p. (in Russ.).
 20. Tishkov V.A. Rossiyskiy narod [Russian people]. M., Prosveshenie Publ., 2010. 192 p. (in Russ.).
 21. Turumov G.P., Zinber Y.R. Visualnaya antropologiya narodov Severo-Vostochnoi Azii kontsa XIX – nachala XX veka [Visual anthropology of the peoples of Northeast Asia of the end of XIX – the beginning of the 20th century]. Rossiya I ATR (Russia and the Pacific), 2013, No 2, pp. 128–139 (in Russ.).
 22. Fitzpatrick, Sheila. Povsednevniy stalinizm. Sotsialnaya istoriya covetskoi Rossii v 30-e godi: gorod [Daily Stalinism. Social history of the Soviet Russia in the 30th years: city]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 333 p. (in Russ.).
 23. Schlegel, Hans Ioachim. Nemetskie impulse dlya sovetskih kulturfilmov 20-h godov [The German impulses for the Soviet kulturfilms of the 20th years]. Kinovedcheskie zapiski (Cinematology notes). 2002, No 58, pp. 368 – 380 (in Russ.).
 24. Sarkisova, Oksana. Taming the frontier: Aleksandr Litvinov's expedition films and representations of indigenous minorities in the Far East. Studies in Russian and Soviet Cinema. London, Routledge Publ., 2015, p. 2-23.

Головнев Иван Андреевич, кандидат исторических наук, н.с. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; *ethnokino@gmail.com*

“Terra incognita”: image of the Kamchatka Peninsula in the A. Litvinov’s film

The history of the visual anthropology in Russia is full of big names, heroic expeditions and classic films. The pioneers of the Russian visual anthropology were an explorer V. Arsenjev and a film director A. Litvinov – co-authors of a series of ethnographic films about the peoples and territories of the Far East of the 1920s–1930s (“Forest People”, “Tumgu”, “Deer rider”, etc.). Alongside with addressing research and artistic goals production of ethnographic films was also part of a grand USSR’s nation building experiment. The Soviet authorities used popular so-called *kulturfilms* as a means of bringing together the peoples of the new Union on screen. In this article, on the example of the classic documentary A. Litvinov’s “Terra incognita” film, the consideration of a cinema-image of Kamchatka Peninsula as the “territory which is coming to life in the period of socialism” is carried out. Method of the analysis of this archival film – is the translation of the film’s images and titles in a text format. The parallel processes in the Soviet national and cultural policy are considered as a context of the creation of kulturfilms. Objective and subjective projections of creation of a cine-images of the Soviet regions as historical source are investigated. The research is based on archival materials.

Keywords: visual anthropology, Soviet *kulturfilm*, image of region, Alexander Litvinov, Kamchatka film-expedition

Ivan Golovnev, PhD, researcher at the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg); *ethnokino@gmail.com*

Е. Е. ИБРАЕВ

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ И ОТРАЖЕНИЕ ПОСТИМПЕРСКОЙ РЕФЛЕКСИИ В АНГЛИЙСКОМ КИНОИСКУССТВЕ

В статье рассматривается трансформация образа Британской империи XIX-XX вв. на основе эволюции идей в британском обществе и английском игровом кинематографе. Автором исследования выявлены явные и скрытые факторы, позволявшие художественному образу империи непрерывно эволюционировать и менять свои идейные установки для мировой киноаудитории. Как выяснилось, кинематограф Великобритании в целом шел тем же путем, что и эволюция общественно-политических взглядов в стране. Черпая идеи из окружающей действительности, деятели кино трактовали их на экране, согласно характеру эпохи, зачастую вольно или невольно оказываясь под воздействием государственной политики и имперской идеологии, а это в свою очередь влияло на общественное мнение в Англии, придавая ходу его развития направленный характер.

Ключевые слова: кинопропаганда, идеология, рефлексия, колониализм, империя

На сегодняшний день все значимые исторические события нашли отражение не только в научных исследованиях, но и в художественной культуре. Особенную роль здесь играет кинематограф, чье стремительное распространение по земному шару в немалой степени связано с его визуальными образами, которые в отличие от словесных форм понятны всем и сделали кино интернациональным. Английский игровой кинематограф богат самой разнообразной информацией. Неоценимое значение имеет отражение на киноэкране основных постулатов имперской идеологии, тех превращений, которые они претерпевали под влиянием обстоятельств. Проблема кинотрансформации образа империи актуальна как для исследования эволюции общественного сознания, в частности влияния пропаганды на массовое восприятие имперской политики, так и для осмысления самого феномена Британской империи.

Интеллектуальная полемика на имперскую тему, разумеется, велась еще в имперский период. Взгляды историков дополняли убеждения литераторов и кинематографистов. Подобная тенденция сохранилась и в постимперскую эпоху. «Кинообраз» империи по-прежнему популярен среди британских киноведов. Среди трудов, освещающих тему империи в английском кино, следует выделить сборник работ под редакцией С. Уорда и Дж. Маккензи¹. Историки киноискусства изучают кинематографическое влияние на общественную атмосферу и политическую идеологию Британии 1910-1950-х гг. Распад Британской

¹ Ward and MacKenzie 2001.

империи авторы связывают с послевоенным шоком англичан и утратой ими веры в имперские ценности. Несколько позже, о влиянии кинематографических образов «национальных героев» Великобритании на характер осмысления постимперской эпохи писал А. Уолкер². Дж. Чепмен утверждает, что исторические фильмы об империи рассказывают не столько о прошлом, которое они изображают, сколько о времени, в котором они сделаны³. В некоторых книгах, посвященных эволюции «имперского» кино, прослеживается мысль о ее переплетении с эволюцией самой империи, а также с обновлением «колониальной» историографии. Несмотря на «культ» политкорректности и мультикультурализма в современной британской историографии, продолжают просматриваться заметные различия в оценке имперской политики и ее последствий. Выраженными неоимпериалистическими взглядами отличается работа Н. Фергюсона. По его мнению, империя подарила миру свободную торговлю, свободное движение капитала и, с отменой рабства, свободный труд, а также английский язык⁴. «Постколониальные исследования», выражающие разные взгляды на имперское прошлое⁵, обогащает концепция, согласно которой вестернизация колониальных культур была следствием вечно неудовлетворенного желания туземцев «быть не хуже их» (англичан), а вовсе не стремления приобщиться к «благам европейской цивилизации»⁶.

Предлагаемое исследование ставит цель выявить те идеи, что способствовали непрерывной эволюции образа империи в английском киноискусстве. Для этого необходимо: во-первых, соотнести взгляды кинохудожников с общественными настроениями в стране, а во-вторых, сравнить киносюжеты с историографическими интерпретациями событий, а также с литературными источниками, послужившими основой для сценариев. Особое внимание уделяется вопросу о том, какие ключевые изменения внес режиссер или сценарист в характер и мотивацию героев, в сам ход сюжетного повествования относительно версии, устоявшейся в научной литературе. Анализ таких изменений позволяет выявить контекст создания фильма, его связь с текущей политической ситуацией, общественными настроениями.

На рубеже XIX–XX вв. Британская империя, казалось, находилась на вершине могущества и славы. Территориальный раздел мира завершился явно в пользу Англии, ее финансовое и морское превосходство

² Walker 2005.

³ Chapman 2005.

⁴ Фергюсон 2013.

⁵ Said 1978.

⁶ Bhabha 2008.

оставалось бесспорным, а внешнее влияние не имело равных. В то же время ряд обстоятельств внушал растущие опасения. Промышленное первенство было безвозвратно потеряно, обострилась гонка вооружений, в Индии разворачивался подъем освободительного движения, политика «блестящей изоляции» зашла в тупик. Внутренние, военные и внешнеполитические проблемы Великобритании наиболее отчетливо обозначились в ходе англо-бурской войны. «Уставший Титан» – так образно, но вполне определенно охарактеризовал состояние Британской империи к началу XX в. министр колоний Джозеф Чемберлен.

Все это вынуждало Лондон искать новых союзников в международной политике, а приверженцев укрепления империи изобретать новые приемы и методы пропаганды. Одним из них стал кинематограф, появившийся в Англии в 1896 г., т.е. спустя год после возникновения. Первыми кинематограф как инструмент пропаганды оценили британские военные, участвовавшие в англо-бурской войне. Так, в 1900 г., генерал-квартирмейстер Эбелин Вуд заказывает кинорежиссеру Роберту Полу несколько фильмов о жизни солдат, с целью привлечь молодежь в армейские ряды. В дальнейшем кинематографисты станут выпускать целые киноленты о бурской войне. Но они пока мало походили на настоящие репортажи, поскольку из-за трудностей ведения съемки в боевых условиях приходилось использовать монтаж, который смешивал реальные военные действия с постановочными сценами.

К числу таких полудокументальных лент относится короткометражка оператора Розенталя «Стычка кавалерийских разведчиков, прикрепленных к боевой колонне генерала Френча, с бурами под Кимберли». Лента состояла из трех частей: «Скауты преследуют буров», «Пулеметы Максима в действии», «Атака и общая перестрелка». Особенной популярностью пользовались сюжеты, связанные с взятием в плен буров. Ленты такого рода имели незатейливые названия – «Сдача Кроонштадта лорду Робертсу», «Сдача генерала Кронье Лорду Робертсу». Поскольку эти фильмы выходят ко времени окончания войны, то постановщики концентрировали внимание зрителя на неминувости признания бурами власти британской Короны. Это представляло Британскую империю в глазах соотечественников великой, временами суровой, но справедливой «божественной силой», несущей отсталым народам цивилизацию. К ним кинопропаганда относилась и буров, которые имели «нахальство», так долго и упорно сопротивляться «цивилизаторской миссии» англичан. Укреплению общественного мнения относительно благополучного исхода войны способствовали взгляды популярных литераторов. Артур Конан Дойл писал: «Как бы ни огорчали некоторые эпизоды, когда бурам удавалось нанести нам тяжелые потери и за наш счет пополнить запасы вооружения и боеприпасов, это не умаляло уверенности, что их ряды тают, и неуклонно близится неиз-

бежный финал»⁷. Более того, в британском обществе намеренно разжигалась неприязнь к жителям Трансвааля. Английские газеты описывали буров как дикарей, злодеев, жестоких рабовладельцев и религиозных фанатиков. Статьи, для большего эффекта, иллюстрировались живописными картинками. Практически весь материал британская пресса брала из издаваемых в Кейптауне газет, принадлежавших Сесилу Родсу. Их оценку вольно или невольно дополнил, посетивший Южную Африку в конце XIX в. Марк Твен, который писал о жителях Трансвааля: «...Буры очень набожны, глубоко невежественны, тупы, упрямы, нетерпимы, нечистоплотны, гостеприимны, честны во взаимоотношениях с белыми, жестоки по отношению к своим чёрным слугам... им совершенно всё равно, что творится в мире». Далее американский писатель, сравнивает буров с черными африканцами «...Чёрный дикарь... был добродушен, общителен и бесконечно приветлив... жил в хлеву, был ленив, поклонялся фетишу... Его место занял бур, белый дикарь. Он грязен, живёт в хлеву, ленив, поклоняется фетишу; кроме того, он мрачен, неприветлив и важен и усердно готовится, чтобы попасть в рай, – вероятно, понимая, что в ад его не допустят»⁸.

Подобный настрой передавался и полу-художественным кинолентам об англо-бурской войне, точно отражавшим общественное настроение, и имевшим в Великобритании внушительный зрительский успех.

Лишь в период краха мировой колониальной системы вышеописанные примеры пропаганды получили серьезный заряд критики. Так, рассказывая о кинопропаганде, посвященной англо-бурской войне, французский киновед Жорж Садуль высмеивал наивные и архаичные режиссерские приемы по возвышению статуса британского солдата и унижению буров. В первом томе своего произведения киновед напрямую говорит о том, что английская документальная хроника – в реальности лишь инсценировка событий, сфабрикованная из подлинных кадров и художественных постановок⁹.

Развитие кино в Британии продолжилось во время Великой войны 1914-1918 гг. Как и ее противник, т.е. Германия, она вновь довольно быстро привлекла кино к делу военной пропаганды. По-прежнему в Англии пользуется успехом военная кинохроника, повествующая о боевых действиях не только британских войск, но и союзнических. Эти киноленты показывались и за рубежом, способствуя поднятию боевого духа союзников¹⁰. Но если говорить в целом, то британский кинематограф помимо пропагандистской функции, уже имел и худо-

⁷ Дойл 2004. С. 601.

⁸ Англо-бурская война ... 2008.

⁹ Садуль 1958–1963.

¹⁰ Low, Manvell 1973.

жественное значение. В 1916 г. появляется игровой фильм «Сражение на Сомме». Он вместе с «Заводом Викерса» был продемонстрирован военнослужащим Российской империи. Наследник престола Алексей Романов отмечал в своем дневнике, что на него произвели впечатления кадры атак британской армии, а также мартеновская печь¹¹.

Кинорежиссеры Англии снимали фильмы, которые отображали повседневную жизнь англичан в годы войны: их труд, учебу, насущные заботы и планы на будущее. Одна из таких лент – «Флоренс Найтингейл» (1916), где режиссер М. Элви и сценарист Э. Стэннارد проводят параллели между образом жизни англичан в годы Крымской войны и в годы Первой мировой войны. В фильме пропагандируется имперский патриотизм, ответственность каждого гражданина за результаты своего труда, чувство сопричастности к международным событиям, независимо от пола, возраста, религиозной принадлежности.

В период Первой мировой войны киноиндустрия Англия приобрела настолько мощный идеологический заряд, что даже коммерческое кино неизменно содержало пропагандистскую линию, не говоря уже об официальных лентах. С самого начала киноискусство, отражая государственную политику, пропагандировало идеальный образ британца. Свободный, законопослушный, уважающий права окружающих, рационалист – именно такой гражданин был необходим для формирования привлекательного образа Соединенного Королевства не только в глазах собственной аудитории, но и всего мирового сообщества.

Постепенно в сценарии стали включать все большее число реальных исторических личностей, чьи жизнеописания были не только увлекательны, но и содержали необходимые идеологические линии, имевшие прямой выход на империю. В основу фильма «Ливингстон» (режиссер М. Везерел, 1925 г.) легла книга самого Дэвида Ливингстона, национального героя Англии – «Путешествия и исследование миссионера в Южной Африке». Написанная по-христиански в сдержанном, но эффектном для читателей стиле, она пользовалась большой популярностью. Картина повествовала о приключениях миссионера, активно содействовавшего искоренению рабства. Именно такие обстоятельства его биографии были запечатлены на пленке, ставшей первым полноценным фильмом на имперский сюжет, который положил начало художественной кинопропаганде колониальной политики Британии.

В 1929 г. во всем западном мире разразился экономический кризис, который породил в Англии массовую безработицу, застой в промышленности, рост социального расслоения. Англия, подобно другим странам, была не способна найти быстрый выход из тяжелой депрессии. К. Морган объясняет это тем, что «...в самой культуре Британии

¹¹ Цесаревич ... 1998. С. 161.

предпочтение десятилетиями отдавалось возвышенным гуманитарным дисциплинам и джентльменским доблестям, а не обучению навыкам управления и ведения бизнеса»¹². Кризис привел к упадку духа среди пишущей элиты: «...в Англии новые художники слова лишь критиковали современность, не находя в ней ничего положительного»¹³.

С аналогичными трудностями столкнулся и кинематограф, причем недостаток финансовых средств сказывался на нем значительно тяжелее. Однако на помощь мастерам кино пришли новые технические возможности – в 1927 г. появилось звуковое кино. Художественный и пропагандистский потенциал кинематографа невиданно возрос. В условиях усиления социальной и политической напряженности, как государство, так и бизнес быстро осознали это. Повсюду киноискусство вступает в новый этап своего развития. В США Голливуд, превратившийся в «фабрику грез», превозносит «американскую мечту», пропагандирует возможность любому американцу стать тем, кем он хотел быть, независимо от социальной принадлежности, пола, цвета кожи.

В Советском Союзе снимаются фильмы, прославляющие социалистический строй. «Веселые ребята», «Вратарь», «Трактористы» и др. внедряют в сознание советского зрителя мысль о том, что только пролетарский дух и коллективный труд способны преодолеть любые жизненные преграды.

В гитлеровской Германии кино играло важную роль в пропаганде национал-социалистической политики. Гитлер внимательно следил за кино и сделал его частью своей идеологической машины. «При такой любви фюрера и его министра пропаганды к кинематографу не может показаться странным, что партия и государство объявили его народным и культурным достоянием», – писал О. Кальбус в книге о становлении немецкого киноискусства¹⁴. В нацистской Германии снимаются фильмы, повествующие о борьбе молодых гитлеровцев, штурмовиков с коммунистами. В то же время на экран выходят кинопостановки о жизни известных немецких ученых, поэтов, политиков. Все это укрепляло в массах положительный образ национал-социалиста.

В Великобритании кинематограф нового типа, как и в предыдущие годы, берет на себя двойственную роль – развлекательного искусства и инструмента пропаганды. Первая функция помогала британцам легче переносить тяжелые условия экономического кризиса: зрители охотно смотрели новостные репортажи о футболе и гольфе, о королевской семье, взаимоотношениях Эдварда VIII и американки Уоллис Симпсон, о делах империи. В 1937 г. случился настоящий кинопро-

¹² Морган 2008. С. 352.

¹³ Робинсон 1957. № 2. С. 133-134.

¹⁴ Цит по: Кино тоталитарной эпохи 1933–1945. 1989. С. 4.

мышленный бум – было выпущено 225 фильмов¹⁵. Успех в значительной мере был обязан развитию звукового кино. Звук в кинофильме помогал лучше воспринимать происходящее на экране, повышал интерес к сюжету. В этих условиях, сначала в Голливуде, а потом в «Лондон филмз» (самой успешной и щедро финансируемой правительством киностудии¹⁶), начинают снимать целую серию приключенческих фильмов, позже названных «патриотическими приключениями»¹⁷. Этот жанр постепенно превратился в пропагандистский.

Отцами патриотических лент о приключениях англичан в колониях стали братья Корда – Александр и Золтан. Будучи этническими евреями, эмигрировавшими из Венгрии, они символизируют кинематограф Англии 1930-х гг. Венгерские постановщики создали целое кинематографическое направление, неразрывно связанное с пропагандой имперской политики Великобритании, но при этом создававшее достаточно качественный в культурном смысле продукт. Помимо государственного заказа и официальной пропагандистской линии, фильмы братьев Корда представляли в значительной мере авторский взгляд на политику империи в колониях. Вынужденные эмигрировать из Венгрии в силу обстоятельств, связанных с включением ее в сферу германского влияния, Корда на протяжении всей своей карьеры пропагандировали имперские идеалы Великобритании как разумные и гуманные, в противовес политике нацизма. В 1933 г. Александр Корда, первым из братьев, покинул охваченную смутой Венгрию и приехал в Великобританию, где в 1933 г. создал свою компанию «Лондон филмз», которая впоследствии стала главным производителем в киноиндустрии Соединенного Королевства. Первый фильм этой студии «Частная жизнь Генриха VIII», явился настоящим прорывом, положив начало «костюмному историческому кино». После успеха этого фильма, А. Корда был назван «спасителем британской киноиндустрии»¹⁸.

В 1936 г. А. Корда получил британское гражданство и навсегда обосновался в Соединенном Королевстве. В условиях демократизировавшейся Британии внешняя и имперская политика властей наталкивалась на возраставшую неудовлетворенность общественности. Творческая ориентация А. Корды и эмигрировавшего в Англию его брата Золтана пригодилась британскому правительству, которое стремилось возродить былые традиции, связанные с английским патриотизмом, культом англосаксонской расы, почитанием героев-строителей империи и

¹⁵ Садуль 1963. С. 106.

¹⁶ В то время в стране имелось три крупные кинокомпании – «Лондон филмз», «Дженерал филм», «Патэ-АБП».

¹⁷ Murphy 2009.

¹⁸ Корда 1998. С. 151.

пр. Братья Корда охотно берутся за свою миссию, и снимают серию «колониальных драм» – «Санدرس с реки» (1935), «Барабан» (1938), и «Четыре пера» (1939). В них персонажи живут согласно принципам поздневикторианской эпохи, которые необходимо было возродить среди киноаудитории. «Эти колониальные фильмы, ... рассчитанные на обывателей, ... прославляли колониализм, воспевали «строителей империи» и рисовали далекую от правды, романтизированную картину жизни в колониях», – не без оснований отмечали советские киноведы¹⁹.

Нельзя сказать, что персонажи и фабула колониальных фильмов, были придуманы исключительно братьями Корда. Свое начало, архетип, эти персонажи брали из «бремени белого человека». Разница была лишь в определенном упрощении образа управляющих и управляемых. Идеология «бремени» способствовала появлению соответствующего историографического направления. Пожалуй, наиболее ярким ее выразителем в английской историографии стал Дж. Сили²⁰. Подхваченная кембриджским историком у Милля, Спенсера, Дизраэли, Гладстона, идея цивилизаторской миссии включила в себя англоцентризм, культ англосаксонской расы, религиозное мессианство, пропаганду английских институтов власти, и добавила романтизм в действия «покорителей мира». В соответствии с идеей «миссии» герои колониальных лент обладали исключительно такими свойствами личности как благородство, честность, открытость, несгибаемая воля. Большого от этих персонажей не требовалось. В условиях брожения в империи и надвигающегося мирового конфликта такие качества были необходимы, чтобы возродить «классический» британский дух. В этих же целях в рамки имперской идеологии должен был укладываться и образ туземцев колоний, которых изображали малоразвитыми, призванными служить белым господам. Если персонаж-туземец знал свое место и готов был погибнуть ради имперских амбиций сахибов, то он считался положительным героем. Отрицательными были те, кто не хотел покоряться «разумной» власти англичан, а напротив – брал в руки оружие и отвергал их «гуманную и жертвенную» политику.

Для производства фильмов «колониальной» тематики братья Корда заключили договор на создание сценариев с Р. Кипплингом. Писатель в 1935 г. пишет сценарий первого «колониального» фильма Корда – «Маленький погонщик слонов», который, спустя два года, успешно выходит в прокат. Однако в 1936 г. Кипплинг скончался, не осуществив задуманное братьями Корда. Впрочем, режиссеры и далее продолжали вдохновляться идеями его произведений²¹.

¹⁹ Колодяжная, Трутко 1970. С. 209.

²⁰ Сили 1903.

²¹ Колодяжная, Трутко С. 210.

Помимо наследия Киплинга, Корда в поисках «колониальных» сюжетов, обращаются к произведениям известного британского романиста Э. Уоллеса, чей роман о комиссаре Сандерсе был воплощен ими на киноэкране. Фильм «Сандерс с реки» – типичный образец «колониального кино» 1930-х гг. Место действия – британская колония Нигерия. Несколько характерных персонажей: заботливый и чтущий закон и справедливость комиссар колонии Сандерс, его политический антагонист – жестокий и воинственный король местных племен Мофолоба, а также неизменный персонаж таких лент – преданный слуга, представитель местного населения – молодой Базамбо. Несмотря на такое количество штампов, английские рецензенты восхваляли картину, заявляя, что этот фильм является превосходной визитной карточкой британского правления²². Тем не менее, чрезмерная пропаганда вызвала возмущение среди британских документалистов. Теоретик кино и основатель английской документальной школы Пол Рота отзывался об этом фильме с сарказмом: «Итак, это Африка, леди и джентльмены, дикая, непокоренная Африка – вот она здесь, перед вашими глазами! Африка, в которой белый человек правит посредством умеренности и кротости, а британский флаг “Юнион Джек” – означает мир»²³. «Сандерс с реки» привел в негодование и негритянскую общественность, чей голос все больше становился слышным к исходу 1930-х гг. Исполнитель главной роли знаменитый афроамериканский певец Поль Робсон «сделал публичное заявление, что легкомысленно согласился сниматься в фильме, не имея представления о его сценарии»²⁴.

В фильме «Барабан», снятом в 1938 г. Золтаном Корда, сюжет развивается в схожем с «Сандерсом» направлении. Снова изображается мужество британских солдат и офицеров и вероломство жителей Северо-Западной Индии. Фильм «Барабан», как охарактеризовал его критик лейбористского еженедельника «Лефт ревью», «...это дальнейшее использование внешних данных индийского подростка Сабу (ранее снимавшегося в «Маленьком погонщике слонов»), выдвигаемого на роль звезды, и повторение давно отзвучавших мелодий “Великой империи”, мелодий “империалистического романтизма”»²⁵.

В межвоенный период исторические исследования характеризовались более разнообразным подходом к проблемам колониальной политики Великобритании, нежели в киноискусстве. Во многих трудах по-прежнему восхвалялась империя, но уже без прежней помпезности, присущей более раннему этапу. В таких трудах акцент делался на ар-

²² Там же. С. 211.

²³ Теплиц 1973. С.117.

²⁴ Трутко 1962. С. 14.

²⁵ Там же. С. 34.

гументированной защите «*Rex Britannica*» и его достижениях. Однако в это время появляются и сочинения, которые критиковали методы английского колониализма. Разумеется, речь пока не шла, кроме отдельных случаев, о критике существования самой империи. Преимущественно в них высказывались опасения, что из-за чрезмерно жесткой политики Британия может лишиться многих владений. Взгляды исследователей межвоенного периода нашли свое воплощение в издававшейся с 1929 г. «Кембриджской истории Британской империи»²⁶.

Подобный настрой пригодился в кинематографе накануне Второй мировой войны. В 1939 г. братья Корда сняли четвертый фильм из цикла «колониального кино» – «Четыре пера», основанный на одноименном романе А. Мейсона. В этом фильме колониальная проблема рассматривается в несколько ином свете. Смущенные международной критикой, Корда пересмотрели свой подход к изображению на экране «бремени белого человека» и предложили в новой ленте несколько более объективный взгляд на положение в империи. Здесь молодые солдаты, вопреки ошибкам командования и правительства, демонстрируют силу духа британцев. Они «...сражаются против сильного, злобного и коварного противника, побеждают его, несмотря на неравные силы, тягчайшие лишения и опасности»²⁷. Впрочем, и арабы в фильме выглядят не как готовые шаблоны для любой колониальной ленты, а как живые люди, которые вызывают сочувствие.

Развитие британского «колониального кино» в 1930-е гг. не ограничилось фильмографией братьев Корда. В 1936 г. режиссер Б. Виртел по биографическому произведению Сары Г. Миллин о Сесиле Родсе снимает игровой фильм «Родс из Африки». Лента об основателе Родезии показала зрителям амбициозного строителя империи в двойном свете. С одной стороны, Родс прекрасно умел управлять людьми и деньгами, и это принесло Англии много пользы, когда получаемые от бизнеса средства позволили ему расширить британские владения в Южной Африке даже без вмешательства властей из Лондона. Но, с другой стороны, Родсу были свойственны патерналистское отношение к африканцам и стремление эксплуатировать их страну. В фильме отмечены его попытки избежать насилия между англичанами и местными жителями, хотя они не смогли предотвратить англо-бурскую войну. В некотором смысле «Родс из Африки» опередил свое время, показав изъяны колониализма, но в то же время подобную трактовку жизни и деятельности кумира империалистов можно назвать завуалированной пропагандой предприимчивого британца, который вопреки всему находит способы извлечь экономическую пользу для родной страны.

²⁶ The Cambridge History of the British Empire. 1929-58.

²⁷ Колодяжная, Трушко. С. 212.

В конце 1930-х гг. завершился первый этап в отображении империи британским художественным кинематографом. Он в значительной мере характеризуется творческими идеями братьев Корда, немало сделавшими для пропаганды политики правительства своими «костюмными» историческими лентами и «колониальными» драмами. Эти ленты содействовали формированию общественного мнения (как «дома», так и за рубежом) относительно прошлого Великобритании и ее роли в мире. Вместе с тем, фильмы братьев Корда обладали определенными художественными достоинствами и способствовали не только положительному восприятию зрителями тех идей, которые предлагала британская пропаганда, но и успешному развитию киноискусства.

Окончание Второй мировой войны ознаменовало наступление очередного этапа, связанного с постепенным пониманием того, что империя безвозвратно уходит. «...Старая Британская империя умерла в конце XIX в. Сегодня она представляет собой самую широкую систему организованной свободы, которая существовала когда-либо за всю историю человечества»²⁸, – писала «Таймс» еще в январе 1943 г. После 1945 г. распад империи приобрел стремительный характер.

Неоднозначное впечатление оставили у населения социальные реформы внутри метрополии. По сути, лейбористы не рассчитали экономический потенциал послевоенной Англии, ее бюджет не потянул одновременное введение бесплатного общественного питания, медицины, жилья. Пришлось многое отменять в связи с ростом цен и инфляции. Появляются талоны на продукты, падает курс фунта стерлингов, англичан призывают к воздержанию. Все это порождало мысль, а не поторопилась ли Британия с началом деколонизации, и проведением социальных реформ в условиях тяжелого послевоенного времени?

В британском обществе на этот счет существовало два мнения. Одно из них высказал писатель Клайв Льюис в своем произведении «Любовь. Страдание. Надежда», где он резко критикует британскую модель патриотизма, называя его «злом государственного масштаба». Льюис выражал взгляды всех «антиимперцев»: «...Мы были не то добровольными стражниками, не то добровольными няньками. Какое-то добро мы “диким” делали. Но когда есть это ощущение превосходства, вывести из него можно многое. Можно считать, что одни народы, совсем уж никуда не годные, необходимо уничтожить, а другие, чуть лучше, обязаны служить избранному народу. Если бы на свете не было обмана индейцев, уничтожения тасманцев, газовых камер, апартеида, напыщенность такого патриотизма казалась бы грубым фарсом»²⁹. Льюис одним из первых в британской писательской среде разграничил

²⁸ Цит. по: Палм 1943. С. 210.

²⁹ Льюис 1992. С. 218.

«имперский патриотизм» и патриотизм новой, переживающей демократические преобразования Британии.

Однако приверженцы сохранения империи все еще помнили слова Сесилия Родса: «Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами»³⁰. Черчилль как глава партии консерваторов, заявлял, что он желает вернуть «подлинное место Британии во главе империи, над которой никогда не заходит солнце»³¹. На этот лозунг отозвались многие британцы, которые не желали быть свидетелями крушения империи и оставались т.н. «старыми» англичанами, помнящими британские традиции. Поэтому едва ли можно утверждать, что Вторая мировая война коренным образом переломила имперское сознание жителей Британских островов. Напротив, победа над самым сильным в своей истории врагом подкрепила имперские амбиции³².

Послевоенное кино также представляет противоположные точки зрения на прошлое и настоящее империи.

В 1950 г. режиссер Ч. Пауэлл снял «Скромный цветок», ставший ремейком «Алого первоцвета» (1934). В новом фильме сохраняется содержание оригинала. Английский аристократ Перси спасает французские семьи от казни на гильотине в годы Французской революции, попутно ликвидируя нескольких сторонников якобинской диктатуры. В начале 1950-х картина, хотя в ней участвовали французские постановщики, вызвала политический скандал среди бывших союзников по антигитлеровской коалиции. Подобный сюжет после совместного военного успеха назвали «неоимперским». Во Франции фильм не был выпущен на экран из-за его «относительно не прореспубликанского тона»³³.

В то же время появляются киноленты, положившие начало критике имперской политики Британии. В 1951 г. З. Корда поставил фильм «Заплачь, любимая страна», повествующий о социальной деградации коренных жителей ЮАР под воздействием системы апартеида и напрямую свидетельствующий о постепенной эволюции взглядов братьев Корда на империю. Воспевая в начале своей карьеры имперскую идеологию и политику, в дальнейшем они стали более критично отображать колониальные порядки на экране. Этот процесс можно проследить через их фильмографию – от «Сандерса с реки» и «Барабанщика» к ленте «Четыре пера». Фильм «Заплачь, любимая страна» демонстрирует, пожалуй, апогей кордовской кинотрактовки империи: он обличает

³⁰ Давидсон 1984.

³¹ Уткин 231.

³² Так, на празднование 100-летия со дня рождения Родса в 1953 г. в Родезию съехалось множество поклонников кумира империалистической Британии. См.: Давидсон 1998.

³³ Дорошевич. С. 168-181, 171.

последствия расовой сегрегации в Южной Африке, подвергая осуждению официально установленную систему превосходства белой расы и безжалостного подчинения черного большинства населения страны.

Одновременно с кинематографистами некоторые британские историки также обратили внимание на двойственность идеологии «бремени». Если, на первый взгляд, она представлялась учением о культурно-цивилизационной миссии британцев, то с другой стороны выражала довольно примитивную шовинистическую идею о генетическом превосходстве англосаксонской расы. Впрочем, эти две грани настолько плотно пересекаются друг с другом, что в британской историографии до сих пор нет четкого отношения к идеологии «бремени». Как отметил канадский историк Д. Крейтон, «...их противоположность скорее была понятна в теории, чем видна на практике»³⁴. Подобное изменение взглядов на «бремя» нашло свое место и в кинематографе.

Если братья Корда олицетворяли британское кино имперской эпохи, то воплощением постимперского кинематографа стал режиссер Дэвид Лин, чье творчество наиболее ярко характеризует новый этап эволюции британского кино об империи. Лин был также известен как сценарист и монтажёр своих лент, и это говорит о том, что его произведения отражают его собственное видение культурно-исторических процессов. Лин снимал как патриотические ленты о Второй мировой войне, так и экранизации романов классической английской литературы, но особое признание он получил после выхода кинолент, сюжетно связанных с имперским прошлым Великобритании. В отличие от других режиссеров, Лин был независим в финансовом и профессиональном планах. Это позволяло ему не гнаться за коммерческим успехом и не опасаться критики со стороны властей.

Мировоззрение Лина формировалось под воздействием бурных событий в стране и мире. Биографы, однако, отмечают: «...Линн никогда не придерживался, как художник, каких-либо политических взглядов – левых или правых. Мир он видел глазами романтика»³⁵. Годы его профессионального становления пришлось на то время, когда в английской литературе творили мастера уровня Киплинга, Уэллса, Беннета. Их повести и романы прославляли такие качества англичан как добродетель, верность, мужество, тяга к приключениям. Эти произведения сформировали воображение Лина, а также тягу к тому, чтобы в основе любого фильма лежал рассказ, повествование.

Его первый фильм «Мост через реку Квай» (1957), снятый по роману французского писателя П. Буля, содержит критическое отношение к имперскому наследию. Действие киноленты происходит в японском

³⁴ Creighton 1952. P. 561.

³⁵ Howard 2000. P. 14.

лагере для военнопленных на территории оккупированной Бирмы, во время Второй мировой войны. Лин сделал фильм антивоенным по духу, показав, что война – это нечто безумное, иррациональное. Чтобы раскрыть эту идею, режиссер вывернул наизнанку традиционные воинские ценности, выставив напоказ их опасное воздействие на психику и поведение людей. «Мост через реку Квай» создавался сразу же после Суэцкого кризиса, завершившегося для Великобритании военнополитическим провалом. В ответ на обвинение египетского президента Г. Насера, что оккупация зоны канала – это «чистой воды империализм», британский премьер-министр А. Иден бросил полные отчаяния слова: «...вместо того, чтобы смотреть, как от империи откусывают по кусочку, я предпочел бы увидеть, как она рушится сразу же, одним ударом»³⁶. Это заявление показало, что Британия уже не в силах остановить дезинтеграцию империи, а сами войны в колониях утратили всякий смысл. Все это сформировало в Лине «критическое отношение к действиям и мотивам имперского правительства»³⁷.

Все последующие ленты Лина также снимались на территории азиатских и африканских стран, бывших колоний Великобритании. Аравийский полуостров стал местом действия самого известного его фильма, где миру был явлен новый тип киногероя в лице Э.Т. Лоуренса, которого Мартин Скорсезе охарактеризовал так: «не воплощение добродетели, далеко не Иисус Христос, но, безусловно, личность. Человек с собственным видением, который стремился перечертить карту, изменить политический ландшафт»³⁸. Создавая «Лоуренса Аравийского», Лин внес в характер английского разведчика черту авантюризма и тяги к приключениям, превратив его в создателя империи с романтическим уклоном. Подобная трактовка образа британского агента позволила сделать фильм интересным для любой аудитории. К тому же романтический персонаж усиливал критическое отношение к идеалам империи, жертвой которых экранный Лоуренс в итоге и стал.

Фильмами «Мост через реку Квай» и «Лоуренс Аравийский», Дэвид Лин зарекомендовал себя человеком, прекрасно понимающим, в чем состоит суть имперской системы. И разведчик Лоуренс, и полковник Николсон из «Моста...» предстают на экране элементами огромного механизма, непрерывно вращающего свои колеса и шестеренки, и неспособного остановиться даже на мгновение. Поведение Николсона, который не в силах нарушить воинский устав и армейский порядок даже в японском плену, напоминает запрограммированность робота. Сумасбродность и авантюризм Лоуренса на деле являются важными дета-

³⁶ *Finer* 1964. P. 192.

³⁷ *Lean* 2001. P. 47.

³⁸ *Лисецкий* 2009.

лями не только политики Лондона в непростом мире восточной цивилизации, но и морально-этического кредо носителя имперских идеалов. Наблюдая за действиями этих персонажей можно уяснить, во что превращала империя людей, и что ей от них требовалось. Это стало возможным, благодаря глубокому проникновению независимым британским режиссером в историческое прошлое родной страны.

В целом второй этап эволюции британского кино об империи, охватывающий вторую половину 1940-х – 1960-е годы, характеризуется набором самых разных ее воплощений на экране.

После мечущихся к разным полюсам киносюжетов 1950-х гг., настает время кинолент, четко обозначивших свою трактовку имперской политики. Характерен в этом смысле фильм «Долгая дуэль» (1967) режиссера К. Эннакина, где внимание акцентируется на жестокости британцев по отношению к индусам, последствиях английского господства в Индии, принесшего разрушение традиционного образа жизни, принудительные инструменты власти, массовую гибель с обеих сторон.

Своеобразным апогеем критики имперского прошлого стал фильм «Атака легкой кавалерии» (1968) режиссера Т. Ричардсона. Сюжет рассказывает о таком известном эпизоде Крымской войны как героическая и одновременно катастрофическая по потерям атака британской кавалерии под командованием лорда Кардигана на позиции русской армии во время Балаклавского сражения. Она вошла в историю также благодаря стихотворению А. Теннисона «Атака лёгкой бригады». Но в отличие от поэта режиссер нашел в этом событии мало героического, наполнив киноленту примерами преступной глупости, халатности и непрофессионализма высших британских военных чинов. Взгляды Ричардсона трудно назвать патриотическими, учитывая некоторые факты из его биографии. Во второй половине 1950-х гг. он стал одним из основателей движения «Свободное кино». А в 1966 г. финансировал побег из Великобритании советского разведчика Дж. Блейка. Недоверие и критика правительства отчетливо видна и в упомянутом фильме. Автор киноленты далек от прославления «отважных защитников Короны», на экране присутствуют вульгарное, доходящее до откровенной пошлости, отношение офицеров к женщинам, глумление военных чинов над новобранцами, самодурство генералов, их непрофессионализм и пр.

Фильм был неоднозначно встречен кинокритиками. В. Кэнби и Г. Томпсон сравнили устремления Ричардсона со страданиями мула, стоявшего на равном расстоянии между двумя тюками сена, и в итоге умершего от голода. По их мнению, фильм не смог сделать выбор – быть ли ему политической карикатурой или «человеческой историей», застряв на середине. Но с критикой имперских войн киноведы, похоже, согласны, отметив в рецензии фразу лорда Реглана: «Когда английская армия находится под командованием людей, которые знают, что и как

делать “слишком хорошо”, это пахивает убийствами»³⁹. Английский историк и кинокритик Алекс фон Тузельманн назвал фильм «скальпелем, что вскрыл кровоточащую рану на груди Британской истории»⁴⁰. Он не согласен с Ричардсоном в вопросе о том, кто был виновен в катастрофе лёгкой кавалерии. По его мнению, она была вызвана не склоками аристократов или своеволием военных, как показано в фильме, а системными изъянами, свойственными викторианской Британии и, как следствие, армии. Остальные критики называли произведение Ричардсона едкой сатирой или мощной антивоенной кинолентой.

1970-е годы принесли много перемен. Фактически завершается распад империи, окончательно оформляется Содружество, упрочиваются европейские основы британской внешней политики, Соединенное Королевство становится членом ЕЭС. Научно-техническая революция положила начало переходу к постиндустриальному обществу.

Английское киноискусство живо реагировало на происходившие перемены, способствовавшие возникновению новых и возрождению старых направлений в трактовке империи. Так, в начале 1970-х имперское кино вступает в следующий этап своей эволюции. Теперь империя предстает на экране в виде некой философской сущности, которая меняет моральный облик соприкоснувшегося с ней человека или становится испытанием, которое персонажи должны преодолеть в поисках личного счастья. Характерным средством изображения столкновения человека с империей становятся сюжеты, связанные с этнокультурным взаимодействием и раскрытием женских образов.

Тема «англичанки в британских колониях» зародилась с фильмом «Африканская королева» (1951). Но мысль о том, как сильно меняется моральный облик английской женщины за пределами метрополии, была наиболее объемно представлена в киноленте М. Андерсена «Недостойное поведение» (1975) о молодой женщине, которая, покинув Англию с ее давно и прочно укоренившимися нормами морали, вскоре после прибытия в колониальную Индию превращается в достаточно раскованную и даже «развязную» особу. Несомненно, на развитие женских образов в имперском кино оказали влияние «женские исследования», уделявшие особое внимание роли женщины в истории общества.

В 1980-е гг., как и полвека назад, «индийская» тема заняла чуть ли не центральное место в колониальном кино Британии. Индия на киноэкране словно соединяла ностальгию о великом прошлом империи с горьким осознанием ошибок во взаимоотношениях с древней и богатой культурой. Подобная рефлексия оказала влияние на Р. Аттенборо, снявшего фильм «Ганди» (1982), посвященный биографии лидера ин-

³⁹ Canby, Thompson 1968.

⁴⁰ Tunzelmann 2011.

дийского национально-освободительного движения. Фильм, освещающий перипетии борьбы индийского народа с владычеством англичан, отразил взгляд самого Аттенборо на имперскую политику Британии. «Слишком велика моя ненависть к британскому колониализму, расизму, насилию, угнетению человека человеком», – заявлял он в интервью одной из советских газет⁴¹. Не случайно в фильме звучит высказывание Дж. Неру, который в свое время дал исчерпывающую характеристику идеологии «господствующей расы»: «Эта каста создала нечто, напоминающее религиозную веру в собственное высшее предназначение, вокруг этой веры выросла соответствующая мифология»⁴². Лента Аттенборо стала ярким обвинением Британской империи в политических преступлениях. Особому осуждению подверглась политика «разделяй и властвуй», при помощи которой стравливались касты и народы Индии.

Индийская тема нашла продолжение в последней ленте Д. Лина «Поездка в Индию» (1985), снятой по одноименному роману Э. Форстера. Этот фильм характеризует завершающий этап эволюции британского кино о бывших колониях, представляя тему империи как драму вечного непонимания между народами и расами, когда любой скрытый смысл архетипов чужой культуры может привести к конфликту.

В «Поездке в Индию» соединяются два популярных в 1980-е гг. течения, рассказывающие о новом взгляде на проблему межкультурных коммуникаций и о роли английской женщины в империи. Фильм повествует как из-за сумасбродности одной англичанки и ее недоверия к чужой культуре, в Индии случается большой политический скандал. Обвиненный этой англичанкой в сексуальном домогательстве врач-индиец весь фильм пытается убедить окружающих в своей невиновности. Но если соотечественники верят ему безоговорочно и предоставляют врачу лучшего в стране адвоката, то живущие в Индии англичане заранее выносят ему обвинительный приговор. К счастью для индийца, женщина на суде отказывается от своих обвинений. Уезжая из Индии, она и не догадывается, какую смуту внесла там своим поступком. Тема «вечного непонимания двух культур» у Лина, возможно, была вызвана содержанием научных трудов Э. Саида и Ф. Фанона⁴³, которые в свое время проанализировали книгу Э. Форстера и заключили, что в период действия сюжета романа, англичане были больше увлечены собственными проблемами в колониях, нежели трудностями, возникавшими перед местными жителями, вследствие имперской политики.

Однако фильм «Анна и король» (1999) режиссера Э. Теннант, возвращает империи положительную роль в истории колониальных наро-

⁴¹ Велика моя ненависть к колониализму. 1983.

⁴² Неру 1955. С. 314.

⁴³ Said 1978; Fanon 1967.

дов. Главная героиня – педагог Анна Леонуэнс показана с высокой долей уважения, и, более того, сюжетом ей уготована судьбоносная роль для целой страны. Анна – воплощение «истинного британского характера». В ней сочетаются, с одной стороны, гордость, храбрость, непреклонность, а с другой – вежливость, учтивость, уважение к чужим порядкам. Все это сочетается с высокой образованностью, интеллектом и изобретательностью. Столь многослойный образ может указывать на желание кинематографистов усилить позитивное восприятие британской имперской политики. Как тут не вспомнить нового защитника империализма, Н. Фергюсона, сетующего на то, что кинодеятели зачастую отображали империю однобоко, однообразно и для «узколобых»⁴⁴.

Подводя итоги исследования, можно заключить, что на протяжении XX века кинематографический образ Британской империи, непрерывно менялся в силу происходящих в Англии и в мире перемен. В общественном сознании англичан первоначальный облик киноэкранного аналога империи представал в виде «цивилизаторской» миссии, имевшей целью политическое, социально-экономическое и культурное преобразование «отсталых» народов колоний в общества, представляющие собой подобие европейской цивилизации. Для этого британский кинематограф первой половины XX в., точнее его часть, названная «колониальным кино», постоянно реставрировала идеи викторианской эпохи как пример наивысшего развития англосаксонской «расы», от которой можно было взять только положительное и прогрессивное. Весомый вклад в кинопропаганду вносили идеи известных литераторов и ученых. Вторая половина XX в. насыщенная такими событиями как окончательный распад колониальной системы и образование новых независимых государств, заставила британскую общественность иначе взглянуть на имперское прошлое своей страны. В это время в кинематограф приходит целая волна молодых режиссеров со свежим взглядом на суть империи, которых уже не сдерживала государственная пропаганда или опасность показать империю в невыгодном свете. Параллельно в историографии развивались направления, представлявшие миру разносторонний анализ колониальной стратегии Великобритании.

Английское кино 1950–1970-х гг. на имперскую тематику изображало Британскую империю как державу, исповедовавшую культ исключительности и богоизбранности нации, который не только мешал ей увидеть и оценить культурные достижения завоеванных стран, но, более того, вёл к разрушению традиционных устоев и потере самобытности народов колоний. Такая трактовка имперского прошлого заставила зрителей рефлексировать и пережить немалую долю стыда,

⁴⁴ Фергюсон 2013.

что привело к некоторому сдвигу в сознании рядового британца, ставшего более толерантным по отношению к мигрантам из Азии и Африки. Схожая позиция по отношению к имперскому прошлому содержалась и в работах историков, искусствоведов, писателей.

Трансформация образа Британской империи продолжилась и в последнюю четверть XX в., когда английское кино представило империю как историко-культурный явление, столкновение с которым кардинально меняло судьбы и представления как отдельных личностей, так и целых народов. Критику и обвинения в разрушении уникальности «туземных» культур сменили размышления о неизбежности цивилизационного синтеза в условиях Новейшего времени и о том, что Империя, делясь с колониями своими культурными достижениями, не всегда принимала верные решения. Данный взгляд на имперское прошлое художественно облагородил его и частично воздал ему должное в глазах британской и мировой киноаудитории. В этот период существенно расширяется проблематика исследований истории Британской империи, которой уже заинтересовались специалисты смежных гуманитарных наук. В британской историографии возникло «постколониальное» направление, изучающее империю как культурный феномен.

В целом необходимо отметить важную особенность в развитии кинематографа: с возрастанием дистанции от исторических событий и объема информации о них, создавались всё менее наивные и политически ангажированные фильмы; а с усложнением самого киноискусства фильмы о прошлом становились все более содержательными и многоплановыми. Без сомнения, этому способствовали исторические труды, которые с каждым десятилетием, представляли общественности разные подходы и интерпретации феномена империи.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Англо-бурская война 1899-1902 гг. и её отражение в художественной литературе. 2-е изд. перер. и дополн. / Под ред. Г.В. Шубина. М.: Меморис, 2008. 304 с.
- Велика моя ненависть к колониализму // Советская культура. 1983. №11. 19 ноября.
- Давидсон А.Б. Сесиль Родс. Строитель империи. М.: Олимп, 1998. 464 с.
- Давидсон А.Б. Сесиль Родс и его время. М.: Мысль, 1984. 367 с.
- Доил А.К. Англо-Бурская война (1899–1902). М.: Эксмо, 2004. 608 с.
- Дорошевич А.Н. Согласование времен: современное осознание моделей прошлого в английском кино 60-х-80-х гг. // Киноведческие записки. 1990. № 8. С. 168-181.
- Кино тоталитарной эпохи 1933-1945. М.: Союз кинематографистов СССР, 1989.
- Колодяжная В., Трутко И. История зарубежного кино. Т. 2. 1929–1945 гг. М.: Искусство, 1970. 480 с.
- Корда М. Ослепительная жизнь / М. Корда // Искусство кино. М., 1998. № 3. С. 159-174.
- Лисецкий М. (2009) Отреставрированная версия «Лоуренса Аравийского» вышла на Blu-ray // Сайт filmpro.ru 18 ноября (<http://www.filmpro.ru/materials/17708>);
- Льюис К.С. Любовь. Страдание. Надежда. М.: Республика, 1992. 432 с.
- Морган К.О. Двадцатый век (1914–2000) // Сб. История Великобритании. Под ред. К. О. Моргана. М.: Эксмо, 2008. 392 с.

- Неру Дж. Открытие Индии. М.: Политиздат, 1955. 460 с.
- Палм Р. Д. Кризис Британии и Британской империи // *Times*. 1943.11.01. Москва, 1959.
- Робинсон Д. Новые веяния в английском кино (письмо из Лондона) // *Искусство кино*. 1957. №2. С.133-134.
- Садуль Ж. Всеобщая история кино. Том 1-6. М.: Искусство, 1958-1963.
- Теплиц Е. История киноискусства. 1934-1939. М.: Прогресс, 1973. 272 с.
- Трутко И.И. Кино Англии (1929–1939). М.: Искусство, 1962. 34 с.
- Уткин А. Черчилль: Победитель двух войн. Смоленск: Русич, 1998. 236 с.
- Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии. М.: АСТ, 2013. 560 с.
- Цесаревич: Документы. Воспоминания. Фотографии. М.: Вагриус, 1998. 191 с.
- Bhabha N. Culture's in-between // *Questions of Cultural Identity*. L., 2008.
- The Cambridge History of the British Empire. V. I-VIII, Cambridge, 1929-58.
- Canby Vincent and Thompson Howard (1968) Screen: 'Charge of the Light Brigade': Vanessa Redgrave and John Gielgud in Cast Hemmings and Trevor Howard Also Star // Сайт <http://www.nytimes.com>. Рецензия на фильм «Атака легкой кавалерии» (1968).
- Chapman J. Past and Present: National Identity and the British Historical Film (Cinema and Society). L.: I.B.Tauris. 2005. 224 p.
- Covans J. Empire Films and the Crisis of Colonialism, 1946–1959. Baltimore. 448 p.
- Creighton D. The Victorian and the Empire // Schuyler R.L., Ausnber H. (eds.). *The Making of English History*. N-Y, 1952. P. 561-589.
- Davenport R., Saunders C. South Africa: A Modern History. L.: Palgrave Macmillan, 2000. 807 p.
- Fanon F. Black Skin, White Masks. New York: Grove press, 1967. 206 p.
- Finer H. Dulles over Suez. N-Y.: Heinemann, 1964. 538 p.
- Howard Maxford. David Lean. L.: Batsford, 2000. 176 p.
- Lean S. David Lean: An Intimate Portrait. L.: Andre Deutsch Ltd, 2001. 240 p.
- Low R., Manvell R. The history of the British film: 1914–1918. N.Y: Allen & Unwin, 1973. 153 p.
- Murphy R. (Ed.). *The British Cinema Book*. L.: British Film Institute, 2009. 464 p.
- Murphy R. Korda, Sir Alexander (1893–1956). Oxford University Press, 2011. 112 p.
- Said E.W. Culture and Imperialism. N.Y: Vintage books, 1978. 380 p.
- Tunzelmann Alex (2011) Can history halt The Charge of the Light Brigade? // Сайт www.theguardian.com. Рецензия на фильм «Атака легкой кавалерии» (1968).
- Walker A. National Heroes: British Cinema in the 70's and 80's. L.: Orion. 2005. 304 p.
- Ward S., MacKenzie J. (eds.). *British Culture and the End of Empire (Studies in Imperialism)*. N.Y: Vintage books, 2001. 256 p.

REFERENCES

- Anglo-burskaja vojna 1899-1902 gg. i ejo otrazhenie v hudozhestvennoj literature. 2-e izdanie pererabotannoe i dopolnennoe. Pod red. G.V. Shubina. M.: Memoris, 2008. 304 s.
- Bhabha N. Culture's in-between // *Questions of Cultural Identity*. L., 2008.
- Canby Vincent and Thompson Howard (1968) Screen: 'Charge of the Light Brigade': Vanessa Redgrave and John Gielgud in Cast Hemmings and Trevor Howard Also Star // Сайт <http://www.nytimes.com>. Recenzija na fil'm «Ataka legkoj kavalerii» (1968).
- Cesarevich: Dokumenty. Vospominanija. Fotografii. M.: Vagrius, 1998. 191 s.
- Chapman J. Past and Present: National Identity and the British Historical Film (Cinema and Society). L.: I.B.Tauris. 2005. 224 p.
- Covans J. Empire Films and the Crisis of Colonialism, 1946–1959. Baltimore. 448 p.
- Creighton D. The Victorian and the Empire // Schuyler R.L., Ausnber H. (eds.). *The Making of English History*. N.Y., 1952. P. 561-589.
- Davenport R., Saunders C. South Africa: A Modern History. L.: Palgrave Macmillan, 2000. 807 p.
- Davidson A.B. Sesil' Rods i ego vremja. M.: Mysl', 1984. 367 s.
- Davidson A.B. Sesil Rods. Stroitel' imperii. M.: Olimp, 1998. 464 s.
- Dojl A.K. Anglo-Burskaja vojna (1899–1902). M.: Jeksmo, 2004. 608 s.
- Doroshevich A.N. Soglasovanie vremen: sovremennoe osoznanie modelej proshlogo v anglijskom kino 60-h-80-h gg. // *Kinovedcheskie zapiski*. 1990. №8. S. 168-181.
- Fanon F. Black Skin, White Masks. New York: Grove press, 1967. 206 p.

- Ferguson N. Imperija: chem sovremennyj mir objazan Britanii. M.: AST, 2013. 560 s.
- Finer H. Dulles over Suez. N-Y.: Heinemann, 1964. 538 p.
- Howard Maxford. David Lean. L.: Batsford, 2000. 176 p.
- Kino totalitarnoj jepohi 1933-1945. M.: Sojuz kinematografistov SSSR, 1989.
- Kolodjazhnaja V., Trutko I. Istorija zarubezhnogo kino. T. 2. 1929–1945 gg. M.: Iskusstvo, 1970. 480 s.
- Korda, M. Oslepitel'naja zhizn' / M. Korda // Iskusstvo kino. M., 1998. № 3. S. 159-174.
- Lean S. David Lean: An Intimate Portrait. L.: Andre Deutsch Ltd, 2001. 240 p.
- Liseckij M. (2009) Orestavrirovannaja versija «Lourensa Aravijskogo» vyshla na Blu-ray // Sajt filmpro.ru 18 nojabrja (<http://www.filmpro.ru/materials/17708>).
- L'juis K.S. Ljubov'. Stradanie. Nadezhda. M.: Respublika, 1992. 432 s.
- Low R., Manvell R. The history of the British film: 1914-1918. N.Y: Allen & Unwin, 1973. 153 p.
- Morgan K.O. Dvadcatyj vek (1914–2000) // Sb. Istorija Velikobritanii. Pod red. K. O. Morgana. M.: Jeksmo, 2008. 392 s.
- Murphy R. (Ed.). The British Cinema Book. L.: British Film Institute, 2009. 464 p.
- Murphy R. Korda, Sir Alexander (1893–1956). Oxford University Press, 2011. 112 p.
- Neru Dzh. Otkrytie Indii. M.: Politizdat, 1955. 460 s.
- Palm R. D. Krizis Britanii i Britanskoj imperii // Times. 1943.11.01. Moskva, 1959.
- Robinson D. Novye vejanija v anglijskom kino (pis'mo iz Londona) // Iskusstvo kino. 1957. №2. S.133-134.
- Sadul' Zh. Vseobshhaja istorija kino. Tom 1-6. M.: Iskusstvo, 1958-1963.
- Said E.W. Culture and Imperialism. N-Y: Vintage books, 1978. 380 p.
- Teplc E. Istorija kinoiskusstva. 1934-1939. M.: Progress, 1973. 272 s.
- The Cambridge History of the British Empire. V. I-VIII. Cambridge, 1929–1958.
- Tputko I. I. Kino Anglii (1929–1939). M.: Iskusstvo, 1962. 34 s.
- Tunzelmann Alex (2011) Can history halt The Charge of the Light Brigade? // Sajt www.theguardian.com. Recenzija na fil'm «Ataka legkoj kavalerii» (1968).
- Utkin A. Cherkhill': Pobeditel' dvuh vojn. Smolensk: Rusich, 1998. 236 s.
- Velika moja nenavist' k kolonializmu // Sovetskaja kul'tura. 1983. №11. 19 nojabrja;
- Walker A. National Heroes: British Cinema in the 70's and 80's. L.: Orion. 2005. 304 p.
- Ward S., MacKenzie J. (Eds.). British Culture and the End of Empire (Studies in Imperialism). N-Y: Vintage books, 2001. 256 p.

Ибраев Ерден Ернарзович, магистр истории, старший преподаватель Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова. erden-ibraev@mail.ru

Evolution of the image of the British Empire and reflection in the English cinema

The article deals with the transformation of the image of the British Empire in the 19th – 20th centuries based on the evolution of ideas in British society and English art cinema. The author of the study identified factors that allowed the artistic image of the empire to continuously evolve and change its ideological attitudes for the British and the world cinema audience. As it turned out, the cinematography of Great Britain in general went the same way as the evolution of socio-political views in the country. Drawing ideas from the surrounding reality, the filmmakers interpreted them on the screen, according to the nature of the era, often willingly or unwittingly under the influence of state policy and imperial ideology, and this in turn influenced public opinion in England, giving the course of its development a directed character.

Keywords: filmed propaganda, ideology, reflection, colonialism, empire

Erden Ibraev, MA (History), Senior Lecturer, Kostanay State University named by A. Baitursynov, Kazakhstan; erden-ibraev@mail.ru

Н. А. БЕЛЯКОВА, В. П. КЛЮЕВА

**«Она привела меня к баптистам, а я ее к пятидесятникам».
СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИК
ЕВАНГЕЛЬСКИХ ОБЩИН В ПОЗДНЕМ СССР**

В статье рассматриваются особенности коммуникативных практик внутри евангельского сообщества в позднем СССР. Специфика советского евангельского сообщества заключается в том, что в одном пространстве должны были сосуществовать деноминации с разными теологическими и обрядовыми основаниями. Коммуникативные практики имели разнонаправленный характер, наиболее яркой была деструктивная практика эскалации конфликта, завершающаяся выходом из официальной общины части верующих. Источниковая база включает в себя устные нарративы и эго-документы (письма и воспоминания) советских верующих.

Ключевые слова: религиозные общины; коммуникативные практики; верующие в СССР; евангельские христиане-баптисты; пятидесятники; нарративы; конфликт

«Мама была крещена Духом Святым и стала ходить со мной на наши пятидесятнические собрания. Она привела меня к баптистам, а я ее к пятидесятникам», – записал в своих воспоминаниях об итогах «спора о вере» со своей матерью знаменитый пятидесятнический лидер Иван Федотов¹. Путь официального лидера, позднее возглавившего союз т.н. «нерегистрированных» пятидесятников и ставшего для государственных властей настолько неудобной фигурой, что в его отношении был подготовлен публичный судебный процесс с обвинением в подготовке ритуального убийства ребенка, постоянно проходил через общины евангельских христиан-баптистов. Он сам, как и его мать, принял крещение в баптистской общине, долго состоял членом Московской общины евангельских христиан-баптистов. Иван Федотов и его супруга Валентина регулярно посещали верующих-баптистов во второй половине 1950-70-х гг. «горя желанием возвестить братьям и сестрам об истине крещения Святым Духом». И подобные практики общины среди христиан не были уникальны.

Обращение к различным источникам, в т.ч. эго-документам и материалам устной истории дает обильный материал о взаимодействии в едином коммуникативном пространстве верующих, имеющих близкие, но не совпадающие теологические основания. Настоящее исследование ставит своей задачей показать опыт коммуникативных практик между представителями двух наиболее крупных позднепротестантских деноминаций – евангельских христиан-баптистов и пятидесятников

¹Федотов 2006. С. 49.

(христиан веры евангельской). Мы обратимся к тому, как складывалась коммуникация и как разрешались конфликтные ситуации на низовом уровне в общинах, входивших в легальную религиозную структуру – Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов. Данный сюжет важен тем, что в одном религиозном пространстве были принудительно соединены исторические и вероучительные конкуренты.

Специфика евангельского сообщества в послевоенный период

В период II мировой войны становится очевидным, что на территории СССР существует динамичное евангельское сообщество, и государственная власть не может игнорировать его присутствия. Совокупность факторов, приведших к изменению религиозной политики советского руководства, повлияла на усиление тренда на легализацию религиозной жизни и создание подконтрольных организационных структур тех конфессий, которые были лояльны правительству². Политика государства по унификации религиозного движения и оформлению централизованных религиозных структур привела к тому, что второй конфессией в стране по численности зарегистрированных общин стала структура поздних протестантов: Всесоюзный совет евангельских христиан и баптистов (ВСЕХБ), оформившийся в 1944 г. и включавший к 1948 г. 2766 общин с общим количеством членов более 183 тысяч. Более того, при определении общего числа евангеликов фигурировала безусловно мифическая, но устойчивая цифра – 500 тыс. чел.³ К концу 1940-х гг. ВСЕХБ становится своеобразным зонтиком для ряда протестантских деноминаций, объединив под своим «крылом» баптистские, меннонитские и разнообразные пятидесятнические (христиан веры евангельской – шмидтовцы, христиан евангельской веры – воронаевцы, евангельские христиане в духе апостольском, т.н. единственники) общины. Их вероучительная близость сосуществовала рядом с исторически обусловленными специфическими повседневными практиками и традициями. Искусственное заключение разнородных деноминаций в общее пространство, в своеобразный плавильный котел, находящийся под серьезным внешним давлением, содействовало формированию новых черт в евангельском сообществе СССР, которые стали особенно заметны после падения Железного занавеса.

Возможность легализоваться способствовала, с одной стороны, росту открытых верующих, получивших относительно свободную возможность реализовывать свои религиозные потребности, с другой – дало государству еще один инструмент регулирования такой специфи-

² Huhn 2014; Chumachenko 2002; Sawatsky 1981; Савинский 1999; Шкаровский 1999.

³ См. исследование А. Синичкина о сомнительности этой цифры. – Синичкин (<http://www.rusbaptist.stunda.org/dop/statist.htm>)

ческой среды, коим являлось евангельское сообщество. Введя процедуру регистрации религиозных объединений и служителей культа, и направив совместно с новой оргструктурой (ВСЕХБ) усилия на легализацию и унификацию богослужебной жизни евангельских верующих, власть получила уникальные рычаги для контроля и воздействия на представителей разных конфессий. Обвинение в отступлении от жестких требований "советского законодательства о культах" могло повлечь за собой снятие с регистрации общины и ее пресвитера, а в ряде случаев, и уголовное преследование религиозных активистов и лидеров. Руководителям зарегистрированных общин после войны приходилось лавировать между жестким соблюдением советского законодательства и сохранением молитвенного общения своих единоверцев.

Пятидесятники не получили возможность регистрации самостоятельной структуры по ряду причин. Во многом, это было связано с общественным изоляционизмом, который проявлялся ярче, чем у евангельских христиан-баптистов, а также с наличием религиозной практики глоссолалии, считавшейся вредной для здоровья. Отказав пятидесятникам в возможности регистрировать свои общины и вынудив их руководителей искать компромисс с ВСЕХБ, власть преследовала, безусловно, свои цели. Признав пятидесятников идеологически неприемлемыми для советского государства, власть решает поручить их «воспитание» структуре, которая продемонстрировала большую лояльность и готовность к сотрудничеству. Одновременно помещение очевидных конкурентов в единое пространство давало власти возможность изнутри контролировать процессы и усиливать разнородность в ранее относительно гомогенном сообществе. Изучение опыта советских государственных структур показывает отработанность этой практики. Наиболее ярким примером тому служит включение в Московский патриархат обновленцев⁴, а позднее – духовенства Греко-католической церкви⁵. Вследствие «добровольно-принудительного» объединения уровень недоверия, разобщенности и конфликтности повышался, и у руководства официально признаваемой религиозной структуры возникала настоятельная потребность в поддержке и легитимации своей власти при помощи государственных структур.

Конкуренция пятидесятников и их откровенно деструктивная деятельность в отношении общин евангельских христиан и баптистов была хорошо известна еще с конца 1920-х гг., как верующим, так и власти. Пятидесятнические лидеры и не скрывали особенно своей тактики. Так, И.Е. Воронаев в 1928 г. писал о своих единоверцах: «Ибо действитель-

⁴ См. об этом: Беглов 2004; Катаев 2006; Шишкин 2015.

⁵ Боцюрків 2005; Добош 1996; Одинцов 2005; Пашенко; Сергійчук 2001; Сердюк 2006.

но, когда эти “трясуны” в силе Духа Святого проникают в общины баптистов или евангельских христиан, то до основания растрясаят их общины и оставляют только щепки да осколки. Их постройки из сена и соломы сгорают (1 Кор. 3:12), потому что они воздвигнуты без силы Духа Святого»⁶. Лидеры пятидесятников Г.Г. Понурко и А.И. Бидаш, обсуждая перспективы вхождения во ВСЕХБ, предполагали усиление в этом случае пятидесятнического крыла: «многие евангельские христиане и баптисты под влиянием “более одухотворенных” пятидесятников тоже скоро станут “молиться духом” и говорить “иными языками”»⁷. Пятидесятники вошли в состав ВСЕХБ после подписания в 1945 г. т.н. «Августовского соглашения, по которому им пришлось отказаться от публичной молитвы на «иных языках» (т.е. глоссолалии) и обряда омовения ног перед причастием. В свою очередь евангельские христиане-баптисты признали крещение Духом Святым»⁸.

Внутри пятидесятнического движения с момента подписания Августовского соглашения сложилось несколько вариантов коммуникативных практик с баптистами: (1) отказ от какого-либо объединения с баптистами и до тех пор, пока не будет легализован самостоятельный пятидесятнический союз, проведение самостоятельных (нелегальных, с точки зрения государственной власти) молитвенных собраний; (2) объединение с баптистами для проведения совместных богослужений с отказом от экстатических молитвенных практик (глоссолалии, омовения ног, крещения Духом Святым); (3) вхождение в баптистские общины с последующим уводом верующих в пятидесятничество.

В баптистских общинах, памятуя о сложных взаимоотношениях 1920-х гг., это объединение также было нежеланным, изначально высказывались опасения, что пятидесятники начнут «устанавливать свои порядки и дробить нашу единую спаянную семью»⁹. Евангельские христиане с дореволюционного периода имели опыт контактов с пятидесятниками, который был для них эмоционально травматичным. Случайно попавшее в руки авторов статьи письмо евангельского христианина из Тифлиса, датированное 28 октября 1914 г. показывает, что в начале столетия и спустя 40 лет формы коммуникаций между этими двумя деноминациями оставались крайне схожими:

«Из Гельсинфорса Иванов и Смородин... приехали сюда 27 октября в понедельник имели, но без разрешения общины после собрания мы я и еще два брата и сестра Капранова, пошли к Капрановым и когда мы сидели в зале они говорили нам о необходимости крещения Свят. Духом и рукоположение о том

⁶ Воронаев 1928. С. 23.

⁷ Цит. по Одинцов 2012. С. 300.

⁸ Никольская 2010; Клюева 2015.

⁹ Цит. по: Мишкевич 2007. С. 305.

что мы верующие должны быть крещены Духом и огнем должны говорить на непонятных языках Марка 16.17 1Кор.14.2; 12.10., что другой может изъяснить понимая это духом святым и когда мы преклонили колена, то один брат из армян стал молится прося Господа крестить его Д.Св. говоря братья молитесь о мне и возложите на меня руки. Что Иванов зделал когда он возложил на него руки, то он стал стонать и слышались толчки какбы электрические он чувствовал Эти толчки три раза, а к концу молитвы он стал стонать как бы вылазя из подпресса все это дорогой брат на меня наводило какой-то ужас и страх мне страшно было быть там¹⁰».

В свою очередь, в пятидесятнической среде сложился устойчивый нарратив об ущемлении членов-пятидесятников в евангельских общинах: «служителей отстраняли от служения, ущемляли совесть верующих, подвергали критике и насмешкам их вероученческие взгляды»¹¹. В какой-то мере. эти факты подтверждаются официальными документами ВСЕХБ. В докладе лидеров союза о поездке в общины Средней Азии упоминается ташкентская община ЕХБ, руководители которой «не только исключили пятидесятников, но и объявили их языки – языками сатанинского происхождения, чем ещё больше углубили пропасть между общиной и ими»¹². Позднее подобное отношение к пятидесятникам было распространено на все общины Средней Азии и Казахстана, в составах общин ВСЕХБ не было пятидесятников; это была принципиальная установка тамошних баптистов. Материалы органов власти 1970–1980-х гг. также подтверждают наличие неприязненных отношений между руководством ЕХБ и пятидесятников: «Служители культа и церковный архив евангельских христиан-баптистов крайне неприязненно относится к пятидесятникам, в свою очередь и среди последних распространены антибаптистские настроения»¹³.

Следует отметить, что есть свидетельства и о бесконфликтной жизни объединенных общин, из которых пятидесятники не стали выходить даже после возникновения отдельных пятидесятнических союзов (наиболее известная община - церковь Олевисте в Таллине, а также ряд общин на Вольни). Бесконфликтное состояние не вынуждало верующих артикулировать свою позицию, тогда как конфликты отложились в памяти, породили ряд источников эпистолярного жанра, показывающих формирование религиозной идентичности через конфликт.

Специфика и привлекательность пятидесятнических практик

В чем заключалась привлекательность и одновременно конфликтность пятидесятнических практик для верующих? В основе напряжения на низовом уровне были специфические религиозные

¹⁰ Письмо И. Гориславского...

¹¹ Франчук 2000. С. 225.

¹² Доклад заместителя председателя ВСЕХБ М.И. Голяева...

¹³ Справка о сети фактически действующих объединений пятидесятников...

практики пятидесятников, вызывавшие сильное эмоциональное потрясение у присутствующих. Речь идет, прежде всего, о глоссолалии (говорением на «иных языках») и пророчествах. Отношение к мощным эмоциональным переживаниям, сопровождающимся специфическими звуками и действиями (запрещенными в общинах ВСЕХБ согласно Августовскому соглашению), которые должны были быть зримым проявлением присутствия Святого Духа, разделили верующих на желавших пережить подобный опыт и испытывающих острое отторжение такого опыта. Судя по всему, пережившие мощный эмоциональный опыт уже не представляли себе иного способа общения с Богом:

«А мне так и хочется молиться. У меня оно давно уже кипит, только дать свободу. Когда мы стали молиться, склонили колени, как сошла сила, - это как током прошло! И у меня внутренне глаза, сердце открылось, и небо открытым стало. И такая радость, такая сила наполнила! Я не представлял себе, куда моя скромность делась. <...> И вот это крещение Духом святым. Я, конечно, получил знамение незнакомых языков, молился... Это не просто говорение сухое, это наполнение внутреннее, преображение! Это услада, это наполнение силою. Ну, это не сказать...» (Вл. Даманский, Петропавловск, 2013 г.).

Рассказ о духовном крещении обязательно сопровождается упоминанием о невозможности описать/передать слушателю экстатические впечатления в полной мере:

«Потом я как-то пошел на собрание, помню, начали молиться. А у меня молитва шла тягостно, ничего не чувствовал. Ну, а потом я даже молюсь, заплакал, думаю - Господи, я, наверное, самый плохой, Ты не слышишь... В уме это сказал я все. И как наполнило меня силой! Это даже не сказать, это знает только тот, кто прочувствовал, как в Писании говорится. Ну и я понял, раз есть духовное, то я готов молиться, я готов часами молиться!» (А. Кох. Петропавловск, 2013 г.).

Но кроме эмоциональной стороны практик, проведение пятидесятнических обрядов подрывало систему официальных авторитетов – старших пресвитеров и руководителей церкви, чаще всего являвшихся евангельскими христианами-баптистами. Пятидесятники указывали, что Дух Святой может говорить через любого, получившего духовное крещение, и такое слово будет важнее, чем решения братского совета или пресвитера. Примером может служить ситуация в г. Калининe когда баптисты и пятидесятники первоначально приняли решение проводить совместные богослужения, но затем пятидесятники демонстративно отказались приходить в церковь ЕХБ. «После широкого разъяснения ст. пресвитером бр. Орловым М.А. о единстве детей Божьих, которые обязаны на основании Слова Божия быть едиными и отдельно не собираться по квартирам, все выразили согласие влиться в общину. Но 13-го января в воскресенье на утреннее собрание народу собралось полное залo, а пятидесятников пришло только 5 человек. На мой вопрос Круглову В.Н.: "Почему нет на собрании пятидесятников?", Круглов ответил: "Ночью было откровение от Духа, что присоединяться не надо, и я

должен быть с народом Божиим и уйти от неискренних людей». После чего Круглов В.Н. покинул собрание даже не попрощавшись, и даже не подошел к отцу и матери, приехавшим на собрание»¹⁴.

Пятидесятнические практики зачастую вызывали негативную реакцию у окружающих - не пятидесятников. Известно, что пятидесятники жаловались, что их за молитвы «на языках» называли «бесноватыми», «зablуждающимися», «получившими силу не от бога»¹⁵. Что представлялось неправильным и опасным для тех, кто не одобрял пятидесятнические практики? Это мы можем увидеть в письме верующих из Одесской общины ЕХБ, в которую также входили и пятидесятники. Цитируемые ниже фрагменты письма интересны тем, что представляют аргументацию рядовых баптистов. Это уникальное письмо, подписанное членами Одесской общины ЕХБ, было обнаружено в комплексе писем из этой общины в архиве Российского союза ЕХБ и недавно было введено в научный оборот. Этот пример отражает не только страхи рационалистически мыслящих верующих перед нелогичными, на их взгляд, явлениями, так и доминирующие настроения в евангельской среде. Начинается оно с описания практик, появившихся в общине после вхождения в нее пятидесятников¹⁶:

«Это только небольшая доля тех эпизодов, которые мы наблюдаем в разных вариантах в нашей общине чуть ли не ежедневно. Можно было бы рассказать о том, как умирающей сестре, которая уже не может говорить, внушают, что она все равно погибшая, пока не получит «иногo языка». Брату Екимову И.Я. пророчествовали Б. Доронин и Виссарион, что он умрет через полтора года. Это было уже 5 лет тому назад. И что скоро совсем закроют собрание. Молодую приближающуюся сестру Светлану Ивановну, «сестрички обработали» и увели к неприсоединившимся пятидесятникам; сестру, принявшую крещение в 1969 году Е.И. Гогоненко увели к Татьяне М. Гармашове и предлагали ей ревновать об «иных языках». Там же получала языки М.С. Иванова... Есть слухи, что там же «ревнует» о языках жена ст. Пресвитера А.М. Цапа; 1-го августа с.г. сестра Валя /фамилия не знаем/ вошла в экстаз с трясением всего тела /во время водного крещения/ и пронесла непрерывно: «Свят, Свят Аллилуйя» и т.д., что повторилось и на молитве в собрании во время богослужения.

Все эти изуверства усилились с появлением в общине явных пятидесятников, имеющих влияние и авторитет в общине, как напр. Десятника А., который открыто в проповедях и в братском совете призывает к ревнованию об знамениях, т.е. иных языках; Труханова Д., который покровительствует им, а также защита со стороны ст. Пресвитера Цапа А.М.»¹⁷.

¹⁴ Отчет Орлова о посещении общины Калинина...

¹⁵ См. напр.: Послание представителей христиан веры евангельской к руководству ВСЕХБ о нарушении Августовского соглашения в объединенных общинах // Одинцов 2012. С. 388-391; см. также Глушаев 2012; Франчук 2000 С. 252-254.

¹⁶ Настоящие имена и фамилии изменены или пропущены при публикации документа.

¹⁷ Опубликовано в книге: Белякова, Добсон 2015. С. 143.

Как видно из письма, появление пятидесятников в общинах ЕХБ было процессом динамическим: среди них были как давние члены церкви, так и недавно пришедшие и ведущие себя демонстративно. Рядовые баптисты воспринимали своих единоверцев жертвами агрессивных действий пятидесятников, которых старший пресвитер вынужден терпеть в силу политических причин. При этом баптисты используют понятие, характерное для советских пропагандистов – «изуверство», служившее основанием и для уголовных преследований. Обвиняют они пятидесятников и в дестабилизации сообщества эсхатологическими пророчествами о закрытии собраний, и угрозами смертей и болезней в адрес «неправильных» верующих и т.д. Также следует заметить, что в этом фрагменте подчеркивается женское неформальное лидерство, проявляемое в виде пророчеств и радений о духовном крещении.

Религиозные практики имеют в своей основе теологические установки и ценности. Следующий пассаж письма это подтверждает, возвращая нас к давнему теологическому спору между пятидесятниками и баптистами: насколько дары и знамения Духа Святого, наблюдавшиеся в Пятидесятницу, могут ярко проявляться в современном мире:

«Неужели все эти явления можно признавать знамениями Духа Святого? Мы признаем, что знамения Духа Святого были во время сошествия Духа Святого в день пятидесятницы, но в наше время ведь нет этих знамений. <...> Этот бред бессмысленных звуков неужели можно считать даром языков, которыми говорили апостолы в день пятидесятницы и от которых уверовало три тысячи человек. Потому что простые галилеяне заговорили языками других народов которые прекрасно их понимали. Но кры, кры, кры или тыки, тыки, тыки и т.п. наверное и лягушки в болоте не поймут. Неужели же это знамения Духа Святого? <...> Ведь для того, чтобы признать знамениями Духа Святого эти, так называемые языки, надо или самому верить в них и ревновать о них, или признавать их лицемерно. И утверждать, что крещение Духом может быть со знамениями /языками пятидесятническими/, ведь других знамений как-то чудотворений, исцелений и т.п. нет/ и также без знамений, и в то же время в душе быть вполне уверенным, что это вовсе никакое не знамение. А ведь такими вещами шутить нельзя! Так могут делать только неверующие люди! Отсюда все эти болезни в тех общинах, где имеется такое призрачное единство баптистов с пятидесятниками. Надо прямо ставить вопрос о правильном евангельском и здравом учении членов церквей перевоспитывая таких «духовных сестричек и проповедников знамений», а кому не нравится и желает иметь свое отличное мнение от Евангельского учения, пусть уходит. Это послужит только на пользу детям Божиим, и даст действительное единство и мир в церквях»¹⁸.

А также цитируемое письмо дает представление о способах «перевоспитания» заблуждающихся пятидесятников в Одессе. Подобное отношение не было уникальным. Так, верующая, родившаяся в пятидесятнической семье, но бывшая членом объединенной общины Кривого Рога пишет о «репрессивных» мерах в своей церкви:

¹⁸ Там же. С. 144.

«Виновата ли я в том, что я родилась в семье пятидесятников? Есть ли в этом позор и стыд для меня? Имеют ли право предупреждать за меня молодежь остерегаться и не приветствовать меня как еретика. Моя вина том, что не признаю, что все пят-ки находятся в заблуждении. Могу ли я верить словам брата Ш. []а 10/VI/1971 г. на братском совете – что в тебе (т.е. во мне) дух сатаны и во всех пят-ках дух сатаны. Мы пят-ков приветствовать не будем. <...> Теперь мне ставят в вину, что я сама вышла с хора. Если бы не вышла, то все было бы по-старому, а сейчас – откажись от своих пониманий и все будет как прежде. В хлебопреломлении я уже не участвую около года, я не могу согласиться, что решение братского совета верно — отказаться и раскаяться пред всею церковью, только тогда я имею право трудиться в церкви. Я не считаю себя виновной»¹⁹.

Итак, баптисты отмечали, что найти компромисс с пятидесятниками невозможно, поскольку наличие знамений для последних являются часто показателем подлинности веры ближнего. Но и сами пятидесятники, даже не собиравшиеся выходить из общины, не были готовы соглашаться с мнением своих пресвитеров, о чем свидетельствует процитированное выше письмо. Проявления Духа Святого могли быть самыми неожиданными и служили причиной постоянной турбулентности в пятидесятнической среде, однако, безусловно, обладали и определенными регулятивными функциями.

Коммуникация через конфликт: духовные поиски и переживания

Потребность в духовном переживании присутствия «живого Бога», острота и живость эсхатологических установок зачастую являлись мобилизующими для евангельской среды, находили отклик у людей, ищущих духовного роста. Верующие по-разному могли получать духовные переживания, для некоторых важным становилось соблюдение «телесной» чистоты, проявляющейся в отказе от брачных отношений, для других – подчеркнуто благочестивый с обвинением своих единоверцев в недостаточном религиозном рвении. Именно такая среда верующих – ревнителей благочестия становилась благоприятной почвой для пятидесятнических проповедей.

«Посещая собрания баптистов и меннонитов, Николай Андреевич /Диканов/ обратил внимание на молодежное духовное «брожение» в общине. Вопрос о «крещении Духом Святым» активно обсуждался в молотовской общине ЕХБ. Вероятно, зимой 1953 года, на общем членском собрании меннонитов и баптистов в Ераничах, мнения об «истине крещения Духом Святым» разделились. <...> Диканов Н.А., братья Шолоповы, Миля Казымова и еще ряд активных молодых людей отделились от общины ЕХБ. Они стали костяком общины пятидесятников в г. Молотове»²⁰.

Нарратив о присутствии в евангельских церквях людей, ищущих большего, «ревнителей», восприимчивых к проповеди о крещении Ду-

¹⁹ Там же. С. 150-151

²⁰ «Объединились по Духу Святому»... 2010.

хом святым, является устойчивым среди рассказчиков, вышедших из общин под влиянием сильных пятидесятнических лидеров. Ушедшая к пятидесятникам в составе группы «ревнителю» из общины ЕХБ верующая вспоминала: «Мы усиленно молились, собирались, такая маленькая любительская группа собралась, которые желали большего <...> А в этой группке, да, в основном были женщины. Ну, их было, человек десять, может. Моя мама была, еще мама моих друзей, там еще одна, еще одна. Ну, человек десять, наверное, двенадцать, тех, которые ревновали». (О. Мурашкина, пятидесятница, Малоярославец, 2014 г.)

В качестве духовных авторитетов зачастую выступали «странствующие» проповедники, традиции существования которых сохранилась с 1920-х годов. В послевоенном СССР такие проповедники были в меньшей степени скованы условностью присутствия в едином евангельском пространстве: они проповедовали не в секулярной среде, а в уже существующих религиозных группах и церквях²¹. Небольшие провинциальные группы представляли питательную среду для восприятия откровений о необходимости крещения Духом.

Что же случалось, если пятидесятники получали возможность для проповеди в провинциальной баптистской общине? Приведенный ниже фрагмент красочно описывает появление пятидесятнического проповедника на богослужении баптистов:

«Брат Ваня – он, конечно, человек активный, энергичный. Говорит: «Ну, что же, мы будем сидеть с этими шестью старичками? Надо все-таки, наверное, сходить к баптистам». Они берут пятидневный пост без подкрепления, и после этого приходят к нам на служение. Ну, на нем, конечно, помазание было на уровне. И когда... Ну, а наш пресвитер по простоте, не зная, кто и что, сказал так: “Брат?” – “Брат”. – “Проповедуешь?” – “Проповедую”. – “Ну, скажи Слово”. И когда он вышел и стал говорить, мы, особенно, эта ревнительская группа, думаем: “Ну, это что-то другое, что-то уровень не наш”. Сразу почувствовали, потому что он говорил в Духе. Хотя он говорил... Начал он с оды “Бог” Державина. Встал и начал: “О, Ты, пространством бесконечный!”. Ну, а потом, я уже даже не помню, что он говорил. Он говорил в таком духе, что мы сразу на нем сосредоточились. “Это что-то то, что, наверное, нам надо”. И значит, когда собрание кончилось, и он стал выходить, то мы так следом, гуськом...» (О. Мурашкина, Малоярославец, 2014 г.)

Каким же образом руководители общин могли предохранить свою паству от пятидесятнической «ереси» и «заблуждений»? Самым очевидным вариантом была изоляция альтернативных лидеров или, как минимум, запрет на проповедь в молитвенных собраниях. Такая тактика, противоречащая демократическим традициям евангельского богослужения, вполне соответствовала стратегии игнорирования «неудобных» верующих. Этому же способствовала личная конкуренция между

²¹ См. об этом в статье: Белякова, Клюева 2016. С. 318-320.

проповедниками. Выдвигаемые государством требования ограничить число проповедников, легализовать их через рукоположение и государственную регистрацию во многом соответствовали устремлениям официальных руководителей общин, желающих сохранить свою власть. В то же время руководство ВСЕХБ старалось не форсировать вопрос с отлучением пятидесятников, понимая, что в противном случае они создадут отдельную нелегальную общину, куда может перейти значительное число членов церкви. «Ташкентские пятидесятники два года тому назад объединились с Ташкентской общиной евангельских христиан-баптистов, но после того, как они наделили 17 чел. евангельских христиан-баптистов своими языками, Ташкентская община исключила их 7-го сентября сего года всех до одного, как разлагающих общину, и теперь они, очутившись вне общины, собираются по квартирам»²².

Общение верующих происходило не только во время молитвенных служений в приватном пространстве религиозного сообщества, но и во время повседневного общения в публичном нерелигиозном пространстве. Вот как вспоминал один из верующих братских меннонитов об оформлении пятидесятнической общины в Челябинске: «На работе они встречались с верующими крещеных Духом Святым, которые с ними беседовали и открывали им о крещении Духом Святым. Так как Классен это не принял и противодействовал, то отделились те, которые приняли, что нужно молиться о крещении Духом Святым. <...> и так брат узник Каржан освободился и до отъезда потрудился, и как я понял они стали собираться совсем без баптистов»²³. Такая проповедь велась также среди «подготовленных» слушателей – верующих меннонитов, ходивших в объединенную общину евангельских христиан-баптистов.

Коммуникативные практики, обострявшие конфликтные ситуации между баптистами и пятидесятниками, как видно из ранее процитированных отрывков, зачастую завершались выходом пятидесятников из зарегистрированной общины.

Коммуникация после конфликта: между игнорированием и общением

Разрыв как разрешение конфликтной ситуации между бывшими членами одной общины мог происходить по инициативе одной из сторон – самих пятидесятников или баптистов. В этом случае руководство церкви находилось в менее выгодном положении, т.к. позиция руководства ВСЕХБ была направлена на удержание пятидесятников в составе зарегистрированных общин, хотя руководители местных общин считали исключение из членов церкви единственным выходом. Именно таким образом пытались поступить в общине г. Королев (Московская

²² Доклад зам. председ. ВСЕХБ М.И. Голяева...

²³ Из воспоминаний Ивана Рихтера...

область) в 1957 г. «Внесли предложение всех пятидесятников отлучить, иначе порядка в собраниях не будет, они нарушают порядок криками и агитируют. Их было всего три женщины, а теперь 40 человек». Но руководство ВСЕХБ не поддержало такого решения: «После всего бр. Орлов М.А. сделал разъяснение, что спешить не стоит и отлучать пока не надо. Нужно принять меры перевоспитать последних. Единогласно решили пятидесятников не отлучать от церкви без ст. пресвитера, и если не будут исправляться, то тогда вызвать бр. Орлова М.А.»²⁴.

Когда решение о выходе из баптистской общины принималось, судьба бывших единоверцев, и отношения с ними оставались в прошлом и переставали интересовать «духовных» верующих. Пренебрежение к «неполным христианам», какими теперь считались баптисты, демонстрировалось разными способами.

«Он /баптистский пастор/ мне позвонил, говорит: что же нам делать с вами? Нам же надо как-то вас из церкви исключить или с миром отправить или как? Что нам делать с вами, мы не знаем, вы же у нас числитесь членами церкви, а по правилам мы должны что-то делать. Я говорю: Сережа, как вы считаете нужным, так и делайте, хотите, отпустите нас с миром, как хотите! Если вы считаете, что мы согрешили, исключите, если вы считаете, что мы поступили мирно, отпустите нас с миром, как хотите! Но я не знаю, как они там поступили с нами, я не интересовала больше». (Любовь К., Сургут, 2007 г.).

Равнодушие к жизни своих бывших единоверцев иллюстрирует внутреннее убеждение своего превосходства над оставшимися. Для обоснования своего превосходства и конструирования пятидесятнической идентичности проводится сопоставление с баптистами и делается вывод о необходимости общения с «живым Богом», которое может быть получено только через духовное крещение:

«Моя бабушка из баптистов, это хорошие люди, они очень любят Бога, они искренние, отзывчивые, помогать – все, что угодно для человека. Но общения с живым Богом они не знали. Меня Господь очень рано крестил Духом Святым, хотя я не знала, как это все происходит» (Т. Кубата, Малоярославец. 2014 г.).

Однако если мы посмотрим на гендерные модели поведения при конфликте, то увидим, что женщины-пятидесятницы, как правило, даже в условиях конфликтности продолжали считать общину своей. Чтобы сделать решительный шаг и порвать со своей родной церковью, нужен был мощный внешний стимул:

«И когда поднялась эта вся шумиха, то брат Ваня /Федотов/ нам сказал: “Рано или поздно вам придется уходить из этой церкви”. Мы говорим: “Как уходить?! Из нашей любимой, дорогой церкви уходить? Никуда мы не можем уходить!” <...> Но, тем не менее, мы стали собираться отдельно вечером, молились Духом, и Господь нас утверждал. Молитвы были очень серьезные, горячие, по два часа, наверное, молитвы у нас вечером шли. Ну, кончилось тем, конечно, что

²⁴ Отчет Орлова о посещении общины Калинина...

нас все-таки выпроводили из общины. <...> Выпроводили, да, и выпроводили, так сказать, с шумом. <...> Короче, нам сказали: “Если вы не прекратите общение с этим человеком, с Иваном Петровичем Федотовым, то вы у нас будете отлучены» <...> И они молились, и в это время видят в окно, что мы идем, нас выгнали. И мы идем гуськом по тропинке, наверное, все 17 человек. Как гусята... к их дому. «Ну вот, - говорит, - ответ на молитву». Ну, и пришли мы к ним, и стали мы после этого собираться по домам. И таким образом, мы стали уже общиной пятидесятников, крещенных Духом»²⁵.

Пятидесятники по-разному рассказывают о том, как заканчивалось их присутствие в баптистских общинах. Кто-то уходил мирно и незаметно, кто-то – «с вызовом», будучи убежден в правильности своих поступков. Стимулом к переходу конфликта в открытую фазу мог служить публичный разбор «заблуждений» пятидесятников в баптистской общине. Однако при отсутствии резких радикальных действий пятидесятники могли оставаться в составе зарегистрированных общин вплоть до начала 1990-х, что мы видим, например, в Тюмени: «*А мы все, пятидесятники, ходили к баптистам*» (З. Теплоухова, Тюмень, 2007 г.). Окончательный разрыв между пятидесятниками и баптистами произошел в конце 1980-х, с наступлением периода религиозной свободы, когда даже бесконфликтные общины были расколоты по деноминационному признаку. Пятидесятники стали создавать собственные общины.

Гендерная специфика молитвенного пространства пятидесятников

Эксклюзия пятидесятнических проповедников из официального пространства молитвенных собраний не могла ограничить религиозного общения вне молитвенного дома, и сформировавшаяся субкультура молитвенных коммуникаций верующих в личном, индивидуальном пространстве делала запрет на проповедь пятидесятников неэффективным. Широко распространилась практика домашних собраний. И здесь важную роль играли, прежде всего, женщины. В домашней, неофициальной обстановке они ощущали себя безусловными лидерами и могли практиковать без стеснения. Вот как это происходило в Одессе в 1969 г.

«...Я очень жаждала иметь общение с детьми Божьими, и по своей неопытности, я вместе со своей сестрой по плоти Марией Симоновной, духовными сестричками-членами общины, была увлечена к сильной пророчице – также члену общины Т.М.²⁶ <...> Ее постоянное приветствие было «О, Христос с тобой идет и подарок тебе несет», указывая на угол своей комнаты, что там голубь, но я видела там вместо голубя – кучу котов. Призывая к молитве, показала мне список, что я у нее 38-я, а сестра – 39-я, которые получают иные языки. Я с сестрой поверили и преклонили колени. Надо мной стояла другая пророчица – Шура /горбатенькая/. Три часа я повторяла слово «Очисти, очисти...», но языков не получила, а сестра, по слабости своего здоровья стала повторять одно и тоже слово, и пророчица Т.М. сказала, что она получила

²⁵ Цит по: Белякова, Добсон 2015. С. 138-139.

²⁶ Фамилия и имя пророчицы изменены при публикации документы.

знамение /Духа/. Мне предложили второй раз придти, где я стояла четыре часа на коленях и также повторяла «Очисти, очисти...». Пророчица Т.М. специально делала свои руки дрожащими и водила по моему телу, говоря: «Вот кровь Иисуса, вот Он идет, прими духа»²⁷.

Сферой, в которой женщина могла проявить свои лидерские качества, и при этом мужчины – даже руководители общин – не претендовали на формальное превосходство, была сфера духовных пророчеств. Роль пророчиц была неоспоримой. Пятидесятники считали, что через таких женщин говорит Дух Святой. В конфликтной ситуации выбора или раскола пророчицы могли играть роль своеобразной последней инстанции, преломляющей ситуацию в свою пользу. Так, при попытке разрешения конфликта в Калинине пророчица «молодая девушка, лет 17-19 на вид, Люба, подняла руку и с криком: «Народ Божий стойте твердо в вере, один Бог, нет трех богов. Отделитесь народ Божий и святой от нечестивых, что общего света с тьмою!», и своим высказыванием способствовала окончательному расколу в общине»²⁸.

Женщины брали на себя роль не только организаторов молитвенных встреч, но и проповедников и лидеров собраний. Так верующие из пермской общины рассказывали:

«Примерно в конце 1949 – начале 1950 гг. приехали к нам в город две сестры, крещенные Духом Святым со знаменем иных языков. Но так как они знали, что руководство общины не примет их свидетельства о крещении Духом Святым, они решили засвидетельствовать некоторым сёстрам, которые в отдельной молитве и получили Духа Святого со знаменем иных языков. Так появилась группа верующих, которые ходили в общее собрание, а после собрания ещё собирались отдельно на молитву. Присоединились к ним и некоторые из братьев»²⁹.

Но как только появлялся кто-то из верующих-мужчин, женщины уступали свои лидерские роли, фактически или формально.

Представленные материалы показывают разнообразие коммуникативных практик в зарегистрированных общинах между баптистами и пятидесятниками. При доминирующей парадигме закрепления собственной религиозной идентичности, характерной для обеих деноминаций, очевидно стремление к экспансии со стороны пятидесятников, которые увидели в вынужденном объединении уникальную возможность для «прозелитической» деятельности, неизбежно усиливавшей конфликтную составляющую при общении. Эта конфликтность была предопределена теологической доктриной пятидесятников, делающей акцент не на покаянии и изменении жизни человека после установле-

²⁷ Цит по: Белякова, Добсон 2015. С. 142-143.

²⁸ Отчет Орлова о посещении общины Калинина...

²⁹ Некоторые воспоминания из жизни Пермской общины...

ния личных отношений с Богом, а на изменении определенных свойств природы человека, происходящем после его крещения «Духом» и получения им «дара Духа Святого», под которым чаще всего понимались глоссолалии. В ходе дискуссий были сформулированы богословские различия в трактовке «даров Духа» и определены практики, вызывающие нарекания со стороны баптистов. Однако однозначная убежденность пятидесятников в том, что исключительно они являются «духовными христианами», а евангельские христиане и баптисты остаются неполными христианами – плотскими, и для спасения им необходимо получить «духовное крещение», предопределяла конфликтность коммуникативных практик. Усилению конфликтности могла способствовать откровенная, сопровождаемая обвинениями в изуверстве, дискриминация пятидесятников со стороны государственной власти.

Коммуникации между баптистами и пятидесятниками проходили на фоне присутствия в евангельской среде альтернативных духовных авторитетов и стремления среди «ревнителей благочестия» к поиску более совершенного духовного пути, которые создавали условия для внутренней турбулентности. Эта турбулентность усиливалась вмешательством государственной власти и ее установкой к закреплению иерархической структуры в евангельском сообществе и участию в выборе официальных руководителей общин - пресвитеров - для "нормализации" движения и ослабления его миссионерского начала. Материалы показывают наличие в евангельской среде авторитетов, иногда прямо противопоставляющих себя официальной иерархической структуре в сообществе. Это могли быть как мужчины, так и женщины, обладавшие особыми «духовными дарами». Тем не менее, установка на разрыв с легальным обществом и создание новой общины возникала только тогда, когда появлялся лидер-мужчина, нуждающийся в собственной пастве. Стратегия на отделение не была нормативной практикой для пятидесятников, а вполне вписывалась в борьбу за лидерство в сообществе, что является в принципе характерной чертой для общин поздних протестантов с одной стороны, но с другой, была связана со специфической ситуацией положения религиозных сообществ СССР, лишенных возможностей создания легального механизма смены духовных лидеров и конфессионально однородных общин.

Источники

Интервью

Даманский В., пятидесятник, Петропавловск (Казахстан)

Кох А., пятидесятник, Петропавловск (Казахстан)

Кубата Т.В., пятидесятница, Малоярославец (РФ, Калужская область)

Медведева О., баптистка, Краснодар (РФ, Краснодарский край)

Мурашкина О.А., пятидесятница, Малоярославец (РФ, Калужская область)

Теплоухова З., пятидесятница, Тюмень (РФ, Тюменская область)

Неопубликованные источники

- Доклад заместителя председателя ВСЕХБ М.И. Голяева и генерального секретаря А.В. Карева о поездке в Алма-Ату, Фрунзе и Ташкент. б/д // Архив РС ЕХБ. Папка «Пятидесятники».
- Из воспоминаний Ивана Рихтера (рук.) // Из личного архива Вл.Кригера, г. Челябинск.
- Информационный доклад за 3 квартал 1948 г. уполномоченного СДРК по Красноярскому краю // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 3. Д. 601. Лл. 258-259.
- Некоторые воспоминания из жизни Пермской общины Христиан Веры Евангельской за период, начиная с 1947 года, переживших различные трудности, испытания, искушения и унижения. (Воспоминания В. Шолопова) (рукопись) // Из личного архива А.Л. Глушаева, г. Пермь.
- Отчет Орлова о посещении общины Калинина 16.01.57 4 стр. Машинопись, подлинник, на последней странице подпись М. А. Орлова, на первой странице рукой вверху проставлена дата 16.01.1957 // Архив РСЕХБ, ящик 6, папка 1, Лл. 175-178.
- Письмо И. Гориславского, фельдшера 118 запасного батальона. Тифлис. 28.10.1914 // Архив РС ЕХБ. папка "Письма к И.С. Проханову". 2л об. на одном листе, сложенном пополам.
- Справка о сети фактически действующих объединений пятидесятников на 1 сентября 1982 г. в Казахской ССР // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 6. Д. 2457. Лл. 66-67.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Беглов А.Л. Последний бой обновленцев // Альфа и Омега. 2004. N 2 (40). С. 205–214.
- Белякова Н.А., Добсон М. Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР. 1940-1980-е гг. Исследование и источники. М.: Индрик, 2015.
- Боцюрків Б. Українська Греко-Католицька Церква і Радянська держава (1939-1950). – Львів: Український Католицький Університет, 2005.
- Воронаев И.Е. О Крещении Духом Святым // Евангелист. 1928. № 1. С. 20-24.
- Глушаев А.Л. «Объединились по Духу Святому...»: пятидесятники Пермского Прикамья (конец 1940- 1950-е годы) // Протестантизм в современной России. Вклад в развитие общества, религии, истории и культуры. Мат. рос. науч.-практ. конф., посвященной 495-летию Реформации. Пермь, 2012. С. 46-52.
- Добощ Олексій, прог. Унія на Україні. Вік XX. Кам'янець Подільський: Дзвін. 1996.
- Катаев А.М. Последние годы обновленчества в контексте государственно-церковных отношений в 1943–1945 гг. // Приход. Православ. экон. вестн. 2006. No 4, 5. URL: <http://www.anti-raskol.ru/pages/1245>, <http://www.anti-raskol.ru/pages/1246>.
- Клюева В.П. «Не они уступили, а с ними согласились»: евангельские христиане-баптисты и пятидесятники в первое послевоенное десятилетие // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945-1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, президентский центр Б.Н. Ельцина, 2015. С. 586-594.
- Мицкевич А.И. История евангельских христиан-баптистов. М., 2007.
- Никольская Т.К. Августовское соглашение и позиции пятидесятников в 40-50-х гг XX в. // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2010. № 3. С. 124-133.
- «Объединились по Духу Святому»: из воспоминаний Цюрпиты М. А. (Записал и обработал Глушаев А.Л., март–апрель 2010) // Вестник Пермского государственного института искусства и культуры. 2010. № 9, декабрь. С. 98–103.
- Одинцов М.И. «Вы примите силу, когда сойдет на вас Дух Святой...» История Пятидесятнической церкви в России. XIX-XX вв. СПб., 2012.
- Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны. (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945). М., 2005.
- Пашенко В. Греко-католики в Україні: від 40-х років XX ст. до наших днів. Полтава, 2002.
- Савинский С.Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии, т. 2. 1917-1967. СПб: Библия для всех, 1999.

- Сергійчук В. Нескорена Церква: [Збір. док.]. – Київ: «Дніпро», 2001.
- Сердюк Н.С. Репресії радянських органів державної безпеки щодо Української Греко-Католицької Церкви в 1944–1949 рр. Київ, 2006.
- Синичкин А. О динамике роста братства ехб с 1945 по 1965 год // <http://www.rusbaptist.stunda.org/dop/statist.htm>. Дата обращения: <25.10.2016>
- Федотов И. Встать! суд идет. М: Титул, 2006.
- Франчук В.И. Просила Россия дождя у Господа. Киев: Світанкова зоря, 2000. т. 3.
- Шишкин Е.Н. «Маршал воинствующих обновленцев»: деятельность митрополита Василия Кожина на Северном Кавказе после освобождения региона от гитлеровцев (февраль 1943 – февраль 1945 года) // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 2 (357). История. Вып. 62. С. 108–116.
- Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах. Москва: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1999.
- Chumachenko T.A. Church and State in Soviet Russia. Russian Orthodoxy from World War II to the Khrushchev Years. M.E. Sharpe, 2002.
- Huhn, Ulrike Glaube und Eigensinn. Volksfrömmigkeit zwischen orthodoxer Kirche und sowjetischem Staat 1941 bis 1960, Wiesbaden, 2014.
- Sawatsky W. Soviet Evangelicals since World War II. Kitchener, ON: Herald Press, 1981.

REFERENCES

- Beglov, Aleksej. Poslednij boj obnoblencev // Al'fa i Omega. 2004. N 2 (40). S. 205–214.
- Beliakova N., Dobson M. Protestant women in the late Soviet era: gender, authority, and dissent // Canadian Slavonic Papers / Revue canadienne des slavistes. 58 / 2 2016, pp. 117-140 // <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00085006.2016.1157923>
- Beliakova N., Dobson M. Zhenshiny v evangel'skikh obshchinah poslevoennogo SSSR. 1940-1980-e gg. Issledovanie i istochniki. Moscow: Indrik, 2015.
- Beliakova N., Kliueva V. Special features of the Evangelical community in the Soviet Union: difficulties of co-existence in conditions of harassment and discrimination // Religijiski-filozofiski Raksti. Nr. XXI, 2017. P. 49-68 https://dSPACE.lU.lv/dSPACE/bitstream/handle/7/37533/RFR_XXIII_content.pdf?sequence=2&isAllowed=y
- Bociurkiv B. Ukraїns'ka Greko-Katolic'ka Cerkva i Radjans'ka derzhava (1939-1950). – L'viv: Ukraїns'kij Katolic'kij Universitet, 2005.
- Chumachenko, Tatiana. Church and State in Soviet Russia. Russian Orthodoxy from World War II to the Khrushchev years. M.E.: Sharpe, 2002.
- Dobosh Oleksij, prot. Unija na Ukraini. Vik HH. Kam'janec' Podil's'kij: Dzvin. 1996.
- Fedotov, Ivan. Vstat'! sud idet, . Moscow: Titul, 2006.
- Franchuk, Victor. Prosila Rossija dozhdja u Gospoda. Vol. 3. Kiev: Svitankova zorya, 2000.
- Glushaev A.L. «Ob'edinilis' po Duhu Svjatomu...»: pjatidesjatniki Permskogo PrIkam'ja (konec 1940- 1950-e gody) // Protestantizm v sovremennoj Rossii. Vklad v razvitie obshhestva, religii, istorii i kul'tury. [Protestantism in contemporary Russia. Contribution to the development of society, religion, history and culture], Perm, 2012. S. 46-52.
- Huhn, Ulrike. Glaube und Eigensinn. Volksfrömmigkeit zwischen orthodoxer Kirche und sowjetischem Staat 1941 bis 1960 Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2014.
- Kataev A. M. Poslednie gody obnoblencestva v kontekste gosudarstvenno-cerkovnyh otnoshenij v 1943–1945 gg. // Prihod. Pravoslavnyj jekonomicheskij vestnik 2006. No 4, 5. URL: <http://www.anti-raskol.ru/pages/1245>, <http://www.anti-raskol.ru/pages/1246>.
- Kliueva, Vera. «Ne oni ustupili, a s nimi soglasilis'»: evangel'skie hristiane-baptisty i pjatidesjatniki v pervoe poslevoennoe desjatiletie // Sovetskoe gosudarstvo i obshhestvo v period pozdnego stalinizma. 1945-1953, Moscow: Politicheskaja jenciklopedija, Prezidentskij centr B.N. El'cina, 2015. S. 586-594.
- Mickevich, Artur. Istorija evangel'skikh hristian-baptistov. Moscow, 2007
- Nikol'skaja, Tatiana. Avgustovskoe soglasenie i pozicii pjatidesjatnikov v 40-50-h gg XX v. // Gosudarstvo, religija i cerkov' v Rossii i za rubezhom. 2010. № 4. S. 124-133.

- «Ob'edinilis' po Duhu Svjatomu»: iz vospominanij Cjurpity M.A. (Zapisal i obrabotal Glushaev A.L., mart–aprel' 2010) // Vestnik Permskogo gosudarstvennogo instituta iskustva i kul'tury. 2010. № 9, de-kabr'. S. 98–103.
- Odincov Mihail. Vlast' i religija v gody vojny. (Gosudarstvo i religioznye organizacii v SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945). M., 2005.
- Odincov, Michail. «Vy primite silu, kogda sojdet na vas Duh Svjatoj...» Istorija Pjatisdesjatincheskoj cerkvi v Rossii. XIX-XX vv. St. Petersburg: rossijskoe ob'edinenie issledovatelej religii, 2012.
- Pashhenko V. Greko-katoliki v Ukraïni: vid 40-h rokov HH st. do nashih dniv. Poltava, 2002.
- Savinskii, Sergej. Istorija evangel'skikh khristian-baptistov Ukrainy, Rossii, Belorussii. Volume 2. 1917-1967. St. Petersburg: Bibliia dlia vsekh, 1999.
- Sawatsky W. Soviet Evangelicals since World War II. Kitchener, ON: Herald Press, 1981.
- Serdjuk N.S. Represii radjans'kih organiv derzhavnoi bezpeki shhodo Ukraïns'koï Greko-Katolic'koï Cerkvi v1944–1949 rr. Kiïv, 2006.
- Sergijchuk V. Neskorena Cerkva: [Zbir. dok.]. – Kiïv: «Dnipro», 2001.
- Shishkin E. «Marshal voinstvujushih obnovenecv»: dejatel'nost' mitropolita Vasilija Kozhina na Severnom Kavkaze posle osvobozhdenija regiona ot gitlerovcev (fevral' 1943 – fevral' 1945 goda) // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. No 2 (357).Istorija. Vyp. 62. S. 108–116.
- Shkarovskii M. Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' pri Staline i Khrushcheve: gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniia v SSSR v 1939-1964 godakh. Moscow: Krutitskoe Patriarshee Podvor'e, 1999.
- Sinichkin A. O dinamike rosta bratstva ehb s 1945 po 1965 god // <http://www.rusbaptist.stunda.org/dop/statist.htm>
- Voronaev, Ivan. “O Kreshhenie Duhom Svjatym// Evangelist. 1928. № 1. S. 20-24.

Белякова Надежда Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, beliacova@mail.ru

Клюева Вера Павловна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Тюменского научного центра СО РАН, vormpk@gmail.com

“She led me to the Baptists, and I brought her to the Pentecostals”.

The specificity of communication practices in the Evangelical communities in the late USSR

The article analyzes the communication practices within the Evangelical community in the late USSR. A specificity of the Soviet Evangelical community was the fact that it consisted of denominations with different theological basis and ritual practice. Communication practices were different. The most notable of them was the destructive practice of escalation of the conflict. Some of the believers left the official community to end the conflict. The main sources for the analysis are letters and memoirs, as well as interviews conducted according to Oral history method.

Keywords: religious communities; communication practices; Soviet believers; Evangelical Christians-Baptists; Pentecostals; narratives; conflict

Nadezhda Beliacova, PhD in History, Senior Researcher, Centre of Religion and Church History, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; beliacova@mail.ru

Vera Kliueva, PhD in History, Senior researcher of the Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; vormpk@gmail.com

ИСТОРИЯ – ЛИЧНОСТЬ – БИОГРАФИЯ

С. С. ЩЕВЕЛЕВ, П. И. ПАШКОВСКИЙ, Е. В. КРЫЖКО

ВОСТОКОВЕД М. Ф. СЛИНКИН: ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

Авторы рассматривают биографию и основные направления научных исследований выдающегося отечественного востоковеда, доктора исторических наук, профессора М.Ф. Слинкина (1925-2007). В военное время он был бесстрашным солдатом, офицером, в мирное – переводчиком, дипломатом, преподавателем и ученым-международником, одним из крупнейших представителей отечественной афганистики второй половины XX – начала XXI в. Его труды, как свидетеля и участника событий, происходивших в Афганистане во второй половине XX в., а также талантливого лингвиста, и сегодня представляют теоретическую и практическую ценность.

Ключевые слова: *М.Ф. Слинкин, биография, востоковедение, афганистика, история, восточная филология*

Российское востоковедение богато именами ученых, оставивших значительное и востребованное научное наследие. Человек, о котором пойдет речь далее, безусловно, относится к числу таких, будучи учёным-востоковедом мирового уровня¹, учителем многих «заболевших» Афганистаном и одним из крупнейших отечественных афганистов второй половины XX – начала XXI в. В его чрезвычайно многогранной биографии переплелись жизненные пути видного учёного-международника, историка, талантливого филолога, переводчика и писателя, профессионального дипломата, прирождённого педагога, бесстрашного солдата, истинного патриота и просто порядочного, интеллигентного и отзывчивого человека, всегда готового выслушать и оказать помощь.

Родился Михаил Филантьевич Слинкин 5 декабря 1925 г. в деревне Кама Кондинского района Тюменской области в семье крестьянина-охотника Филантия Васильевича и Ирины Ивановны Слинкиных². Много лет спустя, вспоминая историю своей семьи, его сын, известный востоковед М.М. Слинкин, отмечал: «Родители отца жили даже не в Каме, а неподалёку в маленькой деревеньке Реденькая. Переехали они туда в 1924 году из деревни Слинкино Тобольского уезда, где и сами они, и их односельчане казачьего сословия, гонимого тогда советской властью, занимались земледелием, охотой и рыбалкой со времён завоевания Сибири Ермаком Тимофеевичем» <...> Отвёз ли сам Филантий Васильевич жену в Каму <...> или зимовал уже на своей охотничьей заимке, куда уходил на весь промысловый сезон, не знаю. Известно мне только,

¹ Пластун, Князев, Поляков, Шкедя 2010. С. 3.

² Пашковский, Щевелев, Юрченко и др. 2008. С. 36.

что Михаил был первым ребёнком в семье, а вслед за ним появилась сестра Галина, а потом трое братьев – Александр, Андрей и Николай»³.

Окончив неполную среднюю школу, Михаил в 1941–1943 гг. продолжил образование в национальном педагогическом училище Ханты-Мансийска, откуда после второго курса, в мае 1943 г., был призван в армию и направлен в пулемётно-миномётное училище в Ленинск-Кузнецкий, которое окончил в августе 1944 г. офицером-миномётчиком и был направлен в действующую армию. Прибыв на войну 18-летним младшим лейтенантом, он впоследствии принимает участие в боевых действиях в Польше и Германии в составе 1-го Белорусского фронта командиром взвода 114-го гвардейского миномётного полка 35-й отдельной бригады Резерва главного командования. Несколько раз был тяжело ранен. Участвовал во взятии Берлина и штурме Рейхстага⁴. Эти события он считал важнейшими в своей жизни. Через много лет, когда начинали отмечать его научные или иные успехи, он обычно говорил: «Да не суть это важно; главное дело в жизни я сделал тогда, когда безусым лейтенантом брал Берлин и штурмовал Рейхстаг»⁵. М.Ф. Слинкин был награжден орденами «Отечественной войны II степени», «Красной звезды», «Почета», «Богдана Хмельницкого III степени», медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне»⁶.

С сентября 1945 г. по июль 1946 г., после расформирования 35-й отдельной миномётной бригады и создания на её базе в Людвигслусте 77-й корпусной артиллерийской бригады Группы советских оккупационных войск в Германии, он продолжил служить в ней в должности командира огневого взвода. Вступил в партию. В 1946–1948 гг. – проходил подготовку на двухгодичных курсах английского языка в Военном институте иностранных языков (ВИИЯ) в Москве. Здесь произойдёт ещё одно знаковое для него событие – в августе 1946 г. он женится на подруге юности, Антонине Косенковой, которой когда-то адресовал письма с фронта. Они будут неразлучны до последнего дня. В Москве родится их старший сын, Юрий⁷. В сентябре 1948 г. М.Ф. Слинкин получил назначение в Закавказский военный округ⁸ – в Ереван, а в 1950 г. в Тбилиси). Здесь в 1951 г. он окончил с золотой медалью 10-й класс тбилисской вечерней школы, получив аттестат зрелости – один из обя-

³ Слинкин М.М. 2016. С. 68-69.

⁴ Пашковский, Крыжко 2015 (а). С. 132; Пашковский, Щевелев, Юрченко 2008. С. 36.

⁵ Слинкин М.М. 2016. С. 80.

⁶ Пройдет время, и он будет отмечен еще 26 боевыми и трудовыми наградами. См.: Слинкин Михаил Филантьевич..., Пашковский, Крыжко 2015 (а). С. 132.

⁷ Слинкин М.М. 2016 С. 81.

⁸ Пашковский, Щевелев, Юрченко и др. 2008. С. 36.

зательных документов, необходимых для поступления в высшее учебное заведение. В том же году он успешно сдаёт экзамены в ВИИЯ и зачисляется на третий, специальный факультет⁹, окончив который в 1956 г. получает квалификацию старшего инструктора-референта по персидскому языку и инструктора-переводчика по английскому языку. В его зачетной ведомости из 21 предмета лишь одна оценка «хорошо», а остальные – «отлично»¹⁰. Блестящее образование и врожденная склонность к изучению языков позволили ему свободно овладеть персидским, дари и английским¹¹. Этот период ознаменовался также рождением в 1955 г. его младшего сына, Михаила¹².

После окончания с отличием ВИИЯ М.Ф. Слинкин получил назначение в Прибалтийский военный округ, прибыв в Лиепаяу с женой и двумя детьми, а позже был перенаправлен в Калининград, где занял должность пропагандиста одной из воинских частей. В это время он часто выезжает в командировки: кратковременные – по Прибалтике и длительные – за границу. Так, в ноябре 1956 г. его направили в Венгрию в связи с известными событиями в этой стране, где он, как сам неоднократно отмечал в автобиографиях, «выполнял интернациональный долг...»¹³. «В Венгрии отец работал в городе Дебрецен, на одном из предприятий восстанавливал партийную организацию, – вспоминал его сын, М.М. Слинкин. – По его словам, в атмосфере неопределённости и страха, которые царили в городе, партийцы больше боялись не открытых выступлений, а выстрела в спину»¹⁴.

В марте 1957 г. Михаил Филантьевич в рамках служебной командировки впервые выехал в Афганистан. Через полвека он напишет об этом несколько очерков¹⁵, поразительно точно передавая оставшиеся в памяти многочисленные впечатления. Именно данная поездка сыграла решающую роль в его убеждённости реализовать себя как востоковеда. Следующие командировки в эту восточную страну оказались гораздо более долгими, продлившись с декабря 1960 по май 1965 г. и с марта 1968 по март 1971 г. В этих командировках он находился в качестве старшего переводчика, старшего референта, политического советника при высших государственных и партийных деятелях и советника советского посольства в Кабуле¹⁶.

⁹ Слинкин М.М. 2016. С. 82.

¹⁰ Пашковский, Крьжко. 2015 (а). С. 132.

¹¹ Слинкин Михаил Филантьевич [Электронный ресурс]

¹² Слинкин М.М. 2016. С. 85.

¹³ Пашковский, Крьжко 2015 (а). С. 132.

¹⁴ Слинкин М.М. 2016. С. 86.

¹⁵ См.: Слинкин 2003 (б); 2006 (в).

¹⁶ Слинкин Михаил Филантьевич [Электронный ресурс]

В период первой поездки в Афганистан проявилась склонность М.Ф. Слинкина к серьёзным изысканиям в сфере восточной филологии. Его младший сын писал: «...вскоре в дополнение к фарси он в совершенстве овладел фарси-кабули, то есть дари. Тогда-то он, по-моему, впервые задумался о том, чтобы попробовать себя в лексикографии этого языка, в наименее разработанной её части – военной и военно-технической». Во время второй командировки «в доме появились библиографические карточки из плотной бумаги. На оборотную чистую сторону отец заносил интересующую его лексику. <...> Более всего содействие отца было востребовано военными переводчиками, ведь русско-дари словарей ещё не было, а у него уже имелась обширная картотека, в которой можно было отыскать необходимую лексику»¹⁷.

Афганистан станет для М.Ф. Слинкина жизнью и судьбой, предметом исследований, местом незабываемых встреч и выполнения долга. Много лет спустя, вспоминая об одном из сюжетов «афганского периода», он писал: «В конце 60-х годов XX в. мне довелось работать в составе небольшой группы старших офицеров Генерального штаба советских вооруженных сил, прибывших в Афганистан по просьбе афганского высшего руководства для разработки новой организационно-штатной структуры афганской королевской армии. Острота и срочность решения данной проблемы вызывались тем, что старая структура этой армии совершенно не соответствовала требованиям применения поставленной из СССР боевой техники и оружия, в том числе и новейших образцов, которых прежде никогда не было на вооружении афганской армии»¹⁸. Его отношение к этой восточной стране не раз проявлялось в многочисленных научных работах, в которых стремление к максимальной исследовательской объективности сочеталось с видимой любовью к её истории и уважением традиций: «Афганистан – поистине своеобразная страна. Отгороженная цепями высоких гор и знойных пустынь от морей и океанов, она длительное время оставалась вдали от происходивших в мире бурных перемен и потрясений. Её народы, большие и малые, сумели сохранить в своей первозданности многие черты и особенности национального колорита, образ жизни и миропонимания, пришедшие из глубины веков нравственно-этические нормы, свои представления о непреходящих духовных ценностях»¹⁹.

Вторая афганская командировка закончилась в мае 1965 г., после чего семья вернулась в Москву, а через три месяца М.Ф. Слинкин получил назначение старшим инструктором по политико-воспитательной работе в с. Перевальное (20 км от Симферополя). Должность подразу-

¹⁷ Слинкин 2016. С. 86, 91, 95.

¹⁸ Слинкин 2007 (а). С. 7.

¹⁹ Слинкин 1995. С. 82.

мевала организацию и проведение массовых мероприятий (собраний, досуга, экскурсий) в учебном центре, состоявшем из граждан Анголы, Гвинеи-Бисау, Мозамбика, Намибии, ЮАР и других африканских стран. Вступив на путь национально-освободительной борьбы и разделяя социалистические идеалы, они изучали способы ведения партизанской войны, получали навыки обращения с оружием²⁰. Занятия велись в основном на португальском, а также английском языках. На последнем и читал лекции М.Ф. Слинкин, хотя это не входило в его должностные обязанности, однако он всегда охотно брал на себя и дополнительные, если они были связаны с преподаванием, чтобы поддерживать форму²¹.

В марте 1968 г. Михаил Филантьевич снова вылетел в Афганистан. Помимо исполнения должностных поручений, за три года командировки он сумел окончить сбор и обработку материалов, необходимых для завершения упоминаемого словаря. В 1972 г. был подписан к печати «Персидско-русский и русско-персидский военный словарь» Г.Г. Алиева, в русско-персидской части которого, наряду с переводом терминов на фарси, был дан их перевод на фарси-кабули, выполненный А.И. Арсланбековым, А.В. Перегудовым и М.Ф. Слинкиным²².

С марта 1971 г. (до выхода в запас по выслуге лет в звании подполковника в июле того же года) Слинкин работал в должности заместителя начальника цикла общественных дисциплин в учебном центре в с. Перевальном. В 1971 г. он поступил в заочную аспирантуру Института востоковедения АН СССР, собрав к тому времени материал для кандидатской диссертации, а с сентября 1973 г. – начал работу на кафедре всеобщей истории Симферопольского государственного университета им. М.В. Фрунзе²³ (ныне – кафедра новой и новейшей истории Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского) внештатным преподавателем, читая лекции по новой и новейшей истории стран Азии и Африки студентам старших курсов исторического факультета, среди которых особое место занимал разработанный им спецкурс «Основные проблемы социально-экономического и политического развития Афганистана в послевоенные годы»²⁴. Руководители факультета дали ему характеристику: «М.Ф. Слинкин проявил себя как вдумчивый и эрудированный специалист, его лекции отличаются глубоким научным и идейно-теоретическим содержанием. В лекциях используют-

²⁰ Горбунов. URL: <http://topwar.ru/37349-krym-partizanydlya-afriki-chast-1.html>.

²¹ Летом 1967 г. семье выделили квартиру в Симферополе. В большой комнате М.Ф. Слинкин оборудовал уголок под кабинет. Поскольку стандартные полки уже не вмещали библиотеку, регулярно пополняемую книгами по истории Востока и иранской филологии, были заказаны высокие стеллажи. – Слинкин 2016, С. 99.

²² См.: Персидско-русский и русско-персидский военный словарь. 1972.

²³ Профессора Таврического национального университета... С. 131.

²⁴ Пластун, Князев, Поляков, Шкедя 2010. С. 3.

ся новейшие достижения советской и зарубежной историографии. В преподавании положительно сказывается опыт работы М.Ф. Слинкина в странах Востока, широта и разносторонность его интересов»²⁵. Этот период отмечается активизацией его научно-исследовательской деятельности: публикуется ряд аналитических статей, посвящённых вопросам идеологической подготовки афганской армии, её формированию и функционированию в новых условиях²⁶. Итогом стала успешная защита 18 января 1974 г. кандидатской диссертации «Вооружённые силы Афганистана в 1955-1971 гг.» в Институте Востоковедения АН СССР²⁷.

С 1 октября 1974 г. Слинкин был зачислен на должность старшего преподавателя кафедры всеобщей истории Симферопольского университета, а с 1977 г. работал в должности доцента. 21 марта 1979 г. ВАК при Совете министров СССР приняла решение о присвоении ему ученого звания доцента по кафедре новой и новейшей истории²⁸.

М.Ф. Слинкин продолжает исследовать лексикографию, не оставаясь без работы с живым языком дари и его носителями – афганцами, аспирантами Крымского медицинского института. Некоторые из них ещё до Апрельской революции 1978 г. не скрывали своего членства в Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), обращаясь в местный орган КПСС с просьбой организовать для них курсы повышения идейно-политического уровня и изучения международной обстановки. К этой работе привлекали и Слинкина²⁹. В 1978 г. он перевёл на русский язык и опубликовал Устав НДПА, а в 1980 г. выходит его статья «О политической деятельности консервативно-клерикальных кругов Афганистана в 60-70-х годах»³⁰. Тогда же у него зародилась мысль снова поехать в Афганистан в научную командировку для сбора материалов о мусульманском духовенстве³¹. Ввод в эту страну в 1979 г. советских войск, безусловно, во многом predetermined направленность научных интересов и преподавательской деятельности. С 1980 г. он начал читать для студентов исторического факультета спецкурс «Афганский кризис: причины, проблемы, уроки». Эрудиция и исследовательская проницательность позволяли ему вводить в обиход ранее неизвестные факты, ссылаясь на уникальные источники, а также делать

²⁵ Пашковский, Щевелев, Юрченко и др. 2008. С. 36.

²⁶ Слинкин 1973 (а); 1975; 1974; Слинкин, Ежов 1973; Слинкин, Баронин 1978.

²⁷ Слинкин 1973 (б); Пластун, Князев, Поляков, Шкедя 2010. С. 3. Позже М.Ф. Слинкин напишет ещё несколько трудов, в которых осуществит глубинный анализ истории развития вооружённых сил Афганистана. Слинкин 1981 (а); 1974; Слинкин, Ганковский, Полищук 1985.

²⁸ Пашковский, Щевелев, Юрченко и др. 2008. С. 36.

²⁹ Слинкин М.М. 2016. С. 104-105.

³⁰ См.: Слинкин 1980.

³¹ Слинкин М.М. 2016. С. 105.

важные обобщения³². В том же году издательство «Воениздат» одобрило обращение по изданию словаря, над сбором материалов для которого он трудился более 20 лет. В итоге, в 1981 г. вышел в свет «Русско-дари военный и технический словарь» (тираж – 16 тыс. экз.), включавший более 40 тыс. терминов. Словарь пользовался популярностью, и в 1986 г. был переиздан тиражом 33 тыс. экз., по сей день являясь уникальной и классической работой для востоковедов всего мира³³.

Характеризуя М.Ф. Слинкина как педагога, студенты, обучавшиеся на историческом факультете в тот период, отмечали, что пропустить его занятия было стыдно, не подготовиться к ответу – горько. Получить «отлично» на экзамене – значит проявить серьезную подготовку. Те, кто писал под его руководством курсовые и дипломные работы, гордились своим научным руководителем. Он обладал умением вдохновить человека – наверное, самым важным качеством педагога. Умел дарить идеи. Если хвалил за успехи, то серьезно и сдержанно. Если говорил о недоработках, то дипломатично, но твердо. Он видел, что к нему тянутся студенты, и отдавал им свое время, знания и опыт. Вел факультатив по персидскому языку для студентов-историков. Был научным куратором клуба «Планета», на заседаниях которого обсуждались доклады по международной политике приглашенных специалистов, преподавателей и студентов исторического факультета. Своими тихими словами он чудесным образом мог обозначить важный поворот мысли, акцентировать свежую идею или погасить чрезмерный азарт участников дискуссии. Он умел расположить к себе и коллег по работе, демонстрируя доброжелательность и дипломатичность. Окружающие отмечали его глубокие знания в области востоковедения и филологии, умение сочетать в себе ученого и педагога-практика, перспективное видение научных проблем, стремление и способность делиться своими знаниями. Эти качества были оценены руководством университета, и в 1982 г. он был награжден нагрудным знаком «За отличные успехи в работе» Министерства высшего и среднего специального образования СССР³⁴.

М.Ф. Слинкин предпринимал попытки вернуться в Афганистан с научными целями. Однако ситуация в стране обострилась, местное руководство было не в силах удерживать власть, даже опираясь на советскую военную помощь. Возникла потребность в специалистах высокого уровня, способных оказать позитивное воздействие на процесс решения актуальных проблем. Поэтому его снова приглашают в Международный отдел ЦК КПСС, сказав: «Езжайте, но заниматься придется с делами, далекими от науки, а ею, если хотите, – в свободное время».

³² Пашковский, Крьжко 2015 (а). С. 133.

³³ Слинкин. 1981 (б); 1987 (б).

³⁴ Пашковский, Щевелев, Юрченко и др. 2008. С. 37.

При всех нюансах, он не мог упустить такой возможности³⁵. В итоге, служебная командировка, планировавшаяся на год, продлилась 5 лет, с 1982 по 1986 г., и, с небольшим перерывом, с 1987 по 1988 г. Последняя поездка в Афганистан состоялась в 1990 г. При этом в период с 1985 по 1988 г. ему вручается ряд военных орденов, медалей и афганских наград³⁶. В 1980-е гг. у него сложились доверительные отношения с крупными политическими деятелями Б. Кармалем и М. Наджибуллою, возглавлявшими афганское государство в разное время.

Характерно, что, занимая должность советника-посланника группы советников ЦК КПСС в Кабуле, связанную с большой загруженностью, он не прекращает научную деятельность. Об этом свидетельствуют фундаментальные работы, посвященные внутренней и внешней политике Демократической Республики Афганистан, истории партийной системы и вооруженных сил страны³⁷. Учитывая специфику занимаемой должности, некоторые его исследования выходили под псевдонимом «Рустам» на английском языке и дари³⁸.

В далеких командировках М.Ф. Слинкин не забывал о своих коллегах в Симферопольском университете, присылал на кафедру открытки к праздникам с добрыми словами и искренними пожеланиями³⁹. С началом учебного 1990 г. он вернулся к преподаванию на кафедре новой и новейшей истории. «Перестройку» и её лидеров он не принял. Понимая необходимость перемен, однако, считал, что цена их слишком высока. Как международник, он видел, что сдача М.С. Горбачевым и его окружением позиций Советского Союза – процесс односторонний, а уступки и «подарки» Западу идут вразрез с государственными интересами⁴⁰. Впоследствии Слинкин с сожалением будет писать и о судьбе афганского правительства, многих представителей которого он лично знал, давая негативную оценку событиям начала 1990-х гг., среди которых «...распад СССР, прекращение военной и гуманитарной помощи Афганистану и отказ горбачевско-ельцинского руководства в морально-политической и гуманитарной поддержке левого кабульского режима». «По сути дела, – отмечал он, – афганские левые демократы были подло преданы последней советской и первой российской правящими верхушками. Этим был открыт путь к власти в Афганистане религиозным экстремистам, которые вскоре поставили под угрозу геополитические интересы самой России и многих стран в центрально-азиатском

³⁵ Слинкин М.М. 2016. С. 106.

³⁶ Слинкин Михаил Филантьевич [Электронный ресурс]

³⁷ Краткая история... 1988; Слинкин 1983; 1988; 1987; 1990.

³⁸ The Foreign Policy... 1984; Внешняя политика... 1984 (на дари яз.).

³⁹ Пашковский, Щевелев, Юрченко и др. 2008. С. 37.

⁴⁰ Слинкин М.М. 2016. С. 111.

регионе, безопасность и стабильность на Ближнем и Среднем Востоке, в Южной Азии и мире»⁴¹. В 1994 г. его пригласили возглавить кафедру восточных языков в Международном Таврическом эколого-политологическом университете. Здесь он снова на собственном примере показывал коллегам, как следует относиться к студентам и формировать теплый «микроклимат» в коллективе, обучал культуре подготовки к лекциям и семинарам, аккуратности в ведении учебной документации.

В конце XX – начале XXI вв. М.Ф. Слинкин продолжает исследования истории Народно-демократической партии Афганистана, выходят в свет его монографии по возникновению и функционированию НДПА⁴². Особое место в его трудах занимало изучение роли политических элит в системе управления Афганистана (деятельность которых оказывала влияние на внутреннюю и внешнюю политику государства)⁴³, а также борьбы партий и отдельных группировок за власть в стране⁴⁴. Ему удалось проанализировать взаимоотношения афганского общества и государства, вопросы консолидации разобщенных этнических групп, проживающих на его территории⁴⁵. Стремясь передать свой опыт и знания, М.Ф. Слинкин с 1998 г. стал работать и на кафедре восточной филологии факультета крымско-татарской и восточной филологии Симферопольского университета⁴⁶. Одновременно с этим он продолжал исследования, подготовив докторскую диссертацию «Приход к власти и кризис левого режима Тараки-Амина в Афганистане»⁴⁷, которую защитил в 2000 г. в Киеве в Институте востоковедения им. А. Крымского НАН Украины⁴⁸. В июне 2003 г. ему было присвоено ученое звание профессора кафедры восточной филологии⁴⁹.

Сочетая филологический, исторический и политологический анализ процессов в Афганистане, на основании многолетнего пребывания и знания культуры, быта и политических взглядов местного населения, М.Ф. Слинкин пытался выработать своеобразную «дорожную карту» на пути стабилизации положения в этой стране⁵⁰. Среди работ, в кото-

⁴¹ Слинкин 2003 (а). С. 195.

⁴² Слинкин 1993; 1996; 1999 (д).

⁴³ Слинкин 1998 (а); 1997 (а); 2000 (б); 1999 (г); 2000 (в); 2001 (ж).

⁴⁴ Слинкин 1999 (а); 1999 (б); 1999 (в); 1999 (з), 1997 (б).

⁴⁵ См.: Слинкин 1995; Слинкин 2001 (г); Слинкин 1999 (е).

⁴⁶ Пашковский, Крыжко 2015 (а). С. 134-135.

⁴⁷ Слинкин. Прихід до влади і криза лівого режиму... 2000.

⁴⁸ Пашковский, Крыжко 2015 (б). С. 143. 14 февраля 2001 г. президиум ВАК Украины утвердил решение совета Института о присвоении М.Ф. Слинкину научной степени доктора исторических наук по специальности «всемирная история».

⁴⁹ Профессора Таврического национального университета... С. 173.

⁵⁰ См.: Слинкин. Проблема урегулирования положения вокруг Афганистана (историко-политический аспект). 2002.

рых рассматриваются различные подходы к урегулированию «афганского кризиса», выделяются исследования проблем беженцев и безопасности в стране и регионе⁵¹, этнических проблем в афганском обществе⁵², влияния отдельных личностей на государственные процессы⁵³. При этом он вводил в научный оборот уникальные, неизвестные ранее документы, с которыми, по долгу службы, ему приходилось работать в закрытых партийных, государственных и частных архивах.

В начале 2000-х гг., реализуя идею создания фундаментального труда по истории Афганистана, хронологически охватывающего вторую половину XX в., М.Ф. Слинкин пишет ряд статей о различных аспектах афганской истории: информационной войне в Афганистане⁵⁴; деятельности местной клерикальной, либеральной и левоэкстремистской оппозиции⁵⁵; опыте советского присутствия⁵⁶; обострении внутривнутриполитической ситуации в начале 1990-х⁵⁷. Значительным вкладом в этот научный проект стали монографии, опубликованные в специальных выпусках журнала «Культура народов Причерноморья» с 2003 по 2005 г.⁵⁸ Примечательно, что в последнее время он часто вспоминал о своих командировках в Афганистан, своеобразии его культуры и общества. Впоследствии это нашло отражение в информативных и колоритных очерках из серии «Афганские встречи и беседы», впервые увидевших свет также на страницах вышеупомянутого журнала⁵⁹.

На рубеже веков он публикует также ряд работ, направленных на усовершенствование техники изучения персидского языка в высшей школе⁶⁰, которые и в наши дни продолжают оставаться ценными и востребованными, не только на постсоветском пространстве, но и в общероссийском масштабе. Достоверно известно, что по его словарям и учебникам персидского языка и дари обучаются востоковеды России, Украины, стран Центральной Азии, Европы и США⁶¹.

5 октября 2006 г. М.Ф. Слинкин было присвоено почетное звание «Заслуженный работник образования АР Крым». Он продолжал активно работать как педагог и учёный, подготовил к изданию три книги под общим названием «Афганистан во второй половине XX в.», в которые,

⁵¹ Слинкин 2001 (б); 2002 (а).

⁵² Слинкин 2005 (г).

⁵³ Слинкин 2001 (в); 2005 (в).

⁵⁴ Слинкин 2000 (а).

⁵⁵ Слинкин 2001 (а); 2001 (а).

⁵⁶ Слинкин 2004 (б).

⁵⁷ Слинкин 2001 (з); 1999 (г).

⁵⁸ Слинкин 2005 (а); 2003 (а).

⁵⁹ Слинкин 2007; 2006 (а); 2006 (в).

⁶⁰ Слинкин 1997 (в); 1998 (б); 2001 (д); 2001 (и); 2005 (б).

⁶¹ Пашковский, Крыжко 2015 (а). С. 135.

помимо ранее изданных работ, вошли новые исследования, отражающие актуальные аспекты политической истории Афганистана. К сожалению, этот труд так и не вышел в свет. Михаил Филантьевич Слинкин скоропостижно скончался 10 августа 2007 г. в Симферополе.

Отмечая высокий уровень аналитики и прогностический талант М.Ф. Слинкина, следует добавить, что его труды всесторонне отражают историю афганского государства и общества, охватывая сюжеты как социально-экономической, общественно-политической, культурной и этнорелигиозной ситуации внутри страны, так и воздействие на нее внешних факторов и общий международный контекст. Его труды талантливого лингвиста, свидетеля и участника событий, происходивших в Афганистане во второй половине XX в., востребованы не только учёными-профессионалами, но также – учитывая красоту и увлекательность стиля их изложения – разными категориями читателей, интересующихся востоковедением. А коллеги и ученики бережно хранят добрую память о нём, передавая её следующим поколениям.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Внешняя политика и международные связи Демократической Республики Афганистан / сост. Рустам. Кабул: Госиздат, 1984. 53 с.
- Горбунов Ю.И. Крым: партизаны для Африки. URL: <http://topwar.ru/37349-krym-partizanydlya-afriki-chast-1.html> (время доступа: 20.02.2017).
- Дневниковые записи М. Ф. Слинкина – советника заведующего Международным отделом ЦК НДПА (1982 г.) / Институт Востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2016. 124 с.
- Краткая история Народно-демократической партии Афганистана / М.Ф. Слинкин, Б.А. Ширяев, М. Гульдждонов. Кабул, 1988. Ч. 1. До победы Апрельской революции. 128 с.
- Пашковский Л.А., Щевелев С.С., Юрченко С.В. и др. Памяти Михаила Филантьевича Слинкина // Интеллектуал. 2008. № 8. С. 36-37.
- Пашковский П.И., Крыжко Е.В. Михаил Филантьевич Слинкин: вехи биографии выдающегося отечественного востоковеда // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015 (а). № 9 (59), Ч. 1. С. 132-137.
- Пашковский П.И., Крыжко Е.В. Профессор М.Ф. Слинкин: основные направления исследований // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015 (б). № 11 (61), Ч. 1. С. 143-146.
- Персидско-русский и русско-персидский военный словарь / сост. Г.Г. Алиев, А.И. Арсланбеков, А.В. Перегудов, М.Ф. Слинкин. М.: Воениздат, 1972. 656 с.
- Пластун В.Н., Князев А.А., Поляков Г.А., Шкедя О.П. Михаил Филантьевич Слинкин // Афганистан и безопасность Центральной Азии / под ред. А.А. Князева. Бишкек: Общественный фонд А. Князева, 2010. Вып. 4. С. 3-5.
- Профессора Таврического национального университета им. В.И. Вернадского / сост.: В.Г. Ена, В.В. Бобков, В.К. Федоров. Киев: Либидь, 2007. 173 с.
- Слинкин М.М. Об отце и немного о времени, в котором он жил // Дневниковые записи М.Ф. Слинкина – советника заведующего Международным отделом ЦК НДПА (1982 г.) / Институт Востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2016. С. 67-122.
- Слинкин М.Ф. Аппарат и основные направления идеологической подготовки афганской армии // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1973 (а). С. 79-82.
- Слинкин М.Ф. Вооружённые силы Афганистана в 1955-1971 гг.: автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1973 (б). 26 с.

- Слинкин М.Ф. Вооружённые силы Афганистана // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. 1974 (а). № 1 (152). С. 214-219.
- Слинкин М.Ф. Перепевы антикоммунизма и антисоветизма в идеологической обработке личного состава королевской афганской армии // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. 1974 (б). № 1 (152). С. 72-81.
- Слинкин М.Ф. Отражение буржуазных политико-идеологических концепций и взглядов в афганской военной пропаганде // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1975. С. 152-162.
- Слинкин М.Ф. О политической деятельности консервативно-клерикальных кругов Афганистана в 60-70-х годах // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1980. № 2 (209). С. 115-133.
- Слинкин М.Ф. Вооружённые силы Афганистана // Демократическая Республика Афганистан: справочник. М.: Наука, 1981 (а). С. 52-59.
- Слинкин М.Ф. Русско-дари военный и технический словарь. М.: Воениздат, 1981 (б). 847 с.
- Слинкин М.Ф. Афганская революция защищается // Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 1983. № 4. С. 19-31.
- Слинкин М.Ф. Политизация афганской армии в предреволюционные годы // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. 1987 (а). № 6. С. 168-208.
- Слинкин М.Ф. Русско-дари военный и технический словарь. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Воениздат, 1987 (б). 847 с.
- Слинкин М.Ф. «Аргументы» противников национального примирения // Афганистан: пути национального примирения: бюллетень. Кабул: Институт общественных наук ЦК НДАП, 1988. С. 41-46.
- Слинкин М.Ф. Леводемократические организации в Афганистане: зарождение и деятельность // Спецбюллетень ИВ АН СССР. 1990. № 2 (266). С. 83-157.
- Слинкин М.Ф. Народно-демократическая партия Афганистана: путь к власти. Симферополь: Симферопольский гос. ун-т, 1993. 744 с.
- Слинкин М.Ф. Афганистан: страна, люди, общество. Симферополь: Изд-во Международ. Таврического эколого-политологического ун-та, 1995. 120 с.
- Слинкин М.Ф. Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки-Амина (1978-1979 гг.). Симферополь: Симферопольский гос. ун-т, 1996. 395 с.
- Слинкин М.Ф. Афганистан, год 1980: становление режима Б. Кармалы // Востоковедный сборник. Симферополь: ТЭИ, 1997 (а). Вып. II. С. 17-60.
- Слинкин М.Ф. Кто был и есть в Афганистане // Востоковедный сборник. Симферополь: ТЭИ, 1997 (б). Вып. I. С. 27-89.
- Слинкин М.Ф. Языковые штампы официально-деловых документов, переписки и устного общения. Персидский язык. 5-й курс. Симферополь: ТЭИ, 1997 (в). 50 с.
- Слинкин М.Ф. Абдурашид Дустум и Национальное исламское движение Афганистана: вчера и сегодня // Труды международной научной конференции. Симферополь: ТЭИ, 1998 (а). С. 118-119.
- Слинкин М.Ф. Речевая практика персидского языка. 3-й курс. Симферополь: ТЭИ, 1998 (б). 346 с.; Изд-е 2-е, испр. и доп. Симферополь: Сонат, 2003. 313 с.
- Слинкин М.Ф. Афганистан: тревожное лето и осень 1979 г. // Культура народов Причерноморья. 1999 (а). № 4. С. 138-152.
- Слинкин М.Ф. Борьба в высших эшелонах власти Афганистана в 1978 – начале 1979 г. и ее последствия // Ученые записки Таврического экологического института. Симферополь, 1999 (б). С. 161-173.
- Слинкин М.Ф. Государственный переворот 1973 г. в Афганистане // Культура народов Причерноморья. 1999 (в). № 10. С. 94-100.
- Слинкин М.Ф. Как снимали Бабрака Кармалы: глазами очевидца // Культура народов Причерноморья. 1999 (г). № 7. С. 118-123.
- Слинкин М.Ф. Мятаж генерала Ш. Н. Таная в Афганистане в марте 1990 г. // Культура народов Причерноморья. 1999 (д). № 8. С. 94-100.

- Слинкин М.Ф. Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки-Амина (1978-1979 гг.). Симферополь: Изд-во Симферопольск. гос. ун-та, 1999 (е). 395 с.
- Слинкин М.Ф. Организация моджахедов иранского народа // Востокведный сборник. Симферополь: ТЭИ, 1999 (ж). Вып. III. С. 53-76.
- Слинкин М.Ф. Халк и Парчам: истоки межфракционных противоречий и расколов // Культура народов Причерноморья. 1999 (з). № 9. С. 98-107.
- Слинкин М.Ф. Афганистан: уроки информационной войны // Культура народов Причерноморья. 2000 (а). № 15. С. 82-95.
- Слинкин М.Ф. Государственный переворот 1973 г. в Афганистане и утверждение авторитарной власти М. Дауда // Востокведный сборник. Симферополь: ТЭИ, 2000 (б). Вып. IV. С. 66-95.
- Слинкин М.Ф. Как снимали Бабрака Кармалю: свидетельство очевидца // Азия и Африка сегодня. 2000 (в). № 7. С. 44-49.
- Слинкин М.Ф. Клерикальная оппозиция в Афганистане в 60-70-х гг. XX в. // Культура народов Причерноморья. 2001 (а). № 22. С. 221-228.
- Слинкин М.Ф. Афганистан: проблема беженцев // Культура народов Причерноморья. 2001 (б). № 24. С. 229-243.
- Слинкин М.Ф. Ахмад Шах Масуд. Штрихи к политическому портрету // Востокведный сборник. Симферополь: ТЭИ, 2001 (в). Вып. V. С. 29-33.
- Слинкин М.Ф. Земельная реформа 1979 г. в Афганистане и причины её провала // Культура народов Причерноморья. 2001 (г). № 24. С. 132-140.
- Слинкин М.Ф. Книга для чтения. Персидский язык. 1-5-й курсы. Симферополь: РИО ТЭИ, 2001 (д). 517 с.
- Слинкин М.Ф. Либеральная и левозэкстремистская оппозиция в Афганистане в 60-х – начале 70-х гг. XX в. // Культура народов Причерноморья. 2001 (е). № 22. С. 125-134.
- Слинкин М.Ф. Мухамад Дауд. Политический портрет // Культура народов Причерноморья. 2001 (ж). № 24. С. 245-251.
- Слинкин М.Ф. Мятеж генерала Ш.Н. Таная // Азия и Африка сегодня. 2001 (з). № 8. С. 38-42.
- Слинкин М.Ф. Практический курс персидского языка. Общий перевод. 4-й курс. Симферополь: РИО ТЭИ, 2001 (и). 255 с.
- Слинкин М.Ф. Афганистан: проблемы войны, мира и безопасности в стране и регионе // Культура народов Причерноморья. 2002 (а). № 31. С. 124-128.
- Слинкин М.Ф. Проблема урегулирования положения вокруг Афганистана (историко-политический аспект) // Культура народов Причерноморья. 2002 (б). № 33. С. 111-131.
- Слинкин М.Ф. Афганистан. Страницы истории (80-90-е гг. XX в.) // Культура народов Причерноморья. 2003 (а). № 41. С. 3-279.
- Слинкин М.Ф. Мы в Афганистане. 1957 год // Ученые записки ТНУ. Сер. История. 2003 (б). Т. 16 (55). № 1. С. 65-81.
- Слинкин М.Ф. 1957 год. Первый афганский «десант» // Солдат удачи. 2004 (а). № 2 (113). С. 10-14.
- Слинкин М.Ф. Восток – Запад: солидарность с левым афганским режимом. Забытая история // Культура народов Причерноморья. 2004 (б). Т. 1. № 50. С. 34-45.
- Слинкин М.Ф. Афганистан: оппозиция и власть (60-70-е гг. XX в.) // Культура народов Причерноморья. Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2005 (а). № 57. С. 3-249.
- Слинкин М.Ф. Практический курс персидского языка. 5-й курс. Симферополь: Сонат, 2005 (б). 256 с.
- Слинкин М.Ф. Сулейман Лайек – поэт, гражданин, политик // Культура народов Причерноморья. 2005 (в). № 62. С. 94-98.
- Слинкин М.Ф. Этническая проблема в Афганистане (историко-политический анализ) // Культура народов Причерноморья. 2005 (г). № 66. С. 46-60.
- Слинкин М.Ф. Кабульский базар и его обитатели (Афганские встречи и беседы) // Культура народов Причерноморья. 2006 (а). № 85. С. 164-171.
- Слинкин М.Ф. Мое открытие Афганистана. Год 1957 // Культура народов Причерноморья. 2006 (б). № 82. С. 100-110.

- Слинкин М.Ф. Хаджи (афганские встречи и беседы) // Культура народов Причерноморья. 2006 (в). № 85. С. 163-164.
- Слинкин М.Ф. Афганские встречи и беседы // Культура народов Причерноморья. 2007. № 98. С. 7-67; № 113. С. 7-60.
- Слинкин М.Ф., Баронин А.И. Создание современной армии в Афганистане // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. 1978. № 11 (196). С. 71-126.
- Слинкин М.Ф., Ганковский Ю.В., Полищук А.И. История вооружённых сил Афганистана. 1747-1977. М.: Наука, 1985. 206 с.
- Слинкин М.Ф., Ежов Г.П. Идеологическая работа в афганской армии // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. 1973. № 12 (151-1). С. 104-122.
- Слинкин Михаил Филантьевич. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/74658/01-Author.pdf?sequence=1>
- Слінкін М.Ф. Прихід до влади і криза лівого режиму Таракі-Аміна в Афганістані: автореф. дисс. ... д.і.н. Київ, 2000. 36 с.
- The Foreign Policy and International Relations of the DRA / by Rustam. Kabul: Government Printing Press, 1984. 74 p.

REFERENCES

- Vneshnyaya politika i mezhdunarodnye svyazi Demokraticeskoi Respubliki Afganistan / sost. Rustam. Kabul: Gosizdat, 1984. 53 s.
- Gorbuov Yu.I. Krym: partizany dlya Afriki. URL: <http://topwar.ru/37349-krym-partizanydlya-afriki-chast-1.html> (vremya dostupa: 20.02.2017).
- Dnevnikovyie zapisi M.F. Slinkina – sovetnika zaveduyushchego Mezhdunarodnym otdelom TsK NDPA (1982 g.) / Institut Vostokovedeniya RAN. M.: IV RAN, 2016. 124 s.
- Kratkaya istoriya Narodno-democraticeskoi partii Afganistana / M.F. Slinkin, B.A. Shiryayev, M. Gul'dzhonov. Kabul, 1988. Ch. 1. Do pobedy Aprel'skoi revolyutsii. 128 s.
- Pashkovskii L.A., Shchevelev S.S., Yurchenko S.V. i dr. Pamyati Mikhaila Filant'evicha Slinkina // Intellektual. 2008. № 8. S. 36-37.
- Pashkovskii P.I., Kryzhko E.V. Mikhail Filant'evich Slinkin: vekhi biografii vydayushchego-sya otechestvennogo vostokoveda // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2015 (a). № 9 (59), Ch. I. C. 132-137.
- Pashkovskii P.I., Kryzhko E.V. Professor M.F. Slinkin: osnovnye napravleniya issledovaniy // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2015 (b). № 11 (61), Ch. I. C. 143-146.
- Persidsko-russkii i russko-persidskii voennyi slovar' / sost. G.G. Aliev, A.I. Arslanbekov, A.V. Peregodov, M.F. Slinkin. M.: Voenizdat, 1972. 656 s.
- Plastun V.N., Knyazev A.A., Polyakov G.A., Shkedyo O.P. Mikhail Filant'evich Slinkin // Afganistan i bezopasnost' Tsentral'noi Azii / pod red. A. A. Knyazeva. Bishkek: Obshchestvennyi fond A. Knyazeva, 2010. Vyp. 4. S. 3-5.
- Professora Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo / sost.: V.G. Ena, V.V. Bobkov, V.K. Fedorov. Kiev: Libid', 2007. 173 s.
- Slinkin M.M. Ob otse i nemnoho o vremeni, v kotorom on zhil // Dnevnikovyie zapisi M.F. Slinkina – sovetnika zaveduyushchego Mezhdunarodnym otdelom TsK NDPA (1982 g.) / Institut Vostokovedeniya RAN. M.: IV RAN, 2016. S. 67-122.
- Slinkin M.F. Appar'at i osnovnye napravleniya ideologicheskoi podgotovki afganskoii armii // Spetsial'nyi byulleten' Instituta vostokovedeniya AN SSSR. M.: Nauka, 1973 (a). S. 79-82.
- Slinkin M.F. Vooruzhennyye sily Afganistana v 1955-1971 gg.: avtoref. diss... k.i.n. M., 1973 (b).
- Slinkin M.F. Vooruzhennyye sily Afganistana // Spetsial'nyi byulleten' Instituta vostokovedeniya AN SSSR. 1974 (a). № 1 (152). S. 214-219.
- Slinkin M.F. Perepevy antikommunizma i antisovetizma v ideologicheskoi obrabotke lichnogo sostava korolevskoi afganskoii armii // Spetsial'nyi byulleten' Instituta vostokovedeniya AN SSSR. 1974 (b). № 1 (152). S. 72-81.

- Slinkin M.F. Otrazhenie burzhuaznykh politiko-ideologicheskikh kontseptsii i vzglyadov v afganskoi voennoi propagande // Spetsial'nyi byulleten' Instituta vostokovedeniya AN SSSR. M.: Nauka, 1975. S. 152-162.
- Slinkin M.F. O politicheskoi deyatel'nosti konservativno-klerikal'nykh krugov Afganistana v 60-70-kh godakh // Spetsial'nyi byulleten' Instituta vostokovedeniya AN SSSR. M.: Nauka, 1980. № 2 (209). S. 115-133.
- Slinkin M.F. Vooruzhennyye sily Afganistana // Demokraticheskaya Respublika Afganistan: spravochnik. M.: Nauka, 1981 (a). S. 52-59.
- Slinkin M.F. Russko-dari voennyi i tekhnicheskii slovar'. M.: Voenizdat, 1981 (b). 847 s.
- Slinkin M.F. Afganskaya revolyutsiya zashchishchaetsya // Vestnik MGU. Ser. 13. Vostokovedenie. 1983. № 4. S. 19-31.
- Slinkin M.F. Politizatsiya afganskoi armii v predrevolyutsionnye gody // Spetsial'nyi byulleten' Instituta vostokovedeniya AN SSSR. 1987 (a). № 6. S. 168-208.
- Slinkin M.F. Russko-dari voennyi i tekhnicheskii slovar'. Izd-e 2-e, ispr. i dop. M.: Voenizdat, 1987 (b). 847 s.
- Slinkin M.F. «Argumenty» protivnikov natsional'nogo primireniya // Afganistan: puti natsional'nogo primireniya: byulleten'. Kabul: Institut obshchestvennykh nauk TsK NDAP, 1988. S. 41-46.
- Slinkin M.F. Levodemokraticheskie organizatsii v Afganistane: zarozhdenie i deyatel'nost' // Spetsbyulleten' IV AN SSSR. 1990. № 2 (266). S. 83-157.
- Slinkin M.F. Narodno-demokraticheskaya partiya Afganistana: put' k vlasti. Simferopol': Simferopol'skii gos. un-t, 1993. 744 s.
- Slinkin M.F. Afganistan: strana, lyudi, obshchestvo. Simferopol': Izd-vo Mezhdunar. Tavricheskogo ekologo-politologicheskogo un-ta, 1995. 120 s.
- Slinkin M.F. Narodno-demokraticheskaya partiya Afganistana u vlasti. Vremya Taraki-Amina (1978-1979 gg.). Simferopol': Simferopol'skii gos. un-t, 1996. 395 s.
- Slinkin M.F. Afganistan, god 1980: stanovlenie rezhima B. Karmalya // Vostokovednyi sbornik. Simferopol': TEI, 1997 (a). Vyp. II. S. 17-60.
- Slinkin M.F. Kto byl i est' v Afganistane // Vostokovednyi sbornik. Simferopol': TEI, 1997 (b). Vyp. I. S. 27-89.
- Slinkin M.F. Yazykovyye shtampyy ofitsial'no-delovykh dokumentov, perepiski i ustnogo obshcheniya. Persidskii yazyk. 5-i kurs. Simferopol': TEI, 1997 (v). 50 s.
- Slinkin M.F. Abdurrashid Dustum i Natsional'noe islamskoe dvizhenie Afganistana: vchera i segodnya // Trudy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Simferopol': TEI, 1998 (a). S. 118-119.
- Slinkin M.F. Rechevaya praktika persidskogo yazyka. 3-i kurs. Simferopol': TEI, 1998 (b). 346 s.; Izd-e 2-e, ispr. i dop. Simferopol': Sonat, 2003. 313 s.
- Slinkin M.F. Afganistan: trevozhnoe leto i osen' 1979 g. // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 1999 (a). № 4. S. 138-152.
- Slinkin M.F. Bor'ba v vysshikh eshelonakh vlasti Afganistana v 1978 – nachale 1979 g. i ee posledstviya // Uchenyye zapiski Tavricheskogo ekologicheskogo instituta. Simferopol', 1999 (b). S. 161-173.
- Slinkin M.F. Gosudarstvennyi perevorot 1973 g. v Afganistane // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 1999 (c). № 10. S. 94-100.
- Slinkin M.F. Kak snimali Babraka Karmalya: glazami ochevidtsa // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 1999 (d). № 7. S. 118-123.
- Slinkin M.F. Myatezh generala Sh. N. Tanaya v Afganistane v marte 1990 g. // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 1999 (e). № 8. S. 94-100.
- Slinkin M.F. Narodno-demokraticheskaya partiya Afganistana u vlasti. Vremya Taraki-Amina (1978-1979 gg.). Simferopol': Izd-vo Simferopol'sk. gos. un-ta, 1999 (f). 395 s.
- Slinkin M.F. Organizatsiya modzhakhedov iranskogo naroda // Vostokovednyi sbornik. Simferopol': TEI, 1999 (g). Vyp. III. S. 53-76.
- Slinkin M. F. Khal'k i Parcham: istoki mezhfraktsionnykh protivorechii i raskolov // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 1999 (h). № 9. S. 98-107.

- Slinkin M.F. Afganistan: uroki informatsionnoi voiny // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2000 (a). № 15. S. 82-95.
- Slinkin M.F. Gosudarstvennyi perevorot 1973 g. v Afganistane i utverzhdenie avtoritarnoi vlasti M. Dauda // Vostokovednyi sbornik. Simferopol': TEI, 2000 (b). Vyp. IV. S. 66-95.
- Slinkin M.F. Kak snimali Babraka Karmalya: svidetel'stvo ochevidtsa // Aziya i Afrika segodnya. 2000 (v). № 7. S. 44-49.
- Slinkin M.F. Klerikal'naya oppozitsiya v Afganistane v 60-70-kh gg. XX v. // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2001 (a). № 22. S. 221-228.
- Slinkin M.F. Afganistan: problema bezhtentsev // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2001 (b). № 24. S. 229-243.
- Slinkin M.F. Akhmad Shakh Masud. Shtrikhi k politicheskomu portretu // Vostokovednyi sbornik. Simferopol': TEI, 2001 (v). Vyp. V. S. 29-33.
- Slinkin M.F. Zemel'naya reforma 1979 g. v Afganistane i prichiny ee provala // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2001 (g). № 24. S. 132-140.
- Slinkin M.F. Kniga dlya chteniya. Persidskii yazyk. 1-5-i kursy. Simferopol': RIO TEI, 2001 (d). 517 s.
- Slinkin M.F. Liberal'naya i levoekstremistskaya oppozitsiya v Afganistane v 60-kh – nachale 70-kh gg. XX v. // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2001 (e). № 22. S. 125-134.
- Slinkin M.F. Mukhammad Daud. Politicheskii portret // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2001 (zh). № 24. S. 245-251.
- Slinkin M.F. Myatezh generala Sh.N. Tanaya // Aziya i Afrika segodnya. 2001 (z). № 8. S. 38-42.
- Slinkin M.F. Prakticheskii kurs persidskogo yazyka. Obshchii perevod. 4-i kurs. Simferopol': RIO TEI, 2001 (i). 255 s.
- Slinkin M.F. Afganistan: problemy voiny, mira i bezopasnosti v strane i regione // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2002 (a). № 31. S. 124-128.
- Slinkin M.F. Problema uregulirovaniya polozheniya vokrug Afganistana (istoriko-politicheskii aspekt) // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2002 (b). № 33. S. 111-131.
- Slinkin M.F. Afganistan. Stranitsy istorii (80-90-e gg. XX v.) // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2003 (a). № 41. S. 3-279.
- Slinkin M.F. My v Afganistane. 1957 god // Uchenye zapiski TNU. Ser. Istoriya. 2003 (b). T. 16 (55). № 1. S. 65-81.
- Slinkin M.F. 1957 god. Pervyi afganskii «desant» // Soldat udachi. 2004 (a). № 2 (113). S. 10-14.
- Slinkin M.F. Vostok – Zapad: solidarnost' s levym afganskim rezhimom. Zabytaya istoriya // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2004 (b). T. 1. № 50. S. 34-45.
- Slinkin M.F. Afganistan: oppozitsiya i vlast' (60-70-e gg. XX v.) // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. Simferopol': Mezhevuzovskii tsentr «Krym», 2005 (a). № 57. S. 3-249.
- Slinkin M.F. Prakticheskii kurs persidskogo yazyka. 5-i kurs. Simferopol': Sonat, 2005 (b). 256 s.
- Slinkin M.F. Suleiman Laiek – poet, grazhdanin, politik // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2005 (v). № 62. S. 94-98.
- Slinkin M.F. Etnicheskaya problema v Afganistane (istoriko-politicheskii analiz) // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2005 (g). № 66. S. 46-60.
- Slinkin M.F. Kabul'skii bazar i ego obitateli (Afganskie vstrechi i besedy) // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2006 (a). № 85. S. 164-171.
- Slinkin M.F. Moe otkrytie Afganistana. God 1957 // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2006 (b). № 82. S. 100-110.
- Slinkin M.F. Khadzhi (afganskie vstrechi i besedy) // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2006 (v). № 85. S. 163-164.
- Slinkin M.F. Afganskie vstrechi i besedy // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2007 (a). № 98. S. 7-67.
- Slinkin M.F. Afganskie vstrechi i besedy // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2007 (b). № 113. S. 7-60.

- Slinkin M.F., Baronin A.I. Sozdanie sovremennoi armii v Afganistane // Spetsial'nyi byulleten' Instituta vostokovedeniya AN SSSR. 1978. № 11 (196). S. 71-126.
- Slinkin M.F., Gankovskii Yu.V., Polishchuk A.I. Istoriya voozruzhennykh sil Afganistana. 1747-1977. M.: Nauka, 1985. 206 s.
- Slinkin M.F., Ezhov G.P. Ideologicheskaya rabota v afganskoii armii // Spetsial'nyi byulleten' Instituta vostokovedeniya AN SSSR. 1973. № 12 (151-1). S. 104-122.
- Slinkin Mikhail Filant'evich. URL: <http://dspace.nbu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/74658/01-Author.pdf?sequence=1>
- Slinkin M.F. Prikhid do vladi i kriza livogo rezhimu Taraki-Amina v Afganistani: avtoref. diss. ... d.i.n. Kiiv, 2000. 36 s.
- The Foreign Policy and International Relations of the DRA / by Rustam. Kabul: Government Printing Press, 1984. 74 p.

Щевелев Сергей Стефанович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»; jeyson1030@gmail.com

Пашковский Пётр Игоревич – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»; petr.pash@yandex.ru

Крыжеко Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»; jeyson1030@gmail.com

An orientalist M.F. Slinkin: life and works

The article is devoted to the examination of the biography and the main directions of the studies of the distinguished Russian orientalist, Doctor in History, Professor M.F. Slinkin (1925–2007). At a wartime he was a fearless soldier, officer, and in the times of peace – a professional translator, diplomat, teacher and international affairs expert, orientalist, one of the leading representatives of Afghan studies of the second half of the 20th – early 21st cc. Works of M.F. Slinkin, a witness and participant of the events which took place in Afghanistan during the second half of the 20th c., as well as a talented linguist, are now in demand because of their theoretical and practical value.

Keywords: M.F. Slinkin, biography, oriental studies, Afghanistan studies, history, oriental philology

Sergey Schevelev – Dr.Sc. (History), professor, Head of the Department of Modern and Contemporary History, Taurida Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol; jeyson1030@gmail.com

Petr Pashkovsky – PhD (Political Sciences), Associate Professor, Department of Political Science and International Relations, Taurida Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol; petr.pash@yandex.ru

Evgeniy Kryzhko – PhD (History), Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History, Taurida Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol; jeyson1030@gmail.com

В КОРОЛЕВСКОМ АФГАНИСТАНЕ. СТАТЬЯ–ВОСПОМИНАНИЕ

В тексте, соединяющем признаки научной статьи и мемуарного жанра, автор приводит и анализирует наблюдения, сделанные им в 1970–1971 гг., во время работы в Советско-Афганской археологической экспедиции, в сельской местности Северного Афганистана. Автор мог наблюдать за двумя социальными группами: как за безземельными издольщиками и сельскохозяйственными рабочими, так и за резко различающимися типажамии зажиточной верхушки деревни. Наблюдения также касаются облика афганской деревни 1970-х гг. и внешних признаков обнищания ее жителей, конфликта между пуштунами и туркменами, строгой возрастно-половой сегрегации и обусловленных ею способов удовлетворения сексуальных потребностей мужчин.

Ключевые слова: археологическая экспедиция, Северный Афганистан, рабочие на раскопе, драка, половая сегрегация, вид деревни, Курбан Клыч, Ахмед, Хаджи-баба.

Прошло 43 года с того момента, когда сардар Мухаммед Дауд, двоюродный брат и зять короля Мухаммеда Захир Шаха, сверг своего родственника и патрона и провозгласил республику¹. Через пять лет молодые офицеры свергли и Дауда, к власти пришло прокоммунистическое правительство Тараки, и почти сразу же началась гражданская война. Ещё через год престарелое Политбюро ЦК КПСС приняло решение о вводе советских войск в Афганистан. «Интернациональная помощь» афганскому народу затянулась на долгие девять лет, обернувшись для тех, кто «помогал», десятками, а для тех, кому «помогали» – сотнями тысяч убитых, людей, изувеченных физически и искалеченных психически². Можно спорить, способствовала ли развалу СССР его последняя война, и если да, то в какой степени. Но, думаю, нет сомнений в том, что цепь событий, начатая переворотом Дауда, а завершившаяся переходом генерала Громова через Аму-Дарью, для жителей Афганистана означала не просто полную утрату какой-либо стабильности. Эта цепь привела к настоящей катастрофе. И поныне не видно конца принесённому ей хаосу, по своей продолжительности и разрушительной силе превосходящему все прочие кризисы в истории страны. Насилие стало в ней обыденностью.

Когда читаешь о жертвах и разрушениях в Афганистане за эти 40 лет; когда вспоминаешь гандхарские скульптуры Хадды (Tere Shutur-

¹ Слинкин 2001.

² Если говорить только о погибших, то наиболее часто встречаются следующие цифры: 15 тыс. с советской стороны, свыше 1 млн – с афганской, включая сюда потери правительственных войск, вооруженной оппозиции и гражданского населения (Мендкович 2009).

e-Hadda), разнесенные в прах тяжелыми минометами еще первых моджахедов³, или бамианских Будд, уничтоженных талибами; когда читаешь свидетельства очевидцев о публичных казнях по шариату или их художественные описания в романах Халеда Хоссейни⁴, до-даудовский Афганистан представляется царством патриархальной стабильности, где жизнь была пусть бедной и отсталой по меркам развитого мира, но по своему человеческой, не поражённой до основания насилием. И невольно хочется воскликнуть: Насколько лучше было при Закир-шахе!

Точно было куда безопаснее. Но под покровом видимой безопасности вызревало подспудно то, что её уничтожило. Сама эта безопасность была не благом, «достигнутым посредством некоего коллективного действия»⁵, а всего лишь оборотной стороной их покорности, их терпения. И когда кончился запас того и другого, безопасность и подпиравшая ее окостенелая стабильность ушли безвозвратно.

Я глубоко убеждён: социально-политическая тишь действительно может быть чревата взрывом; стабильность действительно бывает мертвящей; безопасность, когда процесс её достижения и сохранения отчужден от жаждущих её людей, может рассыпаться в прах с удивительной быстротой. И эта убежденность в немалой степени питается теми глубоко запавшими в память впечатлениями от Афганистана, которые я вынес в ходе полугодового пребывания в нем в 1970–1971 гг. – в последние «тихие» годы королевского Афганистана.

СААЭ

В 1969 г. начала работать Советско-Афганская археологическая экспедиция. Она просуществовала десять лет. Бессменными её участниками были два сотрудника Института археологии АН СССР – И.Т. Кругликова (руководитель экспедиции) и В.И. Сарияниди (начальник отряда), водитель В.С. Ерофеев. В разное время членами экспедиции с советской стороны были О.К. Бердыев, В.С. Долгоруков, А.Д. Мирбабаев, Г.А. Пугаченкова, З.А. Хакимов и др., включая автора этих строк. С афганской стороны работали инспектора Института археологии Министерства культуры Афганистана Абдулкаюм Гулями, Абдул Хабиб Азамы, Мухамедали Тауфик и др.⁶, а также водители Мухаммед Амин и Таваккиль. И, конечно, десятки *мардакёров* (наёмных рабочих) из близлежащих раскопкам деревень, неграмотных, безземельных и малоземельных издольщиков, в большинстве своем туркмен, но также узбеков и пуштунов.

В СААЭ я участвовал в 1970–1971 гг. В то время я работал в Институте археологии и учился на заочном отделении исторического фа-

³ Feroozi 2004.

⁴ См., напр.: Хоссейни 2008. С. 319–324.

⁵ Rothschild 1995. С. 63.

⁶ Кругликова, Сарияниди, 1976. С. 3

культета МГУ. В зарубежную экспедицию попасть было непросто, я попал благодаря «чистой» анкете, увенчанной трехгодичной службой в ВС СССР, репутации опытного рисовальщика археологических материалов и хорошему отношению Виктора Ивановича Сарияниди⁷. Под его началом я работал еще до армии, в 1964 г. в Геоксюрском оазисе⁸, искренне им восхищался и воспринимал как своего будущего научного руководителя, им же воспринимался как будущий аспирант.

СААЭ сосредоточилась на севере Афганистана, в 1970–1971 гг. – на территории двух уездов провинции Джаузджан: с центрами в г. Шибарган (Шиберган, Шибирган,) и г. Акча. В древности пространство, ныне определяемое как Северный Афганистан / Афганский Туркестан, входило в состав Бактрии или Бактрианы – крайней восточной сатрапии Ахеменидской империи. После походов Александра Македонского Бактрия стала частью его империи, затем – империи Селевкидов, Греко-Бактрийского и Кушанского царств. Античные авторы (Страбон, Юстин) называли ее «страной тысячи городов»⁹. С 1922 по 1982 г. (с перерывом на время Второй мировой войны) и снова с 2002 г. в Афганистане работала Французская археологическая миссия¹⁰. Для изучения северной части страны ею было сделано немало; однако найти неоспоримые свидетельства существования здесь культур эпохи бронзы и раннего железа, по уровню развития отвечавших представлению о развитой локальной цивилизации – предшественнице античной Бактрии, удалось не французам, а Сарияниди. Именно он уже в 1970 г. зафиксировал к северу от Акчи т.н. дашлинский оазис – целую россыпь поселений бронзового века. Первое обследованное из них, Дашлы 1, было обнесено, как выяснилось в ходе раскопок, мощными стенами с башнями¹¹. А на поселении, получившем название Дашлы 3, были раскопаны остатки «круг-

⁷ В.И. Сарияниди (1929–2013) – один из крупнейших археологов XX в. Изначально специалист по неолиту и бронзе Центральной Азии, в Афганистане раскопал ещё и великолепные ахеменидские памятники и «золото Бактрии» – богатейшие по инвентарю княжеские или царские погребения кушанского времени. Однако главное его достижение – открытие Бактрийско-Маргианского археологического комплекса. Список его научных трудов на русском, английском, французском, итальянском, греческом, немецком, японском, туркменском языках на 2004 г. насчитывал 252 названия, включая три десятка книг [Библиография..., 2004]. Книги о нем самом пока не написано; но есть более или менее обстоятельные биографические статьи. См., напр.: Литвинский 2004; Vorofko 2014.

⁸ Существовавший в энеолитическое время (IV–III тыс. до н.э.) оазис в восточной части древней дельты р. Теджен, заброшенный после того, как миграция дельтовых протоков лишила его жителей необходимой для земледелия воды. О его девяти поселениях см.: Хлопин 1963.

⁹ Массон, 1966: 4

¹⁰ DAFA 2016

¹¹ О его раскопках см.: Сарияниди 1976. С. 21–43.

лого храма» – громадного культового сооружения и крупного, прямоугольного в плане дворцового комплекса¹².

У ССАЭ было три машины. ГАЗ-69: на нём в основном ездил Виктор Иванович; ГАЗ-51: эта машина использовалась главным образом для того, чтобы привозить-отвозить рабочих, копавших у Сарианиди, водителем ее был афганец Мухаммед Амин; и ГАЗ-66; им целиком распоряжалась И.Т. Кругликова¹³, на водительском сидении восседал Владимир Сергеевич Ерофеев. Хотя в молодости он успел поехать и даже расписался на колонне рейхстага, все называли его просто Володей. Он был первоклассным водителем, хорошим механиком, человеком толстым, добродушным, с хитрецой и очень выразительной жестикულიцей, позволявшей ему объясняться в духанах, не зная дари.

В 1970–1971 гг. СААЭ работала каждый сезон по три месяца – с конца сентября / начала октября до начала / середины декабря. Не менее 2,5 месяца мы проводили «в поле». Для меня это «поле» в каждый из двух моих афганских сезонов выглядело по-разному. В 1970 г. мы с Сарианиди и Мухаммедом Амином расположились лагерем рядом с Дашлы 1, поэтому тогда мои впечатления от жизни в дореволюционном Афганистане сводились в основном к тому, что я мог получить в ходе общения с рабочими. В 1971 г. добавились впечатления от общения с хозяевами домов в селе Дильберджин, арендовавшихся нами под жильё, а также кое-какие наблюдения за дневной жизнью села. Разумеется, и в начале, и в конце каждого полевого сезона мы пересекали пол-Афганистана и что-то памятное видели по пути. И был ещё Кабул. Однако самые яркие и, сравнительно с тем, что можно было воспринять в Кабуле и на дороге, практически уникальные наблюдения давало всё-таки «поле». Поэтому здесь я целиком сосредоточусь на нём.

Необходимо сделать ещё одно важное уточнение. Какая-то часть моих впечатлений отложилась в непосредственное знание: увидел – запомнил – понял. Но также в памяти осело знание, осложнённое чужой интерпретацией – тем, что я услышал от коллег, рабочих и наших хозяев. Уже к середине первого сезона у меня образовался небольшой запас слов и выражений на дари – бытовых и связанных с раскопками. Учителями выступали тот же Виктор Иванович и Мухаммед Амин, владевший английским на уровне средней школы, но смело пускав-

¹² Сарианиди 1976. С. 45–50; Сарианиди 1977. С. 34–50

¹³ Ирина Тимофеевна Кругликова (1917–2008), сотрудник Института археологии РАН с 1945 г., доктор исторических наук, специалист по античной археологии Северного Причерноморья. То, что именно она стала начальником СААЭ, объясняется не только ее собственными научными достижениями, но и тем, весьма важным в СССР, обстоятельством, что она была членом КПСС. Беспартийный Сарианиди, чье личное дело было к тому же обременено двумя разводами, никак не мог претендовать на эту должность.

шийся в самые сложные объяснения. Поскольку окружавшая нас среда была по родному языку туркменской, ещё больше значили пояснения и рассказы нашего ашхабадского коллеги Овлякули Бердыева¹⁴. Благо тот воспринимался местными туркменами не просто как «почти свой», но еще и как человек с высоким статусом – и по происхождению¹⁵, и по учёности. Такому человеку можно было рассказать и показать многое из того, что совсем «чужакам» не скажут и не покажут. Следовательно, то, что я попытаюсь здесь передать, необязательно является сугубо личным впечатлением, может представлять собой знание, комбинированное по своей природе. Фактически это знание – отражение давней реальности, к тому же отчасти искаженное и моей памятью, и чужими впечатлениями и толкованиями того и последующего времени.

Раскоп

Лагерь. В 1970 г. лагерь Сарияниди располагался на такыре и заключался в палатке-десятиместке с двумя кроватями-раскладушками и рабочим столом внутри. Водитель, а по совместительству и повар отряда Мухаммед Амин спал в стоявшей поблизости машине. Граница лагеря была «демаркирована» – на расстоянии 15–20 м от палатки он был со всех сторон обнесён оградой. Ограда эта была чисто символической: протянутая на высоте примерно 20 см от поверхности такыра верёвка, намотанная на вбитые в глину колышки. В ноябре, когда похолодало и начались изматывающие *шамолы*¹⁶ – приносившие массу песка бури, добавилась «баня» – крытая небольшой палаткой землянка; внутри нее в «банный день» ставились две 30-литровые молочные фляги с водой, и одна из них нагревалась паяльной лампой до кипения.

Не далее чем в полукилометре от лагеря проходила частью наезженная, частью натоптанная дорога. Автомашин на ней, кроме наших, мы практически не видели, зато довольно часто по вечерам проходили небольшие караваны. Люди шагали рядом с верблюдами или восседали поверх тюков; колокольчики мерно звякали; на фоне догорающего заката вся картина представлялась мне поначалу ирреальной, какой-то постановочной, будто иллюстрацией к школьным учебникам истории,

¹⁴ Овлякули (Овлякули) Бердыев (1935–1973) – туркменский археолог, в 1970–1972 гг., будучи заведующим сектором первобытной археологии в Институте истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР, работал в составе ССАЭ. Погиб в автокатастрофе, незадолго до гибели подготовил к публикации книгу «Дружественный Афганистан», написанную им на туркменском языке (Некролог... 1975). К сожалению, мне не удалось найти выходные данные этой книги; не могу даже сказать, вышла ли она.

¹⁵ Как утверждал хорошо его знавший Сарияниди, Овлякули принадлежал к одному из туркменских *овлядов* – традиционно привилегированных социально-религиозных групп. Об овлядах см.: Демидов 1976.

¹⁶ Шамол (тадж., дари) – ветер.

к расхожим представлениям о неподвижном Востоке. Спустя месяц, прожитый в окоме горизонта, далеко-далеко замыкавшегося размытыми очертаниями голых гор, наоборот, и этот унылый простор, и шестые по нему караванов стали казаться единственной реальностью...

За все время существования лагеря никто из проходивших караванщиков ни на шаг к нему не приблизился. Вот на раскопе они бывали и однажды расколотили все сосуды из наполовину расчищенного погребения. Сколько же «теплых слов» сказал в их адрес Виктор Иванович, и сколько мы с ним провозились, склеивая по вечерам разбитую керамику! Но лагерь так и оставался табу – словно окружавшая его простая веревка наделила его неприкосновенностью частного владения, представление о которой в сознании жителей Афганистана казалось тогда незбылемым. Мы быстро почувствовали себя в полной безопасности – до такой степени, что однажды на выходные я вообще остался в лагере один, и хотя под раскладушкой у меня лежало оставленное Сарияниди ружье, я даже не удосужился его зарядить. Когда же в посольстве с наших слов узнали о том, что два советских гражданина больше двух месяцев прожили на такыре, то пришли в ужас. Нам сообщили, что в стране – неурожай, местами – голод, что появились вооруженные шайки грабителей и вообще ситуация в стране напряженная¹⁷, поэтому впредь не должно быть проживания за пределами населенных пунктов.

Веревочная граница не только защищала обжитое нами пространство от вторжения «чужих», но и ограничивала доступ «своим», конкретно – нашим рабочим. Расчет с ними производился еженедельно, и по раз и навсегда заведенному Сарияниди порядку они должны были стоять в очереди за пределами огороженной площадки. При первой выплате веревки еще не было, и охваченные радостным предвкушением полочки рабочие, вообще-то на свой лад очень воспитанные и сдержанные, толпой стеснились у входа в палатку, а напиравшие сзади просто втолкнули в нее передних. После чего и была обозначена граница, её же не перейдеша. Выдерживалась она строго: я выносил на такыр раскладной стол, раскладывал на нем ведомости и штемпельную подушку; Виктор Иванович выдавал деньги, а я прижимал указательный палец получателя сначала к подушке, затем – к ведомости напротив его имени. Грамотных не было ни одного. Потом эти диковинные ведомости сдавались в бухгалтерию Института археологии...

Рабочие. САЭ платила нанимаемым рабочим по расценкам, по которым правительство Афганистана оплачивало землекопов, занятых на

¹⁷ Кризис, приведший, в конечном счете, к падению королевской власти, набрал силу чуть позже, после засухи 1971/72 сельскохозяйственного года. Но уже в апреле 1970 г. в ряде городов прошли выступления духовенства, на которых прозвучал лозунг: «Иностранцы-кафиры, убирайтесь домой!» (Коргун 2008. С. 211).

организуемых государством дорожных работах. Расценки эти были низкими даже с точки зрения наших афганских водителей. Однако для жителей далекого сельского захолустья и в особенности для безземельных сельхозрабочих, занятых всего несколько месяцев в году, возможность заработать в межсезонье несколько тысяч афгани была поистине даром небес. Неудивительно, что уже через два-три дня после того, как мы разбили свой лагерь, число желающих наняться на раскопки хорошо перевалило за сотню. Они стягивались из окрестных деревень с семи утра, и надо было из этой толпы отобрать максимум половину. Некоторые из отобранных потом заменялись другими, но довольно скоро состав работающих стабилизировался. В подавляющем большинстве то были туркмены, которых Овлякули несколько пренебрежительно определял так: «керкинские»¹⁸ и «обузбеченные». Но были также пуштуны из располагавшейся примерно в 10 км от нашего лагеря деревни Мурдиана – потомки колонистов-дурани, специально выведенных эмиром Абдурахманом из-под Кандагара на левобережье Аму-Дарьи для лучшего контроля над завоеванными им землями за Гиндукушем, получившими со временем название Афганского Туркестана¹⁹.

Рабочих мы отбирали отнюдь не только молодых и крепких на вид. Я поначалу удивлялся, скольких стариков принял на работу Сариниди, но в первые же дни понял, насколько мудрым был его выбор. Самые старые, всю жизнь проработавшие на земле, в один день научились находить «глину в глине» – древние сырцовые стены в сырцовом же межстенном заполнении. А некоторые, убедившись в том, что в раскапывавшихся нами погребениях покойники лежат не в сторону *кыблы*, т.е. были презренными язычниками, быстро обрели такую сноровку в расчистке костяков, что могли потягаться с профессиональными физическими антропологами. К тому же почти все старики оказались очень выносливыми. Пусть сквозь дыру в их *туркментиле*²⁰, и без того захватывавшем земли вдвое меньше, чем отечественная совковая лопата, немало высыпалось еще до замаха – трудились они в ровном неизменном темпе весь день с одним перерывом «на ланч». А ведь то был скудный перекус, почти у всех заключающийся в сером *чореке* с зеленым чаем; лишь немногие позволяли себе еще и сушеную дыню. Тем не менее, старики выдерживали рабочий день по видимости не хуже молодых; казалось, что им мешают двигаться как заведенные только запоры, обусловленные этим самым рационом, да цыпки на руках, довольно

¹⁸ Т.е. выходцы из Керкинского района тогдашней Туркменской ССР.

¹⁹ О завоеваниях и переселенческой политике Абдурахмана см.: Массон, Ромодин 1965. С. 279–280.

²⁰ Кованый заточенный заступ миндалевидной формы с круглым отверстием посередине.

быстро появившиеся у многих под воздействием сухости, земли и холодных ветров, периодически обрушивавшихся на такыр.

Далее привожу из своей записной книжки отрывок от 3 октября 1970 г.:

«... Каждый день на раскоп приезжает толпа мардакёров. Это, конечно, для любителей “местного колорита” – просто мечта. Пуштунов всего человек пять-шесть, зато среди них один исключительно красивый разбойник с маленькой серьгой в ухе. Зовут его Агамамад Атал. Что за парень! Голос хриплый, волосы густые, черные, слегка волнистые, стрижены под горшок. Лицо смуглое, с маленьким прямым носом, вообще с исключительно соразмерными чертами. Выпустить такого на улицу Горького как есть – в белой чалме, белой рубашке с кожаной расшитой безрукавкой поперек и в белых же шароварах – все бабы умрут от восторга!

Но это, пожалуй, один у нас такой удалец. Ну, еще его младший брат Башар, лет 13–14, живой такой мальчишка, и хорошо работает. Я ему презентовал открытку с Клавой²¹ – он ее схватил, чтоб никто не увидел, и убежал с раскопа разглядывать кяфырскую красотку. Остальные – в основном хуленькие как дети старички с редкими бородками, молодые тоже не здоровяки, и все – в драных халатах. На некоторых даже не халаты, а их жалкие остатки – одно рядом.

Есть очень приличные иллюстрации к соловьевскому “Ходже Насреддину”²² – так они прямо сошли с этих иллюстраций! Худые, широкоскулые, часто кривоногие, босые, в белых штанах, не доходящих до ступни, все обязательно в чалмах, *тольпека*²³ вообще ни разу не видел. Они производят незабываемое впечатление, и всех их жалко. Ибо нищета и забитость не то чтобы на лицах – на фигурах тощих отпечатались намертво. А между тем, если их одним махом полностью освободить и удовлетворять, почти все сразу проделают быструю эволюцию из грязи да в князи. Это известно по многим примерам; но все равно жалко этих людей, особенно стариков!».

Драка. По отношению к нам рабочие держались с большим почтением: никакой видимой фамильярности себе не позволяли и, когда им надо было показать, что обнаружили стенку или погребение, то, подзывая кого-то из нас движением кисти вниз, по направлению к себе, одновременно и убеленного сединами Виктора Ивановича, и меня, молодого, величали *сахибом*. Что они на самом деле о нас думали, как обсуждали между собой, когда нас не было поблизости, что рассказывали дома, мы, разумеется, не знали, но я уверен, что к Сарияниди они относились с уважением. В то же время я сразу почувствовал, буквально кожей, принципиальную разницу в отношении туркмен и пуштунов. Для первых я был не только сахибом и чужаком-*шурави*²⁴, но все-таки

²¹ Итальянская актриса Клаудия Кардинале.

²² Имеется в виду издание: Соловьёв 1958.

²³ Тюльпек, телпек – туркменский мужской головной убор, «высокая барашковая шапка с длинными мягкими завитками» (Народы России 1994. С. 345].

²⁴ Т.е. «советским» (от перс. *шур* – совет).

еще и включенным в их микромир человеком – пусть даже включенным временно, лишь в силу моей принадлежности к классу дающих блага и, соответственно, локализуемым их восприятием на самой периферии этого мира. Для вторых я был чужим **в пределе**, от их мира я был отчуждаем абсолютно, и потому был абсолютно же не защищен моим положением в иерархии, установившейся на раскопе. Именно поэтому я спокойно мог посмотреть в глаза любому туркмену, но не всякому пушту (только Башару и старикам); а уж взгляда Агамада вообще избегал. Ибо с первого же дня знакомства с ним у меня возникла уверенность: почувствуй этот человек себя задетым, он с легкостью применит силу; и к концу первого полевого сезона это подтвердилось.

На ноябрь 1970 г. пришёлся месяц мусульманского поста. Все рабочие его строго соблюдали, так что к его окончанию заметно ослабли и стали раздражительными, и на раскопе начал разгораться конфликт между туркменами и пуштунами из-за воды, и сахибы его прозевали.

На раскопе были два *чилека*²⁵ с питьевой водой. До рамазана вопроса о том, чтобы закрепить каждый из них за определенной группой рабочих, не возникало, после него пуштуны потребовали, чтобы одним чилеком пользовались только они. Трудно было это требование считать справедливым: пуштунов пять-семь человек, туркмен – в три-четыре раза больше. На раскопе, боясь лишиться работы, первые сдерживали свое возмущение, равно как вторые – негодование **главных** в стране на поведение тех, кого их предки некогда покорили. Но атмосфера накалилась так, что взрыв должен был произойти, – и произошел.

По окончании рабочего дня рабочие плотно набивались в ГАЗ-51, и Мухаммед Амин развозил их по домам: сначала туркмен до их более близкой деревни, затем пуштунов до Мурдианы. В один из ближайших дней после рамазана, он, вернувшись, сразу бросился мыть кузов, залитый кровью, и мы это увидели. Из его рассказа на смеси дари и английского обрисовалась такая картина: когда машина сделала первую остановку, в кузове вспыхнула драка; численное преимущество было, конечно, на стороне туркмен, но Агамад, не задумываясь, обрушил на них удары своего туркменпила, и враг бежал.

На следующий день Сарияниди объявил, что при повторении чего-либо подобного все будут уволены. Худой мир был установлен, но пуштуны стали ходить на раскоп и с раскопа пешком – двадцатикилометровая прогулка в добавление к восьми часам тяжелой физической работы. Вдобавок они, прознав, по словам Мухаммеда Амина, о том, что туркмены дали взятку уездному судье в Акче и тот пообещал закрыть глаза на возможный несчастный случай на этом маршруте, стали

²⁵ Бочонок, сплюснутый с двух сторон и потому имеющий в плане форму вытянутого овала, вместимостью 40–60 литров.

носить с собой оружие – длинные ружья с сошками, на мой взгляд, настоящие мушкеты времен даже не второй, а первой англо-афганской войны; весили они наверняка немало, что еще больше должно было утомлять их владельцев. В конечном счете, примерно через неделю после побоища пуштуны вообще перестали появляться на раскопе.

Секс. До конфликта на раскопе довольно часто звучал смех: рабочие подшучивали друг над другом по поводу того или иного случая из их деревенской жизни. Среди туркмен чаще других объектом шуток становился Курбан Клыч. Невысокий, но широкоплечий, в выцветшей коричневой рубахе и штанах, этот ломовой сорокалетний мужик единственный орудовал взятой у нас широченной совковой лопатой – не лопатой, а прямо-таки бульдозерным ковшом – и был незаменим, когда надо было перекидкой отодвинуть накопившиеся отвалы. Производил он впечатление человека добродушного – возможно этим отчасти объяснялось, что односельчане безбоязненно прохаживались на его счет.

Предмет их шуток был один – имел ли Курбан накануне своего ишака, или нет, и если да, как прошло общение. Курбан слегка вспыхивал, опускал глаза, коротко буркал в ответ нечто, что дополнительно веселило шутников, и еще сильнее начинал махать своим бульдозером, как бы закрывая тем самым тему. Тема действительно закрывалась, но вновь всплывала через день-два. Мы заинтересовались, почему шутники пристают именно к Курбану. Оказалось, что он до сих пор не женат. То есть невеста у него есть, но он уже лет 15 выплачивает по частям калым за неё, пока все не выплатит, его стареющая девушка так и останется для него недоступной и свою неутоленную мужскую силу ему придется усмирять посредством либо мастурбаций, либо скотоложества. А калым так велик потому, что невеста – туркменка, значит, обладает, если можно так выразиться, капитализированной стоимостью: ткёт ковры, продажа которых приносит солидный доход. Неслучайно же у богатых людей в Кабуле одна из жён – обязательно туркменка, хотя стоит она на порядок дороже, чем пуштунка или таджичка.

Бедняк Курбан обходился собственной рукой либо ишаком – наш Мухаммед Амин, как-никак городской парень со знанием английского языка и приличным жалованьем от САЭ, свою жажду секса утолил более изысканным образом. Среди рабочих-пуштунов был, помимо Башара, еще один молодой парень, лет, наверное, восемнадцати. Это было существо на удивление вялое, можно сказать, апатичное, даже болезненное с виду. Он приезжал с закутанным пестрым платком горлом, с ним и работал и вечно сморкался двумя пальцами. В общем, в его облике не было ничего от красавчика *бачи*²⁶, запечатлённого Васи-

²⁶ Бача (перс.) в широком смысле – ребёнок, юноша, парень, в более узком – мальчик, играющий роль гетеры, объект сексуального рабства и насилия. Институт

лием Верещагиным²⁷, и вряд ли он владел искусством пения и танца, как классические бачи, или, подобно им, рядился в женские одежды. Он был простым деревенским парнем, на мой взгляд, напрочь лишённым какого-либо обаяния. Мухаммед Амин, со своей стороны, не раз мечтательно вздыхал о городских *мини-джубс*²⁸, т.е. не был специальным поклонником бачей и в ситуации выбора предпочел бы женщину, но о ней за пределами пораженной язвой вестернизации столицы оставалось только мечтать. Нашего рабочего он выбрал в качестве сексуального партнёра просто потому, что заранее выяснил; тот согласится стать таким партнёром, если ему заплатят. *Ouvertues* нашего водителя остались для нас незаметными, благо он их и не афишировал. Но когда мы с Сарияниди уехали на 7 ноября в Шибарган, оставив Мухаммеда Амина одного в лагере, тот тоже устроил себе праздник: приготовил плов *кабули*²⁹ (что, вообще говоря, делал мастерски) и радушно принял вечно сопливого дорогого гостя, оставшегося у него на ночь. Когда же мы вернулись, он, довольный ночью, проведённой с квази-*дохтари*³⁰, поделился с нами своей радостью, совершенно не стесняясь.

Деревня

В 1971 г. вся экспедиция поселилась в довольно крупном селе Дильбер-джин, вблизи одноименного кушанского городища, в доме, принадлежавшем крупному местному землевладельцу баю Ахмеду. Но довольно скоро мы перебрались к другому хозяина – к Хаджи-бабе, тётке знаменитого литературного героя³¹. Он заманил Кругликову несколько меньшей, чем у Ахмеда, арендной платой, большим размером «апартаментов» и наличием в отведенной нам усадьбе собственного *хауза*. И без преувеличения можно сказать: при почти стопроцентном сходстве обстановки – те же пахсовые строения что у Ахмеда, что у Хаджи-Бабы, то же отсутствие какой-либо мебели, те же нишки по

детской мужской проституции *бача-бази* (букв. игра детей) был широко распространен в доколониальной Средней Азии (Лыкошин 2005. С. 40–44) и в соседнем Афганистане, где он никогда, даже при резко отрицательно относившихся к нему талибах, не отмирал полностью, о чем свидетельствует поговорка «Женщины – для детей, мальчики – для наслаждения», и где после разгрома Талибана начался его настоящий ренессанс. См. в этой связи краткое изложение результатов полевого исследования, проведенного в 2010 г. Анной-Марией Кардиналле (Brinkely 2010).

²⁷ Имеется в виду картина В.В. Верещагина «Портрет бачи», написанная им в 1867 или 1868 г. и хранящаяся в Третьяковской галерее.

²⁸ Искаж. русск. мини-юбка. Так он называл кабульских девушек, ходивших с открытым лицом, в европейской одежде и, по его уверениям, практиковавших секс до замужества.

²⁹ Плов с добавлением картофеля.

³⁰ Дохтари (дари, тадж.) – девушка.

³¹ Речь идет о главном герое книги Джеймса Мориера, в свое время популярной не только в Англии, но и в России. См.: Мориер 1993.

стенам, ковры и подушки на полах, – переместившись от одного хозяина к другому, мы, образно говоря, перенеслись из эпохи позднего феодализма в эпоху первоначального накопления капитала.

Ахмед. Первый хозяин был чуть выше среднего роста, лет 45-ти, кривой, с чалмой на голове и в *чапане*, от халатов наших рабочих отличавшемся только тем, что у него он был целым. Туркмен (племенную принадлежность не знаю), Ахмед родился здесь же, в Дильбержине, где его отец, также местный, был одним из крупнейших землевладельцев. По сведениям Овлякули, когда в начале 1930-х, после разгрома отрядов Джунаида-хана³², через советскую границу в Афганистан бежало немалое число его сподвижников, а ещё больше – их мирных родственников и свойственников, опасавшихся репрессий, отец Ахмеда раздал часть своих земель беженцам. Отдал ли он их в собственность, в безвозмездное пользование или в аренду на льготных условиях, история умалчивает; но даже последний вариант, был, несомненно, спасительным для беглецов, обездоленных самим фактом бегства. Этим актом отца Ахмеда была создана замыкавшаяся на него и типичная для традиционных обществ сеть связей и отношений по типу «патрон – клиент»³³. Она была унаследована Ахмедом, но тому, похоже, не очень-то удавалось соответствовать идеальному образу настоящего бая. Виною тому были «новые времена» – времена инфляции престижного потребления, постепенной смены его номенклатуры, большей подвижности сельского населения и знакомства крестьян с городом и даже с иностранцами в лице советских и иных приехавших из-за рубежа специалистов.

Пытаясь соответствовать меняющимся обстоятельствам, Ахмед пустился в различные коммерческие предприятия, но те оборачивались скорее убытками, чем прибытком. Так, он попытался лично, минуя посредников, продать в Кабуле купленные им на севере 40 кг *терьяка*³⁴.

³² Джунаид (Джунейд)-хан (1857–1938), один из самых известных руководителей басмачества, действовавший в основном в Хивинском ханстве, затем Хорезмской народной советской республике и на территориях, ныне входящих в Дашогузский велаят Туркменистана. В 1931 г. бежал в Афганистан, где и умер. О нем см.: Кадыров 2001. С. 155–156; Поляков, Чугунов 1976. С. 25–31, 53–59.

³³ В отличие от скрепляемых принципом «подарок – отдарок» горизонтальных связей в отношениях между примерно равными по социальному статусу семьями (системы *мезия* в Тунисе (Kassab 1979), *вартан бханджа* в Пакистане (Jongmans 1973), *хийя* на Филиппинах (Quisumbing 1975), их аналог в Средней Азии (Абашин 1999) и т.п.), связи «патрон – клиент» были вертикально ориентированными, ассиметричными и в идеале предполагали обязательную страхующую поддержку патроном клиентов в кризисных для тех ситуациях и обязательную лояльность клиентов по отношению к патрону, выражавшуюся в его политической поддержке и в выполнении его пожеланий, в т.ч. некоторых неоплачиваемых работ. См.: напр.: Кудрявцев 1971; Смирнская 1979; Vreman 1975.

³⁴ Терьяк (туркмен.) – опиум-сырец.

Однако, пока он, перефразируя Сашу Чёрного, «в наплыве впечатлений полуоткрывши рот», глазел на базаре по сторонам, терьяк у него украли. Поэтому внезапное появление шурави, нуждавшихся в приличном по деревенским меркам жилью, оказалось для него, пожалуй, такой же манной небесной, как и для безземельных издольщиков. Вот только распорядился он этой манной не лучшим образом. Хотя... это как посмотреть. Дело в том, что он купил себе молодую жену – не то третью, не то четвертую. Напомню: калым за жену-туркменку в дореволюционном Афганистане был многократно больше, чем за пуштунку, узбечку или таджичку. В случае же с новой женой Ахмеда величина калыма дополнительно возросла, потому что брал он необыкновенную красавицу. Так, по крайней мере, утверждал Овялякули, которому Ахмед в знак особого уважения, а отчасти, наверное, и из мужского тщеславия, показал-таки личико своей «Гюльчатой». Чтобы заплатить калым, Ахмед влез в долги, на их покрытие и шла наша арендная плата.

Можно предположить, что обладание молодой женой-красавицей должно было подкрепить наследственно высокий статус мужа и это стало одним из важных стимулов женитьбы Ахмеда. Но равным образом возможно и другое предположение: Ахмеду просто надоели, говоря словами грубо откровенного платоновского героя-туркмена, «старые дырки»³⁵: он возжаждал новых наслаждений, причем не только чувственных, но и эстетических, или даже, ухитрившись каким-то образом увидеть красавицу, влюбился в неё. Когда я вспоминаю его несколько чудаковатый облик, мне начинает казаться, что самое верное предположение – последнее... Впрочем, какой бы разновидностью гедонизма ни объяснялся поступок Ахмеда, в меняющихся условиях он казался скорее прихотью, чем подтверждением высокого статуса.

В усадьбе Ахмеда мелькали несколько слуг, общался он с ними без какого-либо подчеркивания своего господского положения. Сложилось даже впечатление, особенно подогретое его затрапезным халатом, что он вообще равнодушен к своему статусу или смирился с его фактической утратой, потому и ведёт себя как рядовой дехканин. Вскоре, однако, представился случай убедиться, что эта простота, даже демократичность отношений в ситуациях, не выходящих за рамки повседневного **сущего**, мигом исчезает при отклонении от того, что для Ахмеда было частью мироустрояющего **должного**.

Однажды вечером мы все сидели на заднем дворе усадьбы. Там было прохладнее, чем в доме, по периметру двора росли кусты, над головами сияли звёзды; мы пребывали в благодном настроении и лениво беседовали. Вскоре к нам присоединился Ахмед с одним из слуг, и между ним и Овялякули завязалась не слишком оживленная беседа.

³⁵ Платонов 1974. С. 454.

Вдруг в дворик вошел один из наших рабочих, хорошо всем запомнившийся: у него была такая сильная трахома, что смотреть на него без жалости было невозможно. Он что-то стал просить, именно просить, это было ясно по его тону, а вот к кому он адресовался – к нам или Ахмеду – я не понял. Ответил Ахмед – кратко и резко, но рабочий не ушел и даже протянул руку, теперь уже явно в нашу сторону. Тогда Ахмед что-то буркнул слуге, тот моментально вскочил и невесть откуда взявшейся палкой из акации со всей силы ударил просителя, и если бы тот не успел закрыться рукой, удар пришелся бы по лицу. Удар все равно был болезненным, раздалось буквально стенания, с ними рабочий и убежал. Мы несколько секунд сидели ошеломленные, затем Ирина Тимофеевна попросила Овлякули сказать Ахмеду, чтобы впредь в нашем присутствии ничего подобного не делалось... Не исключено, что это эпизод сыграл свою роль при принятии его решения о переезде.

Хаджи-баба. Этот старик, одетый скромно, но всегда чисто, слегка согбенный, седобородый, в очках и с постоянной полуулыбкой на устах, полностью соответствовал своему имени, которое можно перевести как дед /отец /уважаемый человек, совершивший хадж. Хадж он действительно совершил, чего не могло себе позволить подавляющее большинство сельских жителей Афганистана; и он на самом деле выглядел добрым дедушкой, источающим на окружающих духовную благодать. Но под этим обликом скрывался очень расчетливый, предельно прагматичный человек трудной судьбы, в полном смысле слова сделавший себя сам. «Хаджи-баба» – прозвище или т.н. уличное имя, обретенное – и то, видимо, не сразу – в Афганистане, куда его носитель прибыл в начале 1930-х гг. До того он успел побывать председателем первого колхоза в Керкинском районе Туркменской ССР, а по уверениям Овлякули, передавшего нам основные эпизоды биографии нашего нового домовладельца, – вообще первого колхоза в республике. В то время он более или менее мог объясняться на русском языке. В 1933 г. кто-то предупредил председателя о скором аресте – и тот немедленно бежал, бросив семью и всё имущество, прихватив, однако, швейную машинку «Зингер». Тогда во всем Афганском Туркестане машинки эти исчислялись единицами, так что бывший советский *раис*, начав шить халаты, так преуспел, что постепенно скопил денег на покупку земли. Он вновь женился, у него родилось два сына, в 1971 году – женатые и со своими детьми, но жившие в усадьбе отца и внешне во всем ему послушные. Благополучие Хаджи-бабы все прирастало и прирастало, а с ним и его влияние. Незадолго до нашего вселения он баллотировался в сенат Афганистана – *маджлес-е айян* (совет старейшин). По конституции 1931 г. этот орган состоял всего из 27 членов³⁶, Хаджи-бабе при-

³⁶ Коргун 2004. С. 224.

шлось выдержать сильнейшую конкуренцию со стороны других претендентов, и сделал он это довольно успешно, проиграв ближайшему сопернику буквально несколько десятков голосов.

В отличие от Ахмеда, которого мы видели не каждый день, да и то преимущественно по вечерам, новый хозяин не обделял нас своим присутствием. Правда, визиты его были хотя и ежедневными, но краткими. Зайдёт, например, утром, когда мы завтракаем, поздоровается, сядет на предложенный раскладной стульчик, посмотрит лучистыми глазками в сети симпатичных морщинок, скажет что-нибудь нейтральное и вскоре удалится. Только однажды он оконфузился (или специально так поступил): когда Ирина Тимофеевна, на ходу допивая кофе, уже устремлялась к выходу, он огорошил её фразой на русском: «Мама, денег давай!». Тут надо признаться, что за глаза все мы нередко так именовали нашу единственную женщину – и из уважения к её возрасту, и из-за начальственного статуса. Всё видевший, всё слышавший, всё замечавший кандидат в сенаторы уловил это словцо – и воспользовался им. То ли он всерьёз полагал, что это почетное обращение, то ли, скорее, сделал так для лёгкой издёвки. Ибо, при всём его прагматизме, вряд ли ему нравилась – не как личность, а как символ, как социальная нелепость по местным меркам, – дама в брюках, командующая пятью мужчинами.

Сыновья Хаджи-бабы. Старшего, в возрасте около 30-ти, высокого, худого, внешне напоминавшего классического «шоферюгу», звали Худояром. Младшего сына, лет 25-ти, ростом поменьше, немного женственного и очень чистого, единственного человека в селе, поверх традиционной одежды носившего нетрадиционное одеяние – китель а la Неру, мы называли Эмином, хотя был он Имином или Амином. Дети одного из богатейших людей Дильберджина отнюдь не бездельничали. Младший окончил курсы фельдшеров и периодически выступал в деревне в роли дипломированного знатока аллопатии. Худояр получил права, купил, надо полагать, не без помощи отца, подержанный УАЗик-«буханку» и шоферил на нём с раннего утра до позднего вечера, игнорируя не только *джуму*, но и любые мусульманские праздники. В основном он ездил в Ничку (в 10 км от Дильберджина) и обратно. Ничка была довольно большим селом; там имелись духаны, где крестьяне могли купить необходимые в хозяйстве инструменты, а также соль, керосин, крупы и т.п. Естественно, каждая поездка ими оплачивалась. И поскольку Худояр был извозчиком-монополистом, мелкие, но верные суммы непрерывно текли в общий карман оборотистого семейства Хаджи-бабы. Очень скоро это семейство стало стричь купоны и с самого факта нашего присутствия. (Собственно, для того Хаджи-баба и постарался нас заполнить.) Вот несколько наиболее ярких примеров.

Техническим обслуживанием и ремонтом всего нашего автопарка занимался Володя Ерофеев, в его ведении находились различные зап-

части и неплохой запас ГСМ. Худояр широко и совершенно бесплатно пользовался тем и другим, не говоря уже о советах и прямой помощи Володи. Особенно часто он просил солидола. Не остался в стороне и Эмин. В 1970 г., в Москве, Кругликова поручила мне купить целый набор лекарств: антибиотики, анальгетики, жаропонижающие, средства для лечения простудных и желудочно-кишечных заболеваний. Покупали с размахом – набралось более половины вьючного ящика. В 1971 г. заведовал этим хозяйством я. И вот чуть ли не через день ко мне стал заглядывать Эмин и просить лекарств то для детей, то для жены, а иногда и для себя – мол, голова болит. И я давал упаковками...

Только ближе к концу сезона мы узнали, что большинство лекарств Эмин продавал нашим рабочим по таблетке, а солидол раскладывал по спичечным коробкам и тоже продавал: рабочие смазывали им руки, которые от земли, сухости, холодного ветра покрывались кровотоочащими цыпками. Покупали рабочие в кредит, расплачивались в день получки. Поначалу Эмин собирал дань незаметно, но однажды Виктор Иванович увидел, как рабочие отдают ему деньги, и выяснил, за что. Естественно, нам это не понравилось. Пусть по виду, принадлежавшему экспедиции снаряжению, нашему положению работодателей мы для местных жителей представляли, несомненно, сахибами, сами-то мы оставались людьми советскими, т.е. по определению симпатизировали «беднякам»-рабочим, а не «богачам»-арендодателям. Этот произвольный выбор был свойственен даже тем из нас, кто социализировался в среднеазиатском обществе, гораздо более стратифицированном и традиционалистском, чем городское русское общество к западу от Урала: Сарияниди, Овлякули, Зафару Хакимову. Другое дело, что, поселившись у «богача», мы утешались тем, что только так мы и могли разместиться со всеми нашим имуществом, не признаваясь себе в том, что в усадьбе «богача» нам комфортно не только работать, но и жить...

Наибольшее возмущение вызвала у нас история с поездкой на празднование курбан-байрама. То ли рабочие, жившие в Дильберджине, попросили Кругликову через Овлякули отвезти их в Мурдиану, где на всю округу устраивался праздник, то ли ей самой захотелось посмотреть, как его отмечают в Афганистане – как бы то ни было, кузова обеих наших грузовых машин заполнились радостными рабочими, сахибы разместились в кабинах и в ГАЗ-69 – поехали!

Место для праздника было обустроено не в самом селе, а неподалеку, на обширном такыре, кое-где размеченном небольшими барханами. Эти мини-холмики песка служили подпоркой для охватывавших их с трех сторон плетней из лозняка. Внутри каждого огороженного таким образом пространства помещались, так сказать, деревенские уличные кафе – попросту говоря, предприимчивые люди, прибывшие сюда, видимо, из Мурдианы с казанами заранее приготовленного пло-

ва и шурпы, лепешками и сладостями. Продавалось все это по более высокой цене, чем пришлось бы заплатить за то же самое в обычные дни где-нибудь в Акче или Шибаргане, качество же плова, который мы попробовали, оставляло желать лучшего. Но рабочих меню и цены не смущали. Ведь многие из них не могли себе позволить купить, пусть даже на паях с родственниками и соседями, барана и заколоть его для настоящего домашнего пиршества. Однако равным образом никто из них не мог уронить лицо: публичное потребление еды, пусть даже дорогой и невкусной, носило символический характер и в обязательном порядке предшествовало главному событию праздника – *бузкаши*³⁷.

Я не буду здесь описывать эту жестокую забаву, отношу не показавшуюся мне праздником молодечества. К тому же участвовавшие в ней конники, нещадно лупившие друг друга и лошадей соперника ногойками, подняли такую пыль, что разглядеть происходящее можно было с большим трудом. Однако рабочие наши были в восторге. Вообще, только приехав на пиршественное поле, они вели себя как дети, вырвавшиеся на свободу из душного класса; причём это был сугубо мужской релакс, к тому же в основном для взрослых, хотя часть отцов взяли с собой сыновей, даже маленьких. Но перед началом своего расслабления и, одновременно, самоутверждения, только выпрыгнув из машин на землю, все они потянулись к знакомой фигуре в кителе. Оказалось, что Эмин вознамерился собрать с них по пять афгани за провоз на нашем автотранспорте. Тут уже Ирина Константиновна вмешалась и поборы пресекла. Впрочем, мы так и не узнали, не содрал ли Эмин свою мзду потом, когда никто из нас не застил его предпринимательского горизонта. Ведь рабочие ни разу нам не жаловались на сыновей Хаджи-бабы: они прекрасно понимали, что мы уедем, а «дедушка» останется. Да и мы, узнав о торговле, не обрезали полностью наши бесплатные выдачи, потому что они приносили пользу конечным получателям. И какие могли быть иные варианты? Ничего не давать хозяйским сыновьям? Или раздавать рабочим солидол и лекарства бесплатно? Но первое решение означало, что мы точно ничем не поможем рабочим, второе было чревато лавинообразным нарастанием просьб и просителей с окрестных деревень. По собственному опыту и по опыту других советских зарубежных экспедиций, работавших на Востоке, мы знали: как бы это ни противоречило советским эгалитаристским установкам, если мы хотим, чтобы работа делалась качественно, мы, сахибы, должны оставаться сахибами. В этом, как мне представляется, принципиальное отличие полевой работы, направлен-

³⁷ Бузкаши (перс., тадж., дари) своеобразное конное поло, участники которого борются за тушу козла, иногда (как было в нашем случае) – теленка. Победителем считается первый, доскакавший с нею до финишной черты.

ной на природные и неприродные неодушевлённые объекты, от такого «поля», целью которого является изучение той или иной социальной группы. Во втором случае, если хочешь узнать больше и глубже, социально-культурная дистанция должна по возможности минимизироваться. В первом случае сокращать её не позволяет необходимость жёстко поддерживать статусную иерархию. Ибо, для того, чтобы эта иерархия способствовала реализации принципа «мы приказываем – вы выполняете», она должна пронизывать **все** аспекты отношений.

Вот пример того, как по-советски редуцированные представления о социальных отношениях подводили в Афганистане в непроизводительных ситуациях. Как-то жившие в Шибаргане жёны советских газчиков, сжалившись над уж больно убогим по виду уборщиком, представленным афганской стороной для чистки дворов около коттеджей специалистов, собрали ему энную сумму. Они рассчитывали, что тот поест вволю, купит подарки детям или новые штаны себе взамен настолько драных, что в них он смущал женскую нравственность. Однако на полученные деньги уборщик нанял другого бедняка и несколько дней наслаждался тем, что мог ничего не делать, только командовать своим наемником. Этот эпизод сильно повлиял на восприятие советскими афганских «бедняков»: вся эта публика в их глазах предстала закоренелыми бездельниками, заслуживающими своей участи. О социально-престижной мотивации поведения уборщика они и не думали.

Вид и жизнь деревни. Дильберджин представлялся мне современной копией Дашлы 1: в плане это был тот же лабиринт узких, кривых и пыльных улочек, образуемых двухметровыми пахсовыми заборами-*дувалами*, полностью скрывавшими дома, внутренние дворы и растения в них. Люди на улицах появлялись нечасто; даже играющих детей я не видел. Дильберджин словно стремился честно дать понять, как живут люди, его населяющие. А жили они, во-первых, изолированными дворами, во-вторых, очень небогато в массе своей, в-третьих, строго соблюдали нормы поведения, возводимые к шариагу. Что при взгляде со стороны *кяфыра* выражалось в первую очередь в строгой сегрегации полов и довольно специфическом поведении детей.

Конечно, утверждать, что большинство жителей Дильберджина по уровню доходов и потребления находились у черты бедности, исходя исключительно из внешнего вида их самих и их жилищ, было бы неверно. Но, помимо того, что они сами рассказывали о своем имущественном положении, помимо скудости их «ланчей» на раскопках, наличия сорокалетних холостяков и т.д., имелись и другие признаки, говорившие о справедливости такого утверждения. Так, когда мы проезжали мимо полей, принадлежавших жителям Дильберджина, то видели, что лишь немногие из них зеленели посевами озимых: лишь немногие хозяева могли – и решились – заплатить за полив.

Другой штрих. С самого начала сезона 1971 г. я был брошен Кругликовой на копирование фресок, открытых на её раскопках кушанского городища³⁸ Фрески я воспроизводил в натуральную величину акварельными красками на больших листах ватмана. На раскопе я, насколько мог точно, копировал контуры фигур и предметов на фресках (благо изображения зданий, растений, пейзажей отсутствовали), затем делал этюд с натуры в цвете, стараясь максимально приблизиться к звучанию чистых минеральных красок, использовавшихся древними живописцами. Затем я возвращался в Дильберджин, в наши комнаты и там, перенеся сначала с помощью кальки контуры на «чистовик», завершал работу красками. Разумеется, не всё шло так гладко, как здесь описывается. В особенности пришлось повозиться с фреской с изображением Шивы и Парвати, едущих на быке: прежде чем результат меня удовлетворил, я испортил несколько листов ватмана. После чего спросил Овлякули, есть ли в селе место, аналогичное городской помойке, куда их можно было бы выбросить, чем немало его позабавил. «Ты просто выкинь на улицу, мигом приберут!» – посоветовал он. Действительно, выкинув скомканные испачканные листы, я минут через десять вышел проверить, что с ними случилось. Исчезли все. В дальнейшем я (думаю, не я один) прибегал к тому же методу, когда хотел избавиться от рваных носок, пустых пачек из-под сигарет, скомканных салфеток и проч. – всё исчезало мгновенно, всё подбиралось и каким-то образом утилизировалось в хозяйстве жителями Дильберджина.

За время пребывания в Афганистане женщин я видел только в городах. Это были не только жены иностранных специалистов, девушки-хиппи, перебиравшиеся в Кабул на зиму из Индии, и редкие туристки, но не так уж мало и местных жительниц, появлявшихся на улицах с открытым лицом и даже в мини-юбках. Женские лица мелькали иногда и во время наших путешествий на север и обратно, в особенности, если нам встречались по пути черные палатки кочевников. Вспоминается и парочка западных туристов на берегу горной речки, которую мы видели в начале подъема к перевалу Саланг: со всех проезжавших мимо афганских машин свешивались люди, чтобы разглядеть длинноногую белую женщину в бикини. Пройдет всего несколько лет, и картинка эта станет просто немыслимой... Наконец, незабываемое впечатление оставило выступление турецко-иранской группы, которая демонстрировала для живших в Мазари-Шарифе советских специалистов танец живота. Причем впечатлен я был не столько танцовщицей и танцем, сколько тем, **как** на это зрелище смотрели три допущенных на него афганца из числа obsługi: казалось, глаза у них фосфоресцируют в темноте и даже как бы вытягиваются на стебельках, как у крабов.

³⁸ См. статью об этих фресках: Кругликова, 1976.

Само собой разумеется, что в лагере на такыре появлялась только одна женщина – Ирина Тимофеевна. Но и за все время проживания в Дильберджине я видел лишь двух представительниц прекрасного пола. Первой была очаровательная полуторагодовалая дочка Эмина: он иногда приходил к нам с нею на руках. Девочка, ещё не прошедшая школы поведения мусульманского ребёнка, не дичилась, взирала на нас с огромным интересом, и иногда с видимым удовольствием болтала ножкой, чтобы услышать самой – и дать услышать зрителям, – как мелодично звенят бубенчики на её серебряном ножном браслете. Вторая встреча была одноразовой, краткой и драматичной. Иногда, когда работа над чистовыми копиями фресок не ладилась, я выходил на улицу, примыкающую к нашей усадьбе, и, покуривая, прогуливался по ней взад-вперед. И вот однажды впереди показалась девушка лет четырнадцати с кувшином на плече и с открытым лицом. Боже, как она испугалась, когда, подняв глаза, увидела метрах в двадцати от себя молодого мужчину, к тому же неверного! Замерев на секунду, она круто развернулась и буквально пулей унеслась за поворот улицы, где, вероятно, находилась спасительная калитка ее двора.

Что касается сельских детей, то наблюдать их довелось всего однажды, когда наш «газон» зачем-то остановился в Ничке. Там на небольшой площади перед духанами собрались мальчики и девочки в возрасте от пяти до десяти лет. Когда мы вышли из машины, в их рядах обнаружилась лёгкая паника. Девочки отбежали подальше, мальчики, как и полагается мужчинам, не бросились в позорное бегство, но никто из них ни разу не улыбнулся; серьезные, даже насупленные, с неизменными чалмами на головах и в детских чапанах они выглядели как маленькие старички. Когда же я захотел их сфотографировать и попросил Овлякули объяснить, чего от них хочу, только самые старшие сбились в тесную, по-прежнему неулыбчивую кучку. Кто помладше, разбежались, а с одним вообще случилось нечто вроде истерики. И я невольно, по контрасту, вспомнил туркменских детей, увиденных мною двумя годами ранее во дворе жилого дома в Небит-даге, куда наша экспедиционная машина захала залить воды из колонки. Какие же это были чертенята, буквально кипевшие энергией и откровенным интересом ко всему, что представлялось им новым и необычным!

Если бы не некоторые упомянутые выше эпизоды сезона 1970 г., у меня, наверное, сложилось бы твёрдое убеждение в том, что, в отличие от городской, сельская жизнь в королевском Афганистане строго соответствует предписаниям «Хидаи»³⁹. Разве что один Худояр, пренебре-

³⁹ Полное название: «ал-Хидаи фи шарх Билайа ал-мубтади» («Руководство по комментарию к «Началу для начинающего [обучение]»)» – наиболее авторитетный и широко распространённый среди последователей ханафитского мазхаба,

гая праздниками, отступал от канонов, не погружаясь, впрочем, в порок... Вскоре, однако, и дильберджинские наблюдения подтвердили, что в жизни соционормативный идеал никогда не достигается в полном объёме и что отступать от него могут и те, кто по самому своему положению призваны его охранять. К Хаджи-бабе захаживал местный мулла, Овлякули и с ним вёл беседы, кое-что нам пересказывая. Между прочим, когда я, вспомнив многолетнее жениховство Курбана Клыча, спросил, а не мог ли Курбан всё-таки найти себе за плату женщину, Овлякули категорично заявил, что, заведись в селе такая, её забили бы камнями, и сослался при этом на мнение муллы. Однако тот же мулла не отказался выпить с нами разведённого спирта – правда, удостоверившись, что никто, кроме нас, этого не увидит. Запретный напиток так ему понравился, что потом он пару раз сам просил налить ему *наваду шахи*⁴⁰. Возможно, так он поступал, чтобы сделать нам приятное или по иным, непонятным нам, причинам; но в любом случае он знал, что, будучи *ex officio* блюстителем шариата, грубо его нарушает.

* * *

Афганистан не ушел полностью из моей жизни после того, как я перестал туда ездить. В 1970 г. я познакомился с инспектором местного Института археологии Абдулом Хабибом. После 1978 г. Абдул Хабиб стал студентом МГУ, бывал у меня в гостях, а однажды привел с собой своего двоюродного брата Мухаммеда, офицера, который окончил Рязанское летное училище, с нежностью вспоминал своих рязанских подругек и был одним из тех, кто делал Апрельскую революцию. Это был веселый обаятельный человек, хорошо говоривший по-русски и, как мне тогда показалось, искренне считавший, что в Афганистане можно быстро воссоздать ту социальную атмосферу, что очаровала его в Рязани. Мы выпили бутылку водки, съели плов и расстались, не подозревая, что больше не увидимся...

Когда в Афганистан были введены советские войска, первое, что мне вспомнилось об этой стране, был отчуждающий взгляд Агамамада Атала. Соответственно первая реакция была: «Боже, куда полезли?!» Я уже тогда ясно понимал, что нетерпение сердца одних (в Афганистане), элементарное невежество и приверженность идеологической догме других (в Кремле) до добра не доведут. Но в то же время я помнил и о палке, чуть не расскрепавшей лицо попрошайки, об Эмине, всегда готовом нажать на нищете и за чужой счет, о замазанных солидолом ручейках крови на растрескавшихся руках наших рабочих, о нитяных чапанах, не способных защитить от пронизывающего ноябрьского ветра. И об уве-

к которому принадлежат и тюрки Северного Афганистана, кодекс основных норм шариата (Ислам... 2003. С. 90–91).

⁴⁰ На дари – буквально «девяносто шесть»: крепость неразведенного спирта.

ренности простых крестьян-пуштунов в своем превосходстве над всеми остальными, о неулыбчивых детях, о Курбане, утешающимся с ишаком, о суррогатном баче, купленном на ночь Мухамедом Амином...

Все это было обыденной повседневностью афганской жизни до революции, и казалось, что в этой повседневности люди готовы были жить и дальше. На деле же утрата элементарных основ физической безопасности многими, кто был «внизу», и демонстрационный эффект иной жизни, толкнувший к действию немногих «наверху», с двух сторон обрушили ветхую стабильность королевства...

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абашин С. Вопреки «здравому смыслу»? (К вопросу о «рациональности / иррациональности» ритуальных расходов в Средней Азии // Вестник Евразии, 1999, № 1–2 (6–7). С. 92–112.
- Демидов С.М. Туркменские овляды. Ашхабад: Ылым, 1976.
- Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. Вып. 4 / Сост., отв. ред. С.М. Прозоров М.: Восточная лит-ра. 2003.
- Кадыров Ш.Х. Российско-туркменский исторический словарь в 2 т. Т. 1. Bergen, Б-ка альманаха «Туркмены», 2001.
- Коргун В.Г. История Афганистана. XX век / Ин-т востоковедения РАН. М.: Крафт, 2004.
- Коргун В.Г. Россия и Афганистан: исторические пути формирования образа России в Афганистане. М.: Либроком, 2009.
- Кругликова И.Т. Настенные росписи Дильберджина // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1973 гг. / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1976. С. 87–110.
- Кругликова И.Т., Сарияниди В.И. Пять лет работы Советско-Афганской археологической экспедиции // Там же. С. 3–20.
- Кудрявцев М.К. Община и каста в Хиндустане (Из жизни индийской деревни). М.: Наука, 1971.
- Литвинский Б.А. Виктор Иванович Сарияниди – легенда археологии Центральной Азии // У истоков цивилизации. Сб. статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди / Ред. Косарев М.Ф., Кожин П.М., Дубова Н.А. М.: Старый сад, 2004. С. 5–22.
- Лыкошин Н.С. Хороший тон на Востоке / Вступ. ст., коммент. В.А. Кореняко. М.: АСТ: Астрель, 2005.
- Массон В.М. Страна тысячи городов. М.: Наука, 1966.
- Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. Т. II. Афганистан в Новое время. М.: Наука, 1965.
- Мендкович Н. Потери в войне 1979–1989 гг. // Афганистан.Ру, 12.06.2009. URL: <http://afghanistan.ru/doc/14905.html>
- Мориер Д. Похождения Хаджи-Бабы из Исфахана. Вольный пер. с англ. Осипа Сенковского // Звезда Востока, Ташкент. 1993, № 5–6.
- Народы России. Энциклопедия / Глав. ред. В.А. Тишков. М.: Большая российская энциклопедия, 1994.
- Некролог. О. Бердыев // Памятники эпохи бронзы и раннего железа. Краткие сообщения Ин-та археологии, вып. 142. М.: Наука, 1975. С. 124–125.
- Платонов А. Такыр // А. Платонов. Потомки солнца. Повести и рассказы. М.: Советский писатель, 1974. С. 450–471.
- Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Конец басмачества. М.: Наука, 1976.
- Сарияниди В.И. Древние земледельцы Афганистана. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг. М.: Наука, 1977.
- Сарияниди В.И. Исследование памятников дашлинского оазиса // Древняя Бактрия... С. 21–86.

- Слинкин М.Ф. Мухаммад Дауд. Политический портрет // Культура народов Причерноморья, 2001, № 23. С. 245–251.
- Соловьёв Л. Повесть о Ходже Насреддине. М.: Молодая гвардия, 1958.
- Хлопин И.Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.: Наука, 1964.
- Хосейни Х. Бегущий за ветром. Пер. с англ. С. Соколова. М.: Phantom Press, 2008.
- Bibliography of the publications of Victor Sarianidi // У истоков... С. 27–38.
- Borofko N. Viktor Ivanovich Sarianidi // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia, 2014, Vol. 20, Issue 2. P. 267–270.
- Breman J. Patronage and Exploitation: Changing Agrarian Relations in South Gujarat, India. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1975.
- Brinkley J. Afghanistan's dirty little secret // San Francisco Chronicle, 29.10.2010. URL: <http://www.sfgate.com/opinion/brinkley/article/Afghanistan-s-dirty-little-secret-3176762.php>
- DAFA Délégation archéologique française en Afghanistan. URL: <http://www.dafa.org.af>.
- Ferozi A.W. The Impact of War upon Afghanistan's Cultural Heritage. Statement by Mr. Abdul Wasey Ferrozi, Director General of the National Institute of Archaeology, Ministry of Information and Culture of Afghanistan at the 105th Annual Meeting of the Archaeological Institute of America in San Francisco, January 3, 2004.
- Jongmans D.G. Politics on the village level // J. Boissevain and J. C. Mitchell (eds.). Network Analysis Studies in Human Interaction. The Hague, Paris: Mouton, 1973.
- Kassab A. L'évolution de la vie rurale dans les régions de la Moyenne Medjerda et de Béja-Mateur. Tounis: Université de Tunis, 1979.
- Quisumbing L.R. Some Filipino (Cebuano) Values and Attitudes Viewed in Relation to Development (A Sebuano Looks at Utang-Na-Loob and Hiyâ // T. R. Williams (ed.). Psychological Anthropology. The Hague, Paris: Mouton, 1975. P. 547–558.
- Rothschild E. What is Security // Daedalus, Summer 1995. Issued as Vol. 124, No. 3, of the Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences. P. 53–97.

REFERENCES

- Abashin S. Vopreki “zdravomu smyslu”? // Vestnik Evrazii. 1999. № 1–2 (6–7). S. 92–112.
- Bibliography of the publications of Victor Sarianidi // U istokov tsivilizatsii. Sbornik statei k 75-letiiu Viktora Ivanovicha Sarianidi / Red.: Kosarev M.F., Kozhin P.M., Dubova N.A. M.: Staryi sad, 2004. S. 27–38.
- Borofko N. Viktor Ivanovich Sarianidi // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2014. Vol. 20. No. 2. P. 267–270.
- Breman J. Patronage and Exploitation: Changing Agrarian Relations in South Gujarat, India. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1975.
- Demidov S.M. Turkmenskije ovljadi. Ashkhabad: Ylym, 1976.
- Jongmans D.G. Politics on the village level. J. Boissevain and J.C. Mitchell (eds.). Network Analysis Studies in Human Interaction. The Hague, Paris: Mouton, 1973.
- Islam na territorii byvshei Rossiiskoi imperii: Entsiklopedicheskii slovar' / Otvetstvennyi redaktor: S.V. Prozorov. Vyp. 4. M.: Vostochnaia literaturara, 2003.
- Kadyrov Sh.Kh. Rossiisko-turkmenskii istoricheskii slovar'. Tom 1. Bergen, Biblioteka al'manakha “Turkmeny”, 2001.
- Kassab A.L'évolution de la vie rurale dans les régions de la Moyenne Medjerda et de Béja-Mateur. Tounis: Université de Tunis, 1979.
- Khlopin I.N. Geoksiurskaia gruppa poselenii epokhi eneolita. M.: Nauka, 1964.
- Korgun V.G. Istoriia Afganistana. XX vek. M.: Kraft, 2004.
- Korgun V.G. Rossiia i Afganistan: istoricheskie puti formirovaniia obraza Rossii v Afganistane. M.: Librokom, 2009.
- Kruglikova I.T. Nastennnye rospisi Dil'berdzhina. I. T. Kruglikova (red.). Drevniaia Baktriiia. Materialy Sovetsko-Afganskoi ekspeditsii 1969–1973 gg. M.: Nauka, 1976. S. 87–110.
- Kruglikova I.T., Sarianidi V.I. Piat' let raboty Sovetsko-Afganskoi arkheologicheskoi ekspeditsii // Ibid., S. 3–20.

- Litvinskii B.A. Viktor Ivanovich Sarianidi – legenda arkeologii Tsentral'noi Azii // U istokov tsivilizatsii... S. 5–22.
- Masson V.M. Strana tysiachi gorodov. M.: Nauka, 1966.
- Masson V.M., Romodin V.A. Istorii Afganistana. T. II. Afganistan v novoe vremia. M.: Nauka, 1965.
- Narody Rossii. Entsiklopediia / Glav. red. V.A. Tishkov. M.: Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia, 1994.
- Nekrolog. O. Berdyev // Pamiatniki epokhi bronzy i rannego zheleza. Kratkie soobshcheniia Instituta arkeologii, vyp. 142, M.: Nauka, 1975. S. 124–125.
- Poliakov Iu.A., Chugunov A.I. Konets basmachestva. M.: Nauka, 1976.
- Quisumbing L.R. Some Filipino (Cebuano) Values and Attitudes Viewed in Relation to Development (A Sebuano Looks at Utang-Na-Loob and Hiyâ. T. R. Williams (ed.). Psychological Anthropology. The Hague, Paris: Mouton, 1975. P. 547–558.
- Rothschild E. What Is Security // Daedalus, Summer 1995. Issued as vol. 124, no. 3, of the Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences. P. 53–97.
- Sarianidi V.I. Drevnie zemledel'tsy Afganistana. Materialy Sovetsko-Afganskoi ekspeditsii 1969–1974 gg. M.: Nauka, 1977.
- Sarianidi V.I. Issledovanie pamiatnikov dashlinskogo oazisa // I.T. Kruglikova (red.). Drevniaia Baktriia... S. 21–86.
- Slinkin M.F. Mukhammad Daud. Politicheskii portret // Kul'tura narodov Prichernomor'ia. 2001. № 23. S. 245–251.

***Панарин Сергей Алексеевич**, кандидат исторических наук, заведующий Центром исследования общих проблем современного Востока в Институте востоковедения Российской академии наук (Москва, Россия); sergpanar@mail.ru*

In Royal Afghanistan (Remembrance-cum-article)

This text combines the earmarks of academic article and freely unfolding memories. The author had a possibility to make a participant observation during his stay in the Northern Afghanistan as a member of the Soviet-Afghan archaeological expedition. He looked at two social groups; on the one side, for the manners and meager conditions of excavation workers who were landless sharecroppers and agricultural laborers; on the other hand, there were everyday encounters with the representatives of rather prosperous rural elite, who widely differ in their worldview and ways of income earning. The article also touches upon the Afghan village appearance and visible signs of rural poverty, a bloody conflict between the local Pashtuns and Turkmens, very strict segregation of sexes and the issuing modals for satisfaction of male sexual needs.

Keywords: archaeological expedition, Northern Afghanistan, excavation workers, fighting, sex segregation, village view, Kurban Klych, Akhmed, Khadzhi-baba

***Sergei Panarin**, PhD in History, Head of the Centre for the Study of Common Problems of the Contemporary East, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); sergpanar@mail.ru*

А. А. ПАВЛОВ

«О ЧЕЛОВЕКЕ И ЧАСТЯХ ЕГО» ИСИДОРА СЕВИЛЬСКОГО СТРУКТУРА И ИСТОЧНИКИ

В статье анализируется текст первой главы книги XI «Этимологии, или Начала» Исидора Севильского. В центре внимания автора – структура и источники текста, в котором Исидор касается проблем духовного и материального в человеке, его физиологии, эмбриологии, половой дихотомии.

Ключевые слова: «Этимологии», Исидор Севильский, антикварно-грамматическая традиция Античности и раннего Средневековья, физиология человека, эмбриология

Как было отмечено нами в другом месте¹, книга XI «Этимологий» Исидора Севильского, посвященная человеку (*De homine et portentis*), занимает центральное место в структуре сочинения². Первая ее глава – «О человеке и частях его» (*De homine et partibus eius*) – занимает две трети ее объема³, составляя основу повествования; именно о ней и пойдет речь ниже. Глава включает 147 параграфов и имеет достаточно ясную структуру, дихотомичность которой определена самим названием. Первая часть (§§ 1–17) имеет вводный характер, давая представление о природе человека; во второй, гораздо более пространной (§§ 18–147), рассматриваются части тела, их названия и функции⁴.

Ставя задачу дать сумму знаний о мироздании, Исидор опирался (чаще опосредованно) как на античные концепции человека, так и на христианскую экзегетическую традицию и собственные сочинения, стремясь выстроить картину мира, соответствующую христианской теодицее. Поэтому и представления о человеке он укладывает в прокрустово ложе библейской трактовки происхождения его из земли, которую мы находим в книге «Бытия» (2:7). При этом в силу этимологического характера сочинения эта трактовка подтверждается этимологически, ибо Исидор выводит (XI. 1. 4) *homo* (человек) из *humus* (земля)⁵. Памятуя о рассказах Исидора о Вавилонской башне (*Etym.* IX. 1. 1), а также о

¹ См. Павлов 2015. С. 306-311.

² Об Исидоре, его труде и методе см., напр.: *Brehaut* 1912. P. 20-22; Павлов 2014. С. 527-534; Харитонов 2006. С. 160-227.

³ Помимо нее в книгу входят три главы: (2) О возрастах людей, (3) О чудесах, (4) Метаморфозы. См. *Исидор Севильский* 2015.

⁴ См. выполненный нами перевод первого параграфа: *Исидор Севильский* 2017.

⁵ Аналогичная этимологическая традиция существовала и у римских авторов. См.: *Quint.* *Inst.* I. 6. 34; *Serv.* *Georg.* II. 340.

наделении Адамом всех животных именами (Etym. XII. 1. 1), сама этимология у Исидора приобретает божественный характер, где наименование вещи (nomen) оказывается неотделимым от самой вещи и восходящим к акту первотворения.

Исидор противопоставляет человека животным (XI. 1. 5), прибегая к топосам о прямохождении человека и обращении человеком взора на небо с целью познания бога⁶, заимствованным у Лактанция⁷. О том же говорит порядок книг: животные рассматриваются в книге XII вслед за человеком⁸. Следуя христианской традиции, Исидор исходит из двойственной природы человека. В ней соединены как земное, так и небесное начала: бестелесная бессмертная душа (§§ 7–13) и материальное тленное тело (§§ 14–17). Христианская традиция, начиная с апостольской (Paul. Rom. 7:22; Cor. 4:16; Ephes. 3:16), уделяла большое внимание анализу природы духовного и материального в человеке и их соотношению⁹. Исидор более пространно изложил свое понимание проблемы в трактате «Различия» (II. 27)¹⁰: душа бесплотна, ее нельзя сравнивать с воздухом (§§ 7–8)¹¹, являющимся одним из четырех (наряду с землей, водой, огнем) элементов материального мира, присущих телу (§ 16). Опираясь на лексикологический анализ, он выделяет (§ 13) разные уровни души: *anima* (душа), *animus* (сознание), *mens* (разум), *ratio* (ум), *memoria* (память), *spiritus* (дух), *sensus* (чувство). Исидор не дает прямого ответа на дебатлируемый античной философией (e.g.: Cic. Tusc. 18-21) и христианской литературой вопрос о местонахождении души. Он связывает ее косвенно, следуя текстуально за Августином (Gen. ad lit. III. 5), со всем телом (§ 19), в то же время считая голову (§ 25) и мозг (§ 21) средоточием чувств, последние же рассматриваются им как элементы души. Имеется у него и более прямое указание на месторасположение души. Говоря об области вокруг сердца, он замечает: там «сосредоточена жизнь, то есть душа (*anima*)» (§ 116).

Тело рассматривается Исидором через посредство оппозиции *corpus* (тело) и *caro* (плоть). Тело состоит из четырех элементов (§ 16) и оно смертно (§ 14). Чтобы подчеркнуть тленный его характер, он

⁶ См. Plat. Tim. 90ab; Sall. Cat. I. 1.

⁷ Lact. Inst. II. 1. 15-16; а также II. 17. 9; VII. 5. 6.

⁸ Такой порядок был присущ и более ранней языческой традиции. Так Плиний Старший в «Естественной истории» рассматривает человека в книге VII, а прочих живых существ в последующих книгах VIII-XI.

⁹ Вспомним такие сочинения как «О природе человека» Немесия Эмесского, «О свидетельстве души» Тертуллиана, «Об устройении человека» Григория Нисского, «О бессмертии души» Августина Блаженного, «О душе» Кассиодора и др.

¹⁰ См. также: Isid. Sent. I. 12; Etym. VIII. 6 etc.

¹¹ Таковую же трактовку души мы встречаем у Лактанция (Orif. XVII. 5-7) и Августина Блаженного (Civ. XI. 10).

производит *corpus* от глагола *corrumpere* (уничтожать). В отличие от тела плоть – живая и связана с актом творения, что также подтверждается автором этимологически (*creare, cremenentum*).

От общей характеристики природы человека через посредство рассмотрения пяти чувств (§§ 18-24) Исидор переходит к анатомии и физиологии (§§ 25-138), теории порождения и эмбриологии (§§ 139-145), заключая главу общим выводом о функциональной и половой специфике органов (§§ 146-147). Рассматривая части тела он следует устоявшейся в медицинской и философской литературе традиции: рассматривать их сверху вниз – от головы к ступням ног, и от внешних частей и органов к внутренним¹². Описание частей тела не носят у него технического медицинского характера. Он никогда прямо не ссылается на медицинские трактаты, однако апеллирует к неким *physici* (§§ 27, 37, 123), знатокам анатомии человеческого тела. Исходя из задач труда, доминирующим методом анализа Исидора, в т.ч. при изложении природы человека и частей его тела, был этимологический метод, что предопределило круг его источников. Хотя Исидор мог быть знаком с латинскими медицинскими трактатами, он черпал информацию главным образом из римской антикварно-грамматической традиции и христианской литературы. Сам Исидор редко указывает на свои источники, даже говоря о различных мнениях по тому или иному вопросу.

В главе он четырежды цитирует тексты Библии (§§ 4, 9, 67, 98), а также ряда античных авторов: Энния (§ 109), Овидия (§ 5), Вергилия (§ 46), Теренция (§ 47), Цицерона (§ 61, 67), Саллюстия (§ 133); ссылается на словоупотребление Гортензия (§ 61), однажды приводит мнение Варрона (§ 97). Цитаты, в т.ч. ссылки на Гортензия и Варрона, очевидно заимствуются им из предыдущей грамматической традиции, в которой подобное цитирование было нормой. Текстологический анализ позволяет выявить не только ряд воспринятых автором из предыдущей традиции идей, но и прямые заимствования. Так, хотя Плиний не упоминается в XI книге, в книге XII о животных Исидор ссылается на него шесть раз, что говорит о его знакомстве с текстом Плиния, по крайней мере в извлечениях¹³. Глава VII Плиния, посвященная человеку, имеет ряд содержательных перекличек с текстом Исидора¹⁴. В двух

¹² См. *Cass. Fel. Med.* I. 9; *Cels. Med.* IV. 2. 1; *Scribon. Larg. Praef.* 15; *Theod. Prisc. RM.* I. 4. Этот же принцип мы находим в христианской апологетической (*Lact. De opif. Dei.* X, XIII) и патристической литературе (*Ambr. Hex.* VI. 7-9).

¹³ Ж. Андре говорит о 45 местах книги XII, в которых ощущается влияние Плиния и в других книгах. См. *Andre* 1986. P. 17. Исследователи находят влияние Плиния и в других книгах. См. *Rodriguez Pantoja* 1995. P. 19; *Oroz Reta* 1987. P. 295-306.

¹⁴ Тот и другой обсуждают физиологию репродукции, сходства и различия детей и родителей, качества менструальной крови и т.д. О книге VII Плиния см. *Beagon* 2005. P. 1-58; *Павлов* 2009. С. 202-210.

местах можно говорить о восхождении текста Исидора к таковому Плиния¹⁵, но, очевидно, через посредство Солина¹⁶, одного из основных источников Исидора, который, однако, никогда не упоминается автором¹⁷.

Не раз Исидор упоминает и *philosophi*¹⁸. Многие философские идеи, восходившие к древнегреческой философии¹⁹, к Платону и Аристотелю, транслировались последующей традицией, в т.ч. латинской и были так или иначе восприняты и традицией христианской, с которой, в отличие от греческих философов, Исидор был хорошо знаком. Что касается римских философов, то в своей работе он не раз, хотя очевидно опосредованно, цитирует Лукреция и Цицерона²⁰. В книге XI влияние Лукреция (IV. 1208–1232) может быть прослежено в излагаемой Исидором теории прокреации (§ 145)²¹. Ряд сходств с текстом Исидора имеет и пассаж Цицерона из второй книги трактата «О природе богов», где последний касается анатомии человека и назначения частей тела²².

Многие идеи античной философии были восприняты Исидором опосредованно, через их рефлексию в христианской традиции. Несомненно, большое влияние на него оказал текст сочинения «О творении Божиим» Лактанция, в котором тот первым из христианских апологетов затронул вопросы анатомии и физиологии животных и человека. По подсчетам Цезаре Магадзу, в первой главе у Исидора имеется 27 заимствований из этого сочинения, хотя его направленность (апологетическая и теологическая) была иной²³. Можно, в частности, говорить о сходстве описаний у обоих авторов таких частей тела как десны (§ 54)²⁴, пальцы (§ 70)²⁵, ягодицы (§ 101)²⁶, ноги (§ 113)²⁷. По-

¹⁵ Тот и другой говорят о меньшем количестве зубов у женщин, дают схожую характеристику менструальной крови.

¹⁶ *Gasti* 1998. P. 41. Прим. 63.

¹⁷ По подсчетам Ж. Андре, только в XII книге влияние Солина прослеживается в 79 местах. См. *Andre* 1986. P. 13-22.

¹⁸ В первой главе книги XI дважды (§§ 11, 20).

¹⁹ В частности, о четырех первоэлементах, из которых состоит человеческое тело и весь материальный мир (§ 16).

²⁰ Христианская традиция восприняла многие положения античной философии. В частности, Лактанций, в своем сочинении «О творении Божиим», выказывает знание Цицерона, Варрона, Лукреция, Сенеки, Плиния Старшего, стоической философии и неоплатонизма. Об использовании Лактанцием трудов Цицерона см., напр.: *Luciani* 2007. P. 33-50; *Fraïsse* 2007. 51-74; а также *Kendeffy* 2015. P. 56-94.

²¹ *Павлов* 2007. С. 28-60.

²² Объяснения назначения ресниц и бровей (*Nat. deor.* II. 143) у Цицерона имеют прямые аналогии с текстом Исидора (§ 39, 42).

²³ *Magazzù* 1982. P. 247-250. См. также: *Gasti* 2007. P. 131-150.

²⁴ Ср. *Lact. De opif. Dei.* X. 18.

²⁵ *Ibid.* X. 22-23.

²⁶ *Ibid.* XIII. 3.

²⁷ *Ibid.* XIII. 6.

мимо текста Лактанция, Исидор использовал и «Шестоднев» Амвросия Медиоланского, где последний, комментируя текст первых глав книги «Бытия», рассматривает человека и его тело. Пассаж Амвросия о руках (Нех. VI. 9. 69) имеет текстологическое сходство с таковым у Исидора (§ 66). Можно также говорить о сходстве описания гениталий у Исидора (§ 102) и Августина (Faust. XXIX. 4).

Будучи знаком с широким кругом языческих и христианских работ разных жанров и направлений, Исидор, руководствуясь целью своего труда, не следует направляемую ни за одной из них. В общей оценке строения и назначения человеческих органов он исходит из их пользы, идея, которая была высказана еще в Платоновском «Тимее», но увязывает пользу с этическим началом, что было характерно для стоиков, и ярко выражено в антропологии Цицерона.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Исидор Севильский.* Этимологии, или Начала. Книга XI / пер. с латинского А.А. Павлова // Диалог со временем. 2015. Вып. 53. С. 312-322.
- Исидор Севильский.* Этимологии, или Начала. Книга XI. Глава 1: О человеке и частях его / пер. А.А. Павлова // Диалог со временем. 2017. Вып. 61. С. 330-344.
- Павлов А.А.* Физиология любви Лукреция // Гендер и общество в истории / под ред. Л.П. Репиной, А.В. Стоговой, А.Г. Суприянович. СПб., Алетей, 2007. С. 28-60.
- Павлов А.А.* Конструируя человека: мужское и женское в антропологии Плиния Старшего // Адам и Ева. М.: ИВИ РАН, 2009. № 17. С. 202-210.
- Павлов А.А.* Исидор Севильский и его «Этимологии» // ANTIQVITAS AETERNA. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 4: История понятий, категориальный аппарат современной исторической науки и проблемы (ре)конструкции прошлого. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2014. 527-534.
- Павлов А.А.* Исидор Севильский о возрастах человека // Диалог со временем. 2015. Вып. 53. С. 306-311.
- Харитонов Л.А.* «Исидор Севильский». Историко-философская драма // *Исидор Севильский.* Этимологии, или Начала. В XX книгах. Кн. I-III: Семь свободных искусств. СПб.: Евразия, 2006. С. 160-227.
- Andre J.* Isidore de Seville. Etymologies livre XII. Paris, 1986.
- Brehaut E.* An Encyclopedist of the Dark Ages. Isidore of Seville. NY., 1912.
- Beagon M.* The Elder Pliny on the human animal: Natural History, Book 7. Oxf., 2005.
- Fraïsse A.* Le De Opificio Dei, interprétation chrétienne de l'antropologie cicéronienne // Le De opificio Dei: Regards croisés sur l'antropologie de Lactance / ed. B. Bakhouche et S. Luciani. P., 2007. P. 51-74.
- Gasti F.* L'antropologia di Isidoro. Le fonti del libro XI delle *Etimologie*. Como: Edizioni new press, 1998.
- Gasti F.* Lattancio e Isidore: aspetti storico-culturali di una compilazione // Le De opificio Dei: Regards croisés sur l'antropologie de Lactance / ed. B. Bakhouche et S. Luciani. P., 2007. P. 131-150.
- Kendeffy G.* Lactancius as Christian Cicero, Cicero as Shadow-like Instruktor // Brill's Companion to the Reception of Cicero / ed. H.F. Altman. Leiden, 2015. P. 56-94.
- Luciani S.* Explicare quod homo disertissimus paene omisit intactum: présence de Cicéron dans le *De opificio Dei* // Le De opificio Dei: Regards croisés sur l'antropologie de Lactance / ed. B. Bakhouche et S. Luciani. P., 2007. P. 33-50.
- Magazzù C.* L'influsso del De Opificio Dei di Lattanzio sul libro XI delle *Etymologiae* di Isidoro // Bolletino di Studi Latini. 1982/12. P. 247-250.
- Oroz Reta J.* Presense de Pline dans les Etymologies de saint Isidore de Seville // *Helmantica*. 1987/38. P. 295-306.

REFERENCES

- Isidor Sevil'skiy*. Aetimologii, ili Nachala. Kniga XI / per. s latinskogo A.A. Pavlova // Dialog so vremenem. 2015. Vyp. 53. S. 312-322.
- Isidor Sevil'skii*. Aetimologii, ili Nachala. Kniga XI. Glava 1: O cheloveke i chastyakh ego / per. A.A. Pavlova // Dialog so vremenem. 2017. Vyp. 61. S. 330-344.
- Pavlov A.A.* Fisiologiya lubvi Lukretsia // Gender i obshestvo v istorii / pod red. L.P. Repinoy, A.V. Stogovoy, A.G. Suprijanovich. SPb., Aleteja, 2007. S. 28-60.
- Pavlov A.A.* Konstruiруя cheloveka: muzhskoe i zhenskoe v antropologii Plinija Starshego // Adam i Eva. Almanah gendernoi istorii. M.: IVI RAN, 2009. № 17. S. 202-210.
- Pavlov A.A.* Isidor Sevil'skiy i ego «Etimologii» // ANTIQVITAS AETERNA. Povolzhskiy anikovedcheskiy zhurnal. Vyp. 4: Istoria ponyatiy, kategorialnyy apparat sovremennoy istoricheskoy nauki i problemy (re)konstruktsii proshlogo / Pod red. A.V. Machlayuka i O.L. Gabelko. Nizhniy Novgorod: Izd-vo NNGU, 2014. S. 527-534.
- Pavlov A.A.* Isidor Sevil'skiy o vozrastah cheloveka // Dialog so vremenem. Almanah intellektualnoy istorii. M.: IVI RAN, 2015. Vyp. 53. S. 306-311.
- Haritonov L.A.* "Isidor Sevil'skiy". Istoriko-filosofskaya drama // Isidor Sevil'skiy. Aetimologii, ili Nachala: v XX knigah. Kn. I-III: Sem' svobodnyh iskusstv. SPb.: Evrazia, 2006. S. 160-207.
- Andre J.* Isidore de Seville. Etymologies livre XII. Paris, 1986.
- Brehaut E.* An Encyclopedist of the Dark Ages. Isidore of Seville. N.Y., 1912.
- Beagon M.* The Elder Pliny on the human animal: Natural History, Book 7. Oxf., 2005.
- Fraïsse A.* Le De Opificio Dei, interprétation chrétienne de l'antropologie cicéronienne // Le De opificio Dei: Regards croisés sur l'antropologie de Lactance / ed. B. Bakhouché et S. Luciani. P., 2007. P. 51-74.
- Gasti F.* L'antropologia di Isidoro. Le fonti del libro XI delle Etimologie. Como: Edizioni new press, 1998.
- Gasti F.* Lattancio e Isidore: aspetti storico-culturali di una compilazione // Le De opificio Dei: Regards croisés sur l'antropologie de Lactance / ed. B. Bakhouché et S. Luciani. P., 2007. P. 131-150.
- Kendeffy G.* Lactancius as Christian Cicero, Cicero as Shadow-like Instruktor // Brill's Companion to the Reception of Cicero / ed. H.F. Altman. Leiden, 2015. P. 56-94.
- Luciani S.* Explicare quod homo disertissimus paene omisit intactum: présence de Cicéron dans le De opificio Dei // Le De opificio Dei: Regards croisés sur l'antropologie de Lactance / ed. B. Bakhouché et S. Luciani. P., 2007. P. 33-50.
- Magazzù C.* L'influsso del De Opificio Dei di Lattanzio sul libro XI delle Etymologiae di Isidoro // Bolletino di Studi Latini. 1982/12. P. 247-250.
- Oroz Reta J.* Presense de Pline dans les Etymologies de saint Isidore de Seville // Helmantica. 1987/38. P. 295-306.

Павлов Андрей Альбертович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета им. Питириша Сорokinа; aapavlov@rambler.ru

'De homine et partibus eius' by Isidore of Seville: structure and sources

The article analyses the text of Paragraph 1 of the Book XI of the "Etymologies" by Isidore of Seville, which is dedicated to the man. The author focuses his attention of the structure and the sources of the text, in which Isidore touched upon the problems of the spiritual and the material in the man, as well as his physiology, embryology and the dichotomy of sexes.

Keywords: Isidore of Seville, 'The Etymologies', antiquarian and grammatic tradition of Antiquity and early Middle Ages, man, physiology of man, embryology

Andrey Pavlov, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Russian and Foreign History, Syktyvkar State University; aapavlov@rambler.ru

ДАНТЕ – ПЕТРАРКА – ТАССО: ТОПОС ПОЭТА-ИЗГНАННИКА¹

В статье исследуется топос «поэта-изгнанника», являющийся подвариантом топоса «поэта-страдальца». Особенную популярность он обрел в эпоху романтизма, когда прочно стал частью поэтического языка и элементом самоописания для поэзии. Но корни у него давние. Уже Данте дал этому топосу мотивы моральной стойкости, любви к родине вопреки и поверх ее несправедливого суда, притягия своей судьбы. Петрарка прибавил мотив абсолютной самодостаточности как главного условия поэтической самореализации. Тассо сформировал топос окончательно, придав ему свойства и статус нормативности: поэт в силу своего выбора оказывается обречен на неразрешимый конфликт с социальной действительностью.

Ключевые слова: Данте, Петрарка, Торквато Тассо, Овидий, поэтическая топика

Знаменитая формула Марины Цветаевой «В сем христианнейшем из миров поэты – жида!»², при всей своей афористической парадоксальности, опирается на прочную традицию восприятия судьбы поэта как роковой обреченности на страдания и изгойства, на бесприютность и изгнанничество, в том числе (евреи – изгнанники по определению). «Изгнанники, скитальцы и поэты», как гласит еще один знаменитый стих, удел их – «к чужим шатрам идти просить свой хлеб» (с явной дантовской аллюзией).² В конце XIX в. эту тему не только развивали, но уже и пародировали (как, например, Чехов в рассказе «Исповедь, или Оля, Женя, Зоя»: «писатель – это вечный сирота, изгнанник, козел отпущения, беззащитное дитя»). Зародилась она давно и в полную силу вошла в эпоху романтизма, для духовного климата которой характерна вышедшая в начале XIX века книга Ж.-М.-Б. Бена де Сен-Виктора «Великие и несчастные поэты», где проводится мысль, что поэтический гений и исполненная страданий жизнь есть вещи нераздельные, и где выстраивается впечатляющий синодик поэтов-страдальцев – от Гомера и Сафо до Мальфилатра и Никола Жильбера. Есть в этом списке и Данте с Тассо. Петрарки, разумеется, нет.

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов РФ в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

² Для Волошина изгнанничество и скитальчество – один из лейтмотивов. Ср. в той же *Sogona australis* «Кому земля – священный край изгнанья» или «В себе несем свое изгнанье мы». Ср. также: «Быть изгоем при всех царях или народоустройствах» («Доблесть поэта»), «Бездомный долгий путь назначен мне судьбой... Я странник и поэт» («Как некий юноша»), «Предвечно странствие мое» («Я верен темному завету»).

Первым в ряду поэтов-изгнанников стоит Овидий – поэтов изгнали и до него, но они о своей изгнаннической доле не писали, Овидий сделал тему изгнания темой поэтической³. Тему эту, однако, до Данте никто не подхватил. Причина, может быть, в том, что Овидий слишком охотно и безоговорочно признал себя виновным (хотя в чем заключается его вина, ни разу не сказал), и слишком, как кажется, работлепно славил своего судью (в надежде на помилование)⁴. Пушкин, во всяком случае, об этом вспомнил, оказавшись в своей южной ссылке рядом с местами, «где элегическую лиру / глухому своему кумиру / он [Овидий] малодушно посвятил» («Из письма к Гнедичу»). А Данте, напротив, ни разу не вспомнил об изгнании Овидия, хотя Овидий – один из главных для него поэтов⁵: отношение Овидия к своему изгнанию примером для него явно служить не могло.

Скорбь по оставленной отчизне и горечь от пребывания на чужбине Данте чувствовал не менее остро, чем Овидий – правда, чтобы ее сполна выразить, Овидию понадобилось две книги стихотворений, а Данте хватило двух терцин (Рай, XVII, 55–60). Овидий надеялся на прощение – Данте также до какого-то времени верил, что ему удастся «по-хорошему» (*con buona pace*) примириться с Флоренцией и в ней «успокоить усталый дух» (Пир, I, III). Овидий прощения не дождался – Данте, и здесь уже начинаются различия, отверг прощение, оговоренное рядом унижительных условий. Путь «славы и чести» (*via... que fame Dantisque honori non deroget*) для него важнее, чем возвращение на родину⁶. Данте, в отличие от Овидия, не согласен считать себя виновным – ни в ошибке, ни в оплошности, ни в преступлении. Он – безвинный изгнанник (*exul immeritus*), так он себя называет в четырех письмах. Изгнали его за «добрые дела» (*per tuo ben far – Inferno, XV, 64*), и преступники – те, кто его изгнали, «завистливый, надменный, жадный люд» (68). Правда на его стороне, и хотя чувство влечет его к оставленной родине, разум убеждает, что мир Тосканой и Флоренцией не ограничивается, и именно мир он должен избрать своим новым отечеством (О народном красноречии, I, VI). Изгнание причиняет ему боль, но он гордится своим изгнанием (канцона «Мое три дамы сердце окружили»: *l'essilio che m' è dato onor mi tegno*)⁷.

³ Гаспаров 1997. С. 205.

⁴ Там же, с. 215–216.

⁵ Mincione 2015.

⁶ «Но если сначала вы, а потом другие найдете иной путь, приемлемый для славы и чести Данте, я поспешу ступить на него. И если ни один из таких путей не ведет во Флоренцию, значит во Флоренцию я не войду никогда» (Письмо флорентийскому другу // Данте Алигьери. С. 384).

⁷ Об этой теме у Данте см.: Mercuri 2013.

Петрарку никто ниоткуда не изгонял – напротив, наперебой предлагали звания и должности. В изгнании он, правда, родился (его отец был изгнан из Флоренции в том же году, что и Данте) и куда с большим основанием мог бы зваться гражданином мира, чем Данте. «Гражданином Флоренции» (*florentinus civis*) и «моим согражданином» (*concivis meus*) его упорно называют Боккаччо, сам Петрарка тоже неоднократно именуется Флоренцию своей родиной, но ничего похожего на проницательные дантовские слова не ищет и не находит. В «Письмах о делах повседневных» он, как правило, защищается от обвинений в холодности или прямой неприязни к Флоренции: напоминает, что она была жестока по отношению к его семейству (*Fam. VII, 10*), говорит, что любит родину, но предпочитает жить в других местах (*Fam. VIII, 10*), а почему – объясняет тем, что она вся погрязла в делах и торговле (*Fam. XXIV, 12, *lucri dedita**). Во всяком случае большого желания вернуться на родину или хотя бы навестить ее у Петрарки никогда не возникало. Впервые он побывал во Флоренции в 1350 г., сорока шести лет (напомним, что мать Петрарки получила разрешение вернуться на территорию Флоренции уже в 1305 г. и свои детские годы Франческо провел во флорентийской Инчизе – отец навещал семью тайно). А в 1351 г. флорентийская коммуна, поддавшись на уговоры Боккаччо, пригласила Петрарку занять кафедру в университете, при этом приговор отцу был бы отменен и конфискованное имущество возвращено. Откликаясь на это предложение (*Fam. XI 5*), Петрарка расценил возвращение имущества как естественный знак уважения к его заслугам, а на приглашение в университет ответил уклончиво и вскоре уехал в Прованс. Коммуна, поняв это как отказ, тут же отозвала все свои авансы.

Теме изгнания Петрарка посвятил небольшую главку в трактате «О средствах против превратностей судьбы» (II, 67). Основной тезис – «изгнания не существует», вернее, оно существует только для того, кто воспринимает его как несчастье. Между тем человека разумного и доблестного изгнание смутить не может, для него весь мир – отечество (или, в другой проекции, весь мир – тюрьма, но этот поворот темы здесь Петрарка не развивает). Если ты изгнан несправедливо, радуйся, что ты больше предан добродетели, чем родине. Если ты изгнан надолго, заведи себе другую родину. Тебе приказано отправиться в изгнание – считай это путешествием (похожая мысль – в *Fam. II, 3, 4*). Тебя принуждают – считай это своим выбором и отнесись к нему с радостью. Изгнание – это испытание, если оно тебя сломает, значит ты его не выдержал, если останешься тверд, доблесть твоя приумножится.

В качестве примеров стойкости перед лицом изгнания Петрарка называет Камилла, Рутилия, Метелла, Сципионов. Имени Данте нет, но негласно Данте здесь присутствует. Видимо, именно к нему можно отнести мысль о том, что не следует сохранять привязанность к малой

части обширного мира. Жалок тот, кто за эту привязанность держится. Дело тут, наверное, не только в желании уколоть мимоходом поэта, которого Петрарка воспринимал как своего главного соперника. Он, наверное, и вправду не понимал, как можно тосковать по городу, поступившему с тобой сурово и несправедливо, как можно хотеть вернуться в человеческий муравейник, где тебя связывают по рукам и ногам кровные и клановые обязательства, когда ты наконец обрел свободу. Сам же Петрарка был апатридом по судьбе и по натуре. Флоренцию, положим, ему было любить не за что. Но ведь и о Воклозе, дом в котором он создал своими руками и который называл своей «малой Италией» (Fam. XII, 8), он как-то обмолвился: да, красивое место, но что в нем хорошего, если отнять у него Петрарку (письмо к Луке Кристиани от 19 мая 1349 г.). Италия, в любви к которой он постоянно клянется, это некая идея Италии, некий историко-культурный миф, и она имеет мало общего с Италией реальной⁸. Именно из этой, несуществующей Италии, Италии Цезаря и Цицерона он чувствовал себя изгнанником – из мира высокой культуры в мир варварства.

Здесь намечается некоторое духовное родство Петрарки с Овидием: у обоих есть оппозиция двух этих миров, культурного и варварского, разница в том, что у Овидия они разделены пространством, а у Петрарки – временем. Оба стремятся эту границу преодолеть: Овидий – «Письмами с Понта», Петрарка – письмами Гомеру, Цицерону и Титу Ливию. Оба согласны жить, где угодно, но только не там, куда их насильственно поместили⁹. Оба одиноки, но Овидий своим одиночеством мучается, а Петрарка свое одиночество культивирует. Овидий благодаря этому создает новую поэтическую тему¹⁰, а Петрарка – новый культурный миф.

Уединение для Петрарки – безотносительная ценность. Уединению он посвятил один из своих наименее риторически холодных трактатов («Об уединенной жизни», 1346). «Для меня, - говорится в нем, - с уединением не могут сравниться ни подруга, ни супруга, ни участие в суде, ни проценты и барыши, ни залоговые сделки, ни трибуны, ни баня, ни лавки, ни сцена, ни городские портики. Это мне внушено самой природой»¹¹. К уединению он действительно стремился, избрав своим образом жизни удел своего рода культурного отшельничества, не име-

⁸ Fenzi 2013.

⁹ «Я всегда желал бы быть рожденным в любой другой век и, чтобы забыть этот, постоянно старался жить душою в иных веках» («Письмо к потомкам» // Петрарка 1980. С. 310).

¹⁰ «Открытие темы одиночества, изобретение поэтических слов для ощущения одиночества – именно в этом заключается вечный вклад понтийских элегий Овидия в сокровищницу духовного мира Европы» (Гаспаров С. 205)

¹¹ Петрарка 1998. С. 88.

ющий в истории прямых прецедентов. В отличие от киников Петрарка, затворяясь в своем Воклюзе близ Авиньона или в Арква близ Падуи, никого не стремился эпатировать, а в отличие от монахов, уходя от мира, с миром окончательно не порывал. Его отшельничество – светское и вполне публичное: отдаляясь от мира, он становится миру лучше виден, ему уже не грозит опасность в нем затеряться. А чтобы мир о нем не забыл, ему нужно постоянно о себе напоминать – этому служат письма, длящийся десятилетиями рассказ о себе, исповедь, сделавшаяся публичной и непрерывной.

В главке, посвященной изгнанию в трактате «О средствах против превратностей судьбы», Петрарка об Овидии не упомянул. Зато упомянул, и весьма неодобрительно, в трактате «Об уединенной жизни» (II, 12). У него к Овидию две претензии. Первая – это то, что он слишком много внимания уделяет любострастию, чему свидетельством его «Наука любви», книга «нездоровая» (*insanum opus*) и справедливая причина для изгнания. Вторая – что он не понял, как благотворно для поэтов уединение, и в этом отношении представляет своего рода исключение. Вернуться в многолюдье Рима он стремился, потому что там легче было удовлетворить сжигавшие его желания. Будь его нравы другими, он бы и изгнанию не подвергся, и перенес бы изгнание с более легкой душой (*equanimius*).

В целом можно сказать, что если Данте дал складывающемуся топосу «поэта-изгнанника» мотивы моральной стойкости, любви к родине вопреки и поверх ее несправедливого суда, приятия своей судьбы, то Петрарка добавил к этому мотив самодостаточности. У Данте подступы к нему тоже есть: ты станешь «партией сам для себя», говорит ему Каччагвида (Рай, XVII, 69). Но Петрарка развил этот мотив до универсальной жизненной программы, в рамках которой мотивы, непосредственно связанные с изгнанничеством, оттесняются на второй план. Это, собственно, уже другой топос, и пушкинский стих «Ты – царь, живи один» опирается на него.

Тассо, как и Петрарка, был изгнанником, так сказать, во втором поколении. Изгнан был из Неаполя его отец, Бернардо, известный поэт – вместе с его патроном Ферранте князем Салернским. Семьи Бернардо изгнание не затронуло, и юный Торквато еще два года оставался с матерью, пока отец в 1554 г. не выписал его к себе в Рим. Самого Торквато не изгоняли. Он дважды бежал: сначала в 1577 г. из Феррары, где его после нападения с ножом на слугу подвергли заключению в монастыре Св. Франциска, затем в 1587 г. из Мантуи, где заключения не было, но был надзор. В промежутке было еще одно заключение, самое долгое и самое знаменитое – семь лет и четыре месяца в монастыре св. Анны в Ферраре. Это не помешало Тассо представить себя изгнанником в кан-

цоне «К Метавру», написанной (но не дописанной до конца), когда Тассо освободился от первой фerrarской темницы и еще не попал во вторую. Он называет себя «беглым странником» (*fugace peregrino*), сравнивает с Асканием и Камиллой (чьи отцы стали изгнанниками из родных краев), говорит, что рос в нищете и в «жестоком изгнании» (*in aspro essiglio*). Главный его гонитель – судьба, это она, жестокая и всевидящая, несмотря на свою слепоту (*quella cruda e cieca dea ch'è cieca e pur mi vede*), богиня сделала его с младенческих лет своей «мишенью и забавой». Для собственно художественного творчества Тассо такой плотный автобиографизм (он вспоминает еще о разлуке с матерью и о смерти отца) – редкость. Лирика его автобиографична только в той мере, в какой автобиографична всякая лирика классической эпохи (т.е. с большой долей жанровой и риторической условности), есть некоторые автобиографические включения в диалогах, в «Освобожденном Иерусалиме» – лишь строка во вступлении, где автор, подносящий свой труд фerrarскому герцогу, предстает «блуждающим странником» (*peregrino errante*), тонушим в море бед.

Образ Тассо как безвинного скитальца и страдальца, словно притягивающего к себе все возможные несчастья, есть в значительной мере плод его писем, большая часть которых создавалась в период заключения (более пятисот). Последующая традиция добавила лишь романтическую историю о любви к герцогской сестре и легенду о том, что Тассо притворился безумным с тем, чтобы избежать преследования высокопоставленных завистников. В тассовском эпистолярии – постоянные жалобы на неволю, на одиночество, на бытовые неудобства, болезни, страхи, тревоги, подавленность, галлюцинации. Мольбы о заступничестве, обращенные к князьям, прелатам, друзьям, литераторам. И вдруг – просьба прислать свежие рубашки и сахару получше (именно эта игра контрастов дала повод Леопарди объявить эпистолярий Тассо его главным произведением и лучшей прозой в Италии XVI века). В своих письмах Тассо готов назвать своих гонителей и завистников, но все равно главной гонительницей остается судьба, именно против нее он просит помощи («пусть победит Ваше милосердие мою судьбу» – письмо Лукреции д'Эсте 18 марта 1585 г.). И это уже не внешняя сила, против которой можно бороться и от которой можно бежать, а что-то сросшееся с тобой навеки.

Драматические перипетии дантовской биографии могли пониматься как нечто сугубо личное, как случившееся с ним и только с ним. Программа, предложенная Петраркой, могла рассматриваться как нечто сугубо абстрактное, как то, что к реальной жизни отношения не имеет. С Тассо ситуация в корне иная. Его судьба парадигматична. Недаром его жизнь, едва успев закончиться, стала превращаться в ле-

генду. То, что произошло с ним, может произойти со всяким поэтом – каждого подстерегает изгнание, темница, безумие. Рядом с образом поэта как любимца богов впервые встал образ поэта как невольника своей судьбы. Топос сложился окончательно.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гаспаров М.Л.* Овидий в изгнании // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Том I. О поэтах. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 192–227.
- Данте Алигьери.* Малые произведения. М.: Наука, 1968. 649 с.
- Петрарка Ф.* Лирика. М.: Художественная литература, 1980. 382 с.
- Петрарка Ф.* Сочинения философские и полемические. М.: РОССПЭН, 1998. 479 с.
- Fenzi E.* Petrarca e l'esilio. Uno stile di vita // Arzanà. Cahier de littérature medieval italienne. 2013. № 16–17. Pp. 365–402.
- Mercuri R.* Dante e l'esilio // Arzanà. Cahier de littérature medieval italienne. 2013. № 16–17. Pp. 231–250.
- Mincione G.* Ovidio nella Divina Commedia. Chieti. Edizioni Solfanelli, 2015. Pp. 72.

REFERENCES

- Gasparov M.L.* Ovidij v izgnanii // Gasparov M.L. Izbrannye trudy. Tom I. O poetakh. Moskva, Iazyki russkoj kul'tury, 1997. Pp. 192–227.
- Dante Alig'eri.* Malye proizvedeniia. Moskva, Nauka, 1968. Pp. 649.
- Petrarka F.* Lirika. Moskva, Khudozhestvennaia literatura, 1980. Pp. 382.
- Petrarka F.* Sočineniia filosofskie i polemicheskie. Moskva, ROSSPEN, 1998. Pp. 479.
- Fenzi E.* Petrarca e l'esilio. Uno stile di vita // Arzanà. Cahier de littérature medieval italienne. 2013. № 16–17. Pp. 365–402.
- Mercuri R.* Dante e l'esilio // Arzanà. Cahier de littérature medieval italienne. 2013. № 16–17. Pp. 231–250.
- Mincione G.* Ovidio nella Divina Commedia. Chieti. Edizioni Solfanelli, 2015. Pp. 72.

Андреев Михаил Леонидович, доктор филологических наук, член-корр. РАН, главный научный сотрудник ИМЛИ РАН; ведущий научный сотрудник ИГИТИ НИУ «Высшая школа экономики»; mikhailandreev1@gmail.com

Dante, Petrarch, Torquato Tasso: the topos of an “exile poet”

The article examines the topos of an "exile poet", which is a subvariant of the topos "poet-sufferer". It gained special popularity in the era of Romanticism, when it became firmly part of the poetic language and an element of self-description for poetry. But his roots are long-standing. Already Dante gave this topos motifs of moral fortitude, love of the homeland in spite of and over her unjust court, acceptance of her fate. Petrarch added the motive of absolute self-sufficiency as the main condition for poetic self-realization. Tasso formed topos definitively, giving it the properties and status of normativeness: the poet by his choice is doomed to an unresolvable conflict with social reality.

Keywords: Dante, Petrarch, Torquato Tasso, Ovid, Poetic topic

Mikhail Andreev, Dr.Sc. (Philology), Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of World Literature, RAS; Leading Researcher, National Research University “Higher School of Economics”; mikhailandreev1@gmail.com

М. Е. РАЗИՆЬКОВ

ДЕФИНИЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Представители партий и военные деятели сторон-участниц Гражданской войны в России применяли разные термины при описании вооруженного и идеологического противостояния в стране. Зачастую они избегали называть его «гражданской войной», предпочитая пользоваться дефинициями «социальная революция», «смута», «классовая борьба», либо развивая концепт «национальной катастрофы» и «национальной борьбы». Подобная игра терминами и смыслами не является случайной и отражает особенности идеологического и коммуникативного поля войны.

Ключевые слова: гражданская война, социальная революция, классовая борьба, революционная война, смута, братоубийство, третья революция

«Гражданская война», «революционная война», «классовая борьба», «социальная революция», «третья революция», «смута», «братоубийство», – термины, с помощью которых участники вооруженного противостояния в России 1917–1922 гг. пытались описать происшедшее в стране. Эти дефиниции были важной составляющей политического сознания, культуры и языка революции. Однако смыслы в них вкладывались совсем не однозначные.

Термин «гражданская война» применяли все стороны, но с разной частотностью и в различных значениях. Чаще всего им пользовались большевики и социалистические партии, что, вероятно, связано со сложившейся в XIX в. традицией в социалистическом движении, особенно в радикальном марксизме, именовать внутренние конфликты «гражданскими войнами»; как известно, К. Маркс именовал события Парижской коммуны гражданской войной¹. Социалисты в России оказались «готовы» именно к «гражданской войне», но ортодоксальные социалисты, даже проводя исторические аналогии, расходились с большевиками в определении сущности возникшего противостояния. Меньшевики и эсеры предпочитали для анализа революционной ситуации использовать опыт Великой французской революции, в т.ч. концепт «Термидор», а большевики отсылали к Парижской коммуне, к противостоянию 1848–1849 гг., активно применяли термин «бонапартизм», имея в виду режим Наполеона III². Такое расхождение неслучайно, поскольку ортодоксальные марксисты и неонародники рассматривали революцию 1917 г. как буржуазно-демократическую, а большевики старались под-

¹ Маркс 1960.

² Ленин, т. 26, с. 95, 110; т. 34, с. 49, 214–215, 224–226; т. 38, с. 114; т. 39, с. 189; Голдин 2000. С. 60; Меньшевики... 2002. С. 233; Чудинов 2004.

черкнуть принципиальную новизну происходящего. Поворот к этой новизне, социальному противостоянию в виде пролетарской революции, по их мнению, ознаменовала именно Парижская коммуна. Наиболее полное ленинское определение гражданской войны относится к середине сентября 1917 г.:

«...гражданская война есть наиболее острая форма классовой борьбы, когда ряд столкновений и битв экономических и политических, повторяясь, накапливаясь, расширяясь, заостряясь, доходят до превращения этих столкновений в борьбу с оружием в руках одного класса против другого класса. Чаще всего – можно сказать, даже почти исключительно – наблюдаются в сколько-нибудь свободных и передовых странах гражданские войны между теми классами, противоположность между коими создается и углубляется всем экономическим развитием капитализма, всей историей новейшего общества во всем мире, именно: между буржуазией и пролетариатом»³.

Таким образом, гражданская война виделась ему острым социальным конфликтом на почве экономических и политических противоречий.

Взгляды меньшевистских и неонароднических партий на определения «гражданской войны» отличались от большевистских и претерпели в 1917–1920 гг. определенную эволюцию. В 1917–1918 гг. ПСР и меньшевистские организации называли «гражданской войной» противостояние между партиями «революционной демократии». В дальнейшем акцент смещался на социальное противостояние внутри и между «демократическими классами» (рабочие и трудовое крестьянство). «Гражданская война» четко отделялась от «классовой борьбы» против контрреволюции⁴. Теоретики ПСР в 1918–1919 гг. вкладывали в понятие «гражданская война» смысл борьбы против большевиков всех, кто был готов встать под социалистические знамена, включая т.н. «недемократические» силы, которые предполагалось привлечь на свою сторону методом «обволакивания»⁵. Таким образом, они считали гражданскую войну не только социальным, но и политическим конфликтом, причем «гражданская война» в 1917–1918 гг. виделась им конфликтом именно по политическим, «надуманным», причинам, разрывавшим единство освободительного фронта трудовых классов. Богатство смыслов, вкладывавшихся в понятие «гражданская война», этим не ограничивается.

В 1917–1918 гг. большевики еще высказывали мысли, созвучные меньшевикам и эсерам. Ленин в 1917 г. различал «буржуазную» и «пролетарскую» «гражданские войны». Первая, по мысли лидера большевиков, инициировалась буржуазными кругами, использовавшими генералитет, «дикую дивизию» (здесь – «темные массы») для

³ Ленин, т. 34, с. 215.

⁴ Меньшевики в большевистской России. 1999. С. 174, 199, 271, 635, 665; 2000. С. 107; Партия левых социалистов-революционеров. 2000. С. 46, 333.

⁵ Там же. 2000. С. 389–390, 393.

удержания власти. Вторая, «пролетарская», представляла собой тот самый желаемый классовый конфликт, который даст политическую и экономическую власть трудящимся⁶. Дуалистичность представлений Ленина о сущности гражданской войны перекликается с теоретическим дуализмом меньшевиков и эсеров по поводу конфликта внутри страны. В дальнейшем Ленин отказался от такой классификации, зато предложил в 1919 г. концепцию «международной гражданской войны», означавшей противостояние сил международного пролетариата, прежде всего, в лице его лидера – Советской России, против мирового империализма. Инициатором этой войны он считал империализм, развязавший «истинную» гражданскую войну в России через восстание чехословаков и поддержку Антантой Белого движения⁷.

Интерпретации понятия «гражданская война» у большевиков различались. Даже в 1919 г. лидер левых коммунистов Н.И. Бухарин вкладывал в это понятие идею «войны внутри страны», отделяя ее от «классовой борьбы», представляемой как война с государственно организованной буржуазией⁸. В этом смысле под «классовую борьбу» попадали все внешние войны с «непролетарскими» государствами. Напомним, что Ленин объединял понятия «гражданская» и «классовая» война. Термин «гражданская война» мог восприниматься в узком смысле и даже «мельчать»: Ю.В. Саблин на II съезде ПЛСР говорил о целой «эпохе гражданских войн» на юге страны, «которые приняли особенно широкие размеры в октябрьские дни [1917 г.]»⁹. В.М. Чернов называл июльские события 1917 года «гражданской войной в Петрограде», а К. Радек и И. Эренбург поспешили назвать «гражданской войной» восстания в Германии 1919 г. и в Австрии 1934 г.¹⁰ Бухаринское определение «классовой борьбы» как борьбы с внешним врагом оказалось чрезвычайно популярным. Советские военные теоретики 1920–1930-х гг. определяли «революционную войну» как классовый конфликт:

«Война революционная есть, по существу, война классовая, – рассуждал М.В. Фрунзе. – Здесь будут бороться не нация с нацией, не народ с народом, а определенные общественные классы, имеющие сторонников в обоих враждебных лагерях... Во всяком случае, не подлежит сомнению, что Красная Армия в больших или меньших размерах, но обязательно будет иметь сторонников и друзей по ту сторону фронта»¹¹.

Такие определения давали возможность интерпретировать «революционную войну» как разновидность «гражданской войны» мирового

⁶ Ленин, т. 34, с. 215–221.

⁷ Ленин, т. 38, с. 113–114; т. 39, с. 104; т. 44, с. 103.

⁸ Бухарин 1988. С. 10.

⁹ Партия левых социалистов-революционеров. 2000. С. 328.

¹⁰ Там же. С. 64; Эренбург 1934; Артемов 2000. С. 62, 76.

¹¹ Фрунзе 1984. С. 58–59.

масштаба, представлять российские события как часть глобальной социальной революции. В этом большевистские теоретики смыкались с крайне левыми политическими организациями – партией левых социалистов-революционеров (ПЛСР) и анархистскими группами. В резолюции Московского совещания анархо-синдикалистов-коммунистов в июле 1919 г. звучало: «Противопоставляя нацию нации, государство – государству, империалистическая война переходит в войну революционную, противопоставляющую класс классу и устанавливающую тем самым интернациональную солидарность и единство трудящихся»¹².

Тем не менее и здесь, в смысловом наполнении термина «революционная война» видны различия большевиков с ортодоксальными марксистами и неонародниками. «Революционное оборончество» 1917 года предполагало преобразование несправедливой Первой мировой войны в справедливую «революционную» – как борьбы трудящихся масс против развязавшего войну агрессивного империализма. Такая «революционная война» воспринималась не как агрессия, а как оборона. В дальнейшем, меньшевики продолжали развивать идею «оборонительной» «революционной войны» как единственно справедливой на начало XX в., поскольку условия для пролетарской революции в других странах еще не вызрели. «Оборонительную» «революционную войну» они противопоставляли «наступательной», осудив вторжение большевиков в Польшу и, особенно, Грузию, как неуместную меру по экспорту революции в только что созданные буржуазно-демократические страны¹³.

В социалистической традиции «революционная» и «гражданская» войны противопоставлялись «национальным» и «империалистическим». Рассуждая в работах октября 1914 г. о типах войн, Ленин полагал, что «национальные войны» Европы конца XVIII–XIX в., означавшие борьбу за «самостоятельность, свободу языка, за народное представительство», к началу XX в. сменились войнами «империалистическими», направленными на передел мира¹⁴. Очевидно и то, что в 1917–1922 гг. взгляды большевиков на сущность Первой мировой войны и прежде всего на различие «национальных» и «империалистических» войн еще не устоялись. В лекции, прочитанной М.Н. Тухачевским в декабре 1919 года в Академии Красного Генштаба, Первая мировая война называлась не «империалистической», а «национальной»¹⁵. Вместе с тем, большевики всегда подчеркивали принципиальное отличие «гражданской войны» от «империалистической», как по социально-политическому содержанию, так и по особенностям стратегии и тактики. Учитывая то, что «револю-

¹² Анархисты... С. 213.

¹³ Меньшевики... 2000. С. 642, 662; 2002. С. 133-134, 179.

¹⁴ Ленин, т. 26, с. 28.

¹⁵ Тухачевский 1964. С. 33-50.

ционная война» рассматривалась как новый тип войн, который должен прийти на смену «империалистическим», большевики пытались обосновать ее как войну с принципиально новой стратегией.

В отличие от них участники Белого движения не приводили сложных типологий войн. Обычно они сравнивали внутренние и внешние войны, отмечая «доисторически» жестокие методы борьбы в гражданской войне, специфичность, но, в общем, значительную ее примитивность с точки зрения военной науки¹⁶, не желали видеть в ней никаких признаков «народного» военного творчества, не искали объяснительных моделей для войн будущего. Обращает на себя внимание то, что участники Белого движения стремились избежать употребления термина «гражданская война». Расценивая гражданскую войну в России как духовную болезнь, раскол русской нации и российского социума, борьбу с противоестественным «интернационалом», они определяли ее как в первую очередь духовный, политический и национальный конфликт, а не социально-классовый¹⁷. При отсутствии общепринятого «названия» Гражданской войны в России у белых, можно определить их общее отношение к ней как к «национальной катастрофе». При этом риторика военных участников Белого движения во многом совпадает с риторикой представителей кадетской партии, особенно тех, которые однозначно выступали в пользу военной диктатуры и русского национализма¹⁸. Вместе с тем, некоторые военные теоретики Белого движения применяли термин «Смута», включавший события февраля – октября 1917 г., как органическую часть «национальной катастрофы»¹⁹. Аллюзии со Смутой приобретали подчас реальное воплощение. Примером может служить режим М.К. Дитерихса в Приамурье 1922 г., преобразовавшего армию в «земскую рать» и пользовавшегося риторикой, которая отсылала слушателей ко временам Минина и Пожарского.

Термин «гражданская война» старались избегать и радикальные организации, находившиеся левее большевиков (прежде всего, ПЛСР и анархисты), они заменяли его понятием «социальная революция» или даже «третья революция». Такая концептуальная эволюция произошла не сразу. В 1917 – начале 1918 г. часть левых эсеров пытались применять понятие «гражданская война» к борьбе внутри «революционной демократии», смыкаясь в этом отношении с ортодоксальными эсерами

¹⁶ Гражданская война в России 2004. С. 133-134; 2005. С. 44.

¹⁷ Белое дело, 1993. С. 188; 1996. С. 34; 2004. С. 125; 2003. С. 183; Деникин-Юденич-Врангель 1927. С. 414-415, 417; Врангель 2003. Т. 1. С. 173, Т. 2. С. 196; Спротивление большевизму... С. 222, 272; Трагедия казачества... С. 210; Гражданская война в России 2005. С. 120.

¹⁸ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. С. 38, 43, 48, 50, 58, 117-118; Всероссийский Национальный Центр. С. 358.

¹⁹ Деникин 2006. С. 180-181, 578-579.

и меньшевиками, но в дальнейшем они употребляли его при описании социального раскола в среде трудового крестьянства²⁰. Что касается анархистов, то у них существовал значительный разброс в терминологии, применявшейся, подчас, весьма произвольно («социальная война», «партизанская война», «классовая война»)²¹. Понятие «социальная революция» трактовалось шире, чем «гражданская война», и означало последовательное проведение революционных преобразований в пользу трудящихся масс и руками самих трудящихся. По мнению части левых теоретиков, установившие партийную диктатуру большевики стали контрреволюционерами и их предполагалось свергнуть в ходе «третьей революции» (этот концепт применялся во время Кронштадского восстания, присутствовал в идеологии махновского движения)²².

Замена термина «гражданская война» альтернативными терминами, сужение его значения (война внутри «революционной демократии») представляется неслучайным. Революционные преобразования 1917–1918 гг. раскололи общество, причем раскол этот наметился уже в ходе февральской революции, а затем был углублен в результате большевистской политики. «Демократическая» часть социума, под которой понимались в первую очередь крестьянство и пролетариат, и с которой идентифицировали себя социалистические партии, коммунисты-большевики, анархисты, представлялись полноправными гражданами. Прежняя элита к «гражданам», по умолчанию, не относилась; и если до октября 1917 г. такое разделение было совсем неочевидным, то после большевистской революции социалисты провели четкую грань между «гражданской войной» и «классовой борьбой», а в 1918–1919 гг. левые эсеры и анархисты стали подменять термин «гражданская война» «социальной», а затем «третьей» революцией. В свою очередь, участники Белого движения, теоретики кадетской партии, не желали «родниться» в общем «гражданстве» с экстремистами, уничтожающими русское национальное государство, и безвольными «тряпками», какими представлялись им уже к осени 1918 года социалисты.

На специфику употребления термина «гражданин» в дореволюционной России обращает внимание Б.И. Колоницкий:

«...термин “гражданин” вовсе не исключался из официального “старорежимного”, здесь убежденный монархист мог называть себя “русским гражданином и верноподданным государя-императора”. Можно вспомнить и поддерживавшееся царем консервативное издание “Гражданин” князя В.П. Мещерского, и журнал “Российский гражданин” П.Ф. Булацеля, целовека правых взглядов... В дореволюционной России существовали офици-

²⁰ Партия левых социалистов-революционеров. С. 99-105, 122; 2010. С. 146.

²¹ Анархисты... С. 164-165, 212-213, 250, 255, 279-280.

²² Анархисты... С. 264-265; Кронштадт 1921. С. 134.

альные звания “почетный гражданин”, “потомственный гражданин” и пр., что после свержения монархии иногда приводило к известным недоразумениям: некоторые казаки крайне негативно относились к новому обращению, так как опасались, что их из категории “казаков” хотят перевести в “граждане”, то есть “горожане” с лишением всех традиций и привилегий²³.

То есть термин «гражданская война» мог не только связываться с царским политическим режимом, но и отражать социальные противоречия.

Применение множества терминов при описании одного и того же феномена связано и с идеологической борьбой между леворадикальными группировками. Так употребление термина «третья революция» как отдельной дефиниции, очевидно, связано с тем, что большевики фактически поглощали концептом «пролетарской революции» концепт «социальной революции»²⁴. Одновременно, для левых эсеров и анархистов «социальная революция» предполагала добровольную самоорганизацию населения для борьбы за свои завоевания. Идеалом их была «партизанская война», «партизанская армия», формируемая на добровольных началах и исключая прямое принуждение. По мысли участников Конфедерации Анархистских организаций Украины «Набат», такая армия не служила бы орудием государственного угнетения и не могла бы использоваться диктатором. Исходя из их логики, «гражданскую войну» вели антинародные государственные силы, а «партизанскую» – народ²⁵.

Раскол общественно-политического сознания и его специфику показывает и применение термина «братоубийство». Для эсеров и меньшевиков это – борьба внутри «революционной демократии», для белых – раскол всей нации и социума. Однако для социалистов и анархистов это еще и Первая мировая война, столкнувшая трудящихся воюющих стран друг с другом. Большевики, не признавая с 1914 г. «братями» «социал-шовинистов», призывали пролетариев всех стран соединяться, иначе говоря, отрицали политическую сторону социалистического «братства», но признавали социальную²⁶.

Масштабы Первой мировой войны, радикальность преобразований в Советской России подталкивали участников войны к использованию дефиниций, подчеркивающих глобальный смысл происходившего в России. Пытаясь объяснить катастрофу большевистского режима весны – лета 1918 г., Ленин ввел понятие «международная гражданская война», в основе которой было сопротивление пролетариата стремлению

²³ Колоницкий 2012. С. 283.

²⁴ Ленин, т. 43, с. 34-119, 141, 237-243; т. 44, с. 43.

²⁵ Анархисты... 1999. С. 255.

²⁶ Ленин, т. 26, с. 95, 107-109, 110; т. 34, с. 214-215, 224-226; т. 38, с. 114; т. 39, с. 189. Анархисты... 1998. С. 596-597; Всероссийский Национальный Центр. С. 358, 444; Партия левых социалистов-революционеров. С. 422, 426; 2000. С. 333, 472-473, 513; Меньшевики в большевистской России 1999. С. 174, 199, 218, 270.

международной буржуазии задушить мировую рабочую революцию²⁷. По мысли Ленина, сформулированной в 1919 г., «истинная» гражданская война началась лишь после слияния ее в ходе чехословацкого мятежа с войной империалистической, изменившей масштабы войны и превратившей Россию в знаменосца гражданских войн по всей Европе. Атаман Семенов называл 1917–1922 гг. «первым периодом борьбы русских националистов с властью коминтерна»²⁸. Анархисты экстраполировали концепт «социальной революции» на весь мир, заявляя: «что касается внешнего наступления на социальную революцию со стороны западного и иного империализма, то в этом отношении анархисты всегда рассчитывали и рассчитывают, главным образом, не на регулярную Красную армию, и даже не повстанческую войну, но на неизбежное, в силу развертывающейся в мировом масштабе социальной революции, – разложение самого империализма и его военных сил»²⁹.

Завершая исследование, подчеркнем, что его цель состоит в описании коммуникативных и идеологических особенностей эпохи Революции и Гражданской войны в России. Анализ дефиниций, характерных для идеологий того времени, указывает на наличие разнообразных конкурирующих парадигм в объяснении происходивших событий – парадигм, обладающих своими символическими и смысловыми кодами.

Источники

- Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. /отв. ред. В.В. Шелохаев. В 2 т. М.: РОССПЭН, 1998–1999. 704 с.; 592 с.
- Белое дело. В 16 т. Т. 2. М.: Голос, 1993. 368 с.; Т. 7. М.: Голос, Сполохи, 1996. 368 с.; Т. 9. М.: РГГУ, 2004. 422 с.; Т. 12. М.: Изд-во РГГУ, 2003. 402 с.
- Бухарин Н.И.* Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988. 499 с.
- Врангель П.Н.* Записки. Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г. В 2 т. Минск: Харвест, 2003.
- Всероссийский Национальный Центр / Ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2001. 608 с.
- Гражданская война в России. Война на Севере / отв. ред. А. Поляков. М.: АСТ; Транзиткнига; СПб.: Terra Fantastica, 2004. 570 с.
- Гражданская война в России: Катастрофа Белого движения в Сибири / сост. А. Смирнов. М.: АСТ; Транзиткнига; СПб.: Terra Fantastica, 2005. 475 с.
- Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 1. Т. 1. Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917 г.). М.: Айрис-пресс, 2006. 592 с.
- Деникин-Юденич-Врангель / сост. С.А. Алексеев. М., Л.: Гос. кн. из-во, 1927. 504 с.
- Кронштадт 1921. Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. / Сост. В.П. Наумов, А.А. Косаковский. М.: Фонд «Демократия», 1997. 432 с.
- Ленин В.И.* Полн. собр. соч. В 55 т. Изд-е 5-е. Т. 26, 34, 38, 39, 43, 44. М.: Изд-во Политической литературы, 1976–1978.
- Маркс К.* Гражданская война во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.17. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. С. 317–370.
- Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. Меньшевики в 1918 году / Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. Отв. составитель Д. Павлов. М.: РОССПЭН, 1999. 799 с.

²⁷ Ленин, т. 38, с. 113–114.

²⁸ Семенов 2002. С. 295.

²⁹ Анархисты... 1999. С. 255.

- Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. Меньшевики в 1919–1920 гг. / Отв. ред. З. Галили и А. Ненароков. Отв. сост. Д. Павлов. М.: РОССПЭН, 2000. 936 с.
- Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. Меньшевики в 1921–1922 гг. / Отв. ред. З. Галили и А. Ненароков. Отв. сост. Д. Павлов. М.: РОССПЭН, 2002. 622 с.
- Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917–1925 гг. / отв. ред. В. В. Шелохаев. В 3 т. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2000. 864 с.; Т. 2. Ч. 1. М.: РОССПЭН, 2010. 773 с.; Т. 3. Ч. 2. М.: РОССПЭН, 2000. 1055 с.
- Семенов Г.М. О себе: воспоминания, мысли и выводы. М.: АСТ, 2002. 378 с.
- Сопrotивление большевизму. 1917–1918 гг. / сост. С.В. Волков. М.: ЗАО Центрполиграф, 2001. 606 с.
- Съезды и конференции конституционно-демократической партии / отв. ред. В.В. Шелохаев. В 3 т. Т. 3. Кн. 2. 1918 – 1920 гг. Москва: РОССПЭН, 2000. 248 с.
- Трагедия казачества / сост. В. Третьякова. В 2 т. Т. 1. М.: Терра, 1996. 448 с.
- Тухачевский М.Н. Избранные произведения. Т. 1. (1919–1927). М.: Воениздат, 1964. 320 с.
- Фрунзе М.В. Избранные произведения. М.: Воениздат, 1984. 559 с.
- Эренбург И. Гражданская война в Австрии. М.: «Советская литература», 1934. 80 с.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Артемов В.А. Карл Радек: идея и судьба. Воронеж: ЦЧКИ, 2000. 175 с. [Artemov V.A. Karl Radek: ideya i sud'ba. Voronezh: TsChKI, 2000. 175 s.]
- Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск: «БОРГЕС», 2000. 280 с. [Goldin V.I. Rossiya v grazhdanskoj voine. Ocherki noveishei istoriografii (vtoraya polovina 1980-kh – 90-e gody). Arkhangel'sk: Iz-vo «BORGES», 2000. 280 s.]
- Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Лики России, 2012. 320 с. [Kolonitskii B.I. Simvol'y vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniyu politicheskoi kul'tury rossiiskoi revolyutsii 1917 goda. SPb.: Liki Rossii, 2012. 320 s.]
- Чудинов А.В. Французская революция в исторической памяти российской интеллигенции (конец XVIII – начало XX века) // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления / под ред. М.Д. Карпачева [и др.]. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. С. 201–213 [Chudinov A.V. Frantsuzskaya revolyutsiya v istoricheskoi pamyati rossiiskoi intelligentsii (konets XVIII – nachalo XX veka) // Rossiiskaya imperiya: strategii stabilizatsii i opyty obnovleniya / pod red. M.D. Karpacheva [i dr.]. Voronezh: Izd-vo VGU, 2004. S. 201–213].

Разинков Михаил Егорович, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Воронежского государственного лесотехнического университета имени Г.Ф. Морозова; razinkov_mikhail@mail.ru

The definitions of the Civil War in Russia the terminological designation of the confrontation

The political and the military leaders used different terminology about armed and ideological confrontation in the Russian Civil War. They avoided called this confrontation as a “civil war”, preferring to use the definitions of a “social revolution”, “disorder”, “class struggle” or developed the concept of a “national disaster” and a “national struggle”. This game of the terms and meanings is not accidental and representative the special characteristics of the ideological and communicative field of the war.

Keywords: civil war, social revolution, class struggle, revolutionary war, disorder, fratricide, third revolution

Mikhail Razinkov, PhD. (History), Associate Professor, Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Voronezh State Forestry University named by G.F. Morozov; razinkov_mikhail@mail.ru

А. В. МАЛИНОВ

ПОРТРЕТ УНИВЕРСИТЕТА В ИСТОРИЧЕСКОМ ИНТЕРЬЕРЕ¹

Автор представляет рецензию на книгу Е.А. Ростовцева «Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.)», в рассматривается история Санкт-Петербургского университета, преимущественно с 1884 до 1917 г. Жанр «коллективной биографии» позволил воспроизвести структуру университета и университетской корпорации («старшие» и «младшие» преподаватели, студенты), отношения с «внешней средой» (Министерство народного просвещения, городская администрация, политические партии, общественные и научные организации), участие универсантов в «освободительном движении» и др. Подробно описываются «кризисные» периоды в истории университета, «мобилизация интеллекта» в годы Первой мировой войны, «борьба за автономию» и ее демонтаж в послереволюционный период.

Ключевые слова: университет, корпорация, автономия, студенчество

Известный петербургский историк Е.А. Ростовцев опубликовал 900-страничное исследование по истории Санкт-Петербургского университета². Приходится дивиться масштабом проделанной работы и фактологической роскошью монографии. Поражает количество и разнообразие привлекаемых источников, как опубликованных, так и покоящихся в архивах, позволяющих реконструировать историю университета: нормативных актов и делопроизводственной документации, внутренних университетских документов (протоколов Совета, служебных и формулярных списков, обзрений преподавания наук и т. п.), мемуаров, дневников и писем, публицистики. Петитные россыпи примечаний, обильно заполняющие страницы, только усиливают эффект наукообразности и устраняют всякие сомнения в профессиональной компетенции автора. Способность за скупыми данными юридических документов и министерских приказов, регламентированным содержанием служебных формуляров, субъективными оценками воспоминаний и биографическим сором эпистолярного наследия увидеть, если воспользоваться терминологией Л.П. Карсавина, иерархически структурированную историческую индивидуальность – высший исследовательский дар историка. Для Ростовцева такой исторической индивидуальностью стал Санкт-Петербургский университет. Востребованность работ по истории университетского вопроса подтверждается солидным

¹ Подготовлена при поддержке РГНФ (№16-03-00566).

² Ростовцев 2017.

«академическим конвоем», сопровождающим книгу: около сотни страниц обзора источников и историографии в начале и столько же страниц библиографии в конце. Монография Ростовцева опровергает расхожее мнение о том, что хорошее научное сочинение скучно. Автор умело воспроизводит драматическую картину истории университета: профессорская фронда и компромиссы с властью, университетские беспорядки и революционная борьба. Он не скрывает, что тяготеет к портретному жанру, используя выражения: «коллективный портрет», «портрет в социальном контексте», «коллективный и национальный портрет студенчества». Надо заметить, что живописные черты преобладают в описаниях студенческой жизни, здесь больше деталей и непосредственных свидетельств (воспоминаний). Живой облик профессорской корпорации по преимуществу скрыт за массой лаконичных фактов и статистических выкладок. Автору удастся сочетать логос с образом, оживляемый источниками лик с верифицируемым выводом. Рецензируемая книга выглядит достойно в ряду целого ряда фундаментальных изданий по истории российских университетов последнего десятилетия³.

Тема книги одновременно и узка, и широка. Узка, поскольку ограничивается историей Санкт-Петербургского университета и охватывает лишь три десятилетия на рубеже XIX–XX вв. Широка, потому что ставит вопросы об отношении власти и науки, о положении «ученого сословия» в обществе, об условиях существования университетской корпорации. Основной вопрос можно сформулировать по-кантовски: как возможен тот социальный институт, каким является университет? Правда, вместо, казалось бы, очевидного социологического ответа на него, автор выбирает исторический подход: раскрывает конкретные условия времени, исторические обстоятельства и социальные процессы, в которые встраивался и в которых существовал университет. Реконструкция подвергается не только фактическая, но и смысловая сторона истории университета: анализируются ценностные установки той социальной группы, к которой принадлежали преподаватели университета, разделяемые ими идеи и идеалы, во многом формирующие групповое сознание и определяющие корпоративную солидарность, вскрывается мотивация поведения людей и т.п. Ростовцев формулирует вопрос об истории университета как вопрос о смысле: «...какие задачи перед университетом ставили ученые, власть и общество и в чем они видели смысл их существования?» (с. 16). В результате исследование ведется на нескольких уровнях: биографическом, институциональном, социально-историчес-

³ Никс 2008; Андреев 2009; «Быть русским по духу...» 2009; Университет и город в России... 2009; Иванов 2010; Университетская идея в Российской империи... 2011; Вишленкова, Галиуллина, Ильина 2012; Профессорско-преподавательский корпус... 2012; Бушуева 2012; Сословие русских профессоров... 2013; Маурер 2015.

ком, историко-политическом. Показано, как университет в качестве исторической индивидуальности «умалаяся» в таких «низших» индивидуальностях, как факультеты, кафедры, отделения (разряды), лаборатории, научные и студенческие общества, конкретные индивиды. В то же время, в университете проявляются или «качествуют» такие высшие индивидуальности, как российское общество, научные сообщества и ученые организации, институты власти и политические партии. Все это позволяет продуктивно соединить в одном исследовании социально-политическую историю России рубежа XIX–XX вв., институциональную историю, историю повседневности и историю ментальности. В истории университета как в микрокосме отражается история России целой эпохи. Топография исторических сил, борющихся за университет, представлена самой университетской корпорацией, государственной властью, политическими партиями и движениями, научными и общественными организациями. В то же время в книге большое внимание уделяется не только событиям, но и проблемам: структура университета, связи внутри университетской корпорации, отношения с «внешней средой» и др.

Известные модели университета: доклассический, утилитарный, классический (гумбольдтовский), постнеклассический (массовый) причудливо сочетались в реальной истории учебного заведения. В бытописании Санкт-Петербургского университета, как показывает Ростовцев, можно видеть следы всех этих моделей сосуществующими. Так, принцип университетской автономии был провозглашен еще в университете доклассического типа. В итоге внутри университета одновременно обнаруживаются несколько корпоративных укладов и две преобладающие тенденции: воспитание ученых и воспитание граждан (с. 205). И хотя, рассматриваемый в книге период относится к университету «классическому», его «подлинный облик» значительно сложнее. Это облик собирательный, или «коллективный портрет». Может быть поэтому автор лишь констатирует, а не демонстрирует, что Санкт-Петербургский университет был центром формирования научной, политической и общественной элиты России. Для содержательного раскрытия этого положения потребовалось бы проследить судьбы многих его выпускников, представить множество индивидуальных биографий. Однако предметом исследования является индивидуальность более высокого порядка – сам университет. История конкретных людей скрыта в книге за многочисленными таблицами, выкладками, графиками, диаграммами, показывающими динамику существования университетской корпорации, а не индивидуальный извод судьбы отдельного ученого.

Особенностью постижения прошлого является его недоступность непосредственному наблюдению. Конечно, Ростовцев не был свидетелем изучаемых событий, но он принадлежит той же корпорации, историком которой выступает, что осложняет его исследовательскую пози-

цию. Его книга – это взгляд на историю университета изнутри университета. Предпринятая им историческая рефлексия позволяет воспроизвести «патерналистскую модель», или «миф о единой университетской семье» (с. 289), на которую ориентировался Санкт-Петербургский университет в XIX в., его структуру как социального института («старшие» и «младшие» преподаватели, студенты, учителя и ученики). К элементам корпоративной культуры относились дисциплинарные суды, которые различным образом реагировали на вмешательство полиции в ход университетской жизни, с одной стороны, и на нарушение норм корпоративной этики, с другой. В состав корпоративной структуры входили профессорские салоны и различные студенческие объединения (в т.ч. и политически ориентированные), землячества, научные кружки (по подсчетам Ростовцева, только в 1900–1910-е гг. в университете официально было зарегистрировано около 80-ти кружков), организации, устраивающие экскурсии и т.п., и все они служили «школой студенческой самоорганизации» (с. 315). Сами преподаватели сильно зависели от мнения «государственных младенцев», как в XVIII в. называли студентов. Многочисленные факты бездействия руководства университета и профессоров, либо даже откровенное потворствование студентам, автор объясняет патерналистской моделью отношений: «университет мыслился как единая семья, что давало всем ее участникам определенные нормативные права (например, “нравственного суда” над профессорами) и накладывало неформальные корпоративные обязательства, в частности, невозможность “предательства” (например, выдачи фрондирующих членов семьи “властям”）」 (с. 314–315). Патерналистская риторика доминирует в университетских документах, а «патерналистская модель» непосредственно выводится из смысловой материи источников. Жизнь «университетского мира» жестко регулировалась институциональными рамками и корпоративными традициями. Порядка 1–2% выпускников в дальнейшем связывали свою судьбу с университетом.

Показаны этапы инициации, которые проходил будущий профессор: «оставление при университете для подготовки к профессорскому званию», магистерский экзамен, диссертационные диспуты (магистерский и докторский). Автор приводит лишь один пример присуждения сразу докторской степени – магистерский диспут химика В.Н. Ипатьева (с. 326), хотя были и другие аналогичные случаи⁴. К области корпоративной культуры относится и практика университетских коммемораций (годовщины, похороны и др.), которые способствовали формированию

⁴ Так, например, в 1906 г. за диссертацию «Формы мышления и законы познания» докторской степени, минуя степень магистра, удостоился И.И. Лапшин. Он, вероятно, был единственным преподавателем университета, оказавшимся в эмиграции и пожелавшим вернуться в Советский Союз в 1945 г. Правда, на его обращение ответа от советских властей не последовало.

длительных поколенческих профессиональных и коллегиальных связей. Подробнее всего автор останавливается на годовщинах («университетских актах») указа об основании университета (8 февраля 1819 г.). Ростовцев не акцентирует вопрос о возрасте университета, хотя содержание книги не оставляет сомнения в его датировке. Вопрос этот не лишен деликатности, поскольку удревление собственной истории стало частью «университетского мифа». Стоит различать истоки, традицию высшей школы и ее институциональную преемственность. Традиция высшего образования в Петербурге восходит к Академическому университету XVIII в., а институционально Императорский Санкт-Петербургский университет связан с Главным педагогическим институтом. Расцвет университетской корпоративности и науки во многом обязан университетскому уставу 1863 г., заложившему основы тех научных школ, «от которых ведет свою историю современная российская наука» (с. 413). Подводя предварительный итог, Ростовцев отмечает, что «академическое сообщество столичного университета рубежа XIX–XX вв. составляло социальную группу с устойчивыми корпоративными признаками: формальной и нормативной иерархией, общей системой ценностей и понятий, объединенной внутренней идентичностью, традиционными коммеморациями и коллективной памятью» (с. 348). На многочисленных примерах исследователь показывает, как решения правительства нередко приводили к результатам, противоположным ожидаемым. Конфликты с властью и «кризисы» только усиливали корпоративную солидарность и университетскую сплоченность.

К внешней стороне бытования университетской корпорации относятся участие в общественной жизни столицы, организация различных научных обществ «при университете» (Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей, Русское физико-химическое общество, Общество земледения, Русское антропологическое общество, Неофилологическое общество, Историческое общество, Юридическое общество, Философское общество и др.), участие преподавателей в обществах, формально не привязанных к университету (Императорское Русское историческое общество, Императорское Общество любителей древней письменности, Императорское Русское археологическое общество, Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, Религиозно-философское общество, Императорское Вольное экономическое общество и др.). Преподаватели университета были членами благотворительных и просветительских организаций, обществ вспомоществования. Деятельность этих обществ описана довольно кратко, но дополнительную информацию любопытный читатель может почерпнуть из тех историографических закров, указания на которые автор дает в постраничных сносках, по объему нередко превышающих основной текст. Отдельно рассмотрев вопрос о

взаимодействии университета с городской властью (включая участие профессоров и приват-доцентов в работе городской думы), Ростовцев приходит к выводу, что полноценного сотрудничества между городским общественным управлением и университетом не было. Он указывает на «ментальный “разрыв”, существовавший между университетом и городом» (с. 402). Впрочем, влияние университета на городскую жизнь и не могло быть масштабным, поскольку по подсчетам автора, весь «академический мир» Санкт-Петербурга (а не только университета) охватывал не более 1–2% населения столицы.

Формально нижней хронологической границей исследования является 1884 г. – год принятия нового университетского устава, верхней границей можно считать начало 1923 г., когда завершился демонтаж университетской системы и его преобразование в советское учреждение (с. 753). Автор предлагает частично пересмотреть закрепившуюся в отечественной историографии негативную оценку университетского устава 1884 г. Он отмечает, что новый устав улучшил положение большинства преподавателей (доценты были переведены на должности экстраординарных профессоров) и их финансовое обеспечение. К концу 1880-х гг. многие положения устава были фактически пересмотрены и прежняя система преподавания в основных чертах восстановлена. Ростовцев, не склонен столь негативно оценивать ректорство М.И. Владиславлева, как это принято в мемуаристике и зависящей от нее исследовательской литературе. Неприятие и сопротивление университетской корпорации вызывала система мелочного контроля со стороны Министерства народного просвещения над учебным процессом.

Патерналистская модель отношений, воплощенная в университете, которую Ростовцев сумел прекрасно показать на богатом историческом материале, вероятно, подтолкнула его и к главному конструктивному результату исследования – серии «коллективных биографий» факультетов. Биография – наиболее архетипический исторический жанр. Он позволяет свести многообразие фактов, событий и жизнеописательных стратегий в концептуальное единство – историческую индивидуальность. Монография дает представление и о «коллективной биографии» университета в целом. Здесь мы имеем дело с тем случаем, когда теоретико-методологический концепт («коллективная биография») не только «задает» или, по словам А.С. Лаппо-Данилевского, «построляет» историческую действительность, но и сам эксплицируется из содержания привлекаемых источников. Теоретико-методологическая конструкция, позволяющая адекватно описывать материал и вскрывать его смыслообразующие, опорные моменты, – большая удача для исследователя. Содержание «коллективной биографии» выясняется посредством статистических данных о социальном, религиозном, возрастном составе корпорации, продолжительности жизни, имущественных от-

ношений и семейного положения. Описание биографии университетского сообщества Ростовцев начинается, можно сказать, исходя из марксистского принципа «бытие определяет сознание»: с размера оклада и гонорара. Его концепция «коллективной биографии» дает возможность, не ограничиваясь историей ученой корпорации или схолярными штудиями, проследить на примере истории Санкт-Петербургского университета социальную историю России целой эпохи.

«Коллективная биография» университета распадается на «биографии» его факультетов (физико-математического, историко-филологического, юридического, восточных языков), позволяя наглядно показать их отличия. Так, Ростовцев отмечает бóльшую вовлеченность юридического факультета «в социальные и политические процессы», более низкий «научный ценз» его преподавателей и «их незначительную связь с т.н. академической наукой» (с. 203). Напротив, «физмат оказался самым представительным с точки зрения “вклада в науку”» (с. 203). С формальной стороны, профессорско-преподавательский корпус физико-математического факультета был более остепененный; на нем работало больше членов Академии наук; а частота библиографических упоминаний значительно превышала цитируемость преподавателей других факультетов. Впрочем, автор справедливо указывает и на причины лидерства физико-математического факультета: особенности структуры Академии наук, где преобладали естественнонаучные кафедры, и менее радикальная «ломка» естественных дисциплин в период большевистских преобразований: этот факультет меньше пострадал от репрессий и эмиграции, что позволило сохранить традиции научных школ и межпоколенческие связи ученых. Можно добавить, что реабилитация многих дореволюционных ученых-гуманитариев и их идей началась не более трех десятилетий назад. Понятно, что переиздания и цитируемость их трудов постоянно растут. Надо иметь в виду, что среди гуманитариев было немало представителей «национальных исследований» (русская история, русская литература, русская философия и т.п.), которые могут быть востребованы прежде всего в России. В то же время преподаватели социальных и гуманитарных наук (три факультета из четырех) численно преобладали в университете (не менее 70%). Структура современной науки другая, доминирование естественных дисциплин и их мультипликация очевидны. Приводимые автором цифры подтверждают, что в XIX в. Россия оставалась преимущественно гуманитарной цивилизацией. В XX в. произошли не только социально-политические изменения, но и более существенные цивилизационные трансформации российского общества: Россия из крестьянской страны стала городской, а естественники заметно потеснили гуманитариев не только в пределах образовательных программ, но и в объемах финансирования исследований. Утилитарная точка зрения на образование и

науку, которой активно сопротивлялась университетская корпорация в XIX в., стала преобладающей. Вместе с тем, вчитываясь в «коллективные биографии» факультетов приходишь к пониманию, что, несмотря на радикальные изменения, затронувшие науку за последнее столетие, многие родовые черты факультетов сохранились, а их «коллективный портрет» вполне современен и узнаваем.

История университета рассматривается в контексте происходивших социально-политических событий. Много места уделяется политическим взглядам и пристрастиям преподавателей и студентов. Автор отмечает, что среди профессоров преобладали демократически-либеральные взгляды, в то время как политические предпочтения студентов были более дифференцированными. При этом политика часто оказывается тем «хором», который выходит на авансцену и заменяет героев. Создается впечатление, что ректор и профессорский совет только тем и занимались, что препирались с министерством, а студенты – устраивали сходки, забастовки и искали повод для бунта. Правда, проверенная временем профессорская оппозиционность с началом Первой мировой войны сменилась профессорским патриотизмом, но и в этих условиях университетская корпорация находила резоны для фронды, а студенты – для антивоенной пропаганды. Важной содержательной частью университетского движения были еврейский и женский вопросы, в решении которых профессора и студенты, как правило, были солидарны. У истоков сильной политизации университетской жизни автор видит все тот же устав 1884 г., ограничивший университетскую автономию и тем самым побудивший университетскую корпорацию к участию в «освободительном движении». Впрочем, этот используемый им эффемизм не сильно вуалирует революционную сущность происходивших процессов. Может показаться, что автор несколько зависим от советской историографии университетского вопроса, использует уже обремененные интерпретацией и идеологически нагруженные факты, хотя, как правило, для каждого упоминаемого события приводится соответствующий архивный источник. Торжество «университетских мандаринов», казалось бы добившихся своих целей в 1917 г., было недолгим. Большевики не воспринимали профессорско-преподавательский корпус в качестве субъекта переговоров и не испытывали нужды в диалоге со студенчеством (с. 752). В результате, к 1923 г. автономия была полностью утрачена, а университетская корпорация сломлена. К сожалению, автор не столь детально прослеживает историю университета революционной эпохи. Так, он не касается деятельности С.К. Минина, автора статьи «Философию – за борт!» (1922), хотя история «двоевластия» в университете (С.К. Минин и ректор Н.С. Державин) позволяет раскрыть механизм советизации университета. На этом, можно сказать, эпопея противостояния высшей школы «высшим сферам» завершилась.

«Коллективная биография», удачно ограниченная тремя десятилетиями, т.е. охватывающая период, совпадающий с одним «поколением», представляет собой синхронический срез той исторической индивидуальности, которой является Санкт-Петербургский университет. Однако всякая историческая индивидуальность находится в развитии. И Ростовцев очень точно демонстрирует то, что составляло динамическую основу университетской жизни, не позволяло университету закоснеть в столь привлекательных для любой корпорации самодовольстве и самолюбовании. Диахронический историзм университета может быть выражен лозунгом: «Борьба за автономию». По словам автора «проблема “университетской автономии”, вероятно, была основным предметом интеллектуальных спекуляций и идеологических битв ученых и публицистов, писавших по университетскому вопросу в XIX – начале XX в.» (с. 10). Не только по форме, но и содержательно он повторяет известную теорию «борьбы за индивидуальность» Н.К. Михайловского. Смыслом существования университета была не наука или воспитание молодежи, а «борьба за автономию», которая, как убедительно показывает Ростовцев, оказалась борьбой за само существование университета как исторической индивидуальности, т.е. самобытного социокультурного явления. Борьба за автономию университета была борьбой с «высшей» индивидуальностью, стремящейся нивелировать его уникальность. Борьба с властью за свою индивидуальность, метонимически обозначаемая как «борьба за автономию», во многом определяла то политическое, культурное и социальное значение, каким университет обладал в XIX в. и которое ныне утрачено. Эта борьба была университетом проиграна, что объясняет, почему почтенная ученая корпорация из «университетских мандаринов» и «привилегированного ученого сословия» эволюционировала в пролетариев умственного труда и «одноразовых» преподавателей на годичном контракте. Власть перестала замечать университет и сама закуклилась в той «башне из слоновой кости», которой так дорожил университет еще столетие назад. Государство больше не заинтересовано в производстве знания, а лишь – в воспроизводстве власти. Отчасти это понятно: университет и прописавшееся в нем «ученое сословие» для любого государства – большая роскошь. Власть больше не является инструментом или средством для достижения «общего блага». Такая естественно-правовая риторика давно элиминирована из властного дискурса. Власть стала самоцелью. Пока университетская корпорация отстаивала свою автономию, а власть воспринимала ее аргументы, относительная самостоятельность университета сохранялась. Но вскоре после того, как «университетские мандарины» добились своего – вошли в состав Временного правительства и провозгласили полную автономию высшей школы – эта независимость была полностью демонтирована большевиками.

Власть, которая оказалась доступна интеллектуалам, – это власть критиковать власть. Телеология современного университета диктуется уже не борьбой за автономию, а гонкой за рейтингами. С этой точки зрения, монография крайне поучительна и актуальна: она показывает, как совершался этот процесс. Знакомство с исследованием Ростовцева лишь подтверждает цитируемую максиму об истории как *magistra vitae*.

Принцип автономии был заложен в университете изначально, поскольку он был одним из плодов политики европеизации, элементом западной субкультуры. Он выступал в качестве социального эксперимента, «территории академической и гражданской свободы» (с. 662), европеизованным государством в государстве авторитарном. Именно идея свободы, воплотившаяся в университетской жизни, вовлекала его в политические процессы и приводила к формированию специфических «игровых форм» поведения и структур: «в университете пореформенного периода стал обыденным “маскарад”, когда за декларируемыми формами скрывались подчас совсем иные сущности: за экономическими землячествами – политические структуры, за научными кружками и корпорациями – национальные и националистические организации, за чаепитием – политический диспут, за лекцией – “театральное представление”, рассчитанное на публику, за научным диспутом – общественный акт, за заседанием с научной целью – собрание революционной партии, за драматическим кружком – касса взаимопомощи и т.п. Игровой характер, от этого, впрочем, не менее опасный для власти, носили и многочисленные студенческие сходки и революционные коммеморации, проходившие в университете» (с. 768). Власть и преподавательская корпорация воспринимали университет различно. Для профессоров – это был «храм науки», существование которого невозможно без «академической свободы», а главной целью науки провозглашался бескорыстный поиск истины, т.е. чисто познавательный интерес. Власть же всегда смотрела на университет с утилитарной точки зрения: видела в нем средство подготовки профессиональных и чиновничьих кадров для нужд государства. Бюрократизация и мелочная регламентация, которой власть опутывала университет, была порой вынужденной реакцией на демонстративное игнорирование университетом социального заказа (например, сопротивление организации медицинского факультета) и дистанцирование от общества. Без университетских специалистов модернизация страны была бы невозможна, что заставляло идти на компромисс с университетом: делать уступки и вводить ограничения. Однако на протяжении практически всей истории дореволюционного университета его фактическая автономия была «больше» автономии формально-юридической. Профессорская корпорация тяготела к модели «классического» университета, в то время как для государства была предпочтительна «утилитарная» модель. Отчасти подобная установка

подтверждается продолжающимися поныне упреками высшему образованию в его неэффективности с точки зрения той пользы, которую университеты «должны» приносить государству.

Ростовцев достаточно высоко оценивает итоги истории университета, не без основания полагая, что исследуемый период (1884–1917) был его «золотым веком». Отнесение «золотого века» к прошлому лишь усиливает пессимистическое восприятие настоящего. «Золотой век» непосредственно коррелирует с принципом автономии. «Университетская автономия, – полагает автор, – позволила русской науке выйти на мировой уровень, а созданная корпоративная организация послужила основой для создания мощных научных школ в различных областях знания» (с. 771). Впрочем, апелляция к «золотому веку» свидетельствует и об авторской склонности к мифологическому мышлению. Канва исторических событий, воспроизводимая в монографии, показывает историю университета как череду «разгромов» и «кризисов» (1881, 1884, 1887, 1890, 1897, 1899, 1902, 1905, 1908, 1910–1911). Можно, конечно, предположить, что таково «нормальное» состояние науки и высшей школы, по крайней мере, в России, или свести объяснение к известному афористическому рецепту: «Болит, значит живет».

Столь же высоко автор аттестует корпоративную культуру, сложившуюся в Санкт-Петербургском университете к концу XIX века. Расцвету университета способствовала не только «борьба за автономию», но и механизмы внутренней конкуренции, содействовавшие становлению научных школ, стимулировавшие исследования и научные достижения, усилившаяся роль университета в становлении гражданского общества в России. Однако автор слишком увлекается корпоративными добродетелями университета, забывая о его корпоративных грехах. Признаюсь, я ожидал более критичного взгляда на историю университета. В целом соглашаясь с оценками и выводами Ростовцева, должен заметить, что в более знакомой мне области – философии – заслуги Петербургского университета были скромнее. И это при том, что в данный период состав кафедры философии был, пожалуй, наиболее сильным за всю историю университета: на кафедре работали А.И. Введенский, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, С.Л. Франк, С.А. Алексеев-Аскольдов, С.И. Гессен, В.Э. Сеземан и др. В начале 1880-х гг. университет на короткое время даже принял в свои ряды В.С. Соловьёва⁵. Тем не менее, и в это время философия находила более плодотворную почву вне университета. Университет был лишен главного условия для развития философии – свободы мышления. Автономия, которую столь искренне отстаивали университетские профессора, все же означала не-

⁵ Ценный «коллективный портрет» кафедры философии, не вошедший в монографию, дан в статье: Ростовцев, Сидорчук 2016.

зависимость и самодостаточность, необходимые для сохранения корпоративных привилегий и властных притязаний, но не свободу, в т.ч. свободу научного поиска. Впрочем, без явной позитивной установки в отношении университета и его истории, из которой исходил Ростовцев, едва ли бы получилось столь замечательное исследование⁶.

У всякого подхода есть достоинства и недостатки. К издержкам жанра «коллективной биографии» я бы отнес ее некоторую отстраненность от личных судеб, без которых история превращается в социологическую схему и теоретический конструкт. Ростовцев это понимает, поэтому и пытается наполнить книгу отзывками прошлого, пропустить исторические факты через предвзятый мнемон источников личного происхождения (из них наиболее востребован дневник Н.Н. Платоновой – жены известного историка⁷). Другой, на мой взгляд, более существенный изъян «коллективной биографии» – в том, что она остается историей событий, а не историей идей. Но ведь непреходящая ценность университета состоит не в участии в «освободительном движении», а в его вкладе в науку, в поиске истины, составлявшем смысл жизни ученых, и в той духовной атмосфере, которая находила выход в научных теориях и концепциях. Ведь помимо политических баталий и споров о гонорах в университете происходили научные дискуссии, кропотливая исследовательская работа, частным проявлением которой были диссертационные диспуты; издавались журналы и книги. Помимо политических предпочтений преподаватели разнились и по своим теоретическим взглядам. Социально-политические процессы были лишь фоном, на котором проходила «настоящая» жизнь университета. Говорить о «золотом веке» университета можно только имея в виду достижения его преподавателей и выпускников как ученых. Смею предположить, что научные успехи университета лишь в малой мере коррелировали с политическим процессом. По крайней мере, он не был для них ни детерминантом, ни доминантой. А ведь об университетской науке в книге сказано очень мало. В то же время «коллективная биография» дает возможность выйти и на идейную историю университетской жизни. В монографии неоднократно упоминаются научные школы как пример университетской корпоративности. Тем не менее, в работе эта «школьная» сторона университетской истории не раскрыта. Нельзя сказать, что Ростовцев чужд этой проблематике. В своей монографии о А.С. Лаппо-

⁶ При этом далеко не все работы Е.А. Ростовцева по истории Петербургского университета нашли отражение в книге. Ряд важных материалов, наблюдений и выводов, существенно дополняющих содержание книги, остались лишь в статьях См.: Ростовцев 2009; 2010; 2011 (б); 2012; 2014 (а); 2014 (б); Ростовцев, Андреева 2014; 2015; Ростовцев, Андреева, Сидорчук 2015; и др.

⁷ См.: Ростовцев 2011 (а); 2013.

Данилевском он дал блестящее описание «петербургской исторической школы»⁸. Конечно, схолярная историография «велика и обильна, а наряда в ней нет». В библиографическом арсенале монографии она представлена крайне скупо. Трудно, например, объяснить отсутствие упоминания исследования М.П. Лаптевой по истории славяноведения в российских университетах⁹ и некоторых других. Впрочем, я не хочу «абсолютизировать» свои претензии, прекрасно понимая, что рецензент находится в более выгодном положении, чем автор. Ласкаю себя надеждой, что книга Евгения Анатольевича Ростовцева станет не только еще одним историографическим обременением для будущих исследователей университетского вопроса, но и войдет в состав «университетского мифа», над реинкарнацией которого он столь потрудились, а это обеспечит ей долгую и славную жизнь в науке.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.
- Бушуева Л.А.* Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917. Казань: Центр инновационных технологий, 2012. 287 с.
- «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. / Отв. сост. А.Ю. Андреев. М.: РОССПЭН, 2009. 335 С.
- Вишленкова Е.А., Галуцкая Р.Х., Ильина К.А.* Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: НЛЮ, 2012. 648 с.
- Иванов А.Е.* Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010. 331 с.
- Лаптева М.П.* История славяноведения в России в XIX в. М.: «Индрик», 2005. – 848 с.
- Маурер Т.* «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М.: РОССПЭН, 2015. – 527 с.
- Никс Н.Н.* Московская профессура во второй половине XIX – начале XX вв.: социокультурный аспект. М.: Новый хронограф, 2008. 303 с.
- Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: исследования и документы / Под ред. М.В. Грибовского, С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Томского университета, 2012. 372 с.
- Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань: НИИР, 2004. – 349 с.
- Ростовцев Е.А.* «Университетский вопрос» и Государственная дума (1906–1911 гг.) // Таврические чтения – 2008: актуальные проблемы истории парламентаризма в России». Сб научн. статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб.: Музей истории парламентаризма в России при МПА СНГ, 2009. С. 98–133.
- Ростовцев Е.А.* Российские мандарины. Столичная профессура, студенчество и власть в начале XX века // Родина. 2010. Спецвыпуск. Образование в России: вчера, сегодня, завтра. С. 47–52.
- Ростовцев Е.А.* Обзор дневника Н.Н. Платоновой (Шамониной) // Памяти академика С.Ф. Платонова: исследования и материалы / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. СПб., 2011 (а). С. 43–87.
- Ростовцев Е.А.* Революционные коммеморации в Петербургском университете на рубеже XIX–XX вв // Клио. 2011 (б). № 4 (54). С. 89–99.

⁸ Ростовцев 2004.

⁹ Лаптева 2005.

- Ростовцев Е.А.* Столичная профессура и благотворительность в начале XX в.: постановка проблемы // Вестник Омского университета, 2012. № 1. С. 106–111.
- Ростовцев Е.А.* Надежда Николаевна Платонова (Шамонина): между семьей и наукой // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2013. Вып. 4. С. 44–54.
- Ростовцев Е.А.* Великая война // профессоры // Родина. 2014 (а). № 11. С. 42–45.
- Ростовцев Е.А.* The Poles in the Academic Corporation of Saint-Petersburg Imperial University // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. Петербургские славянские и балканские исследования. 2014 (б). №2. С. 194–204.
- Ростовцев Е.А.* Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2017. 903 с.: ил. (Ubi universitas, ibi Europa).
- Ростовцев Е.А., Андреева В.В.* Петербургский университет 1905 г. в зеркале периодической печати // Клио. 2014. № 10 (94). С. 3–14.
- Ростовцев Е.А., Андреева В.В.* Кривое зеркало: университетская жизнь сентября-октября 1905 г // Клио. 2015. № 7 (103). С. 71–88.
- Ростовцев Е.А., Андреева В.В., Сидорчук И.В.* От Санкт-Петербургского университета к Петроградскому: столичная университетская корпорация в фокусе прессы (июль – сентябрь 1914 г.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. №6. Ч. 2. С. 97–106.
- Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В.* Кафедра философии Петербургского университета (1819–1917): коллективный портрет // Философские науки. 2016. № 3. С. 135–147.
- Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / Под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М.: Высшая школа экономики, 2013. 385 с.
- Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 385 с.
- Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX в. Антология: Учебное пособие для вузов / Сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. М.: РОССПЭН, 2011. 527 с.

REFERENCES

- Andreev A.Ju. Rossijskie universitety XVIII – pervoj poloviny XIX veka v kontekste universitetskoj istorii Evropy. М.: Знак, 2009. 640 с.
- Bushueva L.A. Povsednevnost' universitetskogo professora Kazani. 1863–1917. Kazan': Centr innovacionnyh tehnologij, 2012. 287 s.
- «Byt' russkim po duhu i evropejcem po obrazovaniju»: Universitety Rossijskoj imperii v obrazovatel'nom prostranstve Central'noj i Vostochnoj Evropy XVIII – nachala XX v. / Otv. sost. A.Ju. Andreev. М.: ROSSPJEN, 2009. 335 s.
- Vishlenkova E.A., Galiullina R.H., Il'ina K.A. Russkie professora: universitetskaja korporativnost' ili professional'naja solidarnost'. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 648 s.
- Ivanov A.E. Mir rossijskogo studentchestva. Konec XIX – nachalo XX veka. М.: Novyj hronograf, 2010. 331 s.
- Lapteva M.P. Istorija slavjanovedenija v Rossii v XIX v. М.: «Indrik», 2005. – 848 s.
- Maurer T. «Barometry» ili «majaki» obshhestva? Izbrannye stat'i po social'noj istorii russkih i nemeckih universitetov. М.: ROSSPJEN, 2015. – 527 s.
- Niks N.N. Moskovskaja professura vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.: sociokul'turnyj aspekt. М.: Novyj hronograf, 2008. 303 s.
- Professorsko-prepodavatel'skij korpus rossijskih universitetov. 1884–1917 gg.: issledovanija i dokumenty / Pod red. M.V. Gribovskogo, S.F. Fominyh. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 2012. 372 s.
- Rostovcev E.A. A.S. Lappo-Danilevskij i peterburgskaja istoricheskaja shkola. Rjazan': NIIR, 2004. 349 s.
- Rostovcev E.A. «Universitetskij vopros» i Gosudarstvennaja дума (1906–1911 gg.) // Tavricheskie chtenija – 2008: aktual'nye problemy istorii parlamentarizma v Rossii. Vse-rossijskaja nauch-prakt. konf. Tavricheskie chtenija – 2008 / Pod red. A.B. Nikolaeva. SPb.: Muzej istorii parlamentarizma v Rossii pri MPA SNG, 2009. S. 98–133.
- Rostovcev E.A. Rossijskie mandaryny. Stolichnaja professura, studentchestvo i vlast' v nach. XX v. // Rodina. 2010. Specvypusk. Obrazovanie v Rossii: vchera, segodnja, zavtra. S. 47–52.

- Rostovcev E.A. Obzor dnevnika N.N. Platonovoj (Shamonin) // Pamjati akademika S.F. Platonova: issledovanija i materialy / Pod. red. A.Ju. Dvornichenko, S.O. Shmidt. SPb., 2011 (a). S. 43-87.
- Rostovcev E.A. Revoljucionnyje kommemoracii v Peterburgskom universite na rubezhe XIX–XX vv // Klio. 2011 (b). № 4 (54). S. 89-99.
- Rostovcev E.A. Stolichnaja professura i blagotvoritel'nost' v nachale XX v.: postanovka problemy // Vestnik Omskogo universiteta, 2012. № 1. S. 106-111.
- Rostovcev E.A. Nadezhda Nikolaevna Platonova (Shamonina): mezhdru sem'ej i naukoj // Vestnik SPbGU. Ser.2. 2013. Vyp. 4. S.44-54.
- Rostovcev E.A. Velikaja vojna» professorov // Rodina. 2014 (a). №11. S. 42-45.
- Rostovcev E.A. The Poles In The Academic Corporation of Saint-Petersburg Imperial University // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. Peterburgskie slavjanskije i balkanskije issledovanija. 2014 (b). №2. S. 194–204.
- Rostovcev E.A. Stolichnyj universitet Rossijskoj imperii: uchenoe soslovie, obshhestvo i vlast' (vtoraja polovina XIX – nachalo XX v.). M.: ROSSPJeN, 2017. 903 s.: il. (Ubi universitas, ibi Europa).
- Rostovcev E.A., Andreeva V.V. Peterburgskij universitet 1905 g. v zerkale periodicheskoi pečati // Klio. 2014. № 10 (94). S. 3–14.
- Rostovcev E.A., Andreeva V.V. Krivoje zerkalo: universitetskaja zhizn' sentjabrja-oktjabrja 1905 g // Klio. 2015. № 7 (103). S. 71–88.
- Rostovcev E.A., Sidorčuk I.V., Sidorčuk I.V. Ot Sankt-Peterburgskogo universiteta k Petrogradskomu: stolichnaja universitetskaja korporacija v fokuse pressy (ijul' – sentjabr' 1914 g.) // Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. 2015. T. 7. № 6. Ch. 2. S. 97–106.
- Rostovcev E.A., Sidorčuk I.V. Kafedra filosofii Peterburgskogo universiteta (1819–1917): kollektivnyj portret // Filosofskie nauki. 2016. № 3. S. 135–147.
- Soslovie russkikh professorov. Sozdateli statusov i smyslov / Pod red. E.A. Vishlenkovo, I.M. Save'evoj. M.: Vysshaja shkola jekonomiki, 2013. 385 s.
- Universitet i gorod v Rossii (nachalo XX veka). Pod red. T. Maurer i A. Dmitrieva. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. 385 s.
- Universitetskaja ideja v Rossijskoj imperii XVIII – nachala XX v.. Antologija: Uchebnoe posobie dlja vuzov / Sost. A.Ju. Andreev, S.I. Posohov. M.: ROSSPEN, 2011. 527 s.

Малинов Алексей Валерьевич, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета; a.v.malinov@gmail.com

A portrait of a University in a Historical Interior

The article is a review of the book by E.A. Rostovtsev “Metropolitan University of the Russian Empire: an academic class, society and power (second half of the 19th – early 20th c.)”. The book is based of archival sources, memoirs and existing studies, and is focused on the history of the St. Petersburg University, from 1884 to 1917. The genre of “collective biography” allows to reproduce the structure of the university and the university corporation (“senior” and “younger” teachers, students), relations with the “external environment” (Ministry of Education, city administration, political parties, public and scientific organizations); the participation of academics in the “liberation movement”, etc. “Collective biography” is divided into a number of “collective portraits” of the university faculties. Details are given of the “crisis” periods in university history, the “mobilization of intellect” during the First World War, the “struggle for autonomy” and its dismantling in the post-revolutionary period.

Keywords: university, corporation, autonomy, “liberation movement”, students

Alexey Malinov, D. Sc. (Philosophy), Professor, St. Petersburg State University; a.v.malinov@gmail.com

Е. Ю. КУЛИКОВА

**«ПОД НЕБОМ АФРИКИ МОЕЙ...»
О КНИГЕ ВОСПОМИНАНИЙ АПОЛЛОНА ДАВИДСОНА
«ПИСЬМА С МЫСА ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ»**

В рецензии рассказывается о книге известного историка-африканиста А.Б. Давидсона «Письма с мыса Доброй Надежды», которая включает не только воспоминания о Южной Африке, но также рассказы о политиках, ученых, писателях и путешественниках, связанных с мысом Доброй Надежды. Подчеркивается важность размышлений автора книги о взаимодействии России и Африки, о взаимопонимании и непонимании людей разных национальностей, о возможных путях сотрудничества.

Ключевые слова: *Южная Африка, противоречия, мемуары, история, имагология*

Россия и Африка... Что мы знаем об Африке, что африканцы думают о нас? Про Африку упоминается еще в «Повести временных лет», в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина. У Пушкина Африка предстает отчасти экзотической, отчасти далекой родиной, утерянной поэтом. Лермонтов поминает «степи египетские» и «вечно чуждый тени... желтый Нил». В своих «очерках» из «Фрегата “Паллада”» Гончаров приближает к нам Африку. В XIX в. в России выходит «Путешествие во внутреннюю Африку» Е.П. Ковалевского, «Алжиря» А.Н. Куропаткина, «Путешествие в Северную Африку» Л.Ф. Костенко и «С войсками Менелика II» А.К. Булатовича.

В конце XIX – начале XX в. тема Африки в русской литературе становится важной и актуальной. Африка привлекает Бунина, Бальмонта, Брюсова и Гумилева, который «сочиняет» африканский мир, исследуя его как путешественник и как поэт. Африканское пространство заняло страницы детской литературы с легкой руки Чуковского. Ноо несмотря на возникший художественный, а затем и исследовательский (когда 17 африканских стран в 1960 г. провозгласили себя независимыми) интерес, до сих пор Африка в каком-то смысле – terra incognita для белого человека. И в этом смысле книга «Письма с мыса Доброй Надежды»¹ известного историка-африканиста Аполлона Борисовича Давидсона, многое откроет читателю – историку, политологу, культурологу, да и любому человеку, которому интересен этот континент.

«Письма...» посвящены Южной Африке – ее культуре, особенностям политики – и... России. В оглавлении встречаются имена Горького и Салтыкова-Щедрина, Толстого и Лескова. В книге цитируются стихи Гумилева и Окуджавы, Галича и Надсона, Высоцкого и Поплав-

¹ Давидсон 2017.

ского. Но не только русские авторы живут на страницах «Писем»: читатель встретит «африканского» Киплинга, историка Конан Дойла, написавшего документальный труд «Великая бурская война», узнает о кейптаунских впечатлениях Марка Твена и о загадочном Клубе Совы...

И о южноафриканских писателях и поэтах пойдет речь. Об Оливии Шрейнер, влюбленной в русскую культуру (перевод ее романа «История африканской фермы» был опубликован в «Вестнике иностранной литературы» в 1893 г., повесть «Рядовой Питер Холкит из Машоналенда» – в 1897), произведения Шрейнер и статьи о ней выходили в русских журналах «Литературные вечера», «Домашняя библиотека», «Нива», «Русское богатство» и др. Об Уильяме Пломере, написавшем стихотворение «Влюбленный в Россию» и «фантазию» «Мать Камчатка», проехавшем из Кореи в Европу по Транссибирской магистрали, встречавшемся с русскими эмигрантами в Харбине. О Рое Кемпбелле – поэте «политического» характера, создававшем тексты о Ленине, троцкистах и мировых событиях в контексте русской революции.

Книга состоит из воспоминаний и размышлений не только о Южной Африке, где автор провел несколько лет, куда регулярно ездил с 1989 г., но и из рассказа о политиках, ученых, писателях и путешественниках, связанных с мысом Доброй Надежды. «Письма» открывают читателю малоизвестные имена людей, на жизнь и судьбу которых повлиял африканский континент. Например, венгр Эндре Шик, сотрудник Коминтерна по африканскому направлению, планировал издать «Историю Черной Африки» на русском языке, но после изгнания Хрущева эта идея не смогла осуществиться. Зато его «История...» вышла в Венгрии в четырех томах на английском, венгерском и французском языках. Есть в «Письмах» и рассказ о «русском охотнике-следопыте» Льве Крэгере. Наполовину русский, наполовину немец, он жил в Хабаровске и в Харбине, в Германии и Англии, а потом уехал в Мозамбик, где стал проводником для русских туристов на время охоты.

А.Б. Давидсон пишет и об африканцах, с которыми познакомился за границей: на конференции в Мапуту встретил Рут Фёрст, написавшую очерки о Юго-Западной Африке и мемуары «117 дней. Рассказ о пережитом в одиночной тюремной камере»². Его заинтересовала брошюра Р. Фёрст «Южноафриканцы в Советском Союзе», где были собраны восторженные впечатления У. Сисулу, П. Джозефа, С. Кана и др. о поездках в СССР в первой половине 1950-х. Но обсудить брошюру не удалось: в университет на имя Рут Фёрст пришел пакет с бомбой...

² Обе книги были изданы в Москве с предисловием А.Б. Давидсона в 1965 и 1967 гг. соответственно.

Многократно встречался автор «Писем» как с южноафриканскими политэмигрантами в Москве – с М. Котане, Дж. Марксом, Б. Бантингом и др., так и с английскими (Р. Оливером и Дж. Фейджем) и американскими (М. Херсковиц) африканистами.

К историям о мысе Доброй Надежды примкнули и знаменитые Дартмутские встречи, в которых А.Б. Давидсон принимал участие как специалист по проблемам Африки. Руководил русской группой Г. Арбатов, американской – Д. Рокфеллер. Дартмутские встречи, по мнению автора «Писем», «способствовали, хоть в какой-то мере, смягчению холодной войны... учили терпению, умению спокойно вести переговоры, понимать другую сторону, по-деловому аргументировать» (с. 102).

В круге рассказов о ЮАР оказалось описание «йельского» периода путешествий А.Б. Давидсона (1988–1989). Участие в Программе исследований южноафриканских проблем дало возможность Аполлону Борисовичу приехать в Америку, говорить в докладах и на обсуждениях обо «всех сторонах жизни на Юге Африки: экономике, политике, социальных и национальных отношениях, культуре» (с. 105).

Главное для А.Б. Давидсона – осмысление истории своей страны в отношении ее к другой. Автор «Писем...» размышляет о взаимопонимании (или наоборот – непонимании) людей разных национальностей, о том, что нужно видеть в африканце/американце/англичанине (и т.д.) собеседника, а не только оппонента и противника.

«Что справедливо относительно меня, справедливо относительно другого. Пока я пытаюсь высвободиться из хватки другого, другой пытается высвободиться из моей хватки; пока я пытаюсь подчинить другого, другой пытается подчинить меня»³. Эта цитата из эссе Сартра как нельзя лучше открывает проблему современного мира, где оправдываются военные действия против *других* стран, стремление их изменить, воздействовать на них. Имагологический подход в общественном сознании переплетается с идеологическим. Потому особенно актуальным в XX в. стал вопрос о соотношении *меня* и *другого* – иначе говоря, сосуществовании множества картин мира, взаимодействующих и сталкивающихся между собой, формирующих друг друга.

Нельсон Мандела в понимании А.Б. Давидсона – фигура, ставшая «символом миротворчества», того, чего так не хватает современным политикам, журналистам, историкам. «Мандела не стремился создать авторитарное государство», он сумел организовать «мирный переход от прежнего режима к тому, который назвали Новой Южной Африкой» (с. 124), подчеркивает автор «Писем». И это черта великого политика, не стремящегося подавить *другие* мнения, *другие* народы, *другие* страны.

³ Сартр 1988. С. 207.

В 1990-х гг. А.Б. Давидсон работал в разных университетах Южной Африки – в Йоханнесбурге, в Претории, в Грейамстауне, в Кейптауне, где руководил Центром российских исследований. Он приехал в Кейптаун как раз, когда выбрали президентом Манделу, – в 1994-м. Увидел, как прошел революционный переворот – «мирно, бескровно, без погромов, поджогов. Без гражданской войны» (с. 132).

Мандела подчеркнул важность открытия Центра российских исследований в ЮАР, поддержал эту инициативу. В центре изучали русский язык, читали лекции ведущие русские африканисты, приглашали ученых из России – математиков, химиков, физиков. Поддерживали Давидсона создававшие Центр С. Сондерс и В. Гиверс (они сотрудничали с инициатором основания Центра М. Волошиным), администратор Х. Амур и профессор Грейамстауна К. Хант, коммунисты Б. Бантинг и Р. Александр. Книги для библиотеки Центра покупали в магазинах на Лонг-Стрит: стихи, романы, давние петербургские издания русских поэтов и писателей, книги русских эмигрантов, переводы на африкаанс, книги о Южной Африке, Англии, Британском содружестве.

Рассказывается в книге и о старейшем английском клубе в Африке – Клубе Совы, куда был принят автор «Писем». В клубе выступали Киплинг и Марк Твен, Дж. Чемберлен и фельдмаршалы Сметс, Робертс, Китченер. Именно здесь А.Б. Давидсон познакомился со многими интересными людьми – адвокатами, художниками, журналистами.

Как филиал московского Общества Доброй Надежды был создан в Кейптауне и Русский клуб, где собирались россияне и южноафриканцы, учившиеся в России. Много разговоров об эмиграции, о России, о перестройке, о распаде Советского Союза, о западных странах, воспоминания о русских поэтах-шестидесятниках, о знаменитых артистах... А.Б. Давидсон воссоздает если не сами разговоры дословно, то атмосферу, из которой эти разговоры происходили, читатель чувствует эмоции русских, переживающих свою историю как бы заново, со стороны, и иностранцев, прикоснувшихся к этому миру.

Очень интересная часть «Писем» – обзор связей между Россией и Южной Африкой. Уже в XVII в. голландец Ван Рибек, достигнув Мыса Доброй Надежды, в своем дневнике упоминал жителей «Московии»! Есть воспоминания русских, побывавших на Юге Африки, например, книга В.М. Головина, где говорится о его путешествии из Кронштадта до Камчатки с пребыванием на Мысе Доброй Надежды в 1808–1809 гг. Упоминается также история «бурского офицера и журналиста» Е.Я. Максимова. А.Б. Давидсон нашел даже сведения, что южноафриканцы участвовали в нашей Гражданской войне – 32 офицера и два сержанта! Вероятнее всего, их было больше, полагает исследователь. Приемный сын Горького Зиновий Пешков в 1942–1943 гг.

был представителем де Голля в Южной Африке. Приводит автор и краткие биографии П.Е. Ковалева – специалиста по проблемам производства платины, и П.С. Назарова – горного инженера и геолога. Был и предшественник этих «горняков» еще в XIX в. – В.С. Реутовский.

Есть в «Письмах» и размышления о массовой эмиграции из России в Южную Африку, «в основном – еврейская эмиграция из западных частей Российской империи» (с. 246). Еврейский научный центр и кафедра иудаистики и еврейства Кейптаунского университета имеют «обширный архив и богатую библиотеку» (с. 248). Собрано огромное количество документов о раннем периоде эмиграции из России. Каждый документ представляет собой историю семьи, отдельного человека, сложную судьбу переселенцев. Давидсон воскрешает перед читателем имена этих людей: Арон Яков Абельгейм, Яков Френкель, Лазарь Хирш Левин, Арон Фридман и мн. др. Врачи и моряки, но, в основном, торговцы, служители магазинов и кондитерских, – люди, которым пришлось отказаться от своих профессий, полученных в России.

«Письма с мыса Доброй Надежды» можно читать с середины, с конца, да и вообще – с любого места, где откроется книга. Удивительное ее свойство – она погружает тебя в новый мир, такой далекий и в то же время такой близкий, интересный, захватывающий, наполненный голосами известных русских писателей и поэтов, рассказами русских путешественников и южноафриканцев, говорящих о России...

Читатель видит новые пространства, его восприятие мира расширяется. Вместо привычного Запада – Африка, да еще Южная, самая дальняя, дальше только Антарктида. И люди, оказывается, ходят там вовсе не с «песьими головами!» «Кинокефалов, или песьеглавец первоначально помещали в Африке... На карте Генриха Майнцского читаем легенду: *“Рифейские горы – граница Азии и Европы; река Танаис. Здесь живут мерзкие люди Грифа, кинокефалы”*. На Эбсторфской карте мира песьеглавец вооружен луком и стрелой, рядом значится легенда: *“Кинокефалы зовутся так, потому что у них пёсьи головы и личина; одеждой им служат звериные шкуры, а голос их – собачий лай”*. На карте мира 1550 г. просвещенного французского картографа Пьера Делье (Дьепская картографическая школа) на северо-востоке „Московии“ в области „Colmogora“ помещена миниатюра русского охотника-промысловика (или эсхатологического бойца Гога и Магога), одетого в шкуры, вместо лука и стрел в руках у него уже ружье, но вместо лица по-прежнему песья морда. В англо-нормандской картографической традиции песьеглавы перемещаются с северо-востока в Индию и в Африку»⁴. Оказывается, по мнению французов, в XVI в. и в Моско-

⁴ Фоменко 2006. С. 157.

вии жили люди с песьими головами! Так что «связи», хотя бы и мифические, между Россией и Африкой существовали еще в давние времена!

Все далекое кажется нам чуждым, непонятным и пугающим. Книга А.Б. Давидсона приближает к нам Африку, превращает ее из таинственной страны в мир, с которым хочется вести диалог, который хочется познавать, загадки которого хочется разгадывать.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Давидсон А.Б. Письма с мыса Доброй Надежды. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. 348 с.
Сартр, Ж.-П. Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм // Проблема человека в западной философии: сб. переводов с англ., нем., франц. / Сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. М., 1988.
Фоменко И. Карта мира: Эсхатологический ландшафт Средневековья // Эсхатологический сборник. СПб.: Алетея, 2006.

REFERENCES

- Davidson A.B. Pis'ma s mysa Dobroj Nadezhdy. M.: Izd. dom VShJe, 2017. 348 s.
Sartre, Zh.-P. Pervichnoe otnoshenie k drugomu: ljubov', jazyk, mazohizm // Problema cheloveka v zapadnoj filosofii: sb. perevodov s angl., nem., franc. / Sost. i po-slesl. P.S. Gurevicha; obshh. red. Ju. N. Popova. M., 1988.
Fomenko I. Karta mira: Jeshatologicheskij landshaft Srednevekov'ja // Jeshatologi-cheskij sbornik. SPb.: Aletejja, 2006.

Куликова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологии СО РАН, kulis@mail.ru

"Under the sky of my Africa...": about the book of memoirs "The letters from the Cape of Good Hope" by Apollon Davidson

The review deals with the memoirs "The letter from the Cape of Good Hope" by the famous historian-Africanist Apollon Borisovich Davidson. The book by A.B. Davidson consists of memories and reflections not only of South Africa, but also of the stories about the politicians and scientists, writers and travelers connected with the Cape of Good Hope. The author emphasizes the importance of reflections of the author "Letters..." on interaction of Russia and Africa, about processes of mutual understanding and misunderstanding between people of different nationalities, about possible ways of cooperation.

Keywords: South Africa, contradictions, memoirs, history, imagology

Elena Kulikova, Dr. Sc. (Philology), the leading researcher, Institute of philology, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; kulis@mail.ru

CONTENTS

History and Theory

<i>Kseniya Khvostova</i> Transdisciplinarity in historical knowledge	5
<i>Marina Rummyantseva</i> Philosophical foundations of the methodology of history within a Russian version of neo-Kantianism: A.I. Vvedenskii and V. Dilthey.....	16
<i>Anna Troitskaya</i> Alternative theory of portrait. “The Art of portrait” in the context of Russian theory of art.....	33

History – Memory – Identity

<i>Sergei Fyodorov</i> The Identity Processes in Medieval Wales. Terminology, Discourses, and Context of Bilingualism (Wēalas-based Nomenclature)..	48
<i>Nikolay Baranov</i> Brothers Grimm in German historical memory.....	62

Intellectual History Today

<i>Mariya Lapteva</i> Professor L.E. Kertman and the contexts and meanings of intellectual history.....	72
<i>Evgeniya Kikteva</i> Dietrich Schäfer: Historian as the Educator of the Nation in Wilhelmine Germany.....	81
<i>Nadezhda Bleikh, Larisa Dzanagova</i> The specificity of the educational trends of the peoples of the North Caucasus in the second half of 18 th – early 20 th cc.....	96
<i>M.W. Kyrchanoff</i> Intellectual archaeologies of medievalism: Identity and historical memory in Latvian medieval studies in the Soviet period (the case of Vasili Doroshenko).....	109
<i>Anton Verevkin</i> Contemporary political history in France as a project of historical synthesis.....	128

«My universities»

<i>Mikhail Gribovskiy</i> Professorial honorarium as a mirror of the “university issue” in the late 19 th – early 20 th c.....	144
<i>Vsevolod Zolotov</i> Finding identity in the time of transition.....	164

In the space of socio-cultural history

<i>Marina Bessudnova</i> Statutes of the Teutonic Order and an attempt to edit them in the XV c. The reform by Grand Master Hans von Tiefen.....	180
<i>Vasily Dudarev</i> Designing the opponent's image the Russian political elite about Otto von Bismarck....	200
<i>Mergen Ulanov, Valery Badmaev</i> Buddhist ethics and the “spirit of capitalism” (on the role of Buddhism in the socio-economic development and the modernization of Japan).....	210

Yuriy Korobkov, Olga Gnevek

Attitudes to the labour of the Ural workers
in the context of historical linguistic analysis..... 222

Vera Ustyugova

Family and other values in the films by Yevgeny Bauer (1913–1917)..... 238

Ivan Golovnev

“Terra incognita”: image of the Kamchatka Peninsula in the A. Litvinov’s film..... 257

Erden Ibraev

Evolution of the image of the British Empire and reflection in the English cinema.... 273

Nadezhda Beliacova, Vera Kliueva

“She led me to the Baptists, and I brought her to the Pentecostals”. The specificity
of communication practices in the Evangelical communities in the late USSR..... 294

History – Personality – Biography

Sergey Schevelev, Petr Pashkovsky, Evgeniy Kryzhko

An orientalist M.F. Slinkin: life and works 312

Sergei Panarin

In Royal Afghanistan (Remembrance-cum-article)..... 329

Notulae eruditae

Andrey Pavlov

‘De homine et partibus eius’ by Isidore of Seville: structure and sources..... 353

Mikhail Andreev

Dante, Petrarch, Torquato Tasso: the topos of an “exile poet”..... 359

M.E. Разиньков

The definitions of the Civil War in Russia

the terminological designation of the confrontation..... 366

Reading books...

Alexey Malinov

A portrait of a University in a Historical Interior 375

Elena Kulikova

"Under the sky of my Africa..." About the book of memoirs

"The letters from the Cape of Good Hope" by Apollon Davidson 390

CONTENTS..... 396

СОДЕРЖАНИЕ

История и теория

<i>К.В. Хвостова</i> Трансдисциплинарность в историческом знании.....	5
<i>М.Ф. Румянцева</i> Философские основания методологии истории русской версии неокантианства: А.И. Введенский и В. Дильтей.....	16
<i>А.А. Троицкая</i> Альтернативная теория портрета. «Искусство портрета» в контексте отечественного искусствознания.....	33

История – Память – Идентичность

<i>С.Е. Федоров</i> Идентитарные процессы в средневековом Уэльсе: терминология, дискурсы и ситуация билингвизма (производные от <i>wēlas</i> определения).....	48
<i>Н.Н. Баранов</i> Братья Гримм в исторической памяти немцев.....	62

Интеллектуальная история сегодня

<i>М.П. Лантева</i> Профессор Кертман в контекстах и смыслах интеллектуальной истории.....	72
<i>Е.В. Киктева</i> Дитрих Шефер: историк как воспитатель нации в вильгельмовской Германии....	81
<i>Н.О. Блейх, Л.В. Дзанагова</i> Специфика просветительских тенденций у народов Северного Кавказ во второй половине XVIII – начале XX века.....	96
<i>М.В. Курчанов</i> Intellectual archaeologies of medievalism: Identity and historical memory in Latvian medieval studies in the Soviet period (the case of Vasilii Doroshenko).....	109
<i>А.Ю. Веревкин</i> Современная политическая история во Франции как проект исторического синтеза.....	128

«Мои университеты»

<i>М.В. Грибовский</i> Профессорский гонорар как зеркало университетского вопроса конца XIX – начала XX века.....	144
<i>В.И. Золотов</i> Обретение идентичности времени перемен.....	164

В мире социокультурной истории

<i>М.Б. Бессуднова</i> Устав Немецкого ордена и попытка его редактирования в XV веке реформа Верховного магистра Ганса фон Тифена.....	180
<i>В.С. Дударев</i> Конструирование образа противника русской политической элита об Отто фон Бисмарке.....	200
<i>М.С. Уланов, В.Н. Бадмаев</i> Буддийская этика и «дух капитализма» (о роли буддизма в социально-экономическом развитии и модернизации Японии).....	210
<i>Ю.Д. Коробков, О.В. Гневэк</i> Отношение к труду рабочих Урала в контексте историко-лингвистического анализа (конец XIX – начало XX века).....	222

<i>В.В. Устюгова</i>	
Семья и другие ценности в фильмах Евгения Бауэра (1913–1917 гг.).....	238
<i>И.А. Головнев</i>	
“Тerra incognita”: описание Земли Камчатки в фильме А.А. Литвинова.....	257
<i>Е.Е. Ибраев</i>	
Эволюция образа Британской империи и отражение постимперской рефлексии в английском киноискусстве.....	273
<i>Н.А. Белякова, В.П. Клюева</i>	
«Она привела меня к баптистам, а я ее к пятидесятникам». Специфика коммуникативных практик евангельских общин в позднем СССР...	294
<i>История – Личность – Биография</i>	
<i>С.С. Щевелев, П.И. Пашковский, Е.В. Крыжко</i>	
Востоковед М.Ф. Слинкин: жизнь и труды	312
<i>С.А. Панарин</i>	
В королевском Афганистане (статья-воспоминание).....	329
<i>Notulae eruditae</i>	
<i>А.А. Павлов</i>	
«О человеке и частях его» Исидора Севильского: структура и источники.....	353
<i>М.А. Андреев</i>	
Данте – Петрарка – Тассо: топос поэта-изгнанника.....	359
<i>М.Е. Разиньков</i>	
Дефиниции Гражданской войны в России.....	366
<i>Читая книги</i>	
<i>А.В. Малинов</i>	
Портрет Университета в историческом интерьере.....	375
<i>Е.Ю. Куликова</i>	
«Под небом Африки моей...»: о книге воспоминаний Аполлона Давидсона «Письма с мыса Доброй Надежды».....	390
CONTENTS.....	396

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

62 / 2018

Главный редактор
Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1423
Тел. (495) 938-53-91
Web-страница: <http://www.roii.ru/intellect/books/index.htm>
Электронная почта: dialogue.time@yandex.ru

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Подписано в печать 01. 03. 2018
Формат 60x90 / 16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25. Тираж 600. Заказ №

Отпечатано в типографии Onebook.ru
ООО «Сам Полиграфист»
Москва, Волгоградский пр., дом 42, строение 5.
Электронная почта: info@onebook.ru
Адрес в интернете: www.onebook.ru
Тел.: +7 495 545–37–10

ISSN 2073–7564

Журнал индексируется в Российском индексе научного Цитирования (РИНЦ).
Журнал включен в диссертационный перечень ВАК по специальностям: история,
история философии, филология.
Журнал включен в каталог «Роспечать» (подписной индекс 36030).
Журнал включен в базу данных SCOPUS (с 2016 г.)
Журнал включен в базу данных WoS Core Collection
(Emerging Sources Citation Index [ESCI]) (с декабря 2017 г.)
Полные электронные версии статей представлены на сайте:
<http://roii.ru/publications/dialogue>
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законо-
дательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.).
Электронная версия — Эл. № ФС 77-53624.